

ГОДЪ 1886 VI.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

IV

Апрѣль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1886.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1886.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Апрѣль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1886.

ДВѢ СЕМЕЙНЫХЪ ИДИЛЛІИ.

ПАРАЛЛЕЛЬ СЪ НАТУРЫ *.

IV.

Полгода спустя, въ ясный полдень одного воскресенья, когда съ вышины колоколенъ городскихъ церквей и костеловъ монотонное гудѣнье разнокалиберныхъ колоколовъ возвѣщало, что обѣдня отошла и Михалова съ своей дочкой, съ молитвенниками въ рукахъ, медленною поступью возвращались изъ фары домой, между матерью и дочерью шелъ слѣдующій разговоръ:

— Что же онъ тебѣ сказалъ?—спросила первая.

— Я же тебѣ уже сказала чтó, — отвѣтила вторая съ нетерпѣливой гримасой на лицѣ.— Онъ мнѣ сказалъ, что если я хочу, то онъ постарается, чтобы и меня приняли въ хоръ.

— Многія изъ вашихъ мастерицъ состоятъ хористками?

— Нѣтъ, немногія, а нѣкоторыя; только тѣ, у которыхъ есть фигура и голосъ.

— А у тебя развѣ есть голосъ?

— Онъ говоритъ, что есть.

— Откуда онъ знаетъ, что есть?

— Говоритъ, что изъ моего разговора и смѣха онъ понялъ, что у меня есть голосъ.

— Смѣха?—переспросила Михалова, бросивъ на Марильку испытующій взглядъ.—Чему ты смѣялась?

---

* См. „Восходъ", кн. 3.

— Онъ разсказалъ намъ ужасно смѣшную исторію. Онъ знаетъ много смѣшныхъ исторій. Онъ большой шутникъ.

— Онъ парикмахеръ?

— Парикмахеръ при театрѣ.

Онѣ подошли къ перекрестку и должны были остановиться на нѣсколько минутъ въ ожиданіи проѣзда экипажей. Затѣмъ онѣ продолжали путь и разговоръ возобновился.

— Но плата такая ничтожная!—опять начала Михалова.

— Развѣ ничтожная?—удивилась Марилька. Пять злотыхъ за вечеръ. Четыре вечера въ недѣлю, такъ сколько это выходитъ?

— Положимъ, три рубля въ недѣлю. Но вѣдь почти столько же уйдетъ на бѣлье и разныя финтишлюшки. На сценѣ вѣдь нужно быть одѣтой чисто и опрятно.

— Само собою разумѣется. Однако, наши мастерицы, которыя въ хористкахъ состоятъ, часто новыя платья себѣ справляютъ, ботинки, перчатки, ленты и цвѣты себѣ покупаютъ. Стало быть...

— Гм... — многозначительно прогнусила Михалова, еще многозначительнѣе крякнувъ. — Стало быть... А гдѣ этотъ самый парикмахеръ живетъ?

— На углу Ивановской и Крещенской.

— Ты у него уже побывала?—спросила Михалова, повидимому, совершенно равнодушно.

— Фи, мама!—воскликнула Марилька почти въ сердцахъ и зардѣвшись.—Какъ ты можешь говорить такія вещи? Развѣ дѣвушкѣ прилично бывать у неженатыхъ кавалеровъ?

— Ну, хорошо,—успокоивала мать дочь свою. — Я знаю, что ты ничего неприличнаго не сдѣлаешь и отъ матери ничего не скроешь. А съ парикмахеромъ я сама поговорю. Ты ему такъ и скажи, что безъ матери ты не можешь дать ему никакого отвѣта. Мать съ нимъ увидится, потолкуетъ и скажетъ какъ быть.

Когда онѣ уже приближались къ дому, Михалова на минуту остановилась и скороговоркой произнесла, положа руку на плечо дочери:

. . . . .

— Ахъ, да, Марилька. Чуть не забыла. Я вотъ что хотѣла сказать тебѣ. Ты отцу и при отцѣ ни слова о томъ, что мы сейчасъ говорили.

— Почему?—спросила Марилька, недоумѣвая.

— А потому, что такъ будетъ лучше. Когда будетъ нужно, то я сама разскажу ему, въ чемъ дѣло.

— Пусть такъ,—согласилась Марилька, поправляя шляпку на головѣ.

Изъ сообщенія Марильки догадливая Михалова вывела безошибочное заключеніе, что «дѣло» какъ бы уже начинается, на дѣвушку уже обратили вниманіе, а потому надобно теперь смотрѣть въ оба, дѣйствовать тонко и осторожно, дабы игра стоила свѣчъ. Разумѣется, что прежде всего надобно раскусить парикмахера, узнать доподлинно, что́ у него на умѣ, не имѣетъ-ли онъ на дѣвушку своихъ собственныхъ видовъ, что́ было бы и жалко и смѣшно. Необходимо поэтому завтра же, въ понедѣльникъ, нетеатральный день, когда парикмахеръ, вѣроятно, дома, повидаться съ нимъ и поговорить обстоятельно.

Дѣйствительно, въ понедѣльникъ вечеромъ, Михалова, одѣвшись въ свои лучшія платья и сказавши мужу, что она зачѣмъ-то отправляется къ какой-то кумѣ, отправилась на уголъ Ивановской и Крещенской, мѣстожительство театральнаго парикмахера.

Не мало труда и разспросовъ ей стоило, пока она отыскала квартиру его, которая находилась на четвертомъ этажѣ, на самомъ концѣ узкаго и темнаго корридора, куда вела крутая и несовсѣмъ надежная лѣстница безъ перилъ. Когда она, кряхтя и пыхтя, поднималась по этой лѣстницѣ медленно и осторожно, чтобы не потерять равновѣсія, до слуха ея донеслись звуки настраиваемой гитары, которымъ она очень обрадовалась, такъ какъ они указывали ей, гдѣ дверь. Она руками стала ощупывать дверь и, не находя ручки, кашлянула, чтобы дать знать о себѣ.

— Кто тамъ? Леокадка?—послышалось за дверьми, и вслѣдъ затѣмъ онѣ отворились внутрь настежь, какъ одностворчатыя. Михалова, какъ снопъ, ввалилась въ комнату, съ трудомъ переводя дыханье отъ усталости и нѣкотораго волненія, внезап-

но овладѣвшаго ею. Парикмахеръ подлетѣлъ къ столу, схватилъ лампу и, поднявъ ее выше головы, сразу освѣтилъ всю комнату и себя. Комната представляла собою безпорядочное и растрепанное логовище безпутнаго холостяка, а жилецъ—молодого человѣка маленькаго роста, худого, какъ скелетъ, съ худымъ и блѣднымъ лицомъ довольно правильныхъ очертаній, которому богатая и курчавая шевелюра, широкій лобъ, маленькіе, но необыкновенно проницательные глаза, прямой и тонкій носъ, черные усики, молодецки закрученные, и тонкія губы придавали очень много пикантнаго и даже привлекательнаго.

Михалова, поклонившись молодому человѣку, сѣла на близь стоявшій табуретъ и, снявъ съ головы шерстяную косынку, начала со свойственною ей развязностью:

— Прошу у пана извиненія, во первыхъ, что я сѣла безъ церемоній: я ужасно устала, взбираясь по лѣстницѣ; во вторыхъ, что я осмѣлилась безпокоить васъ въ ночную пору, и въ третьихъ, что я не та, которую вы, вѣроятно, ожидаете.

— Это ничего, — сказалъ молодой человѣкъ, улыбнувшись и пристально всматриваясь своими маленькими глазами въ лицо своей посѣтительницы. — Но съ кѣмъ имѣю пріятность говорить?

— Я мать Марильки... виновата, панны Маріи Травинской.

— А, вотъ какъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ весело.— Очень радъ съ вами познакомиться, сударыня.

Онъ подалъ Михаловой руку и сѣлъ насупротивъ ея на кушетку, отодвинувъ въ сторону лежавшую на ней гитару.

— Славная у васъ дочка, пани Травинская, — продолжалъ онъ, закинувъ свой вихоръ за ухо.—Могу васъ поздравить съ такой дочкой, честное слово.

— Пока не съ чѣмъ поздравлять, — сочла долгомъ поскромничать Михалова.—Дѣвка — какъ дѣвка, слава Богу, что не уродъ. Но она пока въ ученье ходитъ, ничего еще не зарабатываетъ, на шеѣ у родителей сидитъ, а времена такія трудныя!

— Чтожъ, это въ порядкѣ вещей,—успокоивалъ ее парик-

махеръ.—Сперва дѣти на шеѣ у родителей, а потомъ родители на шеѣ у дѣтей. Вотъ, напримѣръ, у меня на шеѣ—старуха-мать и маленькій братишка.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, значитъ, вы добрый сынъ, не забываете ту, которая васъ родила, выростила, выкормила и человѣкомъ сдѣлала. Услуга за услугу. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что Марилька мнѣ говорила, что вы хотите взять ее въ хористки.

— То-есть, хочу только рекомендовать ее,—счелъ долгомъ поправить парикмахеръ:—принимаетъ дирекція.

— Это для меня все равно. Я хотѣла только спросить васъ, какъ человѣка опытнаго и, вѣроятно, не желающаго зла моей дочери, я хотѣла спросить васъ, что̀ проку въ ремеслѣ хористки? Плата вѣдь ничтожная, да и та уходитъ на наряды.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ парикмахеръ, взявъ гитару;—но, изволите видѣть, хористка хористкѣ рознь. Есть хористки, которыя вѣчно въ хористкахъ и остаются, пока ихъ не прогонятъ за перезрѣлостью лѣтъ; а бываютъ и такія, которыя настоящими актрисами дѣлаются. Вы пани Тумбини знаете?

— Нѣтъ.

— Она, впрочемъ, такъ только по афишѣ прозывается, а настоящее ея имя Стефка Бурачекъ, дочь фельдфебеля. Такъ вотъ эта самая Тумбини хористкой къ намъ поступила, а теперь она у насъ на водевильныхъ роляхъ и сто десять рублей въ мѣсяцъ получаетъ.

— Сто десять рублей!—воскликнула Михалова, всплеснувъ руками.

— И два полубенефиса, что̀ тоже около четырехъ сотъ рублей составляетъ, кромѣ подарковъ.

Михалова пришла въ экстазъ отъ этого краткаго очерка благополучія бывшей хористки. Она вскочила съ табурета и, схвативъ парикмахера за обѣ руки, начала чуть не со слезами на глазахъ:

— Голубчикъ, милый, хорошій! Не откажите бѣдной, но благородной женщинѣ въ ея просьбѣ. Сдѣлайте такъ, чтобы моя Марилька хоть бы половину этого получала. Чѣмъ она хуже этой фельдфебелювны? Мой мужъ унтеръ-офицеръ и

будь онъ немножко грамотнѣе, то онъ былъ бы и фельдфебелемъ, ей Богу! Да что фельдфебель: фельдфебель въ сущности тоже нижній чинъ. И коли на то пошло, то знайте, что моя Марилька...

Въ порывѣ овладѣвшаго ею стяжательнаго чувства, она чуть не проговорилась, чья дочь ея Марилька, но во-время спохватилась и заключила фразу:

— Моя Марилька... гм... такая добрая, такая послушная дочь! Если бы вы знали... Для нея, ей Богу, не грѣхъ постараться, и вы постараетесь? да? О, голубчикъ, милый! Не откажите, обѣщайте. Я на колѣняхъ прошу васъ.

И она бросилась цѣловать руки у парикмахера. Молодой человѣкъ ужасно сконфузился, онъ покраснѣлъ, ему сдѣлалось неловко. Онъ освободилъ свои руки, усадилъ Михалову на ея прежнее мѣсто, взялъ гитару, прошелся раза три своими тонкими пальчиками по ея струнамъ и началъ съ разстановкой:

— Успокойтесь, сударыня (аккордъ)... Вы меня не поняли (аккордъ)... Я вамъ растолкую (аккордъ)... Дѣло не въ происхожденіи, а въ чемъ-то другомъ. Есть графини и княгини, которыя и въ хористки не годятся, а есть бѣдныя мѣщаночки, которыя на сценѣ такъ натурально королевъ разыгрываютъ, точно онѣ въ дворцахъ родились и воспитывались. Это, словомъ, даръ Божій, по нашему, по театральному,—талантъ, понимаете?

— Понимаю, тарлатанъ, тонкая матерія.

— Ха, ха, ха!—расхохотался парикмахеръ, закинувъ голову назадъ.—Не тарлатанъ, а та-лантъ. А, впрочемъ, и вы правы: это тонкая матерія и есть, даже очень тонкая. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что насколько *я* понимаю,—а я въ этихъ дѣлахъ что нибудь понимаю, потому я десять лѣтъ при театрѣ состою, между артистами вращаюсь,—и такъ, насколько *я* понимаю, то въ вашей дочери есть не мало признаковъ, по которымъ я позволяю себѣ думать, что она у насъ долго въ хористкахъ не засидится, а ее можно будетъ двинуть впередъ.

— Ну, и двиньте. За чѣмъ дѣло стало? Я согласна.

Парикмахеръ пожалъ плечами, улыбнулся, опять прошелся пальцами по струнамъ гитары и началъ наставительно:

— Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается. Мы прежде всего послушаемъ, что капельмейстеръ скажетъ,—есть ли у нея голосъ или нѣтъ, и что изъ него можно сдѣлать.

— Марилька говоритъ, что вы изволили сказать, что у нея есть голосъ, и хорошій голосъ.

— Да, я это сказалъ, потому что мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется. Но, признаюсь, я въ этомъ дѣлѣ немного смыслю и на себя положиться не могу. Притомъ, всякіе бываютъ голоса, голосъ голосу рознь. И у кого только нѣтъ голоса? Мнѣ, напримѣръ, одно время тоже казалось, что у меня есть голосъ, и какой! И я увѣренъ, что вамъ тоже будетъ казаться, что я пѣвецъ хоть куда. Вы только послушайте.

Онъ живо настроилъ гитару, кашлянулъ и запѣлъ:

Мнѣ похвала ничуть не лестна:
Она не новость для меня;—
Мнѣ всѣ твердятъ, что я прелестна,
Полна душевнаго огня...

Или, напримѣръ:

Какъ холостыхъ мужчинъ я презира-аю:
Мнѣ тридцать пятый годъ теперь идетъ;
Въ законный бракъ вступить давно жела-аю,
Но, какъ на зло, никто ко мнѣ не льнетъ!

— А что, какъ вы думаете,—есть у меня голосъ?

— Еще бы! Дай Богъ всѣмъ молодымъ кавалерамъ имѣть такой голосъ. Съ такимъ голосомъ только и пѣть.

— Это вы такъ говорите, а метръ музыки говоритъ, что у меня голосъ, какъ у сапожника послѣ здоровенной выпивки съ мордобитіемъ.

— Чудеса, — удивилась Михалова, качая головой изъ стороны въ сторону.

— Ну, и толкуйте послѣ этого. Значитъ, во первыхъ, голосъ,—это намъ метръ музыки и скажетъ, прослушаетъ ее и скажетъ. Во вторыхъ, она должна у танцмейстера въ рукахъ побывать, чтобы выучиться ходить, сидѣть и стоять на сценѣ.

— Да это какъ же?—опять далась Михалова диву,—неужели она стоять и ходить не умѣетъ? Она уродъ, что ли?

— Она красавица, но все-таки стоять на сценѣ не

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Ужъ обѣ [illegible], пожалуйста, не [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] не [illegible]. Можете мнѣ вѣрить.

— [illegible] [illegible] [illegible]?—чуть не [illegible] Михалова, [illegible] [illegible].

— Я [illegible] не [illegible].—[illegible] [illegible] въ отчаяніе женщину [illegible] [illegible].—Говорю только, что не скоро дѣло [illegible]. [illegible] [illegible], [illegible], [illegible].

— О, [illegible], [illegible],—[illegible] Михалова чуть не со слезами на глазахъ,—[illegible], ради Бога и ради насъ, [illegible]. Мы будемъ вамъ такъ благодарны, такъ благодарны!..

[illegible] отъ [illegible] [illegible] обѣщаніе, что [illegible] [illegible], она [illegible] и ушла. Парикмахеръ съ [illegible] [illegible] ее [illegible] [illegible] [illegible], напѣвая изъ «[illegible]»:

[illegible]
[illegible]?
[illegible]
[illegible]?

— [illegible] [illegible],—[illegible] Михалова эту мысль.—Доброй ночи, голубчикъ.

— Доброй ночи, пани [illegible]. Благоволите кланяться панинѣ Маріи.

— Непремѣнно. Тутъ уже [illegible]. Будьте здоровы.

Парикмахеръ свое обѣщаніе сдержалъ: онъ постарался, и старанія его увѣнчались успѣхомъ. Марильку въ хоръ приняли, хотя капельмейстеръ нашелъ, что голосъ у нея неглубокій, весьма посредственный, и его едва-ли хватитъ на водевильный куплетикъ. Но, какъ и при поступленіи въ швейный магазинъ, она взяла своей фигурой: фигуру нашли безукоризненной. Кромѣ того, хоръ сильно нуждался въ освѣженіи, такъ какъ старыя хористки растолстѣли, отяжелѣли, охрипли и сдѣлались никуда негодными, и парикмахеръ получилъ порученіе отъ директора театра набрать хоть бы вообще молодыя, свѣжія лица. Молодое, свѣжее лицо Марильки директору понравилось.

— Но... блондинка, — жаловался директоръ, которому эта

масть, какъ видно, уже надоѣла,—все блондинки, вѣчно блондинки! Когда же онѣ у насъ переведутся?

— А гдѣ намъ взять брюнетокъ?

— Ты бы хоть двухъ—трехъ еврееочекъ подцѣпилъ, для разнообразія,—продолжалъ директоръ, старый виверъ и въ извѣстномъ отношеніи большой либералъ и въ высшей степени толерантный.—Въ красномъ ряду, между лавочницами,—ихъ гибель, одна другой лучше.

— Пробовалъ, г. директоръ, не идутъ.

— Обѣщай имъ хорошее жалованье.

— Ужъ чего я не насулилъ имъ, не идутъ, хоть озолотите.

— Ишь, канальи! Отъ шахеръ-махера онѣ, небось, не прочь, а отъ искусства морду воротятъ. Совсѣмъ отпѣтый народъ— эти жиды и жидовки.

Да, совсѣмъ отпѣтый народъ. Когда Михалова, довольная и счастливая, что ей удалось пристроить къ театру свою дочь, заикнулось было переплетчицѣ, чтобы она послѣдовала ея примѣру, переплетчица вздрогнула, плюнула и взглянула на дворничиху не то какъ на пьяную, не то какъ на рехнувшуюся.

— Это вы, пани Михалова, въ шутку или взаправду мнѣ говорите?—спросила она, вперивъ въ дворничиху пылавшій гнѣвомъ взглядъ.

— Совсѣмъ не въ шутку, а взаправду,—отвѣтила дворничиха.

— Если такъ, то знайте, что если вы еще разъ осмѣлитесь сказать мнѣ это, то я пойду къ хозяину, скажу ему одно слово—и вашей ноги не будетъ на этомъ дворѣ. Ишь, что хамувкѣ можетъ въ голову придти! Да я свою дочь лучше живою въ землю закопаю, нежели пущу ее туда, куда ты по глупости своей Марильку пустила.

— А ты увидишь, что изъ моей Марильки выйдетъ, и будешь лопаться изъ зависти и досады.

— Да что изъ нея можетъ выйти? Выйдетъ лахмитка, потаскушка.

— Да ты, жидовина, не лайся!—воскликнула Михалова, заскрежетавъ зубами и сжавъ кулаки.

— А ты, хамувка, не говори мнѣ паскудства.

— Тьфу!

— Тьфу!

Онѣ основательно расплевались и разошлись—и съ тѣхъ поръ сдѣлались злѣйшими врагами.

Встрѣчаясь на дворѣ, онѣ не глядѣли другъ на дружку, точно никогда не были знакомы между собой, — до такой степени задѣло переплетчицу за живое предложеніе дворничихи, предложеніе, показавшееся ей святотатствомъ.

V.

Замѣчательная была мастерская у перчаточника, къ которому Мэрка поступила въ ученіе.

Начать съ вывѣски. Надъ дверьми мастерской, къ переулку, красовалась большая вывѣска... только не перчаточника, а золотыхъ дѣлъ мастера. И это потому, что когда перчаточникъ открывалъ свою мастерскую, ему кстати случилось купить эту вывѣску за баснословно дешевую цѣну, и онъ ее купилъ, разумѣется, съ намѣреніемъ перемалевать ее на свой ладъ. Но исполненіе этого намѣренія все откладывалось да затягивалось, такъ что вывѣска осталась наконецъ въ своемъ первобытномъ образѣ, который съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все бо̀льшія права давности. Все, что перчаточникъ могъ и успѣлъ сдѣлать для того, чтобы вывѣска не слишкомъ вводила въ обманъ публику, это—наклеить по самой срединѣ ея силуэтъ перчатки изъ цвѣтной бумаги и попросить грамотѣя, чтобы онъ снабдилъ силуэтъ соотвѣтственною надписью. Какъ-то случилось, что грамотѣй, къ которому перчаточникъ обратился съ своею просьбою, былъ малолѣтній и немного смыслящій. Вслѣдствіе этихъ, не зависящихъ отъ перчаточника обстоятельствъ, *надъ* силуэтомъ перчатки было выведено мѣломъ слово: «Пырцатка», а *подъ* нимъ буквы: «Н. П.», подъ которыми надлежало разумѣть «Сроль Гритцъ», т. е. имя и прозваніе перчаточника. Правда, малолѣтній грамотѣй смутно сознавалъ, что можетъ быть, не мѣшало бы поставить другія буквы; но, во 1-хъ, онъ всегда находилъ, что буквы Н. и П.—самыя красивѣйшія во всей азбукѣ, а во 2-хъ, эти буквы ему всегда лучше удавались, а потому онъ на нихъ и остановился. На упреки же

сосѣдей, какъ ему не стыдно имѣть такую странную и смѣшную вывѣску, Сроль Гритцъ всегда отвѣчалъ одно и то же, что ему-де въ сущности никакой вывѣски и не нужно, потому что его заказчики знаютъ и безъ вывѣски, гдѣ онъ живетъ; но такъ какъ вывѣска ѣсть не проситъ, то пусть виситъ себѣ какъ есть; все-таки лучше что нибудь, чѣмъ ничего. И Сроль Гритцъ говорилъ правду: онъ въ вывѣскѣ въ самомъ дѣлѣ не нуждался, потому что главными заказчиками его были другіе перчаточники, которые завалены были работой и у которыхъ рукъ не хватало для выполненія большихъ заказовъ, большею частью срочныхъ. Они и сдавали часть заказовъ Гритцу, который работалъ вообще недурно и очень дешево.

Не менѣе вывѣски былъ замѣчателенъ и весь персоналъ мастерской, члены котораго какъ будто нарочно были кѣмъ-то подобраны и помѣщены на одномъ мѣстѣ, дабы они дополняли другъ друга и общими усиліями превращали ремесленное заведеніе въ нѣчто, менѣе всего похожее на такое заведеніе.

Возьмемъ, напримѣръ, прежде всего главу этого персонала, т. е. Сроля Гритца самого. Валяясь почти съ самаго ранняго дѣтства въ разныхъ мастерскихъ, онъ, Богъ знаетъ какими судьбами и вслѣдствіе какихъ вліяній и впечатлѣній, вынесъ оттуда весьма слабую склонность къ ремеслу, но очень сильную любовь, почти страсть, къ чтенію, хотя грамотность его сильно хромала, и онъ понималъ изъ пятаго слова на десятое. И чѣмъ меньше онъ понималъ, тѣмъ больше онъ былъ увѣренъ, что понимаетъ, такъ какъ о своей природной догадливости былъ очень высокаго мнѣнія. «Дѣло не въ словѣ, а въ мысли, а мысль я понимаю»,—утѣшалъ онъ себя, понимая и толкуя слова по своему, отчего получались результаты въ высшей степени оригинальные. Любилъ онъ читать въ особенности газеты, разумѣется, еврейскія. Для этой цѣли, онъ разными правдами и неправдами, то выпрашивая, то утаскивая, доставалъ старые номера «Гамагида и «Гамелица», надъ которыми просиживалъ всѣ свободные отъ занятій часы, т. е. большую часть дня, читая, перечитывая и *ощупью* добираясь до приблизительнаго смысла напечатаннаго. А изъ напечатаннаго его занимала преимущественно политика; внутрен-

ній же отдѣлъ, т. е. извѣстія объ открытіи больницъ, освященіи синагогъ и дракахъ въ нихъ изъ-за *аліэсъ*, его нисколько не интересовали.

— Да ну ихъ,—говаривалъ онъ,—натыкаясь на эти извѣстія.—Эка важная новость, что въ Гомелѣ подрались, въ Мозырѣ подрались! И гдѣ только не дерутся въ синагогахъ? И гдѣ такъ удобно драться, какъ въ домѣ Божіемъ? Городового нѣтъ, протокола не составляютъ, къ мировому не тащутъ. А руки чешутся,—ну, и вцѣпляешься въ бороду того, въ пейсы другого. Очень нужно печатать такія глупости! А что до больницъ, то—открывай ихъ или не открывай—бѣдному человѣку все равно негдѣ лѣчиться, потому всѣ деньги на смотрителей и врачей уходятъ, а харчи фельдшера, сидѣлки и кухарки растаскиваютъ; бѣдный же больной лежи на койкѣ и гляди на вентиляторъ, который воздухъ тебѣ доставляетъ: воздухомъ кормись, воздухомъ и лечись. Стало быть, все это хорошей луковицы не стоитъ.

А въ политикѣ его въ высшей степени интересовали не столько самыя событія, которыя не касались его ни прямо, ни косвенно, сколько то необъяснимое обстоятельство, что вотъ «писари газетъ», т. е. редакторы, сидятъ, кажется, на одномъ мѣстѣ, никуда не выѣзжая, а знаютъ, что дѣлается на всемъ свѣтѣ, даже въ Америкѣ и Обстраліи, куда даже по желѣзной дорогѣ нужно ѣхать Богъ знаетъ сколько лѣтъ! Мало того: они предусматриваютъ и предсказываютъ, что̀ будетъ, кто съ кѣмъ будетъ воевать, кто кого хорошенько поколотитъ и кто будетъ просить пардону—и никогда не ошибаются. Кромѣ того, ихъ не можетъ провести даже самъ Бисмаркъ; они угадываютъ и понимаютъ самыя его хитрѣйшія хитрости, знаютъ, что́ думаютъ и даже что будутъ думать Гладстонъ, Гамбетто и султанъ турецкій. Словомъ, они какіе-то пророки, чародѣи. Это его радовало, какъ еврея, и удивляло, какъ простого перчаточника, который въ чародѣйствѣ ничего не понимаетъ.

— А, впрочемъ,—говаривалъ онъ себѣ часто;—чему тутъ удивляться? Еврейскія головы,—«открытые мозги». Чего только не пойметъ еврейская голова!.. Но,—вздыхалъ онъ,—что̀ значитъ «голусъ», «ришесъ»!.. Если бы не ненависть и зависть

къ намъ христіанъ, то нашихъ писарей газетъ кесари пригла-шали бы въ свои дворцы, совѣтовались бы съ ними, какъ вести царство, что и какъ дѣлать,—тогда все пошло бы ладно, пере-стали бы воевать и кровь проливать, на свѣтѣ было бы много парносе, евреи жили бы себѣ спокойно и Богу бы служили, да и больной султанъ турецкій выздоровѣлъ бы наконецъ... А впрочемъ,—утѣшалъ онъ себя,—если *они* этого не дѣлаютъ, то тѣмъ хуже для *нихъ* ..

Сося, жена Сроля, должно быть, по ошибкѣ или капризу судьбы попала въ жены къ бѣдному перчаточнику. Несо-мнѣннымъ же ея призваніемъ было служить сестрою милосердія или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Ея склонность къ благотворенію не знала границъ. Не смотря на свою бѣдность, она была доб-рымъ геніемъ всего околодка, покровительницей всѣхъ сирыхъ и несчастныхъ, къ которымъ она поспѣшала на помощь съ истин-нымъ самоотверженіемъ. Нужно-ли было пристроить какую нибудь бѣдную невѣсту, у которой не хватало на самое необ-ходимое для свадьбы—Сося обѣгала весь околодокъ, собирала по грошамъ, прикладывала и свой грошъ и—пристроивала. Нуждалась-ли бѣдная роженица въ уходѣ, Сося бросала свой домъ, просиживала дни и ночи у постели больной, за которой ухаживала, какъ за родной сестрой. Умирала-ли какая нибудь горемычная вдова въ полномъ одиночествѣ, Сося не покидала умирающей до самаго финала катастрофы, утѣ-шала ее, услаждала ея послѣднія минуты чѣмъ могла, читала надъ нею и съ нею отходную исповѣдь, принимала ея послѣд-ній вздохъ, закрывала ея глаза и плакала надъ нею, какъ надъ родной. Шатался-ли какой нибудь мальчикъ-сирота безъ дѣла и обученія, Сося обивала пороги у всѣхъ гвировъ и ста-ростъ благотворительныхъ заведеній, просила, умоляла, пла-кала, хлопотала, пока ей не удавалось пристроить сироту къ талмудъ-торѣ или къ какому нибудь хедеру, «дабы онъ на-учился по крайней мѣрѣ Богу молиться». И надобно отдать справедливость Сролю Гритцу: не смотря на то, что подвиги его жены отвлекали ее отъ ея прямыхъ обязанностей хозяйки, вслѣдствіе чего въ домѣ всегда господствовалъ полнѣйшій ха-осъ, онъ ей однакоже не мѣшалъ, во первыхъ, потому, что

онъ самъ былъ человѣкъ добрый, и, во вторыхъ, во внима[нiе] къ тому, что жена, съ своей стороны, не мѣшала ему чит[ать] газеты.

— Каждому свое, — говаривалъ онъ. — Моя Сося любит[ъ] *мицвесъ* (благотворенiе),—пусть творитъ мицвесъ; я люблю чи[]тать газеты—и читаю. Человѣкъ человѣку мѣшать не долженъ. Я и въ своихъ газетахъ, помнится, читалъ, что во Францi[и] была когда-то большая *мегуме* (революцiя) изъ-за того, чтобы каждому человѣку вольно было дѣлать, что ему угодно, лишь бы онъ не воровалъ, не убивалъ и другихъ пакостей не дѣлалъ.

Если Сроль и Сося, по своимъ темпераментамъ и нравствен[]нымъ качествамъ, представляли въ домѣ положительный эле[]ментъ, то находившiеся въ мастерской на обученiи дѣва Добка и бахуръ Хононъ представляли собою элементъ отрицательный со специальными оттѣнками.

Добка, какъ перезрѣлая и менѣе всего благообразная дѣв[]ственница, дожившая уже до двадцать седьмой весны своей никому не нужной жизни, поступила въ мастерскую Сроля Гритца только подъ предлогомъ изученiя перчаточнаго ремесла; на самомъ же дѣлѣ — чтобы дать естественный исходъ трево[]жившимъ ея умъ мыслямъ и волновавшимъ ея сердце чувствамъ. Само собою разумѣется, что эти мысли и эти чувства, какъ у всякой старой, некрасивой и притомъ ужасно небогатой дѣвы, были не совсѣмъ отраднаго свойства. Озлобленiе, зависть, скука, тоска, отчаянiе—вотъ что почти ежеминутно чередова[]лось въ ней, смѣняя одно другое. И положенiе этой, вообще не глупой и не безчувственной дѣвицы было бы невыносимо, если бы она не находила нѣкотораго облегченiя, утѣшенiя, почти удовлетворенiя... въ жаргонныхъ виршахъ и пѣсняхъ нашихъ народныхъ сатириковъ, юмористовъ и памфлетистовъ. Эти вирши и пѣсни ѣдко-сатирическаго и безпощадно бичую[]щаго содержанiя, въ которыхъ всякая вещь безцеремонно и безцензурно названа ея настоящимъ именемъ и въ которыхъ авторы никогда не мѣтятъ въ бровь, а всегда въ глазъ,—давали конкретное выраженiе всему тому, что̀ она, въ глубинѣ возму[]щенной души своей, имѣла сказать этому жестокому, глубоко испорченному, несправедливому и обижающему ее мiру. А по-

му она съ неутолимою жаждою мести прислушивалась къ нимъ, записывала ихъ, изучала наизусть и пѣла съ чувствомъ, съ пѣной у рта и чуть не со сжатыми кулаками, пѣла громко, съ пафосомъ, благо она обладала здоровеннымъ голосищемъ ротнаго запѣвалы. Съ особенною же любовью она изучала и пѣвала дѣйствительно замѣчательныя въ своемъ родѣ пѣсни даровитаго, прогрессивнаго, почти просвѣщеннаго народнаго пѣвца, сатирика и безпощаднаго обличителя, Эльякума Цунзера, пользующагося громкой славой между евреями всего западнаго края, и не даромъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что если бы не недоступный для образованнаго міра еврейскій жаргонъ, имя Цунзера было бы знакомо далеко за предѣлами Литвы и Польши.

Пѣсни этого-то Цунзера и составляли спеціальность горемычной Добки. Она ихъ пѣла и чаще, и охотнѣе. Нужно было видѣть, до какого экстаза она доходила въ пѣсняхъ «О замаскированномъ мірѣ», «Испорченномъ воспитаніи», «О цвѣткѣ», «О птичкѣ» и т. п. Нужно было слышать, съ какой бездонной грустью, смѣшанной съ затаенной надеждой, она цитировала рыдающимъ голосомъ слѣдующую строфу изъ пѣсни «О птичкѣ», которую она, вѣроятно, примѣняла къ себѣ:

Ich werd' onhojben zu geniessen
Von dem Thau, dem süssen,
Und werd' singen ojch
Mit mein Stimm in der hoich!
Ach, wie derleb ich schojn,
Zu steh'n auf'm Bojm,—
Und vergèssen on all mein Leid,
Zu singen noch a mol
Mit mein süssen Kol (голосъ)
Für mein Leid geniessen etwos Freud!

Но въ домѣ ея отца было мало простору для ея сердечныхъ изліяній, въ которыхъ она нуждалась, какъ въ воздухѣ и пищѣ. Отецъ ея былъ по профессіи меламедъ, содержалъ въ домѣ хедеръ изъ двухъ десятковъ полудикихъ мальчугановъ; слѣдовательно, было довольно шуму и гаму и безъ нея,—гдѣ же было развернуться ей «въ минуты жизни трудныя»? А эти

минуты наступали очень часто, потому что у нея были и умъ, и чувства, и воображеніе, и все это жаждало лучшаго. Вотъ она и подобрала себѣ мастерскую Сроля-перчаточника, въ которой, какъ она узнала стороной, много свободнаго времени и пространства, и стала коротать въ ней свои слишкомъ длинные дни въ ожиданіи чуда—въ образѣ какого нибудь баснословнаго жениха, не ищущаго ни денегъ, ни красоты, ни даже молодости, а только ума и сердца, чѣмъ она достаточно богата.

Сидя за столомъ и возясь, для проформы, съ кускомъ лайки или замши, она давала волю своему голосу, кончая одну пѣсню и начиная другую. Сроль Гритцъ ничего противъ этого не имѣлъ, потому что пѣсни Добки никакого ущерба его диллетантству въ перчаточномъ производствѣ не наносили; не имѣла ничего противъ этого и Сося, потому что она вообще рѣдко бывала дома, будучи занята на сторонѣ дѣлами благотворенія.

Коллегой Добки по мастерской былъ длинный и рябой бахуръ Хононъ, здоровенныя, мускулистыя руки котораго годились лучше для молота кузнеца, нежели для иголки перчаточника. По темпераменту и всему своему существу онъ былъ совершенною противоположностью Добки. Если она была уже слишкомъ голосиста и сообщительна, то онъ былъ уже слишкомъ молчаливъ и сосредоточенъ. Его молчаливость и сосредоточенность пріобрѣли ему въ мастерской кличку «философа», и онъ философомъ дѣйствительно и былъ. Мало того: онъ былъ даже вольнодумцемъ — и самаго радикальнаго свойства. А сдѣлался онъ философомъ и вольнодумцемъ отъ прилежнаго чтенія жаргонной литературы, получившей въ послѣднія пятнадцать лѣтъ между низшими слоями еврейскаго населенія въ Россіи необыкновенное развитіе и большую популярность. Въ этомъ отношеніи между Хонономъ и Добкою было нѣчто общее: они оба развивались на жаргонной литературѣ, съ тою лишь разницей, что Добка налегала на поэзію, а Хононъ—на прозу.

Вотъ эта-то проза и произвела большой переворотъ въ его мысляхъ и унаслѣдованныхъ убѣжденіяхъ, и изъ бахура набожнаго, консерватора, почти фанатика, сдѣлала вольнодумца. И это потому, что эта проза, будучи, большею частью, продуктомъ досужей фантазіи и колеблющагося ума людей полу-

образованныхъ или вовсе необразованныхъ, отличается такимъ безшабашнымъ радикализмомъ, который недопустимъ, невозможенъ, немыслимъ въ народныхъ литературахъ другихъ народовъ.

Ради краснаго словца, плохой шуточки и щегольства ухарствомъ, иной жаргонистъ, по большей части какой нибудь озлобленный и испорченный до мозга костей выходецъ изъ деморализованнаго ешибота, не остановится ни предъ чѣмъ, рубитъ съ плеча, совершенно забывая, что его праздное слово, кощунственная острота попадетъ въ темную массу, толпу, чернь, принимающую все печатное за откровеніе свыше, а потому—вѣрное, непреложное.

И вотъ, читая лубочныя издѣлія нашихъ *бойкихъ* жаргонистовъ, осмѣивающихъ не столько слабости и пороки, сколько тотъ или другой религіозный обрядъ, ту или другую народную традицію, повѣрье, обычай,—нашъ бѣдный и недалекій бахуръ мало по малу пришелъ къ заключенію, что если смѣшна *миква*, то смѣшна и вся религія и все, что люди чтятъ и чему поклоняются. Смѣшны, пожалуй, и десять заповѣдей, мѣшающихъ человѣку дѣлать, что ему выгодно или пріятно. И онъ сдѣлался бы злодѣемъ или вообще безнравственнымъ, ничѣмъ не стѣсняющимся человѣкомъ, если бы не его врожденная честность и инстинктивное отвращеніе ко злу, лжи и обману. И хотя онъ не думалъ и ни за что не рѣшился бы выступать изъ предѣловъ нравственности, однако же его нравственное существо было раздвоено, и оно блуждало въ лабиринтѣ сомнѣній, догадокъ и противорѣчій, изъ которыхъ онъ не зналъ никакого выхода. То ему казалось, что для того, чтобы выйти изъ бѣдности, ему стоитъ только забраться ночью въ домъ одного знакомаго ему большаго гвира, въ которомъ онъ зналъ всѣ входы и выходы—и дѣло будетъ въ шляпѣ; то онъ былъ увѣренъ, убѣжденъ, что укради онъ у Сроля Гритца кусокъ лайки, онъ сгоритъ со стыда, совѣсть загрызетъ его и онъ повѣсится. Вотъ почему онъ былъ молчаливъ, сосредоточенъ и углубленъ въ самого себя, какъ мыслитель, трудящійся надъ разрѣшеніемъ головоломной проблемы.

Жаргонная литература, впрочемъ, принесла ему пользу и

нѣкоторое душевное успокоеніе тѣмъ, что, попадая иногда на хорошо обдуманныя произведенія тѣхъ просвѣщенныхъ, понимающихъ свое призваніе жаргонистовъ, которые расхваливаютъ производительный трудъ, ремесла и вообще честныя занятія, онъ ухватился за пропагандируемыя ими здоровыя идеи, какъ за якорь спасенія, и держался ихъ крѣпко. Какъ ни артачились его родители, бывшіе когда-то довольно зажиточными обывателями, а потому считавшіе униженіемъ своего достоинства, если сынъ ихъ будетъ ремесленникомъ, онъ настаивалъ и поставилъ на своемъ. Но такъ какъ никто изъ порядочныхъ мастеровъ не рѣшался взять въ ученіе такого великовозрастнаго бахура, съ какимъ-то мрачнымъ, задумчивымъ и загадочнымъ лицомъ, то Хононъ, волей-неволей, долженъ былъ помириться съ диллетантской мастерской Сроля Гритца.

Такимъ образомъ, болѣе невинную и болѣе соотвѣтствующую видамъ Шмуля Стоклишкера мастерскую трудно было и придумать. Въ ней Мэрка не подвергалась опасности ни изнурять себя трудомъ, ни сдѣлаться легкомысленной и пересмѣшницей, подобно мастерицамъ болѣе бойкихъ мастерскихъ: въ этой мастерской трудъ былъ предметомъ не очень обязательнымъ, а легкомысліемъ никто изъ членовъ ея не страдалъ. Все, что Мэркѣ угрожало, это — сдѣлаться или пѣвуньей, подобно Добкѣ, или начитанной въ жаргонной литературѣ, подобно Хонону; но отъ этихъ качествъ до положительнаго легкомыслія —далеко.

Какъ бы для нагляднаго указанія, что въ этой мастерской нѣтъ мѣста ни усиленному труду, ни легкомыслію, въ самый день поступленія Мэрки въ мастерскую Добка затянула одну изъ своихъ заунывнѣйшихъ пѣсень, отъ которой у Мэрки защемило сердце, а угрюмый Хононъ, взглянувъ раза два на новоприбывшую, зѣвнулъ, положилъ руки на столъ, а на руки голову и—задумался или заснулъ. Что же касается самого мастера, то онъ, подсѣвъ къ окошку съ нумеромъ «Гамагида» въ рукѣ, погрузился, вмѣстѣ съ редакторомъ этой газеты, въ разрѣшеніе какой-то очень запутанной политической комбинаціи, поставившей втупикъ, какъ сказано было въ газетѣ, самого

Бисмарка. Когда же Мэрка, постоявъ и посидѣвъ въ разныхъ мѣстахъ мастерской, спросила:

— А мнѣ что дѣлать?

— Сейчасъ и тебѣ дамъ работу,—отвѣтилъ мастеръ и, отложивъ на минуту газету, подошелъ къ рабочему столу, выдвинулъ ящикъ, вынулъ изъ него какой-то грязный мячикъ и, передавая его Мэркѣ, сказалъ:

— Вотъ, зашивай пока эти распоровшіеся швы. Добка, покажи ей, какъ это дѣлать. Мячикъ пригодится для Велвеле. Да, Велвеле?

— Да,—отвѣтилъ валявшійся на полу мальчуганъ.

VI.

Хотя дворникъ Михалъ, какъ читателямъ извѣстно, весьма не одобрялъ поступленія Марильки въ хористки, однакожъ, съ теченіемъ времени, онъ помирился съ этимъ, не давая, впрочемъ, замѣтить женѣ этой совершившейся перемѣны въ его образѣ мыслей. Какъ онъ ни былъ простъ и глупъ, его, однако же, на нѣкоторую хитрость хватало; у дураковъ, обыкновенно, на хитрость только и хватаетъ ума: хитрость — оборонительное орудіе, данное имъ природой.

А помирился онъ не потому, чтобы сталъ находить полезнымъ или незазорнымъ пребываніе неопытной и красивой дѣвушки въ театральномъ омутѣ, а оттого, что это пребываніе доставляло ему нѣкоторыя пріятности: простолюдины иногда такъ звѣрски-эгоистичны! Дѣло въ томъ, что новое положеніе дочери во первыхъ, давало ему, отъ времени до времени, законный поводъ выпивать лишнюю рюмку. Такъ, напримѣръ, сидя въ театральный вечеръ въ дворницкой и не ложась спать въ ожиданіи Марильки, онъ, бывало, начнетъ, будто съ негодованіемъ:

— Вотъ уже одиннадцать безъ четверти, а нашей дѣвки еще нѣтъ. Богъ знаетъ, гдѣ и съ кѣмъ она теперь шляется.

— Не шляется она!—крикнетъ Михалова.—Въ театрѣ она. Какъ окончится игра, такъ и придетъ, какъ и всегда приходитъ.

— Толкуй! Много ты знаешь. Ты, небось, услѣдишь за глупой дѣвчонкой.

— Умнѣе она тебя, — вотъ что я тебѣ скажу!

И начнется перебранка по всѣмъ правиламъ искусства, перебранка, всегда оканчивавшаяся тѣмъ, что Михалъ плюнетъ, встанетъ, накинетъ на себя свитку и бѣжитъ въ кабакъ заливать свое горе и гнѣвъ. Это—во первыхъ.

Во вторыхъ, въ нетеатральные вечера Марилька имѣла привычку разсказывать родителямъ обо всемъ, происходившемъ въ театрѣ, причемъ она, по своей ограниченности и безтолковости, смѣшивала происшествія за кулисами и въ фойе съ драматическимъ дѣйствіемъ на сценѣ, такъ что Михалъ и Михалова, въ особенности же первый, какъ менѣе опытный, принималъ дѣйствительность за фикцію и наоборотъ. Но какъ одна, такъ и другая, равно его интересовала или забавляла. Изъ разсказовъ же Марильки, Михалъ и Михалова были уже заочно знакомы почти со всѣмъ театральнымъ персоналомъ, отчего разсказы эти имѣли для нихъ особенный интересъ.

Такъ, напримѣръ, Марилька вдругъ скажетъ:

— Пани Тумбини дала пощечину пану режиссеру.

— За что?—спросятъ Михалъ и Михалова.

— За то, что онъ, проходя мимо, ущипнулъ ее.

— И подѣломъ этому нахалу! — одобряютъ Михалъ и Михалова.

Или:

— Ахъ, папочка, если бы ты видѣлъ, какъ вчера подрались г-нъ Ивановъ съ г-номъ Петровымъ!

— Подрались?—спроситъ Михалъ.—Какъ же это? Они же, кажется, такіе друзья! Давеча ты, помнится, разсказывала, что они вмѣстѣ шампанское пили и ура кричали.

— Это было на прошлой недѣлѣ, когда они дѣлили между собою наслѣдство стараго графа Сенъ-Реми; а вчера подрались.

— И дрались здорово?

— На шпагахъ.

— На шпагахъ? Что я слышу! Что же полиція?

— Полиціймейстеръ сидѣлъ въ креслахъ, смотрѣлъ и ничего не сказалъ, а только подозвалъ къ себѣ дежурнаго при-

става и велѣлъ ему стащить съ галерки какого-то буяна, который очень шумѣлъ и кричалъ bis. Его отправили въ участокъ.

— А-ван-ту-ры!—протянетъ Михалъ, удивляясь не то удивительной снисходительности властей, не то заядлости Иванова и Петрова.—И за что они подрались?

— За то, что Ивановъ хотѣлъ жениться на пани Клепишевской, и Петровъ тоже хотѣлъ.

— Что я слышу! Жениться на Клепишевской? Они развѣ съ ума сошли? У Клепишевской вѣдь мужъ есть, который тоже на вашемъ театрѣ штуки показываетъ.

— Но по тетрадкамъ выходило, что они должны были хотѣть жениться.

— Что же мужъ, панъ Клепишевскій, ничего не говорилъ?

— Панъ Клепишевскій сидѣлъ въ уборной, пуншъ пилъ и сигару курилъ, потому что онъ въ этотъ вечеръ не игралъ.

— А-ван-ту-ры!

Изъ-за этихъ-то разсказовъ о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, Михалъ кое-какъ мирился съ пребываніемъ Марильки въ театрѣ и придирался къ этому пребыванію только тогда, когда нутро его уже слишкомъ настойчиво требовало сверхштатной выпивки.

Но за то сама Михалова съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе мирилась съ артистической карьерой своей дочери и въ душѣ почти сожалѣла, что поставила ее на эту дорогу. Дѣло въ томъ, что уже шелъ второй годъ отъ поступленія Марильки въ театръ, а та не подвигалась впередъ ни на шагъ, оставаясь въ толпѣ дешевыхъ хористокъ, безъ малѣйшихъ видовъ даже на самую ничтожную прибавку жалованья. Стало быть, возлагавшіяся на Марильку надежды не оправдываются, а можетъ быть, никогда не оправдаются. Это ввергло ошибшуюся въ своихъ разсчетахъ дворничиху въ большое уныніе, тѣмъ болѣе, что ей уже надоѣло отказывать себѣ во многомъ, утаивать отъ мужа нѣкоторые заработки, дабы держать туалетъ Марильки въ надлежащемъ порядкѣ.

А тутъ еще изъ-за театра и бѣда случилась: мадамъ прогнала Марильку изъ магазина. Въ первомъ году мадамъ какъ-

то не замѣчала частыхъ отлучекъ дѣвушки изъ мастерской въ неурочное время, тѣмъ болѣе, что прочія мастерицы, жившія въ ладахъ съ нашей юристкой, ловко скрывали ея отлучки въ городъ для свиданій. Но на второй годъ вышелъ какой-то грѣхъ: или Марилька сама была уже слишкомъ неосторожна, или кто-то изъ мастерицъ удружила ей, — довольно того, что мадамъ, разъ поймавъ ее на дезертирствѣ, въ одну минуту рѣшила ея участь: женщинамъ, въ особенности дѣловымъ, великодушіе и прощеніе чужды.

— Такая мастерица мнѣ не нужна, — сказала она коротко и ясно, съ хладнокровіемъ неумолимаго деспота; — завтра, милая, не трудись больше приходить. — Сказала — и указательнымъ пальцемъ правой руки гордо и величественно указала на дверь.

Бѣдная, униженная и оскорбленная дѣвушка вернулась домой разбитая, отчаянная и въ слезахъ. Разсказавъ рыдающимъ голосомъ и отрывистыми словами о томъ, что́ случилось, она бросилась на кровать и стала рвать на себѣ волосы.

Остолбенѣвшая Михалова на минуту онѣмѣла, но потомъ, придя въ себя, всплеснула руками, зарыдала, или, точнѣе, зарычала, какъ уязвленный звѣрь. Михалъ же, заскрежетавъ зубами и сжавъ кулаки, загремѣлъ на всю дворницкую:

— А что, моя умница пустоголовая? Не говорилъ я тебѣ: не губи дѣвку? Учится мастерству, — нехай учится и ты ей не мѣшай. Но ты вѣдь фанаберія, куда какъ умнѣе мужа, никодимскаго служаки, который подъ Севастополь ходилъ, съ туркой и англикомъ сражался. Ну, вотъ тебѣ и театръ. Любуйся!

— Но я такъ не оставлю! — кричала Михалова не своимъ голосомъ. — Я къ ней пойду, буду валяться у ногъ ея, буду просить, умолять, плакать, или... глаза выцарапаю этой подлой мадамѣ.

— О, не ходи, мама! — взмолилась Марилька. — Тебя тамъ обидятъ. Я со стыда умру. Да и ничего не поможетъ: она злая-презлая, безъ души, безъ сердца.

— Ну, вотъ и ломай теперь голову, что дѣлать съ дѣвкой, — продолжалъ Михалъ допекать свою обремизившуюся половину. — Отъ магазина она отбилась, ремеслу не научилась, а дома держать ее тоже не способъ, потому — на что она теперь годится?

За метлу и лопату уже не возьмется, потому — уже паненка, барышня, на театрахъ играетъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ щеголяетъ и въ ботинкахъ ходитъ. Такую барышню подметать улицу или дворъ уже не двинешь; нѣтъ, шалишь. Что же ты съ нею будешь дѣлать?

— Не твое дѣло, болванъ ты этакій! — гаркнула на него Михалова.

— Не мое дѣло? Такъ что же мое дѣло?

— Твое дѣло сходить въ кабакъ.

— И схожу. Ты думаешь, не схожу? А вотъ, на зло тебѣ, схожу, сейчасъ, сію минуту.

И, чтобы доказать, что онъ иногда умѣетъ поставить на своемъ, онъ надѣлъ шапку, накинулъ на себя свитку и, хлопнувъ дверью, пошелъ туда, откуда сухимъ никто не приходитъ.

Вѣсть о непріятномъ случаѣ съ Марилькой дошла до переплетчицы въ тотъ же самый день, Богъ знаетъ какими путями. Хотя переплетчица со времени своей крупной перебранки съ дворничихой прекратила съ ней всякія дружескія сношенія, однакожъ, ей стало жаль Марильки, потому что она любила эту дѣвушку и желала ей добра, какъ подругѣ ея дочери. А потому, встрѣтившись съ Михаловой вечеромъ на дворѣ, она дружелюбно проговорила:

— Вы, пани Михалова, однако же, не убивайтесь слишкомъ. Развѣ въ городѣ одинъ модный магазинъ и есть? Есть ихъ множество, и въ нѣкоторые я даже вхожа и съ ихъ мадамами очень хорошо знакома, потому онѣ иногда у меня товаръ покупаютъ. Вотъ если хотите, то могу и отрекомендовать Марильку. Мадамы мнѣ не откажутъ, онѣ ее примутъ.

— Благодарю васъ, пани Шмулева,—отвѣтила дворничиха сухо и съ грустью.—Не трудитесь, не надо. Я уже сама какъ нибудь улажу дѣло.

— Какъ вамъ угодно. Но когда будетъ нужно, то вы мнѣ скажите, и я своихъ трудовъ не пожалѣю, потому что Марилька очень хорошая дѣвушка, и я отъ всего сердца желаю ей добра.

— Благодарю, пани Шмулева, очень благодарю.

Дабы уладить дѣло, Михалова, вечеромъ слѣдующаго дня,

отправилась къ театральному парикмахеру, какъ главному виновнику постигшаго ея дочь несчастія.

— А, пани Травинская!— весело привѣтствовалъ ее всегда веселый парикмахеръ.—Очень радъ, очень радъ. Садитесь, пожалуйста, вотъ здѣсь, поближе къ столу. Мы кстати чайку попьемъ и потолкуемъ.

— За чай благодарствую, а потолковать потолкуемъ,—проговорила Михалова, садясь и снимая съ себя свой теплый платокъ.—Я затѣмъ и пришла, чтобы потолковать, съ вашего дозволенія.

Парикмахеръ налилъ въ стаканы, пододвинулъ къ своей гостьѣ коробку изъ-подъ сардинокъ, заступавшую мѣсто сахарницы, усѣлся на кушеткѣ и, взявъ гитару въ руки, спросилъ:

— Что хорошенькаго вы мнѣ скажете, пани Травинская?

— Увы, ничего хорошаго, — отвѣтила Михалова со вздохомъ.— Потому — скверно.

— Скверно?

— Совсѣмъ скверно. Съ моей Марилькой бѣда случилась: мадама отказала ей отъ магазина, совсѣмъ отказала.

— Отказала? За что?

— А все изъ-за вашихъ театровъ. Дѣвка пять минутъ отлучилась на *перпетицію*, мадама это замѣтила, взяла и отказала. Вотъ я и пришла посовѣтоваться съ вами, чтó мнѣ дѣлать съ нею?

— Съ кѣмъ это?

— Разумѣется, съ Марилькой: съ мадамой и дѣлать-то нечего. Разъ сказала и стоитъ на томъ. Я уже и просила ее, и умоляла, — лгала Михалова, — и моей святой патронкой божилась ей, что впредь дѣвка въ театръ ни-ни, а она все свое: нѣтъ, нѣтъ, да и баста.

— Такъ вы ее въ другой магазинъ.

— Пробовала и въ другой, и въ третій, и въ четвертый, — продолжала лгать Михалова,—вездѣ отказъ, потому вездѣ комплектъ полный и даже съ верхомъ, дѣвать некуда.

— Это въ самомъ дѣлѣ скверно, — замѣтилъ парикмахеръ нѣсколько упавшимъ голосомъ и, ударивъ пальцами по струнамъ гитары, запѣлъ вполголоса:

Сердце ищетъ, выбираетъ
И не даромъ сильно бьется;
Мысль меня лишь утѣшаетъ:
Не одинъ еще найдется!..

— Стало быть, ей теперь одинъ театръ и остается?

— Только.

— Это очень мало.

— То есть, совсѣмъ ничего, потому — все, что́ она получаетъ, на нее же и уходитъ, и даже не хватаетъ, и я изъ своихъ трудовыхъ прикладываю. Вотъ оно что.

— Что же дѣлать? — спросилъ парикмахеръ на этотъ разъ уже совсѣмъ серьезно и, отложивъ гитару въ сторону, сталъ пить чай, приглашая и свою гостью дѣлать то же самое.

— Мнѣ ли, бабѣ, учить васъ, что дѣлать? — отвѣтила Михалова скромно, принимаясь за стаканъ.— Такой опытный человѣкъ, какъ вы, уже придумаетъ, что́ дѣлать.

— Что-то́ не придумывается.

— А вы вѣдь, помните, обѣщали мнѣ, что она у васъ въ хористкахъ не засидится, вы что ее пустите впередъ.

— Сколько помню,—замѣтилъ парикмахеръ, чтобы снять съ себя прямое обвиненіе, такъ безцеремонно на него взваливаемое;—сколько помню, я вамъ, пани Травинская, прямо не обѣщалъ, я только предполагалъ, а вышло иначе. Притомъ, я съ своей стороны готовъ все для нея сдѣлать, но это отъ меня не зависитъ.

— Отъ кого же это зависитъ?

— О, это зависитъ отъ очень многаго, и отъ обстоятельствъ и отъ лицъ, зависитъ отчасти и отъ вашей дочери самой.

— Отъ нея? — удивилась Михалова. — Что же она можетъ сдѣлать?

— Гм...— крякнулъ парикмахеръ, погладивъ свои усики и бросивъ на собесѣдницу пронзительный взглядъ изъ-подлобья. — Буду говорить съ вами, пани Травинская, немножко откровеннѣе, и надѣюсь, что вы меня поймете. Дѣло въ томъ, что панна Марія, при всѣхъ своихъ отличныхъ качествахъ, страдаетъ однимъ недостаткомъ, который всегда будетъ мѣшать ей идти впередъ на томъ пути, на который она теперь поставлена.

— Страдаетъ недостаткомъ?—почти воскликнула Михалова, немало испугавшись, такъ какъ она за своею дочкою не знала до сихъ поръ ни малѣйшаго недостатка.

Парикмахеру сдѣлалось немножко неловко. Онъ опять крякнулъ и продолжалъ:

— Вы, пани Травинская, не совсѣмъ меня поняли, а потому и испугались, какъ я вижу. Поймите же меня хорошенько: недостатокъ, о которомъ я сейчасъ буду говорить, въ сущности не Богъ знаетъ какой; напротивъ, во многихъ другихъ отношеніяхъ онъ даже достоинство, и большое достоинство. Но въ нашемъ, театральномъ дѣлѣ онъ немножко мѣшаетъ, въ особенности молодымъ, начинающимъ.

— Въ чемъ онъ состоитъ?

— Онъ состоитъ въ томъ, что панна Марія.., какъ бы вамъ сказать понятнѣе... панна Марія немножко дика, сторонится людей, держится недотрогой. А у насъ, въ театральномъ мірѣ, этого не любятъ. У насъ обращеніе немножко свободное, потому—театръ, народъ веселый, разбитной, забубенный, словомъ, не монахи и не монахини. Недотроги стоятъ у насъ одиноко, не имѣютъ ни друзей, ни покровителей, а потому и хода имѣть не могутъ. Вы меня поняли?

Михалова съ минуту молчала, обдумывая слова парикмахера, потомъ поняла ихъ смыслъ и сказала съ опущенными глазами:

— Удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ: она еще такъ молода, такъ неопытна, такъ мало еще терлась между людьми! Современемъ она привыкнетъ и перестанетъ дичиться людей.

— Это само собою разумѣется. Но чѣмъ скорѣе настанетъ это время, тѣмъ скорѣе и можно будетъ для нея что нибудь сдѣлать.

— Вы мнѣ обѣщаете?

— Вотъ вамъ моя рука.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлать нечего, постараюсь... Это какъ русскіе говорятъ: взялся за гуся...

— Взялся за гужъ — не говори, что не дюжъ,— поправилъ ее парикмахеръ, который, какъ тершійся преимущественно между русскими людьми, зналъ лучше Михаловой русскія пословицы и поговорки.

Разъ рѣшившись утилизировать качества, которыми природа надѣлила ея Марильку, дабы имѣть въ ней подпору своей приближающейся старости, Михалова не могла равнодушно отнестись къ тому, что́, какъ объяснилъ парикмахеръ, мѣшало этимъ качествамъ приносить ожидавшіяся отъ нихъ выгоды, а потому она не стала откладывать въ долгій ящикъ. Улучивъ минуту, когда Михала не было въ дворницкой, она завязала съ дочкой слѣдующій интимный разговоръ:

— Стало быть, ты, Марилька, останешься дома, — начала она, повидимому, совершенно равнодушнымъ тономъ;—отъ магазина мадама тебѣ отказала, а въ театръ я сама тебя не пущу, ни за что не пущу.

— Почему? —спросила дѣвушка испуганно.

— А потому, — какая польза тебѣ и намъ отъ театра? Ты уже второй годъ трудишься, а жалованья тебѣ не прибавляютъ. А что твоего жалованья даже на ботинки и перчатки не хватаетъ, это ты, кажись, сама знаешь.

— Да, знаю; но мнѣ современемъ, можетъ быть, прибавятъ жалованье.

— Не прибавятъ, душенька, никогда не прибавятъ.

— Почемъ ты это знаешь? Чѣмъ я хуже другихъ? Агатка, слесаря Казиміра дочь, тоже получала столько, сколько я, а теперь получаетъ, кажется, тридцать рублей въ мѣсяцъ.

— То—Агатка, а то—ты. Агатка умная дѣвушка, умѣетъ ладить съ людьми, а ты дикарка. Мнѣ уже говорили, что ты дикарка и не годишься для театра.

Дѣвушка пожала плечами, не понимая, чѣмъ она дикарка: она вѣдь не въ лѣсу выросла, а въ городѣ и на бойкой улицѣ.

— Въ такомъ случаѣ Агатка хорошо дѣлаетъ, что шушукается съ актерами, шалитъ съ приходящими за кулисы и къ режисеру, холостому мужчинѣ, на чай ходитъ?— спросила она серьезно и наивно.—А мнѣ кажется, что нехорошо.

— Не знаю, хорошо ли это, — отвѣтила мать уклончиво и двусмысленно,—но и дурного не вижу въ этомъ. Отчего молодой дѣвушкѣ и не пошалить немножко? Она на то молодая. Когда же и шалить, если не въ молодости? Не шалятъ только старики и старухи, потому — уже нашалились. Конечно, много

воли мужчинамъ давать не слѣдуетъ,— храни Богъ! Но пошутить, пошалить — отчего же нѣтъ? Тебя отъ этого не убудетъ.

— Но я этого не могу, хоть зарѣжь—не могу.

— Почему?

— Потому, что не могу чужому мужчинѣ прямо смотрѣть въ лицо: стыжусь, краснѣю, мнѣ глазъ дѣвать некуда.

— То-то и говорятъ, что ты дикарка, людей отъ себя гоняешь: кто же за тебя заступится, директора попроситъ? За Агатку, небось, вѣроятно, кто нибудь попросилъ?

— Да, это правда, попросилъ какой-то мировой посредникъ. Агатка съ нимъ знакома, даже подарки отъ него получаетъ.

— Ну, вотъ видишь, а то она и до сихъ поръ сидѣла бы на пяти злотыхъ за вечеръ. И такъ какъ за тебя никто не попроситъ, то тебѣ въ театрѣ и дѣлать-то нечего, и ты останешься дома, опять возьмешься за метлу и лопату, и будетъ отъ тебя хоть какая нибудь польза.

Метла и лопата ошеломили бѣдную дѣвушку, которая уже отвыкла отъ этихъ орудій дворницкой службы. Она умолкла, онѣмѣла. Она отошла въ уголъ за печкой, сѣла на стоявшій тамъ табуретъ и, закрывъ лицо руками, заплакала тихо, но горько. Михалова, притворяясь незамѣчающей горя и слезъ своей дочери, проговорила:

— Марилька, принеси изъ хлѣва корыто, надобно поросятамъ жрать дать.

Дѣвушка не трогалась съ мѣста, продолжая плакать.

— Марилька! — прикрикнула Михалова уже громче. — Ты слышала? Будетъ тебѣ быть бѣлоручкой. Ты для театра не годишься, такъ тебѣ туда и ходить не зачѣмъ. Забудь, что было, и возьмись опять за работу.

Послушная дѣвушка повиновалась. Не переставая плакать, она отправилась въ хлѣвъ за корытомъ.

— Ничего, одумается, поумнѣетъ, перестанетъ дичиться людей и будетъ въ тебѣ прокъ, — проговорила про себя дворничиха, увѣренная, что дѣвушка не выдержитъ и сдастся.

Л. Леванда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЯКОВЪ ТИРАДО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ 2-й ПОЛОВИНЫ XVI СТОЛѢТІЯ.

Соч. Людвига Филипсона.

КНИГА ВТОРАЯ *.

Бѣгство.

V.

Сѣверный берегъ нижняго Таго идетъ круче противоположнаго ему, и послѣдніе склоны Чинтры образуютъ на немъ красивый рядъ возвышенностей, который, то удаляясь отъ берега со своими измѣняющимися формами, то ближе подходя къ нему, придаетъ этой мѣстности большую прелесть. За высокимъ хребтомъ скрывается здѣсь не одна уединенная долина, существованія которой и не подозрѣваетъ проплывающій мимо корабельщикъ и которая составляетъ особый, совершенно замкнутый міръ. Широкая рѣка величаво и красиво катитъ свои свѣтлыя волны въ безпредѣльный океанъ, который во время разлива втискиваетъ свои воды въ широкое устье ея. На разстояніи полуторы нѣмецкихъ миль отдѣлены здѣсь берега другъ отъ друга, и громадная водная поверхность безпрестанно разсѣкается множествомъ кораблей, или входящихъ въ надежную лиссабонскую гавань изъ всѣхъ частей свѣта, или уплывающихъ оттуда по направленію къ самымъ отдаленнымъ угламъ нашего земного шара.

---

* См. Восходъ, кн. 3.

Мы не понесемся вслѣдъ за ними. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ два лѣсистыхъ холма отдѣлены другъ отъ друга узкою покатостью, образовалась на сѣверномъ берегу маленькая бухта, закрытая отъ глазъ полосою земли, вслѣдствіе чего отыскать ее можетъ только тотъ, кто вполнѣ знакомъ съ этой мѣстностью. Наша лодка огибаетъ полосу земли и бросаетъ якорь въ бухтѣ, узкая поляна которой покрыта тѣнистыми орѣховыми деревьями. Мы тотчасъ же усматриваемъ здѣсь проѣзжую дорогу, сворачивающую вправо и скоро затѣмъ направляющуюся къ густой рощѣ. Черезъ четверть часа пути по ней она круто сворачиваетъ къ сѣверу и, протянувшись еще на довольно значительное пространство лѣсомъ, приводитъ насъ къ роскошнымъ маисовымъ полямъ, которыя, повидимому, наполняютъ собою маленькую долину, теперь открывающуюся нашимъ глазамъ. Это очень милая картина, потому что высоты, замыкающія долину, покрыты частью зелеными ивами, частью финиковыми и масличными деревьями, частью же образуютъ крутые, темные, поросшіе плющемъ утесы, съ которыхъ катится внизъ много свѣтлыхъ ручьевъ. Никакіе искусственные сады и скверы не украшаютъ эту одинокую долину, никакой паркъ, ни одна цвѣточная грядка не свидѣтельствуютъ, что здѣсь укрывается и отдыхаетъ въ знойное лѣто богатый горожанинъ. Только то, что даетъ здѣсь сама природа, только ея яркая зелень, смѣшивающаяся съ пестрыми красками дикихъ цвѣтовъ, ея чудесный свѣтъ, падающій на землю съ вѣчно голубого небеснаго свода, ея свѣжій, цѣлебный воздухъ, вѣющій въ долинахъ съ сосѣдняго моря и наполненный тысячью ароматовъ—только это все дѣлаетъ замкнутую долину отраднымъ и веселымъ пріютомъ и обѣщаетъ исцѣленіе тому, кто уходитъ сюда изъ шумнаго свѣта лечить больную душу въ больномъ тѣлѣ.

Этому соотвѣтствуетъ и домикъ, стоящій на заднемъ фонѣ долины, какъ разъ у подошвы высокихъ утесовъ—длинное, одноэтажное зданіе, окрашенное бѣлой краской и лишенное всякихъ украшеній, но окруженное высокими платанами, вслѣдствіе чего присутствіе его открываешь только тогда, когда совершенно приблизишься къ нему. Такимъ обра-

зомъ, эта долина кажется лежащею въ самой отдаленной, самой уединенной части страны, и ничто здѣсь не обличаетъ близкаго сосѣдства одного изъ тѣхъ большихъ средоточій европейской жизни, которыя называютъ столицами и гдѣ безчисленное количество людей тѣснится и суетится въ узкихъ улицахъ съ высочайшими домами, какъ будто на божьей землѣ недостаточно мѣста для того, чтобы служить ихъ дѣтямъ привольнымъ и веселымъ жильемъ. Ничто изъ этого городского шума, этой городской суеты не проникало черезъ рѣку и горы въ одинокую долину. Но когда вы всходили на одну изъ высотъ, на гребень какого нибудь утеса, передъ вами открывалась грандіознѣйшая картина. Тамъ, влѣво, на правомъ берегу величавой рѣки, красовался обширный городъ, раскидывая вверхъ и внизъ по тремъ холмамъ цѣлое море домовъ, съ блестящими куполами и башнями его церквей, съ широкими фасадами его дворцовъ, съ безчисленнымъ количествомъ домовыхъ крышъ, а на другомъ берегу—волнообразная поверхность, покрытая роскошнѣйшими нивами и лѣсами, въ перемежку съ множествомъ людскихъ обиталищъ. Вправо разстилалась передъ ослѣпленными глазами широкая поверхность Атлантическаго океана, оживленная сотнями кораблей, которые со своими вздутыми парусами и развѣвающимися флагами походили на бѣлыхъ и пестрыхъ птицъ, уносящихся по безпредѣльной водяной равнинѣ въ далекія, далекія страны. Широкая рѣка соединяла городъ и море блестящею лентой, которая весело бѣжала по изумрудному ковру нивъ и луговъ, и наконецъ на заднемъ фонѣ подымались къ небу въ голубоватой дымкѣ горы Сіерры, чудесно замыкая всю эту картину. Тутъ вамъ становилось ясно, что вы принадлежите великому, чудному міру, чудному—благодаря вѣчнымъ созданіямъ божественнаго мірового духа и работѣ неутомимаго, безпрерывно обновляющагося человѣческаго племени; здѣсь въ душѣ вашей являлось сознаніе, что вы, какъ и всякій другой—членъ, хотя бы и незначительный, великаго, безконечнаго цѣлаго...

Изъ вышеупомянутаго дома нѣсколько дверей выводило на воздухъ; одна изъ нихъ примыкала къ небольшой террасѣ, защищенной отъ вѣ-

тра и солнца стекляной галлереей и высокими растеніями въ горшкахъ. Передъ нею разстилался скромный цвѣтникъ, грядки котораго пересѣкались великолѣпными апельсинными деревьями, сквозь сочные листья которыхъ просвѣчивали золотые плоды. Въ первые часы послѣ полудня на этой террасѣ находились два человѣка, кидающіеся намъ въ глаза своею оригинальностью. Въ большомъ мягкомъ креслѣ покоится человѣкъ, видъ котораго обличалъ тяжелое физическое страданіе. Ему не должно быть больше шестидесяти лѣтъ, и все еще круглыя формы его лица и нѣсколько сутуловатой фигуры свидѣтельствуютъ, что онъ прежде пользовался хорошимъ здоровьемъ и жилъ въ свое удовольствіе. Но подъ этою наружностью скрывалась, вѣроятно, уже съ давнихъ поръ тайная змѣя какого нибудь органическаго порока, потому что въ настоящее время болѣзнь напечатлѣла глубокіе слѣды въ лицѣ и фигурѣ этого человѣка, и онъ, не шевеля ни однимъ членомъ, съ закрытыми глазами, скорѣе лежа, чѣмъ сидя въ креслѣ, повидимому находился въ полномъ постоянномъ усыпленіи, полной оторванности отъ всего, что происходило вокругъ него. Кресло было придвинуто близко къ одной изъ стеклянныхъ стѣнъ террасы, такъ что тѣнь отъ растеній скрывала его отъ солнечныхъ лучей. Передъ нимъ стоялъ столъ, покрытый освѣжительными напитками и лекарствами, а около стола сидѣла женщина, занятая рукодѣльемъ, но при этомъ часто устремлявшая задумчивый взглядъ на безмолвнаго и неподвижнаго мужа и потомъ—въ лазурный сводъ неба. Это была женщина уже пожилая, но ея лицо и вся фигура хранили неизгладимые слѣды красоты—такой красоты, которая все еще производила побѣдоносное дѣйствіе вслѣдствіе того, что трудно было рѣшить, въ чемъ больше заключается она: въ пропорціональности ли чертъ и формъ, или въ благородствѣ духа, читавшемся въ ея темныхъ глазахъ, на высокомъ бѣломъ лбу, въ прелестномъ выраженіи губъ, во всей благородной и величавой фигурѣ. Это лицо говоритъ намъ, а уже сѣдѣющія кудри подтверждаютъ, что много внутреннихъ и внѣшнихъ страданій выпало на долю этой женщины, что она вынесла всѣ эти испытанія, что она ожидаетъ еще болѣе тяжелыхъ, но вынесетъ и

ихъ, и что душа ея предстанетъ безъ малѣйшаго пятна предъ трономъ вѣчнаго Судьи. Все въ ней ясно свидѣтельствуетъ о добродѣтели, вѣрности и преданности, лучезарный свѣтъ правды неудержимо пробивается наружу изъ сокровенной глубины этого сердца, какъ ни густы тѣни, падающія на него, и ярко озаряетъ всякую тьму.

Сообщимъ читателю все, что намъ извѣстно о прошедшемъ этой четы. Гаспаръ Лопецъ Гомемъ былъ знаменитый, въ свое время богатѣйшій, быть можетъ, купецъ въ Испаніи. Жилъ онъ въ Барселонѣ, находился въ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми важнѣйшими пунктами востока и сѣвера, и его умъ и проницательность находили себѣ соперниковъ только въ его разсудительности и дѣятельности, увѣнчивая такимъ образомъ блистательнымъ успѣхомъ всѣ его предпріятія. Дѣдушка Гаспара былъ близкій другъ и товарищъ великаго Абарбанеля, того министра финансовъ Фердинанда Католика, который добровольно пожертвовалъ большею частью своихъ богатствъ для того, чтобы съ оставшеюся вѣрною религіи отцовъ частью своего народа отправиться въ изгнаніе. Не такъ поступилъ старикъ Гомемъ. Въ счастливой долѣ онъ раздѣлялъ занятія и стремленія своего друга, но теперь отсталъ отъ него, и чувствуя себя неспособнымъ заплатить большими жертвами за ненадежную долю изгнанника, предпочелъ перейти въ католичество и остаться въ отечествѣ. Съ этихъ поръ отъ отца къ сыну и отъ сына къ внуку переходила строжайшая набожность въ ея наружныхъ проявленіяхъ, переходило аккуратнѣйшее выполненіе всѣхъ католическихъ обрядовъ въ соединеніи съ частыми дарами монастырямъ и церковнымъ учрежденіямъ и—рядомъ съ этимъ—неизмѣнное и ревностное занятіе священными книгами евреевъ. Въ Гаспарѣ Лопецѣ тоже вполнѣ примирялись эти два направленія, какъ будто между ними не было ничего противорѣчащаго, ничего враждебнаго. Въ самой скрытой комнатѣ своего большого дома, куда не проникалъ никто, кромѣ близкихъ къ нему людей, сидѣлъ онъ въ свободные отъ кипучей дѣятельности часы, читалъ книги ветхаго завѣта и талмудъ и находилъ въ этомъ величайшее удовольствіе, живѣйшее удовлетвореніе своей духовной потребности. Но въ это

же самое время не было человѣка, наружно превосходившаго его строго-христіанскимъ рвеніемъ и никто никогда не замѣчалъ въ немъ хотя бы малѣйшихъ проявленій того тревожнаго состоянія, которое должно было явиться естественнымъ послѣдствіемъ этого внутренняго разлада...

Иначе происходило дѣло въ семействѣ Родригецъ. Предкамъ синьоры Майоръ воспрепятствовали уѣхать изъ Испаніи почти неодолимыя затрудненія и препятствія; несказанной борьбы стоилъ имъ переходъ въ христіанство; пламенная привязанность къ старой вѣрѣ и ея предписаніямъ одушевляла всѣхъ членовъ этой семьи и была наслѣдствомъ, передававшимися изъ одного поколѣнія въ другое. Ихъ томило желаніе оставить эту страну религіознаго гнета и жестокихъ преслѣдованій и получить въ другомъ мѣстѣ драгоцѣнную свободу открыто исповѣдывать убѣжденія, которыя жили въ нихъ и которымъ безраздѣльно принадлежало ихъ сердце. Но это обстоятельство, при выдающемся положеніи, которое они занимали въ обществѣ, только усиливало надзоръ за ними, строгое наблюденіе за каждымъ ихъ шагомъ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ бы двинуться за границу Испаніи безъ того, чтобы не обречь на погибель остававшихся на родинѣ близкихъ людей. Въ такихъ обстоятельствахъ выросла красавица Майоръ Родригецъ, въ такихъ обстоятельствахъ сдѣлалась она женою Гаспара Лопеца, и ея жизненный путь, повидимому, столь блестящій и счастливый, былъ очень тернистъ. Мужѣ ея не могъ понять, что̀ безпрерывно побуждало ее уговаривать его кинуть Испанію, не понималъ, какъ можно было тревожиться, чувствовать угрызенія совѣсти по поводу вещей, которыя вѣдь ужъ цѣлое столѣтіе какъ пришли въ такое положеніе и сдѣлались сносными вслѣдствіе привычки къ нимъ—по поводу такого порядка, который былъ вѣдь созданъ не ими и для котораго они какъ бы родились. Она выучилась, наконецъ, у мужа молчать объ этихъ вещахъ и только въ душѣ своей переживать безпрерывно возобновлявшуюся борьбу ея убѣжденій съ внѣшними поступками. Часто скорбѣла она, что въ ея обоихъ подраставшихъ дѣтяхъ, Маріи Нуньесъ и Мануэлѣ, не было того спокойствія, которое охраняло ея мужа отъ всякаго внутренняго разлада, и что̀ и въ этихъ

молодыхъ сердцахъ горѣла неугасимымъ пламенемъ судьба ихъ семейства...

Но и въ семьѣ Гаспара не суждено было оставаться всегда ненарушимымъ этому наружному спокойствію. Богатство Гаспара, которое, само собою разумѣется, считали еще болѣе громаднымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, давно уже возбудило зависть и корыстолюбіе сильныхъ церкви и государства. Долго они щадили его, потому что онъ былъ полезенъ имъ, часто даже необходимъ, потому что онъ велъ себя осторожно и, благодаря своей щедрости, пользовался въ народѣ большою любовью и популярностью. Наконецъ, по ихъ мнѣнію, наступило время, когда можно было завладѣть и имъ и когда и ему слѣдовало испытать участь, которая постигла уже столько тысячъ и тысячъ его единовѣрцевъ. Если было мало поводовъ придраться собственно къ нему, то его жена, семья которой доставила кострамъ инквизиціи уже столько жертвъ, давала достаточно поводовъ къ подозрѣнію для того, чтобы кинуть ее и всѣхъ ея родныхъ и близкихъ въ руки инквизиціи.

Но Гаспаръ Лопецъ и его золото имѣли друзей и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ замышлялась теперь его погибель, и до него скоро дошла вѣсть о грозившей ему опасности. Какъ ни насильственно дѣйствовала всегда инквизиція, но внезапное появленіе и вмѣшательство ея совершались только послѣ долгихъ, обезпечивавшихъ всѣ послѣдующія дѣйствія приготовленій. Свои жертвы она опутывала всевозможными сѣтями, обходилась съ ними привѣтливо и, повидимому, съ величайшимъ довѣріемъ, ставила имъ всевозможныя искушенія и соблазны и при этомъ имѣла за ними самое строгое, неусыпное наблюденіе. Такимъ образомъ ей удавалось подобрать факты, которые при мало-мальски смѣломъ и вольномъ толкованіи давали достаточно вѣскія основанія для тюремнаго заточенія и пытки, а затѣмъ—для смертнаго приговора. Но Лопецъ, благодаря своимъ связямъ, имѣлъ время подвести свои контръ-мины, и такъ какъ онъ скоро убѣдился, что правители государства отрекутся отъ него и предоставятъ его на жертву инквизиціи, то поспѣшилъ съ величайшей осторожностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и твердою энергіею обезпе-

чить почти все свое богатство перенесеніемъ своихъ торговыхъ оборотовъ въ конторы, бывшія у него въ Генуѣ, Венеціи, Ливорно, Анконѣ, Смирнѣ и Лондонѣ. Но при этомъ, для устраненія подозрѣній, онъ наполнялъ свои барцелонскіе склады новѣйшими цѣнными товарами и давалъ своимъ агентамъ порученія пріискивать ему въ Испаніи разные участки земли, которые онъ, повидимому, желалъ пріобрѣсть въ свою собственность. Этому образу дѣйствій онъ былъ по крайней мѣрѣ обязанъ тѣмъ, что его враги не ускоряли исполненія предначертанныхъ имъ относительно его мѣръ — и вотъ въ одно прекрасное утро онъ исчезъ изъ Барцелоны со всѣми членами своей семьи, сѣлъ на ожидавшій его корабль и быстро поплылъ въ Лиссабонъ. Инквизиція поспѣшила теперь выступить со своимъ обвиненіемъ, послѣдствіемъ котораго былъ заочный смертный приговоръ обоихъ супруговъ, но желанная добыча тѣмъ не менѣе ускользнула изъ ихъ рукъ, такъ какъ имъ остались только незначительныя крохи, между тѣмъ какъ настоящій лакомый кусокъ очутился далеко.

Но почему Лопецъ отправлялся именно въ Лиссабонъ? Развѣ тамъ ему не грозили тѣ же опасности? Развѣ король Іоаннъ III, вопреки своему обычному и испытанному благоразумію, не склонился на убѣжденія своихъ совѣтниковъ ввести и въ свое государство инквизицію и іезуитовъ изъ Испаніи? Развѣ его наслѣдникъ, молодой Себастіанъ, воспитанный іезуитами, не былъ проникнутъ религіознымъ фанатизмомъ, вслѣдствіе чего отъ него нельзя было ожидать ничего, кромѣ жестокостей для бѣглецовъ, только что спасшихся отъ святой инквизиціи? Но куда же имъ было направить свои шаги? Изо всѣхъ сѣверныхъ государствъ евреи были изгнаны, въ Германіи ихъ гнали изъ города въ городъ, Италія стонала подъ испанскимъ господствомъ, а въ Церковной Области послѣдніе папы были настроены самымъ враждебнымъ образомъ противъ заблудшихся дѣтей Авраама. Фанатическая ненависть именно въ это время торжествовала свои послѣднія побѣды, и страшный расколъ внутри христіанской церкви, послѣдствіемъ котораго была упорная и ожесточенная борьба между церковью старою и

новою, только усилилъ нетерпимость съ обѣихъ сторонъ и взаимную ихъ неуступчивость. Такимъ образомъ, только восточныя страны оставались открытыми въ это время для еврейскихъ бѣглецовъ, именно для марранов, т. е. перешедшихъ въ христіанство испанскихъ евреевъ, которые бѣжали съ Пиренейскаго полуострова или боясь инквизиціи, возводившей ихъ на костры подъ предлогомъ неискренней преданности христіанству, или вслѣдствіе неодолимаго стремленія вернуться къ вѣрѣ своихъ отцовъ. Но въ восточныхъ странахъ—въ сѣверной Африкѣ и Азіи, внутренній порядокъ уже не стоялъ на такой высотѣ, какъ прежде, и повсюду, за исключеніемъ развѣ турецкихъ провинцій въ Европѣ, къ евреямъ относились съ самымъ оскорбительнымъ презрѣніемъ. При томъ образъ жизни тутъ и тамъ былъ до такой степени различенъ, что человѣкъ, прожившій нѣкоторое время въ цивилизованныхъ сферахъ Испаніи, могъ только въ самой крайней нуждѣ рѣшиться перебраться на востокъ. Для Гаспара Лопеца это было немыслимо; онъ слишкомъ сильно сжился со своими привычками, подчинялся слишкомъ мало своимъ внутреннимъ побудительнымъ причинамъ, чтобы, имѣя увѣренность, что личности его по крайней мѣрѣ не грозитъ опасность, рѣшиться уѣхать еще дальше. Но къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что въ Лиссабонѣ онъ надѣялся найти для себя полную гарантію. Молодой король былъ такъ поглощенъ своими фантастическими планами покоренія невѣрныхъ въ Африкѣ и подчиненія папскому престолу богатыхъ прибрежныхъ странъ этой части свѣта, что предоставлялъ полную свободу различнымъ партіямъ внутри своего государства и конечно готовъ былъ оказывать свое покровительство тѣмъ изъ нихъ, которые могли и желали помочь ему въ военныхъ приготовленіяхъ и дѣйствіяхъ. Во главѣ одной партіи, менѣе клерикальной, чѣмъ остальныя, находился Антоніо, пріоръ монастыря въ Крато. Онъ былъ сынъ герцога Людвика ди-Бейя, второго сына короля Эммануила, и, такимъ образомъ, въ очень близкомъ родствѣ съ королемъ Себастіаномъ, такъ какъ ихъ отдѣлялъ другъ отъ друга только дядя Антоніо, шестидесятисемилѣтній

кардиналъ Генрихъ, третій сынъ великаго Эммануила. Но герцогъ Людовикъ, отецъ Антоніо, провинился неравнымъ бракомъ, такъ какъ онъ, пламенно влюбившись въ прекрасную Изабеллу Родригецъ, женился на ней. Плодомъ этого союза былъ Антоніо. Вслѣдствіе этого племянница Изабеллы, жена Гаспара Лопеца, могла безъ сомнѣнія разсчитывать на покровительство Антоніо для себя и своихъ родныхъ, не смотря на то, что его родители давно уже покоились въ могилѣ. И она не ошиблась, а такъ какъ ея мужъ обѣщалъ подарить королю полное вооруженіе на тысячу человѣкъ въ предстоявшемъ африканскомъ походѣ, то вліятельному пріору было не трудно добыть для своего родственника королевское слово ручательства за его безопасность.

Такъ прожила семья Гомемъ въ Лиссабонѣ нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, если и не безъ тревогъ и опасеній, что будущее могло снова сдѣлаться мрачнымъ и тяжелымъ. Но вотъ наступила пора, когда Себастіанъ осуществилъ наконецъ свой давно лелѣянный планъ. Онъ благополучно переправилъ свое войско въ Африку; но въ Алкассарской равнинѣ произошла между его солдатами и несравненно болѣе многочисленною арміею Мулея-Молуха страшная битва, окончившаяся несчастливо, даже смертью молодого короля. Это было страшнымъ ударомъ для Португальскаго королевства. На престолъ вступилъ старый кардиналъ; но кто же будетъ его преемникомъ? Четыре потомка Эммануила заспорили о наслѣдствѣ—въ томъ числѣ самъ Филиппъ II и пріоръ Антоніо. Противъ перваго возставали на томъ основаніи, что онъ только по матери, старшей дочери Эммануила, имѣлъ право на престолъ, и португальскій народъ ненавидѣлъ его; противодѣйствіе второму происходило оттого, что испанская партія, въ составѣ которой находились вельможи, часть которыхъ купила себѣ дворянство на испанскія деньги, и большинство духовенства, признавала его незаконнорожденнымъ, отвергая законность брака его родителей. Этотъ вопросъ безпрерывно занималъ стараго короля во все время его полуторагодового царствованія, сильно возбуждалъ интриги партій и, само собой разумѣется, такъ и остался неразрѣшеннымъ.

Послѣ алкассарской битвы Гаспаръ Лопецъ оставилъ Лиссабонъ и переселился въ уединенную долину, въ которой, благодаря ея положенію и скромной обстановкѣ, онъ могъ оставаться забытымъ и незамѣченнымъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Это могло совершиться притомъ тѣмъ легче, что въ столицѣ Лопецъ не игралъ никакой роли, и боровшіяся между собою партіи не имѣли времени заниматься побочными вещами или, благодаря насиліямъ, уже теперь пріобрѣтать себѣ враговъ и ненавистниковъ. Но тутъ Лопецъ заболѣлъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ впалъ въ то состояніе постоянной дремоты, въ которомъ мы увидѣли его на маленькой террасѣ его дома.

Синьора Майоръ мало по малу погрузилась въ глубокую задумчивость. Ей казалось, что мужъ спитъ или охваченъ тѣмъ полнымъ разслабленіемъ, которое дѣлало его неспособнымъ для всякаго физическаго и умственнаго движенія, и это освобождало ее отъ необходимости притворяться, пересиливать себя. Черты ея благороднаго лица приняли выраженіе сильнѣйшей тревоги и печали, и между тѣмъ какъ руки продолжали механически работать, голова опустилась, и мысли, повидимому, улетѣли куда-то далеко, далеко. Но она ошибалась, думая, что никто не наблюдаетъ за нею. Гаспаръ Лопецъ въ послѣдніе дни нѣсколько оправился и окрѣпъ, не обнаруживая впрочемъ этого, по своей привычкѣ къ покою. Теперь онъ ужъ нѣсколько времени то открывалъ, то закрывалъ глаза и устремлялъ испытующіе взгляды на жену; затѣмъ онъ сдѣлалъ неслышное усиліе приподняться изъ своего лежачаго положенія, и оно удалось ему. Онъ сѣлъ и послѣ краткаго молчанія нѣжно прошепталъ:

— Милая Майоръ, дорогая жена!

Жена вздрогнула. Этотъ неожиданный зовъ сперва страшно испугалъ ее; но первый же взглядъ на спокойно сидѣвшаго и почти улыбавшагося мужа превратилъ этотъ ужасъ въ несказанную радость.

— Гаспаръ, Гаспаръ!—воскликнула она,—что съ тобой? Какъ ты себя чувствуешь?

Она быстро вскочила, подбѣжала къ Лопецу и обняла его такъ порывисто, что это даже не совсѣмъ понравилось ему.

— Успокойся, Майоръ,—сказалъ онъ кротко, но рѣшительно;—я чувствую себя значительно лучше, да хранитъ меня Богъ и впередъ... Дай мнѣ съѣсть и напиться чего нибудь прохладительнаго, а потомъ придвинь стулъ свой поближе ко мнѣ и садись.

Она охотно исполнила эту просьбу, причемъ, однако, посуда дрожала въ ея рукахъ, и восторгалась, видя, что ея мужъ снова ѣлъ и пилъ если не съ особенно большимъ апетитомъ, то все-таки охотно. Когда она усѣлась около него, онъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Ну, теперь, Майоръ, ты должна отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ, но откровенно, со свойственною тебѣ правдивостью. Уже два дня, какъ я наблюдаю за тобой, и видѣлъ нѣсколько разъ, какъ твое лицо омрачалось заботами и скорбями. Скажи мнѣ, что̀ гнететъ тебя, не скрывай отъ меня ничего.

Глаза старика были при этихъ словахъ устремлены на жену съ вопросительнымъ и въ то же время молящимъ выраженіемъ. Она встревожилась, блѣдныя щеки ея зарумянились.

— Но, милый Лопецъ, — отвѣчала она нерѣшительно, — развѣ твоя болѣзнь не достаточный поводъ къ заботамъ и печали? Развѣ тутъ нужны еще иныя причины?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Майоръ, не старайся обманывать меня. Что тебя огорчаетъ и тревожитъ моя болѣзнь—это я хорошо знаю; но я убѣжденъ тоже, что тутъ присоединилось и нѣчто другое, и вотъ объ этомъ-то я спрашиваю тебя. Твое смущеніе въ настоящую минуту только подтверждаетъ мои подозрѣнія. Не возражай,—продолжая онъ, замѣтивъ, что она хочетъ перебить его,—я знаю, что̀ ты хочешь сказать: что мнѣ слѣдуетъ вспомнить о своихъ недугахъ и не думать ни о какихъ дѣлахъ. Но тебѣ извѣстно, что меня можетъ волновать, а слѣдовательно, и вредить мнѣ—только неизвѣстность. Помимо этого я все перенесу съ твердостью, и потому говори смѣло.

Синьора Майоръ хорошо видѣла, что всякое сопротивленіе невозможно.

— Ну, хорошо,—сказала она,—какъ ни тяжело мнѣ будетъ снова потрясти едва начинающіяся оправляться силы твои тревожными мыслями, но я обязана тебѣ повиноваться и, къ счастью, дѣло не такъ дурно, какъ ты, повидимому, воображаешь себѣ. Не отрицаю, что я нѣсколько встревожена. Но это касается исключительно дона Самуила Паллаче. Съ тѣхъ поръ какъ онъ пріѣхалъ въ Миддельбургъ и оттуда сообщилъ намъ о своихъ надеждахъ на успѣхъ, мы не имѣемъ ни отъ него, ни о немъ никакихъ извѣстій. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ этомъ положеніи, и я наконецъ не знаю, что̀ и думать.

Гаспаръ пристально посмотрѣлъ на жену и отвѣчалъ:

— Неужели же, милая Майоръ, личность почтеннаго консула и все, могущее случиться съ нимъ, такъ сильно безпокоятъ тебя? Мнѣ вѣдь хорошо извѣстно, что ты собственно была очень противъ предполагаемаго брака его съ нашей дочерью, такъ что желать ускоренія его у тебя, повидимому, не должно быть поводовъ и основаній?

— Я не отрицаю,—спокойно сказала она,—что совсѣмъ неохотно склонила Марію Нуньесъ къ согласію на бракъ съ докомъ Самуиломъ. Милая шестнадцатилѣтняя дѣвушка еще и понятія не имѣетъ о томъ, что̀ значитъ связать себя на всю жизнь съ человѣкомъ, до тѣхъ поръ совершенно чужимъ для нея. Ея чистое, невинное сердце не знаетъ еще никакой страсти — Боже избави, чтобы оно узнало ее впослѣдствіи! Ты не станешь, конечно, сердиться на меня за такія мрачныя мысли и предчувствія: вѣдь образъ моей незабвенной сестры Консолы и ея судьба вѣчно у меня передъ глазами! Но я пришла къ убѣжденію, что отдать наше дитя такому надежному человѣку необходимо, если онъ въ награду за это успѣетъ добыть безопасный пріютъ въ свободной землѣ. Эта цѣль была, повидимому, уже почти достигнута нами, и вотъ почему молчаніе дона Самуила должно, конечно, тревожить меня.

— Майоръ,—возразилъ больной,—ты сказала не все. Ты доста-

точно умна и сообразительна для того, чтобы знать, что есть множество причинъ, которыми можетъ быть вызвано это отсутствіе писемъ. Корабль, везшій ихъ, могъ попасть въ руки непріятеля или даже погибнуть; переговоры могли затянуться, а Паллаче, быть можетъ, хочетъ порадовать насъ извѣстіемъ о полномъ успѣхѣ ихъ и потому ждетъ окончанія; наконецъ мало-ли что еще могло случиться!.. Стало быть, твое безпокойство имѣетъ еще какой нибудь другой источникъ. Скажи же мнѣ все. Какъ идутъ дѣла въ Лиссабонѣ?

— Дорогой Гаспаръ, не тревожься ими. Мы живемъ здѣсь въ полной безопасности... Свѣтъ позабылъ о насъ...

Она произнесла эти слова, но напрасно боролась со вздохами, стремившимися вылетѣть изъ ея груди. Голосъ ея дрожалъ, лицо было блѣдно.

Теперь Гаспаръ Лопецъ заговорилъ болѣе строгимъ тономъ:

— Оставь, Майоръ, эти безплодныя уловки, которыя еще болѣе смущаютъ меня, вызываютъ дѣйствительную тревогу. Ты напрасно дѣлаешь первую въ твоей жизни попытку обмануть меня: ужъ одинъ твой видъ выдаетъ тебя. Поэтому говори правду.

— Нечего дѣлать, пусть будетъ по твоему. Узнай же, что король Генрихъ умираетъ. Смертный одръ его окружаютъ партіи, готовыя, чуть только онъ испуститъ послѣдній вздохъ, кинуться другъ на друга въ страшномъ, звѣрскомъ ожесточеніи. Не пройдетъ послѣ того и нѣсколькихъ часовъ, какъ междуусобная война вспыхнетъ повсюду и опустошитъ всѣ мѣстности этой страны; но что еще хуже — тиранъ Испаніи стоитъ съ отборнымъ войскомъ у нашей границы, и послѣдняя минута жизни короля Генриха будетъ первою, въ которую испанцы ступятъ своею желѣзною ногою на португальскую почву. Какая участь ожидаетъ насъ послѣ этого—мнѣ нѣтъ надобности говорить тебѣ, и ты понимаешь теперь, почему я съ такимъ тревожнымъ и нетерпѣливымъ ожиданіемъ смотрю не отдаленный берегъ, на которомъ нашъ мілительный другъ старается приготовить намъ спасительный пріютъ.

Лопецъ на нѣсколько минутъ задумался.

— Да,—сказалъ онъ,—конечно, это довольно тревожныя вѣсти, но опасность все-таки не такъ велика, какъ тебѣ кажется. Я съ горестью вижу, дорогая Майоръ, что прежнее твое безпокойство снова проснулось въ тебѣ; подъ твоими ногами снова горячіе уголья; ты снова стремишься прочь, прочь отсюда—изъ этой пристани, куда мы укрылись, и въ своемъ сильномъ волненіи ты повсюду видишь признаки бури задолго до того, какъ она готова разразиться. Что же намѣревается дѣлать твой царственный кузенъ Антоніо? И неужели ты дѣйствительно вѣришь, что у Филиппа II, повелителя необозримаго царства, только и есть дѣла, что думать о маленькой марранской семьѣ? Онъ, конечно, давно позабылъ о насъ; это доказываетъ его молчаніе, потому что иначе онъ давно бы вытребовалъ насъ у португальскаго двора, какъ приговоренныхъ къ смерти.

— Ты говоришь вопреки своему убѣжденію!—порывисто перебила его жена.—Чтобы Филиппъ Испанскій забылъ насъ! Не забудетъ вѣдь онъ словъ въ завѣщаніи своего отца, монаха въ обители св. Юста: „старайся всѣми силами, чтобы еретики во всемъ мірѣ подвергались строгой карѣ, не обращая вниманія ни на какое сословіе и званіе ихъ и ни на какое ходатайство въ ихъ пользу!“ И точно также никогда не выходитъ изъ его памяти человѣкъ, на котораго упалъ однажды его кровожадный взоръ, не выходитъ изъ его памяти добыча, которой однажды захотѣлось ему и которая выскользнула изъ его рукъ. Именно его молчаніе не должно убаюкивать насъ; Филиппъ хватаетъ свою жертву только тогда, когда она уже совсѣмъ въ его когтяхъ. Что касается пріора, то въ его доброе желаніе я вполнѣ вѣрю, но въ его силу—весьма мало...

Въ эту минуту разговоръ прервался. Лопецъ, хотя и принимавшій въ немъ живое участіе, снова прилегъ въ креслѣ, и глаза его снова приняли спящее выраженіе. На террасу вошла его дочь, Марія Нуньесъ. Она держала въ рукѣ письмо и направилась къ матери.

— Письмо, дорогая матушка!—воскликнула она;—Карло только что привезъ его; Мануэль тоже черезъ часъ будетъ здѣсь...

Мать перебила ее движеніемъ руки, и взглядъ дѣвушки упалъ на отца. Появленіе ея произвело на старика такое дѣйствіе, отъ какого она уже давно отвыкла. Марія Нуньесъ, во всей свѣжести первой молодости, была красавица—такая рѣдкая красавица, что даже исторія не забыла занести ее на свои страницы. Ея ослѣпительный, почти прозрачный цвѣтъ кожи, пропорціональныя и въ то же время граціозныя черты, большіе голубые глаза, въ которыхъ блистали высокій умъ и благородная душа, черные съ синимъ отливомъ волоса, ниспадавшіе на шею и плечи роскошными кудрями, стройная фигура съ вполнѣ развитыми уже теперь формами—все это дѣлало изъ нея существо, изъ которой какъ бы исходило лучезарное сіяніе и на которую обращались всѣ взоры, какъ только она входила въ комнату. И въ больномъ отцѣ она вызвала такое же впечатлѣніе теперь, когда къ нему снова вернулось полное сознаніе. Вѣки его поднялись, огонь глубокой любви загорѣлся въ глазахъ, улыбка заиграла на блѣдныхъ губахъ, и онъ съ усиліемъ приподнялся въ креслѣ. Марія немедленно замѣтила это движеніе и съ радостнымъ крикомъ бросилась къ отцу, стала на колѣни на его скамеечкѣ, обхватила руками его шею, положила его сѣдую голову къ себѣ на плечо, и слезы радости покатились изъ его глазъ.

— О, батюшка, батюшка!—вскричала она,—да неужели же тебѣ лучше, неужели Господь услышалъ нашу молитву?..

Но мать поспѣшила подойти къ нимъ, старалась успокоить дочь, увѣщевала ее не волновать отца и наконецъ усадила ее въ кресло. Гаспаръ снова обратился къ женѣ и освѣдомился о письмѣ. Синьора Майоръ увидѣла, что отъ мужа нельзя скрыть ничего, взяла письмо, распечатала его и увидѣла—что оно отъ дона Самуила Паллаче. Лопецъ потребовалъ, чтобъ ему прочли.

— Это изъ Опорто, и отправлено оттуда пять дней назадъ... Изъ Опорто! Боже мой, какимъ родомъ попалъ онъ туда? Отчего онъ не здѣсь?...

— Мы сейчасъ это узнаемъ. Читай.

Въ письмѣ говорилось:

„Друзья мои! Не удивляйтесь, что вмѣсто меня самого къ вамъ являются эти строки. Это Промыслъ Божій, которому подчинены всѣ мы. Въ Миддельбургѣ я уже почти достигнулъ цѣли, когда одинъ священникъ, называющій себя служителемъ новаго ученія истинной вѣры и чистой любви, уничтожилъ всѣ мои планы возбужденіемъ противъ меня черни. Прилагаемая депеша, которую я вамъ написалъ тогда же, объяснитъ вамъ подробности. Я увидѣлъ, что въ этой странѣ мнѣ ничего не добиться, покончилъ мои дѣла и сѣлъ на корабль, чтобы вернуться въ Лиссабонъ. Но все точно сговорилось, чтобы сдѣлать эту поѣздку несчастнѣйшею въ моей жизни. Я такъ охотно уѣхалъ изъ Испаніи, гдѣ, какъ я слышу, снова вспыхнула ожесточенная война, потому что эти высокомѣрные города дерзнули воспротивиться приказаніямъ герцога Альбы, и онъ обнажилъ свой кровавый мечъ, чтобы наказать ихъ, что ему, конечно, удастся. Все сначала шло благополучно; но едва корабль вошелъ въ Атлантическій океанъ, какъ онъ сдѣлался игралищемъ самыхъ противныхъ вѣтровъ и страшнѣйшаго ливня. Цѣлыхъ три мѣсяца насъ кидало во всѣ стороны, то къ Азорскимъ островамъ, то къ бразильскому берегу, то снова къ сѣверу, пока, наконецъ, восемь дней назадъ, не бросило въ гавань Опорто, и такъ какъ нашъ корабль достаточно пострадалъ, то мы были очень рады, что очутились въ этомъ пріютѣ. Теперь я считаю своею обязанностью отправиться въ Марокко, чтобы отдать отчетъ моему государю, марокскому султану. Я надѣюсь, что съ Божьею помощью государь останется мною доволенъ, такъ какъ я оказалъ ему большія услуги. Вѣдь и мусульманскихъ народовъ золото также всесильно, какъ и между христіанами. Завтра отплываетъ туда судно—и дай намъ Богъ счастливаго пути. Когда мнѣ удастся устроить тамъ эти дѣла, я вернусь въ Лиссабонъ для свиданія съ вами и для того, чтобы снова просить милую Марію Нуньесъ, которой навѣки принадлежитъ все мое сердце, отдать мнѣ свою руку, которая сдѣлаетъ меня блаженнѣйшимъ человѣкомъ—отдать даже и въ томъ случаѣ, если бы ей пришлось послѣдовать за мною не на морозный сѣверъ, а на цвѣтущій югъ. И отчего бы ей не сдѣлать этого? Я чувствую, что достоинъ

ея въ такой степени, въ какой смертный можетъ быть достоинъ этого небеснаго созданія, а вѣдь любовь есть то чувство, которое все уравниваетъ, все дѣлаетъ выносимымъ. Поэтому пошли намъ Господи счастливое свиданіе!

„Но я долженъ упомянуть еще объ одномъ. Вы дали мнѣ, синьора Майоръ, очень страннаго слугу. Не отрицаю, что онъ оказалъ мнѣ большія услуги, и еще удивительнѣе, что онъ дѣйствительно добылъ мнѣ очень теплое рекомендательное письмо отъ принца Оранскаго, и увѣрялъ, что видѣлъ этого превосходнаго вельможу и говорилъ съ нимъ. Но при этомъ онъ постоянно и тщательно скрывалъ отъ меня всѣ подробности и объясненія своихъ дѣйствій. То онъ оставался со мною, то вдругъ уѣзжалъ, даже не предупредивъ объ этомъ. Но я предоставлялъ ему полную свободу, и въ Амстердамѣ онъ сѣлъ вмѣстѣ со мною на корабль. Но едва мы оставили каналъ за собою и вошли въ Атлантическій океанъ, — это было на третій день нашего плаванія — какъ Яковъ исчезъ съ корабля. Я долго думалъ, что какъ онъ отправился, такъ и вернется, и меня нисколько не удивило бы, если бы среди страшной бури, свирѣпствовавшей вокругъ насъ, онъ вдругъ очутился въ моей каютѣ. Но этого не случилось—онъ такъ и не появился, и я съ тѣхъ поръ не видѣлъ Якова. Упалъ ли онъ ночью съ корабля въ море и утонулъ, спустился ли въ лодкѣ и отплылъ куда нибудь (что̀ весьма неправдоподобно, такъ какъ на кораблѣ всѣ лодки оказались въ наличности, и въ это время мы были уже очень далеко отъ берега)—не знаю. Я разспрашивалъ корабельную прислугу, но она стала относиться ко мнѣ такъ недовѣрчиво и враждебно, что я не могъ добиться отъ нея ровно ничего. Конечно, дорогая синьора Майоръ, вы не обвините меня за это, такъ какъ между нами было вѣдь предварительно условлено, что я буду предоставлять ему полную свободу дѣйствій. И такимъ образомъ цѣлую ручки вамъ и прекрасной Маріи Нуньесъ и надѣюсь, что донъ Лопецъ снова оправился, а донъ Мануэль братски помнитъ обо мнѣ. Храни васъ Господи!“

Майоръ читала это письмо, особенно же послѣднюю часть его, съ

очевиднымъ волненіемъ. Когда она окончила, взоры супруговъ встрѣтились, и оба разомъ воскликнули: „Яковъ исчезъ!“—а Майоръ еще прибавила къ этому какъ бы невольно и почти шопотомъ: „Значитъ, погибла наша послѣдняя опора!“

Марія Нуньесъ тоже внимательно слушала чтеніе письма, и хотя неудача плана переселенія въ Нидерланды, повидимому, сильно взволновала ее, но всѣ другія сердечныя изліянія дона Самуила, особенно тѣ, что̀ касались лично ея, оставили ее холодной и равнодушной. Восклицаніе матери вызвало у нея вопросъ:

— Яковъ? Это не тотъ молодой человѣкъ, который за нѣсколько времени до отъѣзда дона Самуила былъ у насъ здѣсь... Съ блестящими темными глазами и роскошными черными волосами и бородой?

— Тотъ самый.

— Кто же онъ? И мнѣ жаль, если онъ пропалъ... Но почему исчезновеніе его такъ сильно огорчаетъ васъ?

— Милое дитя, это его тайна, а не наша, и потому мы не имѣемъ права выдать тебѣ ее. Но скажи, милая, какъ ты думаешь на счетъ предложенія дона Самуила? Примешь ты его?

Марія Нуньесъ поблѣднѣла, и губы ея задрожали. Нѣсколько минутъ она не могла заговорить. Но потомъ прекрасное лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ, и она сказала очень рѣшительно:

— Никогда, дорогіе родители! Я уважаю дона Самуила, но не имѣю никакого желанія быть подругою его жизни. Скорѣе напротивъ. Когда дѣло шло о томъ, чтобы добыть для моей семьи, можетъ быть, и для большаго числа нашихъ единовѣрцевъ, вѣрное убѣжище и такимъ образомъ вывести всѣхъ насъ изъ того ужаснаго внѣшняго и внутренняго положенія, которое мучитъ насъ уже столько лѣтъ и отравляетъ всякую минуту спокойствія — тогда я не поколебалась обѣщать мою руку человѣку, требовавшему ее въ награду за достиженіе этой цѣли. Но теперь, когда все разрушено—я не согласна! Кто же ему велѣлъ такъ живо и вѣрно изобразить намъ жизнь на его родинѣ и всѣ тѣ бѣдствія и лишенія, которымъ подвергнуты тамъ мусульмане и евреи?

Вѣдь вы, дорогіе родители, отказывались ѣхать въ эту страну—какъ же вы хотите, чтобы я послѣдовала туда за этимъ человѣкомъ? Я знаю, что вы никогда не станете принуждать меня, и такимъ образомъ лучше всего было бы написать объ этомъ теперь же дону Самуилу, чтобы онъ не обольщался ложными надеждами и не ѣхалъ понапрасну сюда.

При этихъ словахъ милая дѣвушка невольно сложила руки и посмотрѣла на мать и отца такими умоляющими глазами, что первая поспѣшила успокоить ее на счетъ полной свободы ея дѣйствій въ этомъ отношеніи теперь и на будущее время.

— Что бы ни случилось съ нами,—прибавила она,— мы должны надѣяться на защиту Божью; гдѣ покинутъ насъ люди, тамъ будетъ съ нами Онъ...

При этомъ восклицаніи матери лицо Маріи Нуньесъ приняло глубоко-серьезное, даже отчасти строгое выраженіе, и она съ пламеннымъ увлеченіемъ воскликнула:

— Но, матушка, заслуживаемъ-ли мы эту Божью защиту? Не становимся-ли мы недостойными ея ежедневно, ежечасно?.. Каждый разъ, какъ мы склоняемъ колѣни, каждый разъ, какъ исполняемъ обряды и предписанія церкви, каждый разъ, какъ шепчемъ священнику на исповѣди лицемѣрныя слова, умышленно придуманную ложь,—о, какія это ужасныя, мучительныя минуты!.. Въ ночные часы я въ отчаяніи ломаю руки, подушка моя мокра отъ слезъ, и душа моя вопіетъ: не сами ли мы призываемъ на наши головы кару отвергнутаго нами Бога, не сами ли заслужили заранѣе всѣ тѣ удары справедливаго возмездія, которые еще могутъ постигнуть насъ?..

Молодая дѣвушка произносила эти слова, высоко поднявъ руку, съ такимъ глубоко-болѣзненнымъ выраженіемъ лица, съ такимъ священнымъ огнемъ въ глазахъ, что ее можно было принять за негодующую пророчицу — негодующую на самоё себя и возвѣщающую свое собственное бурное будущее. Въ испугѣ смотрѣлъ больной на дочь и слушалъ

ея подавляющую рѣчь; скоро руки его безжизненно упали, и онъ опустился въ кресло. Мать, съ неописаннымъ волненіемъ, блѣдная какъ смерть, внимала страстному взрыву тѣхъ чувствъ, присутствіе которыхъ въ сердцѣ своего ребенка она давно уже подозрѣвала и которыя таились и въ ней самой уже столько лѣтъ, и напрасно дѣлала дочери знаки замолчать ради спокойствія старика. Увидѣвъ же болѣзненный припадокъ мужа, она вскочила и подбѣжала къ нему. Но онъ прошепталъ:

— Успокойся, Майоръ, это пройдетъ.

VI.

Гаспаръ Лопецъ едва началъ снова немного оправляться, какъ дверь опять отворилась, и на террасу вошелъ Мануилъ, его единственный сынъ. Это былъ восемнадцатилѣтній юноша, фигурою похожій на отца, но котораго овальное, отчасти худощавое лицо съ огненными глазами и румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ свидѣтельствовало скорѣе о характерѣ и умственныхъ задаткахъ матери. Онъ въ эту минуту былъ, вѣроятно, въ томъ возбужденномъ состояніи, когда человѣкъ занятъ преимущественно предметами, наполняющими его собственную душу, и не способенъ поэтому видѣть и принимать во вниманіе чувства другихъ. Ибо онъ быстро подошелъ къ своимъ роднымъ, не замѣтивъ ихъ глубокаго волненія, и послѣ короткаго, хотя и сердечнаго привѣтствія, сказалъ:

— Я очень радъ, что застаю здѣсь всѣхъ васъ, потому что у меня важныя, очень важныя новости.

При напряженномъ вниманіи всѣхъ присутствующихъ онъ продолжалъ:

— Вчера вечеромъ король Генрихъ умеръ. Ударъ положилъ конецъ его жизни. Онъ умеръ, какъ жилъ, не принявъ никакого рѣшенія по великому вопросу, волнующему Португалію—кто будетъ его преем-

никомъ. Донъ Антоніо немедленно принялъ бразды правленія и въ ту же ночь ему принесли присягу всѣ, пожелавшіе сдѣлать это...

— Кто же именно?—перебилъ Лопецъ.

— Только низшіе чиновники и офицеры небольшого войска, находящагося въ Лиссабонѣ. Знатное дворянство и духовенство выѣхало изъ города почти въ полномъ составѣ. Сегодня утромъ, какъ только вѣсть объ этомъ распространилась по городу, народъ сталъ сбираться передъ дворцомъ несмѣтными толпами. Донъ Антоніо вышелъ на балконъ и былъ принятъ съ неописаннымъ восторгомъ. Народъ призналъ его королемъ и единогласно присягнулъ ему въ вѣрности и повиновеніи. Тотчасъ же были обнародованы двѣ королевскія прокламаціи: одна объявляла о кончинѣ Генриха и вступленіи на престолъ Антоніо I, причемъ объясняла законность его правъ; другая—призываетъ народъ, всѣхъ способныхъ носить оружіе гражданъ къ защитѣ отечества, границу котораго уже перешли непріятельскія войска. Новый государь проситъ португальцевъ доказать, что они не склонятъ своей самостоятельности и свободы подъ чужое иго, которое разрушитъ всякое благосостояніе и спокойствіе и, при тѣхъ войнахъ, въ которыя впутана Испанія, повлечетъ за собой только потерю всѣхъ нашихъ владѣній за океаномъ.

— И какое же дѣйствіе произвели эти прокламаціи?—снова спросилъ юношу отецъ.

— Удивительное дѣйствіе, батюшка, неописанное. Онѣ переходили изъ рукъ въ руки, изъ устъ въ уста. Народъ собирался толпами на тѣхъ улицахъ, гдѣ онѣ читались вслухъ. Все громко ликовало, обнималось и клялось жертвовать кровью и имуществомъ для защиты отечества. Всѣ оружейные склады открыты; каждый, являющійся туда и вносящій свое имя въ списки, получаетъ оружіе и указаніе, куда явиться на службу. Надѣются, даже убѣждены, что наберется значительное войско.

— Видѣлъ ты дона Антоніо?—спросила въ волненіи мать.

— Видѣлъ. Какъ только разсвѣло, я поспѣшилъ во дворецъ.

Меня допустили къ королю, и онъ, не смотря на множество спѣшныхъ дѣлъ и окружавшую его толпу, довольно долго говорилъ со мною. Онъ высказалъ надежду, что и я, точно также какъ и мои друзья—Мендесы, Медейросы, Бельмонте, де Пинасъ, Лобатосъ—посвятимъ наши руки борьбѣ за страну, принявшую насъ, какъ второе отечество. О, батюшка, матушка, Марія, я обѣщалъ ему это, я поклялся!

Послѣднія слова произвели на слушателей очень различное впечатлѣніе. Отца они страшно испугали, и онъ поднялъ слабую руку, какъ бы отстраняя опасность; мать поблѣднѣла и задрожала такъ, что была принуждена опуститься въ кресло; только глаза сестры ярко загорѣлись, и она устремила на брата взглядъ, полный гордости и удовольствія.

Юноша ничего этого не замѣчалъ и продолжалъ:

— Я поклялся въ этомъ королю и явился, милые родители, сюда, чтобы испросить ваше согласіе и ваше благословеніе.

Но тутъ Гаспаръ Лопецъ, съ силою, которой никто бы въ немъ не предполагалъ, воскликнулъ:

— Несчастный, что ты сдѣлалъ! Изъ-за дѣла, совершенно уже погубленнаго, ты поплатишься жизнью, а насъ, твоихъ родныхъ, скомпрометируешь, даже подвергнешь величайшей опасности!

Юноша закусилъ губы, но скоро отвѣчалъ спокойнымъ тономъ:

— Отецъ, обсуди хладнокровно все, и ты увидишь, что иначе я поступить не могъ. Полагаю, мнѣ нѣтъ надобности вамъ напоминать, что сдѣлалъ для насъ Антоніо, какъ, только благодаря *его* вліянію и *его* усиліямъ, намъ удалось получить надежное убѣжище и пользоваться имъ въ продолженіе стольких лѣтъ... Благородный человѣкъ ни слова не сказалъ мнѣ объ этомъ, только въ его глазахъ читалъ я эту мысль, и у меня не хватило бы духу отвергнуть предъ его лицомъ священный долгъ, наложенный имъ на насъ. А притомъ, неужели же красный левъ Испаніи наложитъ свои лапы на Португалію, не встрѣтивъ никакой борьбы и сопротивленія? И когда начнется война съ наемниками тирана, неужели мнѣ и моимъ друзьямъ оставаться празд-

ными зрителями ея и снискать себѣ навѣки упрекъ въ позорной трусости? Развѣ мы не принадлежимъ къ португальскому народу и не должны поэтому взяться вмѣстѣ съ нимъ за оружіе? Развѣ не должны мы поставлять свое счастіе въ томъ, чтобы пріобрѣсть себѣ право на участіе въ судьбахъ этого народа и этой страны? Развѣ побѣда Филиппа не будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ днемъ нашего мира, быть можетъ—нашей жизни?.. Но слушай, отецъ, я сказалъ еще не все. Ты знаешь, какой духъ проснулся среди насъ съ тѣхъ поръ, какъ братъ Діего изъ монастыря Вознесенія открыто, предъ лицомъ самой инквизиціи, заявилъ свою преданность той вѣрѣ, которую отвергнули наши отцы, — съ тѣхъ поръ, какъ онъ, кастильянскій монахъ, погибъ на кострѣ за эту вѣру. Жить, какъ мы жили до сихъ поръ, для насъ сдѣлалось невозможнымъ, мы должны разорвать всякую связь съ прошедшимъ. Ну, вотъ объ этомъ я говорилъ съ дономъ Антоніо. Ты знаешь, онъ принадлежитъ къ тѣмъ свѣтлымъ умамъ, къ небольшому кружку тѣхъ истинно религіозныхъ, истинно христіанскихъ священниковъ, которые при всемъ восторженномъ сочувствіи къ своей религіи, даже къ своей церкви, все-таки глубоко убѣждены, что святыня человѣческаго духа должна быть оставляема въ неприкосновенной свободѣ; вѣдь Богъ допустилъ различіе вѣроисповѣданій—какое же право имѣетъ человѣкъ измѣнять этотъ порядокъ? Что призналъ священникъ, то осуществитъ на дѣлѣ король. Онъ знаетъ, что португальскій народъ, обязанный своимъ происхожденіемъ крови различныхъ народовъ, полонъ терпимости и великодушія; что эта богатая страна, лежащая на берегу великаго океана и на границѣ двухъ міровъ, имѣетъ своимъ назначеніемъ быть сборнымъ пунктомъ всѣхъ націй въ ихъ торговыхъ и международныхъ сношеніяхъ. Онъ хочетъ сдѣлать Португалію страною религіозной свободы, гдѣ церковь продолжала бы, конечно, господствовать, но гдѣ каждый могъ бы открыто и свободно исповѣдывать свою вѣру. И неужели же мы не станемъ поддерживать это предпріятіе всѣми силами нашей молодости, не откроемъ для него широкаго пути нашими мечами? Чѣмъ же въ такомъ случаѣ купимъ мы себѣ право поль-

зоваться впослѣдствіи плодами этого дѣла? У кого не хватило рѣшимости и энергіи сражаться, проливать свою кровь за великую идею, тотъ пусть и не носитъ ее въ себѣ, какъ совершенно ея недостойный!..

Лопецъ внимательно слушалъ пламенную рѣчь своего сына, но когда тотъ кончилъ, онъ все-таки съ сомнѣніемъ покачалъ головой и сказалъ:

— Я согласился бы съ тобою, сынъ мой, если бы въ португальскомъ народѣ царствовало единодушіе, если бы онъ поднялся какъ одинъ человѣкъ. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Именно убѣжденія пріора,—безъ сомнѣнія, хорошо извѣстныя всѣмъ, потому что у этого благороднаго человѣка слово нераздѣльно съ дѣломъ,—дѣлаютъ дворянство и духовенство непримиримыми противниками его, а вѣдь эти оба сословія держатъ весь португальскій народъ въ своихъ рукахъ; пробѣлы же въ ихъ рядахъ давно пополнены испанскимъ золотомъ. Что же остается? Населеніе очень немногихъ городовъ, склонное къ возстанію, шуму, грабежу, но трусливо отступающее, быстро разбѣгающееся въ разныя стороны при первомъ выстрѣлѣ дисциплинированнаго войска. Я согласился бы съ тобою, еслибъ эта португальская нація не была обезсилена, изнѣжена, испорчена безпрерывнымъ притокомъ легко добываемаго золота съ тѣхъ горъ, какъ смѣлые вожатаи ея открыли новыя части свѣта и завладѣли ими. Пройди по этой странѣ, такъ щедро надѣленной Богомъ, и ты увидишь, что ея поля лежатъ необработанными, виноградники пришли въ совершенный упадокъ, лѣса гніютъ, источники высыхаютъ, въ городахъ къ роскошнымъ дворцамъ богачей лѣпятся только грязныя лачужки; ты увидишь, что всякая рука движется и открывается только для того, чтобы принимать обильно текущее въ нее золото и какъ можно быстрѣе расточать его. Такой народъ не сражается, такой народъ вопитъ и шумитъ, но чуть на него напали—обращается въ бѣгство. И въ самыхъ городахъ—мало того, въ королевскомъ дворцѣ, между окружающими короля людьми, на каждомъ шагу измѣнникъ или продажный шпіонъ. Повѣрь, твое имя въ настоящую минуту внесено въ списокъ осужденныхъ на изгнаніе, и про-

тивъ него помѣтка: сынъ Гаспара Лопеца Гомеэъ, бѣжавшаго изъ Варселоны отъ приговора инквизиціи со всѣми сокровищами, долженствовавшими перейти въ собственность короля и церкви. Ты думаешь, они не найдутъ насъ? Не знаютъ уже дороги, ведущей къ этому дому? Ахъ, сынъ мой, ты вступаешься за погибшее дѣло, котораго не спасетъ ни твоя рука, ни твоя смерть...

Наступило продолжительное молчаніе. Юноша стоялъ, опустивъ голову на грудь. Уничтожили ли въ немъ слова отца всякія возраженія, или языкъ его былъ скованъ сыновнею почтительностью и опасеніемъ раздражить больного—какъ бы то ни было, онъ не отвѣчалъ. Первою заговорила синьора Майоръ:

— Дорогой Гаспаръ Лопецъ, ты правъ, всѣ твои слова справедливы, исходъ дѣла представляется въ мрачномъ свѣтѣ, и какъ ни желаетъ наше сердце иного поворота, нашъ умъ говоритъ, что иначе не будетъ. Но именно поэтому обязаны мы видѣть во всемъ этомъ Промыслъ Божій, не оставляющій намъ выбора. Намъ не въ чемъ упрекнуть себя: не мы загнали безумнаго Себастіана въ Алкассарскую равнину, не мы дали безпомощно умереть слабоумному кардиналу, не мы призвали на границу государства корыстолюбца Филиппа съ его грабителями-воинами. Но развѣ могъ донъ Антоніо дѣйствовать иначе? Развѣ не долгъ его оказать сопротивленіе испанскому разбойнику? И вслѣдствіе этого, можетъ ли иначе поступить нашъ Мануэль? Можетъ ли онъ не пойти на зовъ Антоніо, зовъ Португаліи и свободы? Ты долженъ сознаться, что иного исхода въ этомъ случаѣ быть не можетъ,—долженъ потому, что въ этомъ сознается и мое материнское сердце, хотя оно разрывается отъ боли, страха и волненія... Мы обязаны передать это дѣло въ руки Господа. Въ число изгнанниковъ мы разъ на всегда попали; но забыть не можемъ. Если намъ суждено погибнуть, погибнемъ по крайней мѣрѣ незапятнанными, непокрытыми никакимъ позоромъ!..

Эти слова были произнесены съ такимъ задушевнымъ, твердымъ убѣжденіемъ и въ то же время съ такою материнскою скорбью, такимъ

едва сдерживаемымъ отчаяніемъ, что глубоко потрясли всѣхъ присутствовавшихъ. Лопецъ не возразилъ ни слова, но черезъ нѣсколько минутъ движеніемъ руки позвалъ къ себѣ сына, и тотъ съ громкимъ плачемъ кинулся въ раскрытыя объятія больного отца, опустясь на колѣни у ногъ его. Лопецъ положилъ холодную, дрожащую руку на голову своего единственнаго сына и сказалъ:

— Мануэль Гомемъ, одно только долженъ ты торжественно обѣщать мнѣ. Взгляни на эту женщину, твою мать, этого ангела любви и добродѣтели, преданности и вѣрности, волосы которой рано посѣдѣли въ жизненной борьбѣ; взгляни на эту цвѣтущую дѣвушку, твою сестру, у которой ты скоро останешься единственною опорою, такъ какъ мнѣ не долго жить... Взгляни на нихъ и, идя сражаться, бейся мужественно, но не съ безумною отвагой; не кидайся на смерть, когда на побѣду не можетъ быть никакой надежды; думай о нихъ и береги себя для нихъ. Это ты долженъ обѣщать мнѣ...

Голова юноши упала на грудь отца, и онъ горячо обнялъ старика. Сеньора Майоръ подошла къ нимъ, положила и свои руки на голову сына, прошептала нѣсколько словъ благословенія, но затѣмъ отвела Мануэля, сказавъ: „Довольно, дитя мое, побереги отца, пойдемъ!“ По ея знаку Марія Нуньесъ взяла брата за руку, и оба вышли изъ комнаты, она же осталась подлѣ совершенно обезсилѣвшаго мужа и принялась нѣжно и заботливо ухаживать за нимъ.

VII.

Мнѣніямъ, высказаннымъ Гаспаромъ Лопецомъ, суждено было очень скоро оправдаться. При всемъ воодушевленіи народа нашлось, однако, только нѣсколько тысячъ энергическихъ молодыхъ людей, рѣшившихся пожертвовать своею жизнью за дѣло короля Антоніо; на остальное населеніе нечего было разсчитывать; въ арсеналахъ оказался только небольшой и мало пригодный къ употребленію запасъ оружія, а способныхъ полководцевъ вовсе не было, такъ какъ дворянство перешло

на сторону противника. Король нашелся въ необходимости отдать главное начальство надъ войскомъ старому генералу, у котораго было много доброй воли и мало дарованія. Не смотря, однако, на все это, маленькая армія мужественно двинулась впередъ и загородила путь испанскому, превосходившему ее численностью войску, которое приближалось изъ провинціи Эстремадуры медленнымъ, но твердымъ шагомъ. Португальскій полководецъ занялъ частью своихъ отрядовъ пограничную крѣпость Кастелло-Бранко и сгруппировалъ около нея остальные. Но укрѣпленія, какъ и все въ Португаліи, пришли при послѣднихъ короляхъ въ полный упадокъ и оказали испытаннымъ испанскимъ ветеранамъ, тотчасъ же начавшимъ штурмъ, самое ничтожное сопротивленіе. Сраженіе состоялось немедленно послѣ начала осады, и какъ ни храбро сражались португальцы, но совладать съ военнымъ искусствомъ и численностью испанскаго войска для нихъ было невозможно. Португальскіе отряды бѣжали при первомъ натискѣ непріятеля, а молодые люди, выдержавъ двукратно нападеніе испанцевъ, были частью смяты, частью разсѣяны. Теперь путь въ португальскую столицу совершенно очистился для испанцевъ, и они двинулись туда безостановочно, но со своею обычною осторожностью, ибо еще не знали, окажетъ ли сопротивленіе сама столица, и въ какой степени; въ то же время они съ умнымъ разсчетомъ отправляли небольшіе отряды на сѣверъ и югъ, чтобы обезпечить себѣ обладаніе провинціями и воспрепятствовать приливу оттуда подкрѣпленій. Вѣсть объ этихъ неудачахъ быстро разнеслась вдоль берега Таго и по всей странѣ, причемъ проникла и въ уединенную долину фамиліи Гомемъ.

Солнце только что скрылось за зелеными вершинами переднихъ горъ; послѣдніе лучи его золотили еще верхушки деревьевъ. Затѣмъ наступили сумерки, которыя въ южныхъ мѣстностяхъ составляютъ только короткій переходъ отъ дня къ ночи. Все въ долинѣ дышало миромъ и спокойствіемъ; ночной вѣтерокъ распустилъ свои нѣжныя крылья и съ шопотомъ пролетѣлъ по цвѣтамъ и маисовымъ полямъ, по кустарникамъ и сосѣднему лѣсу. Синьора Майоръ стояла въ задумчи-

вости у окна своей маленькой, просто убранной комнаты, и между тѣмъ какъ ея глаза были устремлены съ разстилавшейся передъ нею земли на синее безоблачное небо, на которомъ скоро должны были зажечься сверкающія звѣзды, душу ея тревожили многія мысли, сомнѣнія, вопросы. Что сталось съ ея сыномъ Мануэлемъ? Безвредно ли вышелъ онъ изъ сраженія? Удастся-ли ему благополучно вернуться въ отцовскую долину? Или слѣдуетъ ей искать его въ числѣ тѣхъ, которыхъ безжалостный побѣдитель оставилъ на полѣ битвы мертвыми или ранеными?.. Что-то жестоко кольнуло ее въ сердце, точно ея собственная кровь готова была брызнуть изъ внезапно нанесенной, смертельной раны—такъ что она невольно схватилась рукою за грудь. Вмѣстѣ съ сыномъ она отправила въ походъ своего вѣрнаго служителя Карло и имѣла полное основаніе разсчитывать на его бдительный надзоръ за пламеннымъ, отважнымъ юношей; но и отъ Карло до сихъ поръ не было никакихъ извѣстій; чѣмъ же могла она объяснить себѣ это молчаніе?.. А если еще испанцы вступятъ въ Лиссабонъ, что̀ ожидаетъ ее самое и ея близкихъ? Долго ли останется неоткрытою тайна ихъ теперешняго мѣстопребыванія? И если она обнаружится, какая участь постигнетъ ихъ? Что станется съ ея бѣднымъ мужемъ, съ ея цвѣтущею красавицею Маріею Нуньесъ, которая, конечно, привлечетъ на себя сластолюбивые взгляды побѣдителей?.. Съ той тревожной минуты, когда Марія открыла родителямъ свою глубоко взволнованную душу, и Мануэль вырвался изъ ихъ объятій, положеніе больного снова сдѣлалось весьма опаснымъ. Тѣло его почти потеряло способность двигаться, и хотя сознаніе теперь оставляло его рѣже и только на короткое время, но имъ овладѣло необычайное безпокойство, которое спутывало его мысли и въ которомъ главную роль играла страшная боязнь возможности очутиться въ необходимости оставить теперешнее мѣстопребываніе. Онъ безпрерывно говорилъ объ этомъ, точно объ ожидавшемъ его смертномъ приговорѣ, и глаза его слѣдили за каждымъ шагомъ семьи, какъ будто онъ предполагалъ, что у нихъ есть тайный замыселъ увезти его отсюда противъ воли... Всѣ эти тревоги сильно дѣйствовали на

душу синьоры Майоръ и порывисто кидали ее отъ одной мысли къ другой, словно ее окружала самая темная ночь и она напрасно искала то тутъ, то тамъ просвѣта, который указалъ бы ей какой нибудь исходъ, какую нибудь дорогу къ спасенію. Голова ея такъ отяжелѣла, что она должна была подпереть ее рукою.

Вдругъ замѣтила она, что передъ ея окномъ проскользнула чья-то фигура. Майоръ въ испугѣ вздрогнула, потому что сразу не узнала, кто это. Быстро зажгла она свѣчу, но въ эту же минуту послышался стукъ въ ея дверь, которая немедленно вслѣдъ затѣмъ отворилась. Въ комнату вошелъ человѣкъ въ костюмѣ моряка.

— Кто вы? Какъ вы могли?..—вскричала она.

Но посѣтитель снялъ уже большую соломенную шляпу и повернулся лицомъ къ синьорѣ Майоръ. Тутъ она узнала его.

— Тирадо! Яковъ Тирадо! Вы!.. Откуда? Какъ вы рискнули вернуться въ страну, гдѣ столь многіе знаютъ васъ, гдѣ у васъ столько смертельныхъ враговъ?

— Простите, уважаемая синьора, что я такъ прямо и неожиданно прихожу къ вамъ. Но время дорого, а въ сѣняхъ я не нашелъ ни одного слуги, который доложилъ бы обо мнѣ. Да оно и лучше, что такъ вышло. Вы спрашиваете, откуда я теперь? Изъ Лиссабона, синьора Майоръ, гдѣ я старался собрать скудные остатки моихъ товарищей. Ихъ не много, но все это—испытанные юноши. Какъ я рискнулъ возвратиться сюда? Возвращаясь, я подвергалъ опасности себя; оставаясь тамъ—многихъ, очень дорогихъ моему сердцу.

— Вы все тотъ же преданный, жертвующій собою другъ!

— Нѣтъ, синьора Майоръ, рискъ тутъ небольшой. Въ такую смутную и тревожную пору никто не обращаетъ вниманія на отдѣльную личность, а если бы и обратилъ, то ни у кого не хватило бы силы повредить ей или овладѣть ею. Никогда, — прибавилъ онъ съ улыбкой,—люди не безопасны такъ, какъ въ то время, когда всѣмъ и каждому грозитъ опасность, когда каждый думаетъ только объ одномъ — какъ бы защитить себя, и потому не нападаетъ на другого.

— Но что означаетъ это странное переодѣванье?

— Это отнюдь не переодѣванье, я представляю своимъ внѣшнимъ видомъ то, что я на самомъ дѣлѣ, чѣмъ я долженъ прежде всего быть. Уѣхавъ во второй разъ изъ Нидерландъ, я увидѣлъ, что въ добавленіе къ теоретическимъ познаніямъ, пріобрѣтеннымъ мною уже давно, мнѣ необходимо пріобрѣсть еще практическія свѣдѣнія опытнаго моряка для осуществленія того, что задумано мною. На кораблѣ представился къ этому самый благопріятный случай. Я исчезъ оттуда въ качествѣ слуги дона Самуила и снова появился на немъ матросомъ, причемъ мнѣ не трудно было держаться вдалекѣ отъ дона Самуила, чтобы онъ не узналъ меня въ этомъ странномъ преобразованіи. Провидѣніе послало мнѣ прекрасную школу, потому что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нашимъ кораблемъ въ морѣ, не было у насъ недостатка ни въ чемъ необходимомъ для образованія опытнаго моряка: бури и тишь, утесы и мели, жажда и голодъ, всевозможныя опасности— все это выпало намъ на долю. Я полагаю, что выдержалъ испытаніе вполнѣ.

— Я въ этомъ увѣрена; чего не сдѣлаетъ человѣкъ съ вашимъ умомъ и вашею непоколебимо-твердою волею?

Она подвинулась къ Тирадо еще на нѣсколько шаговъ, подняла сложенныя руки и съ колебаніемъ, точно вопросъ не рѣшался выйти изъ сдавленнаго волненіемъ горла, сказала:

— Яковъ, вы ничего не слышали о моемъ Мануэлѣ?

Тирадо быстро и съ увлеченіемъ отвѣчалъ:

— Слышалъ, синьора, и много хорошаго, и это одна изъ причинъ, приведшихъ меня сюда. Мануэль храбро сражался; онъ былъ раненъ въ руку, но не опасно—въ этомъ будьте увѣрены. Когда одинъ испанскій солдатъ ударилъ его палицей въ голову, и онъ на нѣсколько минутъ упалъ безъ сознанія, вашъ Карло, воспользовавшись тѣмъ, что непріятель тутъ же пронесся дальше, быстро увелъ храбраго юношу съ поля сраженія и спасъ его въ горахъ и лѣсахъ Сіерры Эстреллы. Это родина Карло, и ему здѣсь легко было справиться. Черезъ нѣсколько

часовъ донъ Мануэль оправился, и оба направляются теперь осторожно сюда дорогами, знакомыми весьма немногимъ. Я надѣюсь, что они будутъ здѣсь скоро. Въ первомъ убѣжищѣ они встрѣтились съ пѣвцомъ Бельмонте, и онъ-то сообщилъ мнѣ объ этомъ въ Лиссабонѣ. Все, что вы слышите отъ меня, совершенно достовѣрно.

На нѣсколько минутъ свѣтлая радость разлилась по лицу синьоры Майоръ. Она подняла глаза къ небу, и изъ обрадованнаго материнскаго сердца неслышно неслись слова благодарности къ Тому, Чья рука защитила ея единственнаго сына. Но скоро мысли ея снова вернулись къ настоящему со всѣми его невзгодами и бѣдствіями, и она заговорила:

— О, Тирадо!.. Вы всегда являетесь ко мнѣ вѣстникомъ счастья! Если бы вы знали, какъ глубоко потрясла меня и моего мужа вѣсть въ письмѣ дона Самуила, что вы исчезли... Намъ дѣйствительно казалось, что на землѣ рушилась наша послѣдняя опора... Скажите, какъ вы смотрите на наше положеніе?

— Отвѣтъ не труденъ, синьора Майръ. Вы должны уѣхать отсюда, уѣхать поскорѣе! Да и что можетъ удерживать васъ въ странѣ, гдѣ уже начала распространяться испанская язва и гдѣ она будетъ заражать и убивать всѣхъ, всѣхъ до послѣдняго человѣка, до тѣхъ поръ, пока или португальскій народъ снова возстанетъ, воспользовавшись благопріятной минутой, или на этихъ благословенныхъ мѣстахъ останутся только рабы, разбойники и хищные звѣри!.. Сильнѣйшая опасность грозитъ вамъ, и вы не должны медлить. Пройдетъ еще очень немного времени — и испанскіе солдаты и шпіоны станутъ проходить по всей странѣ и налагать свою убійственную руку на всѣхъ, не особенно пріятныхъ Филиппу и его инквизиторамъ. Вы же — мнѣ вѣдь нечего говорить вамъ объ этомъ — приговоренные къ смерти еретики, бѣглые испанцы, приверженцы и родственники короля Антоніо, и вашъ сынъ обнажилъ мечъ противъ Испаніи... Столько преступленій не допускаютъ никакого состраданія, никакой пощады...

Бѣдную женщину совершенно разбило это ясное предостереженіе. Она заломила руки и воскликнула:

— Правда... правда!.. Но *какъ, какъ* спастись? Какъ уѣхать отсюда?

Яковъ спокойно отвѣчалъ:

— Вы не получили отвѣта еще на одинъ вопросъ, обращенный вами ко мнѣ: почему, для чего я вернулся сюда?—Спасти васъ, синьора Майоръ, спасти все ваше семейство. Для этого я оставилъ надежное убѣжище въ Нидерландахъ, для этого сдѣлался морякомъ. Довѣрьтесь Богу, дорогая синьора, и затѣмъ мнѣ, моей осторожности и людямъ, мнѣ помогающимъ...

— Тирадо,— перебила его Майоръ,— какой вы герой, какой человѣкъ! Чѣмъ заслужили мы...

— Замолчите, замолчите, синьора!.. Все, что хотите, только не это. Развѣ вы забыли, что было сдѣлано вами для меня? Развѣ вы не спасли меня отъ костра? Не освободили мою душу отъ тревогъ и колебаній, постоянно волновавшихъ ее вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ въ дѣтствѣ и потомъ обратившихся въ привычку предразсудковъ, озаривъ ее яркимъ свѣтомъ вашего разума и никогда не заблуждающагося чувства? О, моя душа походила на пойманную птицу, которая, распустивъ крылья, стремится къ свободѣ и свѣту, но не можетъ подняться, благодаря сѣтямъ, спутывающимъ ея ноги, и бьется, бьется въ нихъ—пока не умираетъ! Вы же разрѣзали сѣти, и птица получила свободу...

— Вы преувеличиваете подъ вліяніемъ благодарности... Какъ могла я, слабая женщина, при вашемъ глубокомъ умѣ, при вашей большой учености...

— Оставимъ это, дорогая синьора, и обратимся къ дѣлу. Изъ Опорто, гдѣ я присталъ вмѣстѣ съ дономъ Самуиломъ, я на слѣдующее же утро отправился въ Кадиксъ, оттуда въ другія испанскія гавани... Мнѣ необходимо было сдѣлать это, чтобы собрать свѣдѣнія на счетъ одного большого, страшнаго предпріятія, которое подготовляетъ Филиппъ. Послѣ этого я вернулся въ Португалію. Тутъ мнѣ посчастли-

вилось найти небольшую, но превосходную яхту. Она стоитъ въ Сетувальской гавани, у подошвы мыса Эспихеля. Тамъ ожидаетъ она насъ. Она легка какъ птица и прочна, какъ будто сдѣлана изъ камней утеса; волны она разсѣкаетъ такъ, словно ея киль — острый ножъ, и мчаться на ней по морю будетъ истинное наслажденіе! Дай Богъ намъ счастливаго пути!.. Какъ я уже сказалъ вамъ, донъ Мануэль долженъ скоро быть здѣсь. Въ ночь послѣ того дня, когда испанцы вступятъ въ Лиссабонъ, мы должны уѣхать отсюда — не раньше, потому что только тогда испанскій флотъ войдетъ въ устье Таго, и такимъ образомъ мы могли бы встрѣтиться съ нимъ въ открытомъ морѣ и попасть въ его руки. Но и ни однимъ днемъ позже, потому что... отъ васъ, благородная синьора, могу я не скрыть это... потому что мы отплываемъ не одни... нашимъ компаньономъ будетъ еще одинъ бѣглецъ, очень знатный бѣглецъ. — Тирадо подошелъ къ Майоръ очень близко и шепнулъ ей на ухо:—Донъ Антоніо, изгнанный португальскій король...

Майоръ вздрогнула.

— Какъ! Онъ? Вы хотите?..

— Хочу и долженъ. Не правда ли? Вѣдь и вы всею душой сочувствуете этому предпріятію моему? Вѣдь вы въ этомъ случаѣ только заплатите ему долгъ благодарности: онъ защитилъ васъ въ ту пору, когда никто не хотѣлъ сжалиться надъ вами; — теперь, когда всѣ отъ него отпадаютъ, вы защищаете его. Согласитесь, что мы поступаемъ здѣсь только такъ, какъ всегда поступали сыны Іудеи: въ часы невзгодъ и бѣдъ они всегда находили себѣ спасителя, и поэтому радостно готовы спасать каждаго, кого со всѣхъ сторонъ гонятъ и травятъ какъ звѣря...У меня, однако, есть кромѣ того еще одна, болѣе глубокая побудительная причина. Я перевезу изгнаннаго короля въ Англію или Францію. Эти государства не могутъ спокойно относиться къ завоеванію Португаліи, къ покоренію ея безпредѣльныхъ заморскихъ владѣній Испаніею; они должны возстать противъ Филиппа, между ими и Испаніею должна возгорѣться война, и они сдѣлаютъ это тѣмъ скорѣе и тѣмъ энергичнѣе, когда изгнанный король появится передъ ними и дастъ имъ

право вернуть его на престолъ. Это развяжетъ руки и борющимся Нидерландамъ. Испанія очутится въ необходимости раздробить свою армію и лишится отъ этого возможности сосредоточивать всѣ свои боевыя силы на той или другой сторонѣ. Вотъ почему мы должны спасти Антоніо... но какъ можно скорѣе, ибо преслѣдованіе немедленно устремится за нимъ.

— И куда же направится вашъ корабль со своимъ драгоцѣннымъ грузомъ?

— Сперва въ Англію, потомъ въ Нидерланды.

— Развѣ Нидерланды не отказались принять насъ на свою землю?

— Хотя бы и такъ, — есть болѣе могущественная сила, которая допуститъ насъ туда и дастъ намъ тамъ надежный и безопасный пріютъ. Синьора Майоръ, я видѣлся съ принцемъ Оранскимъ, я говорилъ съ нимъ — даже больше того: я пріобрѣлъ его довѣріе. Когда я очутился передъ этимъ человѣкомъ, и онъ, всегда такой серьезный и молчаливый, принялъ меня съ дружеской, доброй улыбкой — тогда сердце мое раскрылось; я высказался вполнѣ, я быстро и подробно разсказалъ ему всю исторію моей жизни, сообщилъ мои планы и намѣренія. Выслушавъ меня, принцъ произнесъ всего нѣсколько словъ, но такихъ, которыя глубоко врѣзались на желѣзныя скрижали исторіи. Онъ сказалъ: „Если Нидерланды хотятъ играть роль и, быть можетъ, важную, между испанцами и португальцами, рядомъ съ Франціею и Англіей, то въ ихъ гаваняхъ и на ихъ площадяхъ должны сходиться дѣти всѣхъ поясовъ, сыны всѣхъ народовъ, послѣдователи всѣхъ религій; Нидерланды должны быть свободны, точно также и каждый, вступающій на ихъ землю“. То были не слова государя, а царственныя слова... Я послѣ того еще разъ являлся къ нему, имѣлъ счастье оказать ему большую услугу въ критическую минуту и за то получилъ отъ него увѣреніе, что до тѣхъ поръ, пока его слово и слово близкихъ къ нему людей будутъ пользоваться хоть какимъ нибудь значеніемъ въ Нидерландахъ, я и мои близкіе не перестанутъ находить всюду въ этой странѣ свободный

и надежный пріютъ... Ѣдемъ же, синьора Майоръ, ѣдемъ туда—и скорѣе изсохнетъ рука Филиппа, чѣмъ пострадаетъ единый волосъ на нашихъ головахъ!

Майоръ внимательно слушала своего воодушевленнаго собесѣдника; когда онъ кончилъ, она па нѣкоторое время впала въ глубокое раздумье. Потомъ внезапно воскликнула:

— О, горе! Тирадо, все это, вами задуманное, вами исполняемое, прекрасно, превосходно... Но... Да, съ первыхъ дней моей молодости я стою на пустомъ, голомъ берегу, на которомъ кишатъ ядовитые гады, безпрерывно покушающіеся смертельно ранить меня... А тамъ, вдали, красуется подъ солнечными лучами и въ цвѣточномъ уборѣ спасительный островъ... и манитъ меня къ себѣ... Но море пѣнится и шумитъ, вздымаетъ бурныя волны и не пускаетъ меня туда... Тирадо, я не могу ѣхать...

Молодой человѣкъ точно окаменѣлъ, точно громовый ударъ поразилъ его съ яркаго, безоблачнаго неба.

— Гаспаръ Лопецъ, мой мужъ, боленъ, очень боленъ, — продолжала его собесѣдница; — тѣло его почти недвижно, я не могу уѣхать. Еслибъ можно было увезти его отсюда, какъ охотно предложила бы я для этого мои плечи, всѣ мои силы! Его встревоженный, неясный умъ видитъ всюду вокругъ себя въ этой маленькой долинѣ слугъ инквизиціи; каждый шагъ отсюда приметъ онъ за шагъ въ тюрьму и могилу. Стоитъ намъ подвинуть его кресло, чтобы онъ началъ боязливо и тревожно оглядываться, спрашивать—куда, какъ далеко направляемъ мы его. Часто по ночамъ внезапно просыпается онъ отъ своего болѣзненнаго сна, чтобы удостовѣриться, что всѣ мы еще здѣсь. Увезти его—значитъ убить его. Чтó же намъ дѣлать, Тирадо? Чтó вы можете посовѣтовать мнѣ?

Но Тирадо, повидимому, и самъ растерялся. Онъ поднялъ руки и воскликнулъ:

— Какъ! Неужели же всѣ планы мои разобьются о странныя фан-

тазіи впавшаго въ дѣтство старика? Неужели, благодаря имъ, не принесутъ никакого результата всѣ мои. жертвы, всѣ мои усилія, разрушится будущность стольких людей? Это невозможно. Синьора Майоръ, дни дона Гаспара Лопецъ сочтены. Оставьте его подъ охраною вѣрнаго слуги Карло. Спасите себя и вашихъ дѣтей. На умирающаго старика никто не подыметъ руку. Такимъ безчеловѣчнымъ не будетъ даже король Филиппъ!

Майоръ была сильно поражена этими словами; она отступила на нѣсколько шаговъ, вперила въ Тирадо холодный взоръ и отвѣчала спокойно и твердо:

— Это произнесли не вы, Тирадо, это посовѣтовалъ мнѣ кто нибудь другой. Развѣ вы не чувствуете, что такое предложеніе унижаетъ меня? Тридцать лѣтъ Гаспаръ Лопецъ относился ко мнѣ съ самою нѣжною вѣрностью, съ самою преданною любовью, и если наши мнѣнія и желанія иногда и расходились, даже противорѣчили другъ другу, то онъ никогда не обнаружилъ ни малѣйшей рѣзкости относительно меня — ни словомъ, ни дѣломъ. О, дорогой Лопецъ, мое счастье было твоимъ счастьемъ, мои слезы твоими слезами — и теперь, когда ты лежишь на одрѣ смерти, когда твой блуждающій взглядъ не ищетъ уже никого, кромѣ меня, и твоя холодная рука протягивается къ моей — теперь мнѣ оставить тебя, дать тебѣ умереть одинокимъ, покинутымъ? Никогда! И хотя бы могила отверзлась подъ моими ногами, хотя бы топоръ палача висѣлъ надъ моей шеей, я не отступлю отъ тебя ни на шагъ!

Она въ волненіи заходила по комнатѣ. Тирадо послѣ нѣкотораго молчанія заговорилъ мягкимъ тономъ:

— Почтенная синьора, въ подобныя минуты кто нибудь другой не можетъ совѣтовать намъ; тутъ мы сами должны быть себѣ совѣтниками и помощниками.

Но въ такомъ положеніи дѣло оставалось не долго. Въ сердцѣ матери и жены происходила тяжелая борьба, но рѣшеніе наступило скоро. Майоръ снова подошла къ Тирадо и сказала твердо и энергически:

— Все устраивается очень хорошо и очень просто. Гаспаръ Лопецъ не можетъ уѣхать отсюда, я не могу оставить Гаспара Лопеца. Но Марію Нуньесъ и Мануэля ничто не удерживаетъ здѣсь. Спасите ихъ, Тирадо, и глубокая благодарность вамъ не оставитъ моей души до послѣдняго ея дыханія. Меня же и моего мужа я отдаю въ руки Бога Израиля.

— И такимъ образомъ вы рѣшаетесь пустить въ свѣтъ вашихъ дѣтей, вашу Марію Нуньесъ, безъ отцовской и материнской охраны, лишивъ ихъ глаза матери и руки отца?..

— Это будетъ разрывать мое сердце, будетъ заставлять мои мысли ежедневно, ежечасно блуждать въ страшной тревогѣ, въ несказанномъ горѣ вслѣдъ за моими дѣтьми—но развѣ я не довѣряю ихъ вѣрнѣйшему другу моему, человѣку, который употребитъ всѣ свои силы, всю свою энергію на ихъ защиту, на охраненіе ихъ отъ всякихъ опасностей?.. Другого исхода у меня нѣтъ.

— Конечно; противъ вашего рѣшенія не нахожу я никакихъ возраженій. Забудьте мой минутный взрывъ. Но оставить здѣсь васъ — для меня тоже тяжкое испытаніе, и я никогда еще не страдалъ такъ сильно, какъ въ настоящую минуту. Не ждите отъ меня никакихъ обѣщаній и увѣреній: здѣсь могутъ говорить только дѣла. Но,—здѣсь Тирадо на минуту остановился, точно борясь съ собой, опустилъ глаза, потомъ продолжалъ, понизивъ голосъ:—но, синьора, я долженъ прибавить еще одно слово — слово признанія. Это безмолвная тайна моего сердца; если бы вы и донъ Лопецъ поѣхали теперь съ нами, она осталась бы тайною навѣки, сокрытою въ глубочайшихъ тайнахъ моей души. Но вы должны все узнать; искреннимъ и разоблаченнымъ хочу я быть передъ вами теперь и на все будущее время; хочу, чтобъ вы никогда не могли обвинить меня въ какомъ нибудь тайномъ планѣ, скрытомъ замыслѣ. Поэтому, прежде чѣмъ вы довѣрите мнѣ участь вашихъ дѣтей, я долженъ вамъ сказать: я люблю Марію Нуньесъ... Какъ ни рѣдко имѣлъ я случай видѣть ее прежде, чѣмъ поѣхалъ сопровождать

дона Паллаче, но ея красота, грація, доброта, умъ неодолимо увлекли и очаровали меня. Я боролся съ этимъ чувствомъ, потому что ваша дочь была вѣдь невѣстою дона Самуила, я побѣдилъ его, но не могъ вытѣснить изъ моего сердца; дѣлу дона Самуила я служилъ охотно и радостно. Никогда никому не сознался бы я въ этомъ,—теперь это оказалось необходимымъ...

Синьора Майоръ была въ высшей степени поражена признаніемъ Тирадо. Она поблѣднѣла какъ смерть, а черезъ минуту яркая краска разлилась по ея лицу. Повидимому, она потеряла всякое присутствіе духа и вскричала съ горькимъ негодованіемъ:

— Какъ! Вы, бывшій францисканскій монахъ, дерзнули поднять глаза на Марію Нуньесъ Гомемъ? И теперь хотите воспользоваться выгоднымъ положеніемъ, которое даетъ вамъ наша печальная судьба?

Дальше она не могла говорить.

Эти жестокія слова произвели на Тирадо сильное, но не разрушительное впечатлѣніе. Онъ выпрямился и гордо сложилъ руки на груди.

— Успокойтесь, синьора, — возразилъ онъ.— Развѣ я сказалъ, что ищу руки вашей дочери? Развѣ сказалъ, что когда нибудь имѣю въ виду сдѣлать это? Что Марія Нуньесъ когда нибудь услышитъ это признанье? Нѣтъ, никогда! Только мать будетъ знать мою тайну, и то потому только, что она отдаетъ на мое попеченіе свое дитя. Впрочемъ, я полагаю,—чтобы защитить францисканскаго монаха,—что фамилія Тирадо не особенно многимъ уступаетъ Гомемъ, и что если членовъ моей семьи раньше чѣмъ вашихъ уничтожили пытки и костры инквизиціи, то это было только дѣломъ времени. Францисканскимъ монахомъ не я себя сдѣлалъ и не я совлекъ съ себя францисканскаго монаха. Рука Господа наложила на сироту-ребенка эти оковы, и она же разбила ихъ. Считаю нужнымъ замѣтить еще, что изъ признаній брата Іеронимо передъ смертью выяснилось между прочимъ, что большая часть состоянія фамиліи Тирадо не попала въ руки государства и церкви, но была передана на сохраненіе одному англійскому торговому дому. Во

время пребыванія моего въ Лондонѣ съ дономъ Самуиломъ я получилъ эту сумму. Если въ настоящее время у меня осталась только незначительная часть ея, то это оттого, что я помогъ принцу Оранскому въ ту минуту, когда онъ, стоя на границѣ Германіи, не имѣлъ средствъ содержать ни одного рядового. То былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, въ которые лишній часъ можетъ рѣшить судьбу дѣла, какъ бы ни велико оно было. Вотъ что я имѣлъ возразить вамъ.

Молодой человѣкъ еще не совсѣмъ окончилъ свою рѣчь, и глаза его еще выражали всю горькую скорбь его души, когда Майоръ подбѣжала къ нему, схватила его за руки и воскликнула:

— О, Яковъ, вы правы,—унижайте меня, стыдите всѣми этими признаніями, потому что я заслужила это,—но простите! Видите, теперь я знаю, что и во мнѣ живъ врагъ справедливости и истины, что и во мнѣ тлѣетъ еще подъ пепломъ надменность тщеславной испанки, которую можетъ раздуть въ пламя вѣтеръ безумнаго возбужденія... Какою низкою, какою мелкою и эгоистичною кажусь я себѣ передъ вами—великимъ, благороднымъ человѣкомъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, не перебивайте меня, не мѣшайте мнѣ, дайте мнѣ искупить мой минутный проступокъ, чтобы я вѣчно помнила этотъ часъ, но помнила не къ полному моему позору!.. Простите меня: вы вѣдь достойнѣйшій, значительнѣйшій человѣкъ, какого я когда либо встрѣчала на свѣтѣ!..

Тирадо едва могъ воспрепятствовать ей склонить передъ нимъ колѣни. Она упала на его грудь, зарыдала и сквозь слезы невнятно проговорила:

— Да, я довѣряю вамъ мое дитя, довѣряю вполнѣ и безусловно!

Тирадо только пожатіемъ руки отвѣчалъ ей. Когда Майоръ нѣсколько поуспокоилась, онъ коротко и ясно повторилъ ей все, что предстояло сдѣлать, и удалился. Черезъ нѣсколько минутъ онъ совсѣмъ исчезъ въ ночной темнотѣ.

Майоръ, глубоко потрясенная, упала въ кресло. Все, испытанное, выстраданное ею въ этотъ часъ, снова прошло въ ея душу, снова выз-

вало тысячи болѣзненныхъ ощущеній. Но умственно она все-таки чувствовала себя просвѣтленною и укрѣпившеюся; и ей, и Якову Тирадо выпало на долю рѣдкое счастье—встрѣтить родственную душу и найти въ ней божественное начало, свѣтящее тѣмъ ярче и лучезарнѣе, что лучамъ его приходится пробиваться сквозь туманныя пятна и тѣни земнаго, въ которыхъ никогда и нигдѣ нѣтъ недостатка.

Перев. **Петръ Вейнбергъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ КАПИЩѢ.

Протяжнѣе звучитъ жрецовъ унылый хоръ;
Стихаетъ баядеръ неистовая пляска,
Усталымъ пламенемъ горитъ ихъ дикій взоръ
И гаснетъ на щекахъ пылающая краска.
Ужъ каплетъ медленнѣй душистая смола
Изъ вазы бронзовой на уголь раскаленный,
И тихо крадется таинственная мгла
По нишамъ и угламъ божницы золоченной.
А въ нишахъ по стѣнамъ сидитъ недвижный рядъ
Гранитныхъ идоловъ. Ихъ каменныя очи
Сквозь сумракъ на меня загадочно глядятъ...
Мнѣ жутко въ этой мглѣ, мнѣ душно,—но нѣтъ мочи
Уйти отъ взора ихъ: какой-то тайный страхъ
Уста мои сковалъ. Безъ мысли и безъ слова
Гляжу на лица ихъ, померкшія сурово,
Гляжу,—и мнится мнѣ на мертвыхъ ихъ устахъ
Улыбка жалости и ѣдкаго презрѣнья
Зазыблилась едва, застыла безъ движенья,

И шопотъ, медленный какъ мѣрный шумъ дождя
Въ безвѣтріи ночномъ, души моей коснулся:

„... Безумный человѣкъ, безумное дитя!...
Отъ этихъ стѣнъ, какъ цѣпь, далеко протянулся
Столѣтій рядъ; звено послѣднее лежитъ
На паперти того сіяющаго храма,
Гдѣ яркимъ пламенемъ иной алтарь горитъ,
Клубится облако иного ѳиміама;
И богъ иной царитъ въ могучемъ храмѣ томъ,—
Не идолъ каменный, объятый мертвымъ сномъ,
Безъ власти и безъ силъ, безъ ласки, безъ отвѣта,—
Но вѣчный и живой, взирающій кругомъ
Съ улыбкой благостной участья и привѣта,
Богъ мира и любви, богъ истины и свѣта.
Неправда-ль, какъ предъ нимъ и жалокъ и смѣшонъ
Весь этотъ ветхій міръ, весь блескъ и шумъ, и звонъ,
И наши алтари, и гимны, и куренья!...
Но тамъ, у васъ, скажи—умолкъ-ли плачъ и стонъ?
Разсѣянъ-ли кошмаръ безсилья и сомнѣнья?
О, да! кому-жъ грустить, кому-же плакать тамъ,
Гдѣ все, что̀ истинно, правдиво и прекрасно,
Такъ близко разуму, такъ дорого сердцамъ
И взорамъ такъ свѣтло, отчетливо и ясно?
Ахъ, тамъ, неправда-ли?—и радости свѣтлѣй,
И нѣтъ тамъ ни тоски, ни гнѣва, ни печали?
Скажи—вѣдь люди тамъ давно уже познали,

Чѣмъ сдѣлать жизнь свою и шире и полнѣй?
Какія-жъ тамъ должны поля цвѣсти, какія
Долины зеленѣть, сады благоухать
И пѣсни, звонкія, свободныя, живыя,
Въ тѣхъ рощахъ и поляхъ рождаться и звучать!
Скажи... Но что съ тобой? Зачѣмъ въ тоскѣ безплодной
Ты голову склонилъ, вздыхая и грустя?
Ты стонешь? Гдѣ? Предъ кѣмъ? Ты, гордый и свободный,
Ты слезы льешь... На что? На камень нашъ холодный?..
О, бѣдный человѣкъ! О, бѣдное дитя!..“

С. Фругъ.

ИММАНУИЛЪ РИМСКІЙ,

ЛИРИЧЕСКІЙ ПОЭТЪ И САТИРИКЪ XIV СТОЛѢТІЯ.

Историко-литературный этюдъ *.

III.

Лирика Иммануила.

Лирическій отдѣлъ — количественно самый значительный и качественно самый важный въ произведеніяхъ Иммануила. И въ этомъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаютъ стихотворенія эротическаго содержанія.

Многообразна эротическая поэзія по своимъ видамъ и оттѣнкамъ. Мотивы ея разнообразятся до безконечности; они мѣняются, смотря по настроенію поэта и по тому, какой именно моментъ любви онъ воспѣваетъ: моментъ-ли «влюбленности», моментъ «торжествующей любви», или трагическій моментъ, когда любовь уже прошла, оставивъ въ сердцѣ пустоту или неисцѣлимыя раны. Первый моментъ — весна любви—обыкновенно представляетъ наиболѣе подходящій матеріалъ для поэтическаго вдохновенія: это время бурныхъ стремленій, возвышенныхъ чувствъ и пламенныхъ надеждъ, время истиннаго счастія, ибо тайна счастія лежитъ не въ *достиженіи* желанія, а въ *стремленіи* къ его достиженію: ибо—

Nur im Streben liegt das Leben,
Im Erreichen liegt der Tod.

Второй моментъ—знойное лѣто любви—наименѣе благопріятенъ для сильнаго поэтическаго вдохновенія, также въ силу при-

---

* См. Восходъ кн. 3.

веденнаго психологическаго закона: любовь торжествующая упраздняетъ «бурныя стремленія» и вмѣстѣ съ ними утрачиваетъ всю ихъ поэзію, все обаяніе. Третій моментъ — мрачная осень любви—опять даетъ поэту неисчерпаемый матеріалъ для пѣснопѣній: скорбь о быломъ, горечь и муки любви, ужасъ разлуки, демонъ раскаянія...

Съ другой стороны, воззрѣніе поэта на любовь вообще, въ связи съ его настроеніемъ, рѣшаетъ выборъ между этими различными мотивами и ихъ безчисленными оттѣнками. Дѣйствительно, много-ли общаго между выспреннею, мистическою и благодушною эротикою Петрарки, Шиллера, Виктора Гюго, и пр. — и реальною, мрачною и пессимистическою эротикой Гейне, Альфреда де-Мюссе, Байрона или Лермонтова? Что общаго между отвлеченною, эѳирною любовью «цѣломудреннаго обожателя Лауры» Петрарки, сентиментально и не безъ внутренняго удовольствія вздыхающаго о какомъ-то небесномъ созданіи,—и мрачными, полными отчаянія и дѣйствительной скорби жалобами Байрона на «отраву любви» *, ея обманчивость и призрачность? Чѣмъ-то весеннимъ и бодрящимъ вѣетъ на васъ отъ сладкозвучныхъ пѣсенъ перваго рода: онѣ звучатъ въ вашихъ ушахъ какъ призывъ къ жизни, къ счастью и надеждѣ; но безнадежность и тоску, какъ заунывный и похоронный звонъ, вселяютъ въ вашу душу пѣсни второго рода; эти жалобныя пѣсни, сущность которыхъ столь рѣзко выражена въ стихахъ нашего байрониста—Лермонтова:

Любить?—но кого же?.. На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка...

Сопоставьте, напримѣръ, философски-мистическую любовь Шиллера, поющаго своей Лаурѣ о томъ, что любовь — душа міро-

---

* That love had arrows, well I knew;
Alas! I find them poison'd too (Byron),—
т. е. «Что любовь имѣетъ стрѣлы, я всегда хорошо зналъ;
Увы! впослѣдствіи я убѣдился, что эти стрѣлы пропитаны ядомъ».

зданія, символъ счастія и синонимъ всего святого и божественнаго; или велерѣчивый, оптимистическій возгласъ Виктора Гюго:

...Oh! l'amour c'est la vie!
C'est tout ce qu'on regrette et tout ce qu'on envie...
Sans lui rien n'est complet, sans lui rien ne rayonne *;—

сопоставьте это съ горькою, сердце разрывающею любовною пѣснью Гейне, которой слѣдующія вступительныя строфы въ «Buch der Lieder» могутъ служить эпиграфомъ:

Entzückende Marter und wonniges Weh!
Der Schmerz wie die Lust unermesslich!
Derweilen des Mundes Kuss mich beglückt,
Verwunden die Tatzen mich grässlich...
O Liebe! wass soll es bedeuten,
Dass du vermischest mit Todesqual
All' deine Seligkeiten?.. **.

—и вы поймете, какъ сильно вліяютъ на содержаніе эротической поэзіи міровоззрѣніе и настроеніе поэта.

Всѣ подобныя сравненія приводятъ къ заключенію, что есть два разряда эротическихъ поэтовъ: идеалисты—вѣрующіе и реалисты—скептики. Первые идеализируютъ любовь, возводятъ ее въ отвлеченный принципъ — и въ такой отвлеченной любви видятъ источникъ безконечнаго счастія; послѣдніе берутъ любовь какъ она есть, любовь реальную, земную — и видятъ въ ней смѣсь удовольствія съ страданіемъ, въ которой, однако, элементъ страданія сильнѣе, такъ какъ онъ является въ концѣ... Реалистъ-скептикъ Гейне геніально охарактеризовалъ любовь, назвавъ ее «звѣздою въ кучѣ мусора» («Du fragst mich, Kind, was Liebe ist? — Ein Stern in einem Haufen Mist»); идеалисты же видятъ только «звѣзду» и не замѣчаютъ окружающаго ее «мусора», или точнѣе они извлекаютъ звѣзду изъ ея грубой земной оболочки, очищаютъ и возвышаютъ ее — и въ

* Т. е. «Любовь—это жизнь. Это—все о чемъ вздыхаютъ и все, чего желаютъ. Безъ любви нѣтъ совершенства; безъ нея нѣтъ блеска».

** «Восхитительное мученичество и блаженная боль! Безграничное страданіе и безграничное удовольствіе. Въ ту минуту, когда поцѣлуй ея устъ дѣлаетъ меня счастливымъ, ея лапы меня страшно царапаютъ... О любовь! Что это означаетъ, что всѣ свои блага ты смѣшиваешь съ смертельною мукою?..

[illegible] [illegible] ей поклоняются. — Есть между этими двумя противоположными родами эротиковъ еще одинъ средній родъ: это — эротики-олимпійцы, видящіе и положительную, и отрицательную стороны любви, но относящіеся къ нимъ обѣимъ совершенно спокойно, величаво, какъ къ чему-то фатальному неизбѣжному. Таковы — Дантъ, Гете, отчасти Пушкинъ. Какой глубокій контрастъ, напримѣръ, между величавыми, спокойными гекзаметрами «Римскихъ Элегій» и бурными, страстными жалобами гейневскихъ «Junge Leiden»!.. Но этотъ средній типъ лириковъ крайне рѣдокъ. Чаще всего поэтъ примыкаетъ къ одному изъ различаемыхъ нами двухъ разрядовъ; онъ — или идеалистъ, или реалистъ. Сообразно своему воззрѣнію на любовь вообще, поэтъ изображаетъ различные моменты любви: идеалистъ воспѣваетъ вѣчное блаженство любви, какъ вѣрующій восхваляетъ своего Бога, воспѣваетъ серьезно, вдохновенно; реалистъ же скептикъ воспѣваетъ даже торжествующую любовь иронически, съ горькою насмѣшкою, или же въ такихъ обыденныхъ прозаическихъ выраженіяхъ, которыя для идеалиста казались бы кощунственными. Реалистъ знаетъ, что «вѣчно любить невозможно», онъ предвидитъ грустный финалъ любви—и потому въ веселомъ настроеніи совѣтуетъ «ловить легкокрылую любовь», въ грустномъ же настроеніи—проклинаетъ ея муки и ея суетность.

Къ этому послѣднему роду эротическихъ поэтовъ принадлежитъ и Иммануилъ. Его, дѣйствительно, можно назвать «средневѣковымъ Гейне», въ томъ смыслѣ, что въ его эротикѣ преобладаетъ чисто-гейневское настроеніе: реализмъ и иронія. Онъ смотритъ на любовь по-просту, конкретно. Онъ не только считаетъ ее, какъ Гейне, роковою по своимъ послѣдствіямъ, но какъ сынъ своего вѣка онъ въ глубинѣ души признаетъ ее грѣховною. И все-таки онъ не можетъ освободиться отъ ея чаръ. Поэтическое вдохновеніе диктуетъ ему такія, напримѣръ, пламенныя строфы:

Есть у милой пара глазъ,
Рвущихъ сердце пополамъ.
Въ нихъ горитъ огонь любви,
Буря страсти въ нихъ кипитъ.

дона Паллаче, но ея красота, грація, доброта, умъ неодолимо увлекли и очаровали меня. Я боролся съ этимъ чувствомъ, потому что ваша дочь была вѣдь невѣстою дона Самуила, я побѣдилъ его, но не могъ вытѣснить изъ моего сердца; дѣлу дона Самуила я служилъ охотно и радостно. Никогда никому не сознался бы я въ этомъ,—теперь это оказалось необходимымъ...

Синьора Майоръ была въ высшей степени поражена признаніемъ Тирадо. Она поблѣднѣла какъ смерть, а черезъ минуту яркая краска разлилась по ея лицу. Повидимому, она потеряла всякое присутствіе духа и вскричала съ горькимъ негодованіемъ:

— Какъ! Вы, бывшій францисканскій монахъ, дерзнули поднять глаза на Марію Нуньесъ Гомемъ? И теперь хотите воспользоваться выгоднымъ положеніемъ, которое даетъ вамъ наша печальная судьба?

Дальше она не могла говорить.

Эти жестокія слова произвели на Тирадо сильное, но не разрушительное впечатлѣніе. Онъ выпрямился и гордо сложилъ руки на груди.

— Успокойтесь, синьора, — возразилъ онъ.— Развѣ я сказалъ, что ищу руки вашей дочери? Развѣ сказалъ, что когда нибудь имѣю въ виду сдѣлать это? Что Марія Нуньесъ когда нибудь услышитъ это признанье? Нѣтъ, никогда! Только мать будетъ знать мою тайну, и то потому только, что она отдаетъ на мое попеченіе свое дитя. Впрочемъ, я полагаю,—чтобы защитить францисканскаго монаха,—что фамилія Тирадо не особенно многимъ уступаетъ Гомемъ, и что если членовъ моей семьи раньше чѣмъ вашихъ уничтожили пытки и костры инквизиціи, то это было только дѣломъ времени. Францисканскимъ монахомъ не я себя сдѣлалъ и не я совлекъ съ себя францисканскаго монаха. Рука Господа наложила на сироту-ребенка эти оковы, и она же разбила ихъ. Считаю нужнымъ замѣтить еще, что изъ признаній брата Іеронимо передъ смертью выяснилось между прочимъ, что большая часть состоянія фамиліи Тирадо не попала въ руки государства и церкви, но была передана на сохраненіе одному англійскому торговому дому. Во

время пребыванія моего въ Лондонѣ съ дономъ Самуиломъ я получилъ эту сумму. Если въ настоящее время у меня осталась только незначительная часть ея, то это оттого, что я помогъ принцу Оранскому въ ту минуту, когда онъ, стоя на границѣ Германіи, не имѣлъ средствъ содержать ни одного рядового. То былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, въ которые лишній часъ можетъ рѣшить судьбу дѣла, какъ бы ни велико оно было. Вотъ что я имѣлъ возразить вамъ.

Молодой человѣкъ еще не совсѣмъ окончилъ свою рѣчь, и глаза его еще выражали всю горькую скорбь его души, когда Майоръ подбѣжала къ нему, схватила его за руки и воскликнула:

— О, Яковъ, вы правы,—унижайте меня, стыдите всѣми этими признаніями, потому что я заслужила это,—но простите! Видите, теперь я знаю, что и во мнѣ живъ врагъ справедливости и истины, что и во мнѣ тлѣетъ еще подъ пепломъ надменность тщеславной испанки, которую можетъ раздуть въ пламя вѣтеръ безумнаго возбужденія... Какою низкою, какою мелкою и эгоистичною кажусь я себѣ передъ вами—великимъ, благороднымъ человѣкомъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, не перебивайте меня, не мѣшайте мнѣ, дайте мнѣ искупить мой минутный проступокъ, чтобы я вѣчно помнила этотъ часъ, но помнила не къ полному моему позору!.. Простите меня: вы вѣдь достойнѣйшій, значительнѣйшій человѣкъ, какого я когда либо встрѣчала на свѣтѣ!..

Тирадо едва могъ воспрепятствовать ей склонить передъ нимъ колѣни. Она упала на его грудь, зарыдала и сквозь слезы невнятно проговорила:

— Да, я довѣряю вамъ мое дитя, довѣряю вполнѣ и безусловно!

Тирадо только пожатіемъ руки отвѣчалъ ей. Когда Майоръ нѣсколько поуспокоилась, онъ коротко и ясно повторилъ ей все, что предстояло сдѣлать, и удалился. Черезъ нѣсколько минутъ онъ совсѣмъ исчезъ въ ночной темнотѣ.

Майоръ, глубоко потрясенная, упала въ кресло. Все, испытанное, выстраданное ею въ этотъ часъ, снова прошло въ ея душу, снова выз-

она идетъ молиться, и, пораженный ея красотою, подходитъ къ ней и начинаетъ ей сыпать комплименты; но красавица рѣзко его останавливаетъ и, обозвавъ его негодяемъ, съ гнѣвомъ отворачивается отъ него. Влюбленный поэтъ, однако, не унываетъ: онъ шлетъ къ своей возлюбленной пламенное посланіе, гдѣ объясняется ей въ любви и укоряетъ ее за то, что, будучи одарена природою такими чудными качествами, она не пользуется ими для того, чтобы очаровывать и дѣлать счастливыми влюбленныхъ. Красавица, получивъ письмо, негодуетъ и отвѣчаетъ длиннымъ посланіемъ, гдѣ, опять обругавъ своего воздыхателя нелестными эпитетами, совѣтуетъ ему «покинуть надежду навсегда». За этимъ слѣдуетъ новое посланіе поэта къ своей возлюбленной, гдѣ онъ иронически замѣчаетъ, что ея негодованіе ему очень нравится, такъ какъ у женщинъ это — первый шагъ къ любви: «на устахъ у нихъ упреки и гнѣвныя рѣчи, а въ сердцѣ—любовь и состраданіе». Получивъ опять отъ предмета своей страсти гнѣвное письмо, поэтъ, наконецъ, вооружается всѣми чарами своей поэзіи, чтобы склонить непреклонную. Сначала онъ рисуетъ ей въ прозѣ картину взаимнаго счастія влюбленныхъ и противопоставляетъ этому ужасную картину одиночества и тоски, которую почувствуетъ она впослѣдствіи, когда ея красота поблекнетъ и она спохватится, что никогда не наслаждалась молодостью и любовью, хотя и могла въ избыткѣ наслаждаться тѣмъ и другимъ. Къ этому прозаическому посланію онъ присовокупляетъ сонетъ, который по чудной гармоніи формы, по музыкальности и прелести стиха можетъ считаться лирическимъ chef d'oeuvre. Въ звучныхъ восьмистопныхъ хореяхъ, поэтъ изливаетъ свою пламенную страсть и свою тоску по недосягаемомъ существѣ. «Идите, пѣсни мои,—восклицаетъ онъ,—идите въ домъ моей возлюбленной, огласите жалобными воплями всѣ холмы на дорогѣ, и (пришедши къ ней) скажите: «О, прелестная и ужасная, непорочная и очаровательная! До какихъ поръ будешь ты колебаться! Когда же смилуешься ты?.. Прими же мое сердце: оно для тебя будетъ безопаснымъ убѣжищемъ, крѣпче всякой крѣпости. Приди же подъ сѣнь моей любви, ненаглядная!» Противъ этого поэтическаго натиска красавица уже не устояла: страсть поэта со-

ВЪ КАПИЩѢ.

Протяжнѣе звучитъ жрецовъ унылый хоръ;
Стихаетъ баядеръ неистовая пляска,
Усталымъ пламенемъ горитъ ихъ дикій взоръ
И гаснетъ на щекахъ пылающая краска.
Ужъ каплетъ медленнѣй душистая смола
Изъ вазы бронзовой на уголь раскаленный,
И тихо крадется таинственная мгла
По нишамъ и угламъ божницы золоченной.
А въ нишахъ по стѣнамъ сидитъ недвижный рядъ
Гранитныхъ идоловъ. Ихъ каменныя очи
Сквозь сумракъ на меня загадочно глядятъ...
Мнѣ жутко въ этой мглѣ, мнѣ душно,—но нѣтъ мочи
Уйти отъ взора ихъ: какой-то тайный страхъ
Уста мои сковалъ. Безъ мысли и безъ слова
Гляжу на лица ихъ, померкшія сурово,
Гляжу,—и мнится мнѣ на мертвыхъ ихъ устахъ
Улыбка жалости и ѣдкаго презрѣнья
Зазыблилась едва, застыла безъ движенья,

И шопотъ, медленный какъ мѣрный шумъ дождя
Въ безвѣтріи ночномъ, души моей коснулся:

„... Безумный человѣкъ, безумное дитя!...
Отъ этихъ стѣнъ, какъ цѣпь, далеко протянулся
Столѣтій рядъ; звено послѣднее лежитъ
На паперти того сіяющаго храма,
Гдѣ яркимъ пламенемъ иной алтарь горитъ,
Клубится облако иного ѳиміама;
И богъ иной царитъ въ могучемъ храмѣ томъ,—
Не идолъ каменный, объятый мертвымъ сномъ,
Безъ власти и безъ силъ, безъ ласки, безъ отвѣта,—
Но вѣчный и живой, взирающій кругомъ
Съ улыбкой благостной участья и привѣта,
Богъ мира и любви, богъ истины и свѣта.
Неправда-ль, какъ предъ нимъ и жалокъ и смѣшонъ
Весь этотъ ветхій міръ, весь блескъ и шумъ, и звонъ,
И наши алтари, и гимны, и куренья!...
Но тамъ, у васъ, скажи—умолкъ-ли плачъ и стонъ?
Разсѣянъ-ли кошмаръ безсилья и сомнѣнья?
О, да! кому-жъ грустить, кому-же плакать тамъ,
Гдѣ все, что̀ истинно, правдиво и прекрасно,
Такъ близко разуму, такъ дорого сердцамъ
И взорамъ такъ свѣтло, отчетливо и ясно?
Ахъ, тамъ, неправда-ли?—и радости свѣтлѣй,
И нѣтъ тамъ ни тоски, ни гнѣва, ни печали?
Скажи—вѣдь люди тамъ давно уже познали,

Чѣмъ сдѣлать жизнь свою и шире и полнѣй?
Какія-жъ тамъ должны поля цвѣсти, какія
Долины зеленѣть, сады благоухать
И пѣсни, звонкія, свободныя, живыя,
Въ тѣхъ рощахъ и поляхъ рождаться и звучать!
Скажи... Но что съ тобой? Зачѣмъ въ тоскѣ безплодной
Ты голову склонилъ, вздыхая и грустя?
Ты стонешь? Гдѣ? Предъ кѣмъ? Ты, гордый и свободный,
Ты слезы льешь... На что? На камень нашъ холодный?..
О, бѣдный человѣкъ! О, бѣдное дитя!..“

С. Фругъ.

ИММАНУИЛЪ РИМСКІЙ,

ЛИРИЧЕСКІЙ ПОЭТЪ И САТИРИКЪ XIV СТОЛѢТІЯ.

Историко-литературный этюдъ *.

III.

Лирика Иммануила.

Лирическій отдѣлъ — количественно самый значительный и качественно самый важный въ произведеніяхъ Иммануила. И въ этомъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаютъ стихотворенія эротическаго содержанія.

Многообразна эротическая поэзія по своимъ видамъ и оттѣнкамъ. Мотивы ея разнообразятся до безконечности; они мѣняются, смотря по настроенію поэта и по тому, какой именно моментъ любви онъ воспѣваетъ: моментъ-ли «влюбленности», моментъ «торжествующей любви», или трагическій моментъ, когда любовь уже прошла, оставивъ въ сердцѣ пустоту или неисцѣлимыя раны. Первый моментъ — весна любви—обыкновенно представляетъ наиболѣе подходящій матеріалъ для поэтическаго вдохновенія: это время бурныхъ стремленій, возвышенныхъ чувствъ и пламенныхъ надеждъ, время истиннаго счастія, ибо тайна счастія лежитъ не въ *достиженіи* желанія, а въ *стремленіи* къ его достиженію: ибо—

Nur im Streben liegt das Leben,
Im Erreichen liegt der Tod.

Второй моментъ—знойное лѣто любви—наименѣе благопріятенъ для сильнаго поэтическаго вдохновенія, также въ силу при-

---

* См. Восходъ кн. 3.

меркли звѣзды ихъ разума, я былъ для нихъ солнцемъ и луною (отъ которыхъ заимствовали они свой свѣтъ), за то, что, когда они блуждали въ путяхъ знанія, я имъ указывалъ вѣрный путь!» Но потомъ гордость и чувство достоинства просыпаются въ поэтѣ: подумавъ о своемъ духовномъ величіи, онъ приходитъ къ убѣжденію, что ему нечего обращать вниманія на окружающихъ его жалкихъ тварей, что не онъ, а его враги достойны сожалѣнія. «О, еслибъ они увидѣли потокъ моего разума, они бы презрѣли свое жалкое болото. Еслибъ они понюхали моихъ благовоній, имъ бы опротивѣли ихъ куренія... Мое солнце затмитъ ихъ жалкій блескъ... Я буду жить въ памяти поколѣній, буду ихъ исправлять, буду ихъ главой и помазанникомъ. Народы будутъ шествовать при свѣтѣ моихъ пѣсенъ и цари—при ихъ блескѣ»... Это — своего рода «Exegi monumentum»...

Между элегическими стихотвореніями слѣдуетъ еще отмѣтить превосходную эпитафію, написанную поэтомъ самому себѣ. Въ ней въ мрачныхъ краскахъ изображается весь трагизмъ человѣческой жизни, вся ея суетность и бурныя увлеченія, кончающіяся однимъ великимъ и ужаснымъ фактомъ — смертью. Старый и вѣчно новый вопросъ!.. Сюда же относятся нѣсколько прелестныхъ элегій, написанныхъ поэтомъ на смерть тестя и брата (кн. XIII).

Къ этой же поэтической группѣ можно причислить нѣсколько прелестныхъ религіозныхъ гимновъ *. Нѣкоторые изъ нихъ переведены Л. Цунцомъ въ его «Синагогальной Поэзіи».

Кончая анализъ лирическихъ произведеній Иммануила, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей, что для правильной оцѣнки этого поэта никогда не нужно забывать, когда онъ жилъ. Въ настоящее время, послѣ пятивѣкового непрерывнаго развитія поэзіи отъ Данта до Виктора Гюго, всевозможные лирическіе мотивы уже разработаны, многіе уже даже совершенно исчерпаны, такъ что, затрогивая ихъ, приходится невольно повторять уже сказанное. Сотни великихъ поэтовъ прошли передъ нами въ этотъ обширный періодъ; сотни лиръ

* См. въ особенности книгу XXVI.

гремѣли о любви, о разлукѣ, о природѣ, о загадкахъ бытія, обо всемъ, что волнуетъ и будетъ волновать человѣческое сердце, что исторгаетъ и будетъ исторгать слезы изъ человѣческихъ глазъ. Но не то было пять вѣковъ тому назадъ. Тогда только занималась заря поэзіи (мы оставляемъ въ сторонѣ древне-классическій міръ, отдѣленный отъ нашего и рядомъ вѣковъ, и чуждымъ намъ строемъ жизни и понятій). Дантъ явился первымъ великимъ вѣстникомъ этой зари, а Иммануилъ былъ его современникомъ и сподвижникомъ. Лирическія темы были тогда еще весьма мало разработаны; миннезенгерская поэзія была не только наивна, но и крайне однообразна и бѣдна истинно-лирическимъ элементомъ. То, что для насъ кажется теперь тривіальнымъ, старымъ, тогда еще было ново и неслыханно. Принимая во вниманіе эти именно соображенія, можемъ мы оцѣнить все величіе Иммануила, какъ лирика. Въ гармоническихъ и чудныхъ стихахъ, какихъ еще не знала тогдашняя поэзія, онъ пѣлъ о томъ, о чемъ послѣ него пѣла цѣлая фаланга геніальныхъ поэтовъ, но что тогда еще было совершенно ново въ поэзіи, и пѣлъ въ такихъ очаровательныхъ звукахъ, что даже теперь, въ эпоху наивысшаго совершенства лирическихъ формъ, нельзя безъ восхищенія читать большую часть его лирики. Онъ былъ однимъ изъ отцовъ нашей лирической поэзіи,—и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы онъ писалъ не на мертвомъ библейскомъ языкѣ, а на какомъ нибудь изъ живыхъ языковъ, имя его стояло бы теперь въ исторіи поэзіи рядомъ съ именами Данта и Петрарки, ибо его геній, по своей оригинальности, былъ близко-родственъ генію этихъ двухъ поэтовъ, которыхъ современники вѣнчали въ Капитоліи лавровыми вѣнками, а потомки въ исторіи—вѣнкомъ безсмертія.

С. Д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ *.

Обозрѣніе колоній для уясненія степени возможности сліянія ихъ съ кореннымъ населеніемъ.—Результатъ изученія—коммисія для обсужденія вопроса о передачѣ колоній въ общія учрежденія.—Не осуществившійся проектъ объ этомъ.

В. А. Иславинъ обозрѣвалъ колоніи, еще въ 1851 г., затѣмъ онъ самъ управлялъ ими около 2-хъ лѣтъ, поэтому приступая къ ихъ осмотру въ 1865 г., онъ сравнивалъ ихъ состояніе за эти два періода, съ цѣлью узнать, какіе успѣхи сдѣлали онѣ въ теченіи 15 лѣтъ. Оказалось, что вмѣсто имѣвшихся въ 1847 г. 15 поселеній, въ 1865 г. ихъ было 37, т. е. Херсонскихъ — 20 и въ Екатеринославскихъ — 17, а вмѣсто 2,210 семействъ 1851 г. ихъ, въ 1865 году, было 2,873. Въ нихъ обоего пола душъ было въ 1851 г. 14,780, а къ 1865 г. ревизскихъ душъ было 28,564, а наличныхъ 32,943 души.

Подъ поселеніями въ 1851 году состояло земли 85,563 дес., а въ 1865 г. 129,521 дес. Свободной земли для водворенія принято комитетомъ съ 1847 по 1865 годъ въ Херсонской губ. 34,581 дес. и Екатеринославской 38,917, итого 73,498 десят. Землю эту комитетъ отдавалъ съ торговъ въ оброчное содержаніе. Изъ земли, занятой подъ поселеніями, въ аренду отдавалось въ Херсонской губ. 21,063 дес. и Екатеринославской—8,890, итого 29,953 десят. Изъ вырученныхъ за участки денегъ образовывался мірской капиталъ. Средняя оброчная цѣна за десятину составляла въ Херсонской г. 96½ к. и Екатеринославской 74 к., смотря по положенію земель близь городовъ, большихъ селеній и помѣщиковъ, нуждавшихся въ землѣ. Въ массѣ оброчная плата за эти земли постепенно возвысилась въ самый день торга. Поселеній при рѣчкахъ въ 1865 г.

* См. «Восходъ», 1886 г., кн. 3.

было столько же, сколько въ 1851 году, т. е. въ Херсонской г. 13 и Екатеринославской—1, съ прудами или ставками въ Херсонской губ. въ 1851 г.—3, въ 1865 г.—7, въ Екатеринославской г. въ 1851 г.—6, а въ 1865 г.—16.

Касательно проточной воды херсонскія колоніи находились въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ екатеринославскія: херсонскихъ 2 колоніи лежали при рѣкѣ Днѣпрѣ; 5—при рѣчкахъ, которыя хотя и пересыхали, но имѣли такія углубленія, которыя всегда наполнялись водою и только 7 прудовъ имѣли воду соленую, годную лишь для скота; для людей же вырыты были колодцы, снабжавшіе водою и скотъ, когда пересыхали пруды, вновь наполнявшіеся при дождяхъ, въ екатеринославскихъ же поселеніяхъ была только одна незначительная рѣчка, и та высыхала во время засухъ; остальныя колоніи размѣщались при колодцахъ или прудахъ, изъ коихъ въ 10 держалась хорошая прѣсная вода, а въ 4-хъ горько-соленая, мало годная для питья, хотя и употреблявшаяся привычными поселянами, и въ 2-хъ совершенно горько-соленою водою, годившеюся только для скота. Въ еврейскихъ колоніяхъ въ 1851 г. считалось общественныхъ домовъ въ херсонскихъ 59, въ 1865 г.—98; въ екатеринославскихъ: въ 1851 г. 2, въ 1865 г.—24. Зданія эти строились на счетъ мірскихъ общественныхъ суммъ (кромѣ домовъ попечителя, его помощника, врача и т. п. на отпущенныя деньги), всѣ же остальныя постройки возводились по мірскимъ приговорамъ; но евреи не питали расположенія къ возведенію строеній для нуждъ управленія (приказовъ и хлѣбныхъ магазиновъ), а предпочитали строить синагоги и молитвенные дома; въ 20 херсонскихъ колоніяхъ было для сельскихъ начальниковъ и приказовъ только 11 домовъ и 8 хлѣбныхъ магазиновъ, а синагогъ и молитвенныхъ домовъ 32. Въ 17 екатеринославскихъ колоніяхъ было 2 дома для сельскихъ начальниковъ и приказовъ, ни одного хлѣбнаго магазина, а молитвенныхъ домовъ — 12. Общественные дома, исключая хлѣбныхъ магазиновъ, содержались хорошо. Частныхъ домовъ въ 1851 г. было въ херс. колоніяхъ 1,507, въ томъ числѣ каменныхъ 693, чамурныхъ 712 и плетневыхъ 102, а въ 1865 г. домовъ было 2,023, при чемъ прибыло 200 каменныхъ домовъ, 437 изъ земляного кирпича съ каменнымъ фундаментомъ и убыло 135 чамурныхъ. Значительное число домовъ разрушенныхъ, въ которыхъ запрещалось жить, и полуразрушенныхъ, было за это время исправлено. Выведено 1,305 фронтоновъ и устроено 832 палисадника и построено сараевъ и конюшенъ 269. Въ екатеринослав. колоніяхъ было въ 1851 г. 269 домовъ, а въ 1865 г.

922, большею частью изъ земляного кирпича, съ каменнымъ фундаментомъ. Выведены фронтоны на всѣхъ домахъ и устроено 167 деревянныхъ палисадниковъ и 372 сараевъ и конюшенъ.

Въ нѣкоторыхъ херсонскихъ колоніяхъ г. Иславинъ нашелъ дома въ такомъ «жалкомъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ не видалъ ни въ 1851 г., ни въ 1858 г.». «Цѣлый рядъ улицъ колоній Боброваго Кута, Новаго Берислава и Львовой» показались Иславину «грудами камней; у множества домовъ были раскрыты крыши, палисадники виднѣлись изрѣдка, деревьевъ почти нигдѣ не замѣчалось, и, если бы не порядочная синагога и принадлежавшіе образцовымъ нѣмецкимъ хозяевамъ дома (около нихъ заборы и плантаціи), то остались бы брошенныя разбредшимися колонистами, на произволъ судьбы, однѣ развалины, поддерживавшіяся лишь нѣкоторыми членами колонистскихъ семействъ, случайно еще проживавшими въ колоніяхъ». Напротивъ, въ колоніяхъ Добренькой, Ново-Ковно, Ново-Подольскъ и Ингулецъ, по свидѣтельству г. Иславина, «постройки улучшились противъ прежняго времени».

Многое въ строительномъ отношеніи зависѣло, какъ соглашался г. Иславинъ, отъ случайныхъ причинъ, но главными считалъ онъ: «недостатокъ строгаго наблюденія за содержаніемъ построекъ и дозволеніе отлучаться изъ колоній цѣлымъ семьямъ, или одновременно многимъ изъ ихъ членовъ». Попечительство «легко разрѣшало отлучки изъ колоній, правда, въ уваженіе къ неурожаямъ и другимъ бѣдствіямъ, вызывавшимъ потребность поддержать семейства посторонними заработками», но все это могло, по отзыву г. Иславина, «считаться основательнымъ лишь въ началѣ водворенія, когда евреямъ слѣдовало, независимо земледѣлія, давать еще средства къ прочному поселенію», но чрезъ полстолѣтіе спустя такія объясненія» представлялись г. Иславину «не логичными». Оттого онъ предпочиталъ «пріостановиться дозволеніемъ евреямъ часто отлучаться, подъ предлогомъ заработковъ, а заставлять ихъ въ колоніяхъ жить, заниматься въ полномъ составѣ семействъ, и исполнять правила, предначертанныя для прочнаго ихъ устройства на мѣстахъ водворенія».

Разъединеніе членовъ одного семейства составляло, по мнѣнію г. Иславина, главнѣйшій вредъ: находившіеся въ отлучкѣ «часто забывали свою принадлежность къ земледѣльцамъ; поселяясь въ городахъ, посылали въ колоніи односелянамъ на поддержку хозяйства малость изъ своихъ заработковъ, или даже ничего имъ не удѣляли, а оставшіеся въ колоніи члены семействъ, ослабленные въ рабочихъ силахъ, если бы и желали заняться

земледѣлiемъ, не располагали къ тому средствами, обрабатывали часть своихъ участковъ дурно, а остальную отдавали въ наймы, дома поддерживали кое-какъ, или же покидали все хозяйство на произволъ судьбы, а сами уходили бродяжничать по краю. Въ екатеринославскихъ поселенiяхъ всѣ эти недостатки существовали въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ въ херсонскихъ: тамъ не такъ много распускалось колонистовъ на заработки; дома, не смотря 4-хъ лѣтнiй неурожай, поддержаны были удовлетворительно; раскрытыхъ и разрушенныхъ домовъ не было, само населенiе желало устроиться прочнѣе, да и попечители умѣли прiохотить ихъ къ труду и внушить имъ бодрость въ тяжелые годы.

Отъ окрестныхъ жителей и сельскихъ начальниковъ изъ нѣмцевъ г. Иславинъ слышалъ, что ни всѣ принятыя мѣры, ни ихъ усилiя не привели и, вѣроятно, не приведутъ ни къ какому благопрiятному результату, если евреи будутъ часто и свободно отлучаться изъ колонiй, въ то же время ему указывали на отдѣльныя личности изъ евреевъ, какъ на образцовыхъ хозяевъ, которые высѣвали болѣе, чѣмъ другiе, имѣли запасы хлѣба и получали отъ земледѣлiя хорошiе доходы; въ колонiяхъ Ингулецъ, Ново-Ковно, Ново-Подольскъ и Малой Сейдеминухѣ насчитывалось по десятку такихъ хорошихъ хозяевъ; но масса ни на шагъ не подвинулась впередъ въ земледѣльческой дѣятельности. Поэтому г. Иславинъ сомнѣвался въ достовѣрности мѣстныхъ оффицiальныхъ данныхъ, рисовавшихъ состоянiе сельскаго хозяйства у евреевъ-земледѣльцевъ съ 1851 по 1865 гг. въ весьма выгодномъ свѣтѣ.

Изъ данныхъ о земледѣльческихъ орудiяхъ г. Иславинъ усматривалъ, что многiе земледѣльцы въ послѣднiя 15 лѣтъ замѣнили простыя орудiя усовершенствованными нѣмецкими, а пропорцiя этихъ орудiй, по разсчету на душу, была удовлетворительна, въ особенности по Херсонской губернiи; затѣмъ, если екатеринославскiя поселенiя въ этомъ отношенiи отстали на половину отъ херсонскихъ, то г. Иславинъ это приписывалъ новости поселенiй, постояннымъ неурожаямъ, засухѣ, саранчѣ, овражкамъ и т. п. бѣдствiямъ, дурно влiявшимъ на благосостоянiе переселенцевъ.

Съ 1860 по 1865 г. было:		По Херсон. г.	По Екатер. г.
Засѣяно десятинъ	озимаго	12526 3/4	1449 1/2
	ярового	30977 1/4	28655 1/2
Посѣяно четвертей	озимаго	8205—6	1036 1/2
	ярового	14399—2	17554
Собрано хлѣба въ 5 лѣтъ.	озимаго	33117—5	3230
	ярового	79942	39126

Т. е. въ общей сложности урожай былъ въ поселеніяхъ: херсонскихъ — самъ 5, а въ екатеринославскихъ—самъ $2^1/_2$. Успѣхъ разведенія огородныхъ овощей и картофеля выражался еще слабѣе; было посѣяно херсонскими 3,824, а екатеринославскими 3,353 четв., а уродилось въ херсонскихъ—самъ $2^1/_2$, а въ екатеринославскихъ—$1^1/_2$. Впрочемъ, и Иславинъ назвалъ послѣднія 5 лѣтъ чрезвычайно гибельными для екатеринославскихъ поселенцевъ, которые не могли обойтись безъ правительственной помощи, почему и обременили себя значительнымъ ссуднымъ долгомъ. Кромѣ того, многіе изъ хозяевъ, усердно занимавшихся хлѣбопашествомъ, занимали у частныхъ лицъ сѣмена, въ предположеніи послѣ урожая уплатить за нихъ деньги, но неурожай продолжался съ года на годъ, и долги ихъ значительно увеличились, приращеніемъ процентовъ, причемъ и лучшіе земледѣльцы сдѣлались несостоятельными. Дабы сдѣлать этихъ поселянъ исправными плательщиками казенныхъ повинностей, Иславинъ полагалъ даровать имъ прибавочную пятилѣтнюю льготу.

Въ 1865 г. неурожай произошелъ, по удостовѣренію Иславина, отъ истребленія полей овражками; въ колоніяхъ уцѣлѣла изъ засѣянныхъ полей въ однѣхъ половина, въ другихъ менѣе $^1/_6$ части посѣвовъ (въ Новомъ Златополѣ, Веселой, Красноселкѣ, Межирѣчѣ, Пріютной и Роскошной). Данное этимъ колоніямъ пособіе, только на яровой посѣвъ по 10 р. на семейство, было необходимо, но по многолюдному составу бо́льшей части еврейскихъ семействъ,—пособіе это было незначительное, отчего многіе должны были заработками пріобрѣсти себѣ средства на продовольствіе и на усиленіе посѣва». Такъ какъ со всѣхъ этихъ колоній нельзя было взыскать податей, то Иславинъ полагалъ справедливымъ «принудить къ платежу только тѣхъ, которые имѣли къ тому какую нибудь возможность, а остальнымъ разсрочить окладъ 1865 г. и недоимку прежнихъ лѣтъ на четыре года, со взносомъ ежегодно причитавшагося съ нихъ оклада».

Помимо бѣдствій, постигшихъ екатеринославскихъ евреевъ въ послѣдніе годы, по мнѣнію г. Иславина, были еще другіе «органическіе недостатки, препятствовавшіе развитію между ними сельскаго хозяйства и благосостоянія; напр., немалое число многолюдныхъ семействъ нуждались въ землѣ и потому просили о раздѣленіи ихъ семействъ и о надѣленіи лишнихъ рабочихъ членовъ земельными участками, изъ свободныхъ оброчныхъ участковъ, съ обязательствомъ устроить хозяйства на собственный счетъ». Ходатайство это Иславинъ считалъ «уважительнымъ» относительно тѣхъ

земледѣліемъ, не располагали къ тому средствами, обрабатывали часть своихъ участковъ дурно, а остальную отдавали въ наймы, дома поддерживали кое-какъ, или же покидали все хозяйство на произволъ судьбы, а сами уходили бродяжничать по краю. Въ екатеринославскихъ поселеніяхъ всѣ эти недостатки существовали въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ въ херсонскихъ: тамъ не такъ много распускалось колонистовъ на заработки; дома, не смотря 4-хъ лѣтній неурожай, поддержаны были удовлетворительно; раскрытыхъ и разрушенныхъ домовъ не было, само населеніе желало устроиться прочнѣе, да и попечители умѣли пріохотить ихъ къ труду и внушить имъ бодрость въ тяжелые годы.

Отъ окрестныхъ жителей и сельскихъ начальниковъ изъ нѣмцевъ г. Иславинъ слышалъ, что ни всѣ принятыя мѣры, ни ихъ усилія не привели и, вѣроятно, не приведутъ ни къ какому благопріятному результату, если евреи будутъ часто и свободно отлучаться изъ колоній, въ то же время ему указывали на отдѣльныя личности изъ евреевъ, какъ на образцовыхъ хозяевъ, которые высѣвали болѣе, чѣмъ другіе, имѣли запасы хлѣба и получали отъ земледѣлія хорошіе доходы; въ колоніяхъ Ингулецъ, Ново-Ковно, Ново-Подольскъ и Малой Сейдеминухѣ насчитывалось по десятку такихъ хорошихъ хозяевъ; но масса ни на шагъ не подвинулась впередъ въ земледѣльческой дѣятельности. Поэтому г. Иславинъ сомнѣвался въ достовѣрности мѣстныхъ оффиціальныхъ данныхъ, рисовавшихъ состояніе сельскаго хозяйства у евреевъ-земледѣльцевъ съ 1851 по 1865 гг. въ весьма выгодномъ свѣтѣ.

Изъ данныхъ о земледѣльческихъ орудіяхъ г. Иславинъ усматривалъ, что многіе земледѣльцы въ послѣднія 15 лѣтъ замѣнили простыя орудія усовершенствованными нѣмецкими, а пропорція этихъ орудій, по разсчету на душу, была удовлетворительна, въ особенности по Херсонской губерніи; затѣмъ, если екатеринославскія поселенія въ этомъ отношеніи отстали на половину отъ херсонскихъ, то г. Иславинъ это приписывалъ новости поселеній, постояннымъ неурожаямъ, засухѣ, саранчѣ, овражкамъ и т. п. бѣдствіямъ, дурно вліявшимъ на благосостояніе переселенцевъ.

Съ 1860 по 1865 г. было:		По Херсон. г.	По Екатер. г.
Засѣяно десятинъ	озимаго	12526 3/4	1449 1/2
	ярового	30977 1/4	28655 1/2
Посѣяно четвертей . . .	озимаго	8205—6	1036 1/2
	ярового	14399—2	17554
Собрано хлѣба въ 5 лѣтъ.	озимаго . . .	33117—5	3230
	ярового	79942	39126

нялось до 2,000 деревъ. Землею, предназначенною для плантацiи, пользовались общества; затѣмъ, напр., въ Нагартавской насчитывалось до 65,000, а въ Графской колонiи до 50,000 растенiй, разведенныхъ въ продолженiи 3—4 лѣтъ нѣмецкими садовниками, которые вмѣстѣ съ тѣмъ занимали въ колонiяхъ и должности сельскихъ начальниковъ. Евреи же «весьма неохотно принимались за посадку деревъ», а потому хотя въ палисадникахъ передъ ихъ домами и насчитывалось слишкомъ 25,000 деревъ, но въ дѣйствительности «едва-ли набиралась и половина», въ особенности въ херсонскихъ колонiяхъ, изъ которыхъ только въ Новоберио-славѣ, Львовой, Ефенгарѣ, Новоподольскѣ, Ново-Ковнѣ и Ново-Витебскѣ «виднѣлись въ палисадникахъ растенiя, въ остальныхъ же кое-гдѣ торчали лишь голые прутики».

Скотоводство въ колонiяхъ представлялось г. Иславину въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ 1851 году.		Въ 1865 году.		Противъ прежняго прибыло.		Противъ прежняго убыло.
	Херсонскихъ.	Екатеринослав.	Херсонскихъ.	Екатеринослав.	Херсонскихъ.	Екатеринослав.	Херсонскихъ.
Рабочихъ воловъ	1205	—	440	4	—	4	765
Лошадей	997	499	2228	1034	1231	585	—
Коровъ и гулеваго скота	4062	788	5579	1668	1517	880	—
Овецъ	1393	—	4291	1230	2948	1230	—

Значительное уменьшенiе воловъ объяснялъ Иславинъ замѣною ихъ лошадьми, по примѣру нѣмецкихъ хозяевъ, убѣдившихся опытомъ, что лошади были гораздо быстрѣе въ работѣ, чѣмъ волы, и менѣе ихъ подвержены заразѣ и падежу. Далѣе Иславинъ полагалъ, что овцеводство еще болѣе увеличилось бы, если бы «еврейскiя общества, всегда готовыя препятствовать успѣхамъ хорошихъ хозяевъ, не облагали желавшихъ держать болѣе скота слишкомъ высокою платою за выпасъ ихъ на общественной землѣ». Небрежный уходъ евреевъ за скотомъ составлялъ «главную причину худого его состоянiя и частыхъ болѣзней.» Тѣмъ не менѣе конюшенъ для скота прибавилось противъ 1851 г. въ колонiяхъ: херсонскихъ—269, а въ екатеринославскихъ—372.

Сельскихъ начальниковъ было: на 20 херсонскихъ колонiй 13, а на 17 екатеринославскихъ—3. Опредѣленiе этихъ начальниковъ, на которыхъ

семействъ, которыя хорошо занимались хлѣбопашествомъ и располагали состояніемъ устроить отдѣльныя хозяйства».

Евреи при поселеніи надѣлены были земельными участками посемейно; первоначально семейство должно было состоять изъ 3-хъ, а впослѣдствіи изъ 2-хъ рабочихъ душъ; гдѣ же не доставало рабочихъ, приписывали ихъ изъ другихъ семействъ, при чемъ каждый рабочій пользовался своею частью земли. Съ теченіемъ времени одни семейства, размножаясь, имѣли отъ 4 до 7 рабочихъ душъ, другія сокращались до того, что сохраняли только по одному рабочему; главы третьихъ—умирали. Во всѣхъ случаяхъ возникали споры: кому пользоваться и какимъ количествомъ земельнаго участка? Для уравненія колонистовъ въ земельныхъ правахъ, Иславинъ находилъ полезнымъ надѣлить ихъ надѣломъ, какъ государственныхъ крестьянъ, по 8 десятинъ на душу, чего желали и сами поселенцы, выразившіе ему это въ нѣсколькихъ прошеніяхъ, переданныхъ имъ на обсужденіе комитета. Этимъ способомъ уравнился бы и платежъ податей, опредѣлявшійся по ревизскимъ душамъ, тогда какъ колонисты разлагали оброчную подать на души, что Иславину показалось «весьма несправедливымъ при неуравнительномъ пользованіи евреями землею».

Не смотря на всѣ неудачи, испытанныя екатеринославскими земледѣльцами, они представлялись г. Иславину устроенными «гораздо надежнѣе, нежели херсонскіе, гдѣ народъ, особенно въ старыхъ колоніяхъ, былъ», по мнѣнію г. Иславина, «безнравственнѣе и распущеннѣе, чѣмъ въ екатеринославскихъ поселеніяхъ».

Запасовъ продовольствія было въ херсонскихъ поселеніяхъ не достаточно. Запасный хлѣбъ, пополнявшійся общественною запашкою на 272 десятинахъ, ежегодно давалъ до 173 четверт. 6 четвериковъ хлѣба. Запашка эта приходилась каждому хозяину въ 6 р. 56¼ к. въ годъ, дороже денежнаго сбора для закупки хлѣба, а продовольственный капиталъ, образовывавшійся отдѣленіемъ по 6 коп. на ревизскую душу изъ мірскихъ доходовъ (441 р. 24 коп. въ годъ), скопился къ 1865 г. въ 5,355 р. 12 коп.

Въ 1851 г. Иславинъ писалъ, что «лѣсныя плантаціи въ колоніяхъ «худо удались отъ сильныхъ жаровъ, вѣтровъ и засухи—въ лѣтнее время, и безснѣжья—въ зимнее; незначительная же часть деревъ осталась только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотя изрѣдка перепадали дожди», а въ 1865 г. онъ въ участкахъ, отведенныхъ подъ плантаціи, не нашелъ «ни одного дерева», за исключеніемъ колоніи Графской, въ которой посажено и при-

евреевъ приписывали къ упряжи, какъ они самовольно отлучались изъ колоніи и бродяжничали. Иславинъ сожалѣлъ объ уничтоженіи рабочихъ упряжей, какъ объ одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ наказанія нерадивыхъ и бродягъ, тѣмъ болѣе, что практиковавшіяся слабыя взысканія потворствовали бродяжничеству и лѣни: 2—3 дня работы въ общественной плантаціи или штрафъ по одной копѣйкѣ за просроченный день никого не воздерживали отъ бродяжничанья, въ особенности, когда «городскія и сельскія полиціи покровительствовали бродягамъ».

Впрочемъ, главное препятствіе къ процвѣтанію колоній Иславинъ видѣлъ въ еврейскомъ «религіозномъ фанатизмѣ», и въ «дурныхъ обычаяхъ, въ теченіи 15 лѣтъ не только не ослабившихся, но еще усилившихся». Выводъ этотъ Иславинъ основывалъ на томъ, что въ 1851 г. въ 25 колоніяхъ было меламдовъ 110, а въ 1865 г. въ 37 колоніяхъ ихъ набралось уже 135; синагогъ и молитвенныхъ домовъ считалось въ 1851 г.—24, а въ 1865 г.—44 *. На постройку синагогъ и молитвенныхъ домовъ евреи «всегда находили средства, а на возведеніе общественныхъ построекъ не склонялись; духовныя же лица были въ колоніяхъ не только безполезны, но еще останавливали развитіе поселеній—поддержкою въ колонистахъ мысли, будто бы они, какъ народъ избранный, не предназначены къ тяжкому земледѣльческому труду, составляющему горькій удѣлъ гоя, при этомъ старались сохранить талмудъ во всей его полнотѣ, а съ нимъ древніе обычаи и предразудки». Г. Иславинъ нашелъ въ колоніяхъ по 2 и даже по 3 молитвенныхъ дома, устроенныхъ для сектъ миносгдимъ и хассидимъ. Послѣдняя считалась, по мнѣнію Иславина, «вреднѣе первой, по фанатизму, а центромъ ея являлась колонія Романовка, гдѣ существовало еще особое талмудическое заведеніе Уешива (родъ духовной академіи), вредно вліявшее на всѣ колоніи». Цѣль этого заведенія была чисто богословская, въ него собирались молодые люди изъ колоній и даже городовъ для полученія высшихъ познаній въ талмудѣ, подъ руководствомъ нѣсколькихъ меламдовъ изъ секты хассидовъ и подъ надзоромъ старшаго меламда Рамсъ-Іешивы.

Искоренять религіозный фанатизмъ мѣрами административными Иславинъ

---

* Весьма странный выводъ, если принять во вниманіе столь значительно возросшее количество населенія въ колоніяхъ. Вообще весь отчетъ Иславина не отличается особенною убѣдительностью и, очевидно, составленъ подъ вліяніемъ измѣнившихся въ извѣстныхъ сферахъ взглядовъ на евр. земл. колоніи.
Ред.

находилъ невозможнымъ, а потому предлагалъ сдѣлать это чрезъ образованныхъ евреевъ, которыхъ въ Одессѣ, на это дѣло, было не малое число, особенно, если поощрять ихъ почетными наградами. Однимъ изъ нихъ г. Иславинъ считалъ еврея Гуревича (содержалъ въ Одессѣ частный пансіонъ и состоялъ при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ спеціально по еврейскимъ дѣламъ), который ранѣе того нѣсколько разъ объѣзжалъ еврейскія колоніи, для изученія ихъ въ учебномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Внушенія такого единовѣрца казались Иславину гораздо болѣе дѣйствительными, чѣмъ всѣ «неловкіе пріемы администраціи». Иславинъ совѣтовалъ командировать Гуревича въ колоніи, для составленія предположенія какъ устроить учебную часть у евреевъ-земледѣльцевъ, какимъ изъ меламдовъ дозволить обучать юношество и какимъ запретить; какія изъ лишнихъ бессамедрашей обратить въ училища; какъ привлечь къ обученію и женскій полъ и т. д. Иславинъ былъ увѣренъ, что «умственное развитіе еврейскаго юношества въ желательномъ направленіи пріуготовитъ надежныхъ и способныхъ дѣятелей и для мѣстнаго управленія, которому трудно было пріискивать подготовленныхъ для сельскихъ приказовъ писарей, которые вмѣстѣ съ шульцами и бейзицерами всегда держали сторону единовѣрцевъ, и тѣмъ самымъ парализировали всѣ благія мѣры, принимавшіяся для улучшенія хозяйственнаго и общественнаго быта евреевъ-земледѣльцевъ».

Попечителя екатеринославскихъ колоній — Битнера Иславинъ считалъ во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ чиновникомъ, а херсонскихъ — маіора Ашамбарова (70 лѣтъ) благороднымъ и усерднымъ, но отъ старости и 18-ти-лѣтняго служенія въ этой должности уставшимъ, почему вмѣсто него разъѣзжалъ по колоніямъ преимущественно его помощникъ, женатый на его дочери, чиновникъ Меркульевъ,—слишкомъ еще мало подготовленный для замѣщенія тестя.

Недобора за колонистами числилось слишкомъ 45,000 р. и еще недоимка по податямъ и повинностямъ: съ херсонскихъ въ 1851 г.— 152,175 р. 61½ к., а въ 1865 г.—6,222 р. 33½ к., менѣе на 145,953 р. 28 к.; съ екатеринославскихъ въ 1865 г.—4,291 р. 84¼ к. Мірского сбора по 15 к. съ души на содержаніе лечебницы было въ 1865 г. 1,120 р. 5 к.; квартирная повинность по 10 к. за солдата, въ 1864 г. составляла по губерніямъ: Херсонской—775 руб., а Екатеринославской за 5 лѣтъ войска не проходили; для провода арестантовъ подводы стоили по губерніямъ: Херсонской—700 р. и Екатеринославской—

53 р.; для войскъ и рекрутъ по Херсонской губерніи на 777 р.; для разъѣздовъ колоніальныхъ и полицейскихъ чиновниковъ по губерніямъ: Херсонской—4,572 р. и Екатеринославской—1,500 р.

Доходы еврейскихъ поселеній въ 1865 г. составляли статьи: $^1/_4$ запасныхъ участковъ; рѣзная такса скота; отдача части земли подъ выпасъ скота, и рыбная ловля по губеніямъ: Херсонской—26,605 р. 33 к. и Екатеринославской—9,250 р. 46$^1/_2$ к.

На разныя общественныя нужды предположено было издержать въ 1865 г. по губерніямъ: Херсонской — 22,907 р. 98$^1/_2$ к. и Екатеринославской—3,408 р. 40$^1/_2$ к. Вспомогательнаго капитала, образовавшагося изъ ассигнованныхъ, при водвореніи евреевъ, по 5 р. на семейство, а также изъ сиротскихъ денегъ, богоугодныхъ вкладовъ и другихъ источниковъ въ 1865 году было въ колоніяхъ: херсонскихъ—12,369 р. и екатеринославскихъ — 6.558 р. 5$^1/_2$ к. Сберегательной кассы колоній было: херсонскихъ—2,441 р. 48 к., а екатеринославскихъ—2,651 р. 51 к. Капитала, собиравшагося на богоугодныя заведенія съ 1851 по 1865 г., накопилось по колоніямъ: херсонскихъ—6,739 р. 89$^1/_2$ к. и екатеринославскихъ—2,321 р. 51 к.

Нагартавская лечебница во время ея посѣщенія Иславинымъ была «полна больными, тогда какъ прежде евреи ее обѣгали». Въ эту лечебницу еврей-земледѣлецъ Мордухъ Бograлъ пожертвовалъ купленную имъ, послѣ Крымской кампаніи, отъ военнаго вѣдомства, посуду и одежду, но послѣдняя была «сшита льняными нитками, считающимися у евреевъ трефными», поэтому и въ больницу «никто изъ нихъ не шелъ до тѣхъ поръ, пока перешили всю одежду пеньковыми нитками, считающимися кошерными». Въ 1864 г. въ лечебницѣ перебывало больныхъ 486 человѣкъ, да въ колоніяхъ пользовалось 1,836 человѣкъ. Стоила лечебница до 8,430 р. въ годъ. Лекарства давались: бѣднымъ — даромъ, а состоятельнымъ по таксѣ, утвержденной для вольныхъ аптекъ.

Въ заключеніе Иславинъ высказывалъ сомнѣніе, чтобы «лелѣянная надежда на процвѣтаніе колоній осуществилась», ибо главное къ тому препятствіе видѣлъ онъ въ «учебной и религіозной частяхъ: молодое поколѣніе, выросшее въ теченіи 15 лѣтъ, воспитано въ томъ же ложномъ фанатическомъ духѣ, какъ и старое, и ничѣмъ не подготовилось ко вступленію на земледѣльческое поприще». Иславинъ нашелъ, правда, что отъ опрятныхъ нѣмецкихъ хозяевъ евреи переняли многое полезное въ земледѣліи и скотоводствѣ, и что нѣкоторые усерднѣе занимались сельскимъ

хозяйствомъ; но все это, въ сравненіи съ цѣлью, которую правительство преслѣдовало, было, по его мнѣнію, такіе слабые результаты, что нельзя было не заключить, что всѣ пожертвованія правительства землею, деньгами и трудомъ, не вознаградились: образованіе изъ евреевъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ не удалось и не удастся, если не явятся особыя, энергическія распоряженія, чтобы народонаселеніе было въ полномъ составѣ; чтобы всѣхъ разбредшихся по городамъ и селеніямъ созвать въ колоніи послѣ перваго же урожайнаго года». Иславинъ признавалъ, что этотъ вызовъ «потревожитъ многихъ, занявшихся внѣ мѣста своего водворенія торгомъ и разными промыслами, но они получили землю, деньги и лѣсъ на постройку и обзаведеніе, разныя льготы и преимущества, подъ условіемъ зарабатывать себѣ хлѣбъ воздѣлываніемъ земли, а потому и обязывались именно ею и пропитываться». Иславинъ оговаривался, что мѣстному начальству «гораздо труднѣе будетъ наблюдать, чтобы весь распущенный и избалованный народъ принялся за земледѣльческій трудъ, чѣмъ распустить его по всему краю, подъ предлогомъ неурожаевъ, болѣзней и всякаго рода бѣдствій, но вѣдь эти бѣдствія, а вслѣдствіе того и отлучки изъ колоній продолжались съ самаго ихъ основанія, и когда нибудь надобно же *заставить* евреевъ-земледѣльцевъ заняться тѣмъ дѣломъ, на которое они вызваны были правительствомъ?» Они будутъ,—пояснялъ онъ, — «сначала жаловаться, что въ колоніяхъ жить негдѣ и нечѣмъ, но когда одинъ-два урожая покажутъ имъ, что дарованною землею можно жить, то многіе помирятся со своимъ новымъ положеніемъ, въ особенности если увидятъ, что начальство отказываетъ въ выдачѣ паспортовъ, для заработокъ внѣ ихъ осѣдлости». Иславинъ сознавалъ, что «на первыхъ порахъ придется оказать бѣднѣйшимъ пособіе или ссуду для пріобрѣтенія земледѣльческихъ орудій и скота, но, за пріостановленіемъ дальнѣйшаго переселенія евреевъ изъ западныхъ губерній, на помощь слѣдовало бы обратить сумму, отчисленную изъ собраннаго уже съ тамошнихъ еврейскихъ обществъ коробочнаго сбора, для прочнаго устройства семействъ, выпущенныхъ въ Новороссійскій край, ибо правительство дѣйствовало ошибочно въ отношеніи къ евреямъ вообще, а данное имъ, въ новѣйшее время, *дозволеніе проживать во внутреннихъ губерніяхъ будетъ гораздо дѣйствительнѣе для освобожденія западнаго края отъ скопившагося непроизводительнаго населенія и гораздо болѣе будетъ способствовать къ ослабленію между ними религіознаго фанатизма и къ сліянію въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи съ кореннымъ населе-*

53 р.; для войскъ и рекрутъ по Херсонской губерніи на 777 р.; для разъѣздовъ колоніальныхъ и полицейскихъ чиновниковъ по губерніямъ: Херсонской—4,572 р. и Екатеринославской—1,500 р.

Доходы еврейскихъ поселеній въ 1865 г. составляли статьи: $^1/_4$ запасныхъ участковъ; рѣзная такса скота; отдача части земли подъ выпасъ скота, и рыбная ловля по губеніямъ: Херсонской—26,605 р. 33 к. и Екатеринославской—9,250 р. $46^1/_2$ к.

На разныя общественныя нужды предположено было издержать въ 1865 г. по губерніямъ: Херсонской — 22,907 р. $98^1/_2$ к. и Екатеринославской—3,408 р. $40^1/_2$ к. Вспомогательнаго капитала, образовавшагося изъ ассигнованныхъ, при водвореніи евреевъ, по 5 р. на семейство, а также изъ сиротскихъ денегъ, богоугодныхъ вкладовъ и другихъ источниковъ въ 1865 году было въ колоніяхъ: херсонскихъ—12,369 р. и екатеринославскихъ — 6,558 р. $5^1/_2$ к. Сберегательной кассы колоній было: херсонскихъ—2,441 р. 48 к., а екатеринославскихъ—2,651 р. 51 к. Капитала, собиравшагося на богоугодныя заведенія съ 1851 по 1865 г., накопилось по колоніямъ: херсонскимъ—6,739 р. $89^1/_2$ к. и екатеринославскимъ—2,321 р. 51 к.

Нагартавская лечебница во время ея посѣщенія Иславинымъ была «полна больными, тогда какъ прежде евреи ее обѣгали». Въ эту лечебницу еврей-земледѣлецъ Мордухъ Боградъ пожертвовалъ купленную имъ, послѣ Крымской кампаніи, отъ военнаго вѣдомства, посуду и одежду, но послѣдняя была «сшита льняными нитками, считающимися у евреевъ трефными», поэтому и въ больницу «никто изъ нихъ не шелъ до тѣхъ поръ, пока перешили всю одежду пеньковыми нитками, считающимися кошерными». Въ 1864 г. въ лечебницѣ перебывало больныхъ 486 человѣкъ, да въ колоніяхъ пользовалось 1,836 человѣкъ. Стоила лечебница до 3,450 р. въ годъ. Лекарства давались: бѣднымъ — даромъ, а состоятельнымъ—по таксѣ, утвержденной для вольныхъ аптекъ.

Въ заключеніе Иславинъ высказывалъ сомнѣніе, чтобы «желѣянная надежда на процвѣтаніе колоній осуществилась», ибо главное къ тому препятствіе видѣлъ онъ въ «учебной и религіозной частяхъ: молодое поколѣніе, взросшее въ теченіи 15 лѣтъ, воспитано въ томъ же ложномъ фанатическомъ духѣ, какъ и старое, и ничѣмъ не подготовилось ко вступленію на земледѣльческое поприще». Иславинъ нашелъ, правда, что отъ образцовыхъ нѣмецкихъ хозяевъ евреи переняли многое полезное въ земледѣліи и скотоводствѣ, и что нѣкоторые усерднѣе занимались сельскимъ

надъ носеленіе евреевъ въ губерніяхъ: Херсонской—34,581 и Екатеринославской—38,917, итого 73,498 десятинъ; 5) о дарованіи земледѣльцамъ, согласно ихъ ходатайству, дополнительной 5-тилѣтней льготы въ податяхъ и повинностяхъ; 6) объ измѣненіи порядка составленія продовольственныхъ запасовъ и объ отмѣнѣ обязательныхъ общественныхъ запашекъ; 7) о сельскихъ начальникахъ изъ колонистовъ-нѣмцевъ и рабочихъ упряжахъ; 8) о мѣрахъ противъ религіознаго фанатизма и суевѣрія земледѣльцевъ и 9) о мѣропріятіяхъ касательно будущаго устройства евреевъ-земледѣльцевъ, соображаясь съ дѣйствующими о евреяхъ законоположеніями и новымъ положеніемъ о крестьянахъ.

Между тѣмъ коммисія, разсмотрѣвъ историческое положеніе колоній, нашла, что колонизація новороссійскихъ и западныхъ губерній евреями въ теченіи 60-тилѣтняго опыта носила на себѣ характеръ «преимущественно формальный», что ослабленное наблюденіе, передача колоній западныхъ губерній въ общія учрежденія и снятіе съ этихъ колоній опеки—способствовали лишь тому, что немалое число таношнихъ евреевъ-земледѣльцевъ, по всей вѣроятности, вовсе оставитъ земледѣліе. Хотя херсонскія и екатеринославскія колоніи и дали, по мнѣнію коммисіи, «нѣсколько утѣшительные результаты, но благодаря только подчиненію ихъ болѣе строгому надзору и ближайшему руководству опытныхъ хозяевъ изъ менонитовъ и колонистовъ». Коммисія не отрицала, что въ средѣ евреевъ «появилось здоровое земледѣльческое зерно, при благопріятныхъ условіяхъ способное окрѣпнуть, но зерно это, въ сравненіи съ его стоимостью», представлялось коммисіи «ничтожнымъ, чтобы, самостоятельно удержанное, развилось». Оттого цѣль облегченія западныхъ и прибалтійскихъ губерній отъ избытка еврейскаго народонаселенія, по отзыву коммисіи, не осуществилась.

Обращаясь затѣмъ къ цифровымъ даннымъ, коммисія привела, что съ 1846 по 1866 годъ построено для евреевъ 900 домовъ, въ которыхъ водворилось 1,296 семействъ; всего было поселено 2,074 семейства (16,719 м. 15,406 ж.), получившія 128,880 дес. земли, но находившейся къ 1865 г. свободною значилось въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ 72,262 дес., а изъ ежегоднаго дохода съ нея 48,052 р. издерживалось: въ комитетѣ на отдѣленіе—13,165 р., на сельскихъ начальниковъ—4,804 р., на медиковъ, больницу, медикаменты и пр.—17,000 р., на устройство же колоній министерство затратило 170,755 р. 25½ к.

Короче говоря, коммисія находила необходимымъ: сперва снестись обо всемъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ испросить Высо-

нiемъ, чѣмъ неудачная мысль о перевоспитанiи евреевъ обращенiемъ ихъ въ земледѣльцы».

Министръ А. А. Зеленой, прочитавъ изложенный обзоръ колонiй, написалъ на немъ вотъ что: «Въ еврейскихъ колонiяхъ еще очевиднѣе бездѣйствiе попечительнаго комитета. Полагаю, что дѣло, испорченное вначалѣ и доведенное до безобразiя впродолженiи его существованiя—не можетъ быть исправлено однимъ административнымъ порядкомъ; создавать же вновь еврейскiя колонiи и насильственно дѣлать изъ евреевъ земледѣльцевъ—едва-ли будетъ полезно: перевоспитать ихъ характеръ и привычки, дать имъ другой образъ жизни—можно только при неуклонномъ и вполнѣ добросовѣстномъ наблюденiи, не оставляя ничего для самой жизни и натуры (?) еврейской, а такъ какъ такого надзора и управленiя нельзя ожидать, то слѣдуетъ ограничиться лучшимъ устройствомъ только тѣхъ колонiй, къ которымъ привилась колонизацiя, и затѣмъ передать ихъ съ прочими колонiями въ общiя губернскiя учрежденiя. Прошу разсмотрѣть отчетъ въ коммисiи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра и сообразить о необходимыхъ исправленiяхъ въ управленiи еврейскими колонiями и о порядкѣ дальнѣйшаго ихъ существованiя представить мнѣ со всею подробностью».

Согласно резолюцiи Зеленаго была образована подъ предсѣдательствомъ товарища министра, генералъ-лейтенанта Россета, коммисiя изъ гг. Иславина, директора 1-го департамента дѣйств. ст. сов. Черепнина, состоявшихъ при министерствѣ дѣйств. стат. сов.: Крогiуса, Флесьера и начальника колонiальнаго отдѣленiя Генрихсена. Коммисiи этой Россетъ, съ одобренiя Зеленаго, предложилъ на обсужденiе вопросы: 1) о совершенномъ прекращенiи поселенiя евреевъ на казенныхъ земляхъ Новороссiйскаго края мѣрами и средствами правительства; 2) о мѣрахъ противъ бродяжничества евреевъ-земледѣльцевъ и о тѣхъ изъ нихъ, которые не подавали надежды сдѣлаться полезными земледѣльцами, съ освобожденiемъ колонiальныхъ обществъ отъ отвѣтственности за числившiеся на такихъ лицахъ недоимки въ податяхъ, повинностяхъ, ссудахъ и проч.; 3) объ устройствѣ земельнаго владѣнiя тѣхъ изъ евреевъ-земледѣльцевъ, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ занялись хлѣбопашествомъ, а именно: а) о ходатайствѣ земледѣльцевъ о замѣнѣ посемейнаго надѣла землею душевымъ и б) о дополнительномъ надѣлѣ землею многодушныхъ семействъ; в) о $^1/_4$ части надѣла, обращенной въ мiрскiя оброчныя статьи, и о доходахъ этихъ статей; 4) о передачѣ въ вѣдѣнiе казны свободныхъ земель, предназначенныхъ

зать ихъ сдѣлать взносы полностію до причисленія къ городскому обществу. Исключенныхъ изъ земледѣльческаго состоянія евреевъ, не воспользовавшихся годичнымъ срокомъ и не исполнившихъ до истеченія его вполнѣ условій приписки,—снабжать 6-ти-мѣсячными, со дня истеченія первоначальнаго годичнаго срока, билетами для приписки на указанныхъ, для перваго срока, условіяхъ къ какому либо городскому обществу. Наконецъ, тѣхъ изъ евреевъ, которые не явятся въ установленные два срока, или явившись не воспользуются данною льготою, для исполненія всѣхъ условій приписки къ городскому обществу, переселять на водвореніе въ Сибирь. 6) Обществамъ евреевъ-земледѣльцевъ предоставить право: а) по мірскимъ приговорамъ, подписаннымъ не менѣе какъ ²/₃ домохозяевъ, — удалять изъ ихъ среды всѣхъ поселянъ-единовѣрцевъ, которые лѣностью, нерадѣніемъ къ хозяйству и вообще развратнымъ поведеніемъ доказали нерасположеніе свое къ осѣдлой земледѣльческой жизни, причиняя обществу вредъ и тягость, а начальству снабжать такихъ евреевъ 6-ти-мѣсячными билетами, для приписки на указанныхъ условіяхъ къ какому либо городскому обществу; въ случаѣ же неисполненія этого въ срокъ — переселять ихъ, на общемъ съ подобными лицами изъ крестьянъ основаніи, а также принимать въ свою среду лицъ податныхъ сословій, безъ дарованія послѣднимъ какихъ либо исключительныхъ льготъ и пособій, но съ предоставленіемъ имъ, буде пожелаютъ, въ пользованіе хозяйственныхъ участковъ, освободившихся послѣ удаленныхъ изъ общества земледѣльцевъ. 7) Впредь до окончательнаго выясненія результата разбора евреевъ-земледѣльцевъ на основаніи проектированныхъ правилъ и разрѣшенія комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія общаго вопроса о будущемъ поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, остающимися свободными земли надѣла земледѣльцевъ, исключенныхъ изъ этого состоянія, обращать во временныя оброчныя статьи, изъ доходовъ съ коихъ уплачивать прежде всего недоимки въ податяхъ и повинностяхъ, а также долги по водворенію и по ссудамъ, числящіеся на удаленныхъ изъ земледѣльческаго состоянія евреяхъ, которые не исполнивъ, въ льготные сроки, условій приписки къ городскому обществу, будутъ переселены въ отдаленныя губерніи на общемъ основаніи, а затѣмъ доходы эти обращать въ казну, или, въ случаѣ и по мѣрѣ могущей представиться въ томъ надобности, на покрытіе расходовъ, которые отнесены по херсонскимъ и екатеринославскимъ колоніямъ на счетъ дохода съ свободныхъ казенныхъ земель, предназначенныхъ подъ поселеніе евреевъ, но ими еще не заня-

[illegible]-земледѣльцевъ [illegible] предназначенныя [illegible] казенное управ- [illegible] въ казну [illegible] устройству еврейскихъ [illegible] г., относить на [illegible] и [illegible] между [illegible].

[illegible] про- [illegible] согласить [illegible]-земледѣль- [illegible] различ- [illegible] пред- [illegible] *.

В. [illegible].

[illegible]

---

* По документамъ отъ 17-го февраля 1856 г.; 24 и 30 августа 1858 г.; [illegible] ноября 1859 г., [illegible] февраля и 17 декабря 1860 г.; 16 февраля, 22 мая, 5 и [illegible] іюня, [illegible] іюля, [illegible] и 23 августа, 14, 20 и 23 сентября, 14, 27 и 31 октября, [illegible] и 13 ноября, 7 и 10 декабря 1861 г.; 15 и 24 марта, 16 августа, 10, 18 и 30 сентября и 22 ноября 1862 г.; 19 февраля 1863 г.; 15 іюля, 3, 4, 8, 15, 18, 19 и 27 августа, 9, 23 и 29 сентября, 24 ноября, 3 и 17 декабря 1864 г.; 26 января, 13 іюля, 19 ноября и 6 декабря 1865 г.; 15 и 17 февраля, 1 марта, [illegible] іюня, 3 іюля, 17 сентября и 23 ноября 1866 г.

ЧЕТЫРЕ ГОДА МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЮ *.

(Страница изъ исторіи XVIII столѣтія).

Вѣрно-ли, что исторія не повторяется? Вѣрно-ли, что физіономія общественныхъ отношеній, красовавшаяся предъ глазами наблюдателя сто, двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ, совсѣмъ не похожа на ту, на которую приходится любоваться въ наши дни? Не парадируютъ-ли предъ нами теперь, въ сферѣ этихъ отношеній, тѣ же преобладающія черты, тѣ же побужденія, стимулы и мотивы, что въ любую изъ эпохъ, канувшихъ въ вѣчность? При извѣстной дозѣ оптимизма и самообольщенія можно, пожалуй, отвѣчать на эти вопросы категорическимъ «нѣтъ!»—но оправдывается-ли подобный отвѣтъ знакомствомъ съ исторіей вообще, и съ исторіей евреевъ—въ частности?

Когда перевертываешь страницы еврейской исторіи, то на каждомъ шагу такъ и хочется воскликнуть: «вѣдь это я гдѣ-то уже встрѣчалъ, самъ даже испыталъ и переживалъ!»—настолько явленія и событія поражаютъ здѣсь своей рутинностью, настолько изображаемыя тутъ «славныя» дѣянія прошлаго живо напоминаютъ собою прискорбныя событія настоящаго... Вообще исторію евреевъ, съ начала среднихъ вѣковъ и чуть не до нашихъ дней, можно характеризовать глубокой ненавистью, проявляемой, смотря по обстоятельствамъ, въ той или другой формѣ, съ большей или меньшей интенсивностью—съ одной стороны, и удивительными, чуть не сверхъестественными усиліями

* По Г. Вольфу.

тыхъ. 8) Изложенныя правила распространить и на евреевъ-земледѣльцевъ западныхъ губерній, и 9) Свободныя казенныя земли, предназначенныя подъ поселеніе евреевъ, возвратить, съ 1867 г., въ общее казенное управленіе и съ того же времени доходы съ тѣхъ земель обращать въ казну на общемъ основаніи; расходы же по управленію и устройству еврейскихъ колоній, покрываемые изъ означенныхъ доходовъ съ 1867 г., относить на остатки отъ этихъ доходовъ, а при ихъ недостаткѣ, на счетъ мірскихъ и временныхъ оброчныхъ статей еврейскихъ колоній по уравнительной между обществами раскладкѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, на заключеніе котораго посылались проектированныя правила, отозвался, что предварительно надо ихъ согласить съ облегчительными правилами, обнародованными для евреевъ-земледѣльцевъ западнаго края (въ 1866 г.); для этого же потребовались различныя многосложныя справки и разъясненія, надолго затормозившія предположенія *.

В. Никитинъ.

(Продолженіе будетъ).

---

* По документамъ отъ 17-го февраля 1856 г.; 24 и 30 августа 1858 г.; 17 ноября 1859 г.; 10 февраля и 17 декабря 1860 г.; 16 февраля, 22 мая, 5 и 17 іюня; 7 іюля, 5 и 23 августа, 14, 20 и 23 сентября, 14, 27 и 31 октября, 7 и 13 ноября, 7 и 10 декабря 1861 г.; 15 и 24 марта, 16 августа, 10, 18 и 20 сентября и 22 ноября 1862 г.; 19 февраля 1863 г.; 15 іюля, 3, 4, 8, 15, 18, 19 и 27 августа, 9, 23 и 29 сентября, 24 ноября, 8 и 17 декабря 1864 г.; 26 января, 12 іюля, 19 ноября и 6 декабря 1865 г.; 15 и 17 февраля, 1 марта, 10 іюня, 2 іюля, 17 сентября и 23 ноября 1866 г.

ЧЕТЫРЕ ГОДА МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЮ *.

(Страница изъ исторіи XVIII столѣтія).

Вѣрно-ли, что исторія не повторяется? Вѣрно-ли, что физіономія общественныхъ отношеній, красовавшаяся предъ глазами наблюдателя сто, двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ, совсѣмъ не похожа на ту, на которую приходится любоваться въ наши дни? Не парадируютъ-ли предъ нами теперь, въ сферѣ этихъ отношеній, тѣ же преобладающія черты, тѣ же побужденія, стимулы и мотивы, что въ любую изъ эпохъ, канувшихъ въ вѣчность? При извѣстной дозѣ оптимизма и самообольщенія можно, пожалуй, отвѣчать на эти вопросы категорическимъ «нѣтъ!»—но оправдывается-ли подобный отвѣтъ знакомствомъ съ исторіей вообще, и съ исторіей евреевъ—въ частности?

Когда перевертываешь страницы еврейской исторіи, то на каждомъ шагу такъ и хочется воскликнуть: «вѣдь это я гдѣ-то уже встрѣчалъ, самъ даже испыталъ и переживалъ!»—настолько явленія и событія поражаютъ здѣсь своей рутинностью, настолько изображаемыя тутъ «славныя» дѣянія прошлаго живо напоминаютъ собою прискорбныя событія настоящаго... Вообще исторію евреевъ, съ начала среднихъ вѣковъ и чуть не до нашихъ дней, можно характеризовать глубокой ненавистью, проявляемой, смотря по обстоятельствамъ, въ той или другой формѣ, съ большей или меньшей интенсивностью—съ одной стороны, и удивительными, чуть не сверхъестественными усиліями

* По Г. Вольфу.

сохраниться и уцѣлѣть, на зло всѣмъ враждебнымъ условіямъ въ мірѣ—съ другой. Любопытной иллюстраціей сказаннаго является нижеописанный эпизодъ.

I.

Еврейская община въ Прагѣ—одна изъ самыхъ старыхъ и знаменитыхъ въ западной Европѣ. Многія средневѣковыя еврейскія общины, вслѣдствіе ужасныхъ преслѣдованій и систематическихъ гоненій, давно уже пришли въ упадокъ и только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ проникшихъ въ общество болѣе гуманныхъ воззрѣній, стали возрождаться и вновь обнаруживать признаки жизни. Но пражская община, на зло обрушивавшимся на нее страшнымъ ударамъ, за все время своего существованія не переставала занимать среди своихъ сестеръ первенствующее и выдающееся положеніе. Изъ ея среды вышли многіе ученые, которые, являясь корифеями еврейской науки, въ то же время изображали собою доблестныхъ гражданъ, работающихъ на благо и преуспѣяніе своего отечества.

Исторія евреевъ въ Прагѣ носитъ на себѣ тотъ же характеръ, что и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ по волѣ судебъ имъ «великодушно» давали пріютъ. Однимъ изъ ея существеннѣйшихъ элементовъ является многократно повторяющееся изгнаніе. Первое, въ хронологическомъ порядкѣ, изгнаніе, за мнимый поджогъ католической церкви, относится къ 1059 г. Семнадцать лѣтъ спустя, герцогъ Владиславъ издалъ законъ, въ силу котораго число еврейскихъ жителей въ Прагѣ ограничено было тысячью душъ. Такъ какъ еврейское населеніе Праги къ тому времени насчитывало 5,250 душъ, то *лишніе* 4,250 безъ дальнѣйшихъ околичностей должны были очистить насиженныя мѣста и убраться, куда глаза глядятъ. Въ 1097 г. евреи, которымъ, надо полагать, ужъ очень солоно пришлось въ гостепріимной Прагѣ, сами пожелали эмигрировать въ Венгрію. Имъ великодушно позволили привести это желаніе въ исполненіе, предварительно только отобравъ у нихъ деньги. Чрезъ 27 лѣтъ, по ходатайству какого-то крещенаго еврея, имъ разрѣшено было снова вернуться въ богемскую столицу. 1180 и 1235 годы

ознаменовались для пражскихъ евреевъ новыми изгнаніями. Затѣмъ, должно быть для разнообразія, наступаетъ періодъ костровъ и избіеній. Въ 1321 г. покончили въ Прагѣ земные счеты на кострѣ 75 евреевъ, а въ 1336 г. такимъ же способомъ погибли 53 еврея. Свѣтлое Воскресенье 1389 г. отмѣчено въ исторіи Праги *избіеніемъ* евреевъ, по поводу котораго А. Каро написалъ свою *с'лихотъ*. 1492, 1504 и 1506 годы особенно выдѣляются многочисленными кострами, а въ 1561 г. опять прибѣгли къ такъ давно не практиковавшемуся способу рѣшенія «еврейскаго вопроса»—къ изгнанію. Въ такомъ направленіи шла и послѣдующая исторія пражскихъ евреевъ: изгнаніе чередуется костромъ, костеръ—изгнаніемъ и т. д.

Особенно рельефно обрисовываетъ отношенія пражскихъ властей къ евреямъ слѣдующій фактъ. Въ 1679 г. въ Прагѣ выгорѣлъ весь еврейскій кварталъ. Едва отстроенный, онъ въ 1689 году снова сдѣлался жертвой огня, въ томъ числѣ и 11 синагогъ. Казалось, несчастные погорѣльцы должны были бы возбудить къ себѣ состраданіе, но вмѣсто этого, для увеличенія ихъ бѣдствій, ихъ еще хотѣли было, точно преступниковъ, насильственно переселить въ ближайшій городъ Либень, и только послѣ многихъ просьбъ и усилій имъ удалось отклонить отъ себя этотъ жестокій ударъ!

Съ разрѣшеніемъ остаться въ Прагѣ злоключенія погорѣльцевъ, вызванныя пожаромъ, далеко, впрочемъ, не были устранены. Чаша страданія еще не была, видно, опорожнена ими до дна. Независимо отъ матеріальнаго раззоренія, оказавшагося для нихъ еще болѣе чувствительнымъ отъ обременительныхъ налоговъ, которые они должны были, подъ угрозой изгнанія, отбывать теперь такъ же исправно, съ такой же веселой миной, какъ прежде,—пожаръ привелъ ихъ къ столкновенію съ католическимъ духовенствомъ. Во время реставрированія еврейскаго квартала, погорѣльцы, естественно, должны были искать пристанища у христіанъ, которые, въ виду хорошей платы, не отказались принять ихъ въ свои квартиры. Но это не понравилось не въ мѣру благочестивому епископу Іоанну Фридриху, усмотрѣвшему въ этомъ случаѣ нарушеніе каноническаго устава, запрещающаго будто христіанамъ совмѣстное

53 р.; для войскъ и рекрутъ по Херсонской губерніи на 777 р.; для разъѣздовъ колоніальныхъ и полицейскихъ чиновниковъ по губерніямъ: Херсонской—4,572 р. и Екатеринославской—1,500 р.

Доходы еврейскихъ поселеній въ 1865 г. составляли статьи: $^1/_4$ запасныхъ участковъ; рѣзная такса скота; отдача части земли подъ выпасъ скота, и рыбная ловля по губеніямъ: Херсонской—26,605 р. 33 к. и Екатеринославской—9,250 р. 46$^1/_2$ к.

На разныя общественныя нужды предположено было издержать въ 1865 г. по губерніямъ: Херсонской — 22,907 р. 98$^1/_2$ к. и Екатеринославской—3,408 р. 40$^1/_2$ к. Вспомогательнаго капитала, образовавшагося изъ ассигнованныхъ, при водвореніи евреевъ, по 5 р. на семейство, а также изъ сиротскихъ денегъ, богоугодныхъ вкладовъ и другихъ источниковъ въ 1865 году было въ колоніяхъ: херсонскихъ—12,369 р. и екатеринославскихъ — 6,558 р. 5$^1/_2$ к. Сберегательной кассы колоній было: херсонскихъ—2,441 р. 48 к., а екатеринославскихъ—2,651 р. 51 к. Капитала, собиравшагося на богоугодныя заведенія съ 1851 по 1865 г., накопилось по колоніямъ: херсонскимъ—6,739 р. 89$^1/_2$ к. и екатеринославскимъ—2,321 р. 51 к.

Нагартавская лечебница во время ея посѣщенія Иславинымъ была «полна больными, тогда какъ прежде евреи ее обѣгали». Въ эту лечебницу еврей-земледѣлецъ Мордухъ Боградъ пожертвовалъ купленную имъ, послѣ Крымской кампаніи, отъ военнаго вѣдомства, посуду и одежду, но послѣдняя была «сшита льняными нитками, считающимися у евреевъ трефными», поэтому и въ больницу «никто изъ нихъ не шелъ до тѣхъ поръ, пока перешили всю одежду пеньковыми нитками, считающимися кошерными». Въ 1864 г. въ лечебницѣ перебывало больныхъ 486 человѣкъ, да въ колоніяхъ пользовалось 1,836 человѣкъ. Стоила лечебница до 3,450 р. въ годъ. Лекарства давались: бѣднымъ — даромъ, а состоятельнымъ—по таксѣ, утвержденной для вольныхъ аптекъ.

Въ заключеніе Иславинъ высказывалъ сомнѣніе, чтобы «лелѣянная надежда на процвѣтаніе колоній осуществилась», ибо главное къ тому препятствіе видѣлъ онъ въ «учебной и религіозной частяхъ: молодое поколѣніе, взросшее въ теченіи 15 лѣтъ, воспитано въ томъ же ложномъ фанатическомъ духѣ, какъ и старое, и ничѣмъ не подготовилось ко вступленію на земледѣльческое поприще». Иславинъ нашелъ, правда, что отъ образцовыхъ нѣмецкихъ хозяевъ евреи переняли многое полезное въ земледѣліи и скотоводствѣ, и что нѣкоторые усерднѣе занимались сельскимъ

тораго времени ихъ не гнали изъ родныхъ пепелищъ и не разоряли этими изгнаніями.

II.

На австрійскій престолъ вступила знаменитая Марія-Тереза. По обычаю того времени, кромѣ коронаціонныхъ приношеній и подарковъ, богемскіе евреи внесли въ кассу императрицы 450,000 флориновъ, а моравскіе 50,000 флориновъ «подъемныхъ». Такую же сумму послѣдніе пожертвовали въ 1742 г. на предпринимавшіяся тогда крѣпостныя сооруженія. Такія внушительныя экстраординарныя даянія, независимо отъ массы обыкновенныхъ обременительныхъ налоговъ, безспорно были со стороны упомянутыхъ евреевъ значительной жертвой. Нѣсколько времени спустя послѣ восшествія императрицы на престолъ, евреи доказали ей свой патріотизмъ и инымъ путемъ. По собственному побужденію они стали отбывать натурою военную службу, которая тогда еще не была для нихъ обязательна, причемъ они были назначаемы и на тяжелыя артиллерійскія работы. «Въ 1742 или 1743 г.,—разсказывается въ брошюрѣ «Быть ли еврею солдатомъ»,—старшій раввинъ Іонатанъ Эйбешицъ, вкупѣ съ другими раввинами, разрѣшилъ пражскимъ евреямъ участвовать въ судный день въ фортификаціонныхъ работахъ, производившихся тогда для обороны города отъ французской арміи, причемъ онъ самъ находился въ сказанный день во главѣ работавшихъ евреевъ, стараясь ободрять ихъ словами любви и утѣшенія, увѣряя, что кто, во время этой работы на общее благо, будетъ сраженъ вражеской пулей, того окружитъ ореолъ славы въ царствѣ небесномъ».

Такимъ образомъ, евреи какъ имуществомъ, такъ и кровью поставили свою преданность юной императрицѣ внѣ всякаго сомнѣнія. Можно было, поэтому, ожидать, что и она, съ своей стороны, защититъ ихъ отъ всякихъ посягательствъ на ихъ привиллегіи. Такое ожиданіе являлось тѣмъ болѣе естественнымъ, что, насколько извѣстно, въ то время противъ нихъ не агитировало ни населеніе, ни духовенство. Казалось, общее бѣдствіе, въ которое непрерывныя войны повергли страну, заставило за-

ніемъ, чѣмъ неудачная мысль о перевоспитаніи евреевъ обращеніемъ ихъ въ земледѣльцы».

Министръ А. А. Зеленой, прочитавъ изложенный обзоръ колоній, написалъ на немъ вотъ что: «Въ еврейскихъ колоніяхъ еще очевиднѣе бездѣйствіе попечительнаго комитета. Полагаю, что дѣло, испорченное вначалѣ и доведенное до безобразія впродолженіи его существованія—не можетъ быть исправлено однимъ административнымъ порядкомъ; создавать же вновь еврейскія колоніи и насильственно дѣлать изъ евреевъ земледѣльцевъ—едва-ли будетъ полезно: перевоспитать ихъ характеръ и привычки, дать имъ другой образъ жизни—можно только при неуклонномъ и вполнѣ добросовѣстномъ наблюденіи, не оставляя ничего для самой жизни и натуры (?) еврейской, а такъ какъ такого надзора и управленія нельзя ожидать, то слѣдуетъ ограничиться лучшимъ устройствомъ только тѣхъ колоній, къ которымъ привилась колонизація, и затѣмъ передать ихъ съ прочими колоніями въ общія губернскія учрежденія. Прошу разсмотрѣть отчетъ въ коммисіи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра и сообразить о необходимыхъ исправленіяхъ въ управленіи еврейскими колоніями и о порядкѣ дальнѣйшаго ихъ существованія представить мнѣ со всею подробностью».

Согласно резолюціи Зеленаго была образована подъ предсѣдательствомъ товарища министра, генералъ-лейтенанта Россета, коммисія изъ гг. Иславина, директора 1-го департамента дѣйств. ст. сов. Черепнина, состоявшихъ при министерствѣ дѣйств. стат. сов.: Крогіуса, Флесьера и начальника колоніальнаго отдѣленія Генрихсена. Коммисіи этой Россетъ, съ одобренія Зеленаго, предложилъ на обсужденіе вопросы: 1) о совершенномъ прекращеніи поселенія евреевъ на казенныхъ земляхъ Новороссійскаго края мѣрами и средствами правительства; 2) о мѣрахъ противъ бродяжничества евреевъ-земледѣльцевъ и о тѣхъ изъ нихъ, которые не подавали надежды сдѣлаться полезными земледѣльцами, съ освобожденіемъ колоніальныхъ обществъ отъ отвѣтственности за числившіеся на такихъ лицахъ недоимки въ податяхъ, повинностяхъ, ссудахъ и проч.; 3) объ устройствѣ земельнаго владѣнія тѣхъ изъ евреевъ-земледѣльцевъ, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ занялись хлѣбопашествомъ, а именно: а) о ходатайствѣ земледѣльцевъ о замѣнѣ посемейнаго надѣла землею душевымъ и б) о дополнительномъ надѣлѣ землею многодушныхъ семействъ; в) о $^1/_4$ части надѣла, обращенной въ мірскія оброчныя статьи, и о доходахъ этихъ статей; 4) о передачѣ въ вѣдѣніе казны свободныхъ земель, предназначенныхъ

4) Все сказанное относится не только къ пражскимъ евреямъ, но и къ населяющимъ Богемію вообще, такъ, чтобы къ 30 іюня 1745 г. во всемъ королевствѣ не было ни одного еврея.

Не въ первый разъ евреи изгонялись изъ Праги и Богеміи, не разъ также они подвергались изгнанію изъ другихъ австрійскихъ владѣній, но никогда эта мѣра не была обставлена такими суровыми, чисто драконовскими условіями, никогда изгоняемымъ не предоставлялся такой короткій срокъ для окончанія своихъ дѣлъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Декретъ объ изгнаніи появился въ послѣднихъ числахъ декабря 1744 г., а къ 31-му января 1745 г. Прага должна была быть очищена евреями. Еще одна черта дѣлаетъ это изгнаніе непохожимъ на другія. Всегда, въ аналогичныхъ случаяхъ, изгнанные изъ одного австрійскаго города или даже цѣлой области могли свободно селиться въ другомъ австрійскомъ же городѣ или области, лишь бы тамъ въ данный моментъ жить евреямъ вообще не возбранялось; на этотъ же разъ предписывалось, чтобы изгнанные изъ Богеміи евреи оставили также и всю австрійскую территорію; причемъ всѣмъ еврейскимъ общинамъ имперіи приказано было не принимать въ свою среду ни одного изъ богемскихъ изгнанниковъ. Любопытно, поэтому, какія это «въ высшей степени важныя причины» такъ вооружили императрицу противъ богемскихъ евреевъ?

Къ сожалѣію, самыя тщательныя изысканія, произведенныя въ этомъ отношеніи г. Вольфомъ, ни къ чему не привели. Ни въ одномъ актѣ, относящемся къ этому событію, нѣтъ никакихъ указаній о характерѣ этихъ «важныхъ причинъ», тогда какъ обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, чтобы несправедливость не очень ужъ мозолила глаза, считали нужнымъ хоть чѣмъ нибудь мотивировать ее.

Нѣкоторые же говорятъ, что причиной этого изгнанія, — такъ какъ причину такъ или иначе надо же было найти, — была государственная измѣна. Но, во первыхъ, не надо забывать, что, въ смутныя времена вообще, а въ военныя въ частности, обвиненія политическаго свойства возникаютъ слишкомъ легко, и къ нимъ надо всегда относиться крайне осмотрительно. Во вторыхъ, если даже допустить, что тотъ или другой еврей

оказался шпіономъ или инымъ агентомъ непріятельской арміи, то и тогда евреямъ въ этомъ отношеніи не пришлось бы краснѣть предъ ихъ согражданами изъ христіанъ, которыхъ, однако, и не думали поголовно наказывать за провинности нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Несостоятельность взгляда на изгнаніе 1744 г., какъ на возмездіе за измѣну, выступаетъ еще ярче и рельефнѣе въ виду слѣдующихъ фактовъ, характеризующихъ политическое состояніе Богеміи въ эту эпоху.

По отступленіи отъ Праги великаго герцога тосканскаго, во время вторженія въ упомянутую страну соединеннаго баварско-французскаго войска, всѣ пандуры, стоявшіе у Кенигсзала и Кухеля, которымъ наскучила солдатская жизнь въ лагерѣ, предпочли лучше дезертировать. Ихъ примѣръ скоро нашелъ себѣ подражателей въ лицѣ 1500 пограничныхъ солдатъ, которые, бравируя всякую дисциплину, бросили знамена и разбѣжались по домамъ! Не лучше обстояло дѣло и въ другихъ слояхъ общества. Вся почти богемская знать, осыпанная императрицей всякаго рода милостями и знаками отличія, забывъ присягу на вѣрность, перешла на сторону вторгшагося чужеземца, причемъ многіе изъ ея представителей не только сами изъявили покорность баварскому курфирсту, но всячески старались побудить къ этому и другихъ. Послѣ пражской капитуляціи императрица учредила,—мимоходомъ сказать, вопреки, тому, что одною изъ статей послѣдней предписывалось никого не привлекать къ отвѣтственности за его поведеніе во время непріятельской оккупаціи,—слѣдственную коммисію, назначивъ ея предсѣдателемъ, какъ это ни курьезно, никого иного, какъ графа Шафгоча, который самъ скомпрометировалъ себя тѣмъ, что велѣлъ въ своихъ имѣніяхъ признать упомянутаго курфирста королемъ Богеміи. Какъ бы то ни было, высшіе сановники клира, въ томъ числѣ и пражскій архіепископъ, графъ Мандершейдъ, и многія выдающіяся лица высшаго и средняго сословія богемской столицы дали поводъ къ возбужденію противъ нихъ самыхъ серьезныхъ обвиненій. Кински, Кауницъ, Морцинъ и многіе другіе, въ ожиданіи исхода слѣдствія, вынуждены были скрыться изъ Праги. Слѣдственная коммисія, по-

жать имъ сдѣлать взносы полностію до причисленія къ городскому обществу. Исключенныхъ изъ земледѣльческаго состоянія евреевъ, не воспользовавшихся годичнымъ срокомъ и не исполнившихъ до истеченія его вполнѣ условій приписки,—снабжать 6-ти-мѣсячными, со дня истеченія первоначальнаго годичнаго срока, билетами для приписки на указанныхъ, для перваго срока, условіяхъ къ какому либо городскому обществу. Наконецъ, тѣхъ изъ евреевъ, которые не явятся въ установленные два срока, или явившись не воспользуются данною льготою, для исполненія всѣхъ условій приписки къ городскому обществу, переселять на водвореніе въ Сибирь. 6) Обществамъ евреевъ-земледѣльцевъ предоставить право: а) по мірскимъ приговорамъ, подписаннымъ не менѣе какъ $^2|_3$ домохозяевъ, — удалять изъ ихъ среды всѣхъ поселянъ-единовѣрцевъ, которые лѣностью, нерадѣніемъ къ хозяйству и вообще развратнымъ поведеніемъ доказали нерасположеніе свое къ осѣдлой земледѣльческой жизни, причиняя обществу вредъ и тягость, а начальству снабжать такихъ евреевъ 6-ти-мѣсячными билетами, для приписки на указанныхъ условіяхъ къ какому либо городскому обществу; въ случаѣ же неисполненія этого въ срокъ — переселять ихъ, на общемъ съ подобными лицами изъ крестьянъ основаніи, а также принимать въ свою среду лицъ податныхъ сословій, безъ дарованія послѣднимъ какихъ либо исключительныхъ льготъ и пособій, но съ предоставленіемъ имъ, буде пожелаютъ, въ пользованіе хозяйственныхъ участковъ, освободившихся послѣ удаленныхъ изъ общества земледѣльцевъ. 7) Впредь до окончательнаго выясненія результата разбора евреевъ-земледѣльцевъ на основаніи проектированныхъ правилъ и разрѣшенія комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія общаго вопроса о будущемъ поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, остающимися свободными земли надѣла земледѣльцевъ, исключенныхъ изъ этого состоянія, обращать во временныя оброчныя статьи, изъ доходовъ съ коихъ уплачивать прежде всего недоимки въ податяхъ и повинностяхъ, а также долги по водворенію и по ссудамъ, числящіеся на удаленныхъ изъ земледѣльческаго состоянія евреяхъ, которые не исполнивъ, въ льготные сроки, условій приписки къ городскому обществу, будутъ переселены въ отдаленныя губерніи на общемъ основаніи, а затѣмъ доходы эти обращать въ казну, или, въ случаѣ и по мѣрѣ могущей представиться въ томъ надобности, на покрытіе расходовъ, которые отнесены по херсонскимъ и екатеринославскимъ колоніямъ на счетъ дохода съ свободныхъ казенныхъ земель, предназначенныхъ подъ поселеніе евреевъ, но ими еще не заня-

ными дѣлами. Подвергнуть же всѣхъ безразлично богемскихъ евреевъ одной и той же участи, помимо вопроса о справедливости, значило бы сразу убить въ странѣ всякую промышленность, которую потомъ трудно или, пожалуй, совсѣмъ невозможно будетъ снова вызвать въ жизни, такъ какъ замѣнить въ этомъ отношеніи евреевъ, со стороны христіанъ пока некѣмъ. Независимо отъ этого, канцелярія рѣшительно возстаетъ противъ скоропостижности и, такъ сказать, одновалпности, съ которой императрица желала осуществить задуманное ею изгнаніе. Такая поспѣшность, по мнѣнію названнаго учрежденія, является тѣмъ болѣе несообразной въ виду суроваго времени года,—дѣло происходило, какъ извѣстно, въ разгарѣ зимы, — и въ виду, кромѣ того, внушительной цифры пражскихъ евреевъ, среди которыхъ есть немало стариковъ и больныхъ. При недостаткѣ же въ перевозочныхъ средствахъ, обусловливаемомъ военнымъ временемъ, никакъ нельзя разсчитывать, чтобы вся масса эмигрантовъ разомъ нашла для себя таковыя въ надлежащемъ количествѣ. Но если даже допустить, что военной силой удастся въ назначенный день и часъ разомъ выселить изъ Праги всѣхъ евреевъ, то и тогда изъ этого вышло бы мало толку. Большинство выселенцевъ, и такъ еле перебивающееся со дня на день, а теперь окончательно разворенное, непремѣнно застряло бы на дорогѣ, подъ открытымъ небомъ, гдѣ нибудь неподалеку отъ упомянутаго города, а голодъ и холодъ не замедлили бы превратить эту массу несчастныхъ въ разсадникъ всяческихъ болѣзней, отъ которыхъ, конечно, уже пострадало бы и окрестное христіанское населеніе. Далѣе, дворцовая канцелярія, которая, видно, была не очень храбраго десятка, опасается мести со стороны «этого народа, самаго по себѣ уже склоннаго къ грабежамъ и разбоямъ», въ случаѣ поголовнаго и одновременнаго изгнанія евреевъ изъ Богеміи. Въ заключеніе записка трактуетъ о причинахъ, по которымъ нельзя оставить упомянутыхъ евреевъ въ statu quo, и приходитъ къ выводу, что все зло заключается въ организаціи еврейской общины, гдѣ всякій сбродъ находитъ себѣ пріютъ, гдѣ рядомъ съ незначительнымъ числомъ людей состоятельныхъ, держащихъ въ своихъ рукахъ всю мѣстную промышленность, копо-

ЧЕТЫРЕ ГОДА МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЮ *.

(Страница изъ исторіи XVIII столѣтія).

Вѣрно-ли, что исторія не повторяется? Вѣрно-ли, что физіономія общественныхъ отношеній, красовавшаяся предъ глазами наблюдателя сто, двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ, совсѣмъ не похожа на ту, на которую приходится любоваться въ наши дни? Не парадируютъ-ли предъ нами теперь, въ сферѣ этихъ отношеній, тѣ же преобладающія черты, тѣ же побужденія, стимулы и мотивы, что въ любую изъ эпохъ, канувшихъ въ вѣчность? При извѣстной дозѣ оптимизма и самообольщенія можно, пожалуй, отвѣчать на эти вопросы категорическимъ «нѣтъ!»—но оправдывается-ли подобный отвѣтъ знакомствомъ съ исторіей вообще, и съ исторіей евреевъ—въ частности?

Когда перевертываешь страницы еврейской исторіи, то на каждомъ шагу такъ и хочется воскликнуть: «вѣдь это я гдѣ-то уже встрѣчалъ, самъ даже испыталъ и переживалъ!»—настолько явленія и событія поражаютъ здѣсь своей рутинностью, настолько изображаемыя тутъ «славныя» дѣянія прошлаго живо напоминаютъ собою прискорбныя событія настоящаго... Вообще исторію евреевъ, съ начала среднихъ вѣковъ и чуть не до нашихъ дней, можно характеризовать глубокой ненавистью, проявляемой, смотря по обстоятельствамъ, въ той или другой формѣ, съ большей или меньшей интенсивностью—съ одной стороны, и удивительными, чуть не сверхъестественными усиліями

---

* По Г. Вольфу.

Обстоятельства, однако, оказались сильнѣе скороспѣлыхъ кабинетныхъ рѣшеній, и не смотря на крайнее нетерпѣніе императрицы скорѣе видѣть Прагу очищенною отъ евреевъ, къ концу января 1745 года признано было необходимымъ отсрочить осуществленіе этой мѣры еще на мѣсяцъ, чтобы дать выселяемымъ возможность ликвидировать свои дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ также продолженъ былъ срокъ для выселенія евреевъ изъ Богеміи вообще. По истеченія февраля пражскимъ евреямъ, въ виду стоявшихъ тогда сильныхъ морозовъ, дана была новая мѣсячная отсрочка, до конца марта.

Всѣ сдѣланныя между тѣмъ попытки смягчить императрицу въ отношеніи евреевъ не привели ни къ чему. Разсчеты же послѣднихъ на то, что отсрочки въ концѣ концовъ приведутъ къ совершенной отмѣнѣ жестокаго указа, что при помощи вліятельныхъ лицъ имъ удастся, до наступленія рокового дня внушить императрицѣ лучшее о себѣ мнѣніе, на этотъ разъ не оправдались. 31-го марта упомянутаго года, по докладу богемской администраціи отъ 1-го апрѣля, всѣ пражскіе евреи, за исключеніемъ больныхъ, которымъ болѣзнь не дозволяла тронуться съ мѣста, предварительно уплативши 160,000 фл. разныхъ недоимокъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ вручивши исполнительному коммисару графу Коловрату ключи отъ своихъ синагогъ и совѣщательной камеры, съ воплемъ и рыданіемъ оставили городъ!.. Достойно удивленія, замѣчаетъ при этомъ докладъ, что многіе больные, которымъ разрѣшено было остаться въ Прагѣ до полнаго выздоровленія, не захотѣли воспользоваться предоставленной имъ милостью и предпочли лучше присоединиться къ общей массѣ эмигрантовъ.

Каково было положеніе этихъ эмигрантовъ, не трудно себѣ представить. 26-го ноября 1744 г., при вступленіи въ Прагу австрійскихъ войскъ, ихъ имущество разграблено было пограничными солдатами. Къ концу марта, изгнанные изъ своихъ жилищъ, они должны были распродать за безцѣнокъ все то, чего имъ нельзя было взять съ собой, а съ вырученной суммы отдать въ пользу казны 160,000 флориновъ. Теперь же, въ концѣ разоренные, оторванные отъ обычныхъ занятій, оголтѣлые и бездомные, они скитались, точно призраки, по окрест-

ностямъ Праги, сплошь и рядомъ имѣя своимъ жилищемъ уголъ какой нибудь конюшни либо сарая, такъ что на нихъ во-очію исполнились слова элегіи: «Ѣвшіе сласти томятся на улицѣ; воспитанные въ пурпурѣ валяются въ грязи»...

Но всѣ эти бѣдствія, какъ это ни невѣроятно, нисколько не избавили ихъ отъ налоговъ и алчныхъ поползновеній на ихъ послѣднія крохи, причемъ имъ дѣлалось внушеніе, что только въ удовлетвореніи этимъ поползновеніямъ заключается для нихъ средство примиренія и умилостивленія.

Отношеніемъ отъ 19 апрѣля 1745 года имъ объявлено было со стороны богемскаго намѣстника слѣдующее:

Согласно повелѣнію императрицы, еврейское населеніе Богеміи имѣло внести на военныя потребности 9,000 фл., изъ которыхъ на долю пражскихъ евреевъ приходятся 4,000, а остальныхъ богемскихъ евреевъ — 5,000. Послѣдніе, въ положеніи которыхъ пока не произошло никакихъ фактическихъ измѣненій, должны, *разумѣется*, уплатить свою долю сполна. Что же касается бывшихъ жителей Праги, то хотя они имѣютъ основаніе освободиться отъ этого налога, но, тѣмъ не менѣе, надо полагать, что они будутъ рады случаю еще разъ доказать императрицѣ свою преданность и уплатить хоть 2,000 флориновъ...

Намекъ, сдѣланный въ такой прозрачной формѣ, былъ, конечно, понятъ бѣдными изгнанниками, которые, не смѣя уклоняться отъ случая еще разъ доказать императрицѣ свою преданность, не нашли, однако, для себя возможнымъ воспользоваться имъ тотчасъ и выпросили себѣ мѣсячную отсрочку, чтобы кое-какъ сколотить требовавшееся съ нихъ вещественное доказательство ихъ преданности.

Какъ бы то ни было, изгнанникамъ оказано было нѣкоторое снисхожденіе. Въ маѣ 1745 года имъ объявлено было разрѣшеніе оставаться въ странѣ впредь до новаго распоряженія. Въ концѣ августа, вслѣдствіе представленій богемскаго намѣстника и еврейской коммисіи, это разрѣшеніе было возобновлено.

Скоро затѣмъ между изгнанниками и канцеляріей намѣстника завязались переговоры о возвращеніи въ Прагу. Но на этотъ

разъ какъ доказательство преданности требовались уже не двѣ тысячи, а два милліона флориновъ и такъ какъ представить такое убѣдительное доказательство, при всемъ своемъ желаніи, эмигранты никакъ не могли, то переговоры эти кончились ничѣмъ. А пока тянулась эта канитель, снова наступила зима. Положеніе пражскихъ эмигрантовъ, какъ слѣдовало ожидать, со дня на день становилось ужаснѣе, и они имѣли полное основаніе завидовать даже своимъ богемскимъ братьямъ. Если надъ головами послѣднихъ также висѣлъ дамокловъ мечъ, если и они могли каждую минуту ожидать изгнанія, то пока они все же находились у себя, около своихъ очаговъ, и пользовались тѣми удобствами, которыя каждый домъ, каждая хижина доставляетъ своему жильцу. Пражскіе же изгнанники были лишены и этого утѣшенія, и кто знаетъ привязанность евреевъ къ домашней жизни, тотъ пойметъ, какъ тяжело, съ какимъ болѣзненнымъ чувствомъ они должны были перенести это лишеніе.

Въ ноябрѣ 1745 г. богемскій намѣстникъ ходатайствовалъ предъ императрицей о разрѣшеніи пражскимъ изгнанникамъ вернуться на зиму въ ихъ покинутыя жилища, мотивируя это ходатайство отнюдь не юдофильской слабостью, отъ которой онъ при каждомъ удобномъ случаѣ открещивался и руками, и ногами, а тѣмъ соображеніемъ, что въ противномъ случаѣ среди евреевъ, живущихъ чуть не подъ открытымъ небомъ, зимою навѣрное появятся эпидемическія болѣзни, отъ которыхъ пострадаютъ также и христіане. Ходатайство это не было совсѣмъ безрезультатно. 23-го декабря императрица разрѣшила евреямъ, находившимся въ окрестностяхъ Праги, въ случаѣ болѣзни, вслѣдствіе зимняго времени, пріѣхать лечиться въ Прагу. Впрочемъ, въ виду возраставшей среди изгнанниковъ заболѣваемости, намѣстникъ еще до полученія этого разрѣшенія собственной властью пустилъ въ названный городъ 300 «благоприличныхъ» больныхъ, строго-на-строго наказавъ имъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не смѣли тамъ вновь заводить дѣловыя и торговыя связи..

30-го декабря того же года дворцовая канцелярія сдѣлала новую попытку склонить императрицу на свою сторону въ

вопросѣ о богемскихъ евреяхъ. Находя поголовное изгнаніе послѣднихъ нецѣлесообразнымъ, канцелярія взамѣнъ этого рекомендуетъ принять мѣры къ ограниченію лишь ихъ числа. При этомъ она выѣзжаетъ на извѣстномъ уже намъ своемъ любимомъ конькѣ. Нужно-де каждый годъ производить дифференцировку еврейскаго населенія: бѣдныхъ вонъ изъ страны, а богатые пусть остаются. Распорядительной и находчивой канцеляріей не позабыто было также указать, какимъ способомъ можно будетъ постоянно имѣть подъ рукой необходимый статистическій матеріалъ о количествѣ бѣдныхъ или обѣднѣвшихъ и богатыхъ евреевъ, чтобы въ концѣ каждаго года дѣлать соотвѣтствующія распоряженія и т. д. Въ настоящее время едва-ли есть надобность оспаривать подобныя теоріи, въ силу которыхъ еврей еще имѣетъ нѣкоторое значеніе, пока онъ богатъ; а разъ онъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, обѣднѣлъ, онъ ужъ становится въ разрядъ непрошенныхъ гостей, съ которыми нечего церемониться и которыхъ можно заставить распроститься съ роднымъ краемъ и съ посохомъ странника въ рукѣ отправиться скитаться по бѣлу свѣту. Но какъ теперь это воззрѣніе ни кажется дикимъ и безчеловѣчнымъ, оно при тогдашнихъ условіяхъ встрѣчено было богемскими евреями съ живѣйшей радостью, такъ какъ открывало имъ лучъ надежды такъ или иначе остаться въ странѣ. Къ сожалѣнію, вторую попытку дворцовой канцеляріи постигла такая же участь какъ первую, и богемскіе евреи остались въ томъ же неопредѣелнномъ положеніи, въ которомъ находились до нея.

Съ особенной силой эта неопредѣленность давала себя чувствовать, какъ замѣчено было выше, пражскимъ изгнанникамъ. Они жили между небомъ и землей, zwischen Hangen und Bangen in schwebender Pein, по выраженію г. Вольфа. Несмотря на такія невозможныя условія, они вынуждены были выбиваться изъ силъ и платить разные налоги. Владѣя въ Прагѣ недвижимымъ имуществомъ болѣе чѣмъ на четыре милліона флориновъ, они, однако, никакой пользы не могли извлекать для себя изъ этого капитала. Съ другой стороны, пока въ ихъ сердцахъ не погасъ послѣдній лучъ надежды снова увидѣть

родныя пепелища, они не могли рѣшиться водвориться гдѣ нибудь на новомъ мѣстѣ. Терзаемые безвыходностью своего положенія, они обратились въ апрѣлѣ 1746 года въ канцелярію богемскаго намѣстника съ просьбою такъ или иначе рѣшить, наконецъ, ихъ судьбу. Слѣдствіемъ этой просьбы явилось новое обширное посланіе намѣстника къ императрицѣ.

Обрисовавъ яркими красками рядъ бѣдствій, обрушившихся на голову пражскихъ евреевъ съ той минуты, какъ сдѣлано было распоряженіе объ ихъ изгнаніи, намѣстникъ приходитъ къ заключенію, что необходимо скорѣе положить конецъ ихъ неопредѣленному положенію, если нежелательно, чтобы они погибли жертвами голодной смерти. Между прочими доводами въ пользу упомянутыхъ евреевъ, намѣстникъ указываетъ на то, что удаленіе ихъ изъ Праги отзывается вредными послѣдствіями какъ для многихъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ, прежде пользовавшихся еврейскимъ кредитомъ, такъ и для публики вообще, которая съ устраненіемъ изъ мѣстнаго рынка еврейской конкурренціи стала страшно эксплуатироваться христіанскими купцами, гораздо болѣе требовательными, чѣмъ еврейскіе, которымъ скромный образъ жизни даетъ всегда возможность удовлетворяться въ своихъ операціяхъ сравнительно меньшимъ °/₀ барыша.

Нельзя было бы, просто, повѣрить,—говоритъ г. Вольфъ,—чтобы государыня съ такимъ выдающимся умомъ и чувствительнымъ сердцемъ, какъ Марія Тереза, оставалась глуха ко всѣмъ этимъ просьбамъ и ходатайствамъ, еслибъ на этотъ счетъ не существовали фактическія доказательства. Этимъ подтверждается давно извѣстная истина, что, страсть слѣпа, что стремясь погубить другихъ, она не задумывается рискнуть самимъ собою. «Да погибну вмѣстѣ съ филистимлянами»!—вотъ ея девизъ. Дѣйствительно, если изгнаніе несомнѣнно было для евреевъ несчастіемъ, то оно составляло также немалое бѣдствіе и для страны. Теперь уже не представляется надобности доказывать, что насильственное удаленіе многихъ тысячъ людей не остается безнаказаннымъ для экономическихъ интересовъ данной мѣстности, и намъ приходится удивляться, что въ то,

совсѣмъ не столь далекое отъ насъ время, на этотъ счетъ еще существовали дѣтски-наивныя воззрѣнія. Неосмотрительность въ этомъ отношеніи со стороны Маріи Терезы является еще болѣе непонятной въ виду крайняго разстройства ея финансовъ, вызваннаго продолжительными войнами, и вслѣдствіе котораго она вынуждена была торговаться съ населеніемъ о коронаціонныхъ приношеніяхъ.

Эксальдъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ОСЕННИХЪ МОТИВОВЪ.

(Посв. И. Д. М—чу).

Осень дождливая, хмурая, грязная...
Злая кручина—тоска неотвязная
Мрачную душу томитъ и гнететъ...
Вѣтеръ осенній свиститъ и реветъ,
Листья засохшіе, листья опавшіе
Нивой безплодною злобно несетъ.
Сердце больное, отрады не знавшее
И утомленное въ трудной борьбѣ,
Проситъ участья, привѣта себѣ...
Но не найду въ злую осень привѣта я—
Мгла непроглядная всюду царитъ;
Небо свинцовое, въ сумракъ одѣтое,
Какъ-то уныло и грустно глядитъ...
Горькая злоба въ душѣ поднимается,
Мрачно волнуется духъ мой больной.
Жизни прошедшей картины являются.
Прошлаго тѣни встаютъ предо мной,
Помню я осень такую же грязную,
Плакало небо холоднымъ дождемъ.

Помню... Ревѣла толпа безобразная,—
Слышались крики, проклятья кругомъ,
Слышались стоны и вопли отчаянья...
Словно голодная стая звѣрей,
Безъ сожалѣнія, безъ состраданія—
Ночью проникла въ жилище людей...
Помню я образы, лица любимыя,
Слезы, проклятья врагамъ и судьбѣ...
Братья несчастные, братья гонимые!..
Много вы вынесли въ вѣчной борьбѣ
Съ долей тяжелою! . . . . .
. . . . Осень холодная,
Что ты такъ мрачно и хмуро глядишь?
Злая кручина—тоска безъисходная—
Что мое бѣдное сердце томишь?

И. Либаковъ.

ЭСКИЗЫ.

(Изъ воспоминаній еврея-земледѣльца).

(Посвящ. Ж. М. Д.).

Я позволю себѣ предложить читателю нѣсколько маленькихъ эскизовъ не съ живыхъ людей, а съ уже отжившихъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я зналъ самъ, а о другихъ мнѣ разсказывали мѣстные старожилы.

Это были люди маленькіе, темные, и съ нихъ можно писать только маленькіе, бѣглые эскизы.

На свѣтлой, веселой рѣчкѣ Ингулецъ, притокѣ Днѣпра, въ долинѣ, окруженной зеленѣющими холмами, ютится маленькая колонія евреевъ-земледѣльцевъ. Лѣтъ 80 назадъ эта долина была покрыта дремучей степной травой, въ которой водились во множествѣ зеленыя ящерицы и темно-бурые ужи. Стаи дикихъ утокъ и дрофъ кружили надъ рѣчкой и долиной, оглашая воздухъ своимъ гоготаньемъ и гамомъ.

На одномъ изъ холмовъ, обступающихъ долину, виднѣется кладбище, обнесенное полуразвалившейся каменной оградой съ почернѣлыми отъ времени и непогодъ и поросшими мхомъ, деревянными воротами.

Въ этихъ двухъ пунктахъ сосредоточено все, съ чѣмъ связаны мои раннія воспоминанія.

Первое, чтó я увидалъ, приближаясь послѣ десяти лѣтъ разлуки къ родному уголку, было кладбище. Путь изъ города X., откуда я ѣхалъ, проходитъ мимо того холма, на которомъ

оно находится. И первый поклонъ я отдалъ тѣмъ изъ моихъ земляковъ, которые, намаявшись вдоволь въ теченіе своей трудовой жизни внизу, въ долинѣ, перебрались сюда, на зеленѣющій холмъ, въ «доброе мѣсто» вѣчнаго мира и покоя.

Поздняя весна царила на всемъ видимомъ пространствѣ безпредѣльной степи, разстилавшейся кругомъ во всей своей милой красотѣ и спокойномъ величіи. Лучи заходящаго солнца золотили эту раздольную зеленую степь, еще ясно отмѣчая далекіе курганы, разбросанные по ней. На широкой полянѣ, у группы болѣе высокихъ кургановъ, пестрѣлъ медленно погоняемый тремя всадниками табунъ, а тамъ, дальше, виднѣлась фигура человѣка, катившаго въ «бидаркѣ», запряженной рослой лошадью, впереди которой рѣзво скакалъ маленькій, тонкій «жеребчикъ». Съ давно-давно неиспытаннымъ удовольствіемъ я вдыхалъ свѣжій и чистый ароматъ, разлитый въ живительномъ и бодрящемъ весеннемъ воздухѣ.

Поросшее густымъ пыреемъ, желтоголовой ромашкой и незабудками, лежало предо мною старое кладбище. Тутъ и тамъ, надъ почернѣлыми надгробными плитами возвышались стройныя, душистыя акаціи и приземистый орѣшникъ разбрасывалъ во всѣ стороны свои колючія, темныя вѣтви. Вечерняя роса бѣлѣла на тонкихъ и ровныхъ стебляхъ пырея, по которому я шелъ, пробираясь между могильными буграми. Много знакомыхъ мнѣ именъ начертано на этихъ камняхъ, много лицъ, фигуръ и положеній возникаетъ предо мною. И какіе это все маленькіе и вмѣстѣ съ тѣмъ—милые люди!

I.

Поклонникъ Наполеона I.

Вотъ плита на которой начертано: «Здѣсь похороненъ Израиль-Моисей, сынъ Іегуды, левитъ». Израиль-Моисей, или Сруэлъ-Мойше, явился на свѣтъ въ одномъ изъ неприглядныхъ домиковъ колоніи В. Шестьдесятъ три года шагалъ онъ по житейскому пути и прошелъ всего какихъ нибудь 300—400 саженъ — то именно разстояніе, которое лежитъ между маленькой избушкой, гдѣ онъ родился, и маленькимъ холмикомъ,

подъ которымъ онъ легъ отдохнуть отъ долгаго, труднаго пути. Сруэлъ-Мойше былъ маленькій, круглый человѣчекъ, съ густой и черной, какъ смоль, бородкой, широкимъ, мускулистымъ лицомъ, и въ возбужденномъ состояніи слегка заикавшійся. Женатъ онъ былъ три раза, въ первый—13-ти лѣтъ отъ роду и въ послѣдній разъ—36-ти лѣтъ. 30 лѣтъ прослужилъ онъ въ должности «десятскаго» при сельскомъ приказѣ, благополучно пережилъ свирѣпствовавшіе въ краѣ (въ 1847—48 и 1853 гг.) цынгу и холеру, собственными руками въ теченіе своей жизни скосилъ и смолотилъ, по его собственному разсчету, около 500 десятинъ пшеницы, ржи и проч. и умеръ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что мудрѣе, могущественнѣе и благороднѣе императора Наполеона I не было и не будетъ. Откуда почерпалъ Сруэлъ-Мойше свои свѣдѣнія о французскомъ императорѣ и на чемъ, собственно, онъ основывалъ свое убѣжденіе относительно его мудрости, могущества и благородства—неизвѣстно. Быть можетъ, онъ и самъ не могъ бы отвѣтить на такой вопросъ, но это нисколько не мѣшало ему всегда и и вездѣ отстаивать свое убѣжденіе. Сруэлъ-Мойше имѣлъ, въ сущности, крайне смутное представленіе о томъ пути, по которому прошелъ его любимый императоръ, о тѣхъ событіяхъ, которыя тѣсно связаны съ его именемъ, и о той печальной участи, которая его постигла въ финалѣ его громкой эпопеи. Въ той лѣтописи, которую велъ Сруэлъ-Мойше, французскій императоръ являлся во всевозможныхъ положеніяхъ завоевательной и оборонительной политики, нерѣдко совершая подвиги крайне легендарнаго свойства, но всегда оставаясь неизмѣнно могущественнымъ и безукоризненно благороднымъ. Я невольно вспомнилъ эту странную склонность Сруэлъ-Мойше къ «политикѣ», именно благодаря ея странности. Родившись въ колоніи и состоя съ 33 лѣтъ въ должности десятскаго, Сруэлъ-Мойше былъ прямымъ, естественнымъ продуктомъ той сферы жизни, которая, въ 80 лѣтъ существованія земледѣльческихъ колоній въ Новороссіи, выработала опредѣленный типъ еврея-земледѣльца, весьма далекаго отъ всякихъ мудрствованій на отвлеченныя темы вообще и на темы политическія въ особенности. «Ловчики», кантонисты и розги—вотъ единственные термины, вокругъ которыхъ вращались въ

этой средѣ всѣ разсказы изъ рекрутскаго быта и которыми въ сущности, исчерпывались всѣ представленія о политикѣ. Въ проявленіяхъ будничной, повседневной жизни еврей-колонистъ представляетъ собою копію со своего сосѣда крестьянина. Земля и орудія, которыми она обрабатывается, «скотинка» и постоянныя заботы о ней—вотъ главные пункты, къ которымъ устремлены взоръ и помыслы колониста и отъ которыхъ исходятъ всѣ его радости и печали. Правда, «связь» съ землею у него еще не окрѣпла настолько, какъ это наблюдается у его сосѣда-крестьянина. Два-три неурожайныхъ года подъ рядъ и обыкновенно слѣдующій за ними падежъ скота выбиваютъ еврейскаго земледѣльца изъ колеи и разшатываютъ его основы въ значительной степени больше, чѣмъ это можно видѣть въ средѣ крестьянской. Но этому способствуютъ причины, лежащія не въ какихъ либо особенныхъ свойствахъ, присущихъ еврею-колонисту, а въ извѣстныхъ условіяхъ, экономическихъ и административныхъ, которыя, съ первыхъ же моментовъ возникновенія еврейскаго земледѣльческаго сословія въ Новороссіи, ставили еврейскаго земледѣльца въ исключительное и далеко невыгодное для него положеніе. Но въ будничной, повседневной жизни, какъ я уже сказалъ, еврей-колонистъ не отличается ничѣмъ отъ своего сосѣда-крестьянина.

Таковъ былъ и Сруэлъ-Мойше. Должность десятскаго не могла вредить его интересамъ, какъ земледѣльца, такъ какъ не отнимала у него почти ни одного часа отъ полевыхъ работъ. Это будетъ ясно, если сказать, что во время запашки и жатвы не происходитъ обыкновенно почти никакихъ «сходокъ», при которыхъ главнымъ образомъ проявляется дѣятельность десятскаго, какъ сборщика и блюстителя порядка. Внутреннія же работы по задачамъ сельскаго самоуправленія, хотя и производятся непрерывно шульцемъ или однимъ изъ его двухъ «бейзитцеровъ», но онѣ такого свойства, что отнюдь не требуютъ обязательнаго присутствія десятскаго. Сидитъ себѣ въ жаркій лѣтній полдень шульцъ или бейзитцеръ и постукиваетъ костяшками большихъ, закапанныхъ чернилами счетовъ, подводя итоги по податной раскладкѣ или провѣряя цифры дохода съ оброчныхъ статей. Въ комнатѣ приказа, убранной портретами Цар-

разъ какъ доказательство преданности требовались уже не двѣ тысячи, а два милліона флориновъ и такъ какъ представить такое убѣдительное доказательство, при всемъ своемъ желаніи, эмигранты никакъ не могли, то переговоры эти кончились ничѣмъ. А пока тянулась эта канитель, снова наступила зима. Положеніе пражскихъ эмигрантовъ, какъ слѣдовало ожидать, со дня на день становилось ужаснѣе, и они имѣли полное основаніе завидовать даже своимъ богемскимъ братьямъ. Если надъ головами послѣднихъ также висѣлъ дамокловъ мечъ, если и они могли каждую минуту ожидать изгнанія, то пока они все же находились у себя, около своихъ очаговъ, и пользовались тѣми удобствами, которыя каждый домъ, каждая хижина доставляетъ своему жильцу. Пражскіе же изгнанники были лишены и этого утѣшенія, и кто знаетъ привязанность евреевъ къ домашней жизни, тотъ пойметъ, какъ тяжело, съ какимъ болѣзненнымъ чувствомъ они должны были перенести это лишеніе.

Въ ноябрѣ 1745 г. богемскій намѣстникъ ходатайствовалъ предъ императрицей о разрѣшеніи пражскимъ изгнанникамъ вернуться на зиму въ ихъ покинутыя жилища, мотивируя это ходатайство отнюдь не юдофильской слабостью, отъ которой онъ при каждомъ удобномъ случаѣ открещивался и руками, и ногами, а тѣмъ соображеніемъ, что въ противномъ случаѣ среди евреевъ, живущихъ чуть не подъ открытымъ небомъ, зимою навѣрное появятся эпидемическія болѣзни, отъ которыхъ пострадаютъ также и христіане. Ходатайство это не было совсѣмъ безрезультатно. 23-го декабря императрица разрѣшила евреямъ, находившимся въ окрестностяхъ Праги, въ случаѣ болѣзни, вслѣдствіе зимняго времени, пріѣхать лечиться въ Прагу. Впрочемъ, въ виду возраставшей среди изгнанниковъ заболѣваемости, намѣстникъ еще до полученія этого разрѣшенія собственной властью пустилъ въ названный городъ 200 «благоприличныхъ» больныхъ, строго-на-строго только наказавъ имъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не смѣли тамъ вновь заводить дѣловыя и торговыя связи.

30-го декабря того же года дворцовая канцелярія сдѣлала новую попытку склонить императрицу на свою сторону въ

ковъ, заправлявшихъ судьбами колонистовъ, онъ рѣдко когда ошибался. За то уже по отношенію къ другой своей слабости—Наполеону I, Сруэлъ-Мойше становился неподражаемымъ въ своемъ комизмѣ.

Такъ, однажды въ спорѣ съ ребъ Гершемъ, человѣкомъ самой строгой набожности и благочестія, онъ смѣло высказался въ томъ смыслѣ, что если бы царемъ древняго Вавилона былъ не Навуходонасоръ, а Наполеонъ, то сіонскій храмъ, быть можетъ существовалъ бы и въ настоящее время, ибо Наполеонъ былъ слишкомъ мудръ и благороденъ, чтобы рѣшиться разрушить такое грандіозное зданіе.

— Какъ! — воскликнулъ возмущенный ребъ Гершъ: — ты съ ума сошелъ, Сруэлъ-Мойше! Недурно сказано, храмъ не былъ бы разрушенъ! Такъ по твоему выходитъ, что 9-е Аба, когда и самъ Предвѣчный плачетъ, могло бы быть устранено Наполеономъ и... и .. Да что говорить съ такимъ невѣждой и безбожникомъ, какъ ты!—И ребъ Гершъ махнулъ рукою и отвернулся, не будучи въ состояніи овладѣть своимъ волненіемъ.

Возмущеніе ребъ Герша было вполнѣ естественно, ибо онъ глубоко вѣрилъ, что вся мудрость и могущество всѣхъ царей земныхъ жалки и ничтожны предъ однимъ «перстомъ Божіимъ» и что, слѣдовательно, дѣло не въ томъ, кто воевалъ съ Израилемъ, а въ томъ, что храмъ сіонскій *долженъ былъ быть* разрушенъ, и никакіе Наполеоны и даже Александры Македонскіе не были бы въ силахъ его поддержать.

Споръ происходилъ въ одинъ изъ ясныхъ іюльскихъ вечеровъ, на каменныхъ ступенькахъ у дверей синагоги, куда сталъ собираться «миньонъ» для вечерной молитвы. По широкой и мѣстами поросшей травою улицѣ брели, оглашая воздухъ своимъ ревомъ и блеяньемъ, возвращавшіяся съ пастбища коровы и козы, а среди нихъ суетились и шумѣли запыхавшіеся отъ бѣга и жары дѣвочки и мальчуганы, большей частью босикомъ и въ короткихъ рваныхъ штанишкахъ. Прямо противъ зданія синагоги, во дворѣ Тевьи Хайкина происходила уморительная сцена: пѣгая корова, проходя по двору, захватила зубами куцую дѣтскую рубашонку, вывѣшенную для просушки на заборъ палисадника, и, безсмысленно жуя, поволокла ее съ собою по

направленію къ стойламъ. Стоявшая у дверей и занятая въ то время укладываніемъ подъ прессъ мѣшка съ творогомъ жена Тевьи кинулась было отнимать рубашку, но въ ту же минуту сорвавшійся съ привязи теленокъ подбѣжалъ и съ жадностью сталъ сосать матку, что повергло въ отчаянье совершенно растерявшуюся хозяйку. По той же улицѣ тащился высоко нагруженный снопами возъ Моти Халипера, и покрикиваніе возницы на усталыхъ лошадокъ смѣшивалось съ ревомъ коровъ и голосами суетившихся кругомъ подростковъ. По стѣнѣ общественнаго амбара, построеннаго въ оградѣ синагоги, карабкался какой-то мальчуганъ, силясь достать рукою гнѣздо ласточекъ, пріютившееся подъ самой застрѣхой. Онъ успѣлъ уже два раза свалиться внизъ и больно ушибить плечо, но каждый разъ съ возростающей энергіей принимался за дѣло. Воробьи суетились веселой стаей по двору, то опускаясь и попрыгивая по травѣ, то со свистомъ вдругъ взвиваясь на воздухъ. Откуда-то слѣва доносился стукъ молотильнаго камня, а съ другой стороны—гудѣніе колесъ вѣялки. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали всю эту пеструю картину, золотя длинную сѣдую бороду ребъ Герша и отражаясь на блестящемъ, хотя и значительно измятомъ козыркѣ у картуза Сруэль-Мойше,—споривших въ это время о могуществѣ и благородствѣ Наполеона I.

Кто изъ нихъ былъ правъ—они такъ и не выяснили ни въ тотъ разъ, ни въ впослѣдствіи, какъ и многіе другіе вопросы, на которые они нашли одинъ общій отвѣтъ, каждый подъ одной изъ плитъ, покрывающихъ маленькое унылое кладбище.

II.

Колоніальный Геркулесъ.

Гораздо несчастнѣе ихъ обоихъ оказался Шлоймэ Чаусъ, никогда не задававшій себѣ никакихъ вопросовъ и только единственный разъ, въ минуту смерти, столкнувшійся съ однимъ ужаснымъ вопросомъ, на который онъ такъ и не успѣлъ отвѣтить.

Шлоймэ родился въ одно ясное утро въ началѣ іюня. Ком-

натка, въ которой онъ впервые увидѣлъ міръ Божій, была полна солнечнаго свѣта и запаху сирени, акацій, парного молока и рыхлаго чернозема. Въ первый разъ нагнувшійся къ нему отецъ задѣлъ его крохотное личико своей всклоченной русой бородой, въ которой торчало нѣсколько стебельковъ душистаго сѣна и кончикъ ржаного колоса. Это было первымъ общеніемъ Шлоймэ съ той природой, которая впослѣдствіи нашла въ немъ прилежнаго работника и преданнаго друга.

Тихо и ясно было то утро, въ которое родился Шлоймэ, и тиха и ясна была вся его скромная и спокойная жизнь, если вычеркнуть изъ нея извѣстный періодъ, неизбѣжный въ жизни еврейскаго мальчика—періодъ хедера съ его зубрячкой, пинками и всѣми прочими ужасами. Шлоймэ, быть можетъ, болѣе всякаго другого изъ его сверстниковъ чувствовалъ весь гнетъ этого хедера съ его вонючей и грязной атмосферой, въ которой трепещетъ и замираетъ маленькое дѣтское сердце, въ особенности въ тѣ дни, когда на дворѣ тепло и ясно, солнце свѣтитъ, птички чирикаютъ, а зеленый лугъ и свѣтлая рѣчка манятъ и притягиваютъ къ себѣ съ непобѣдимой, чарующей силой. За исключеніемъ этихъ тяжелыхъ искушеній, жизнь Шлоймэ была тиха и ясна, и все въ этой жизни, въ этомъ маленькомъ міркѣ для Шлоймэ было ясно и понятно.

На краю колоніи находились развалины двухъ-трехъ избъ, куда дѣти и днемъ боялись заглянуть, въ увѣренности, что тамъ обитаютъ злые «шейдимъ», выходящіе по ночамъ, чтобы пугать и даже «портить» людей. Первымъ, кто разоблачилъ невѣрность этихъ толковъ, былъ Шлоймэ. Однажды вечеромъ, отыскивая заблудшаго теленка, Шлоймэ проходилъ мимо страшныхъ развалинъ и, отчаявшись въ успѣхѣ своихъ поисковъ, уже готовъ былъ направиться домой, какъ вдругъ до его слуха донесся сиплый ревъ изъ развалинъ одной изъ избушекъ, гдѣ, при первомъ же взглядѣ, онъ увидѣлъ знакомую голову теленка. Теленокъ стоялъ, пережевывая пучокъ зеленой травки, которою въ изобиліи поросли развалины избушки, и смотрѣлъ на него своими спокойными, безсмысленными глазами. Шлоймэ вздрогнулъ, и первой мыслью его было бѣжать, пока «шедъ», предательски принявшій видъ теленка, еще не успѣлъ броситься на него и

ИЗЪ ОСЕННИХЪ МОТИВОВЪ.

(Посв. И. Д. М—чу).

Осень дождливая, хмурая, грязная...
Злая кручина—тоска неотвязная
Мрачную душу томитъ и гнететъ...
Вѣтеръ осенній свиститъ и реветъ,
Листья засохшіе, листья опавшіе
Нивой безплодною злобно несетъ.
Сердце больное, отрады не знавшее
И утомленное въ трудной борьбѣ,
Проситъ участья, привѣта себѣ...
Но не найду въ злую осень привѣта я—
Мгла непроглядная всюду царитъ;
Небо свинцовое, въ сумракъ одѣтое,
Какъ-то уныло и грустно глядитъ...
Горькая злоба въ душѣ поднимается,
Мрачно волнуется духъ мой больной.
Жизни прошедшей картины являются.
Прошлаго тѣни встаютъ предо мной,
Помню я осень такую же грязную,
Плакало небо холоднымъ дождемъ.

панья проглотилъ страшный змѣй, поднявшійся со дна, Шлоймэ остановилъ его вопросомъ:

— Гдѣ это было... т. е., я думаю, гдѣ купался этотъ апикойрэсъ?

Лейзке украдкой посмотрѣлъ на него, и продолжалъ:

— «Схватилъ это огненный змѣй нашего *умника* прямо за то мѣсто, гдѣ кладется «schel-rosch» и въ одно мгновенье»...

— Постой же, Лейзке,—снова прервалъ его Шлоймэ:—я же тебя спрашиваю: гдѣ купался апикойрэсъ?

— Да чего ты привязался ко мнѣ,—окрысился на него разсказчикъ,—гдѣ купался? Понятно гдѣ—въ рѣкѣ, а не въ горшкѣ съ борщемъ...

— Э, врешь, Лейзке, врешь,—воскликнулъ въ свою очередь Шлоймэ:—на днѣ рѣки нѣтъ огненныхъ змѣй, тамъ есть рыбы, лягушки, черепахи, пауки, а огненныхъ змѣй нѣтъ... Ты, Лейзке, совралъ... Это для меня ясно.

И все было ясно и понятно для Шлоймэ въ томъ маленькома мірке, гдѣ текли его ранніе годы, и каждое новое явленіе расширяло его опытъ и обогащало его дѣтскій умъ сообразительностью и находчивостью.

Такъ, однажды въ знойный полдень, лежа на спинѣ въ тѣни, падавшей отъ воза, на которомъ онъ пріѣхалъ съ отцомъ на поле, гдѣ производилась жатва, онъ сталъ смотрѣть въ знойное голубое небо, гдѣ, прямо надъ его головой, серебрилась прихотливо очерченная груда бѣлыхъ какъ снѣгъ облаковъ. Груда сначала казалась совершенно неподвижной, но при дальнѣйшемъ наблюденіи Шлема сталъ замѣчать, что въ этой бѣлоснѣжной грудѣ совершается какая-то тайная и въ высшей степени занимательная работа. Серебристые пласты, наваленные одинъ на другой, какъ будто тихо-тихо вздрагиваютъ, шевелятся, то расплываясь, то снова сползаясь и заслоняя другъ друга. Горячіе лучи ослѣпительно-яркаго солнца пронизывали насквозь эту зыбкую, пушистую груду, которая постепенно стала принимать какіе-то новые тона, желтые и дымчатые... Онъ закрываетъ глаза. Сначала онъ продолжаетъ видѣть все то, что происходитъ высоко, высоко надъ его головою, но въ скорости другіе образы возникаютъ передъ нимъ...

Тонкіе, стройные тополи въ саду старой Готлибихи, пѣгая, однорогая корова Айзика Лапидуса, тетя Хая, уснувшая на завалинкѣ съ чулкомъ и спицами въ рукахъ, общипанный гусями и телятами стогъ ячменя на току сосѣда, Хаима Мосарскаго, какая-то кошка и какой-то пѣтухъ съ исцарапаннымъ въ кровь и меланхолически повисшимъ гребнемъ, — все это смѣшивается въ одну пеструю, фантастическую картину, сбивается, меркнетъ, расплывается; другіе образы, другія положенія возникаютъ, движутся, проходятъ, за ними еще и еще... Шлема лежитъ неподвижно, слѣдя за этими видѣніями, и вдругъ—онъ невольно вздрагиваетъ и широко открываетъ глаза: въ ушахъ его раздается раскатъ грома. Онъ смотритъ наверхъ: отъ бѣлой груды, висѣвшей въ голубой вышинѣ, нѣтъ и слѣда. Небо покрыто сплошной массой тяжелыхъ темносѣрыхъ тучъ, въ которыхъ время отъ времени вспыхиваютъ змѣевидные, ослѣпительно-яркіе огоньки. Рѣзкимъ холодкомъ вѣетъ сверху, отъ этихъ темныхъ, угрюмыхъ тучъ... По бѣлѣющей вдали дорогѣ пробѣгаютъ кружащіеся вѣтерки, поднимая густую, мягкую пыль... «Шлоймэ! Шлемка! — слышитъ онъ голосъ отца:—ступай сюда, скорѣй, дождь будетъ»... Съ тѣхъ поръ для Шлемы ясно, что если онъ когда нибудь, въ знойный лѣтній полдень, увидитъ такую же груду облаковъ на небѣ, то это значитъ, что надо готовиться къ дождю. Шлоймэ Часъ никогда впослѣдствіи, какъ онъ увѣрялъ, не былъ застигнутъ врасплохъ ни дождемъ, ни грозою.

Широкія степныя поляны, покрытыя сочной, зеленой травой, вѣяли здоровьемъ и бодростью въ открытое, веселое лицо Шлемы, и въ немъ развилась не только могучая степная сила, но и поразительная неустрашимость и отвага.

Забраться въ середину табуна, отдыхающаго въ холодку подъ выступомъ скалистаго берега, подкрасться, какъ кошка, къ задремавшему, стоя, сѣрому жеребцу и выдернуть у него изъ хвоста пукъ волосъ — для Шлоймэ было дѣломъ самымъ легкимъ и пріятнымъ. А въ то время, когда ограбленный столь предательски жеребецъ еще только собирался метнуть вверхъ заднія ноги, Шлема уже находился на значительномъ разстояніи, внѣ всякой опасности, или, если отретироваться

своевременно нельзя было, прибѣгалъ къ такой уловкѣ: выдернеть пукъ изъ хвоста намѣченой жертвы и тутъ же моментально вскочить на ближайшую клячу и сидить себѣ, выжидая, когда можно будетъ слѣзть и уйти своей дорогой. За то ни у кого изъ его товарищей не было такой удочки, какъ у Шлоймэ—цѣликомъ связанной изъ длинныхъ бѣлыхъ волосъ, которые становятся незамѣтными въ водѣ, на горе и гибель бѣднымъ довѣрчивымъ рыбкамъ.

Вообще лошади были страстью, стихіей Шлемы, и на нихъ главнымъ образомъ онъ воспиталъ и развилъ свою находчивость и ловкость.

Когда ему было лѣтъ 18, онъ славился во всей колоніи и даже въ окрестныхъ деревняхъ, какъ рѣдкій искусникъ объѣзжать, усмирять лошадей и «выгонять» ихъ норовъ, не смотря ни на какія трудности и опасности, что онъ доказалъ наилучшимъ образомъ на слѣдующемъ случаѣ.

Изъ конюшни одного изъ нѣмецкихъ колонистовъ, Франца Бабеля, вырвался трехлѣтній жеребецъ и, ухарски откинувъ хвостъ и разметавъ свою пушистую гриву, съ побѣдоноснымъ ржаньемъ пустился галопомъ по улицѣ, прямо на двухъ маленькихъ дѣвочекъ, энергично занятыхъ въ то время не то игрой, не то дракой, состоявшей въ томъ, что, наклонясь и быстро зачерпывая руками песокъ, онѣ швыряли имъ другъ дружкѣ въ лицо. Занятіе, начавшееся игрой, становилось дѣломъ амбиціи, и разгоряченныя малютки и не замѣчали приближающейся опасности. Тутъ и явился на выручку Шлоймэ. Въ то время, когда остолбенѣвшіе отъ испуга сосѣди едва стали задавать себѣ вопросъ: что дѣлать?—Шлоймэ ужъ *дѣлалъ*. Мигомъ вскочивъ на своего караковаго «Буцика» и собравъ въ кольца веревку, которою онъ собирался было увязать возъ съ сѣномъ, онъ кинулся съ неимовѣрной быстротой въ догонку бѣглецу и буквально черезъ одну минуту бѣшеный жеребецъ уже метался на укороченномъ арканѣ, безполезно подымаясь на дыбы и меча на воздухъ заднія ноги.

— Молодецъ, Шлоймэ, молодецъ!—привѣтствовали его зрители этой сцены:—вотъ ужъ поистинѣ казакъ...

— Ну, ладно, ладно... казакъ!—огрызнулся Шлоймэ, рас-

подъ которымъ онъ легъ отдохнуть отъ долгаго, труднаго пути. Сруэлъ-Мойше былъ маленькій, круглый человѣчекъ, съ густой и черной, какъ смоль, бородкой, широкимъ, мускулистымъ лицомъ, и въ возбужденномъ состояніи слегка заикавшійся. Женатъ онъ былъ три раза, въ первый—13-ти лѣтъ отъ роду и въ послѣдній разъ—36-ти лѣтъ. 30 лѣтъ прослужилъ онъ въ должности «десятскаго» при сельскомъ приказѣ, благополучно пережилъ свирѣпствовавшіе въ краѣ (въ 1847—48 и 1853 гг.) цынгу и холеру, собственными руками въ теченіе своей жизни скосилъ и смолотилъ, по его собственному разсчету, около 500 десятинъ пшеницы, ржи и проч. и умеръ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что мудрѣе, могущественнѣе и благороднѣе императора Наполеона I не было и не будетъ. Откуда почерпалъ Сруэлъ-Мойше свои свѣдѣнія о французскомъ императорѣ и на чемъ, собственно, онъ основывалъ свое убѣжденіе относительно его мудрости, могущества и благородства—неизвѣстно. Быть можетъ, онъ и самъ не могъ бы отвѣтить на такой вопросъ, но это нисколько не мѣшало ему всегда и и вездѣ отстаивать свое убѣжденіе. Сруэлъ-Мойше имѣлъ, въ сущности, крайне смутное представленіе о томъ пути, по которому прошелъ его любимый императоръ, о тѣхъ событіяхъ, которыя тѣсно связаны съ его именемъ, и о той печальной участи, которая его постигла въ финалѣ его громкой эпопеи. Въ той лѣтописи, которую велъ Сруэлъ-Мойше, французскій императоръ являлся во всевозможныхъ положеніяхъ завоевательной и оборонительной политики, нерѣдко совершая подвиги крайне легендарнаго свойства, но всегда оставаясь неизмѣнно могущественнымъ и безукоризненно благороднымъ. Я невольно вспомнилъ эту странную склонность Сруэлъ-Мойше къ «политикѣ», именно благодаря ея странности. Родившись въ колоніи и состоя съ 33 лѣтъ въ должности десятскаго, Сруэлъ-Мойше былъ прямымъ, естественнымъ продуктомъ той сферы жизни, которая, въ 80 лѣтъ существованія земледѣльческихъ колоній въ Новороссіи, выработала опредѣленный типъ еврея-земледѣльца, весьма далекаго отъ всякихъ мудрствованій на отвлеченныя темы вообще и на темы политическія въ особенности. «Ловчики», кантонисты и розги—вотъ единственные термины, вокругъ которыхъ вращались въ

этой средѣ всѣ разсказы изъ рекрутскаго быта и которыми въ сущности, исчерпывались всѣ представленія о политикѣ. Въ проявленіяхъ будничной, повседневной жизни еврей-колонистъ представляетъ собою копію со своего сосѣда крестьянина. Земля и орудія, которыми она обрабатывается, «скотинка» и постоянныя заботы о ней—вотъ главные пункты, къ которымъ устремлены взоръ и помыслы колониста и отъ которыхъ исходятъ всѣ его радости и печали. Правда, «связь» съ землею у него еще не окрѣпла настолько, какъ это наблюдается у его сосѣда-крестьянина. Два-три неурожайныхъ года подъ рядъ и обыкновенно слѣдующій за ними падежъ скота выбиваютъ еврейскаго земледѣльца изъ колеи и разшатываютъ его основы въ значительной степени больше, чѣмъ это можно видѣть въ средѣ крестьянской. Но этому способствуютъ причины, лежащія не въ какихъ либо особенныхъ свойствахъ, присущихъ еврею-колонисту, а въ извѣстныхъ условіяхъ, экономическихъ и административныхъ, которыя, съ первыхъ же моментовъ возникновенія еврейскаго земледѣльческаго сословія въ Новороссіи, ставили еврейскаго земледѣльца въ исключительное и далеко невыгодное для него положеніе. Но въ будничной, повседневной жизни, какъ я уже сказалъ, еврей-колонистъ не отличается ничѣмъ отъ своего сосѣда-крестьянина.

Таковъ былъ и Сруэлъ-Мойше. Должность десятскаго не могла вредить его интересамъ, какъ земледѣльца, такъ какъ не отнимала у него почти ни одного часа отъ полевыхъ работъ. Это будетъ ясно, если сказать, что во время запашки и жатвы не происходитъ обыкновенно почти никакихъ «сходокъ», при которыхъ главнымъ образомъ проявляется дѣятельность десятскаго, какъ сборщика и блюстителя порядка. Внутреннія же работы по задачамъ сельскаго самоуправленія, хотя и производятся непрерывно шульцемъ или однимъ изъ его двухъ «бейзитцеровъ», но онѣ такого свойства, что отнюдь не требуютъ обязательнаго присутствія десятскаго. Сидитъ себѣ въ жаркій лѣтній полдень шульцъ или бейзитцеръ и постукиваетъ костяшками большихъ, закапанныхъ чернилами счетовъ, подводя итоги по податной раскладкѣ или провѣряя цифры дохода съ оброчныхъ статей. Въ комнатѣ приказа, убранной портретами Цар-

[illegible] особъ, двухъ-трехъ министровъ государственныхъ имуществъ и разными «таблицами», «картами» и «реэстрами», испещренными длинными и узенькими столбиками цифръ, — въ этой комнатѣ тихо и довольно прохладно, благодаря завѣшаннымъ съ наружной стороны окнамъ. Постукивающее костяшками «начальство» подниметъ по временамъ голову и, повернувшись лицомъ къ дверямъ, ведущимъ въ сѣни, крикнетъ:

— Мендль, а Мендль!

— Что такое?—послышится въ отвѣтъ дѣтскій голосъ, и изъ сѣней выглянетъ Мендль, сынъ Сруэль-Мойше, съ заспаннымъ лицомъ и взъерошенными волосами.

— Что?

— Ты опять уснулъ?—обратится къ нему «начальство». — Слушай, принеси холодной воды напиться, да къ колодцу иди и натаскай свѣжей... Экая жажда?..

Или скажетъ:

— Слушай, Мендль, пойди домой, узнай, вернулись-ли [illegible] съ поля, и спроси, сколько еще осталось сноповъ на нивѣ, что возлѣ [illegible] дороги. Да скажи кстати, чтобы вывѣсили на просушку шлею и вожжи, которыя я вчера вымазалъ дегтемъ.

И «начальство» снова погрузится въ свои счеты и выкладки. Такимъ образомъ, дѣло обходилось и безъ присутствія Сруэль-Мойше, который въ то время находился на полѣ и наравнѣ съ другими обывателями справлялъ свою работу. Онъ ничѣмъ и не отличался отъ любого изъ своихъ земляковъ, если не считать его непонятной склонности къ политикѣ съ полнымъ, безповоротнымъ преклоненіемъ предъ политическимъ геніемъ Наполеона I и, затѣмъ, его маленькой страсти къ репутаціи законовѣда, или «законника», какъ его и прозвали шутливо обыватели колоніи. — «Законъ говоритъ» — это было обычнымъ пріемомъ, къ которому прибѣгалъ Сруэль-Мойше каждый разъ, когда ему приходилось спорить по поводу того или другого вопроса въ области колоніальнаго самоуправленія, и къ чести десятскаго надо замѣтить что, имѣя за собою долгіе годы опыта и къ тому же зная личныя свойства ближайшихъ начальни-

ковъ, заправлявшихъ судьбами колонистовъ, онъ рѣдко когда ошибался. За то уже по отношенію къ другой своей слабости—Наполеону I, Сруэлъ-Мойше становился неподражаемымъ въ своемъ комизмѣ.

Такъ, однажды въ спорѣ съ ребъ Гершемъ, человѣкомъ самой строгой набожности и благочестія, онъ смѣло высказался въ томъ смыслѣ, что если бы царемъ древняго Вавилона былъ не Навуходонасоръ, а Наполеонъ, то сіонскій храмъ, быть можетъ существовалъ бы и въ настоящее время, ибо Наполеонъ былъ слишкомъ мудръ и благороденъ, чтобы рѣшиться разрушить такое грандіозное зданіе.

— Какъ! — воскликнулъ возмущенный ребъ Гершъ: — ты съ ума сошелъ, Сруэлъ-Мойше! Недурно сказано, храмъ не былъ бы разрушенъ! Такъ по твоему выходитъ, что 9-е Аба, когда и самъ Предвѣчный плачетъ, могло бы быть устранено Наполеономъ и... и .. Да что говорить съ такимъ невѣждой и безбожникомъ, какъ ты!—И ребъ Гершъ махнулъ рукою и отвернулся, не будучи въ состояніи овладѣть своимъ волненіемъ.

Возмущеніе ребъ Герша было вполнѣ естественно, ибо онъ глубоко вѣрилъ, что вся мудрость и могущество всѣхъ царей земныхъ жалки и ничтожны предъ однимъ «перстомъ Божіимъ» и что, слѣдовательно, дѣло не въ томъ, кто воевалъ съ Израилемъ, а въ томъ, что храмъ сіонскій *долженъ былъ* быть разрушенъ, и никакіе Наполеоны и даже Александры Македонскіе не были бы въ силахъ его поддержать.

Споръ происходилъ въ одинъ изъ ясныхъ іюльскихъ вечеровъ, на каменныхъ ступенькахъ у дверей синагоги, куда сталъ собираться «миньонъ» для вечерной молитвы. По широкой и мѣстами поросшей травою улицѣ брели, оглашая воздухъ своимъ ревомъ и блеяньемъ, возвращавшіяся съ пастбища коровы и козы, а среди нихъ суетились и шумѣли запыхавшіеся отъ бѣга и жары дѣвочки и мальчуганы, большей частью босикомъ и въ короткихъ рваныхъ штанишкахъ. Прямо противъ зданія синагоги, во дворѣ Тевьи Хайкина происходила уморительная сцена: пѣгая корова, проходя по двору, захватила зубами куцую дѣтскую рубашонку, вывѣшенную для просушки на заборъ палисадника, и, безсмысленно жуя, поволокла ее съ собою по

[illegible]ій въ [illegible]. Стоявшая у дверей и занятая въ то время укладываніемъ [illegible] пресныхъ [illegible] съ творогомъ жена Танхи [illegible] [illegible] [illegible] рубашку, но въ ту же минуту [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] подбѣжалъ и съ жадностью сталъ [illegible] [illegible], что повергло въ отчаяніе совершенно рас-[illegible] [illegible]. По той же улицѣ тащился высоко нагруженный [illegible] [illegible] [illegible] Хаймера, и покрикиваніе возницы за [illegible] [illegible] [illegible] съ ревомъ коровъ и [illegible] [illegible] [illegible] подростковъ. По стѣнѣ общественнаго [illegible], построеннаго въ оградѣ синагоги, карабкался какой-то мальчуганъ, силясь достать рукою гнѣздо ласточекъ, прилѣпившееся подъ самой застрѣхой. Онъ успѣлъ уже два раза [illegible] [illegible] и больно ушибить плечо, но каждый разъ съ возрастающей энергіей принимался за дѣло. Воробьи [illegible] [illegible] стаей по двору, то опускаясь и подпрыгивая по травѣ, то со свистомъ кругъ взвиваясь на воздухъ. Откуда-то [illegible] [illegible] стукъ молотильнаго камня, а съ другой стороны—гулкіе [illegible] [illegible]. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали всю эту пеструю картину, золотя длинную сѣдую бороду реба Герша и отражаясь на блестящемъ, хотя и значительно [illegible] козырькѣ у картуза Сруэлъ-Мойше,—спорившихъ въ это время о могуществѣ и благородствѣ Наполеона I.

Кто изъ нихъ былъ правъ—они такъ и не выяснили ни въ тотъ разъ, ни въ послѣдствіи, какъ и многіе другіе вопросы, на которые они нашли одинъ общій отвѣтъ, каждый подъ одной изъ плитъ, покрывающихъ маленькое унылое кладбище.

II.

Колоссальный Геркулесъ.

Гораздо несчастнѣе ихъ обоихъ оказался Шлойме Чаусъ, никогда не задававшій себѣ никакихъ вопросовъ и только единственный разъ, въ минуту смерти, столкнувшійся съ однимъ ужаснымъ вопросомъ, на который онъ такъ и не успѣлъ отвѣтить.

Шлойме родился въ одно ясное утро въ началѣ іюня. Ком-

натка, въ которой онъ впервые увидѣлъ міръ Божій, была полна солнечнаго свѣта и запаху сирени, акацій, парного молока и рыхлаго чернозема. Въ первый разъ нагнувшійся къ нему отецъ задѣлъ его крохотное личико своей всклоченной русой бородой, въ которой торчало нѣсколько стебельковъ душистаго сѣна и кончикъ ржаного колоса. Это было первымъ общеніемъ Шлоймэ съ той природой, которая впослѣдствіи нашла въ немъ прилежнаго работника и преданнаго друга.

Тихо и ясно было то утро, въ которое родился Шлоймэ, и тиха и ясна была вся его скромная и спокойная жизнь, если вычеркнуть изъ нея извѣстный періодъ, неизбѣжный въ жизни еврейскаго мальчика—періодъ хедера съ его зубрячкой, пинками и всѣми прочими ужасами. Шлоймэ, быть можетъ, болѣе всякаго другого изъ его сверстниковъ чувствовалъ весь гнетъ этого хедера съ его вонючей и грязной атмосферой, въ которой трепещетъ и замираетъ маленькое дѣтское сердце, въ особенности въ тѣ дни, когда на дворѣ тепло и ясно, солнце свѣтитъ, птички чирикаютъ, а зеленый лугъ и свѣтлая рѣчка манятъ и притягиваютъ къ себѣ съ непобѣдимой, чарующей силой. За исключеніемъ этихъ тяжелыхъ искушеній, жизнь Шлоймэ была тиха и ясна, и все въ этой жизни, въ этомъ маленькомъ міркѣ для Шлоймэ было ясно и понятно.

На краю колоніи находились развалины двухъ-трехъ избъ, куда дѣти и днемъ боялись заглянуть, въ увѣренности, что тамъ обитаютъ злые «шейдимъ», выходящіе по ночамъ, чтобы пугать и даже «портить» людей. Первымъ, кто разоблачилъ невѣрность этихъ толковъ, былъ Шлоймэ. Однажды вечеромъ, отыскивая заблудшаго теленка, Шлоймэ проходилъ мимо страшныхъ развалинъ и, отчаявшись въ успѣхѣ своихъ поисковъ, уже готовъ былъ направиться домой, какъ вдругъ до его слуха донесся сиплый ревъ изъ развалинъ одной изъ избушекъ, гдѣ, при первомъ же взглядѣ, онъ увидѣлъ знакомую голову теленка. Теленокъ стоялъ, пережевывая пучокъ зеленой травки, которою въ изобиліи поросли развалины избушки, и смотрѣлъ на него своими спокойными, безсмысленными глазами. Шлоймэ вздрогнулъ, и первой мыслью его было бѣжать, пока «шедъ», предательски принявшій видъ теленка, еще не успѣлъ броситься на него и

панья проглотилъ страшный змѣй, поднявшійся со дна, Шлоймэ остановилъ его вопросомъ:

— Гдѣ это было... т. е., я думаю, гдѣ купался этотъ апикойрэсъ?

Лейзке украдкой посмотрѣлъ на него, и продолжалъ:

— «Схватилъ это огненный змѣй нашего *умника* прямо за то мѣсто, гдѣ кладется «schel-rosch» и въ одно мгновенье»...

— Постой же, Лейзке,—снова прервалъ его Шлоймэ:—я же тебя спрашиваю: гдѣ купался апикойрэсъ?

— Да чего ты привязался ко мнѣ,—окрысился на него разсказчикъ,—гдѣ купался? Понятно гдѣ—въ рѣкѣ, а не въ горшкѣ съ борщемъ...

— Э, врешь, Лейзке, врешь,—воскликнулъ въ свою очередь Шлоймэ:—на днѣ рѣки нѣтъ огненныхъ змѣй, тамъ есть рыбы, лягушки, черепахи, пауки, а огненныхъ змѣй нѣтъ... Ты, Лейзке, совралъ... Это для меня ясно.

И все было ясно и понятно для Шлоймэ въ томъ маленькома міркѣ, гдѣ текли его ранніе годы, и каждое новое явленіе расширяло его опытъ и обогащало его дѣтскій умъ сообразительностью и находчивостью.

Такъ, однажды въ знойный полдень, лежа на спинѣ въ тѣни, падавшей отъ воза, на которомъ онъ пріѣхалъ съ отцомъ на поле, гдѣ производилась жатва, онъ сталъ смотрѣть въ знойное голубое небо, гдѣ, прямо надъ его головой, серебрилась прихотливо очерченная груда бѣлыхъ какъ снѣгъ облаковъ. Груда сначала казалась совершенно неподвижной, но при дальнѣйшемъ наблюденіи Шлема сталъ замѣчать, что въ этой бѣлоснѣжной грудѣ совершается какая-то тайная и въ высшей степени занимательная работа. Серебристые пласты, наваленные одинъ на другой, какъ будто тихо-тихо вздрагиваютъ, шевелятся, то расплываясь, то снова сползаясь и заслоняя другъ друга. Горячіе лучи ослѣпительно-яркаго солнца пронизывали насквозь эту зыбкую, пушистую груду, которая постепенно стала принимать какіе-то новые тона, желтые и дымчатые... Онъ закрываетъ глаза. Сначала онъ продолжаетъ видѣть все то, что происходитъ высоко, высоко надъ его головою, но въ скорости другіе образы возникаютъ передъ нимъ...

Тонкіе, стройные тополи въ саду старой Готлибихи, пѣгая, однорогая корова Айзика Лапидуса, тетя Хая, уснувшая на завалинкѣ съ чулкомъ и спицами въ рукахъ, общипанный гусями и телятами стогъ ячменя на току сосѣда, Хаима Мосарскаго, какая-то кошка и какой-то пѣтухъ съ исцарапаннымъ въ кровь и меланхолически повисшимъ гребнемъ, — все это смѣшивается въ одну пеструю, фантастическую картину, сбивается, меркнетъ, расплывается; другіе образы, другія положенія возникаютъ, движутся, проходятъ, за ними еще и еще... Шлема лежитъ неподвижно, слѣдя за этими видѣніями, и вдругъ—онъ невольно вздрагиваетъ и широко открываетъ глаза: въ ушахъ его раздается раскатъ грома. Онъ смотритъ наверхъ: отъ бѣлой груды, висѣвшей въ голубой вышинѣ, нѣтъ и слѣда. Небо покрыто сплошной массой тяжелыхъ темносѣрыхъ тучъ, въ которыхъ время отъ времени вспыхиваютъ змѣевидные, ослѣпительно-яркіе огоньки. Рѣзкимъ холодкомъ вѣетъ сверху, отъ этихъ темныхъ, угрюмыхъ тучъ... По бѣлѣющей вдали дорогѣ пробѣгаютъ кружащіеся вѣтерки, поднимая густую, мягкую пыль... «Шлоймэ! Шлемка! — слышитъ онъ голосъ отца:—ступай сюда, скорѣй, дождь будетъ»... Съ тѣхъ поръ для Шлемы ясно, что если онъ когда нибудь, въ знойный лѣтній полдень, увидитъ такую же груду облаковъ на небѣ, то это значитъ, что надо готовиться къ дождю. Шлоймэ Часъ никогда впослѣдствіи, какъ онъ увѣрялъ, не былъ застигнутъ врасплохъ ни дождемъ, ни грозою.

Широкія степныя поляны, покрытыя сочной, зеленой травой, вѣяли здоровьемъ и бодростью въ открытое, веселое лицо Шлемы, и въ немъ развилась не только могучая степная сила, но и поразительная неустрашимость и отвага.

Забраться въ середину табуна, отдыхающаго въ холодку подъ выступомъ скалистаго берега, подкрасться, какъ кошка, къ задремавшему, стоя, сѣрому жеребцу и выдернуть у него изъ хвоста пукъ волосъ — для Шлоймэ было дѣломъ самымъ легкимъ и пріятнымъ. А въ то время, когда ограбленный столь предательски жеребецъ еще только собирался метнуть вверхъ заднія ноги, Шлема уже находился на значительномъ разстояніи, внѣ всякой опасности, или, если отретироваться

своевременно нельзя было, прибѣгалъ къ такой уловкѣ: выдернеть пукъ изъ хвоста намѣченой жертвы и тутъ же моментально вскочитъ на ближайшую клячу и сидитъ себѣ, выжидая, когда можно будетъ слѣзть и уйти своей дорогой. За то ни у кого изъ его товарищей не было такой удочки, какъ у Шлоймэ—цѣликомъ связанной изъ длинныхъ бѣлыхъ волосъ, которые становятся незамѣтными въ водѣ, на горе и гибель бѣднымъ довѣрчивымъ рыбкамъ.

Вообще лошади были страстью, стихіей Шлемы, и на нихъ главнымъ образомъ онъ воспиталъ и развилъ свою находчивость и ловкость.

Когда ему было лѣтъ 18, онъ славился во всей колоніи и даже въ окрестныхъ деревняхъ, какъ рѣдкій искусникъ объѣзжать, усмирять лошадей и «выгонять» ихъ норовъ, не смотря ни на какія трудности и опасности, что̀ онъ доказалъ наилучшимъ образомъ на слѣдующемъ случаѣ.

Изъ конюшни одного изъ нѣмецкихъ колонистовъ, Франца Бабеля, вырвался трехлѣтній жеребецъ и, ухарски откинувъ хвостъ и разметавъ свою пушистую гриву, съ побѣдоноснымъ ржаньемъ пустился галопомъ по улицѣ, прямо на двухъ маленькихъ дѣвочекъ, энергично занятыхъ въ то время не то игрой, не то дракой, состоявшей въ томъ, что, наклонясь и быстро зачерпывая руками песокъ, онѣ швыряли имъ другъ дружкѣ въ лицо. Занятіе, начавшееся игрой, становилось дѣломъ амбиціи, и разгоряченныя малютки и не замѣчали приближающейся опасности. Тутъ и явился на выручку Шлоймэ. Въ то время, когда остолбенѣвшіе отъ испуга сосѣди едва стали задавать себѣ вопросъ: что дѣлать?—Шлоймэ ужъ *дѣлалъ*. Мигомъ вскочивъ на своего караковаго. «Буцика» и собравъ въ кольца веревку, которою онъ собирался было увязать возъ съ сѣномъ, онъ кинулся съ неимовѣрной быстротой въ догонку бѣглецу и буквально черезъ одну минуту бѣшеный жеребецъ уже метался на укороченномъ арканѣ, безполезно подымаясь на дыбы и меча на воздухъ заднія ноги.

— Молодецъ, Шлоймэ, молодецъ!—привѣтствовали его зрители этой сцены:—вотъ ужъ поистинѣ казакъ...

— Ну, ладно, ладно... казакъ!—огрызнулся Шлоймэ, рас-

поправляя спутавшуюся веревку и рукавомъ сорочки вытирая потъ съ лица:—казакъ! а вы вотъ, какъ телята, стоите и ушами хлопаете... небось струсили... казакъ... тоже!..

Шлоймэ пользовался своей силой, находчивостью и отвагой не только когда это являлось необходимостью, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было достичь цѣли и при помощи постороннихъ предметовъ.

Служа объѣздчикомъ у сосѣдняго помѣщика, Шлоймэ получилъ однажды приказаніе выслѣдить убѣжище волка въ окрестностяхъ усадьбы, убить самку, а волчатъ принести на барскій дворъ для развлеченія маленькаго паныча и его маменьки, бывшей институтки, по мнѣнію которой «это должно быть ужасъ какъ интересно—подержать въ рукахъ настоящаго волчонка и покормить его сахаромъ и молокомъ». Шлемѣ предоставлено было взять на подмогу двухъ-трехъ человѣкъ дворовыхъ, но онъ это нашелъ излишнимъ—и отправился одинъ. Слѣдовало отыскать убѣжище, выслѣдить время, когда самки не будетъ, и забрать волчатъ. Явившись и не найдя дѣтенышей, волчица пойдетъ по слѣдамъ, при чемъ, конечно, не избѣгнетъ заранѣе устроенной засады. Такъ и случилось. Маленькій панычъ и его маменька были внѣ себя отъ восторга при видѣ трехъ пузатыхъ волчатъ, еще слѣпыхъ и поразительно похожихъ на щенятъ. И въ то время, когда барыня, топая ногами, кричала на весь домъ, чтобъ скорѣе подали согрѣтое и разведенное сахаромъ молоко для этихъ «пузанчиковъ», ползавшихъ по шелковой обивкѣ дивана, съ трудомъ перебирая своими коротенькими лапками,—со двора донесся какой-то странный шумъ, и смѣшанный лай десятковъ собакъ сливался съ гуломъ голосовъ, хохотомъ и визгомъ. Барыня кинулась къ окну, и глазамъ ея представилась слѣдующая сцена: посреди двора, окруженный толпой дворовыхъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и подростковъ, стоялъ раскраснѣвшійся Шлоймэ, съ исцарапанной въ кровь щекой, а у ногъ его лежала крупная темносѣрая волчица съ разинутой пастью, изъ которой сочилась кровь и пѣна, и со связанными кнутомъ ногами. Волчица была жива. Нѣсколько поодаль виднѣлся доѣзжачій

Захаръ, еле удерживавшій на сворк цѣлый десятокъ метавшихся и пронзительно лаявшихсъ собакъ.

— Что случилось? крикнула въ открытое окно взволнованная барыня.

А случилось вотъ что:

Сдавъ волчатъ, вооруженный винтовкой Шлоймэ отправился къ узкому проходу между глубокимъ оврагомъ и оградой парка, гдѣ неизбѣжно должна была прослѣдовать волчица, и, спрятавшись за густой терновникъ, сталъ ждать своей жертвы. Покончить съ волчицей при ея приближеніи къ засадѣ было дѣломъ одной секунды. Но Шлоймэ это показалось неинтереснымъ: его винтовка уложила уже не одного волка, и онъ рѣшилъ иначе расправиться съ своей жертвой. Какъ?—Но развѣ Шлоймэ Чаусъ когда нибудь задавалъ себѣ подобный вопросъ? Очень просто. Къ чему расходовать зарядъ, когда можно схватить волчицу за уши, заложить ей глубоко поперегъ пасти осмоленную рукоятку кнута, ремнемъ окрутить ее по шеѣ и ногамъ и, притащивъ свою жертву на барскій дворъ, бросить ее въ средину голодной стаи, что будетъ очень занимательнымъ зрѣлищемъ. Впослѣдствіи Шлоймэ успѣлъ спасти двухъ тонувшихъ, вытащить съ полдюжины загрязшихъ на берегу рѣки, послѣ половодья, коровъ и лошадей, накрыть цѣлую шайку конокрадовъ.

Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, и случилось, наконецъ, нѣчто такое, предъ чѣмъ и Шлоймэ Чаусъ сталъ втупикъ.

Было лѣто 1853 года. Дни стояли жаркіе. Давно безоблачное небо дышало зноемъ и истомой. Огороды и баштаны желтѣли и сохли, сжигаемые лучами солнца. За то жатва была прекрасная, и на полѣ и въ колоніи, на токахъ и въ сараяхъ, шла живая и спѣшная работа.

Шлоймэ только что пріѣхалъ съ поля съ нагруженнымъ снопами возомъ, отпрягъ лошадей и, задавъ имъ свѣжаго сѣна, отправился обѣдать. Гладкая и румяная жена его Ханэ подала на закуску громадную дыню-царьградку, такихъ же размѣровъ арбузъ, который оказался недоспѣлымъ, и большой жбанъ, наполненный холоднымъ квасомъ. Шлоймэ, уставъ отъ жары

[illegible] и [illegible]

[illegible] —обратился [illegible]

[illegible]

[illegible] жену [illegible].— [illegible] рыжій [illegible] если не [illegible] человѣкъ голоденъ, онъ [illegible] и если у него жажда, онъ [illegible] вопросъ. Нашъ [illegible] общественный [illegible] и [illegible] Чаусъ [illegible] и [illegible] кромѣ [illegible] какъ [illegible] и [illegible] а [illegible]

[illegible]

[illegible] и [illegible] и [illegible]

[illegible] и [illegible] изъ [illegible]

темнѣло... колѣни подогнулись... Онъ потерялъ равновѣсіе...
— Что это? мысленно спросилъ себя Шлоймэ, едва придя въ себя послѣ страшнаго приступа рвоты...

Это былъ первый вопросъ, который задалъ себѣ Шлоймэ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній. Пришелъ фельдшеръ. Онъ вливалъ что-то въ ротъ Шлемѣ, разминалъ ему животъ и поясницу, но ничто не помогло. И когда Шлоймэ лежалъ на глиняномъ полу, ногами къ дверямъ, его рѣшительно невозможно было узнать. Его глубоко-глубоко впавшіе глаза, ужасно вытянутый и заостренный носъ со впавшими ноздрями, пожелтѣвшія какъ воскъ щеки и вся фигура его, всего часъ назадъ еще крѣпкая и здоровая, теперь какъ-то ссохшаяся и смятая—все это было страшно жалко и отвратительно, все это скорчилось и оцѣпенѣло въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи, въ послѣдней борьбѣ съ безпощаднымъ, губительнымъ бичомъ—холерой.

Шлоймэ былъ первою жертвой этой страшной эпидеміи. За нимъ пошли другіе. И рядомъ съ его могилой тянутся длинные ряды такихъ же безвременныхъ могилъ. На плитахъ этихъ могилъ начертанъ одинъ и тотъ же годъ...

Но—мимо, подальше отъ этихъ тяжелыхъ воспоминаній...

III.

Весельчакъ-меламедъ.

Какая ширь, какая благодать вокругъ этого унылаго пріюта смерти! Широкія зеленыя поля разстилаются кругомъ и вѣютъ бодрящимъ и освѣжающимъ запахомъ сочныхъ травъ и рыхлаго чернозема. Высоко надо мною виситъ голубой куполъ небесъ съ замирающими тонами заката. Снизу, изъ долины, доносится невнятный гулъ отъ далекихъ голосовъ, ржанья коней, гогота и кудахтанья домашней птицы и лая собакъ. Съ голубой вышины сыплются нѣжныя нотки малиновки, а вокругъ меня неподвижно стоятъ почернѣлыя плиты... Десятки знакомыхъ и милыхъ лицъ смотрятъ на меня и будятъ въ душѣ дорогія, милыя воспоминанія.

Вотъ...

называется «лишнимъ ртомъ». Его узкая и впалая грудь, не развившаяся и подъ благодатнымъ дѣйствіемъ свободнаго и свѣжаго полевого воздуха, его тонкія, сухія руки и вся его тщедушная, вялая фигура съ раннихъ лѣтъ внушали мало надежды относительно его будущаго. Мальчикъ росъ медленно, почасту и подолгу хворалъ, и никакого проку для хозяйства отъ него ждать нельзя было. Пробовалъ было отецъ отдать его въ ученіе къ портному, затѣмъ къ шорнику, но ничего путнаго не вышло. Мать ѣздила съ нимъ сперва къ нѣкоему чудодѣю, объявившемуся въ ближайшемъ городкѣ, Бериславѣ, потомъ къ престарѣлому знахарю въ сосѣднюю деревню, но и это не помогло. Чудодѣй принялъ «пидьонъ», закатилъ богомольно зрачки своихъ глазъ и, сказавъ, что «все будетъ хорошо», мигнулъ своему прихвостню-габай, который и поспѣшилъ выпроводить ихъ изъ комнаты. Старикъ-знахарь, правда, обошелся съ ними любезнѣе, но результатъ оказался совсѣмъ уже печальный. Съ трудомъ розыскали они старика, проживавшаго на краю деревни въ старенькой избушкѣ. Внучка его, мазавшая въ то время заваленку, подошла къ дверямъ и громко крикнула:

— Діду, а діду! Якась жидівка прийшла до васъ...

Отвѣта не послѣдовало. Дѣвушка крикнула еще громче:

— Чи чуете, дідусь? Жидівка, кажу, питае...

— А-сь?—послышалось въ отвѣтъ.

Съ трудомъ удалось втолковать старику, въ чемъ дѣло. Понявъ, наконецъ, чего отъ него желаютъ, старикъ, повидимому, нѣсколько оживился, сталъ осматривать и ощупывать больного, но послѣ длиннаго ряда экспериментовъ самаго загадочнаго свойства, только покачалъ головой и проговорилъ:

— Ні, хлопець, мабуть, вже тée...

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ Гершонъ служилъ «бегельферомъ» у меламда Пини Кацъ. Кромѣ занятій, сопряженныхъ съ должностью бегельфера, на обязанности его лежало присматривать и за козой меламда, имѣвшей пагубную страсть забираться въ чужіе огороды и палисадники, за что потерпѣвшіе владѣльцы били козу, а Пиня ругалъ

ствующихъ Особъ, двухъ-трехъ министровъ государственныхъ имуществъ и разными «таблицами», «картами» и «реэстрами, испещренными длинными и узенькими столбиками цифръ, — въ этой комнатѣ тихо и довольно прохладно, благодаря завѣшаннымъ съ солнечной стороны окнамъ. Постукивающее костяшками «начальство» подниметъ по временамъ голову и, повернувшись лицомъ къ дверямъ, ведущимъ въ сѣни, крикнетъ:

— Мендлъ, а Мендлъ!

— Что такое?—послышится въ отвѣтъ дѣтскій голосъ, и изъ сѣней появится Мендлъ, сынъ Сруэлъ-Мойше, съ заспаннымъ лицомъ и взъерошенными волосами.

— Что?

— Ты опять уснулъ?—обратится къ нему «начальство». — Ступай, принеси холодной воды напиться, да къ колодцу иди и вытащи свѣжей... Экая жажда?..

Или скажетъ:

— Ступай, Мендлъ, ко мнѣ домой, узнай, вернулись-ли наши съ поля, и спроси, сколько еще осталось сноповъ на нивѣ, что́ возлѣ Тягинской дороги. Да скажи кстати, чтобы вывѣсили на просушку шлею и вожжи, которыя я вчера вымазалъ дегтемъ.

И «начальство» снова погрузится въ свои счеты и выкладки. Такимъ образомъ, дѣло обходилось и безъ присутствія Сруэлъ-Мойше, который въ то время находился на полѣ и наравнѣ съ другими обывателями справлялъ свою работу. Онъ ничѣмъ и не отличался отъ любого изъ своихъ земляковъ, если не считать его непонятной склонности къ политикѣ съ полнымъ, безповоротнымъ преклоненіемъ предъ политическимъ геніемъ Наполеона I и, затѣмъ, его маленькой страсти къ репутаціи законовѣда, или «законника», какъ его и прозвали шутливо обыватели колоніи. — «Законъ говоритъ» — это было обычнымъ пріемомъ, къ которому прибѣгалъ Сруэлъ-Мойше каждый разъ, когда ему приходилось спорить по поводу того или другого вопроса въ области колоніальнаго самоуправленія, и къ чести десятскаго надо замѣтить что, имѣя за собою долгіе годы опыта и къ тому же зная личныя свойства ближайшихъ начальни-

ковъ, заправлявшихъ судьбами колонистовъ, онъ рѣдко когда ошибался. За то уже по отношенію къ другой своей слабости—Наполеону I, Сруэлъ-Мойше становился неподражаемымъ въ своемъ комизмѣ.

Такъ, однажды въ спорѣ съ ребъ Гершемъ, человѣкомъ самой строгой набожности и благочестія, онъ смѣло высказался въ томъ смыслѣ, что если бы царемъ древняго Вавилона былъ не Навуходоносоръ, а Наполеонъ, то сіонскій храмъ, быть можетъ существовалъ бы и въ настоящее время, ибо Наполеонъ былъ слишкомъ мудръ и благороденъ, чтобы рѣшиться разрушить такое грандіозное зданіе.

— Какъ! — воскликнулъ возмущенный ребъ Гершъ: — ты съ ума сошелъ, Сруэлъ-Мойше! Недурно сказано, храмъ не былъ бы разрушенъ! Такъ по твоему выходитъ, что 9-е Аба, когда и самъ Предвѣчный плачетъ, могло бы быть устранено Наполеономъ и... и .. Да что говорить съ такимъ невѣждой и безбожникомъ, какъ ты!—И ребъ Гершъ махнулъ рукою и отвернулся, не будучи въ состояніи овладѣть своимъ волненіемъ.

Возмущеніе ребъ Герша было вполнѣ естественно, ибо онъ глубоко вѣрилъ, что вся мудрость и могущество всѣхъ царей земныхъ жалки и ничтожны предъ однимъ «перстомъ Божіимъ» и что, слѣдовательно, дѣло не въ томъ, кто воевалъ съ Израилемъ, а въ томъ, что храмъ сіонскій *долженъ былъ* быть разрушенъ, и никакіе Наполеоны и даже Александры Македонскіе не были бы въ силахъ его поддержать.

Споръ происходилъ въ одинъ изъ ясныхъ іюльскихъ вечеровъ, на каменныхъ ступенькахъ у дверей синагоги, куда сталъ собираться «миньонъ» для вечерной молитвы. По широкой и мѣстами поросшей травою улицѣ брели, оглашая воздухъ своимъ ревомъ и блеяньемъ, возвращавшіяся съ пастбища коровы и козы, а среди нихъ суетились и шумѣли запыхавшіеся отъ бѣга и жары дѣвочки и мальчуганы, большей частью босикомъ и въ коротких рваныхъ штанишкахъ. Прямо противъ зданія синагоги, во дворѣ Тевьи Хайкина происходила уморительная сцена: пѣгая корова, проходя по двору, захватила зубами куцую дѣтскую рубашонку, вывѣшенную для просушки на заборъ палисадника, и, безсмысленно жуя, поволокла ее съ собою по

направленію къ стойламъ. Стоявшая у дверей и занятая въ то время укладываніемъ подъ прессъ мѣшка съ творогомъ жена Тевьи кинулась было отнимать рубашку, но въ ту же минуту сорвавшійся съ привязи теленокъ подбѣжалъ и съ жадностью сталъ сосать матку, что повергло въ отчаянье совершенно растерявшуюся хозяйку. По той же улицѣ тащился высоко нагруженный снопами возъ Моти Халипера, и покрикиваніе возницы на усталыхъ лошадокъ смѣшивалось съ ревомъ коровъ и голосами суетившихся кругомъ подростковъ. По стѣнѣ общественнаго амбара, построеннаго въ оградѣ синагоги, карабкался какой-то мальчуганъ, силясь достать рукою гнѣздо ласточекъ, пріютившееся подъ самой застрѣхой. Онъ успѣлъ уже два раза свалиться внизъ и больно ушибить плечо, но каждый разъ съ возростающей энергіей принимался за дѣло. Воробьи суетились веселой стаей по двору, то опускаясь и попрыгивая по травѣ, то со свистомъ вдругъ взвиваясь на воздухъ. Откуда-то слѣва доносился стукъ молотильнаго камня, а съ другой стороны—гудѣніе колесъ вѣялки. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали всю эту пеструю картину, золотя длинную сѣдую бороду ребъ Герша и отражаясь на блестящемъ, хотя и значительно измятомъ козыркѣ у картуза Сруэль-Мойше,—спорившихъ въ это время о могуществѣ и благородствѣ Наполеона I.

Кто изъ нихъ былъ правъ—они такъ и не выяснили ни въ тотъ разъ, ни въ впослѣдствіи, какъ и многіе другіе вопросы, на которые они нашли одинъ общій отвѣтъ, каждый подъ одной изъ плитъ, покрывающихъ маленькое унылое кладбище.

II.

Колоніальный Геркулесъ.

Гораздо несчастнѣе ихъ обоихъ оказался Шлоймэ Чаусъ, никогда не задававшій себѣ никакихъ вопросовъ и только единственный разъ, въ минуту смерти, столкнувшійся съ однимъ ужаснымъ вопросомъ, на который онъ такъ и не успѣлъ отвѣтить.

Шлоймэ родился въ одно ясное утро въ началѣ іюня. Ком-

натка, въ которой онъ впервые увидѣлъ міръ Божій, была полна солнечнаго свѣта и запаху сирени, акацій, парного молока и рыхлаго чернозема. Въ первый разъ нагнувшійся къ нему отецъ задѣлъ его крохотное личико своей всклоченной русой бородой, въ которой торчало нѣсколько стебельковъ душистаго сѣна и кончикъ ржаного колоса. Это было первымъ общеніемъ Шлоймэ съ той природой, которая впослѣдствіи нашла въ немъ прилежнаго работника и преданнаго друга.

Тихо и ясно было то утро, въ которое родился Шлоймэ, и тиха и ясна была вся его скромная и спокойная жизнь, если вычеркнуть изъ нея извѣстный періодъ, неизбѣжный въ жизни еврейскаго мальчика—періодъ хедера съ его зубрячкой, пинками и всѣми прочими ужасами. Шлоймэ, быть можетъ, болѣе всякаго другого изъ его сверстниковъ чувствовалъ весь гнетъ этого хедера съ его вонючей и грязной атмосферой, въ которой трепещетъ и замираетъ маленькое дѣтское сердце, въ особенности въ тѣ дни, когда на дворѣ тепло и ясно, солнце свѣтитъ, птички чирикаютъ, а зеленый лугъ и свѣтлая рѣчка манятъ и притягиваютъ къ себѣ съ непобѣдимой, чарующей силой. За исключеніемъ этихъ тяжелыхъ искушеній, жизнь Шлоймэ была тиха и ясна, и все въ этой жизни, въ этомъ маленькомъ міркѣ для Шлоймэ было ясно и понятно.

На краю колоніи находились развалины двухъ-трехъ избъ, куда дѣти и днемъ боялись заглянуть, въ увѣренности, что тамъ обитаютъ злые «шейдимъ», выходящіе по ночамъ, чтобы пугать и даже «портить» людей. Первымъ, кто разоблачилъ невѣрность этихъ толковъ, былъ Шлоймэ. Однажды вечеромъ, отыскивая заблудшаго теленка, Шлоймэ проходилъ мимо страшныхъ развалинъ и, отчаявшись въ успѣхѣ своихъ поисковъ, уже готовъ былъ направиться домой, какъ вдругъ до его слуха донесся сиплый ревъ изъ развалинъ одной изъ избушекъ, гдѣ, при первомъ же взглядѣ, онъ увидѣлъ знакомую голову теленка. Теленокъ стоялъ, пережевывая пучокъ зеленой травки, которою въ изобиліи поросли развалины избушки, и смотрѣлъ на него своими спокойными, безсмысленными глазами. Шлоймэ вздрогнулъ, и первой мыслью его было бѣжать, пока «шедъ», предательски принявшій видъ теленка, еще не успѣлъ броситься на него и

втащить его въ свое мрачное обиталище, каковое рѣшеніе Шлоймэ и исполнилъ немедленно Но, отбѣжавъ на значительное разстояніе отъ развалинъ, онъ остановился, и въ головѣ его возникъ вопросъ: подлинно-ли это былъ «шедъ»? Если — да, то отчего же онъ меня не тронулъ... даже не пустился меня догонять?.. Странно... А если это былъ не «шедъ», а нашъ теленокъ?— продолжалъ размышлять Шлоймэ, дѣлая надъ собой страшное усиліе и поворачиваясь лицомъ къ развалинамъ.

— Будь что будетъ!—рѣшилъ послѣ нѣкотораго размышленія Шлоймэ: — прочту три раза «schma-isroel» и пойду посмотрю.

Съ замирающимъ сердцемъ приближался Шлоймэ къ развалинамъ. Въ огородѣ Арьи Левина, недалеко отъ этого мѣста, раздались голоса сына и дочери послѣдняго, загонявшихъ въ хлѣвъ корову. Это нѣсколько его ободрило, и онъ, хотя все еще робѣя, сталъ подходить къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ теленка. Тотъ находился уже внѣ развалинъ. Онъ медленно двигался у края дороги, пощипывая траву и при каждомъ шагѣ наступая на повязанную у него на шеѣ веревку, конецъ которой тащился по землѣ.

— Теля-теля-теля, — робко позвалъ Шлоймэ, и теленокъ, поднявъ голову, остановился и снова уставился на него своими безсмысленными спокойными глазами. За рѣкой залаяла собака и оттуда донеслось слабое блеяніе далекихъ овецъ. Съ чисто-рыцарской рѣшимостью схватилъ Шлоймэ конецъ веревки и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать по направленію къ дому.

Теленокъ оказался настоящимъ теленкомъ, и съ тѣхъ поръ Шлоймэ уже не боялся развалинъ, о которыхъ шли столь страшные и, повидимому, несправедливые слухи.

Рѣчка Ингулецъ противъ того мѣста, гдѣ стояла «дача» его отца, содержателя сельской почты, была очень мелка, и въ солнечное время, гуляя на берегу или плескаясь въ чистой и прозрачной влагѣ, Шлоймэ могъ видѣть все, что находится на днѣ: каждый камушекъ, водяной паукъ, червячокъ, крошечная рѣзвушка-рыбка — все было для него ясно. И когда однажды «бегельферъ» Лейзке сталъ разсказывать дѣтямъ фантастическую сказку про одного еретика, котораго во время ку-

панья проглотилъ страшный змѣй, поднявшійся со дна, Шлоймэ остановилъ его вопросомъ:

— Гдѣ это было... т. е., я думаю, гдѣ купался этотъ апикойрэсъ?

Лейзке украдкой посмотрѣлъ на него, и продолжалъ:

— «Схватилъ это огненный змѣй нашего *умника* прямо за то мѣсто, гдѣ кладется «schel-rosch» и въ одно мгновенье»...

— Постой же, Лейзке,—снова прервалъ его Шлоймэ:—я же тебя спрашиваю: гдѣ купался апикойрэсъ?

— Да чего ты привязался ко мнѣ,—окрысился на него разсказчикъ,—гдѣ купался? Понятно гдѣ—въ рѣкѣ, а не въ горшкѣ съ борщемъ...

— Э, врешь, Лейзке, врешь,—воскликнулъ въ свою очередь Шлоймэ:—на днѣ рѣки нѣтъ огненныхъ змѣй, тамъ есть рыбы, лягушки, черепахи, пауки, а огненныхъ змѣй нѣтъ... Ты, Лейзке, совралъ... Это для меня ясно.

И все было ясно и понятно для Шлоймэ въ томъ маленькома міркѣ, гдѣ текли его ранніе годы, и каждое новое явленіе расширяло его опытъ и обогащало его дѣтскій умъ сообразительностью и находчивостью.

Такъ, однажды въ знойный полдень, лежа на спинѣ въ тѣни, падавшей отъ воза, на которомъ онъ пріѣхалъ съ отцомъ на поле, гдѣ производилась жатва, онъ сталъ смотрѣть въ знойное голубое небо, гдѣ, прямо надъ его головой, серебрилась прихотливо очерченная груда бѣлыхъ какъ снѣгъ облаковъ. Груда сначала казалась совершенно неподвижной, но при дальнѣйшемъ наблюденіи Шлема сталъ замѣчать, что въ этой бѣлоснѣжной грудѣ совершается какая-то тайная и въ высшей степени занимательная работа. Серебристые пласты, наваленные одинъ на другой, какъ будто тихо-тихо вздрагиваютъ, шевелятся, то расплываясь, то снова сползаясь и заслоняя другъ друга. Горячіе лучи ослѣпительно-яркаго солнца пронизывали насквозь эту зыбкую, пушистую груду, которая постепенно стала принимать какіе-то новые тона, желтые и дымчатые... Онъ закрываетъ глаза. Сначала онъ продолжаетъ видѣть все то, что происходитъ высоко, высоко надъ его головою, но въ скорости другіе образы возникаютъ передъ нимъ...

Тонкіе, стройные тополи въ саду старой Готлибихи, пѣгая, однорогая корова Айзика Лапидуса, тетя Хая, уснувшая на завалинкѣ съ чулкомъ и спицами въ рукахъ, общипанный гусями и телятами стогъ ячменя на току сосѣда, Хаима Мосарскаго, какая-то кошка и какой-то пѣтухъ съ исцарапаннымъ въ кровь и меланхолически повисшимъ гребнемъ, — все это смѣшивается въ одну пеструю, фантастическую картину, сбивается, меркнетъ, расплывается; другіе образы, другія положенія возникаютъ, движутся, проходятъ, за ними еще и еще... Шлема лежитъ неподвижно, слѣдя за этими видѣніями, и вдругъ—онъ невольно вздрагиваетъ и широко открываетъ глаза: въ ушахъ его раздается раскатъ грома. Онъ смотритъ наверхъ: отъ бѣлой груды, висѣвшей въ голубой вышинѣ, нѣтъ и слѣда. Небо покрыто сплошной массой тяжелыхъ темносѣрыхъ тучъ, въ которыхъ время отъ времени вспыхиваютъ змѣевидные, ослѣпительно-яркіе огоньки. Рѣзкимъ холодкомъ вѣетъ сверху, отъ этихъ темныхъ, угрюмыхъ тучъ... По бѣлѣющей вдали дорогѣ пробѣгаютъ кружащіеся вѣтерки, поднимая густую, мягкую пыль... «Шлоймэ! Шлемка! — слышитъ онъ голосъ отца:—ступай сюда, скорѣй, дождь будетъ»... Съ тѣхъ поръ для Шлемы ясно, что если онъ когда нибудь, въ знойный лѣтній полдень, увидитъ такую же груду облаковъ на небѣ, то это значитъ, что надо готовиться къ дождю. Шлоймэ Часъ никогда впослѣдствіи, какъ онъ увѣрялъ, не былъ застигнутъ врасплохъ ни дождемъ, ни грозою.

Широкія степныя поляны, покрытыя сочной, зеленой травой, вѣяли здоровьемъ и бодростью въ открытое, веселое лицо Шлемы, и въ немъ развилась не только могучая степная сила, но и поразительная неустрашимость и отвага.

Забраться въ середину табуна, отдыхающаго въ холодку подъ выступомъ скалистаго берега, подкрасться, какъ кошка, къ задремавшему, стоя, сѣрому жеребцу и выдернуть у него изъ хвоста пукъ волосъ — для Шлоймэ было дѣломъ самымъ легкимъ и пріятнымъ. А въ то время, когда ограбленный столь предательски жеребецъ еще только собирался метнуть вверхъ заднія ноги, Шлема уже находился на значительномъ разстояніи, внѣ всякой опасности, или, если отретироваться

своевременно нельзя было, прибѣгалъ къ такой уловкѣ: выдернеть пукъ изъ хвоста намѣченой жертвы и тутъ же моментально вскочитъ на ближайшую клячу и сидитъ себѣ, выжидая, когда можно будетъ слѣзть и уйти своей дорогой. За то ни у кого изъ его товарищей не было такой удочки, какъ у Шлоймэ—цѣликомъ связанной изъ длинныхъ бѣлыхъ волосъ, которые становятся незамѣтными въ водѣ, на горе и гибель бѣднымъ довѣрчивымъ рыбкамъ.

Вообще лошади были страстью, стихіей Шлемы, и на нихъ главнымъ образомъ онъ воспиталъ и развилъ свою находчивость и ловкость.

Когда ему было лѣтъ 18, онъ славился во всей колоніи и даже въ окрестныхъ деревняхъ, какъ рѣдкій искусникъ объѣзжать, усмирять лошадей и «выгонять» ихъ норовъ, не смотря ни на какія трудности и опасности, чтò онъ доказалъ наилучшимъ образомъ на слѣдующемъ случаѣ.

Изъ конюшни одного изъ нѣмецкихъ колонистовъ, Франца Бабеля, вырвался трехлѣтній жеребецъ и, ухарски откинувъ хвостъ и разметавъ свою пушистую гриву, съ побѣдоноснымъ ржаньемъ пустился галопомъ по улицѣ, прямо на двухъ маленькихъ дѣвочекъ, энергично занятыхъ въ то время не то игрой, не то дракой, состоявшей въ томъ, что, наклонясь и быстро зачерпывая руками песокъ, онѣ швыряли имъ другъ дружкѣ въ лицо. Занятіе, начавшееся игрой, становилось дѣломъ амбиціи, и разгоряченныя малютки и не замѣчали приближающейся опасности. Тутъ и явился на выручку Шлоймэ. Въ то время, когда остолбенѣвшіе отъ испуга сосѣди едва стали задавать себѣ вопросъ: что дѣлать?—Шлоймэ ужъ *дѣлалъ*. Мигомъ вскочивъ на своего караковаго. «Буцика» и собравъ въ кольца веревку, которою онъ собирался было увязать возъ съ сѣномъ, онъ кинулся съ неимовѣрной быстротой въ догонку бѣглецу и буквально черезъ одну минуту бѣшеный жеребецъ уже метался на укороченномъ арканѣ, безполезно подымаясь на дыбы и меча на воздухъ заднія ноги.

— Молодецъ, Шлоймэ, молодецъ!—привѣтствовали его зрители этой сцены:—вотъ ужъ поистинѣ казакъ...

— Ну, ладно, ладно... казакъ!—огрызнулся Шлоймэ, рас-

правляя спутавшуюся веревку и рукавомъ сорочки вытирая потъ съ лица:—казакъ! а вы вотъ, какъ телята, стоите и ушами хлопаете... небось, струсили... казакъ... тоже!..

Шлоймэ пользовался своей силой, находчивостью и отвагой не только когда это являлось необходимостью, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было достичь цѣли и при помощи посторониихъ предметовъ.

Служа объѣздчикомъ у сосѣдняго помѣщика, Шлоймэ получилъ однажды приказаніе выслѣдить убѣжище волка въ окрестностяхъ усадьбы, убить самку, а волчатъ принести на барскій дворъ для развлеченія маленькаго панычa и его маменьки, бывшей институтки, по мнѣнію которой «это должно быть ужасъ какъ интересно—подержать въ рукахъ настоящаго волчонка и покормить его сахаромъ и молокомъ». Шлемѣ предоставлено было взять на подмогу двухъ-трехъ человѣкъ дворовыхъ, но онъ это нашелъ излишнимъ—и отправился одинъ. Слѣдовало отыскать убѣжище, выслѣдить время, когда самки не будетъ, и забрать волчатъ. Явившись и не найдя дѣтенышей, волчица пойдетъ по слѣдамъ, при чемъ, конечно, не избѣгнетъ заранѣе устроенной засады. Такъ и случилось. Маленькій панычъ и его маменька были внѣ себя отъ восторга при видѣ трехъ пузатыхъ волчатъ, еще слѣпыхъ и поразительно похожихъ на щенятъ. И въ то время, когда барыня, топая ногами, кричала на весь домъ, чтобъ скорѣе подали согрѣтое и разведенное сахаромъ молоко для этихъ «пузанчиковъ», ползавшихъ по шелковой обивкѣ дивана, съ трудомъ перебирая своими короткими лапками,—со двора донесся какой-то странный шумъ, и смѣшанный лай десятковъ собакъ сливался съ гуломъ голосовъ, хохотомъ и визгомъ. Барыня кинулась къ окну, и глазамъ ея представилась слѣдующая сцена: посреди двора, окруженный толпой дворовыхъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и подростковъ, стоялъ раскраснѣвшійся Шлоймэ, съ исцарапанной въ кровь щекой, а у ногъ его лежала крупная темносѣрая волчица съ разинутой пастью, изъ которой сочилась кровь и пѣна, и со связанными кнутомъ ногами. Волчица была жива. Нѣсколько поодаль виднѣлся доѣзжачій

Захаръ, еле удерживавшій на сворк цѣлый десятокъ метавшихся и пронзительно лаявшихсъ собакъ.

— Что случилось? крикнула въ открытое окно взволнованная барыня.

А случилось вотъ что:

Сдавъ волчатъ, вооруженный винтовкой Шлоймэ отправился къ узкому проходу между глубокимъ оврагомъ и оградой парка, гдѣ неизбѣжно должна была прослѣдовать волчица, и, спрятавшись за густой терновникъ, сталъ ждать своей жертвы. Покончить съ волчицей при ея приближеніи къ засадѣ было дѣломъ одной секунды. Но Шлоймэ это показалось неинтереснымъ: его винтовка уложила уже не одного волка, и онъ рѣшилъ иначе расправиться съ своей жертвой. Какъ?—Но развѣ Шлоймэ Чаусъ когда нибудь задавалъ себѣ подобный вопросъ? Очень просто. Къ чему расходовать зарядъ, когда можно схватить волчицу за уши, заложить ей глубоко поперегъ пасти осмоленную рукоятку кнута, ремнемъ окрутить ее по шеѣ и ногамъ и, притащивъ свою жертву на барскій дворъ, бросить ее въ средину голодной стаи, что будетъ очень занимательнымъ зрѣлищемъ. Впослѣдствіи Шлоймэ успѣлъ спасти двухъ тонувшихъ, вытащить съ полдюжины загрязшихъ на берегу рѣки, послѣ половодья, коровъ и лошадей, накрыть цѣлую шайку конокрадовъ.

Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, и случилось, наконецъ, нѣчто такое, предъ чѣмъ и Шлоймэ Чаусъ сталъ втупикъ.

Было лѣто 1853 года. Дни стояли жаркіе. Давно безоблачное небо дышало зноемъ и истомой. Огороды и баштаны желтѣли и сохли, сжигаемые лучами солнца. За то жатва была прекрасная, и на полѣ и въ колоніи, на токахъ и въ сараяхъ, шла живая и спѣшная работа.

Шлоймэ только что пріѣхалъ съ поля съ нагруженнымъ снопами возомъ, отпрягъ лошадей и, задавъ имъ свѣжаго сѣна, отправился обѣдать. Гладкая и румяная жена его Ханэ подала на закуску громадную дыню-царьградку, такихъ же размѣровъ арбузъ, который оказался недоспѣлымъ, и большой жбанъ, наполненный холоднымъ квасомъ. Шлоймэ, уставъ отъ жары

и работы, съ большимъ аппетитомъ съѣлъ и дыню, и арбузъ, а за квасомъ послалъ даже вторично.

— Не слишкомъ-ли много ты пьешь, Шлоймэ?—обратилась къ нему жена.

— А что?

— Фельдшеръ, сказываютъ, говорилъ, что въ Х. появилась какая-то страшная болѣзнь и что не слѣдуетъ ѣсть много овощей и...

— Фельдшеръ твой, сердце мое,—перебилъ жену Шлоймэ,— понимаетъ столько же, сколько нашъ рыжій теленокъ, если не меньше. Мое мнѣніе таково, что если человѣкъ голоденъ, онъ долженъ кушать, покуда не насытится, и если у него жажда, онъ долженъ пить. А чтó пить?—это ужъ другой вопросъ. Нашъ шульцъ, ребъ Аврэмъ-Гершъ, у котораго общественный кошелекъ въ карманѣ, можетъ пить вино и пиво, а Шлоймэ Чаусъ съ удовольствіемъ выпьетъ и простого квасу, и ничего, кромѣ удовольствія, ему отъ этого не будетъ. Это ясно, какъ ясно и то, что ты, Ханэ—моя жена, которую я терпѣть не могу, а этотъ карапузикъ съ воровскими глазами... Ступай сюда, разбойникъ!—обратился онъ къ пухлому, румяному мальчугану, возившемуся въ углу у печки съ большимъ чернымъ котомъ, стараясь завязать въ узелъ его длинный, пушистый хвостъ.

Черезъ часъ, отдохнувъ и успѣвъ приладить новую ручку къ косѣ, которая взвизгивала при каждомъ ударѣ молота, чтó вызывало самый веселый смѣхъ со стороны «карапузика» съ воровскими глазами, Шлоймэ шелъ черезъ лугъ, ведя къ водопою отдохнувшихъ и вдоволь покормившихся лошадокъ. Было еще болѣе двухъ часовъ до заката, и Шлоймэ разсчитывалъ еще одинъ разъ до вечера съѣздить въ поле и обратно. «До второго кургана,—соображалъ онъ—версты полторы»... «Успѣю»,— сказалъ онъ себѣ, нагибаясь, чтобы поймать конецъ уздечки, выскользнувшей изъ его руки, въ то время, когда толстый «Буцикъ» мотнулъ головой, отбиваясь отъ назойливыхъ мухъ. «Успѣю», машинально повторилъ Шлоймэ, покрѣпче зажимая въ рукѣ конецъ уздечки, и вдругъ... Шлемѣ показалось, будто его что-то сильно толкнуло въ животъ... Страшныя судороги моментально схватили животъ и поясницу... Въ глазахъ по-

темнѣло... колѣни подогнулись... Онъ потерялъ равновѣсіе...
— Что это? мысленно спросилъ себя Шлоймэ, едва придя въ себя послѣ страшнаго приступа рвоты...

Это былъ первый вопросъ, который задалъ себѣ Шлоймэ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній. Пришелъ фельдшеръ. Онъ вливалъ что-то въ ротъ Шлемѣ, разминалъ ему животъ и поясницу, но ничто не помогло. И когда Шлоймэ лежалъ на глиняномъ полу, ногами къ дверямъ, его рѣшительно невозможно было узнать. Его глубоко-глубоко впавшіе глаза, ужасно вытянутый и заостренный носъ со впавшими ноздрями, пожелтѣвшія какъ воскъ щеки и вся фигура его, всего часъ назадъ еще крѣпкая и здоровая, теперь какъ-то ссохшаяся и смятая—все это было страшно жалко и отвратительно, все это скорчилось и оцѣпенѣло въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи, въ послѣдней борьбѣ съ безпощаднымъ, губительнымъ бичомъ—холерой.

Шлоймэ былъ первою жертвой этой страшной эпидеміи. За нимъ пошли другіе. И рядомъ съ его могилой тянутся длинные ряды такихъ же безвременныхъ могилъ. На плитахъ этихъ могилъ начертанъ одинъ и тотъ же годъ...

Но—мимо, подальше отъ этихъ тяжелыхъ воспоминаній...

III.

Весельчакъ-меламедъ.

Какая ширь, какая благодать вокругъ этого унылаго пріюта смерти! Широкія зеленыя поля разстилаются кругомъ и вѣютъ бодрящимъ и освѣжающимъ запахомъ сочныхъ травъ и рыхлаго чернозема. Высоко надо мною виситъ голубой куполъ небесъ съ замирающими тонами заката. Снизу, изъ долины, доносится невнятный гулъ отъ далекихъ голосовъ, ржанья коней, гогота и кудахтанья домашней птицы и лая собакъ. Съ голубой вышины сыплются нѣжныя нотки малиновки, а вокругъ меня неподвижно стоятъ почернѣлыя плиты... Десятки знакомыхъ и милыхъ лицъ смотрятъ на меня и будятъ въ душѣ дорогія, милыя воспоминанія.

Вотъ...

Но ужели и онъ здѣсь?—онъ, этотъ вѣчно веселый, вѣчно веселившій всякаго, съ кѣмъ ни встрѣчался, беззаботный, счастливый бѣднякъ... И онъ умеръ? Какъ безсмысленно-жестока бываетъ иногда смерть! Бабушка Эстеръ, помнящая еще то время, когда она, въ числѣ первыхъ 70-ти семействъ эмигрантовъ, прибыла изъ Подольской губерніи въ долину, гдѣ теперь ютится колонія Б.,—вотъ уже цѣлыхъ тридцать лѣтъ не видитъ и не слышитъ. Тридцать лѣтъ она твердитъ, что какъ это ни странно при тѣхъ образцовыхъ порядкахъ, какіе должны существовать въ небесномъ дѣлопроизводствѣ, а о ней, повидимому, тамъ совершенно забыли. И какъ часто ни напоминаетъ она о себѣ Богу въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ, она все-таки продолжаетъ жить, если можно назвать жизнью существованіе человѣка, лишеннаго зрѣнія, слуха и способности сдѣлать нѣсколько шаговъ безъ посторонней помощи. Какъ бы то ни было, но она все-таки еще жива. Живъ и Авремлъ Карпъ, или, какъ его называютъ, Авремлъ-мешигенеръ, полный идіотъ, шляющійся изъ одной колоніи въ другую, ночуя на задворкахъ или на пустыряхъ и въ развалинахъ. Авремлъ-мешигенеръ, субъектъ неопредѣленныхъ лѣтъ, низенькій и обрюзглый, съ маленькой и мѣстами совершенно вылинявшей бородкой грязно-желтаго цвѣта и, конечно, оборванный до потери всякаго человѣческаго образа,—этотъ Авремлъ часто заворачиваетъ въ колонію Б. на радость и потѣху шалунамъ-мальчуганамъ, постоянно преслѣдующимъ его насмѣшками и пинками. На насмѣшки и пинки Авремлъ, обыкновенно, отвѣчаетъ чисто-идіотскимъ ухмыленіемъ, а въ критическую минуту, когда удары начинаютъ давать себя чувствовать, поспѣшаетъ дать тягу. Рѣдко-рѣдко только въ его глазахъ замерцаетъ нѣчто въ высшей степени кроткое и беззащитное, и тогда его темное и сморщенное лицо принимаетъ выраженіе до-нельзя жалостное, подавленное и умоляющее... Да, живъ онъ, жива и бабушка Эстеръ, а Гершонъ Меламедъ, ухитрявшійся существовать вмѣстѣ съ женою на какихъ нибудь три рубля въ недѣлю и при этомъ никогда, никогда не выражать ни малѣйшей жалобы, ни единаго упрека судьбѣ,—этотъ Гершонъ умеръ, не достигши и тридцати лѣтъ.

Гершонъ былъ съ дѣтства тѣмъ, что въ крестьянской семьѣ

называется «лишнимъ ртомъ». Его узкая и впалая грудь, не развившаяся и подъ благодатнымъ дѣйствіемъ свободнаго и свѣжаго полевого воздуха, его тонкія, сухія руки и вся его тщедушная, вялая фигура съ раннихъ лѣтъ внушали мало надежды относительно его будущаго. Мальчикъ росъ медленно, почасту и подолгу хворалъ, и никакого проку для хозяйства отъ него ждать нельзя было. Пробовалъ было отецъ отдать его въ ученіе къ портному, затѣмъ къ шорнику, но ничего путнаго не вышло. Мать ѣздила съ нимъ сперва къ нѣкоему чудодѣю, объявившемуся въ ближайшемъ городкѣ, Бериславѣ, потомъ къ престарѣлому знахарю въ сосѣднюю деревню, но и это не помогло. Чудодѣй принялъ «пидьонъ», закатилъ богомольно зрачки своихъ глазъ и, сказавъ, что «все будетъ хорошо», мигнулъ своему прихвостню-габай, который и поспѣшилъ выпроводить ихъ изъ комнаты. Старикъ-знахарь, правда, обошелся съ ними любезнѣе, но результатъ оказался совсѣмъ уже печальный. Съ трудомъ розыскали они старика, проживавшаго на краю деревни въ старенькой избушкѣ. Внучка его, мазавшая въ то время заваленку, подошла къ дверямъ и громко крикнула:

— Діду, а діду! Якась жидівка прийшла цо васъ...

Отвѣта не послѣдовало. Дѣвушка крикнула еще громче:

— Чи чуете, дідусь? Жидівка, кажу, питае...

— А-сь?—послышалось въ отвѣтъ.

Съ трудомъ удалось втолковать старику, въ чемъ дѣло. Понявъ, наконецъ, чего отъ него желаютъ, старикъ, повидимому, нѣсколько оживился, сталъ осматривать и ощупывать больного, но послѣ длиннаго ряда экспериментовъ самаго загадочнаго свойства, только покачалъ головой и проговорилъ:

— Ні, хлопець, мабуть, вже тée...

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ Гершонъ служилъ «бегельферомъ» у меламда Пини Кацъ. Кромѣ занятій, сопряженныхъ съ должностью бегельфера, на обязанности его лежало присматривать и за козой меламда, имѣвшей пагубную страсть забираться въ чужіе огороды и палисадники, за что потерпѣвшіе владѣльцы били козу, а Пиня ругалъ

Гершона. Въ физическомъ отношеніи въ юношѣ не произошло никакихъ перемѣнъ къ лучшему, за то, съ теченіемъ времени, онъ постепенно стряхнулъ съ себя ту апатію и вялость, которыя тяготѣли на немъ съ дѣтства. Гершонъ сдѣлался живымъ, остроумнымъ и пылкимъ, иногда даже слишкомъ пылкимъ, юношей, женился на дочери Нахмана Сойфера, за которой получилъ въ приданное одну престарѣлую корову и тридцать рублей деньгами, за смертью Пини замѣстилъ его въ качествѣ меламда и въ теченіе восьми лѣтъ своего меламдскаго подвижничества, приносившаго ему около трехъ рублей дохода въ недѣлю, жилъ самымъ счастливымъ и веселымъ образомъ, покуда не сбылось таинственное предсказаніе знахаря, и чахотка не унесла Гершона въ могилу.

Положимъ, въ колоніи Б. и теперь, какъ и прежде, устраивается ежегодный «пиръ» Погребальнаго Братства; «сіюмъ гатора» чествуется со всѣмъ блескомъ и шумомъ веселаго и милаго церемоніала, установленнаго для этого случая; и свадьбы, и обрѣзаніе, и помолвки и пріѣздъ «посла» отъ цадика — все это до сихъ поръ составляетъ «свѣтлую минуту» для обывателей колоніи. Но во всемъ этомъ чувствуется уже какой-то пробѣлъ, точно струна оборвалась на скрипкѣ, или въ яркомъ узорѣ одинъ цвѣтъ слинялъ, цвѣтъ самый характерный и притомъ проходившій по основнымъ очертаніямъ узора, освѣщая и оживляя общій смыслъ всей картины. И теперь празднуется «Симхасъ-Тора». Въ синагогахъ, въ домахъ и на улицахъ стонъ стоитъ отъ пѣсенъ, плясокъ и гула десятковъ голосовъ. Залмэнъ Шнайдеръ пьетъ водку, что воду, утверждая, что онъ до сихъ поръ еще не утопился только потому, что Богу угодно было наполнить рѣчку Ингулецъ водою, а не водкой. Жена шульца, Рива-Бейля, до сихъ поръ не перестаетъ удивлять обывателей колоніи искусствомъ готовить такіе сладкіе голубцы и «хремдзлахъ», вкуснѣе которыхъ можетъ быть развѣ одинъ только левіаѳанъ, уготовленный для праведниковъ въ раю. И поѣдаются въ день Симхасъ-Тора эти голубцы и лепешки и множество другихъ тонкихъ яствъ, и поются веселыя пѣсни, и неподдѣльное веселье иногда сіяетъ на лицахъ пирующихъ; но во всемъ этомъ недостаэтъ того, что умѣлъ вносить въ каж-

дую пирушку одинъ только Гершонъ-меламедъ. Гершонъ умѣлъ осмыслить, именно *осмыслить* всякое торжество. Двѣ три фразы, будто невзначай брошенныя имъ во время пиршества, дѣлали то, что производитъ солнечный лучъ, неожиданно проникшій сквозь темную массу облаковъ, упавъ на пеструю, цвѣтущую клумбу,—тѣ же цвѣты, и узоръ тотъ же, но каждый цвѣтокъ вдругъ сталъ *жить*, улыбаться, дышать и въ сотни разъ сильнѣе и сладостнѣй плѣнять взоръ и сердце. Гости сидятъ за столомъ, ѣдятъ, пьютъ, шутятъ, хвалятъ и угощеніе, и хозяйку дома. Сладкіе пирожки и дешевое виноградное вино пріятно возбуждаютъ неизбалованный вкусъ земледѣльца, и онъ ѣстъ и пьетъ, весь предаваясь одному лишь физическому наслажденію. Но вотъ Гершонъ Меламедъ, долго убѣждавшій одну молоденькую дѣвушку проплясать съ нимъ извѣстный танецъ «хусидлъ», подходитъ къ столу, окидываетъ взоромъ гостей и, дружески ударивъ ладонью по плечу Іоси-балагулэ, весело говоритъ:

— Выпьемъ, Іосе, лехаимъ... Идетъ? Прекрасно. Только ты мнѣ сперва скажи, что за день сегодня?

— Пятница,—не сообразивъ отвѣчаетъ Іосе.

— Лошадиная голова! — отрѣзываетъ съ досадой разочарованный Гершонъ: — я спрашиваю тебя, что за праздникъ у насъ сегодня?

— А, Симхасъ-Тойрэ!—восклицаетъ Іося.

— Такъ, Іося, вѣрно. Слышите, рабойсай, Іося говоритъ, что сегодня Симхасъ-Тойрэ. Такъ чего же вы сидите, «какъ женихи», и манерничаете? Выпьемъ, братцы! Выпьемъ... ша, слушайте! Выпьемъ за нашу тору, за нашу дорогую, стоившую намъ столько слезъ и крови и, все-таки, дорогую и милую старушку-тору! Хозяйка, давайте еще вина, еще! Гершонъ-меламедъ хочетъ пить, плясать, веселиться, пѣть,—и нарочно «пѣсни сіонскія», не такъ какъ наши праотцы на рѣкахъ Вавилонскихъ... Пойте, братцы, пойте, и пусть лопается со злости «дочь вавилонская»!... Лехаимъ, лехаимъ!

Это солнечный лучъ; это новая, свѣжая струя,—и скромная пирушка *оживаетъ*. Хозяйка ставитъ на столъ новую бутылку, а по щекамъ ея катятся одна за другой крупныя, счастливыя

слезы. За «женскимъ столомъ» кто-то тихо всхлипываетъ; другія подносятъ къ глазамъ платки и передники. Десятки рукъ поднимаютъ стаканы, въ десяткахъ глазъ искрится разумная радость и свѣтлая вѣра...

То же бывало и на «вечеринкахъ» Погребальнаго Братства, гдѣ старики сидятъ за столомъ, а молодежь поетъ пѣсни и прислуживаетъ пирующимъ, и на «сіюмъ», при чемъ недавно дописанный свитокъ завѣта носятъ, какъ невѣсту, подъ вѣнчальнымъ балдахиномъ въ синагогу. И всюду, куда ни являлся Гершонъ Меламедъ, онъ вносилъ сознательное, живое чувство и осмысленное, разумное веселье.

Долго, погруженный въ грустное размышленіе, стоялъ я предъ его безвременной могилой, но меня привлекалъ другой надгробный камень, другая могила...

С. Фругъ.

(*Продолженіе будетъ*).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕВРЕИ ВЪ ГОРОДСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

(*Окончаніе*) *.

IV.

Составленная на основаніи означеннаго мнѣнія госуд. совѣта коммисія **, въ засѣданіи 14-го января 1870 года, обсуждала приведенныя выше статьи проекта, касающіяся евреевъ. Коммисія нашла, что по этому предмету были заявлены два мнѣнія: одно заключается въ томъ, что какъ во многихъ городахъ западныхъ губерній еврейское населеніе составляетъ большинство и въ составѣ онаго число купцовъ представляется нерѣдко болѣе значительнымъ, чѣмъ количество лицъ, состоящихъ въ купечествѣ изъ христіанъ, то было бы несправедливо постановлять для евреевъ означенныя ограниченія. Другое мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: ограниченія, о коихъ упомянуто въ ст. 49 и 56 проекта, не представляютъ собою чего либо новаго: они содержатся въ нынѣ дѣйствующемъ законѣ (ст. 524 ч. I, т. II). За симъ, въ виду того, что эти ограниченія имѣютъ цѣлью не допускать преобладающаго вліянія евреевъ въ завѣдываніи городскими общественными дѣлами, то само собою разумѣется, что дости-

* См. «Восходъ», кн. 3.

** Коммисія эта состояла изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдательствовалъ главноуправляющій II отд. Собств. Его Императорскаго Величества канцеляріи, князь Урусовъ. Присутствовали: 1) отъ м—ва внутр. дѣлъ: товарищъ министра внутр. дѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій и директоръ хозяйств. департамента т. с. Шумахеръ; 2) отъ м—ва финансовъ: статсъ-секретарь Гротъ и директоръ департамента окладныхъ сборовъ т. с. Домонтовичъ; 3) отъ II отдѣленія Соб. Его Императорскаго Величества канцеляріи: сенаторъ Брунъ, с. с. Шульцъ и кол. асс. Желѣзниковъ; 4) отъ государственной канцеляріи: д. с. с. Перетцъ и д. с. с. Митковъ; 5) отъ м—ва юстиціи д. с. с. Рѣпинскій. Дѣлопроизводствомъ коммисіи завѣдывалъ начальникъ II городского отдѣленія хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, надворный совѣтникъ Вишняковъ.

женіе этой цѣли должно быть болѣе или менѣе обезпечено; но такого обезпеченія въ большинствѣ случаевъ никакъ не могло бы быть съ допущеніемъ въ составъ городского собранія и городской думы большаго числа евреевъ, чѣмъ сколько опредѣлено дѣйствующимъ закономъ для присутствій, въ которыхъ имѣютъ право быть представители отъ евреевъ,—не могло бы быть, независимо отъ сплоченности еврейскаго населенія, именно потому, что во многихъ мѣстахъ состоятельные евреи занимаютъ нерѣдко болѣе вліятельное положеніе сравнительно съ христіанами. Притомъ же, въ смыслѣ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ, высказалось большинство мѣстныхъ коммисій, образованныхъ въ 1862 г. въ городахъ, для составленія предварительныхъ соображеній о преобразованіяхъ въ городскомъ общественномъ устройствѣ.

Въ виду изложенныхъ мнѣній, коммисія, принявъ во вниманіе: а) что предстоящій въ настоящемъ случаѣ вопросъ о евреяхъ, по его спеціальности и примѣнимости лишь къ нѣкоторымъ городскимъ поселеніямъ, требуетъ *особыхъ соображеній;* б) что между тѣмъ разсматриваемый нынѣ проектъ положенія объ общественномъ устройствѣ, которому могло бы быть дано значеніе нормальнаго проекта, полагается вводить не вдругъ, а постепенно въ городахъ; в) что посему оставленіе упомянутаго вопроса до особаго разрѣшенія не могло бы вызвать на практикѣ существенныхъ затрудненій, и министерство будетъ имѣть возможность своевременно представить предположенія свои по оному тогда, когда приступлено будетъ къ введенію преобразуемаго общественнаго управленія въ мѣстахъ наибольшей сосредоточенности евреевъ,—положила исключить изъ проекта приведенныя выше спеціальныя правила о евреяхъ *. Эти правила были дѣйствительно исключены.

Но вотъ явились въ Высочайше учрежденную коммисію *эксперты* ** и дѣло приняло другой оборотъ. Въ засѣданіи коммисіи, съ участіемъ этихъ экспертовъ, отъ 24-го февраля 1870 г., вновь возбужденъ былъ вопросъ *объ общественномъ представительствѣ евреевъ.* Московскій городской голова князь Черкасскій и нѣкоторые другіе эксперты заявили,

---

* Матеріалы, т. 3, стр. 59.

** Таковыми экспертами были: городскіе головы—с.-петербургскій с. с. Погребовъ, московскій князь Черкасскій, одесскій д. с. с. Новосельскій, харьковскій Шатуновъ, динабургскій Гагельстромъ, елецкій Русановъ, череповецкій Милютинъ, вознесенскій-посадскій Гарелинъ. — Гласные городскихъ общихъ думъ—г. С.-Петербурга Лихачевъ и г. Москвы д. с. с. Шумахеръ.

что умолчаніе въ проектѣ объ условіяхъ общественнаго представительства евреевъ могло бы быть практически неудобнымъ въ томъ отношеніи, что а) вопросъ о евреяхъ несомнѣнно возникъ бы вслѣдъ за опубликованіемъ проекта настоящаго положенія, между тѣмъ правительство не было бы приготовлено къ опредѣлительному его разрѣшенію, и засимъ поставлено было бы въ необходимость оставить дѣло въ неопредѣленномъ, на нѣкоторое время, положеніи, и б) что, съ другой стороны, отсутствіе упоминанія по означенному предмету въ проектѣ самими евреями было бы принято за устраненіе существующихъ нынѣ въ законѣ, касательно ихъ, ограниченій, и, въ виду этого, принятіе правительствомъ какого либо иного потомъ рѣшенія могло бы произвести неблагопріятное впечатлѣніе.

Во вниманіе къ этимъ практическимъ заявленіямъ, коммисія и съ своей стороны приняла въ соображеніе, что если дѣйствительно представляются основанія ожидать какихъ либо затрудненій при введеніи въ дѣйствіе проекта положенія, то лучше, безъ сомнѣнія, устранить ихъ заблаговременно теперь же, чѣмъ оставлять дѣло въ неопредѣленномъ положеніи, хотя бы и на короткое время. Затѣмъ, когда было приступлено къ разсмотрѣнію вопроса по существу, то эксперты и члены коммисіи высказали три мнѣнія:

1) Статсъ-секретарь Гротъ, тайный совѣтникъ Брунъ и гласный Лихачевъ (нынѣшній с.-петерб. городской голова) объяснили, что, по ихъ мнѣнію, казалось бы справедливымъ и непротивнымъ предположеніямъ по городскому общественному устройству расширить права евреевъ по общественному представительству, допущеніемъ ихъ въ составъ городского собранія, по крайней мѣрѣ, въ размѣрѣ половины общаго числа гласныхъ, такъ какъ: а) въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ нерѣдко можно встрѣтить примѣры, что наиболѣе состоятельное и, слѣдовательно, болѣе платящее городское населеніе составляютъ евреи; между тѣмъ, съ принятіемъ ограниченія представительства ихъ одною третью гласныхъ, имущественные интересы евреевъ могли бы быть поставлены въ зависимость отъ вліяній менѣе уплачивающаго въ доходъ города большинства другихъ двухъ третей гласныхъ; б) городское общественное управленіе, ближайшимъ образомъ, назначено для завѣдыванія хозяйственными дѣлами города, которыя, по самому существу своему, не имѣютъ тѣсной связи съ обособляющими евреевъ дѣлами религіозными, и поэтому едва-ли слѣдовало бы опасаться какихъ либо неблагопріятныхъ послѣдствій отъ допущенія евреевъ въ составъ городского собранія, въ болѣе или менѣе уси-

ленномъ размѣрѣ; в) если правомъ общественнаго представительства, безъ особыхъ ограниченій, пользуются другія нехристіанскія вѣроисповѣданія, то уже по этому одному, независимо отъ проводимаго нашимъ законодательствомъ принципа вѣротерпимости, было бы послѣдовательно и своевременно если не совершенно устранить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить подобныя ограниченія и относительно евреевъ.

2) Другое мнѣніе было высказано дѣйств. статск. совѣтн. Новосельскимъ. Онъ заявилъ, что къ дѣятельности евреевъ, хотя бы и въ составѣ общественно-хозяйственнаго управленія города, нельзя относиться безразлично. Всѣмъ извѣстная корпоративность и упорная настойчивость евреевъ въ проведеніи своихъ мыслей и въ охраненіи собственныхъ, обособленныхъ въ ихъ преимущественно средѣ, интересовъ, даетъ имъ и безъ того немаловажное значеніе—вліяніе евреевъ на рѣшеніе городскихъ дѣлъ, которыя соприкасаются съ ихъ интересами, довольно замѣтно при дѣйствующихъ и нынѣ ограниченіяхъ. Равнымъ образомъ, едва-ли было бы правильно смотрѣть на дѣятельность евреевъ въ составѣ городского собранія исключительно съ хозяйственной точки зрѣнія, внѣ всякаго отношенія къ политической и религіозной пропагандѣ. Въ подкрѣпленіе этого г. Новосельскій обратилъ вниманіе на то, что городское собраніе, какъ и общія думы въ столицахъ и г. Одессѣ, будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи избраніе мировыхъ судей. Нельзя не согласиться,—продолжаетъ онъ,—что въ этомъ отношеніи вліяніе евреевъ далеко переходило бы за границу чисто хозяйственныхъ интересовъ. Поэтому необходимость принятія мѣръ противъ преобладанія евреевъ, которое несомнѣнно было бы при безразличномъ допущеніи ихъ въ составъ городского собранія въ размѣрѣ половины общаго числа гласныхъ, не могла бы быть, кажется, оспариваема. Но нельзя, съ другой стороны, не согласиться, что необходимыя въ смыслѣ этихъ мѣръ ограниченія едва-ли достигли бы въ дѣйствительности какой либо цѣли, если бы число гласныхъ изъ евреевъ было только опредѣлено въ томъ или другомъ меньшинствѣ, ибо у нихъ есть много постороннихъ, неуловимыхъ для закона средствъ къ вліянію на дѣла. Посему, принятіе означенныхъ мѣръ должно быть поставлено въ иныя условія. Съ этой точки зрѣнія, надлежало бы, по мнѣнію г. Новосельскаго, принять въ соображеніе, во 1-хъ, то, что опасные въ настоящемъ случаѣ фанатизмъ и пропаганда коренятся преимущественно въ необразованной массѣ еврейскаго населенія; тѣ же изъ евреевъ, которые получили достаточное образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, не представляютъ подобной

опасности, и, въ видахъ ослабленія еврейской обособленности, было бы не только полезно, но и необходимо, выдѣляя ихъ изъ массы еврейства, проводить именно ихъ въ составъ городского собранія, — тѣмъ болѣе: а) что признавалось бы и несправедливымъ ставить означенныхъ евреевъ на ряду съ тѣми изъ нихъ, которые остаются въ прежнемъ положеніи не образованія, и б) что образованные евреи, въ силу дѣйствующаго закона, безъ особыхъ ограниченій, допускаются уже и въ государственную службу; во 2-хъ, то, что въ настоящее время, въ виду напряженнаго ожиданія евреями расширенія своихъ правъ, въ виду направленія нашего законодательства къ постепенному ослабленію существующихъ ограниченій въ сихъ правахъ, едва-ли могло быть признано соотвѣтственнымъ оставленіе, въ томъ или другомъ видѣ, сказанныхъ ограниченій. Затѣмъ, г. Новосельскій полагалъ, не ограничивая представительства евреевъ опредѣленнымъ числомъ ихъ, открыть доступъ въ составъ городского собранія всѣмъ вообще евреямъ, которые, удовлетворяя общимъ установленнымъ въ проектѣ условіямъ для полученія избирательнаго голоса, достигли извѣстной степени образованія и притомъ *фактически отдѣлились отъ массы еврейства* въ отношеніи обрядовыхъ его особенностей, присоединивъ, такимъ образомъ, къ имущественному цензу цензъ образованія. По мнѣнію г. Новосельскаго, подобное направленіе дѣла было бы особенно важно въ томъ отношеніи, что указало бы самимъ евреямъ тѣ пути и способы, при посредствѣ которыхъ они могутъ разсчитывать на расширеніе гражданскихъ правъ своихъ.

3) Третье мнѣніе высказалъ князь Черкасскій, къ которому присоединился князь Лобановъ-Ростовскій и тайный совѣтникъ Шумахеръ. Князь Черкасскій, соглашаясь съ мнѣніемъ Новосельскаго относительно того, что на участіе евреевъ въ городскомъ общественномъ представительствѣ нельзя смотрѣть исключительно съ хозяйственной точки зрѣнія, пришелъ, однако же, къ инымъ выводамъ, чѣмъ какіе были высказаны одесскимъ городскимъ головой. По его объясненію, независимо отъ многихъ другихъ второстепенныхъ, экономическихъ и хозяйственныхъ, сторонъ дѣла, возбужденный вопросъ о евреяхъ имѣетъ не столько религіозное, сколько обширное политическое значеніе, и именно этимъ значеніемъ онъ усложняется. Еслибы можно было остановиться лишь на однихъ религіозныхъ особенностяхъ евреевъ, тогда примѣненіе принципа вѣротерпимости дѣйствительно могло бы имѣть вполнѣ мѣсто, и разрѣшеніе вопроса въ смыслѣ расширенія правъ евреевъ упростилось бы въ значительной степени. Между тѣмъ, нельзя не

сознаться,—говоритъ князь Черкасскій,—что обособленность евреевъ коренится гораздо глубже. Въ существѣ и религіи евреевъ, представляющей собою безусловное отрицаніе христіанства, есть много сторонъ, вызывающихъ на осторожность въ рѣшеніи еврейскаго вопроса, ибо обособленность политическая, въ силу коей евреи составляютъ собою отдѣльную религіозно-національную корпорацію, еще несравненно важнѣе. Несомнѣнно, конечно, то, что весьма желательно постепенное уравненіе евреевъ и въ Россіи въ правахъ съ христіанами, подобно тому, какъ результатъ этотъ уже достигнутъ во многихъ странахъ Западной Европы. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ забывать и того, что евреи, по своей численности въ западномъ краѣ и въ нѣкоторыхъ городахъ Малороссіи и Новороссійскаго края, представляютъ для правительства и для общества такія затрудненія, какихъ не представляли они въ какомъ либо государствѣ; ни того, что уравненіе сіе можетъ, съ нѣкоторою справедливостью для христіанскаго и русскаго элемента и безъ опасности для общества, быть достигнуто лишь тогда, когда этому уравненію въ правахъ будетъ предшествовать или по крайней мѣрѣ сопутствовать довольно полное національное сліяніе евреевъ съ русскими. Такъ было всегда и на западѣ; противоположная же система дѣйствій могла бы послужить лишь къ явному ущербу и русскаго общества и правительства. Въ настоящее время видны еще едва лишь слабые признаки стремленія въ нѣкоторыхъ еврейскихъ элементахъ къ такому національному сближенію. Вообще, доселѣ евреи являются въ Россіи или безусловно старыми, закоренѣлыми евреями, притомъ болѣе склонными къ полонизму или германизму, чѣмъ къ обрусѣнію, или — при развитіи въ нихъ образованія—они являются у насъ чистыми почти нѣмцами или поляками. Сколько нибудь общей потребности въ усвоеніи себѣ русскаго языка и русской гражданственности у евреевъ въ Россіи еще почти незамѣтно, и это не можетъ служить предметомъ удивленія, такъ какъ не только правительство само мало еще заботилось объ обрусѣніи евреевъ, но даже посредствомъ существующихъ законовъ какъ бы содѣйствуетъ къ сохраненію за ними прочной общинной организаціи и крѣпко замкнутой еврейской національности... Эта отдѣльность, унаслѣдованная Россіей отъ Польши, признана нашимъ закономъ и ею-то болѣе всего дорожатъ евреи. Съ этой же точки зрѣнія, они, совершенно послѣдовательно, готовы скорѣе поступиться какими нибудь гражданскими своими преимуществами, чѣмъ національною обособленностью, ибо въ ней преимущественно ихъ сила, а не въ гражданскихъ какихъ либо правахъ. Эти послѣднія имѣютъ въ ихъ

главахъ значеніе настолько, насколько это нужно для упроченія религіозно-національной организаціи еврейства. При такомъ положеніи дѣла допускать евреевъ въ составъ городского собранія въ размѣрѣ половины всего числа гласныхъ, при томъ указаніи опыта, что въ Одессѣ они замѣтно вліяютъ на городскія дѣла и при одной трети гласныхъ изъ среды себя, значитъ совершенно отдать въ руки евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, городское общественное устройство, уступивъ въ полное имъ подчиненіе христіанское тамъ населеніе. Между тѣмъ, по мнѣнію князя Черкасскаго, казалось бы, на первый разъ, при предполагаемомъ устройствѣ городовъ, для евреевъ, при настоящей общинной ихъ обособленности, было бы сдѣлано и то весьма много, еслибы для защиты своихъ интересовъ они были допущены въ составъ городского собранія въ количествѣ одной трети. На другомъ поприщѣ правительство сдѣлало уже весьма много для евреевъ, не только допущеніемъ въ русскіе города многихъ изъ нихъ, подъ именемъ ремесленниковъ, но и открытіемъ имъ большаго разнообразія служебныхъ карьеръ. Но несправедливо было бы изъ этой, допущенной уже въ пользу евреевъ, льготы выводить логическую необходимость еще дальнѣйшихъ немедленныхъ льготъ и полнаго уравненія евреевъ съ христіанами въ общественномъ городскомъ управленіи. Если правительство, само избирающее своихъ чиновниковъ и могущее во всякое время ихъ уволить, не встрѣчаетъ особенныхъ неудобствъ къ допущенію въ составъ ихъ извѣстнаго числа благонадежныхъ и вполнѣ освоившихся съ своимъ русскимъ отечествомъ евреевъ, то, съ другой стороны, было бы слишкомъ неосторожно въ самой общественной средѣ, въ особенности на окраинахъ, подвергать русскій элементъ опасности подпасть подъ полное общественное владычество еврейства. Посему, подобному направленію законодательства должно бы предшествовать предварительное сближеніе евреевъ съ русскою народностью и въ особенности вполнѣ зависящееe отъ самого правительства уничтоженіе тѣхъ искусственныхъ преградъ, которыя законъ противопоставлялъ донынѣ такому сближенію.

И образовательный цензъ, по мнѣнію князя Черкасскаго, не только не устраняетъ, но, напротивъ, увеличиваетъ опасность отъ расширенія правъ общественнаго представительства евреевъ. Въ общей суммѣ, евреи уже и нынѣ, вслѣдствіе существующей у нихъ обязательности первоначальнаго обученія, образованы болѣе другихъ городскихъ сословій; между тѣмъ едва ли замѣчается какое либо отсюда вліяніе въ смыслѣ ослабленія изолированности евреевъ. Дѣло въ томъ,—говоритъ князь Черкасскій,—что доселѣ

чее населеніе въ своихъ рукахъ, они естественно должны противиться учрежденію въ городѣ кредитныхъ установленій, которыя, облегчивъ обывателямъ доступъ къ кредиту, высвободили бы ихъ изъ-подъ вліянія евреевъ-ростовщиковъ, чѣмъ объясняется совершенное почти отсутствіе городскихъ банковъ въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ; тогда какъ въ прочихъ мѣстахъ въ послѣднія шесть лѣтъ открыто болѣе 150 новыхъ банковъ. Къ этому т. с. Шумахеръ присовокупилъ, что, въ виду указанной д. с. с. Новосельскимъ корпоративности между евреями и извѣстной энергіи и настойчивости ихъ, нельзя не опасаться, что и при ограниченіи числа ихъ въ городскомъ собраніи одною третью они все-таки нерѣдко будутъ имѣть перевѣсъ въ собраніи, ибо въ то время, какъ прочіе гласные, *при свойственномъ имъ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ*, явятся едва въ половинномъ числѣ, евреи, при обсужденіи дѣлъ, близко касающихся ихъ интересовъ, явятся всѣ и, такимъ образомъ, особенно при вліяніи ихъ на часть гласныхъ изъ христіанъ, въ силу торговыхъ сношеній, легко могутъ имѣть численный перевѣсъ голосовъ въ собраніи.

По произведенной баллотировкѣ, большинствомъ голосовъ (13 противъ 7) признано возможнымъ, возстановивъ конецъ ст. 49 проекта мин. внутр. дѣлъ, допустить евреевъ въ составъ городского собранія (т. е. город. думы) въ количествѣ одной трети общаго числа гласныхъ. Г. Новосельскій же остался при особомъ мнѣніи *.

---

* Матеріалы, т. 3, стр. 233—240. Это особое мнѣніе было г. Новосельскимъ приложено письменно къ дѣлу въ виду тѣхъ возраженій, которыя были ему сдѣланы о томъ, что усиливать евреевъ искусственно, привлекая ихъ къ ученію, до того времени, пока они не перестанутъ составлять особое національное общество въ государствѣ, неудобно, а потому онъ къ прежде высказанному имъ взгляду сдѣлалъ слѣдующія дополненія:

Становясь на точку зрѣнія законодателя, признающаго вредомъ для государства сильный духъ корпоративности евреевъ, выдѣляющей ихъ національность отъ всѣхъ прочихъ подданныхъ Имперіи, и допуская мысль, что съ уравненіемъ евреевъ въ гражданскихъ правахъ, обособленіе евреевъ ослабѣетъ, я,—говоритъ г. Новосельскій,—не могу, однакожъ, не согласиться и съ тѣми, кои говорятъ, что, въ виду этого выдѣленія евреями себя, подъ предлогомъ религіи, изъ массы прочихъ подданныхъ и, естественно, накопившагося у нихъ за свое униженіе запаса возмездія ко всѣмъ иновѣрцамъ, и въ особенности христіанамъ, сравнивать евреевъ въ Россіи въ правахъ съ нами слѣдуетъ не разомъ, а постепенно.

Примиряя оба эти взгляда на еврейскій вопросъ въ Россіи, я,—продолжаетъ г. Новосельскій,—предлагаю, сравнивая евреевъ въ правахъ съ нами, вмѣстѣ съ

Послѣ подобной резолюціи легко ужъ было предвидѣть исходъ дѣла по вопросу объ участіи евреевъ и въ исполнительномъ органѣ городского обществ. управленія. И дѣйствительно, коммисія, примѣняясь къ точному смыслу дѣйствующаго закона, а равно къ бывшимъ въ засѣданіи 17 февраля разсужденіямъ, почла необходимымъ помѣстить, въ видѣ примѣчанія къ ст. 40 проекта, правило о томъ, что число членовъ думы (тепе-

---

тѣмъ и устранить обособленіе ихъ, посредствомъ систематическаго уничтоженія всѣхъ мѣръ и узаконеній правительственныхъ, служащихъ имъ къ выдѣленію себя отъ прочихъ подданныхъ Имперіи. Для сего необходимо:

1) Закрыть всѣ *еврейскія* школы и училища, такъ какъ для образованія евреевъ, наравнѣ съ прочими подданными Имперіи, открыты общія учебныя заведенія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть евреи, въ заведеніяхъ этихъ, начиная съ самыхъ низшихъ и не исключая университетовъ, преподавать еврейскую религію, посредствомъ раввиновъ, на томъ же основаніи, на какомъ преподается ученіе вѣры другимъ иновѣрцамъ.

2) Закрыть *еврейскія* больницы, богадѣльни и сиротскіе дома, такъ какъ евреи, наравнѣ съ прочими гражданами, могутъ помѣщать своихъ больныхъ, престарѣлыхъ и сиротъ въ городскія больницы, богадѣльни и сиротскіе дома. Въ сиротскихъ домахъ для евреевъ должно быть преподаваніе религіи.

3) Уничтожить *всѣ сборы, исключительно установленные для евреевъ*, какъ, напримѣръ, коробочный, для чего существуетъ у нихъ отдѣльная администрація, не имѣющая ничего общаго съ прочими городскими управленіями.

и 4) Сборъ податей и отправленіе рекрутской повинности подвести также подъ общіе государственные законы, на основаніи коихъ завѣдываніе дѣлами этого рода должно будетъ относиться къ управленіямъ, установленнымъ для всѣхъ сословій, а не къ отдѣльнымъ еврейскимъ обществамъ.

Засимъ, никакихъ еврейскихъ собраній, дозволенныхъ теперь закономъ, не допускать, за исключеніемъ сходокъ, по приходамъ ихъ молитвенныхъ домовъ, для выбора раввиновъ и для опредѣленія размѣра взносовъ, какъ на ихъ содержаніе, такъ и вообще на содержаніе молитвенныхъ домовъ, на томъ же основаніи, на какомъ дѣлается это другими иновѣрцами.

Для сохраненія же всей силы этихъ мѣръ, противодѣйствующихъ выдѣленію евреевъ отъ прочихъ гражданъ отечества, не разрѣшать учрежденія отдѣльныхъ еврейскихъ обществъ, хотя бы даже и съ благотворительною цѣлью, а равно не допускать, въ подобномъ видѣ, дѣятельности заграничныхъ обществъ въ Россіи, подъ предлогомъ помощи своимъ бѣдствующимъ единовѣрцамъ. Собственно въ этомъ послѣднемъ стѣсненіи не будетъ ничего особаго для евреевъ, потому что въ государствѣ вообще не слѣдуетъ разрѣшать, утверждать или покровительствовать какимъ бы то ни было способомъ тому, что напоминаетъ и поддерживаетъ выдѣленіе какой либо національности. Я,—говоритъ г. Новосельскій,—не предлагаю насильственно уничтожать отличія народностей, вошедшихъ въ составъ государства, но только признаю право и обязанность за правительствомъ государ-

решней управы) изъ нехристіанъ не должно превышать одной трети всего состава городской думы «и что, независимо отъ сего, евреи не могутъ быть избираемы въ городскіе головы, ни исправлять ихъ должность», по особенно важному значенію сей должности, дающей избранному въ оную лицу весьма обширныя полномочія для того, чтобы вліять, въ томъ или другомъ направленіи, на ходъ распорядительныхъ дѣлъ по городскому обществ. управленію *.

ства, гдѣ много разныхъ народностей, самому не поддерживать выдѣленія какой либо изъ нихъ отъ прочихъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Благотворительныя же общества, ищущія утвержденія правительства, должны благотворить всѣмъ безъ различія народностямъ. По крайней мѣрѣ, только при такихъ условіяхъ, слѣдовало бы разрѣшать уставы благотворительныхъ обществъ и всѣхъ имѣющихъ благотворительную цѣль заведеній.

Засимъ, свои мысли г. Новосельскій дополнилъ еще тѣмъ соображеніемъ, что въ законахъ и во всѣхъ бумагахъ, истекшихъ отъ правительства, слѣдовало бы исключить слово *еврей*, а для обозначенія евреевъ употреблять: *исповѣдующій еврейскую религію.*

Въ дѣйствительности, всѣ подданные Имперіи должны считаться и имѣютъ право и обязанность называться *русскими.* Во всякомъ случаѣ, предъ закономъ всѣ должны быть одинаково *русскіе;* посреди русскихъ подданныхъ есть исповѣдующіе *еврейскую* религію; поэтому, хотя и удобнѣе, по краткости, употреблять слово еврей, но какъ словомъ этимъ, вмѣстѣ съ религіею, обозначается и народность, то и слѣдуетъ раздѣлить то, что по существу не можетъ, въ одинаковой силѣ, оставаться по прежнему, въ лицѣ еврея, родившагося и выросшаго въ подданствѣ Россіи.

Преподаваніе въ училищахъ еврейскаго закона на русскомъ языкѣ отстранитъ существующее въ христіанахъ убѣжденіе объ анти-соціальномъ ученіи талмуда и непримиримой ненависти, внушаемой имъ своимъ послѣдователямъ противъ всѣхъ иновѣрцевъ, а въ особенности противъ христіанъ; преподаваніе же высшихъ курсовъ въ университетахъ доставитъ евреямъ возможность имѣть *ученыхъ раввиновъ* изъ русскихъ и не прибѣгать къ выпискѣ таковыхъ изъ-заграницы, какъ то дѣлается теперь каждый разъ, когда общество желало бы имѣть ученаго раввина.

Помѣщеніе больныхъ, увѣчныхъ и сиротъ подъ общимъ кровомъ ослабитъ значительно, если не уничтожитъ совершенно, возбуждающій народную ненависть упрекъ евреямъ, что они не хотятъ оскверняться сообщеніемъ съ христіанами, считая себя, по прежнему, народомъ избраннымъ, вѣря въ свое будущее господство надъ всѣми другими народами и подготовляя оное, въ ожиданіи Мессіи, не только пассивно, т. е. строгимъ соблюденіемъ своей національности отъ смѣшенія съ тѣми народами, среди коихъ они обитаютъ, но и активно, т. е. помощью своихъ капиталовъ, вліяніемъ на прессу и посредствомъ открытыхъ и тайныхъ обществъ (Матеріалы, т. III, стр. 393—396).

* Тамъ же, стр. 246.

ствующихъ Особъ, двухъ-трехъ министровъ государственныхъ имуществъ и разными «таблицами», «картами» и «реэстрами, испещренными длинными и узенькими столбиками цифръ, — въ этой комнатѣ тихо и довольно прохладно, благодаря завѣшаннымъ съ солнечной стороны окнамъ. Постукивающее костяшками «начальство» подниметъ по временамъ голову и, повернувшись лицомъ къ дверямъ, ведущимъ въ сѣни, крикнетъ:

— Мендлъ, а Мендлъ!

— Что такое?—послышится въ отвѣтъ дѣтскій голосъ, и изъ сѣней появится Мендлъ, сынъ Сруэлъ-Мойше, съ заспаннымъ лицомъ и взъерошенными волосами.

— Что?

— Ты опять уснулъ?—обратится къ нему «начальство». — Ступай, принеси холодной воды напиться, да къ колодцу иди и вытащи свѣжей... Экая жажда?..

Или скажетъ:

— Ступай, Мендлъ, ко мнѣ домой, узнай, вернулись-ли наши съ поля, и спроси, сколько еще осталось сноповъ на нивѣ, что̀ возлѣ Тягинской дороги. Да скажи кстати, чтобы вывѣсили на просушку шлею и вожжи, которыя я вчера вымазалъ дегтемъ.

И «начальство» снова погрузится въ свои счеты и выкладки. Такимъ образомъ, дѣло обходилось и безъ присутствія Сруэлъ-Мойше, который въ то время находился на полѣ и наравнѣ съ другими обывателями справлялъ свою работу. Онъ ничѣмъ и не отличался отъ любого изъ своихъ земляковъ, если не считать его непонятной склонности къ политикѣ съ полнымъ, безповоротнымъ преклоненіемъ предъ политическимъ геніемъ Наполеона I и, затѣмъ, его маленькой страсти къ репутаціи законовѣда, или «законника», какъ его и прозвали шутливо обыватели колоніи. — «Законъ говоритъ» — это было обычнымъ пріемомъ, къ которому прибѣгалъ Сруэлъ-Мойше каждый разъ, когда ему приходилось спорить по поводу того или другого вопроса въ области колоніальнаго самоуправленія, и къ чести десятскаго надо замѣтить что, имѣя за собою долгіе годы опыта и къ тому же зная личныя свойства ближайшихъ начальни-

одной трети гласныхъ изъ евреевъ въ городскомъ собраніи едва-ли вполнѣ гарантировало бы невозможность избранія въ сію должность еврея, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что гласные-евреи сами всѣ подали бы голосъ въ пользу своего единовѣрца; сверхъ сего, по разнымъ вліяніямъ, могли бы подать голосъ въ пользу еврея тѣ изъ гласныхъ-христіанъ, которые находятся въ экономической зависимости отъ капиталистовъ-евреевъ;

в) что при баллотировкѣ шарами могло бы составиться случайное большинство въ пользу кого либо изъ евреевъ; но само собою разумѣется, что такой выборъ было бы трудно считать выраженіемъ особаго довѣрія и почета къ избранному лицу со стороны всего городского общества;

г) что, затѣмъ, представлялось бы едва-ли осторожнымъ и правильнымъ принимать вдругъ въ настоящемъ случаѣ такую законодательную мѣру, которая не имѣла бы тѣсной связи съ установившеюся въ законодательствѣ нашемъ традиціею и не была бы мѣрою строго послѣдовательною. Но трудно было бы не признать, что открытіемъ возможности избранія въ городскіе головы евреевъ было бы допущено новымъ закономъ слишкомъ широкое для нихъ право; трудно было бы также не признать, что, съ изданіемъ разсматриваемаго проекта положенія для евреевъ, въ смыслѣ расширенія права ихъ представительства, сдѣлано будетъ, какъ упомянуто раньше, уже и то очень много, такъ какъ, во 1-хъ, имъ открывается вполнѣ обезпеченный доступъ въ городское собраніе, не исключая и высшихъ разрядовъ избирательныхъ собраній, изъ которыхъ оно имѣетъ составиться и, во 2-хъ, чрезъ посредство своихъ представителей въ город. собраніи евреи получаютъ право участія въ избраніи город. головы. Между тѣмъ, сколько извѣстно, евреи и сами ходатайствовали доселѣ лишь о томъ, чтобы имъ было дозволено только это участіе;

д) что хотя евреи, при извѣстныхъ условіяхъ, и допускаются до государственной службы, но обстоятельство это едва-ли могло бы быть принято въ руководство въ отношеніи устройства службы общественной, ибо правительство не избираетъ, а назначаетъ своихъ чиновниковъ, имѣя притомъ всѣ средства какъ къ лучшему выбору, такъ и къ удаленію изъ службы неблагонадежныхъ лицъ; между тѣмъ избраніе въ общественную службу, по существу онаго, не можетъ быть свободно отъ риска допустить неправильный и недостаточно обдуманный выборъ; предоставляемыя же избираемымъ въ эту службу лицамъ гарантіи по удаленію ихъ отъ должностей совершенно затруднили бы возможность во-время исправить допущенную ошибку;

направленію къ стойламъ. Стоявшая у дверей и занятая въ то время укладываніемъ подъ прессъ мѣшка съ творогомъ жена Тевьи кинулась было отнимать рубашку, но въ ту же минуту сорвавшійся съ привязи теленокъ подбѣжалъ и съ жадностью сталъ сосать матку, что повергло въ отчаянье совершенно растерявшуюся хозяйку. По той же улицѣ тащился высоко нагруженный снопами возъ Моти Халипера, и покрикиваніе возницы на усталыхъ лошадокъ смѣшивалось съ ревомъ коровъ и голосами суетившихся кругомъ подростковъ. По стѣнѣ общественнаго амбара, построеннаго въ оградѣ синагоги, карабкался какой-то мальчуганъ, силясь достать рукою гнѣздо ласточекъ, пріютившееся подъ самой застрѣхой. Онъ успѣлъ уже два раза свалиться внизъ и больно ушибить плечо, но каждый разъ съ возростающей энергіей принимался за дѣло. Воробьи суетились веселой стаей по двору, то опускаясь и попрыгивая по травѣ, то со свистомъ вдругъ взвиваясь на воздухъ. Откуда-то слѣва доносился стукъ молотильнаго камня, а съ другой стороны—гудѣніе колесъ вѣялки. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали всю эту пеструю картину, золотя длинную сѣдую бороду ребъ Герша и отражаясь на блестящемъ, хотя и значительно измятомъ козыркѣ у картуза Сруэлъ-Мойше,—спорившихъ въ это время о могуществѣ и благородствѣ Наполеона I.

Кто изъ нихъ былъ правъ—они такъ и не выяснили ни въ тотъ разъ, ни въ впослѣдствіи, какъ и многіе другіе вопросы, на которые они нашли одинъ общій отвѣтъ, каждый подъ одной изъ плитъ, покрывающихъ маленькое унылое кладбище.

II.

Колоніальный Геркулесъ.

Гораздо несчастнѣе ихъ обоихъ оказался Шлоймэ Чаусъ, никогда не задававшій себѣ никакихъ вопросовъ и только единственный разъ, въ минуту смерти, столкнувшійся съ однимъ ужаснымъ вопросомъ, на который онъ такъ и не успѣлъ отвѣтить.

Шлоймэ родился въ одно ясное утро въ началѣ іюня. Ком-

присовокупивъ: а) что предположеніе это вполнѣ соотвѣтствуетъ указанію дѣйствующаго законодательства, выраженнаго въ ст. 524, т. III, уст. о сл. по выб. городскихъ обывателей; б) что установленная закономъ мѣра, вполнѣ достигая своей цѣли въ присутственныхъ мѣстахъ, при ограниченномъ числѣ членовъ (отъ 3 до 5), для коихъ при томъ участіе въ засѣданіяхъ обязательно, и при перевѣсѣ голоса предсѣдателя не всегда можетъ быть достаточна, — въ городскомъ собраніи, гдѣ, какъ показала практика въ столицахъ и г. Одессѣ, гласные рѣдко являются въ числѣ, превышающемъ одну треть, и гдѣ голосъ предсѣдателя, при большомъ составѣ собранія, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могъ бы дать перевѣсъ; в) что, посему, и при ограниченіи числа не-христіанъ въ составѣ городского собранія одною третью, нельзя во многихъ случаяхъ не ожидать преобладанія въ этихъ собраніяхъ евреевъ, по соображеніямъ, подробно изложеннымъ въ журналѣ коммисіи, и что если за всѣмъ тѣмъ министръ раньше призналъ возможнымъ именно такое отношеніе, то собственно потому, что находилъ неудобнымъ выходить въ этомъ случаѣ изъ предѣловъ, указанныхъ въ дѣйствующихъ законахъ, и усугублять мѣру ограниченія, нынѣ для евреевъ постановленную *.

Соединенные департаменты законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, въ засѣданіе коихъ были приглашены министры: внутр. дѣлъ, финансовъ и юстиціи и государственный контролеръ, а также бывшій министръ внутр. дѣлъ статсъ-секретарь Валуевъ, и, сверхъ того, для нужныхъ объясненій: товарищъ мин. вн. дѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій, сенаторъ Брунъ, директоръ хозяйственнаго департамента и городскіе головы московскій и с.-петербургскій, разсмотрѣвъ настоящее дѣло въ связи со всѣми послѣдовавшими по оному въ разное время замѣчаніями и отзывами и обратясь къ обсужденію проекта Городового Положенія въ окончательной его редакціи, приступили къ обсужденію вопросовъ, возбудившихъ между членами коммисіи разномысліе, и, между прочимъ, по вопросу объ отношеніи числа гласныхъ изъ не-христіанъ къ общему числу гласныхъ городского собранія (ст. 21). При обсужденіи этого вопроса департаменты приняли во вниманіе, что, за силою нынѣ дѣйствующаго закона, число членовъ отъ еврейскихъ обществъ не должно превышать одной трети всего состава присутствія. Въ виду сего департаменты, согласно съ мнѣніемъ большинства коммисіи, которое принято и

* Тамъ же, стр. 457.

министромъ внутреннихъ дѣлъ, не усматривали достаточнаго повода отступать отъ силы упомянутаго общаго закона *.

VI.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы старались изложить въ точности все то, что предшествовало окончательной выработкѣ тѣхъ законоположеній, которыми опредѣляется участіе евреевъ въ новомъ городскомъ общественномъ управленіи. Мы видѣли, что само министерство внутреннихъ дѣлъ первоначально предполагало допустить въ городскую думу гласныхъ отъ евреевъ въ размѣрѣ половины общаго числа гласныхъ; что уравненіе евреевъ въ правахъ по общественному представительству съ прочимъ населеніемъ отстаивали министерство финансовъ, главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, нѣкоторые члены Высочайше утвержденной для пересмотра проекта Городового Положенія коммисіи, а равно нѣкоторые изъ принимавшихъ участіе въ обсужденіи этого проекта экспертовъ; что противились такому уравненію московскій городской голова князь Черкасскій и члены отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, направленіе котораго по разсматриваемому предмету измѣнилось съ перемѣной министра; и что, наконецъ, государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ большинства коммисіи, принятымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, основаніями для удержанія прежнихъ ограниченій участія евреевъ въ общественномъ представительствѣ послужили какъ дѣйствующее законодательство (ст. 524 т. III уст. о службѣ по выб.), такъ и мнѣніе по этому предмету большинства коммисіи.

На сколько же представляются вѣскими эти основанія?

Хотя одинъ знаменитый философъ и утверждалъ, что все существующее разумно, но дѣйствительная жизнь не всегда подтверждаетъ справедливость этого афоризма. Съ точки зрѣнія означеннаго философа можетъ, напримѣръ, представляться разумнымъ сожиганіе на кострахъ, либо зажариваніе въ клѣткахъ людей ad majorem dei gloriam, что очень часто практиковалось на западѣ и востокѣ христіанской Европы, либо существованіе крѣпостного права со всѣми его прелестями, либо наличность такихъ субъектовъ какъ Юханцевъ, Рыковъ и т. под. Но обыкно-

---

* Тамъ же, стр. 472.

вонный уже навряд-ли может все это признавать разумным потому только, что оно существовало или существуетъ. То же слѣдуетъ сказать и о многихъ ограничительныхъ законахъ, одно существованіе которыхъ далеко еще не убѣждаетъ въ ихъ разумности. Надо прежде доказать, что то или другое ограниченіе имѣетъ raison d'être, одна же ссылка на существующее ограниченіе никого убѣдить не въ состояніи. И дѣйствительно, всѣ тѣ лица, которыя участвовали въ обсужденіи правилъ объ общественномъ представительствѣ евреевъ не считали достаточнымъ ссылаться на дѣйствующій законъ. Одни изъ нихъ указывали на то, что существующее и проектируемое ограниченіе по этому предмету не соотвѣтствуетъ справедливости, мѣстнымъ условіямъ городовъ, гдѣ евреи составляютъ большинство населенія, и новѣйшему направленію законодательства относительно евреевъ; другіе, напротивъ, отстаивали это ограниченіе, ссылаясь на необходимость охраненія малочисленнаго русскаго населенія противъ преобладанія евреевъ, составляющихъ, по ихъ мнѣнію, политически обособленную національность, склонныхъ къ полонизму или германизму и имѣющихъ свои особые хозяйственные интересы.

Вопросъ объ участіи евреевъ въ городскомъ управленіи представляетъ собой лишь одну изъ частностей общаго еврейскаго вопроса. Послѣдній, созданный первоначально религіозной нетерпимостью, поддерживаемый отчасти людской несправедливостью, отчасти унаслѣдованными предразсудками, до сихъ поръ не можетъ получить у насъ разрѣшенія. Когда рѣчь заходитъ о еврейскомъ вопросѣ, то, прежде всего, указываютъ на обособленность евреевъ, которая якобы мѣшаетъ ихъ равноправности впредь до сліянія съ кореннымъ населеніемъ. Между тѣмъ самая обособленность является слѣдствіемъ того ненормальнаго положенія, въ которое законодательство поставило евреевъ. Законъ отдѣлилъ ихъ отъ коренного русскаго населенія китайской стѣной, именуемой чертой осѣдлости; законъ выдѣлилъ ихъ изъ массы прочихъ обывателей въ особыя общества въ отношеніи отбыванія, раскладки и взиманія податей, повинностей, налоговъ и сборовъ, въ отношеніи выбора въ городскія (стараго устройства) и сословныя должности; законъ подчинилъ евреевъ платежу особыхъ сборовъ— коробочнаго и свѣчного, онъ же именуетъ ихъ инородцами и т. п. Наконецъ, законъ, стѣсняя евреевъ во многихъ промыслахъ и жительствѣ, даетъ имъ на каждомъ шагу чувствовать, что они совсѣмъ не то, что прочіе обыватели, хотя бы этими обывателями были цыгане. Понятно, что при такихъ условіяхъ смѣшно требовать отъ евреевъ en masse сліянія;

Тонкіе, стройные тополи въ саду старой Готлибихи, пѣгая, однорогая корова Айзика Лапидуса, тетя Хая, уснувшая на завалинкѣ съ чулкомъ и спицами въ рукахъ, общипанный гусями и телятами стогъ ячменя на току сосѣда, Хаима Мосарскаго, какая-то кошка и какой-то пѣтухъ съ исцарапаннымъ въ кровь и меланхолически повисшимъ гребнемъ, — все это смѣшивается въ одну пеструю, фантастическую картину, сбивается, меркнетъ, расплывается; другіе образы, другія положенія возникаютъ, движутся, проходятъ, за ними еще и еще... Шлема лежитъ неподвижно, слѣдя за этими видѣніями, и вдругъ—онъ невольно вздрагиваетъ и широко открываетъ глаза: въ ушахъ его раздается раскатъ грома. Онъ смотритъ наверхъ: отъ бѣлой груды, висѣвшей въ голубой вышинѣ, нѣтъ и слѣда. Небо покрыто сплошной массой тяжелыхъ темносѣрыхъ тучъ, въ которыхъ время отъ времени вспыхиваютъ змѣевидные, ослѣпительно-яркіе огоньки. Рѣзкимъ холодкомъ вѣетъ сверху, отъ этихъ темныхъ, угрюмыхъ тучъ... По бѣлѣющей вдали дорогѣ пробѣгаютъ кружащіеся вѣтерки, поднимая густую, мягкую пыль... «Шлоймэ! Шлемка! — слышитъ онъ голосъ отца:—ступай сюда, скорѣй, дождь будетъ»... Съ тѣхъ поръ для Шлемы ясно, что если онъ когда нибудь, въ знойный лѣтній полдень, увидитъ такую же груду облаковъ на небѣ, то это значитъ, что надо готовиться къ дождю. Шлоймэ Часъ никогда впослѣдствіи, какъ онъ увѣрялъ, не былъ застигнутъ врасплохъ ни дождемъ, ни грозою.

Широкія степныя поляны, покрытыя сочной, зеленой травой, вѣяли здоровьемъ и бодростью въ открытое, веселое лицо Шлемы, и въ немъ развилась не только могучая степная сила, но и поразительная неустрашимость и отвага.

Забраться въ середину табуна, отдыхающаго въ холодку подъ выступомъ скалистаго берега, подкрасться, какъ кошка, къ задремавшему, стоя, сѣрому жеребцу и выдернуть у него изъ хвоста пукъ волосъ — для Шлоймэ было дѣломъ самымъ легкимъ и пріятнымъ. А въ то время, когда ограбленный столь предательски жеребецъ еще только собирался метнуть вверхъ заднія ноги, Шлема уже находился на значительномъ разстояніи, внѣ всякой опасности, или, если отретироваться

управленіи одной третью гласныхъ тамъ, гдѣ евреи составляютъ большинство городского населенія, не находитъ себѣ оправданія, не говоря уже о томъ, что несправедливо въ дѣлахъ, касающихся мѣстнаго хозяйства и благоустройства, давать меньшинству преобладаніе надъ большинствомъ, платящимъ въ пользу города болѣе налоговъ, чѣмъ меньшинство.

Такое подчиненіе большинства меньшинству въ дѣлахъ городского управленія не оправдывается и указаніемъ на стремленіе евреевъ къ полонизму либо германизму, еслибъ таковое и существовало. Масса еврейскаго населенія живетъ несреди коренного великорусскаго населенія, а въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ бывшей Рѣчи Посполитой, а также въ губерніяхъ Остзейскихъ. При постоянномъ общеніи съ поляками или нѣмцами, ничего удивительнаго не было бы въ томъ, еслибъ евреи подпали подъ окружающій ихъ строй жизни; но и это обстоятельство не могло бы служить къ ограниченію ихъ участія въ городскомъ управленіи: вѣдь не ограничиваютъ же въ этомъ отношеніи поляковъ или нѣмцевъ. Въ дѣйствительности же представляется совсѣмъ другое. Безспоренъ тотъ фактъ, что евреи въ послѣднія 25 лѣтъ сдѣлали громадные успѣхи на пути обрусѣнія, что русскія учебныя заведенія переполнены учащимся еврейскимъ юношествомъ. Ссылаться при такихъ обстоятельствахъ на склонность евреевъ къ германизму или полонизму и на отсутствіе общей потребности среди евреевъ въ усвоеніи себѣ русскаго языка и гражданственности—представляется по меньшей мѣрѣ страннымъ.

Наконецъ, указаніе на особые хозяйственные интересы евреевъ, какъ торговцевъ, опять-таки не оправдываетъ разсматриваемаго ограниченія. Всѣ опредѣленія городского общественнаго управленія состоятъ подъ контролемъ правительственной власти—губернатора (ст. 1 и 68 Город. Полож.), который всегда имѣетъ возможность настаивать на соблюденіи законныхъ интересовъ всего городского населенія. Поэтому, еслибъ городская дума вздумала радѣть исключительно или преимущественно объ интересахъ еврейскихъ торговцевъ, въ ущербъ прочимъ обывателямъ, то такое несогласное съ Городовымъ Положеніемъ направленіе ея дѣятельности можно было бы пресѣчь въ самомъ началѣ. При обсужденіи проекта Городового Положенія указывалось на то, что въ городахъ постоянной осѣдлости евреевъ почти совершенно отсутствуютъ городскіе общественные банки и это отсутствіе приписывалось вліянію евреевъ-ростовщиковъ, для которыхъ невыгодны такіе банки. Не мы, конечно, возьмемъ подъ свою защиту ростовщиковъ. Но полагаемъ, что объясненіе это наврядъ-ли вѣрно. Преобладающее зна-

правляя спутавшуюся веревку и рукавомъ сорочки вытирая потъ съ лица:—казакъ! а вы вотъ, какъ телята, стоите и ушами хлопаете... небось, струсили... казакъ... тоже!..

Шлоймэ пользовался своей силой, находчивостью и отвагой не только когда это являлось необходимостью, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было достичь цѣли и при помощи посторонних предметовъ.

Служа объѣздчикомъ у сосѣдняго помѣщика, Шлоймэ получилъ однажды приказаніе выслѣдить убѣжище волка въ окрестностяхъ усадьбы, убить самку, а волчатъ принести на барскій дворъ для развлеченія маленькаго панычa и его маменьки, бывшей институтки, по мнѣнію которой «это должно быть ужасъ какъ интересно—подержать въ рукахъ настоящаго волчонка и покормить его сахаромъ и молокомъ». Шлемѣ предоставлено было взять на подмогу двухъ-трехъ человѣкъ дворовыхъ, но онъ это нашелъ излишнимъ—и отправился одинъ. Слѣдовало отыскать убѣжище, выслѣдить время, когда самки не будетъ, и забрать волчатъ. Явившись и не найдя дѣтенышей, волчица пойдетъ по слѣдамъ, при чемъ, конечно, не избѣгнетъ заранѣе устроенной засады. Такъ и случилось. Маленькій панычъ и его маменька были внѣ себя отъ восторга при видѣ трехъ пузатыхъ волчатъ, еще слѣпыхъ и поразительно похожихъ на щенятъ. И въ то время, когда барыня, топая ногами, кричала на весь домъ, чтобъ скорѣе подали согрѣтое и разведенное сахаромъ молоко для этихъ «пузанчиковъ», ползавшихъ по шелковой обивкѣ дивана, съ трудомъ перебирая своими короткими лапками,—со двора донесся какой-то странный шумъ, и смѣшанный лай десятковъ собакъ сливался съ гуломъ голосовъ, хохотомъ и визгомъ. Барыня кинулась къ окну, и глазамъ ея представилась слѣдующая сцена: посреди двора, окруженный толпой дворовыхъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и подростковъ, стоялъ раскраснѣвшійся Шлоймэ, съ исцарапанной въ кровь щекой, а у ногъ его лежала крупная темносѣрая волчица съ разинутой пастью, изъ которой сочилась кровь и пѣна, и со связанными кнутомъ ногами. Волчица была жива. Нѣсколько поодаль виднѣлся доѣзжачій

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ПРЕДЪ АРЕОПАГОМЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ.

Briefe berühmter christlicher Zeitgenossen über die Judenfrage. Herausgegeben von *J. Singer*. Wien, 1885. Письма знаменитыхъ современниковъ-христіанъ о еврейскомъ вопросѣ, изданныя I. Зингеромъ. Вѣна, 1885.

Будущій историкъ цивилизаціи XIX вѣка, когда онъ дойдетъ въ своемъ описаніи до конца 70-хъ годовъ, напишетъ приблизительно слѣдующее: «Въ это время какое-то странное движеніе, противорѣчащее всему духу описываемаго нами вѣка, пронеслось по Европѣ. Движеніе это, направленное противъ евреевъ и названное антисемитическимъ, началось въ 1878 году въ Германіи, гдѣ оно выразилось преимущественно въ ожесточенной словесной и печатной травлѣ евреевъ, а затѣмъ проникло въ Россію и Венгрію, гдѣ оно вызвало во многихъ мѣстахъ дикую кулачную расправу толпы съ евреями или, употребляя техническій терминъ того времени, «еврейскіе погромы». Юдофобія распространялась съ быстротою злокачественной эпидеміи. Она свирѣпствовала не только въ низшемъ, темномъ слоѣ населенія, но проникла также въ слои высококультурные, въ кабинеты ученыхъ и даже философовъ. Въ Германіи нашлись мыслители, которые пытались прямо или косвенно оправдывать антисемитическое движеніе. Такъ поступили, напримѣръ, тогдашніе нѣмецкіе философы Дюрингъ и Гартманъ»... Но тутъ взоръ историка упадетъ, можетъ быть, на одинъ изъ многочисленныхъ документовъ, цѣлою грудою лежащихъ передъ нимъ,—документъ, озаглавленный: «Письма знаменитыхъ современниковъ-христіанъ о еврейскомъ вопросѣ»,—и онъ поспѣшитъ прибавить: «Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что явленія послѣдняго рода

были совершенно исключительныя и единичныя. Не говоря уже объ Англіи и Франціи, гдѣ ни одинъ сколько нибудь авторитетный голосъ не поднимался въ пользу юдофобіи, даже въ Германіи всѣ почти дѣйствительно выдающіеся ученые и мыслители сошлись въ рѣзкомъ осужденіи антисемитизма, и большинство ихъ, въ своихъ сочиненіяхъ, брошюрахъ и обнародованныхъ письмахъ, высказалось публично въ защиту евреевъ».

Такъ, или приблизительно такъ, напишетъ будущій безпристрастный историкъ. Посмотримъ и мы, однако, каковъ характеръ того литературнаго документа, который дастъ историку поводъ сдѣлать такое отрадное заключеніе. Документъ этотъ лежитъ теперь передъ нами: небольшая книга in 8°, въ 250 страницъ, заглавіе которой выписано нами выше.

Эта книга появилась въ прошломъ году. Происхожденіе ея довольно любопытно. Въ 1883 году австрійскій публицистъ - еврей, г. Зингеръ, выпустилъ въ свѣтъ книжку подъ заглавіемъ: «Sollen die Juden Christen werden?» (Должны ли евреи сдѣлаться христіанами?). Книжка отличалась скорѣе оригинальностью, чѣмъ основательностью и ясностью воззрѣній *. Авторъ ея, напримѣръ, проповѣдуетъ необходимость такихъ коренныхъ реформъ въ іудаизмѣ, которыя сблизили бы послѣдній съ первоначальнымъ евангелическимъ христіанствомъ, и въ то же время настаиваетъ на томъ, что еврейство составляетъ націю, которая должна сплотиться, въ виду грозящей ея существованію опасности, и что европейскіе народы должны признать за еврействомъ извѣстныя права, присущія націи. Не смотря, однако, на такую уже крайнюю оригинальность взглядовъ, а, можетъ быть, именно въ силу этой оригинальности, книжка г. Зингера, талантливо и горячо написанная, возбудила вниманіе, и въ теченіе короткаго времени выдержала два изданія. Этимъ успѣхомъ еще не удовольствовался авторъ: онъ задумалъ смѣлое предпріятіе. Онъ разослалъ свою книжку ко многимъ выдающимся ученымъ, философамъ и литераторамъ Германіи (исключительно — христіанамъ), а также къ нѣкоторымъ негерманскимъ знаменитостямъ, прося каждаго изъ нихъ высказать вкратцѣ свое мнѣніе о злополучномъ еврейскомъ вопросѣ, съ тѣмъ, чтобы сводъ всѣхъ такихъ мнѣній былъ впослѣдствіи напечатанъ и обнародованъ. Многіе наиболѣе выдающіеся ученые и писатели (числомъ больше 50) откликнулись на этотъ зовъ. Они прислали г. Зингеру свои «мнѣнія»

---

* Разборъ этого произведенія былъ своевременно помѣщенъ въ „Восходѣ“.

о еврейскомъ вопросѣ: одни—краткія, другіе—болѣе или менѣе подробныя—и г. Зингеръ недавно издалъ сводъ всѣхъ этихъ мнѣній отдѣльною книгою, предпославъ имъ обширное предисловіе.

Внимательное чтеніе книги и сопоставленіе различныхъ мнѣній, въ ней приведенныхъ, даетъ намъ возможность сдѣлать заключенія о характерѣ цѣлаго, а также, приблизительно точную классификацію составныхъ частей. Вотъ наши выводы:

Всѣ авторы, помѣстившіе свои отзывы въ изданіи г. Зингера, согласны въ томъ, что современный антисемитизмъ — явленіе ненормальное, безусловно вредное и позорящее нашъ вѣкъ, и признаютъ необходимымъ тѣми или другими средствами бороться противъ этого явленія. Они только расходятся относительно объясненія *причинъ* антисемитизма и сути еврейскаго вопроса, а слѣдовательно—и относительно способовъ его рѣшенія. Въ этомъ отношеніи всѣхъ авторовъ можно раздѣлить на три категоріи: a) одни, составляющіе солидное большинство, того мнѣнія, что причины антисемитизма лежатъ *внѣ еврейства*, что онѣ кроются въ условіяхъ политической и духовной жизни тѣхъ народовъ, среди которыхъ живутъ евреи, и что поэтому еврейскій вопросъ долженъ ждать своего окончательнаго разрѣшенія отъ улучшенія этихъ условій, т. е. отъ общаго соціально-духовнаго прогресса; b) другіе—незначительное меньшинство—полагаютъ, что причины, вызывающія антисемитизмъ, лежатъ *въ самомъ еврействѣ*, въ недостаткахъ, присущихъ послѣднему или привитыхъ къ нему исторіею, и что поэтому еврейскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь тогда, когда еврейство освободится отъ этихъ недостатковъ; c) третья категорія—значительное большинство—держится средняго пути и утверждаетъ, что причины анти-еврейскаго движенія лежатъ отчасти въ условіяхъ жизни христіанскихъ народовъ, отчасти же въ самомъ еврействѣ, и приходитъ къ убѣжденію, что рѣшеніе еврейскаго вопроса зависитъ одновременно отъ прогрессивнаго развитія какъ еврейскаго, такъ и христіанскихъ народовъ. Каждая изъ этихъ трехъ категорій мнѣній имѣетъ свои различные оттѣнки у тѣхъ или другихъ авторовъ. Разсмотримъ вкратцѣ мнѣнія представителей различныхъ категорій, а также главнѣйшіе оттѣнки каждой категоріи.

Представителями первой, весьма многочисленной категоріи являются наиболѣе выдающіеся мыслители, поэты, публицисты и ученые Германіи, какъ, напримѣръ: Бюхнеръ, Фогтъ, Молешотъ, Рудольфъ Іерингъ, Дюбуа-Реймонъ, О. Іегеръ, Альбертъ Генель, Робертъ Гаммерлингъ, Альфредъ Мейс-

меръ, и всѣ не германскіе мыслители, приславшіе свои отзывы для сборника г. Зингера, каковы: Ф. Лоранъ, Эмиль-де-Лавеле, Бартелеми-Сентъ-Илеръ, Максъ-Мюллеръ (знаменитый лингвистъ, профессоръ въ Оксфордѣ) и Людвигъ Нуаре. «Совершенно напрасенъ упрекъ,—говоритъ знаменитый натуралистъ *Бюхнеръ*,—будто евреи виновны во многихъ соціальныхъ неурядицахъ нашего времени. Дѣйствительныя причины послѣднихъ заключаются въ крайне обостренной конкурренціи, въ ожесточенной борьбѣ за существованіе и въ грубомъ эгоизмѣ, питаемомъ условіями нашей общественной жизни. Въ общемъ эти неурядицы суть результаты продолжительнаго, по исторической необходимости вѣками развивающагося процесса, который препятствуетъ развитію человѣчныхъ и братскихъ чувствъ какъ между христіанами и евреями, такъ и между самими христіанами»... «Если бы «штеккеріадѣ» удалось восторжествовать, — говоритъ далѣе Бюхнеръ, — то за травлею евреевъ пошла бы травля либераловъ, а затѣмъ объявлена была бы война всякому просвѣтительному и благородному стремленію. Преслѣдованіе, исключеніе или даже изгнаніе евреевъ не уменьшитъ ни на волосъ нашихъ соціальныхъ золъ; наоборотъ, положеніе вещей станетъ еще хуже. Мѣсто еврейскаго биржевика и ростовщика займетъ христіанинъ, и прекращеніе могущества еврейскаго капитала поведетъ только къ усиленію соперничающаго съ нимъ капитала христіанскаго. *Единственное и вѣрное рѣшеніе еврейскаго вопроса нужно искать только въ рѣшеніи всеобщаго соціальнаго вопроса*» (стр. 139—140). *Карлъ Фогтъ* пишетъ между прочимъ: «Центръ тяжести еврейскаго вопроса лежитъ не въ области религіи, а только въ инстинктивной ненависти неспособныхъ къ способнымъ, бѣдныхъ къ богатымъ, бездѣятельныхъ къ бодрымъ и дѣятельнымъ» (стр. 104). Кромѣ того, Фогтъ объясняетъ антиеврейское движеніе временно пробудившимся національнымъ антагонизмомъ и указываетъ на такого же рода антагонизмъ между Германіей и Англіей, Россіей и Германіей, американцами и китайцами. Фогтъ весьма коротко и бѣгло высказывается, ссылаясь на то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ уже ратовалъ въ печати за евреевъ. *Молешотъ* возмущается агитаціею противъ евреевъ и въ особенности тѣмъ, что даровитымъ евреямъ затрудняютъ доступъ къ государственнымъ должностямъ. Знаменитый юристъ *Іерингъ* заявляетъ, что онъ покраснѣлъ бы отъ одной мысли, что его могутъ считать сколько нибудь солидарнымъ съ антисемитами; онъ увѣряетъ въ своемъ искреннемъ сочувствіи дѣлу евреевъ и обѣщается подробно обсудить еврейскій вопросъ въ готовящемся къ печати

3-мъ томѣ своего сочиненія «Цѣль въ правѣ», гдѣ имѣетъ быть изложена исторія развитія идеи гуманности. Мозаизмъ, по мнѣнію Іеринга, впервые внесъ идею гуманности въ область права, и оттуда она перешла въ новѣйшее право европейскихъ народовъ. «И этому-то народу,—восклицаетъ Іерингъ,— давшему нашему современному міру идеи человѣчности и любви, не обусловливаемой никакими вѣроисповѣдными различіями,—этому народу антисемитизмъ платитъ тѣмъ, что отрицаетъ по отношенію къ нему и идею гуманности, и идею любви! Но, благодареніе Богу, эти идеи пустили слишкомъ глубокіе корни въ сознаніи современнаго міра, чтобы можно было предсказать успѣхъ дерзкому стремленію искоренить ихъ» (стр. 165—167). Знаменитый физіологъ, берлинскій профессоръ *Дюбуа-Реймонъ* считаетъ все антисемитическое движеніе временнымъ повѣтріемъ, не могущимъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, и даже считаетъ излишнимъ распространяться о немъ. «Чѣмъ меньше говорить о нихъ, тѣмъ скорѣе исчезнутъ эти жалкія заблужденія толпы «нищихъ духомъ», въ родѣ антисемитизма, антививисекціи, вегетаріанизма, спиритизма,—исчезнутъ, конечно, для того лишь, чтобы уступить мѣсто другимъ подобнымъ глупостямъ» (стр. 4).

Особенно горячо заступаются за евреевъ выдающіеся мыслители Франціи и Англіи, письма которыхъ помѣщены въ сборникѣ г. Зингера. Они не могутъ безъ негодованія говорить объ антисемитизмѣ и безъ искренняго паѳоса—о гонимомъ еврействѣ. Великій французскій старецъ, философъ и государственный дѣятель *Бартелеми-Сентъ-Илеръ* пишетъ автору книги «Сдѣлаться-ли евреямъ христіанами» слѣдующее: «Я не запинаясь отвѣчаю: Нѣтъ, евреямъ никогда не слѣдуетъ сдѣлаться христіанами. Я бы считалъ такой шагъ съ ихъ стороны громаднымъ и невознаградимымъ несчастіемъ для человѣчества. Нѣтъ на землѣ народа, который представлялъ бы собою такой поразительный образецъ твердости и непоколебимой вѣры, какъ народъ еврейскій. Нѣтъ народа, который бы имѣлъ на міръ такое могучее религіозное вліяніе. Ваша Библія, съ ея книгою Бытія и Псалмами, есть, безспорно, величайшая изъ всѣхъ священныхъ книгъ міра, и именно эта книга сдѣлала изъ евреевъ «народъ Божій». Тотъ день, когда евреи сдѣлаются христіанами, будетъ несчастливый день: пробѣлъ, который образовало бы такое отреченіе, никогда не будетъ пополненъ. Евреи должны навсегда остаться такими, какими они суть, сохраняя свою вѣру, которая имѣетъ отъ роду слишкомъ тридцать вѣковъ и которую время не могло измѣнить. Исчезновеніе еврейства лишило бы человѣчество одного несравненнаго образца, и исчезновеніе это было бы всего гибельнѣе теперь,

когда идея о Богѣ все болѣе изглаживается изъ умовъ многихъ людей, считающихъ себя просвѣщенными и учеными. Религіозное сознаніе человѣчества нуждается въ вѣчно живомъ протестѣ Израиля, въ которомъ оно находитъ могущественную опору въ моменты шатанія мыслей, грозящіе опасностью самому христіанству... Что же касается новѣйшихъ преслѣдованій, которымъ подвергаются евреи, то они должны ихъ перенести съ тѣмъ же мужествомъ, съ какимъ прежде переносили многія другія, не менѣе ужасныя преслѣдованія. Это позорное варварство пройдетъ—и настанетъ день, когда евреи вездѣ достигнутъ того положенія, въ которомъ они теперь находятся во Франціи,—положенія полноправныхъ гражданъ, и когда они будутъ уживаться со своими соотечественниками такъ же мирно, какъ теперь живутъ католики и протестанты, подъ охраною общихъ и равныхъ законовъ» (стр. 16—17).

Въ такомъ же смыслѣ высказывается знаменитый бельгійскій мыслитель *Фр. Лоранъ*, авторъ грандіознаго творенія «Etudes sur l'histoire de l'humanité (18 томовъ, 1860—76 г.) и множества другихъ крупныхъ произведеній въ области исторіи и правовѣдѣнія. «Я люблю евреевъ,—пишетъ онъ,—и искренне желаю, чтобы они развивались въ духѣ своихъ (религіозныхъ) преданій. Нѣтъ религіи, нѣтъ расы, которая бы имѣла такую традицію, какъ традиція пророковъ. То, что я говорю евреямъ, я говорю и христіанамъ, которымъ желаю развитія въ смыслѣ первоначальнаго христіанства Іисуса Христа. Еврейство и христіанство—два дерева, выросшія изъ одного корня и затѣмъ принявшія различныя направленія. Необходимо, чтобы обѣ религіи продолжали свое существованіе, и каждая въ своей сферѣ, способствовали развитію человѣчества... Одно время я находился въ перепискѣ съ однимъ раввиномъ въ Люксембургѣ. Отъ него я узналъ, что въ еврействѣ замѣчается раціоналистическое движеніе. Онъ самъ былъ сторонникомъ этого движенія. Меня крайне интересуетъ эта предстоящая, тихо развивающаяся, религіозная революція. Я самъ написалъ книгу *о религіи будущаго* *. Эти завѣтныя надежды занимали меня всю жизнь» (стр. 13—14).—Еще короче и выразительнѣе письмо *Э. Лавеле*, извѣстнаго соціолога и политическаго трибуна. «Возвратившись изъ путешествія,—пишетъ онъ г. Зингеру,—я получилъ ваше письмо и вашу книгу. На вопросъ: сдѣлаться ли евреямъ христіанами—я отвѣ-

* Эта книга составляетъ 17-й томъ «Этюдовъ по исторіи человѣчества» Лорана.

чаю: Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Ибо ваша религія принадлежитъ безсомнѣнно къ числу самыхъ возвышенныхъ и самыхъ чистыхъ религій, а ваша раса, по моему мнѣнію, самая интеллигентная и энергическая изъ всѣхъ расъ... Только благодаря болѣе низкой степени развитія тѣхъ расъ, съ которыми сталкиваются евреи, а также вслѣдствіе несправедливостей, коихъ евреи были жертвами, въ средѣ послѣднихъ зародились недостатки, въ которыхъ ихъ теперь упрекаютъ, хотя далеко не всегда основательно» (стр. 54—55).—Творецъ современнаго языкознанія *Максъ Мюллеръ*, нѣмецъ по происхожденію, но англичанинъ душою, помѣстилъ въ сборникѣ г. Зингера слѣдующее коротенькое, но краснорѣчивое письмо: «Ваше произведеніе я съ удовольствіемъ прочелъ. Какъ безконечно возвышенны и велики тѣ истины, относительно которыхъ сходятся въ своихъ основаніяхъ всѣ религіи, въ сравненіи съ догмами, о которыхъ препираются и спорятъ раввины, священники и улемы! Будемъ надѣяться,—хотя вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ напрасно этого ждемъ,—что настанетъ наконецъ время, когда «не на этой горѣ и не въ Іерусалимѣ будемъ мы молиться Богу»,—и если такое спасеніе должно придти отъ евреевъ, то почему бы этому и не быть?» (стр. 2).

Послѣ всѣхъ этихъ авторитетныхъ отзывовъ, проникнутыхъ чувствомъ человѣчности, искреннимъ идеализмомъ и любовью къ страждущему Израилю, тяжело какъ-то останавливаться на мнѣніяхъ представителей второй категоріи, взваливающей всю отвѣтственность за антисемитическое движеніе на самихъ же евреевъ, жертвъ этого движенія. Во главѣ этой категоріи стоитъ *Эдуардъ Гартманъ*. Въ своемъ письмѣ онъ повторяетъ вкратцѣ тѣ же воззрѣнія на еврейство, которыя онъ подробно развилъ въ своемъ произведеніи «Еврейство въ настоящемъ и будущемъ». Сущность его письма сводится къ безжалостному выводу: горе побѣжденнымъ! Евреи-де живутъ среди христіанскихъ народовъ, пріютившихъ ихъ изъ милости, а потому обязаны подчиняться всѣмъ вкусамъ и даже капризамъ этихъ «народовъ-хозяевъ», всячески угождать имъ и отнюдь не огорчать ихъ конкурренціею въ различныхъ областяхъ общественной и духовной жизни,—вообще евреямъ слѣдуетъ, по мнѣнію Гартмана, всегда держаться въ почтительномъ отдаленіи отъ «пира жизни», пока «народъ-хозяинъ» изъ милости не позволитъ бѣдному «пришельцу» прикорнуть гдѣ нибудь за столомъ возлѣ «порядочныхъ людей» и тоже кое-что отвѣдать. Гартманъ и здѣсь, какъ въ своей книгѣ, увѣряетъ, что искренне желаетъ добра евреямъ, а потому даетъ имъ такой совѣтъ. Считаемъ излишнимъ входить

слезы. За «женскимъ столомъ» кто-то тихо всхлипываетъ; другія подносятъ къ глазамъ платки и передники. Десятки рукъ поднимаютъ стаканы, въ десяткахъ глазъ искрится разумная радость и свѣтлая вѣра...

То же бывало и на «вечеринкахъ» Погребальнаго Братства, гдѣ старики сидятъ за столомъ, а молодежь поетъ пѣсни и прислуживаетъ пирующимъ, и на «сіюмъ», при чемъ недавно дописанный свитокъ завѣта носятъ, какъ невѣсту, подъ вѣнчальнымъ балдахиномъ въ синагогу. И всюду, куда ни являлся Гершонъ Меламедъ, онъ вносилъ сознательное, живое чувство и осмысленное, разумное веселье.

Долго, погруженный въ грустное размышленіе, стоялъ я предъ его безвременной могилой, но меня привлекалъ другой надгробный камень, другая могила...

С. Фругъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Наибольшая часть писемъ, помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ нами сборникѣ, принадлежитъ представителямъ охарактеризованной выше третьей категоріи, держащейся средняго пути между мнѣніями двухъ предыдущихъ категорій. Сюда принадлежатъ: извѣстный юристъ Гольцендорфъ, поэтъ и романистъ Г. фонъ-Аминторъ, историкъ Грегоровіусъ, Фридрихъ Боденштедтъ, Ад. Штрекфусъ, Я. Мэли (швейцарскій филологъ) и многіе другіе менѣе извѣстные писатели. Общее содержаніе ихъ писемъ довольно однообразное. Противъ доводовъ г. Зингера они возражаютъ, что еврейскій вопросъ есть, по крайней мѣрѣ въ Германіи, вопросъ соціально-экономическій, а не религіозный, и что, слѣдовательно, не о религіозномъ, а лишь о національномъ сближеніи евреевъ съ христіанами нужно заботиться. Всѣ перечисленные сейчасъ авторы признаютъ, что рѣшеніе еврейскаго вопроса зависитъ, съ одной стороны, отъ стремленія евреевъ къ ассимиляціи съ народами, среди которыхъ они живутъ, посредствомъ смѣшанныхъ браковъ, отреченія отъ устарѣлыхъ религіозныхъ обычаевъ и очищенія своей среды отъ неблаговидныхъ элементовъ—ростовщиковъ и торгашей, навлекающихъ ненависть на все еврейство; съ другой же стороны—рѣшенію еврейскаго вопроса должны содѣйствовать всѣ правительства—полнымъ уравненіемъ правъ евреевъ съ правами всѣхъ прочихъ подданныхъ и всѣ народы—гуманными отношеніями къ евреямъ.

Гольцендорфъ различаетъ два рода антисемитизма: открытый, грубый, массовой антисемитизмъ, противъ котораго обязано бороться государство, и антисемитизмъ скрытый, т. е. непріязнь къ евреямъ въ различныхъ, даже высшихъ и интеллигентныхъ слояхъ общества; искорененіе послѣдняго зависитъ отъ стремленія самихъ евреевъ освободиться отъ нѣкоторыхъ свойственныхъ имъ, или извѣстной ихъ части, недостатковъ. «Современное поколѣніе, — говоритъ Гольцендорфъ,— перестало руководиться великими этическими принципами, но руководится въ своей жизни преимущественно матеріальными интересами. Еврейство же представляется ему— справедливо или несправедливо — самымъ сильнымъ изъ факторовъ, нарушающихъ его интересы... Преодолѣть возбуждаемый такимъ столкновеніемъ интересовъ скрытый антисемитизмъ—вотъ главнѣйшая и труднѣйшая задача нашей эпохи, — задача, отъ которой зависитъ будущность еврейства. Но эта задача не можетъ быть исполнена однѣми моральными проповѣдями, выраженіями нравственнаго негодованія и возвеличиваніемъ заслугъ еврейства. Необходимо, чтобы евреи, на дѣлѣ и живомъ примѣрѣ, прежде всего отразили отъ себя упрекъ въ ростовщичествѣ; соединеніемъ своихъ

женіе этой цѣли должно быть болѣе или менѣе обезпечено; но такого обезпеченія въ большинствѣ случаевъ никакъ не могло бы быть съ допущеніемъ въ составъ городского собранія и городской думы большаго числа евреевъ, чѣмъ сколько опредѣлено дѣйствующимъ закономъ для присутствій, въ которыхъ имѣютъ право быть представители отъ евреевъ,—не могло бы быть, независимо отъ сплоченности еврейскаго населенія, именно потому, что во многихъ мѣстахъ состоятельные евреи занимаютъ нерѣдко болѣе вліятельное положеніе сравнительно съ христіанами. Притомъ же, въ смыслѣ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ, высказалось большинство мѣстныхъ коммисій, образованныхъ въ 1862 г. въ городахъ, для составленія предварительныхъ соображеній о преобразованіяхъ въ городскомъ общественномъ устройствѣ.

Въ виду изложенныхъ мнѣній, коммисія, принявъ во вниманіе: а) что предстоящій въ настоящемъ случаѣ вопросъ о евреяхъ, по его спеціальности и примѣнимости лишь къ нѣкоторымъ городскимъ поселеніямъ, требуетъ *особыхъ соображеній;* б) что между тѣмъ разсматриваемый нынѣ проектъ положенія объ общественномъ устройствѣ, которому могло бы быть дано значеніе нормальнаго проекта, полагается вводить не вдругъ, а постепенно въ городахъ; в) что посему оставленіе упомянутаго вопроса до особаго разрѣшенія не могло бы вызвать на практикѣ существенныхъ затрудненій, и министерство будетъ имѣть возможность своевременно представить предположенія свои по оному тогда, когда приступлено будетъ къ введенію преобразуемаго общественнаго управленія въ мѣстахъ наибольшей сосредоточенности евреевъ,—положила исключить изъ проекта приведенныя выше спеціальныя правила о евреяхъ *. Эти правила были дѣйствительно исключены.

Но вотъ явились въ Высочайше учрежденную коммисію *эксперты* ** и дѣло приняло другой оборотъ. Въ засѣданіи коммисіи, съ участіемъ этихъ экспертовъ, отъ 24-го февраля 1870 г., вновь возбужденъ былъ вопросъ *объ общественномъ представительствѣ евреевъ.* Московскій городской голова князь Черкасскій и нѣкоторые другіе эксперты заявили,

* Матеріалы, т. 3, стр. 59.

** Такими экспертами были: городскіе головы—с.-петербургскій с. с. Погребовъ, московскій князь Черкасскій, одесскій д. с. с. Новосельскій, харьковскій Шатуновъ, динабургскій Гагельстромъ, елецкій Русановъ, череповецкій Милютинъ, вознесенскій-посадскій Гарелинъ. — Гласные городскихъ общихъ думъ—г. С.-Петербурга Лихачевъ и г. Москвы д. с. с. Шумахеръ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Къ столѣтнему дню кончины Моисея Мендельсона. Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи «Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» *Н. Бакстомъ.* Спб. 1886.

Въ русско-еврейской литературѣ до сихъ поръ еще нѣтъ ни одной сколько нибудь полной біографіи отца новѣйшаго еврейскаго просвѣщенія, Моисея Мендельсона. Двѣ-три маленькія журнальныя статьи — вотъ все, что даетъ наша литература о великомъ человѣкѣ. Лежащая передъ нами теперь книжка г. Бакста ни по своему объему, ни по своей цѣли не можетъ претендовать на пополненіе столь важнаго пробѣла; но тѣмъ не менѣе мы должны привѣтствовать появленіе этой книжки, которая изъ всѣхъ краткихъ, неполныхъ біографій Мендельсона можетъ быть названа самою удачною. Авторъ ея и не задался цѣлью дать подробное жизнеописаніе Мендельсона; онъ желалъ только, по его собственному выраженію, «оживить передъ слушателями (и теперь, конечно, также предъ читателями) нѣкоторыя выдающіяся черты его,—черты, на которыхъ преимущественно покоятся наша любовь и наше благоговѣніе къ его памяти» (стр. 1). Въ этихъ скромныхъ предѣлахъ г. Бакстъ, по нашему мнѣнію, превосходно выполнилъ свою задачу.

Сообразно цѣли свего труда, г. Бакстъ рисуетъ передъ нами Мендельсона не столько какъ мыслителя, сколько какъ человѣка; онъ гораздо болѣе слѣдитъ за его внѣшнею жизнью, его столкновеніями съ окружающимъ міромъ, нежели за внутреннимъ его развитіемъ. Отношенія Мендельсона къ Лессингу, Лафатеру, Якоби—охарактеризованы авторомъ чрезвычайно ясно и обстоятельно. Въ связи съ важнѣйшими обстоятельствами жизни Мендельсона изложена также исторія главнѣйшихъ его трудовъ и вкратцѣ выяснено ихъ значеніе. Кроткій и симпатичный образъ еврейскаго

ленномъ размѣрѣ; в) если правомъ общественнаго представительства, безъ особыхъ ограниченій, пользуются другія нехристіанскія вѣроисповѣданія, то уже по этому одному, независимо отъ проводимаго нашимъ законодательствомъ принципа вѣротерпимости, было бы послѣдовательно и своевременно если не совершенно устранить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить подобныя ограниченія и относительно евреевъ.

2) Другое мнѣніе было высказано дѣйств. статск. совѣтн. Новосельскимъ. Онъ заявилъ, что къ дѣятельности евреевъ, хотя бы и въ составѣ общественно-хозяйственнаго управленія города, нельзя относиться безразлично. Всѣмъ извѣстная корпоративность и упорная настойчивость евреевъ въ проведеніи своихъ мыслей и въ охраненіи собственныхъ, обособленныхъ въ ихъ преимущественно средѣ, интересовъ, даетъ имъ и безъ того немаловажное значеніе—вліяніе евреевъ на рѣшеніе городскихъ дѣлъ, которыя соприкасаются съ ихъ интересами, довольно замѣтно при дѣйствующихъ и нынѣ ограниченіяхъ. Равнымъ образомъ, едва-ли было бы правильно смотрѣть на дѣятельность евреевъ въ составѣ городского собранія исключительно съ хозяйственной точки зрѣнія, внѣ всякаго отношенія къ политической и религіозной пропагандѣ. Въ подкрѣпленіе этого г. Новосельскій обратилъ вниманіе на то, что городское собраніе, какъ и общія думы въ столицахъ и г. Одессѣ, будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи избраніе мировыхъ судей. Нельзя не согласиться,—продолжаетъ онъ,—что въ этомъ отношеніи вліяніе евреевъ далеко переходило бы за границу чисто хозяйственныхъ интересовъ. Поэтому необходимость принятія мѣръ противъ преобладанія евреевъ, которое несомнѣнно было бы при безразличномъ допущеніи ихъ въ составъ городского собранія въ размѣрѣ половины общаго числа гласныхъ, не могла бы быть, кажется, оспариваема. Но нельзя, съ другой стороны, не согласиться, что необходимыя въ смыслѣ этихъ мѣръ ограниченія едва-ли достигли бы въ дѣйствительности какой либо цѣли, если бы число гласныхъ изъ евреевъ было только опредѣлено въ томъ или другомъ меньшинствѣ, ибо у нихъ есть много постороннихъ, неуловимыхъ для закона средствъ къ вліянію на дѣла. Посему, принятіе означенныхъ мѣръ должно быть поставлено въ иныя условія. Съ этой точки зрѣнія, надлежало бы, по мнѣнію г. Новосельскаго, принять въ соображеніе, во 1-хъ, то, что опасные въ настоящемъ случаѣ фанатизмъ и пропаганда коренятся преимущественно въ необразованной массѣ еврейскаго населенія; тѣ же изъ евреевъ, которые получили достаточное образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, не представляютъ подобной

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ"

С.-Петербургъ, Офицерская, 17.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ" съ „Недѣльной Хроникой Восхода"

	въ Россіи:	за границею.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 „ — „	7 „ — „
На три мѣсяца	3 „ — „	3 „ 50 „

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ" или на „Недѣльную Хронику" не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльные №№ „Недѣльной Хроники" стоятъ по 10 к., для иногороднихъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ" принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за ½ страницы 8 руб., за ¼ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ"—15 коп. за строчку петита, или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которые можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

ГОДЪ 1886 VI.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

V

Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1886.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1886.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

При этомъ прилагается оглавленіе *апрѣльской* книжки, по ошибкѣ неприложенное къ прошлому № журнала.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1886

ЛЕГЕНДА.

Раби Па́па, мудрый старецъ,
Одаренъ былъ рѣчью льстивой,—
Прямодушенъ и безстрашенъ
Былъ великій мужъ Акива.

Въ дни, когда отяжелѣла
Рима длань надъ Палестиной,
Тотъ вздыхалъ тайкомъ, но этотъ
Собиралъ бойцовъ дружины.

***

Въ полночь разъ—ужъ окруженъ былъ
Вождь друзья́ми удалыми—
Вдругъ раздался шорохъ—смотрятъ:
Раби Па́па передъ ними.

„О, глупцы, безуменъ путь вашъ!“
Прошепталъ онъ озираясь:
„Мощенъ Римъ по волѣ Божьей:
Вы-жъ погибнете сражаясь“...

Восходъ.

„Братъ мой!“ такъ прервалъ Акива,
Улыбнувшись несмутимо:
„Всѣ пути въ рукѣ Господней—
Лучше бой, чѣмъ милость Рима“.

***

Мудрый раби, скорбь смиряя,
Въ лести Риму изощрялся:
По ночамъ онъ плакалъ горько,
Днемъ онъ сладко улыбался.

Но не разъ проконсулъ гордый
Вдругъ блѣднѣлъ за чашей пира
И взывалъ: „все живъ Акива,
Надъ главой моей сѣкира!“

Разъ, взглянувъ на Пáпу мрачно,
Продолжалъ тиранъ суровый:
„Мнѣ наскучилъ льстецъ-предатель.
Ликторъ, съ глазъ его!... въ оковы!“

***

Бренно все... Для львовъ могучихъ
Сѣти крѣпкія плетутся.
Дни бѣгутъ... Темницы двери
Вновь скрипятъ и раздаются—

*1

Узнаетъ Акиву Пáпа...
Грустно голову склоняя,
„Правъ ты былъ, мой братъ Акива!“
Говоритъ ему вздыхая:

„Всѣ пути въ десницѣ Божьей,
Всѣ встрѣчаются незримо,
Но блаженъ прямымъ грядущій:
Бой славнѣй, чѣмъ милость Рима“...

М. Абрамовичъ.

е) что осторожность, съ устраненіемъ какихъ бы то ни было случайностей въ отношеніи выбора гор. головы, представляется тѣмъ болѣе настоятельною, что должность головы, особенно при соединеніи съ оною права предсѣдательства въ городскомъ собраніи, слишкомъ важна и вліятельна для того, чтобы не относиться къ замѣщенію ея, болѣе или менѣе, безразлично. Сверхъ того, город. голова есть лицо, чрезъ которое правительство дѣлаетъ предложенія свои обществу. Затѣмъ, голова-еврей, при извѣстномъ личномъ настроеніи его, могъ бы быть руководителемъ и защитникомъ исключительно своихъ единовѣрцевъ, а, опираясь на нихъ, онъ могъ бы совершенно ослабить и городское собраніе.

По этимъ соображеніямъ коммисія не нашла возможнымъ допустить избраніе город. головы изъ евреевъ и, затѣмъ, положила постановить по этому спеціальное ограниченіе, изъясненное по окончательно редактированному проекту въ ст. 42 прим. 1 *.

Согласно всѣмъ изложеннымъ мнѣніямъ, конецъ 21 ст. Город. Полож. былъ такъ изложенъ: *по мнѣнію большинства*—число гласныхъ изъ не-христіанъ (въ город. собраніи) не должно превышать одной трети общаго числа гласныхъ; *по мнѣнію меньшинства*—число гласныхъ изъ не-христіанъ не должно превышать половины всего числа гласныхъ; и, наконецъ, по мнѣнію одного члена, надлежало бы, не дѣлая ограниченія касательно числа гласныхъ изъ не-христіанъ, допускать къ участію въ выборахъ только тѣхъ изъ евреевъ, которые получили образованіе.

Статья же 42 примѣч. 1 проекта гласила: число членовъ думы (т. е. теперешней гор. управы) изъ не-христіанъ не должно превышать одной трети всего состава думы. Евреи не могутъ быть избираемы въ городскіе головы, ни исправлять ихъ должность **.

V.

По окончаніи коммисіей, при участіи экспертовъ, возложенныхъ на нее работъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, направляя эти работы въ государственный совѣтъ, въ отношеніи своемъ отъ 31-го марта 1870 г. за № 2928 на имя государственнаго секретаря, писалъ, что онъ вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ большинства коммисіи объ ограниченіи числа гласныхъ изъ не-христіанъ одною третью всего состава городского собранія,

* Тамъ же, стр. 275—277.

** Тамъ же, ст. 403, 406.

Такимъ невиннымъ характеромъ отличается, напримѣръ, его сатира на женскій полъ. Въ неподражаемыхъ стихахъ описываетъ онъ всѣ бѣдствія, которыя выноситъ мужская половина рода человѣческаго отъ дочерей Евы. Пародируя Соломоново изреченіе: «Обрѣвшій женщину—обрѣлъ благо», сатирикъ говоритъ: «Обрѣвшій женщину—обрѣлъ себѣ позоръ. Она (женщина) жалитъ какъ змѣя и шипитъ какъ ехидна. То и дѣло смотритъ она въ окошко (съ грѣховными намѣреніями); старается казаться дѣвою, когда ужъ «имѣетъ во чревѣ»; много бѣдныхъ душъ погубила она... И сколько съ нею возни и хлопотъ, сколько мученій и тревогъ причиняетъ она отцу! Когда она подростаетъ, онъ въ вѣчномъ страхѣ, какъ бы ее не обольстили; подросла — какъ бы не увлекъ ее тотъ или другой добрый молодецъ; совсѣмъ выросла — какъ бы сама она не стала вѣшаться на шею молодымъ людямъ; вышла замужъ — какъ бы она не осталась безплодною; состарѣлась — какъ бы не сдѣлалась вѣдьмой-колдуньей». Далѣе онъ жалуется на раззорительную страсть женщинъ къ нарядамъ. «Женщина — это совершенно разрушительный элементъ. Черезъ нее раззорились вельможи, черезъ нее раскрываются тайны, расхищаются сокровища, разрушаются башни, падаютъ дворцы. Сколько человѣкъ сожжено, повѣшено изъ-за женщины, и сколько изъ-за нее мучится и болѣетъ! Изъ-за первой женщины Евы, Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, изъ-за нея легло вѣчное проклятіе труда и смерти на человѣка. Вспомните, что сдѣлали женщины съ Самсономъ, съ царемъ Соломономъ»... Поэтъ проповѣдуетъ рѣшительный походъ противъ женщинъ, дабы смирить ихъ гордость, а то онѣ совсѣмъ заберутъ въ свои руки власт надъ сильнымъ поломъ. При этомъ онъ оговаривается, чтобы не думали, что и у него самого такая же жена-вѣдьма, какую онъ сейчасъ описывалъ; нѣтъ, его жена исключеніе: она—идеалъ доброты и т. д. Въ концѣ своей сатиры поэтъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Въ концѣ концовъ нужно признать, что нѣтъ лучшаго стража для женской добродѣтели, чѣмъ безобразіе лица» (кн. I).

Однако, лично поэтъ не очень-то расположенъ къ этому вѣрному стражу добродѣтели. Уже въ слѣдующей книгѣ онъ

превозноситъ красоту и ѣдко осмѣиваетъ безобразіе. Красоту онъ воплощаетъ въ лицѣ прелестной Тамаръ, а безобразіе—въ лицѣ нѣкоей Беріи. Онъ предлагаетъ своему собесѣднику-меценату, чтобы тотъ выставлялъ всѣ смѣшныя качества безобразной Беріи, а онъ, поэтъ, будетъ выставлять въ видѣ антитезы прелестныя качества Тамаръ. Длиннѣйшій рядъ тезисовъ и антитезъ занимаетъ большую половину книги. Красота въ нихъ, дѣйствительно, превознесена выше небесъ, а безобразіе безпощадно втоптано въ грязь. Такъ, напримѣръ, «Тамаръ могла бы своимъ взоромъ привлечь ангеловъ, а Берія своимъ видомъ могла бы и чорта обратить въ бѣгство, и если бы ее повѣсили въ виноградникѣ, то она могла бы служить пугаломъ для отогнанія птицъ»... «Еслибъ всѣ женщины были похожи на Берію, тогда не было бы надобности въ библейскихъ запрещеніяхъ о прелюбодѣяніи и кровосмѣшеніи»... «Если бы небесная «Дѣва» (созвѣздіе) была похожа на красавицу Тамаръ, то солнце никогда не удалилось бы отъ «Дѣвы» къ «Вѣсамъ» (другое созвѣздіе)»,—и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Въ другой книгѣ сатирикъ безпощадно осмѣиваетъ «мужа-рогоносца» *. Каламбурамъ, остроумнымъ играмъ словъ—тутъ нѣтъ конца. «Прелестная измѣнница,—между прочимъ шутитъ поэтъ, — сама выдала своему мужу аттестатъ праведности, ибо сдѣлала его рогоносцемъ во исполненіе сказаннаго (Псалмы): «Да возвысятся рога праведника». Такихъ остроумныхъ шутокъ не мало въ сатирахъ Иммануила. «Какой вопросъ предлагаете вы врачу, когда вы его встрѣчаете?» — спросили поэта. — «Коротенькій библейскій стихъ, — отвѣчаетъ послѣдній, — а именно: «Ты убилъ и еще деньги взялъ!» Въ другомъ мѣстѣ, поэтъ спрашиваетъ: «Какое наиболѣе досадное запрещеніе въ законѣ?» — и кощунственно отвѣчаетъ: «Не прелюбодѣйствуй!» — «Что труднѣе всего выпол-

* Выраженіе «рогоносецъ», какъ эпитетъ обманутаго мужа, совершенно чуждо еврейскому языку и впервые и, кажется, исключительно встрѣчается у Иммануила. У него также очень часто попадается евангельское выраженіе «на лонѣ Авраамовомъ». Эти выраженія могли бы служить лишнимъ свидѣтельствомъ (еслибъ не было другихъ, болѣе важныхъ) о знакомствѣ Иммануила съ современной ему не-еврейской литературой.

нить?—Не желать жены своего ближняго». (Какъ тутъ не вспомнить извѣстной Пушкинской «шалости»: «Но ежели его подруга мила какъ ангелъ во плоти—о, Боже праведный, прости!..»). «Какое предписаніе болѣе всего сердитъ? «Не вари козленка въ молокѣ» (VI, passim).

Уморителенъ разсказъ поэта-сатирика о своемъ ученомъ диспутѣ съ однимъ «великимъ грамматикомъ». Узнавъ, что въ городъ пріѣхалъ знаменитый грамматикъ вмѣстѣ съ прелестною своей женою, поэтъ немедленно отправляется къ нему съ поклономъ. Ученый грамматикъ объявляетъ, что онъ желалъ бы, для разъясненія нѣкоторыхъ важныхъ спорныхъ вопросовъ по грамматикѣ, имѣть научную бесѣду съ какимъ нибудь авторитетомъ по этой отрасли знанія. Иммануилъ, чтобы имѣть случай снюхаться съ красавицей-женой глупаго ученаго, предлагаетъ себя къ его услугамъ въ качествѣ собесѣдника и диспутанта. Ученый предсталъ передъ нимъ во всеоружіи своихъ доводовъ, «а я,—признается поэтъ,—замѣтивъ его увлеченіе, нарочно давалъ ему случаи торжествовать надо мною побѣду, такъ какъ красота его жены стала у меня, какъ ножъ поперекъ горла; онъ пламенно диспутируетъ, доказываетъ, предлагаетъ и рѣшаетъ вопросы, а я не спускаю глазъ съ его жены». Поэтъ, однако, не удержался, чтобы нѣкоторыми двусмысленными библейскими толкованіями не сдѣлать ученому гусю нѣсколько колкихъ замѣчаній и намековъ. Замѣтивъ, наконецъ, истинныя намѣренія поэта, ученый съ бранью и гнѣвомъ прогналъ его. «Я думалъ,—говоритъ поэтъ,—что красавица также на меня сердится. Ничуть не бывало. Мы встрѣтились съ нею потомъ—и она меня сторицею вознаградила за пытку, вынесенную мною во время скучной бесѣды съ ея мужемъ» (Тутъ слѣдуютъ далеко не скромныя выраженія, вообще не рекомендующія ни добродѣтели поэта, ни вѣрности красивой жены...) *.

Не столь удачна была, однако, другая романическая интрига поэта. Такъ какъ онъ пользовался и славою искуснаго врача, то его какъ-то однажды пригласили къ одной паціенткѣ,

---

* Соч., кн. VII.

молодой и прелестной дѣвушкѣ, больной горячкою. Прежде всего, конечно, въ умѣ женолюбиваго поэта закопошились грѣховныя помышленія. Съ радостью бѣжитъ онъ въ домъ паціентки, сначала, конечно, внимательно всматривается въ ея лицо, красота котораго его поражаетъ, потомъ берется не безъ грѣшнаго удовольствія щупать пульсъ; но скромная и стыдливая красавица поспѣшно окутываетъ руку одѣяломъ и даетъ ему щупать руку черезъ одѣяло. Это и разсмѣшило и разсердило поэта-врача (гораздо болѣе поэта, нежели врача). Чтобы отомстить ей за спѣсивость и довести ея «скромность» до абсурда, онъ беретъ толстый кирпичъ, кладетъ его ей на кисть руки и, щипцами прикасаясь къ кирпичу, насмѣшливо изображаетъ этимъ актомъ щупаніе пульса у скромной дѣвушки. Затѣмъ онъ ей прописываетъ ироническое лекарство, принимая которое она навѣрное выздоровѣетъ. Рецептъ гласилъ: нѣсколько гранъ растолченнаго волчьяго рога, въ смѣси съ куринымъ молокомъ, луннымъ сіяньемъ, краснымъ вороньимъ крыломъ и запахомъ ѳиміама; все это смѣшать и вскипятить въ горшкѣ, а потомъ просушить, разложивъ это на кожицѣ муравья, — и каждый вечеръ прикладывать это снадобье къ животу больной..» На тотъ случай, если этотъ рецептъ трудно будетъ приготовить, врачъ-юмористъ прописываетъ другой рецептъ, конечно, еще болѣе нелѣпый, продѣлывая все это съ необычайной, хотя и притворною серьезностью. «Все сіе,—изрекаетъ онъ торжественно, заключая свой совѣтъ, — вычиталъ я въ книгахъ мудрецовъ и великихъ врачей: Авенъ-Зогара, Роази и Гиппократа» (Кн. XI).

Гораздо болѣе тонкимъ и язвительнымъ остроуміемъ отличается слѣдующая продѣлка сатирика. Его однажды пригласили, также въ качествѣ врача, къ одному человѣку, страдавшему желудочнымъ запоромъ. Человѣкъ этотъ, кромѣ того, страдалъ еще маніею—писать стихи, разумѣется, бездарные. Поэтъ-врачъ засталъ своего паціента въ отчаянномъ положеніи: запоръ достигъ весьма опасныхъ осложненій. Поэтому онъ нашелъ нужнымъ прописать ему самое сильно-дѣйствующее слабительное; совѣтовалъ ему непремѣнно провести весь день и

весь вечеръ дома, въ абсолютномъ спокойствіи, такъ какъ до слѣдующаго утра долженъ произойти рѣшительный кризисъ въ его болѣзни, — и обѣщалъ зайти на слѣдующій день утромъ провѣдать его. «На слѣдующее утро,—разсказываетъ поэтъ,— я захожу къ нему, чтобы узнать о дѣйствіи моего лекарства. Оказалось, что оно нисколько не подѣйствовало на его желудокъ. Я такъ и остолбенѣлъ отъ удивленія. Но онъ поспѣшилъ вывести меня изъ этого положенія. «Видите-ли, докторъ, я вчера вечеромъ сочинилъ такое прекрасное стихотвореніе, отъ котораго я самъ въ восхищеніи».Съ этими словами вынимаетъ онъ изъ кармана бумагу и подаетъ мнѣ. Бѣдняга думалъ, должно быть, что это—образецъ поэзіи. Я какъ только посмотрѣлъ на его стихотвореніе—такъ и ахнулъ: оно было переполнено нелѣпостей и ошибокъ. «Любезный другъ, — сказалъ я ему, — вы напрасно пеняли на мое лекарство, будто оно не произвело своего дѣйствія. Оно въ совершенствѣ выполнило свое назначеніе. Ваше стихотвореніе именно и есть результатъ слабительнаго. Нечисть вышла изъ васъ, только не тѣмъ путемъ, которымъ я предполагалъ»... (кн. XXIII).

Сдѣланный нами разборъ, надѣемся, можетъ дать болѣе или менѣе ясное представленіе о характерѣ сатиры Иммануила. Какъ мы уже ее охарактеризовали въ началѣ этой главы, это—сатира невинная, безтенденціозная, имѣющая цѣлью не столько поучать (поученіе иногда невольно изъ нея вытекаетъ), сколько потѣшать, забавлять. Вслѣдствіе этого она бываетъ часто крайне наивна. Но такой характеръ носила вся старая сатира. Такою мы видимъ ее и въ произведеніяхъ великаго итальянскаго писателя Боккачіо, начавшаго свою литературную карьеру, когда Иманнуилъ уже ее кончилъ (онъ родился въ 1313 г. и умеръ въ 1375 г.). Съ Боккачіо Иммануилъ имѣетъ еще одно поразительное сходство: это—фривольность и, нерѣдко, нескромность въ выраженіяхъ. Видно, вѣкъ былъ такой,—и мы не можемъ и не должны мѣрить своими современными понятіями о приличномъ и неприличномъ понятія вѣка, совершенно чуждаго намъ по внѣшней своей жизни и по своему духу.

V.

Дидактическія произведенія Иммануила.—Его «Адъ и Рай».

Въ двадцати-восьми книгахъ сочиненій Иммануила разсѣяно не мало стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ дидактическаго характера. Послѣдняя, 28-я книга, содержащая его «Адъ и Рай», вся носитъ такой характеръ.

Своими мелкими дидактическими произведеніми Иммануилъ заплатилъ дань той, преимущественно нравоучительной, испанско-еврейской поэзіи, на которой онъ главнымъ образомъ воспитывался. Въ нихъ отражается также его широкое философское образованіе. Конечно, между Иммануиломъ-дидактикомъ и Иммануиломъ-эротикомъ весьма мало общаго, столь же мало, сколько въ произведеніяхъ Соломона между «Пѣснью Пѣсней» и «Экклезіастомъ» (если мы повѣримъ легендѣ, приписывающей Соломону оба эти произведенія). Но это только свидѣтельствуетъ о богатствѣ натуры Иммануила, о томъ, что въ немъ жило не только чуткое, горячее сердце, но и дѣятельно размышляющій умъ. Таковъ былъ и его другъ Дантъ.

Мелкія дидактическія произведенія Иммануила (въ отличіе отъ крупнаго—«Адъ и Рай») состоятъ преимущественно изъ философскихъ или житейскихъ изреченій, въ стихахъ или въ прозѣ. Приводимъ нѣкоторые примѣры.

«Друзья меня спросили: Чему обязанъ ты своимъ рѣдкимъ умственнымъ развитіемъ? Я имъ отвѣтилъ: Тому, что я подчинилъ себѣ предметы (внѣшніе), но не подчинилъ себя предметамъ» (кн. I).—«Нѣтъ хуже человѣка, знающаго, въ чемъ истина и добро, но не дѣлающаго употребленія изъ своего знанія. Тотъ же, кто поучаетъ другихъ добру, самъ не совершая его, достоинъ презрѣнія: онъ похожъ на слѣпца, носящаго въ рукахъ фонарь, при свѣтѣ котораго ходятъ другіе, между тѣмъ какъ онъ самъ ходитъ во мракѣ» (кн. X). — «Если кто-нибудь, занимаясь наукою, заблудился и преступилъ религіозный законъ, вслѣдствіе ли слабости своего разума, или недостаточно систематическаго изученія предмета, или же поблажки страстямъ,—то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы

нужно было удерживать отъ науки людей способныхъ къ ней. Ибо вѣдь и съ врачомъ случается, что, зная вредность той или другой пищи для здоровья, онъ все-таки употребляетъ ее, будучи одолѣваемъ желаніемъ» (ibid).—«Здоровье тѣла состоитъ въ гармоніи составляющихъ его первичныхъ элементовъ, болѣзнь—въ дисгармоніи ихъ, въ возобладаніи одного надъ другимъ. Также и съ душою. Справедливость есть гармонія первичныхъ душевныхъ элементовъ, несправедливость и зло—дисгармонія ихъ» (ibid).—«Какъ прекрасно прощеніе, когда прощаетъ человѣкъ, имѣющій возможность и мстить! Какъ прекрасно воздержаніе и чистота во дни юности! Какъ прекрасна скромность, когда она соединяется съ высокими качествами.» (ibid).—«Берегись вражды низкаго человѣка и зависти пустоголоваго, ибо я видѣлъ, что часто великанъ давится мухою, попадающею ему въ горло» (кн. XI).—«Когда я всюду расточалъ сокровища своихъ знаній, люди говорили: Еслибъ этотъ человѣкъ былъ вдобавокъ еще богатъ и знатенъ, онъ бы былъ настоящимъ львомъ. Я же имъ отвѣтилъ, что когда шея бѣла и красива, нѣтъ надобности одѣвать ожерелье» (кн. XIV).—«Не тотъ мудръ, кто умѣетъ выбирать хорошее и пріятное, а тотъ, кто изъ двухъ золъ умѣетъ выбирать меньшее зло» (кн. XIX).—«Человѣкъ мудръ, пока онъ ищетъ мудрости, но глупъ, когда думаетъ, что постигъ ее всю» (ibid).—«Меня спросили: Какое поэтическое произведеніе можно считать сквернымъ? Я отвѣтилъ: То, которое умираетъ еще ранѣе своего творца» (ibid).—«Смотрите, друзья: скрипка, флейта, барабанъ—вѣдь пусты внутри, а звуки ихъ между тѣмъ такъ пріятны. Такъ и съ людьми: пустоголовые люди часто очень сладко поютъ» (кн. XX).

Перейдемъ теперь къ разбору крупнѣйшаго дидактическаго произведенія Иммануила * и крупнѣйшаго (количественно, но не качественно) изъ его произведеній вообще—къ разбору его

* Намъ кажется, что Грецъ совершенно ошибочно считаетъ сатирическій элементъ въ «Адѣ и Раѣ» наиболѣе существеннымъ (Geschichte, VII, 294). Ничего сатирическаго, въ особенности въ смыслѣ Иммануиловскомъ, нѣтъ въ этомъ произведеніи, отличающемся крайнею серьезностью и очевидно имѣющемъ нравоучительную цѣль.

поэмы «Адъ и Рай» («Ha-Tophet we-ha-Eden»). Выше, повѣствуя о жизни поэта, мы доказали, что даже а priori легко заключить, что произведеніе это навѣяно великимъ твореніемъ Данта. Теперь мы убѣдимся въ этомъ a posteriori, при изложеніи содержанія поэмы.

Поэма Иммануила написана не стихами, подобно поэмѣ Данта, а риемованною прозой. И содержаніе обѣихъ поэмъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ формѣ: твореніе Данта—произведеніе поэтическое по преимуществу; поэма же Иммануила, не смотря на свою фантастическую подкладку, отличается сравнительно прозаическимъ характеромъ.

«Адъ» Данта, какъ извѣстно, начинается съ чуднаго поэтическаго описанія, какъ поэтъ заблудился, въ сумеркахъ, въ густомъ лѣсу, гдѣ онъ провелъ ночь, и какъ къ утру очутился онъ предъ однимъ холмомъ, взойти на который ему мѣшали три страшныхъ звѣря; здѣсь встрѣчаетъ онъ Виргилія, который предлагаетъ ему прогулку по аду, и они вмѣстѣ направляются въ подземное царство. Фактъ «видѣнія» здѣсь не выраженъ прямо, а подразумѣвается. Въ поэмѣ же Иммануила разсказъ начинается проще: начало это гораздо болѣе нравоучительное, нежели поэтическое. Поэтъ разсказываетъ, что когда ему минуло 60 лѣтъ отъ роду, и «вѣстники смерти витали передъ его глазами», задумался онъ о великой тайнѣ загробнаго міра, вспомнилъ, какъ мало онъ подготовленъ духовно къ будущей жизни и захотѣлось ему страстно узнать, каковъ характеръ этой таинственной жизни. Въ глубокой скорби и слезахъ призывалъ онъ мудраго Даніила - пророка, «мужа прекраснаго» и чудодѣя, моля его открыть ему тайны будущей жизни. Въ этомъ состояніи, облако спустилось на него, дремота его охватила—и, въ торжественной обстановкѣ, узрѣлъ онъ передъ собою дивнаго старца, похожаго на ангела небеснаго, и упалъ онъ передъ нимъ на колѣни. Старецъ велѣлъ ему подняться и открылъ ему свое имя: «Я—Даніилъ, мужъ прекрасный, котораго призывалъ ты въ слезахъ... Ты желалъ узрѣть страшныя тайны будущаго: я посланъ, чтобы показать ихъ тебѣ». Пророкъ и поэтъ рѣшаются посѣтить прежде адъ, а потомъ рай.

Мѣстоположеніе ада не описано у Иммануила съ такою опредѣлительностью, какъ у Данта. Послѣдній, соединяя вмѣстѣ языческія и христіанскія преданія, помѣщаетъ адъ въ области подземной. Иммануилъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ въ еврейской богословской литературѣ нѣтъ опредѣленныхъ указаній, гдѣ именно находится адъ—на небѣ или подъ землею. Есть въ поэмѣ только два намека на подземный характеръ ада: во первыхъ, поэтъ называетъ путь къ аду «глубокою долиною»; во вторыхъ, при описаніи перехода изъ ада въ рай (въ началѣ второй части поэмы) говорится, что они вошли въ рай «по лѣстницѣ, утвержденной на землѣ и вершиною достигающей неба». Но если мѣстоположеніе ада описано весьма неопредѣленно, то самый адъ изображенъ весьма ярко и, конечно, въ самыхъ мрачныхъ и ужасающихъ краскахъ: мракъ, освѣщаемый зловѣщимъ огнемъ, громъ и молніи, вздохи и крики отчаянія, рѣки пламени и кипящей сѣры... словомъ— все, чѣмъ человѣческое воображеніе надѣлило это страшное жилище мученій и скорби.

Въ первомъ отдѣленіи ада Даніилъ показываетъ поэту всѣхъ архи-грѣшниковъ: людей Содома и Гоморры, Авессалома, Сисару и Гамана, Ахава и Іезавель, Іеровоама и множество другихъ библейскихъ грѣшниковъ, какъ еврейскихъ, такъ и языческихъ. Подобно Данту, Иммануилъ помѣщаетъ въ аду и главныхъ греческихъ и арабскихъ философовъ. Это мѣсто крайне характерно, и мы его приводимъ. «Тутъ увидѣлъ я Аристотеля, который попалъ въ адъ за то, что вѣрилъ въ первобытную вѣчность міра (т. е. что міръ не былъ *созданъ*, а всегда существовалъ). Тутъ былъ и Галенъ, глава врачей, за то, что онъ дерзнулъ непочтительно говорить о величайшемъ пророкѣ Моисеѣ. Тутъ же былъ и Абу-Нецаръ (т. е. арабскій философъ Аль-Фараби), за то, что онъ называлъ выдумкою соединеніе, послѣ смерти, человѣческаго разума (т. е. души) съ отвлеченнымъ разумомъ (міровымъ, божественнымъ) и вѣрилъ въ вѣчное переселеніе душъ изъ однихъ тѣлъ въ другія. Туда попалъ и величайшій мудрецъ Платонъ за то, что онъ училъ, будто роды и виды имѣютъ реальное существованіе и внѣ разума, и считалъ это свое ученіе пророчествомъ. Тутъ былъ

и Гиппократъ, потому что онъ скупился на свою мудрость и скрывалъ отъ другихъ свои произведенія по медицинѣ. Тутъ же былъ и Ибнъ-Сина (Авицена), утверждавшій, что возможно рожденіе человѣка и не отъ другого человѣка (а самопроизвольно), что горы образовались сами собою и что міръ вѣчно существовалъ» *.

Представители самыхъ разнообразныхъ пороковъ и преступленій проходятъ передъ глазами поэта во всѣхъ другихъ отдѣленіяхъ ада (Надо замѣтить, что въ Иммануиловомъ «Адѣ» нѣтъ ни «круговъ», ни «долинъ», ни «лонъ» Дантовскаго «Ада» и вообще нѣтъ никакого яснаго разграниченія различныхъ отдѣленій ада). Въ одномъ мѣстѣ ада видитъ онъ людей, предававшихся на землѣ исключительно физическимъ удовольствіямъ и не заботившихся объ умственномъ и нравственномъ усовершенствованіи. Въ другомъ мѣстѣ, въ адскомъ пламени жарится ханжа, который «именовался раввиномъ», старался передъ людьми казаться религіознымъ и добродѣтельнымъ, втихомолку же продѣлывалъ всякія мерзости. Въ другихъ отдѣленіяхъ передъ поэтомъ дефилируютъ всевозможные нравственные уроды: скупцы, развратники, лжецы, обманщики, и т. п.

Но, кромѣ обще-нравственныхъ пороковъ, поэтъ казнитъ въ аду и спеціальные недостатки окружавшей его еврейской среды. «Въ одномъ мѣстѣ ада,—разсказываетъ онъ,—увидѣли мы толпу слѣпцовъ, числомъ около ста двадцати человѣкъ, въ которыхъ я узналъ людей, пользовавшихся на землѣ славою и почетомъ, въ качествѣ вождей Израиля. И сказалъ мнѣ мой проводникъ: эти люди много грѣшили, ибо они имѣли глаза—

---

* Любопытно сопоставить это мѣсто съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ поэмѣ Данта, въ концѣ 4-й пѣсни «Ада». Вотъ оно: «Поднявъ свои глаза, увидѣлъ я перваго изъ мудрецовъ (Аристотеля) среди множества дѣтей, которыхъ родила ему философія... Сократъ и Платонъ занимали первыя мѣста послѣ него. Ниже увидѣлъ я Демокрита, который предоставлялъ міръ Случаю, Діогена, Анаксагора и Ѳалеса, Эмпедокла, Гераклита и Зенона. Я видѣлъ Орфея, Лина и моралиста Сенеку; затѣмъ Діоскорида, изслѣдовавшаго качества растеній, геометра Евклида, Птолемея, Гиппократа, Авицену, Галена и великаго комментатора Аверроэса» (Цитируемъ по французскому переводу Ривароля).

и не хотѣли видѣть, знали превосходство и драгоцѣнность мудрости—и не хотѣли идти при свѣтѣ ея, стремились только къ славѣ и презирали изящныя знанія. Вотъ почему они теперь лишены зрѣнія, бродятъ въ потемкахъ и спотыкаются». Еще безпощаднѣе казнитъ поэтъ раввиновъ-мракобѣсцевъ своего времени въ слѣдующемъ объясненіи, влагаемомъ имъ въ уста своего проводника при видѣ толпы людей, отчаянно вопіявшихъ отъ невыносимыхъ адскихъ мукъ: «Эти люди... обращали вниманіе въ св. Писаніи только на легендарныя (талмудическія) толкованія, пренебрегая знаніемъ языка и простымъ смысломъ; все разумное было имъ противно; весь свой умъ они употребляли на хитрости и крючковатости, отъ знанія же отворачивались; когда они слушали что нибудь мудрое, они имъ пренебрегали, а когда сами достигали какого нибудь знанія, то не сообщали его другимъ. Знаніе считали они нелѣпостью, а занятіе наукою — глупымъ. О наукѣ логики они говорили, что это—пустословіе; о занимавшихся философіею, которая слаще меда, и о людяхъ съ чисто-разумными воззрѣніями — что они переливаютъ изъ пустого въ порожнее. Они думали, что удаляясь отъ знанія, они дѣлаютъ богоугодное дѣло и что вступать во храмъ науки значитъ разрушать ограду («разрушать ограду» на талмудическомъ языкѣ означаетъ преступать религіозные законы). Они не хотѣли знать, что знаніе есть лѣстница, стоящая на землѣ, но вершиною упирающаяся въ небо, и что чѣмъ выше человѣкъ поднимается по этой лѣстницѣ, тѣмъ больше приближается онъ къ Богу». Эти слова были сказаны больше пяти вѣковъ тому назадъ, но, право, не безъ пользы могли бы ихъ прочесть и современные еврейскіе раввины... Вообще поэтъ не церемонится съ талмудистами и раввинами: онъ ихъ жестоко жаритъ въ аду за презрѣніе къ знанію, за ханжество и лицемѣріе, за стремленіе къ славѣ и почету, за корыстную торговлю своими религіозными познаніями и тому подобные умственные и нравственные недостатки.

Долго еще шествуетъ поэтъ вмѣстѣ со своимъ проводникомъ по ужасному жилищу скорби. Поэтъ наконецъ потрясенъ зрѣлищами адскихъ мукъ. Онъ начинаетъ тревожиться. Онъ вспоминаетъ, что и онъ немало нагрѣшилъ на своемъ вѣку,

и что, можетъ быть, и ему нѣкогда придется такими муками искупить свои грѣхи. Онъ сообщаетъ свои опасенія своему проводнику. Но послѣдній его успокаиваетъ. «Ты, — говоритъ онъ ему,—пользуешься хорошею репутаціею на небѣ. Много хорошаго сдѣлалъ ты въ своей земной жизни... Ты составилъ превосходныя толкованія на всѣ книги пророковъ... Пренебрегая удовольствіями, ты посвящалъ свое время наукѣ. Ты не скупился своимъ знаніемъ и всячески дѣлился имъ съ другими. Ты не былъ завистливъ, не гонялся за славой... Если бы ты зналъ, въ какое восхищеніе пришелъ Исаія-пророкъ, когда онъ прочелъ твой комментарій къ его книгѣ! Онъ говорилъ, что ты какъ нельзя лучше отгадалъ и объяснилъ его мысли. Онъ-то и заступится за тебя. И царь Соломонъ, услышавъ отъ архангела Михаила, что ты объяснялъ его книги, очень обрадовался и обѣщалъ быть за тебя заступникомъ. Пойдемъ теперь, другъ мой, въ рай: тебѣ тамъ всѣ будутъ рады»... «Да, прошу тебя,— отвѣчаетъ поэтъ,—уведи меня изъ этой долины труповъ, гдѣ я чуть не заболѣлъ». И поэтъ, держась за край платья своего проводника, пускается въ дальнѣйшій путь.

По безконечно высокой лѣстницѣ, упирающейся снизу въ землю, а сверху — въ небо, всходятъ они въ область Эдема. Слѣдуетъ обычное описаніе рая: свѣтъ, радость и спокойствіе, воздухъ, исполненный благовонія, жилища праведниковъ, поражающія роскошью и блескомъ и т. п. Прежде всего поэтъ увидѣлъ всѣхъ библейскихъ праведниковъ (среди которыхъ онъ не стѣсняется дать мѣсто и язычнику Киру, персидскому царю, разрушеніемъ Вавилона ускорившему освобожденіе евреевъ изъ плѣна, и язычницѣ—дочери Фараоновой, спасшей Моисея); затѣмъ предъ нимъ предстали всѣ побиблейскія и средневѣковыя историческія лица. Исчисленіе ихъ именъ и добродѣтелей занимаетъ нѣсколько страницъ: въ этомъ спискѣ мы встрѣчаемъ и имена философа Маймонида, поэтовъ Галеви и Альхариза и многихъ другихъ талмудистовъ, мыслителей и поэтовъ. Замѣчательно въ особенности одно мѣсто въ описаніи обитателей рая, показывающее, что еврей Иммануилъ превзошелъ въ вѣротерпимости и гуманности христіанина Данта. Дантъ, согласно ученію отцовъ церкви, не допускаетъ въ рай

ни одного не-христіанина; даже его проводникъ Виргилій долженъ былъ у воротъ рая разстаться съ нимъ, какъ навѣки осужденный, недостойный узрѣть жилище блаженства. Иммануилъ же гостепріимно раскрываетъ врата рая передъ всѣми не-евреями, отличавшимися какими нибудь особенными добродѣтелями и вѣрившими въ единаго Бога, или даже просто въ единую причину вселенной. Приводимъ это замѣчательное мѣсто изъ «Рая» Иммануила.

«Когда мы такимъ образомъ расхаживали по стезямъ рая, созерцая блаженство великихъ мудрецовъ, увидѣлъ я множество людей, окруженныхъ блескомъ, затмѣвающимъ солнце, но никакъ не могъ распознать, кто они. Я спросилъ о нихъ у своего проводника. «Это,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—добродѣтельные люди изъ иновѣрныхъ народовъ, которые отличались мудростью и достигли высокихъ ступеней на лѣстницѣ знанія.... которые разумомъ своимъ изслѣдовали, кто Творецъ міра, сотворившій и ихъ, какъ создалъ Онъ изъ ничего все, и для какой цѣли послалъ Онъ ихъ въ этотъ міръ. Когда они объ этомъ вопрошали предковъ своихъ (язычниковъ) и узнали, что тѣ заблуждаются, то презрѣли их вѣрованія и стали искать истины въ другихъ религіяхъ. Изслѣдовавъ всѣ религіи и нашедши, что каждая считаетъ только себя истинною, а всѣ другія ложными, они не сказали: «будемъ и мы держаться вѣры нашихъ предковъ», но изъ всѣхъ религій выбрали идеи безусловно справедливыя и неоспариваемыя людьми знанія — и къ этимъ идеямъ примкнули... По отношенію къ вопросу о Богѣ, они порѣшили: «Разные народы разно называютъ Бога; мы же говоримъ: каково бы ни было Его имя, мы вѣримъ въ первую, истинную и творческую Причину, бывшую, сущую и будущую, которая въ предрѣшенный Ея мудростью моментъ создала міръ, которая вслѣдствіе своего величія намъ недоступна, которая отличается безконечнымъ разумомъ, милосердіемъ къ своимъ созданіямъ, которыхъ Она въ концѣ концовъ призоветъ къ Себѣ».

Яркими красками (и, можетъ быть, несовсѣмъ скромно) описываетъ поэтъ почести, которыхъ онъ удостоился въ святой святыхъ рая, гдѣ находятся величайшіе праведники: Моисей,

Давидъ, Соломонъ и пророки. Когда онъ со своимъ проводникомъ приближался къ этому мѣсту, послышались оттуда веселые голоса: «А, Имманyилъ идетъ! Вотъ будетъ весело!» На встрѣчу ему вышли великій Псалмопѣвецъ со всѣмъ своимъ хоромъ и, обнявъ его, сказалъ: «Ты лучше всѣхъ толкователей объяснилъ мои псалмы»... Для подтвержденія своихъ словъ, Давидъ велѣлъ позвать всѣхъ другихъ комментаторовъ, во главѣ которыхъ явился Давидъ Кимхи (знаменитый грамматикъ-комментаторъ XIII в.), и задалъ имъ для объясненія одинъ псалмъ. Ничьи объясненія, однако, не удовлетворили Давида, который указалъ на объясненіе Имманyила, какъ на самое вѣрное. Такихъ торжественныхъ встрѣчъ и почестей удостоили поэта Iезекіиль-пророкъ, Iеремія, Исаія и Соломонъ. Наконецъ его ввели въ шатеръ, гдѣ находился величайшій изъ пророковъ, Моисей. Поэтъ не могъ смотрѣть на свѣтъ, изливавшійся изъ чела пророка-законодателя, и послѣдній поэтому одѣлъ маску. И отъ Моисея удостоился онъ величайшихъ похвалъ, въ особенность за его комментарій къ книгѣ Iова (которая по предположенію талмудистовъ принадлежитъ Моисею).

Далѣе описываются райскія жилища святыхъ еврейскихъ мучениковъ, павшихъ за вѣру. Ихъ самихъ, однако, поэту не удалось увидѣть, такъ какъ они въ это время, въ сопровожденіи архангела Михаила, отправились къ Престолу Господню, предъ которымъ пламенно молились о милосердіи къ «несчастнымъ остаткамъ Израиля, разсѣяннымъ повсюду и ждущимъ избавленія отъ своихъ страданій».

Когда поэтъ уже вдоволь насладился зрѣлищемъ райскаго блаженства, его проводникъ Даніилъ сказалъ ему: «Ну, вотъ теперь удостоился ты видѣть такія вещи, какихъ не зрѣлъ еще никто изъ живущихъ на землѣ. Ты видѣлъ глубочайшія тайны прошедшаго и будущаго. Ты видѣлъ блаженство святыхъ и праведниковъ въ раю и муки грѣшниковъ въ аду... Все это показано тебѣ для того, чтобы дѣти міра узнали, что̀ ихъ ждетъ въ будущемъ. А потому запиши все видѣнное тобою на память, дабы объ этомъ знали будущія поколѣнія. Пока же ты живешь, неустанно тверди своимъ современникамъ о томъ, что видѣли глаза твои и что слышали уши твои». Съ этими сло-

вами Даніилъ исчезъ—и поэтъ проснулся отъ своихъ грезъ, понявъ, что все это было лишь чудное видѣніе, ниспосланное ему свыше, чтобы разрѣшить ему вопросы, которые его мучили.

Таково содержаніе поэмы Иммануила, тождественной по своему замыслу съ великою поэмою Данта, которой она есть очевидное подражаніе, хотя по своей формѣ и содержанію значительно уклоняется отъ своего оригинала. Уклоненія эти и несходства въ обѣихъ поэмахъ вызваны различіемъ цѣлей, которыя поставили себѣ ихъ авторы. Дантъ задался цѣлью представить въ своей «Божественной Комедіи» грандіозную картину политической, религіозной и общественной жизни своего времени (такъ какъ во всѣхъ этихъ сферахъ жизни принималъ онъ самое дѣятельное участіе), оцѣнить величайшія историческія событія прошлаго—и изъ всего этого вывести болѣе или менѣе опредѣленное міровоззрѣніе. Цѣль Иммануила не была такъ широка: задача его поэмы была не столько философски-тенденціозная, сколько житейско-нравоучительная и описательная; поэтъ, повидимому, не имѣлъ цѣлью развить въ ней извѣстную систему идей и воззрѣній, а хотѣлъ лишь дать описаніе загробнаго міра въ связи съ нѣкоторыми нравоученіями, вытекающими изъ самихъ описываемыхъ явленій. Такой планъ представляется, конечно, скромнымъ и незначительнымъ въ сравненіи съ грандіознымъ планомъ Данта. Соотвѣтственно различію цѣлей, замѣчается различіе и въ выполненіи: безсмертное произведеніе Данта, помимо своего чрезвычайно богатаго содержанія, блещетъ поэтическими красотами, геніемъ и всѣми чарами истиннаго творчества; поэма же Иммануила отличается болѣе прозаическимъ колоритомъ (она и написана прозою), и геній ея автора гораздо меньше проявился въ ней, нежели въ лирическихъ его произведеніяхъ. Вообще, *по значенію* нельзя даже сравнивать поэму Иммануила съ поэмою Данта (замѣтимъ, кромѣ того, что и по объему поэма Иммануила не составляетъ и десятой части Дантовой поэмы). Для Данта «Божественная Комедія» была трудомъ цѣлой жизни; всѣ другія его произведенія (Vita Nuova, De Monarchia etc) имѣютъ второстепенное значеніе въ сравненіи съ его великою

поэмою, которая его обезсмертила и на которой зиждется вся его слава. Поэма же Иммануила, наоборотъ, есть одно изъ второстепенныхъ его произведеній; она написана имъ мимоходомъ и, очевидно, подъ вліяніемъ Дантовой поэмы. Первостепенныя произведенія Иммануила составляютъ его лирика и отчасти сатира. На нихъ зиждется вся его слава, въ нихъ коренится все его значеніе. Въ лирикѣ онъ былъ *соперникомъ* Данта и предшественникомъ Петрарки; въ сатирѣ онъ былъ предшественникомъ Боккачіо. Нѣтъ сомнѣнія, что исторія признала-бы за нимъ это важное мѣсто во всемірной литературѣ, если бы онъ не писалъ на мало-доступномъ и мертвомъ языкѣ.

Для еврейства же, во всякомъ случаѣ, Иммануилъ былъ крупнымъ, необычайнымъ явленіемъ. Какъ лирическій поэтъ, онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ во всей еврейской литературѣ, за исключеніемъ, конечно, библейской. Онъ былъ послѣднимъ великимъ поэтомъ среднихъ вѣковъ (т. е. *еврейскихъ* среднихъ вѣковъ, продолжавшихся до половины XVIII вѣка, до Мендельсона). Послѣ него густой мракъ сталъ распространяться надъ еврействомъ. Если его современники не оцѣнили его, то слѣдующія поколѣнія, въ лицѣ своихъ величайшихъ авторитетовъ, предали его сочиненія анаѳемѣ и запретили ихъ читать. Только новѣйшее, болѣе просвѣщенное время пролило свѣтъ на эту замѣчательную личность, которая теперь предстаетъ передъ нами во всемъ своемъ неувядаемомъ величіи.

С. Д.

ЧЕТЫРЕ ГОДА МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЮ.

(Страница изъ исторіи XVIII столѣтія).

(*Окончаніе*) *.

IV.

Ходатайства въ пользу евреевъ, кромѣ вышеозначенныхъ, исходили и изъ другихъ источниковъ. 8-го іюня 1746 года пражскимъ магистратомъ съ бургомистромъ во главѣ подана была губернатору петиція, въ которой указывалось на дурныя послѣдствія для города Праги изгнанія евреевъ и высказывалось убѣжденіе, что подобное изгнаніе не можетъ быть приведено въ исполненіе безъ чувствительнаго вреда для интересовъ государства вообще.

Такъ какъ императрица, вопреки общественному мнѣнію, оставалась непреклонной въ своемъ рѣшеніи, то исполнительнымъ агентамъ ничего не оставалось больше дѣлать, какъ нѣсколько смягчить его суровость. Такимъ образомъ, командующій войсками позволилъ нѣкоторымъ евреямъ пріѣзжать въ Прагу и—о, ужасъ!—оставаться тамъ на ночь. Но едва слухъ объ этомъ послабленіи дошелъ до свѣдѣнія императрицы, какъ она немедленно отправила генералъ-фельдцейхмейстеру, графу Виллису, приказаніе распорядиться подъ строгой отвѣтственностью, чтобы по истеченіи іюня мѣсяца ни одинъ еврей ad litteram не находился не только въ самой Прагѣ, но и въ двухчасовомъ отъ нея разстояніи.

---

* См. Восходъ кн. 4.

Это приказаніе, которое должно было исполниться «ad litram», было для пражскихъ изгнанниковъ новымъ ошеломляющимъ ударомъ. До сихъ поръ, находясь вблизи Праги, изгнанники могли ежедневно туда навѣдываться для постепенной ликвидаціи своихъ дѣлъ, но теперь это сдѣлалось для нихъ невозможнымъ. Не надо при этомъ также упускать изъ виду, что имъ принадлежали въ Прагѣ разныя недвижимости на сумму свыше 4 милліоновъ флориновъ, и если нельзя было теперь жить въ ихъ домахъ, сильно пострадавшихъ отъ многократныхъ разгромовъ, то, во всякомъ случаѣ, естественно было съ ихъ стороны заботиться о томъ, чтобы эти дома не пришли въ окончательную негодность. Евреи снова обратились къ намѣстнику съ отчаяннымъ прошеніемъ о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ «всемилостивѣйшей» императрицей объ отмѣнѣ упомянутаго приказанія, отъ котораго, кромѣ ихъ самихъ, пострадали бы также многіе пражскіе христіане, имѣвшіе съ ними денежные счеты. Но стонъ ихъ и на этотъ разъ остался вопіющимъ въ пустынѣ.

Какъ сказано было выше, въ Прагѣ находились на излеченіи многіе больные евреи. Согласно же послѣднему повелѣнію о немедленномъ, безъ малѣйшихъ послабленій, исполненіи указа объ изгнаніи евреевъ изъ богемской столицы и двухчасового отъ нея разстоянія, изъ города должны были также выселиться больные и умирающіе! Не трудно себѣ представить горе и отчаяніе ихъ родственниковъ и друзей. Вслѣдствіе сдѣланнаго по этому поводу императрицѣ представленія, она, не освобождая больныхъ отъ немедленнаго ихъ выселенія изъ города, разрѣшила имъ остаться на мѣсяцъ въ загородной еврейской больницѣ. Вскорѣ затѣмъ со стороны евреевъ поступило въ канцелярію намѣстника ходатайство объ отсрочкѣ этого термина, по крайней мѣрѣ, до конца августа. Къ этому ходатайству приложено было свидѣтельство врача и присяжнаго хирурга, изъ котораго видно было, что десять изъ перемѣщенныхъ въ упомянутую больницу больныхъ, вслѣдствіе сотрясенія, умерли, остальные же частью находятся въ безнадежномъ состояніи, частью нуждаются въ продолжительномъ леченіи, причемъ

выздоравливающіе не могутъ тотчасъ отправиться въ путь, не рискуя снова заболѣть.

На эту просьбу воспослѣдовала высочайшая резолюція: «Выпроваживать по мѣрѣ возможности и каждый мѣсяцъ докладывать мнѣ о числѣ оставшихся».

11-го августа 1746 года богемское намѣстничество снова нашло нужнымъ, въ интересахъ государства, вступиться за евреевъ. Указывая прежде всего на успѣшное приведеніе въ исполненіе указа объ удаленіи изъ Праги еврейскихъ больныхъ, состоявшемся еще до наступленія назначеннаго срока, оно считаетъ себя нравственно обязаннымъ еще разъ напомнить императрицѣ, что изгнаніе евреевъ неминуемо поведетъ къ пониженію уровня общественнаго благосостоянія, независимо отъ того вреда, который оно принесетъ отдѣльнымъ лицамъ. При этомъ оно вскользь, не придавая тому особеннаго значенія, замѣчаетъ, что въ 999 г. пражскіе евреи оказали христіанамъ помощь противъ язычниковъ, что даже рѣшеніемъ ландтага, состоявшимся въ 1501 г., богемскіе евреи на вѣчныя времена гарантировались отъ изгнанія и всякаго рода преслѣдованій, каковое рѣшеніе послѣдовательно санкціонировалось богемскими королями и австрійскими императорами, изъ которыхъ Фердинандъ III въ свою очередь даровалъ евреямъ новыя привиллегіи, въ благодарность за выказанную ими храбрость въ оборонѣ страны противъ шведскаго вторженія.

Это новое ходатайство, — замѣчаетъ г. Вольфъ, — представляетъ ту особенность, что въ немъ въ первый разъ, хотя и не въ такой рельефной формѣ, дѣлается ссылка на право. Какъ извѣстно, вопросъ объ эмансипаціи евреевъ еще очень недавно и даже ея сторонниками всегда разсматривался, какъ дѣло милости и съ точки зрѣнія христіанской любви. Только въ новѣйшее время на эмансипацію евреевъ стали смотрѣть, какъ на вопросъ права, признавши, что евреи могутъ ее требовать, а не вымаливать и выпрашивать, какъ милостыню. Но въ ту эпоху, когда евреи всѣми считались безправными, внѣ закона стоящими людьми, указать на то, что они обладаютъ законными привиллегіями, которыя какъ таковыя должны уважаться, было со стороны намѣстничества довольно смѣло. Намѣст-

ничество же имѣло тѣмъ болѣе основанія разсчитывать на успѣхъ этого аргумента, что императрица вообще отличалась строгой законностью, что она знала по собственному опыту, какое болѣзненное чувство вызываетъ въ человѣкѣ всякое посягательство на его законныя права, что, наконецъ, пресловутый принципъ: «сила выше права»—надѣлалъ ей самой немало вреда, расшатавши въ конецъ могущество австрійской имперіи.

Но логика, какъ видно, не всегда является обязательной. Ходатайство намѣстничества, какъ оно ни было основательно, какъ ни подкрѣплялось цифрами, установившими убытокъ, уже принесенный выселеніемъ евреевъ изъ Праги и ожидавшійся еще впереди для только что расцвѣтшей мѣстной промышленности, и на этотъ разъ осталось безъ послѣдствій.

Говоря о разныхъ ходатайствахъ въ пользу евреевъ, не надо также умолчать о представителяхъ иностранныхъ державъ, которые на первыхъ порахъ старались побудить Марію-Терезу отмѣнить законъ объ изгнаніи, но скоро убѣдились въ безплодности своихъ попытокъ, такъ какъ императрица объявила, что она считаетъ это изгнаніе вопросомъ чисто-внутреннимъ, въ который никакое чужое вмѣшательство не можетъ допустить.

Венеціанскій посланникъ, въ депешѣ отъ 2-го января 1745 года, докладываетъ своему правительству о рѣшенномъ изгнаніи евреевъ изъ Моравіи * и Богеміи вообще и Праги, въ частности, и приводитъ относящійся до этого декретъ. Указывая при этомъ на вредныя послѣдствія, которыя повлечетъ за собою это изгнаніе, онъ говоритъ, что императрица до сихъ поръ остается неумолимой.

Того же числа упомянутый посланникъ вторично докладываетъ, что посланники Англіи и Голландіи ходатайствовали предъ Маріей-Терезой объ отмѣнѣ обнародованнаго ею эдикта объ изгнаніи евреевъ, въ виду того, что всякій ударъ, нанесенный еврейской торговлѣ, отзовется на торговлѣ вообще, въ томъ числѣ и на торговлѣ Англіи и Голландіи. Къ

* Сначала проектировалось также изгнаніе и моравскихъ евреевъ, но они какъ-то избѣгли этой участи, отдѣлавшись только страхомъ и увеличеніемъ для нихъ числа «заповѣдныхъ мѣстъ»—Ольмюцемъ и Брюномъ.

этому ходатайству присоединился также и датскій посланникъ.

Изъ доклада же австрійскаго посланника въ Голландіи видно, что правительство этой страны обнаруживало опасеніе, чтобы живущихъ въ Австріи протестантовъ не постигла такая же участь, какъ евреевъ. Такое опасеніе было тѣмъ болѣе основательно, что австрійскіе протестанты тогда дѣйствительно подвергались большимъ притѣсненіямъ, и что разъ въ государствѣ право отодвинуто на задній планъ, а первенствующее значеніе имѣетъ религіозный фанатизмъ, можно ожидать всего. Не видимъ-ли мы даже теперь, какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ принципъ религіозной свободы еще не завоевалъ себѣ права гражданства, люди урѣзываются въ правахъ единственно на основаніи ихъ религіозныхъ убѣжденій?

Но всѣ эти дипломатическія попытки къ воздѣйствію и заступничеству, какъ уже замѣчено было выше, не были въ состояніи поколебать рѣшеніе императрицы. «Можетъ быть,—замѣчаетъ поэтому г. Вольфъ, — временами она и сама сознавала свою несправедливость, но она слишкомъ ревниво охраняла свои верховныя права, слишкомъ подозрительно относилась къ малѣйшему, даже кажущемуся посягательству на нихъ, чтобы поддаваться въ этомъ вопросѣ давленію какой бы то ни было иностранной державы. Можетъ также статься, что тутъ имѣлъ значеніе психологическій мотивъ: тѣснимая и преслѣдуемая извнѣ, она чувствовала потребность самой производить обратное преслѣдованіе внутри своего государства, и нѣтъ ничего удивительнаго, что выборъ палъ на беззащитныхъ евреевъ».

Такъ или иначе, видя, что ихъ добрые совѣты пропускаются мимо ушей и нисколько не желая прибѣгать для защиты правъ евреевъ къ болѣе энергическимъ средствамъ воздѣйствія, упомянутые дипломаты отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ это дѣло скоро должны были отказаться.

V.

Второй годъ изгнанія, 1746 г., подходилъ къ концу, а въ судьбѣ пражскихъ евреевъ все не происходило никакого

измѣненія къ лучшему. Положеніе ихъ, какъ слѣдовало ожидать, скорѣе ухудшилось. Они могли сказать вмѣстѣ съ пророкомъ: «Лѣто минуло, сборъ винограда прошелъ — мы же не спасены». Всѣ ходатайства и представленія въ ихъ пользу оставались безплодными. Императрица не меньше оставалась глуха къ доводамъ права, чѣмъ къ голосу чувства и человѣколюбія, даже цифры и числа потеряли для нея свою убѣдительную силу. Это было тѣмъ прискорбнѣе, что вообще она далеко не была такая черствая и мстительная натура. Тысячи актовъ ея правленія скорѣе, наоборотъ, свидѣтельствуютъ о противномъ, только страданія опальныхъ евреевъ почему-то не находили отклика въ ея сердцѣ.

Въ какой степени она все еще была враждебно настроена къ евреямъ, показываетъ, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ 1747 г., по заведенному способу, какъ ни въ чемъ не бывало, составлена была смѣта податей, ожидавшихся къ поступленію въ этомъ году со стороны богемскихъ и моравскихъ евреевъ, и только въ одномъ отношеніи приняты были во вниманіе измѣнившіяся за послѣднее время къ худшему обстоятельства плательщиковъ. При Маріи-Терезіи упомянутые евреи, вкупѣ съ ихъ силезскими единовѣрцами, въ числѣ другихъ, спеціально для нихъ придуманныхъ налоговъ, должны были ежегодно вносить 40,000 флориновъ за право покупки райскихъ яблоковъ и пальмовыхъ вѣтокъ *, причемъ эта сумма распредѣлялась между богемскими, моравскими и силезскими евреями въ пропорціи $^7/_{12}$, $^4/_{12}$ и $^1/_{12}$. Въ сказанномъ же году этотъ налогъ предположено было уменьшить на 40%. А въ отвѣтъ на представленіе намѣстничества, что при настоящихъ условіяхъ евреи едва-ли въ состояніи будутъ уплатить этотъ налогъ даже въ уменьшенномъ размѣрѣ, послѣдовалъ разъяснительный рескриптъ государыни. Ссылаясь на то, что отъ послѣднихъ мѣропріятій пострадали только одни богемскіе евреи, а не моравскіе и силезскіе, императрица находитъ, что участіе послѣднихъ въ упомянутомъ налогѣ и теперь должно быть на старомъ основаніи. Что же касается первыхъ,

* Ритуальные аттрибуты въ праздникъ Кущей.

то доля ихъ, насколько найдено будетъ нужнымъ, можетъ быть понижена. «Впрочемъ,—заканчиваетъ императрица,—я повремению еще много—много мѣсяцъ, чтобы окончательно раздѣлаться съ ними и прогнать ихъ всѣхъ до единаго»... Изъ этого столь мало успокоительнаго заключенія видно, какъ непонятная ея ненависть къ евреямъ въ ту пору далеко еще въ ней не остыла.

Окончательно убѣдившись въ безплодности всякаго рода ходатайствъ и воздѣйствій, пражскіе евреи прибѣгли къ другому способу для поправленія своего ужаснаго положенія. Согласно декрету объ изгнаніи отъ 22-го декабря 1744 г., имъ не возбранялось посѣщать Прагу и оставаться тамъ въ теченіе дня. До сихъ поръ они пользовались этимъ правомъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, теперь же рѣшили сдѣлать изъ него настоящее, соотвѣтственное ихъ видамъ употребленіе. Такимъ образомъ, съ наступленіемъ 1747 года изгнанники, какъ это видно изъ оффиціальныхъ донесеній, снова стали искать сближенія и точекъ соприкосновенія съ богемской столицей и ея населеніемъ. Многіе даже какъ-то ухитрились, помимо всякаго разрѣшенія, снова водвориться тамъ на постоянное жительство. Интересенъ при этомъ казусъ, происшедшій съ нѣкимъ Маркомъ Лёво, бывшимъ ремонтеромъ австрійской арміи. Въ видѣ особой милости, ему съ семействомъ, не въ примѣръ прочимъ, дозволено было оставаться въ Прагѣ до конца октября 1746 г. Но вотъ прошелъ октябрь, наступилъ уже 1747 г., а ремонтеръ и не думаетъ трогаться съ мѣста, и, вѣроятно, такъ бы и остался въ Прагѣ, если бы услужливыми людьми не сдѣланъ былъ доносъ, положившій конецъ его благополучію.

Евреи не ошиблись въ разсчетѣ: избранный ими путь скоро привелъ къ нѣкоторымъ утѣшительнымъ результатамъ. Вновь завязывая сношенія съ пражскими купцами, они напирали, главнымъ образомъ, на то, чтобы сдѣлаться для нихъ полезными и даже необходимыми людьми. Вслѣдствіе этого скоро явилась петиція, поданная этими купцами командующему генералу, князю Лобковичу, о томъ, чтобы евреямъ разрѣшено было имѣть въ Прагѣ магазины и склады, причемъ

кстати высказано было сожалѣніе по поводу ихъ изгнанія. Намѣстничество, на усмотрѣніе котораго эта петиція была представлена, отнеслось къ ней, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ сочувственно. По его мнѣнію, дозволеніе евреямъ имѣть въ Прагѣ свои магазины, во первыхъ, повлекло бы за собою увеличеніе таможенныхъ доходовъ; во вторыхъ, гарантировало бы евреямъ цѣлость ихъ имущества, до сихъ поръ часто становившагося жертвой грабежа, и этимъ самымъ до нѣкоторой степени улучшилось бы бѣдственное положеніе.

Само собою разумѣется, что въ числѣ упомянутыхъ петиціонеровъ находились тѣ именно изъ пражскихъ купцовъ, которымъ нечего было бояться еврейской конкурренціи. Тѣ же, которые были заинтересованы въ устраненіи этой конкурренціи, напротивъ, превозносили до небесъ Марію-Терезію, видя въ изгнаніи евреевъ высшую государственную мудрость и положительно утверждая, что вторичное принятіе ихъ подвергнуло бы опасности чуть-ли не самое существованіе христіанства и т. д.—совершенно, значитъ, въ духѣ ихъ достопочтенныхъ товарищей по профессіи настоящаго времени... Что же касается императрицы, то резолюція ея и на этотъ разъ вполнѣ совпадала съ видами лицемѣрныхъ ревнителей христіанства. Но такъ какъ петиціи и заявленія въ пользу евреевъ не переставали поступать и послѣ этого, то она, наконецъ, вынуждена была въ мартѣ 1748 г. учредить для рѣшенія еврейскаго вопроса особую коммисію.

Независимо отъ этого, еще въ ноябрѣ 1747 года на обсужденіе богемскаго намѣстника предложенъ были 41 вопросъ, имѣвшіе своимъ предметомъ страшную неурядицу и злоупотребленія, вызванныя въ королевствѣ продолжительными военными пертурбаціями и междуцарствіемъ. Въ числѣ этихъ вопросовъ были два, именно 39-й и 40-й, спеціально относившіеся къ евреямъ:

39-й. «Часто приходится слышать о вздорожаніи продуктовъ, вслѣдствіе выселенія изъ Праги евреевъ: дѣйствительно-ли произошло такое вздорожаніе? какимъ образомъ достигнуть того, чтобы христіанскіе купцы не очень-то обижали публику?»

40-й. «Не нужно-ли для блага королевства болѣе состоятельнымъ евреямъ предоставить въ немъ право жительства? Если да, въ какомъ количествѣ и какъ распредѣлить ихъ между различными мѣстами, исключая Праги? Въ какомъ размѣрѣ обложить каждую семью изъ нихъ? Какими мѣрами выпроводить изъ страны всѣхъ остальныхъ?»

Мартовская же коммисія не сочла нужнымъ ограничивать свою задачу этими предлогами и высказалась за совершенную отмѣну эдикта 1744 г. и за полное возвращеніе изгнанниковъ въ Прагу.

Отмѣнѣ этого эдикта также содѣйствовали и представители богемскихъ сословій. Такъ какъ, въ первые годы по вступленіи на престолъ Маріи-Терезіи, имперія подвергалась многократнымъ нападеніямъ непріятелей, не хотѣвшихъ признать прагматическую санкцію Карла VII, то императрица рѣшила обезпечить себя на будущее время отъ повторенія подобныхъ случайностей увеличеніемъ своихъ военныхъ силъ. Первое, что понадобилось для осуществленія этого плана, разумѣется, были деньги, и вотъ императрица обращается къ богемскимъ сословіямъ за средствами на содержаніе въ теченіе десяти лѣтъ 108-тысячной регулярной арміи. Между тѣмъ, матеріальное положеніе богемцевъ къ тому времени представляло мало отраднаго, а такъ какъ система займовъ тогда еще не была въ модѣ, то въ поискахъ за источниками для покрытія требовавшагося съ нихъ новаго расхода они скоро должны были, между прочимъ, остановить свое «благосклонное» вниманіе на «золотомъ тельцѣ», такъ часто, подъ умѣлыми «безсеребряными» руками, исправлявшемъ обязанность «дойной коровы»... Тутъ-то богемцы смекнули, что изгнаніе евреевъ изъ Праги, какъ и предстоявшее изгнаніе изъ Богеміи вообще, отнюдь не согласуется съ ихъ собственными интересами, и поэтому они отвѣтили на упомянутое обращеніе къ нимъ императрицы, что они готовы вносить ежегодно, въ теченіе указаннаго срока, на военныя потребности 4.200,000 флориновъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ отмѣны распоряженія объ изгнаніи евреевъ изъ Богеміи и разрѣшенія состоятельнѣйшимъ еврейскимъ фамиліямъ, въ числѣ 500, вернуться въ Прагу.

Императрицѣ это условіе сначала далеко не было по сердцу, и только настоянія богемскаго намѣстника графа Гаугвица убѣдили ее, наконецъ въ необходимости его удовлетворенія. Но, уступая противъ воли напору вещей, она сочла нужнымъ, въ свое утѣшеніе, обставить эту уступку оговоркой, что по истеченіи 10-лѣтняго срока, когда, значитъ, въ евреяхъ надобности больше не будетъ, она положительно намѣрена привести декретъ отъ 22-го декабря 1744 г. въ исполненіе. Независимо отъ этого, она предписывала, чтобы евреи Богеміи, Моравіи и Силезіи, сверхъ налоговъ разныхъ наименованій, которымъ они подлежали до сихъ поръ, — впередъ еще платили ежегодно 300,000 фл. прибавочныхъ!

Какъ ни жестоко это рѣшеніе еврейскаго вопроса вообще, но самое худшее въ немъ, при тогдашнихъ условіяхъ, представляла для евреевъ именно денежная его сторона. Если императрица и сдѣлала категорическое заявленіе, что чрезъ 10 лѣтъ не миновать имъ изгнанія, то вѣдь это было еще, какъ говорится—«улита ѣдетъ, когда-то будетъ» и они могли надѣяться, что за это время все можетъ измѣниться, какъ впослѣдствіи дѣйствительно и случилось. Но сколько усилій требовалось съ ихъ стороны, чтобы, послѣ всѣхъ обрушившихся на нихъ бѣдствій, справиться со всѣми этими налогами?..

Какъ бы то ни было, слово искупленія, хотя неполное и вынужденное, было произнесено, и евреямъ ничего не оставалось, какъ скрѣпя сердце и безъ возраженій принять его.

До перехода же этого слова въ дѣло, надо было поладить съ нѣкоторыми второстепенными обстоятельствами. Прежде всего надо было рѣшить, какъ распредѣлить новый налогъ между плательщиками трехъ провинцій. Силезскіе евреи, численно совсѣмъ ничтожные, конечно, могли участвовать въ этомъ налогѣ только самой незначительной долей. Что же касается евреевъ Богеміи и Моравіи, то на ихъ счетъ имѣлись троякаго рода прецеденты.

Въ 1734 г. за право торговли платками и шерстяной матеріей и предоставленіе бо́льшей свободы въ заключеніи браковъ взято было оптомъ съ австрійскихъ евреевъ, по странной игрѣ

случая, также 300,000 фл., при чемъ на долю богемцевъ пришлось 200,000, а моравцевъ—100,000.

Коронаціонныя приношенія 1743 г. составляли для богемскихъ евреевъ 150,000, для моравскихъ 50,000, стало быть, въ отношеніи 3 : 1.

Наконецъ, при установленіи налога на райскія яблоки и пальмовыя вѣтки, какъ уже упомянуто было выше, принято было въ руководство отношеніе $^7/_{12} : ^4/_{12} : ^1/_{12}$.

Какое изъ этихъ трехъ отношеній примѣнить въ данномъ случаѣ? Каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ имѣла, разумѣется, на этотъ счетъ свои воззрѣнія, нераздѣлявшіяся другой. Какъ богемскіе, такъ и моравскіе евреи находились въ далеко незавидномъ положеніи, но по свойству человѣческой натуры считать собственное бѣдствіе безпримѣрнымъ, а чужое—нестоящимъ вниманія, богемцы доказывали, что они находятся въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ моравцы, а послѣдніе—наоборотъ, причемъ въ основаніяхъ, разумѣется, не было недостатка ни у тѣхъ, ни у другихъ.

Независимо отъ этого, пражскіе евреи хлопотали о томъ, чтобы до окончательнаго выясненія дѣла разрѣшили имъ отправить въ Прагу 40—50 безсемейныхъ евреевъ для охраны ихъ разгромленнаго квартала отъ дальнѣйшихъ опустошеній со стороны ихъ враговъ.

Обсужденіе этихъ вопросовъ поручено было особой коммисіи подъ предсѣдательствомъ богемскаго намѣстника графа Гаугвица. 30-го іюля 1748 г. коммисія приступила къ своимъ занятіямъ, а 5-го августа на основаніи ея доклада уже явились два высочайшіе рескрипта. Въ первомъ изъ нихъ указанъ былъ способъ распредѣленія между плательщиками новаго налога. Согласно этому способу, силезскіе евреи въ теченіе всего платежнаго періода должны были ежегодно платить 1,300 фл., богемскіе же и моравскіе евреи—въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ этого періода 211,000 и 87,700 фл., а въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ 222,000 и 76,000 фл. Вторымъ рескриптомъ удовлетворялась вышеупомянутая просьба богемцевъ о пропускѣ въ Прагу 40—50 безсемейныхъ евреевъ и вмѣстѣ съ этимъ пред-

писывалось мѣстнымъ властямъ оказывать этимъ евреямъ съ своей стороны всякую помощь и поддержку.

На слѣдующій же день послѣ этого, т. е. 6-го августа, воспослѣдовалъ приказъ императрицы на имя богемскаго намѣстника о возможно скорѣйшемъ возвращеніи въ Прагу изгнанниковъ вообще. При этомъ, какъ бы изъ опасенія, чтобы это распоряженіе не было невѣрно понято, чтобы въ этомъ нетерпѣніи, чего добраго, не усмотрѣно было излишнее юдофильство, императрица безъ обиняковъ ссылается на финансовыя соображенія, въ силу которыхъ необходимо было, чтобы къ имѣвшему наступить въ ноябрѣ мѣсяцѣ новому военному году «помилованные» евреи уже были на своихъ мѣстахъ, т. е. уже могли исправно отбывать причитающіеся съ нихъ налоги. Успокоившись на счетъ истиннаго мотива неожиданнаго, съ ея стороны, благоволенія къ евреямъ, Марія-Терезія выражаетъ въ приказѣ надежду на благоразуміе и осмотрительность намѣстника, который, до окончательнаго распредѣленія еврейскаго населенія между различными мѣстностями Богеміи, разрѣшитъ пока вновь поселиться въ ея столицѣ только состоятельнымъ евреямъ, единственно имѣвшимъ интересъ, при данныхъ условіяхъ.

23-го августа, недовольная, видно, медленнымъ ходомъ обратнаго переселенія изгнанниковъ, императрица опять писала намѣстнику: «Въ высшей степени важно, чтобы евреи, имѣющіе вернуться въ Прагу, переселились туда скорѣе, причемъ вамъ не слѣдуетъ стѣсняться числомъ переселенцевъ, заботясь лишь о томъ, чтобы между ними не находились совершенно неимущіе, которые, сами являясь ненадежными плательщиками, еще могутъ оказать въ этомъ отношеніи вредное дѣйствіе на другихъ».

Въ отвѣтъ на это намѣстникъ 28 числа докладывалъ императрицѣ, что по указанію еврейскихъ старшинъ онъ пока разрѣшилъ переселиться въ Прагу 101 семейству и что имъ приняты мѣры къ тому, чтобы въ скоромъ времени туда переселились изъ числа изгнанныхъ всѣ вообще «порядочные» (разумѣется, съ точки зрѣнія кармана) евреи. Каждый изъ переселившихся обязанъ былъ, какъ видно изъ этого же доклада,

письменно заявить властямъ число членовъ его семейства, сколько у него прислуги, чѣмъ занимается и т. д.

Пять лѣтъ спустя, въ 1753 г., въ Богеміи жили 5,383 еврейскихъ семействъ, изъ которыхъ на долю Праги приходилось 1,144. Что же касается отношенія къ нимъ Маріи-Терезы, то справедливость требуетъ сказать, что впослѣдствіи она сдѣлалась къ нимъ болѣе благосклонной. Такъ, въ 1757 г. она потребовала, чтобы пражская администрація назвала ей тѣхъ евреевъ, которые почему нибудь заслуживаютъ императорскаго отличія, причемъ ей были указаны раввинъ и его помощникъ, старшина Израиль Франкль и Давидъ Кне. А въ послѣднемъ году ея царствованія, въ 1780, она даже открыла евреямъ доступъ на государственную службу. Нечего и говорить, что злополучный указъ объ изгнаніи, надѣлавшій столько хлопотъ и евреямъ и ей самой, окончательно былъ ею сданъ въ архивъ.

Эксальдъ.

ДВѢ СЕМЕЙНЫХЪ ИДИЛЛІИ.

ПАРАЛЛЕЛЬ СЪ НАТУРЫ *.

VII.

Значительная перемѣна стала исподоволь совершаться въ замѣчательной мастерской Сроля Гритца почти съ самыхъ первыхъ дней вступленія въ нее Мэрки,—перемѣна въ лицахъ или съ лицами и въ обстоятельствахъ.

Прежде всего, пѣвунья-Добка значительно понизила діапазонъ своего голоса и стала пѣть рѣже, гораздо рѣже. Потому ли, что она считала ниже своего достоинства, чтобы новое, свѣжее лицо, молоденькая дѣвушка, можетъ быть, насмѣшница или вообще легкомысленная—догадалась о волнующихъ ее мысляхъ и чувствахъ, или тому была другая причина,—довольно того, что она стала прибѣгать къ пѣснямъ Эльякума Цунзера всего только раза два или три въ день, да и въ этихъ случаяхъ она воспроизводила эти произведенія скорѣе гнусѣніемъ, нежели настоящимъ пѣніемъ. Она предъ чужою дѣвушкою не хотѣла и виду показывать, будто она чѣмъ-то недовольна, противъ чего-то озлоблена, тяготится своимъ положеніемъ старой дѣвы, а потому съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе удалялась, замыкалась, углублялась въ тайники своей души и сдѣлалась угрюмой и молчаливой.

— Изъ избы соръ не выносятъ,—подкрѣпляла она себя этой сентенціей; — мало ли о чемъ я думаю! Но чужая и знать не

---

* См. „Восходъ“, кн. 4.

должна этихъ думъ, потому она меня, пожалуй, еще на смѣхъ подниметъ. Отъ чужого горя у чужого сердце не болитъ.

Совершенно другое впечатлѣніе, другое дѣйствіе произвела Мэрка на угрюмаго Хонона. Его угрюмость стала мало по малу проясняться, уступая мѣсто настроенію, выраженію лица болѣе свѣтлому. Появленіе въ скучной мастерской молодого, свѣжаго, красиваго существа, полнаго жизни, здоровья и надеждъ, какъ будто внесло въ его мрачную, тоскующую душу какой-то живительный лучъ чего-то теплаго, свѣтлаго, хорошаго. Онъ сталъ украдкой бросать на дѣвушку быстрые, робкіе, но пронзительные взгляды, и отъ этихъ взглядовъ ему становилось на душѣ легче, свободнѣе, веселѣе, тѣмъ болѣе, что ему казалось, что и дѣвушка, съ своей стороны, смотритъ на него не то съ уваженіемъ, не то съ сочувствіемъ. Широко раскрывавшіеся отъ любопытства на новомъ мѣстѣ и между новыми людьми взоры любознательной дѣвушки бѣдный бахуръ истолковывалъ въ свою пользу.

— О,—думалъ онъ про себя съ сокрушеннымъ сердцемъ,—если бы *она* знала, что я не простой бахуръ, не простой ремесленникъ, грубый, необтесанный, безграмотный, а человѣкъ, въ умѣ котораго роятся тысячи высокихъ мыслей; если бы она это знала, то несомнѣнно относилась бы ко мнѣ еще съ бо̀льшимъ уваженіемъ, еще съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, потому что она, какъ видно, дѣвушка умная, понятливая, съ душой, съ сердцемъ, не то, что *мехашефа* (вѣдьма) Добка. Но она современемъ узнаетъ это...

Не переставая пока быть молчаливымъ, несообщительнымъ, онъ пересталъ быть угрюмымъ, сосредоточеннымъ. Онъ пересталъ даже дремать при работѣ, что до сихъ поръ входило въ кругъ его привычекъ, и слишкомъ философствовать: многое, надъ чѣмъ онъ до сихъ поръ ломалъ себѣ голову, ему вдругъ какъ будто стало яснымъ. Мало того: ему все болѣе и болѣе стало казаться, что безпардонное зубоскальство нѣкоторыхъ жаргонныхъ писателей, которымъ онъ прежде покланялся, въ сущности—вещь довольно мерзкая и ни къ чему хорошему не ведущая, и онъ далъ себѣ слово больше не читать этой мерзости. Видя, какъ остававшаяся весь день въ мастерской

Мэрка охотно и добросовѣстно исполняетъ всѣ религіозные обряды, ничего не вкушаетъ безъ предварительнаго омовенія рукъ и положенной бенедикціи и совершаетъ вечернія молитвы по молитвеннику, какъ то она привыкла дѣлать въ родительскомъ домѣ,—видя все это, онъ сталъ находить, что можно быть набожной или *суевѣрной*, какъ это называли бы *они*, но въ то же время и очень прелестной дѣвушкой. Онъ сталъ находить, что набожность очень идетъ къ дѣвушкамъ, которыя становятся отъ этого еще милѣе. Что же касается Сроля Гритца самого, то и съ нимъ произошла перемѣна, а именно: онъ сталъ меньше возиться съ газетами. Но эта перемѣна произошла не вслѣдствіе поступленія Мэрки въ его мастерскую, а вслѣдствіе обстоятельствъ болѣе высшаго порядка. Дѣло въ томъ, что Бисмаркъ, не поладивъ съ партіей націоналъ-либераловъ, съ досады удалился въ свой Варцинъ, до такой степени удалился и пожелалъ быть удаленнымъ, что окружилъ свое имѣніе коннымъ пикетомъ, который долженствовалъ никого не допускать къ нему на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Англійскій же премьеръ, запутавшись въ египетской политикѣ, тоже съ досады, а можетъ быть, для развлеченія, предпринялъ на королевской яхтѣ прогулку къ берегамъ Шотландіи. Такимъ образомъ, въ европейской политикѣ наступилъ застой, вслѣдствіе чего политическій отдѣлъ во всѣхъ газетахъ, не исключая даже «Гамагида» и «Гамелица», страшно обѣднѣлъ. Хотя нашъ перчаточникъ разсчитывалъ, что лазутчикамъ еврейскихъ газетъ (онъ былъ увѣренъ, что безъ лазутчиковъ дѣло не обходится) не сегодня, такъ завтра удастся проникнуть въ святая святыхъ желѣзнаго канцлера, и они разъузнаютъ всю подноготную, однакожъ, разсчеты эти что-то не оправдывались. Правда, газеты эти, вмѣсто политическихъ извѣстій, приносили въ высшей степени интересныя новости, въ родѣ того, что такой-то фабрикантъ-еврей былъ осчастливленъ собственноручнымъ рукопожатіемъ какого-то великаго герцога, и что какой-то скрипачъ-еврей давалъ концертъ въ Карлсруэ съ блестящимъ успѣхомъ; но эти новости что-то мало удовлетворяли и интересовали нашего перчаточника, и онъ сталъ отвыкать отъ чтенія газетъ, такъ какъ онѣ уже

не доставляли ему того душевнаго наслажденія, которое причиняли до сихъ поръ.

Всѣ эти перемѣны, вмѣстѣ взятыя, стали наглядно указывать членамъ мастерской, что у нихъ слишкомъ мало работы и слишкомъ много досуга. Ибо, если Добка не поетъ, Хононъ не философствуетъ, а Сроль Гритцъ не читаетъ, то что же имъ оставалось дѣлать? Было ясно, что надобно постараться о заказахъ, тѣмъ болѣе, что Добка и Хононъ стали приставать къ своему мастеру, чтобы онъ давалъ имъ работу, въ противномъ случаѣ они бросятъ мастерскую и уйдутъ, потому что сидѣть и зѣвать не намѣрены. Они теперь только пришли къ убѣжденію, что разъ они изучаютъ ремесло, то должны изучить его, какъ слѣдуетъ. А подъ руководствомъ Сроля Гритца они могутъ изучить его, какъ слѣдуетъ, потому что онъ свое ремесло знаетъ, а только полѣнивается. Надобно, чтобы онъ не лѣнился, а старался.

И Сроль Гритцъ постарался, и старанія его увѣнчались успѣхомъ: въ мастерской вдругъ оказалось немало работы, хватило для всѣхъ, хватило даже для Мэрки. И хотя она, какъ только что поступившая, ничего еще не смыслила въ техникѣ работы, но все-таки приносила пользу, матеріала не портила, потому что тутъ о бокъ сидѣлъ Хононъ, который глазъ не спускалъ съ ея бѣлыхъ, пухленькихъ работающихъ ручекъ. Онъ ей помогалъ, онъ ей показывалъ, онъ ее наставлялъ, онъ положительно сдѣлался ея учителемъ. Куда дѣвалась его робость, его застѣнчивость, его неповоротливость, неувѣренность въ себѣ самомъ бахура, прозябавшаго гдѣ-то за печкой и ничего не видавшаго, кромѣ жаргонныхъ книжекъ, которыя онъ читалъ въ засосъ, до одуренія! До такой степени близость милаго, дорогого существа преображаетъ человѣка, разумѣется—неиспорченнаго.

А что Мэрка ему мила, дорога,—это онъ, разумѣется, зналъ, чувствовалъ, хотя боялся положительно сознаваться себѣ въ этомъ и строить на этомъ сознаніи какія нибудь мечты и виды на будущее.

— Чтожъ, я дѣлаю только то, что каждый на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы для каждаго и для каждой,— думалъ онъ каждый

разъ, когда ловилъ себя на запретномъ, какъ онъ полагалъ, чувствѣ къ своей ученицѣ.—Если бы тутъ сидѣлъ мальчикъ, то я сдѣлалъ бы для него то же самое. Сидитъ новичокъ, понятія о ремеслѣ не имѣетъ, вотъ-вотъ возьметъ и испортитъ матеріалу на цѣлый полтинникъ или всадитъ иголку подъ ноготь,—какъ же не показывать ему, какъ и что дѣлать?

Знала, т. е. догадывалась о тайныхъ чувствахъ учителя къ ученицѣ и Добка. Отъ аргусовыхъ и безпричинно ревнивыхъ глазъ этой старой дѣвы не ускользали нѣжное попеченіе Хонона о Мэркѣ, оказывавшіяся первымъ послѣдней услуги и ихъ настоящее значеніе.

— Этотъ бахуръ,—думала она про себя, саркастически улыбаясь своими изсине-блѣдными, засохшими губами,—этотъ бахуръ, даромъ, что такой тихоня, такой философъ, ловко подбирается къ дѣвушкѣ, благо она молода и неопытна. На «собачьи штуки» хватаетъ ума у всякаго дурня. Но... sogt er зобачимъ, увидимъ, что *она* скажетъ: у нашей сестрицы мозгъ тоже въ головѣ, а не гдѣ нибудь, и мы иногда выставляемъ такой языкъ и показываемъ такой шишъ, что любо-дорого смотрѣть.

Стало быть, Добку злили устанавливавшіяся отношенія между Хинономъ и Мэркой, злили какъ злитъ всякаго несчастнаго, обиженнаго судьбой человѣка созерцаніе счастія и благополучія другихъ. Но это было только на первыхъ порахъ; съ теченіемъ же времени она стала мириться съ этими отношеніями и перестала завидовать Мэркѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдней удалось пріобрѣсть ея благосклонность и даже дружбу.

— Чтожъ,—говаривала она себѣ часто,—она дѣвушка хорошая, не гордая, много о себѣ не думаетъ, относится ко мнѣ съ уваженіемъ, знаетъ, что я опытнѣе, умнѣе ея, спрашиваетъ у меня совѣтовъ, ничего безъ меня не дѣлаетъ,—почему же не быть ей другомъ, не желать ей добра?

И она готова была всячески покровительствовать молодой дѣвушкѣ, относившейся къ ней, какъ къ старшей сестрѣ, что было ей и лестно и пріятно,—покровительствовать даже ея чувствамъ къ Хонону, противъ котораго она тоже ничего не имѣла. Но въ послѣднемъ смыслѣ еще не было объекта для покрови-

тельства: кромѣ уваженія, какъ къ старшему, и благодарности за труды по посвященію ея въ тайны ремесла, Мэрка не чувствовала къ Хонону ничего. Она была еще такъ молода, неопытна и наивна, что принимала услуги и дружескія къ ней отношенія бахура безъ всякихъ заднихъ мыслей, а какъ нѣчто обыкновенное, естественное и должное. Да и самъ бахуръ былъ такъ остороженъ или робокъ, что ни малѣйшимъ словомъ, ни малѣйшимъ намекомъ не обнаруживалъ настоящей причины своихъ особенныхъ попеченій о дѣвушкѣ. Онъ ей объяснялъ, онъ ей толковалъ, онъ ей показывалъ, какъ и что надо дѣлать, но держался при этомъ въ почтительномъ отдаленіи, не позволяя себѣ даже ненарокомъ притронуться пальцемъ къ ея рукѣ.

— А можетъ быть, я ошиблась, — стала думать Добка, начинавшая сомнѣваться въ непреложности своихъ наблюдательскихъ способностей,—между *ними*, кажется, ничего такого нѣтъ. Да и правду говоря, гдѣ такому букѣ за дѣвушками ухаживать, романы играть? Онъ столько понимаетъ въ женщинахъ, сколько пѣтухъ въ молитвѣ «Бне-Одомъ». То-ли дѣло франты,—всѣ эти прикащики, фельдшера, подмастерья изъ табачныхъ магазиновъ и писаря!

Такъ прошелъ годъ съ чѣмъ-то. Мастерская Сроля Гритца перемѣнилась до неузнаваемости, перемѣнилась къ лучшему. Недостатка въ работѣ, въ заказахъ уже не было: мастерская была постоянно завалена ими, такъ что она только знай да поспѣшай. И хотя Сроль опять сталъ возиться со своими газетами, тратя на это немало времени, однако, это большаго ущерба мастерской не приносило, потому что въ его личномъ трудѣ уже не особенно нуждались: вся работа держалась на Хононѣ, Добкѣ и Мэркѣ, такъ что самъ мастеръ могъ предаваться ничего-недѣланью настоящихъ принципаловъ. Его матеріальное положеніе значительно улучшилось, и онъ былъ такъ честенъ и добросовѣстенъ, что, зная, кому онъ обязанъ этимъ улучшеніемъ, прибавилъ жалованья Хонону и Добкѣ, а Мэркѣ сталъ тоже давать жалованье, хотя по уговору ей этого еще не слѣдовало.

— Обижать рабочаго — грѣхъ, да и невыгодно, — разсуждалъ

онъ со своей женой, когда принялъ такое необыкновенное даже для болѣе образованныхъ хозяевъ рѣшеніе. — Будешь мазать, такъ и будешь ѣздить. Ты поскупишься для рабочаго на копѣйку, а онъ, при случаѣ, нагрѣетъ тебя на рубль и на два, потому онъ обиды своей ищетъ.

— Ты, Сроль, можетъ быть, и правъ,—гласила аппробація жены. — Зачѣмъ обижать хорошихъ работниковъ? Они стараются,—пусть знаютъ, что стараются не даромъ, тогда они еще больше будутъ стараться. Да, ты правъ, Сроль. Ты такъ и сдѣлай. Богъ намъ поможетъ. Кто знаетъ, можетъ быть, на ихъ счастье Богъ и посылаетъ тебѣ работу: они честныя дѣти честныхъ родителей, притомъ и нуждаются они очень. На бѣдной Добкѣ ты порядочнаго платья и въ субботу не увидишь: все отдаетъ своимъ старикамъ-родителямъ, которые безъ нея пошли-бы по міру, — помилуй насъ, Боже!

Когда Мэрка, получивъ въ первый разъ жалованье, принесла его домой и отдала матери, та и удивилась, и обрадовалась.

— Шмуель, Шмуель, — стала она звать мужа.—Смотри чудо божье! Нашъ ребенокъ уже деньги зарабатываетъ! Мастеръ жалованье Мэркѣ положилъ. Она три рубля принесла!

— Три рубля!—воскликнулъ переплетчикъ съ комическою важностью. — Го-го, да это цѣлый капиталъ. Не у всякаго купца найдешь теперь въ наличности столько денегъ. Можно съ ума сойти отъ такого богатства. Чтоже, однакоже, намъ дѣлать съ такимъ капиталомъ? Составимъ совѣтъ. А ну-ка, Мэрка, скажи ты, что дѣлать съ твоими тремя рублями серебра?

— Возьмите ихъ себѣ, — отвѣтила Мэрка,—на что они мнѣ? Я сыта и одѣта, чего-же больше?

— Хорошо, это одно мнѣніе. Ну, а ты, Бася, что скажешь? обратился онъ къ женѣ.

— Я скажу, — отвѣтила та — чтобы эти деньги положили въ комодъ, пока изъ жалованья Мэрки не наберется на шерстяное платьице для нея, а можетъ быть, и на бурнусикъ. Вѣдь праздники приближаются.

— И это дѣло, — одобрилъ переплетчикъ мнѣніе жены.—А я вотъ что скажу: къ Мэркину капиталу я приложу изъ

своихъ капиталъ въ цѣлый рубль, чтó составитъ вмѣстѣ капиталъ въ четыре карбованца. Сумму эту мы положимъ на имя нашего дитяти въ сберегательную кассу, чтобы на нее росли проценты. Если мы такъ будемъ дѣлать каждый мѣсяцъ, то къ ея свадьбѣ легко и незамѣтно наберется нѣсколько сотъ рублей. Что ты на это скажешь, Бася?

— Это ты, Шмуель, очень умно говоришь, — одобрила Бася мнѣніе мужа.—Вотъ что значитъ мужская голова! Я и изъ своихъ заработковъ, когда Богъ дастъ, буду откладывать въ ту-же кассу. Такъ мы и будемъ дѣлать.

Такъ они и стали дѣлать. На нихъ глядя, стали это дѣлать и Добка, и Хононъ, въ особенности послѣдній, которому эта мысль особенно понравилась. Она была для него тѣмъ болѣе кстати, что онъ уже рѣшилъ было употребить излишки отъ прибавки ему жалованья на новую экипировку, «дабы быть похожимъ на другихъ подмастерьевъ».

А быть похожимъ на другихъ подмастерьевъ, какъ онъ полагалъ, ему крайне необходимо было... Дѣло въ томъ, что его нѣжныя чувства къ пышно развивающейся Мэркѣ стали принимать съ каждымъ днемъ все болѣе серьезные размѣры. Онъ уже сознавалъ, что онъ эту дѣвушку любитъ горячо, пламенно, какъ любятъ всѣ герои прочитанныхъ имъ жаргонныхъ романовъ, какъ любитъ идеальнѣйшій герой романа «Haneehowim Wehan'imim» (Возлюбленные и пріятные). А между тѣмъ со стороны дѣвушки не замѣтно въ ея чувствахъ ни малѣйшей перемѣны. Ея отношенія къ нему — почтительныя, дружественныя, откровенныя, но ровныя, безстрастныя, безъ самаго слабаго оттѣнка нѣжности. Онъ пылаетъ, таетъ, пожираетъ дѣвушку глазами, а она смотритъ на него съ тѣмъ-же равнодушіемъ, съ которымъ смотритъ на Добку, хозяина, хозяйку и хозяйскаго пѣтуха, дающаго на шкафу свои полуденные концерты. Мало того: когда она вмѣстѣ съ нимъ иногда гуляетъ по субботамъ по тротуарамъ или по бульвару, попадающіеся имъ на встрѣчу расфранченные подмастерья и вообще бахуры заглядываются на нее, а она на нихъ, кажется... тоже. То есть, не кажется, а вѣрно: онъ это очень хорошо замѣчаетъ, еще-бы! И хотя онъ, мало-по-малу, уже раскрылъ предъ

нею всѣ богатства своего ума, всю возвышенность своихъ мыслей о религіи, свѣтѣ, людяхъ и ихъ назначеніи, и она, кажется, понимаетъ громадную разницу между нимъ, самороднымъ философомъ, который былъ бы профессоромъ, если бы не былъ перчаточникомъ, и этими пустоголовыми, необразованными и безграмотными бахурами, — однакожъ, на нихъ она смотритъ и даже засматривается, а на него нѣтъ. Что̀-бы это значило?

Ясно, что *они* обращаютъ на себя ея вниманіе потому, что они хорошо одѣты, смотрятъ молодцами, франтами, нравящимися суетной природѣ женщины больше, нежели человѣкъ положительный и серьезный. Ясно, что для того, чтобы не прозѣвать вообще благосклонную къ нему и уважающую его дѣвушку, онъ, какъ это ему ни противно, долженъ привести свою наружность въ болѣе приличный, болѣе щегольской видъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ про себя—къ наступающей Пасхѣ выфрантиться такъ, чтобы другіе бахуры не имѣли предъ нимъ никакого преимущества.

Но когда онъ отъ Мэрки узналъ о чудесахъ сберегательной кассы, то перемѣнилъ свое рѣшеніе.

— Нѣтъ, — думалъ онъ про себя, — это не *тахлисъ* (цѣль). Что же въ томъ, что я выфранчусь, когда мое лицо, можетъ быть ей не понравится? Лучше копить деньги: противъ денегъ никто устоять не можетъ. И царь Соломонъ сказалъ, что «деньги отвѣчаютъ за все». Ужъ мы увидимъ, какъ это она откажется пойти за меня, когда я чрезъ нѣсколько лѣтъ выложу предъ ней нѣсколько сотъ рублей какъ одинъ грошъ. А родители-то на что? Родителямъ я вѣрно понравлюсь, они даже очень пожелаютъ имѣть меня зятемъ. А противъ родителей она не пойдетъ, потому она родителей любитъ, уважаетъ, слушается ихъ. И такъ—надобно копить деньги.

И онъ сталъ копить деньги съ тѣмъ-же усердіемъ и тѣмъ-же удовольствіемъ, съ которыми Іаковъ служилъ Лавану за Рахиль. Въ очень короткое время онъ такъ вошелъ во вкусъ копленія денегъ, что, не довольствуясь постоянными заработками въ мастерской Сроля Гритца, сталъ искать ихъ

на сторонѣ, бралъ работу на домъ и просиживалъ надъ нею цѣлыя ночи на пролетъ, не щадя своего здоровья.

Чѣмъ больше онъ копилъ денегъ, тѣмъ настойчивѣе говорило въ немъ желаніе объясниться съ Мэркой на-чисто, дабы узнать, что она о немъ думаетъ и чего ему ожидать? Но какъ это сдѣлать? На личное, устное объясненіе у него не хватало смѣлости, да и удобнаго мѣста для объясненія не было. А потому онъ рѣшился написать ей.

Онъ писалъ ужасно много, ужасно высокопарно, ужасно безтолково, какъ пишутъ всѣ ужасно влюбленные. И, когда онъ нашелъ, что письмо ужасно хорошо написано, онъ, провожая однажды Мэрку домой, передалъ ей письмо со словами:

— Прошу васъ прочитать это письмо не разъ, а два, три раза, прочитать съ большимъ вниманіемъ. Отвѣта буду ожидать устнаго или на письмѣ. Вы, кажется, писать умѣете?

— Умѣю.

— Ну, и отлично. Стало быть, вы поймете, что написано.

VIII.

На бѣдную Марильку репримандъ матери подѣйствовалъ, а можетъ быть, не столько репримандъ, сколько невеселая перспектива возвратиться въ свое первобытное состояніе. А возвратъ въ это состояніе былъ для нея уже рѣшительно невозможенъ, потому что она отъ него отвыкла. Да и вѣдь большая разница быть чисто и опрятно одѣтой, сидѣть или стоять вечеромъ въ прекрасно-убранной и ярко-освѣщенной залѣ, представляя собою одну изъ гостей на какомъ-то балу, — или кормить у матери-дворничихи свиней и исправлять другія черныя работы. Она страшно заскучала по театрѣ, куда мать не пускала ее уже больше недѣли, и опять стала проситься туда.

— Театръ не для тебя, — отрѣзала мать безпощадно. — Тамъ, между людьми, между панами, надобно быть деликатной, вѣжливой, а ты дикарка.

— Не буду дикаркой.

— Легко сказать: не буду. Но тебѣ иначе невозможно, ты уже такою уродилась, обращеніе у тебя, какъ у хамувки.

— Я буду вѣжлива.

— Не вѣрю.

— Ты только попробуй.

— Вѣдь пробовала — и что же вышло? За полтора года ты осталась всѣмъ чужою, какъ въ первый день поступленія въ театръ. Даже ни одной подруги не пріобрѣла себѣ.

— Попробуй еще разъ.

На это Михалова ничего не отвѣтила и промучила дѣвушку еще три дня. На четвертый день она какъ будто сжалилась надъ нею и сказала:

— Слушай, Марилька! Ужъ пусть будетъ по твоему: попробую еще разъ. Но помни, что если ты и на этотъ разъ окажешься такою же нелюдимкой, какъ прежде, то ничего уже не поможетъ: ни просьбы, ни слезы. Возьму тебя изъ театра, и кончено. Ты будешь помогать намъ въ хозяйствѣ, какъ два года тому назадъ. По крайней мѣрѣ, будетъ намъ отъ тебя хоть какая нибудь польза, а то что же?

Въ этотъ же вечеръ она отпустила Марильку въ театръ и стала отнынѣ зорче слѣдить за ея *успѣхами*. Съ этою цѣлью она стала почаще видаться съ парикмахеромъ и разспрашивать его, какъ держитъ себя теперь ея дочка.

— Ничего, идетъ,— похваливалъ парикмахеръ.— Шлифуется, другою становится, уже не смотритъ такой букой. И повѣрите ли, она вдвое милѣе стала и уже обращаетъ на себя вниманіе, — да-съ. На-дняхъ нашъ директоръ, камергеръ, нѣсколько минутъ лорнировалъ ее изъ своей ложи и потомъ, во время антракта, отозвалъ меня въ сторону и спросилъ: какъ фамилія этой интересной блондиночки? Да-съ, такъ и спросилъ.

— Слава Богу!—возблагодарила Михалова Бога за эти радостныя вѣсти.

— Теперь ужъ возможно будетъ что нибудь для нея сдѣлать.

— О, ради Бога, сдѣлайте,—взмолилась Михалова.—Я уже измучилась, ожидаючи. Уже второй годъ на исходѣ. Она просто раззоряетъ насъ своими нарядами. Откуда намъ взять? Мы

люди бѣдные. Мы себѣ отказываемъ во всемъ, а ей мы доставляемъ все, что ей требуется для театра.

— Ничего, пани Травинская,—утѣшалъ ее парикмахеръ.— Она сторицей возвратитъ вамъ то, что взяла у васъ.

— Когда же это будетъ?

— И Краковъ не сразу выстроился, а по маленьку. Я, впрочемъ, на-дняхъ же начну хлопотать. Будьте спокойны.

Парикмахеръ сдержалъ свое слово: онъ на-дняхъ же сталъ хлопотать. Онъ началъ съ того, что въ одинъ нетеатральный вечеръ отправился въ гостинницу «Мадридъ», гдѣ квартировалъ его закадычный другъ и пріятель, режиссеръ мѣстной драматической труппы, недюжинный артистъ, но и недюжинный кутила. Сверхъ обыкновенія, онъ нашелъ режиссера не въ билліардной, а въ его номерѣ и... чуть-чуть на второмъ взводѣ, что тоже было не совсѣмъ обыкновенно, такъ какъ въ эту пору вечера режиссеръ обыкновенно стоялъ уже одною ногою въ раіонѣ третьяго взвода съ порывами къ мордобитію. Режиссеръ лежалъ теперь на софѣ въ одномъ бѣльѣ и сравнительно спокойно, пробѣгая глазами завтрашнюю роль, которую онъ держалъ въ своихъ чуть-чуть трясущихся рукахъ. На кругломъ столѣ, у софы, стояли пока только четыре опорожненныхъ бутылки изъ-подъ пива.

— Людвигъ Карловичъ!—воскликнулъ режиссеръ, завидѣвъ входящаго въ комнату парикмахера.— О другъ, о злодѣй! Самъ Богъ нанесъ тебя. Ты мнѣ нуженъ до зарѣзу.

Онъ вскочилъ съ софы, накинулъ на себя пальто, которымъ былъ накрытъ, и, протянувъ парикмахеру руку, усадилъ его на креслѣ насупротивъ себя.

— Садись, дружище, и потолкуемъ, — сказалъ онъ, начиная быстро свертывать себѣ папироску.—Важныя новости! Ты ахнешь отъ удовольствія или умрешь со страху! Вотъ оно что! Да-съ.

Парикмахеръ, знавшій преувеличенный паѳосъ своего друга, нисколько не заинтересовался и не встревожился, и проговорилъ совершенно хладнокровно:

— Я искалъ тебя въ билліардной, анъ ты у себя. Что ты такъ рано у себя дѣлаешь?

— Что я дѣлаю? А вотъ что дѣлаю,— сказалъ режиссеръ, указывая на опорожненныя бутылки.—Хандрю, братъ, съ ума схожу, а можетъ, уже и сошелъ. Да-съ, чувствую.

— Изъ чего это?

— А все изъ-за этой... madame Тумбини. Она вотъ гдѣ у меня сидитъ! Интригуетъ каналья, сплетничаетъ, пакоститъ мнѣ на каждомъ шагу. Выигрышныя роли только ей давай, а она въ нихъ ни бельмеса не смыслитъ, портитъ и наставленій не принимаетъ; а директоръ гвалтъ кричитъ, что сборы плохіе, казенной субсидіи на полсезона на хватаетъ, пахнетъ дефицитомъ, ба́нкротствомъ. Нѣтъ, такъ продолжаться не можетъ! Я подъ башмакомъ этой барыни быть не хочу. Плюну и удеру, не дожидаясь окончанія сезона.

— Куда ты удерешь?

— Вотъ за этимъ-то я и хотѣлъ повидаться съ тобою и поговорить. Но... чего мы такъ сидимъ и деремъ горло въ сухую? Эй, номерной! Караулъ! Номерной!

Номерной появился въ дверяхъ.

— Полдюжины пива!—скомандовалъ режиссеръ.—Живо! А дѣло, батюшка, вотъ какого рода,—продолжалъ онъ, опять обращаясь къ парикмахеру.—Вчера я отъ казанскаго антрепренера получилъ телеграмму, а сегодня письмо. Пишетъ: «ради Бога, Коля, пріѣзжай, ни на что не глядя, а то я погибъ во цвѣтѣ лѣтъ. Труппа передралась, многіе разбѣжались, дирижеръ оркестра боленъ, декораторъ спился съ кругу и я не могу ставить даже водевиля «Мотя». А тутъ святки на носу, масляница,— ну, хоть кричи караулъ. А потому, другъ Коля, если ты христіанинъ и имѣешь Бога въ сердцѣ, то набирай кого знаешь порасторопнѣе и пріѣзжай, чѣмъ скорѣе, хоть по телеграфу. Расходами не стѣсняйся. По первому востребованію, вышлю тебѣ переводомъ по телеграфу рублей 500 или 600, а въ Казани—вся касса моей благодѣтельницы въ твоемъ распоряженіи. Рѣшено—мы будемъ компаньонами».

Номерной внесъ пиво, пробочникъ и стаканы.

— А что,—спросилъ режиссеръ съ торжествующей миной,—долженъ ли я здѣсь пропадать ни за что, воевать съ какой-то нибалмошной бабой и слушать колкости отъ какого нибудь изъ

ума выжившаго камергера? Нѣтъ, шабашъ. Я захвачу съ собою и Петрова, и Иванова, и Вавилова, и тебя захвачу.

— Меня?—спросилъ парикмахеръ, улыбнувшись.

— Да, тебя. Ты развѣ со мною не поѣдешь? Эхъ, плюнь на свою поганую Литву! Что ты тутъ высидишь? Татарва богаче и тороватѣе. Ты у насъ будешь фактотумомъ, ты въ золотѣ ходить будешь, честное слово русскаго дворянина!

Онъ откупорилъ бутылку и налилъ въ стаканы.

— Что ты на все это скажешь, коханный Людвику?

— А то скажу,—отвѣтилъ парикмахеръ,—что все это было бы, можетъ быть, недурно, если бы не контракты. Вы вѣдь всѣ связаны, какъ же вы уѣдете? Кто васъ отпуститъ? Развѣ нѣтъ начальства?

— Въ этомъ-то и вся бѣда,—проговорилъ режиссеръ, тяжело вздохнувъ.—Надобно будетъ, однакожъ, повидаться съ брехунами: у нихъ вѣдь есть средства и фортели противъ всего. А ты, пока что, пей, дружище, а то остынетъ.

Они чокнулись стаканами и стали пить. Пропущенный стаканъ свѣжаго напитка подѣйствовалъ охлаждающимъ образомъ на разгоряченный умъ и воображеніе режиссера. Онъ сталъ успокаиваться.

— А я къ тебѣ Коля, съ просьбой,—началъ парикмахеръ, закуривая папироску.

— Проси, Людвику, я полцарства для тебя не пожалѣю. Тебя одного только и имѣю здѣсь.

— Дѣло идетъ объ одной изъ хористокъ прошлогодняго набора, той блондиночкѣ, которую ты, помнишь, разъ ущипнулъ, а она тебѣ руку оцарапала и грубіяномъ назвала.

— А! — припомнилъ режиссеръ. — Ну, и что же эта хористка?

— Хочетъ авансировать, хочетъ, чтобы дали ей кой-какую роль, хоть бы въ какомъ нибудь водевильчикѣ.

— Но она, кажется, такъ глупа и такъ тупа!

— Но вывѣска—прелесть, а партеру вѣдь только вывѣска и нужна. А пани Тумбини чѣмъ беретъ? Развѣ не вывѣской прежде всего?

— Это такъ. Но даже для самой ничтожной роли все-таки

нуженъ человѣкъ; изъ фарфоровой куклы ничего не сдѣлаешь.

— Фарфоровая кукла въ твоихъ рукахъ сдѣлается человѣкомъ.

— А что я буду дѣлать, если эта фарфоровая кукла, когда я буду ее школить, муштровать, выравнивать,—возьметъ и исцарапаетъ всю мою физіомордію? Что тогда?

— Этого она не сдѣлаетъ. Ручаюсь, что она будетъ шелковая.

— Скажи откровенно: она твоя зазнобушка?

— У меня зазнобушекъ и безъ нея довольно, не могу жаловаться. Но дѣло въ томъ, что мать ея покоя мнѣ не даетъ, плачетъ, умоляетъ, и я вынужденъ былъ дать ей слово, что постараюсь.

— Ну, Богъ съ тобой. Это пустяковина. Пройду съ нею роль. Но помни: если она меня царапнетъ, то я тебѣ уши оборву.

— И хоть-бы голову.

— Ну, ладно. А о казанской сиротѣ-антрепренерѣ ты, однакожъ, подумай, потому стоитъ.

— Подумаю.

Двѣ недѣли спустя, въ одинъ театральный вечеръ, въ исходѣ пятаго часа, въ знакомой читателямъ дворницкой происходили какія-то приготовленія къ чему-то. Михалъ, выбрившійся въ первый разъ за послѣднія двѣ недѣли, стоялъ надъ большой лаханью съ тепловатой водой и полоскался съ какимъ-то остервенѣніемъ. Держа громаднѣйшій кусокъ дешеваго, неподатливаго, какъ камень, мыла въ рукѣ, онъ изъ всѣхъ силъ теръ себѣ голову, шею и лицо, причемъ фыркалъ, гукалъ и испускалъ тѣ непонятные, нечленораздѣльные звуки, которые испускаетъ простолюдинъ, когда онъ вкусно парится на полкѣ жарко-натопленной бани. Въ другомъ углу дворницкой, Михалова, на приляженной доскѣ, гладила мужское бѣлье чуть не изъ дерюги. Она гладила молча и съ какою-то торжественною миною на лицѣ.

— Живо, Стеша!—скомандовалъ Михалъ, выжимая пятер-

нями свои густые волосы отъ приставшаго къ нимъ мыла.— А то мы опоздаемъ.

— Ничего, не опоздаемъ, прійдемъ въ самый разъ, — спокойно отвѣтила Михалова, продолжая гладить съ прежнею торжественностью.

Михалъ, тоже съ фырканьемъ и гуканьемъ, вытерся полотенцемъ, причесалъ волосы какимъ-то невѣроятнымъ гребешкомъ и надѣлъ поданную ему женою чистую сорочку.

— А ты когда за себя возьмешься? спросилъ онъ, надѣвая на шею солдатскій галстухъ.

— У меня не долго,—отвѣтила жена, кончая гладить какой-то коленкоровый воротничекъ.—Волосы у меня причесаны, надѣну свое люстриновое платье, и все тутъ.

Если читатели сами не догадываются, то мы тутъ-же открываемъ имъ, что Михалъ и Михалова собираются сегодня въ театръ, потому что сегодня имѣетъ быть первый дебютъ Марильки въ качествѣ актерки, а не хористки: ея имя уже значится въ афишѣ между дѣйствующими лицами. Режиссеръ сдержалъ данное имъ парикмахеру обѣщаніе: онъ выдрессировалъ хористку на нѣсколько отвѣтственную роль горничной въ какомъ-то водевилѣ. Возни съ нею было не мало, но эта возня не пропала совсѣмъ даромъ: Марилька давала реплики довольно сносно и своевременно, знала, какъ держать руки, но не знала, куда дѣвать глаза. Съ глазами было больше всего возни, и это потому, что реплики она по пьесѣ должна была давать г-ну Петрову, а г-нъ Петровъ былъ большой шалунъ и строилъ преуморительнѣйшія гримасы. Что тутъ дѣлать? На послѣдней репетиціи режиссеръ, наконецъ, выдумалъ средство.

— Ты, душенька, вотъ что сдѣлай,—сказалъ онъ дѣвушкѣ, поставивъ ее въ требуемую позу. — Когда ты этому шелопаю будешь давать реплики, то ты на его рожу не гляди, а гляди вотъ въ это мѣсто кулисы: тутъ будетъ висѣть зеркало, понимаешь?

Для перваго дебюта, парикмахеръ доставилъ родителямъ дебютантки двѣ контрмарки, дабы они могли лицезрѣть первое торжество своей дочери. Для Михала торжество это было двой-

ное, потому что оно въ первый разъ въ его жизни доставляі ему случай побывать въ театрѣ, взглянуть, что это за заве деніе такое, а потому онъ приготовлялся къ ожидающему ег необыкновенному зрѣлищу съ такимъ усердіемъ и таким лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Онъ все опасался, что он опоздають и для нихъ ничего не останется. Тѣмъ не менѣе однакоже, когда онъ и жена были уже совсѣмъ готовы і одѣты, онъ на минуточку сбѣгалъ въ кабакъ, чтобы набраться куража для предстоящей «авантуры», каковымъ именемъ он окрещивалъ все необычайное.

Было ровно шесть часовъ вечера, когда дворницкая чет очутилась, въ числѣ другихъ нетерпѣливыхъ, предъ запер тыми дверьми галерки. Михалъ былъ очень радъ, что не опоз далъ, но въ то же время сгоралъ отъ нетерпѣнія — поскорѣ увидѣть «заведеніе». Въ половинѣ седьмого «заведеніе» откры лось, и Михалъ, въ предшествіи своей супруги, поплелся п крутой и узкой лѣстницѣ не безъ нѣкотораго біенія сердца Какъ не разъ побывавшая въ оно время въ театрѣ, Михалов выбрала самое лучшее мѣсто посрединѣ полукружія, прям насупротивъ сцены, и уютно водворилась на немъ вмѣстѣ с супругомъ. Послѣдній, оглянувшись во всѣ стороны и не на шедши, кого онъ надѣялся найти, спросилъ:

— Гдѣ-же Марилька? Неужто она опоздаетъ?

— Марилька тамъ, внизу за этими ширмами одѣвается,— отвѣтила Михалова, указывая на занавѣсь.

Пробило семь. Ложи и партеръ стали наполняться зрите лями, музыканты взялись за свои инструменты, настраивал ихъ и, по данному капельмейстеромъ знаку, заиграли увер тюру изъ «Фрейшюца». У Михала глаза разбѣгались отъ ни когда невиданнаго имъ зрѣлища, въ особенности-же отъ пестроть костюмовъ на женщинахъ въ «клѣткахъ» (ложахъ).

— Всѣ гости уже на своихъ мѣстахъ, а Марильки нѣтъ. Н случилось ли чего съ нею?—проговорилъ онъ не безъ нѣкото рой тревоги.

— Сиди и молчи,—прикрикнула на него жена, толкнувъ его локтемъ въ бокъ. — Марилька прійдетъ, когда ей надо бу детъ. Ты хамъ и ничего не понимаешь, а потому сиди и молчи

Взвился занавѣсъ, и началась игра. Шла какая-то комедія. Дѣйствующія лица приходили и уходили, разговаривали, ссорились, мирились и ударяли по рукамъ. Михалъ пожималъ плечами, дивясь и не зная, изъ-за чего всѣ эти паны тараторятъ, махаютъ руками и хлопочатъ. Но когда на сценѣ появились лакеи съ подносами, уставленными бутылками и бокалами, Михалъ пересталъ дивиться.

— Вотъ это понимаю,—проговорилъ онъ про себя, и у него слюнки потекли.—Вотъ это дѣло. Давно бы такъ, а то что толку драть горло въ сухую?

Прошла комедія, прошелъ антрактъ, начался водевиль. Въ шестомъ явленіи, на порогѣ одной изъ боковыхъ дверей изображавшейся на сценѣ гостиной, появилась Марилька въ кокетливомъ костюмѣ миловидной горничной.

— Слава Богу, вотъ, наконецъ, и наша, — проговорилъ Михалъ, крякнувъ и собираясь слушать, что она скажетъ.

По роли, Марилька, простоявъ съ минуту на порогѣ, должна была, озираясь, осторожно и на цыпочкахъ, пробираться къ противоположной двери гостиной, ведущей въ кабинетъ. Она и начала пробираться съ требуемыми предосторожностями. Но Михалъ, полагая, что она пробирается съ такими предосторожностями потому, что робѣетъ, крикнулъ ей чрезъ всю залу:

— Смѣлѣй, Марилька, не робѣй! Мы тутъ-ко.

Гомерическій хохотъ во всей залѣ.

— Молчи, хамъ!—крикнула на него Михалова, заскрежетавъ зубами и больно ущипнувъ его локоть.—Не видишь, какъ всѣ надъ тобою смѣются?

Марилька благополучно пробралась къ противоположной двери, и едва взялась за ея ручку, какъ изъ кабинета выскочилъ какой-то молодой человѣкъ, который, увидѣвъ Марильку, схватилъ ее за руку и всклинкнулъ съ притворнымъ гнѣвомъ:

— А, такъ ты, миленькая, вотъ какъ! Подсматривать? Шпіонить? Возьму съ тебя штрафъ.

И, обвивъ ея станъ, собирался поцѣловать ее.

Увидѣвъ это, Михалъ, ни живъ, ни мертвъ, вскочилъ съ своего мѣста и, сжавъ кулакъ, прокричалъ на всю залу:

— Эй, баринъ, не смѣй! Она не такая!

Взрывъ бѣшеннаго хохота по всей залѣ. Многіе стали кричать браво, нѣкоторые неистово аплодировать. Дѣйствіе на нѣсколько минутъ было прервано, потому что публика покатывалась со смѣху. Къ Михалу стремительно пробрался дежурный полиціантъ и, схвативъ его за шиворотъ, стащилъ съ мѣста и препроводилъ куда-то. Михалова заплакала со стыда и досады.

Тѣмъ не менѣе, однакоже, когда тишина опять водворилась въ залѣ, Марилька, какъ ни въ чемъ не бывало, стала продолжать свою роль и провела ее довольно безукоризненно, такъ что въ креслахъ кто-то даже хлопнулъ.

Жутко досталось бы, по возвращеніи домой, бѣдному дворнику отъ его взбѣшенной супруги, если бы не одинъ пріятный сюрпризъ, который настроилъ ее и все семейство на совершенно другой ладъ. Дѣло въ томъ, что когда Михалова, сбросивъ съ себя платокъ и бурнусъ, уже собиралась было задать своему архи-глупому благовѣрному здорновеную головомойку за все, перенесенное ею въ этотъ вечеръ, Марилька, довольная и счастливая благополучнымъ исходомъ своего испытанія, весело начала:

— А со мною, мамочка, вотъ что сейчасъ случилось. Когда я по окончаніи спектакля переодѣвалась въ уборной, капельдинеръ передалъ мнѣ запечатанный пакетикъ. Вскрываю и нахожу десятирублевую ассигнацію и записочку. Въ записочкѣ написано: «Отъ незнакомаго вамъ почитателя возникающаго въ васъ таланта».

— Десятирублевая ассигнація! — воскликнулъ Михалъ, понявшій изъ сообщенія Марильки только конкретное въ немъ.— Гдѣ она?

— Вотъ она,—сказала Марилька, вынимая изъ кармана ассигнацію и передавая ее отцу. — Но это еще не все. Когда я проходила мимо кассы, кассиръ сказалъ мнѣ, что мнѣ назначено жалованья двадцать рублей въ мѣсяцъ.

— Слава Богу!—проговорила Михалова, сложивъ руки на молитву.

— Слава Богу! — повторилъ за нею Михалъ. — И знаешь,

Степка, что я тебѣ скажу? Было бы, ей-Богу, не грѣхъ вспрыснуть эту авантуру.

Михалова не протестовала. Не теряя ни минуты, Михалъ схватилъ одну корзину въ одну руку, другую—въ другую и полетѣлъ въ городъ. Черезъ полчаса онъ вернулся съ наполненными питьями и закусками корзинами и въ сопровожденіи трехъ сосѣднихъ дворниковъ, которыхъ онъ успѣлъ захватить.

Началась самая неистовая пирушка. Когда всѣ уже были въ высшей степени веселы и изрядно пьяны, Михалова вдругъ что-то припомнила и, бросивъ компанію, полетѣла къ переплетчику.

— Панъ Шмуль и пани Шмулева,—начала она съ пьяными слезами на глазахъ и бросаясь цѣловать руки у переплетчика и его жены.—Мы десять лѣтъ добрыми сосѣдями состоимъ, всегда въ мирѣ и согласіи жили, никогда другъ другу зла и обидъ не дѣлали, а дѣтки наши вмѣстѣ выросли и пріятельницами были. А потому не откажите мнѣ въ милости, пожалуйте къ намъ повеселиться счастіемъ моей Марильки. Она подарокъ въ десять рублей получила, и ей жалованье назначили. Она много денегъ будетъ зарабатывать. О, ради Бога, не откажите, я безъ васъ не уйду!—И она бросилась обнимать и цѣловать Шмуля, Шмулеву и Мэрку. Послѣдніе не могли отказать и пошли.

На слѣдующій день жена переплетчика, въ ознаменованіе установившагося между нею и дворничихой прежняго добраго согласія, пожелала быть ей полезной добрымъ совѣтомъ. Съ этою цѣлью она ей сказала, что такъ какъ ея Марилька, слава Богу, уже начала зарабатывать деньги, то было бы очень хорошо, если бы она изъ этихъ заработковъ откладывала что нибудь въ сберегательную кассу, отчего незамѣтно наберется современемъ капиталецъ, который во всякомъ случаѣ пригодится. Выслушавъ этотъ совѣтъ, Михалова пожала плечами и сказала:

— Это, можэтъ быть, было бы недурно, но мы копить денегъ не умѣемъ.

— Развѣ это такъ трудно?—удивилась переплетчица.—Отчего же мы умѣемъ копить?

— О, вы—другое дѣло,—отвѣтила Михалова, – вы не доѣдите, не допьете, а копѣйку отложете. А мы этого не можемъ: у насъ грошъ гроша не догоняетъ. Какъ только грошъ попадетъ въ нашу руку, мы его пожираемъ.

— Такъ не жрите,—просто посовѣтовала жена переплетчика.

— Этого мы не можемъ: ужъ натура у насъ такая. Окромѣ того, намъ, христіанамъ, религія не позволяетъ копить деньги.

— Религія?

— Да, религія. Вы, пани Шмулева, не разгнѣваетесь на меня? Я вамъ скажу что нибудь, ей-Богу, не отъ себя, а только то, что сказалъ нашъ ксендзъ въ костелѣ. Онъ такъ сказалъ: деньги—это злой духъ на землѣ, сатана. Мы, христіане, должны бороться съ этимъ духомъ, побѣждать, пожирать его, а не то, чтобы щадить, беречь. А вашъ народъ за то, что замучилъ Христа, осужденъ Богомъ вѣчно служить сатанѣ, быть въ рабствѣ у него до Страшнаго Суда, копить, беречь деньги и ничего не имѣть. Такъ-то и выходитъ. Вы трудитесь, хлопочете, шахруете, не доѣдаете, не допиваете, не живете, копите, а бѣднѣе насъ... У насъ есть и фольварки, и имѣнія, и магнаты, и губернаторы, и полиціймейстеры, а у васъ ничего нѣтъ.

— Развѣ у насъ нѣтъ богачей?—спросила жена переплетчика, нѣсколько ошеломленная отъ этихъ словъ дворничихи.

— Ваши богачи,—отвѣтила Михалова,—созданы на соблазнъ всѣмъ вашимъ, дабы вамъ всѣмъ хотѣлось быть богачами и дабы вы до самаго послѣдняго изъ васъ служили сатанѣ, копили деньги, не пользовались жизнью и ничего не имѣли.

— Вотъ какъ!—удивилась еврейка.

— Такъ. Но помните, пани Шмулева, не я это говорю, а ксендзъ говоритъ, а потому вы на меня сердиться не должны.

— Спрошу у своего мужа, – заключила Шмулева эту странную бесѣду,—онъ у меня ученый. Онъ, вѣроятно, тоже что нибудь знаетъ на этотъ счетъ.

IX.

Не безъ труда и напряженія всѣхъ своихъ умственныхъ способностей Мэрка одолѣла, наконецъ, длинное, напыщенное

и безтолковое посланіе Хонона, который былъ увѣренъ, что никто лучше и яснѣе его не пишетъ. Она читала и перечитывала, и изъ всего написанннго поняла только то, что у Хонона какіе-то удивительные сны бываютъ по ночамъ. То какіе-то черти со львиными головами и огненными языками тащутъ его въ адъ, то какіе-то шестикрылые ангелы съ трубами въ рукахъ хотятъ унести его въ рай. Но ему не хочется ни въ адъ, ни въ рай, ему хочется быть на землѣ, потому что въ какомъ-то саду, состоящемъ изъ серебряныхъ деревьевъ, на которыхъ ростутъ золотые плоды, воцарилась сошедшая съ неба какая-то необыкновенная богиня, которой онъ хочетъ служить всю жизнь. Онъ очень близокъ къ этой богинѣ, но въ то же время и очень далекъ, потому что его отъ нея отдѣляетъ гранитная стѣна, достигающая до облаковъ и у него, къ сожалѣнію, нѣтъ крыльевъ, на которыхъ онъ могъ бы перелетѣть эту несносную ограду. Но этого еще мало: стѣна прозрачна, такъ что онъ можетъ видѣть богиню каждую минуту, но не можетъ говорить съ нею, не можетъ спросить ее: хочетъ ли она взять его въ свои рабы, потому что стѣна никакого звука не пропускаетъ. Вотъ это-то и увеличиваетъ его терзанія, его адскія муки, и онъ находится въ большомъ отчаяніи, такъ что не радъ жизни и ея прелестямъ...

Когда, нѣсколько дней спустя, Хононъ мелькомъ спросилъ Мэрку,—поняла ли она его письмо, она пренаивно отвѣтила:

— Разумѣется. Развѣ я не понимаю по еврейски?

— Что же вы поняли?

— Сказать ли вамъ всю правду?

— Разумѣется.

— И вы не обидитесь?

— Нисколько.

— Ну, такъ извольте. Я поняла, что вы передъ сномъ не читаете «Шма-Исроелъ».

— Почему вы такъ думаете?

— Потому, что вамъ снятся такіе страшные сны. Вотъ я всегда передъ сномъ читаю молитву, такъ я спокойно сплю, и мнѣ ничего не снится.

Этотъ простой и наивный отвѣтъ софистическій умъ бѣд-

наго бахура съумѣлъ истолковать въ хорошую сторону, въ многообѣщающемъ смыслѣ, и Хононъ почти удовлетворился.

— Она хитритъ,—подумалъ онъ про себя,—женщины хитры, это дѣло извѣстное. Она очень хорошо поняла, въ чемъ дѣло, на что я намекаю, кто эта богиня, но притворяется, что поняла только, что мнѣ снятся сны... А вы мнѣ на письмѣ что нибудь отвѣтите?—обратился онъ къ дѣвушкѣ.

— О, нѣтъ,—отвѣтила послѣдняя,—какъ же можно? Я такъ писать не умѣю, да мнѣ ничего не снится, — что же я буду описывать? Нѣтъ, ужъ лучше пишите вы, только не такъ страшно, потому что я пугливая, ужасно боюсь чертей и даже ангеловъ.

Этотъ отвѣтъ немножко озадачилъ бахура и даже опечалилъ его.

— А что, если она въ самомъ дѣлѣ не поняла меня?—подумалъ онъ.—И это совсѣмъ не удивительно: хотя она и умная дѣвушка, но еще такъ молода, такъ неопытна! А о любви она еще и понятія не имѣетъ. Какъ же ей понимать намеки? Надобно писать яснѣе... Яснѣе? А что, если она пойметъ и обидится, Богъ знаетъ, что обо мнѣ подумаетъ?.. Я, вотъ, сколько романовъ прочелъ, и не припомню, чтобы какой нибудь влюбленный бахуръ находился въ такомъ трудномъ положеніи, въ какомъ нахожусь я.

Онъ думалъ долго, цѣлую недѣлю, что ему дѣлать, какъ ему объясниться съ Мэркой, что ей сказать, дабы она не обидѣлась, не испугалась, и не стала избѣгать его совсѣмъ. Вѣдь съ такой невинной дѣвушкой все можетъ случиться. Она можетъ разсказать своимъ родителямъ, родители возьмутъ ее изъ мастерской, выйдетъ скандалъ, и онъ лишится своего послѣдняго удовольствія и счастія смотрѣть на нее, говорить съ нею, оказывать ей услуги. А Добка! Вѣдь эта злая вѣдьма покою ему не дастъ, подниметъ его на смѣхъ, будетъ шуточки шутить, и ему отъ ея злого язычка некуда дѣваться будетъ А между тѣмъ Мэрка требуетъ отъ него писемъ, говоритъ, что въ субботніе дни, когда родители ложатся послѣ обѣда спать, ей ужасно скучно становится, потому что ей дѣлать нечего,— что она и читала-бы его письма, въ особенности, если они

будутъ веселыя. Веселыя! Какъ они могутъ быть веселыми, когда ему плакать хочется, выплакивать свое отягченное сердце, тоскующую душу?

Прошла еще одна недѣля въ обдумываніи плана — и планъ былъ найденъ, хорошій, великолѣпный: извѣстно вѣдь, что влюбленные, какъ люди вдохновенные, весьма остроумны и изобрѣтательны. Однажды, когда Хононъ и Мэрка находились одни въ мастерской, первый обратился къ послѣдней съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Послушайте, Мэрка, вамъ очень хочется читать письма?

— Да, очень, — отвѣтила дѣвушка.

— Хорошо, я вамъ дамъ письма. Но, прежде всего, скажите мнѣ прямо и откровенно: — вы мнѣ другъ или нѣтъ?

— Разумѣется, другъ—и зачѣмъ мнѣ быть вамъ врагомъ? Развѣ вы дѣлаете мнѣ зло?

— Не только не дѣлаю вамъ зла, но готовъ за васъ въ огонь и въ воду. Клянусь вамъ моимъ удѣломъ въ будущемъ мірѣ.

— Я вамъ вѣрю.

— Въ такомъ случаѣ, могу, кажется, быть съ вами вполнѣ откровеннымъ, а потому открою вамъ секретъ.

— Секретъ?

— Большой секретъ. Дѣло въ томъ, что я познакомился съ одною дѣвушкою, и она мнѣ очень понравилась.

— Она хороша?

— Какъ царица Эсеирь, и я надѣюсь, что она будетъ моею невѣстою. То есть, не надѣюсь, но мнѣ кажется, что когда ей станутъ предлагать партіи и я себя предложу, то она мнѣ не откажетъ.

— А родители?

— Родители, вѣроятно, тоже не откажутъ, потому я бахуръ честный, ремесленникъ, деньги зарабатываю, и жена всегда будетъ имѣть со мною хлѣбъ. Чѣмъ же я не женихъ? И... развѣ я не могу понравиться дѣвушкѣ? Развѣ я такой гадкій?

— Кто это говоритъ?

— Вотъ къ этой-то дѣвушкѣ я буду писать письма и эти

письма буду показывать вамъ, но чтобы вы не показывали ихъ никому, рѣшительно никому.

— Сохрани Богъ. А ее самое, дѣвушку, вы мнѣ покажете?

— Пока нельзя, потому что это еще секретъ, но со временемъ покажу.

И вотъ, заручившись такой надежной повѣренной своей тайны, Хононъ сталъ писать самыя пламенныя, самыя восторженныя письма, ничего не опасаясь, ничѣмъ не стѣсняясь и не прибѣгая къ иносказаніямъ и сновидѣніямъ, а называя вещи ихъ настоящими именами. Онъ далъ полную волю полету своей фантазіи и порывамъ волновавшихъ его чувствъ. Дѣвушка читала, болѣе или менѣе понимала, сочувствовала и въ высшей степени заинтересовалась ходомъ происходившаго предъ нею романа. Для того-же, чтобы она развивалась и лучше понимала отношенія между обоими полами, Хононъ сталъ давать ей читать жаргонные романы самаго романтическаго содержанія. Она читала, развивалась, и ей стало казаться, что бахуры и дѣвки созданы единственно для взаимной пламенной любви, что это ихъ прямое назначеніе, вслѣдствіе чего Хононъ высоко поднялся въ ея глазахъ, какъ какой нибудь герой читаемыхъ ею романовъ. И ей было лестно, что она состоитъ повѣренной этого героя, который ничего отъ нея не скрываетъ, а сообщаетъ все, что онъ чувствуетъ къ своей возлюбленной. А та... какою счастливою она должна себя чувствовать, что имѣетъ на свѣтѣ человѣка, который такъ ее любитъ, такъ беззавѣтно ей преданъ и жизни своей не пожалѣлъ бы для нея: это она знаетъ изъ писемъ Хонона. А она, Мэрка, такого человѣка не имѣетъ, вѣроятно потому, что она недостойна, не умна и не красива, по крайней мѣрѣ не такъ красива, какъ Хононова возлюбленная, которая «ясна какъ утренняя заря, блѣдна какъ на небѣ луна, высока и стройна какъ кедръ Ливанскій, и благоухаетъ какъ райское яблоко». Но она, Мэрка, не чувствуетъ къ этой возлюбленной никакой зависти, никакой непріязни. Напротивъ, она заочно ее любитъ и ничего такъ не желаетъ, какъ

познакомиться съ нею лично и сдѣлаться ея пріятельницей, дѣлить съ нею всѣ радости и печали.

— Когда же вы познакомите меня со своею невѣстою?— спрашиваетъ она Хонона часто.

— Еще не время,—отвѣчаетъ онъ ей.

— А писемъ ея отчего вы мнѣ не показываете?

— Она мнѣ никакихъ писемъ не пишетъ. Въ этомъ-то и вся бѣда моя: не знаю, что она обо мнѣ думаетъ.

— А отъ васъ вѣдь она письма принимаетъ?

— Принимаетъ и читаетъ, но ничего не отвѣчаетъ.

— Странная дѣвушка.

— Да, очень странная.

— Я такую дѣвушку не стала бы любить.

— Но сердце не слуга.

— Да она, можетъ быть, не желаетъ быть вашей невѣстой?

— Очень можетъ быть.

— Что же вы будете дѣлать?

— Повѣшусь.

— Фи, не говорите такихъ вещей, мнѣ страшно. Да развѣ вы не найдете другую невѣсту?

— Такой не найду.

Слишкомъ полгода прошло въ чтеніи Мэркой любовныхъ писемъ Хонона къ какой-то таинственной незнакомкѣ. Какъ ни краснорѣчивы были эти письма, приправленныя нерѣдко стихами собственнаго или чужаго издѣлія, но вслѣдствіе повторенія одного и того же отъ нихъ стало вѣять на дѣвушку скукой, и она начала приставать къ Хонону, чтобы онъ, наконецъ, показалъ ей свою возлюбленную хоть издали. Въ противномъ случаѣ она угрожала, что перестанетъ читать эти письма, такъ, какъ они уже не имѣютъ для нея никакого интереса. Дѣлать было нечего, нужно было рѣшиться, хотя Хононъ еще не былъ вполнѣ увѣренъ, что уже наступило время для полнаго раскрытія его тайны.

Однажды, когда Хононъ и Мэрка находились одни въ мастерской, первый всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ дѣ-

вушкѣ и, блѣднѣя и трясясь всѣмъ тѣломъ, проговорилъ упавшимъ, едва слышнымъ голосомъ и заикаясь:

— Мэрка, вы... вы хотите видѣть *мою?*

— Гдѣ она? спросила дѣвушка, вскочивъ съ своего мѣста.

— Вотъ она!—почти вскрикнулъ онъ, схвативъ дѣвушку за руку и подведя ее къ зеркалу.

Дѣвушка вспыхнула, покраснѣла до корней волосъ, пошатнулась и ушла на свое мѣсто, не произнеся ни одного слова, ни одного звука. Хононъ, растерянный, сконфуженный и испуганный, тоже молча вернулся на свое мѣсто. Когда пришла Добка, то она нашла ихъ погруженными въ работу, до того погруженными, что, когда она заговаривала съ ними, они отвѣчали ей не сразу, да и то односложно, звуками и не глядя на нее. Вечеромъ того же самаго дня, Хононъ, сверхъ обыкновенія, раньше оставилъ мастерскую и ушелъ, не дожидаясь Мэрки, такъ какъ ему, какъ онъ говорилъ, куда-то нужно было къ спѣху.

Для нашихъ молодыхъ людей прошли три мучительныхъ дня, во время которыхъ они чувствовали себя не въ своей тарелкѣ, при чемъ избѣгали не только разговоровъ между собою, но даже встрѣчаться глазами. Неизвѣстность положенія дѣйствовала на Хонона замѣтнѣе, нежели на Мэрку: онъ за эти три дня поблѣднѣлъ, похудѣлъ, осунулся и едва держался на ногахъ, потому что потерялъ аппетитъ и сонъ. Если онъ прежде находился между страхомъ и надеждой, то теперь, какъ онъ полагалъ, уже потеряна для него всякая надѐжда, и онъ близокъ былъ къ отчаянію.

— Вы больны, Хононъ?—спросила его Добка, замѣтившая необыкновенную блѣдность и вялость бахура.

— Да, нездоровится мнѣ что-то, — отвѣтилъ послѣдній.

На четвертый день, вечеромъ, Хононъ, провожая дѣвушку домой, собрался съ духомъ и спросилъ ее:

— Вы на меня сердиты, Мэрка?

— За что?

— Стало быть, могу продолжать писать письма?

— Можете.

— И вы будете читать ихъ?

— Разумѣется.

— Стало быть, могу надѣяться, что вы когда нибудь будете моею невѣстою?

— Это отъ меня не зависитъ, зависитъ отъ родителей: какъ они скажутъ, такъ и будетъ.

— Но вы, съ своей стороны, ничего не будете имѣть противъ того, если родители согласятся?

— Какъ же я пойду противъ родителей?

— Такъ поклянитесь мнѣ вотъ этою синагогою, мимо которой мы теперь проходимъ.

— Зачѣмъ клясться? Вы развѣ мнѣ не вѣрите?

— О, вѣрю. Какъ же могу не вѣрить вамъ? Но я все-таки хотѣлъ бы, чтобы вы поклялись, тогда я буду спокойнѣе.

— Ну, клянусь.

Бахуръ почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ дѣвушки и заплакать отъ радости. На прощаньи онъ въ первый разъ осмѣлился крѣпко пожать руку той, о которой онъ до сихъ поръ осмѣливался только мечтать, и то безнадежно. Возвращаясь домой, онъ повернулъ въ синагогу и на паперти ея совершилъ вечернюю молитву съ такимъ усердіемъ, какое уже давно не было ему знакомо: онъ теперь опять увѣровалъ въ Бога и Его милосердіе и отправилъ къ чорту тѣхъ, которые своими праздными разсужденіями поколебли было въ немъ его вѣру.

Послѣдовала новая серія писемъ, столь же нѣжныхъ, но менѣе фантастическихъ, такъ какъ они уже имѣли подъ собою нѣкоторую почву. Въ нихъ нерѣдко затрогивались планы о будущемъ и обсуждались способы къ приведенію этихъ плановъ въ исполненіе. Въ этихъ обсужденіяхъ принимала извѣстное участіе и Мэрка, вслѣдствіе чего Хононъ сталъ получать на свои письма отвѣты, коротенькіе, но дѣльные, ибо хотя она была гораздо моложе его, но, какъ женщина, обладала болѣе практическимъ и менѣе софистическимъ умомъ, нежели нашъ бахуръ, у котораго умъ нерѣдко заходилъ за разумъ.

Между тѣмъ, срокъ ученія Хонона окончился, и онъ получилъ званіе подмастерья. Какъ подмастерье и уже не связан-

ный контрактомъ со Сролемъ Гритцемъ, онъ могъ бы перейти въ болѣе шикозную мастерскую, но то обстоятельство, что *его* Мэрка должна еще продолжать свое ученіе, заставила его остаться вѣрнымъ Сролю Гритцу, у котораго онъ сталъ работать на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Благодаря своему трудолюбію и замѣчательному скопидомству, свойственному почти всѣмъ бѣднымъ бахурамъ, его сбереженія стали замѣтно рости, такъ что они уже приближались къ почтенной для такого бахура суммѣ въ четыреста рублей. Эту сумму онъ считалъ достаточною для начатія переговоровъ съ родителями своей возлюбленной. А потому, условившись съ Мэркой, онъ со дня на день уже собирался подослать сватовъ и только дожидался полнаго округленія суммы въ сберегательной кассѣ, какъ вдругъ...

Одно изъ его писемъ, вслѣдствіе неосторожности Мэрки, попало въ руки ея родителя. Ребъ Шмуель Стоклишкеръ, какъ человѣкъ разсудительный, прочелъ письмо разъ—безъ очковъ, потомъ, надѣвъ очки, прочелъ еще одинъ разъ и понялъ то, что какой-то Хононъ примасливается къ его дочери, и эта дочь, какъ видно изъ письма, знаетъ объ этомъ и одобряетъ это. Онъ письмо сложилъ, положилъ себѣ въ карманъ, пожалъ плечами и крѣпко задумался.

— Такъ вотъ оно что! Такъ вотъ оно какъ!—произносилъ онъ отъ времени до времени тихо, про себя, почесывая свой правый високъ.

Когда пришла жена, онъ коротко и ясно, но не показывая письма, сообщилъ ей о своемъ открытіи. Шмулева поблѣднѣла какъ полотно, всплеснула руками, схватилась за голову и уже хотѣла было заголосить по бабьему, но Шмуль пріостановилъ ее.

— Т-съ! Ни полслова!—крикнулъ онъ на нее строго.—Шума не поднимать, а нужно тишкомъ, стороной, разслѣдовать все это дѣло: кто этотъ Хононъ, чего онъ хочетъ и причемъ тутъ наша единачка? Ей ничего не сказать и виду не показывать, что мы что нибудь знаемъ. Слышишь?

Съ того же самаго дня, переплетчица пустилась на разслѣдованія, побывала въ разныхъ домахъ, поговорила съ десятка-

ми лицъ, познакомилась съ Добкой, разспрашивала, выпытывала ее, шпіонила, обнюхивала и, по истеченіи нѣсколькихъ дней, принесла мужу такой отвѣтъ:

— Слава Богу, никакой опасности нѣтъ. Этотъ Хононъ — очень честный бахуръ.

— Честный?—переспросилъ Шмуль. — Какой же онъ честный, когда онъ дѣвушкамъ письма пишетъ?

— Это теперь уже мода такая: многіе бахуры пишутъ теперь письма къ дѣвушкамъ.

— Но я нынѣшнихъ модъ и знать не хочу!

— Тише, Шмуль, не кричи, а выслушай. Этотъ самый бахуръ тоже работаетъ у Сроля Гритца, уже имѣетъ аттестатъ подмастерья, ему платятъ поштучно, и онъ много денегъ зарабатываетъ. Говорятъ, что уже порядочный капиталъ есть.

— Ну, и пусть себѣ держитъ свой капиталъ, намъ что до того?

— Наша Мэрка, какъ видно, очень приглянулась ему.

— Честь какая!

— И онъ, какъ видно, хочетъ, чтобы былъ между нами шидухъ (партія).

— Никогда этому не бывать! Не видать ему Мэрки, какъ своихъ ушей!

— Почему? Чѣмъ онъ не женихъ нашей Мэркѣ?

— Во первыхъ, если онъ честный бахуръ, то какъ онъ осмѣлился играть романъ съ чуждою ему дѣвушкою? Стало быть, онъ развратникъ. Во вторыхъ, онъ ремесленникъ, а за ремесленника я свою единственную дочь не выдамъ: мой гоноръ не позволяетъ мнѣ этого!

— Твой гоноръ? А ты самъ развѣ не ремесленникъ?

— Я такой же ремесленникъ, какъ ты — Пинта-богачиха. Но будетъ намъ препираться изъ-за пустяковъ. Изъ всей этой исторіи я усматриваю только то, что нашей Мэркѣ уже пора замужъ, да и не мудрено: ей уже семнадцатый годъ пошелъ. Когда ты была въ ея лѣтахъ, то ты была уже матерью двоихъ дѣтей.

— И гдѣ они, бѣдненькія?

— Богъ далъ, Богъ и взялъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ

томъ, что Божьею помощью, я дамъ Мэркѣ мужа набожнаго и ученаго, а не какого нибудь ремесленника, который притомъ еще дѣвушкамъ письма пишетъ.

— А чѣмъ ты молодую пару кормить будешь?

— Хватитъ для насъ, хватитъ и для молодой пары. Свѣтъ еще не кончается. Есть Богъ. Онъ помогалъ намъ до сихъ поръ, поможетъ и впредь. Я надежды не теряю, а наша единачка должна быть при насъ.

Въ ближайшую пятницу, поутру, когда переплетчикъ вернулся съ утренней молитвы домой, онъ обратился къ женѣ со слѣдующими словами:

— Послушай, Бася-вѣнецъ, ты на нынѣшнюю субботу не поскупись, а приготовляй все, какъ у порядочныхъ обывателей, и вино на кидушъ купи, потому что мы на субботу будемъ имѣть гостя.

— Гостя?—спросила жена.—Кого это?

— Ужъ ты увидишь. Впрочемъ, зачѣмъ секретничать? Этотъ гость, если Богъ дастъ, будетъ суженымъ нашей Мэрки.

— Кто же онъ такой?

— О, это бахуръ на рѣдкость. Красивъ, какъ солнце, высокъ какъ дерево, ученъ, набоженъ и, какъ видно, изъ хорошаго семейства.

— Откуда онъ?

— Изъ-подъ Гродна. Онъ пріѣхалъ сюда достать рукоположеніе отъ здѣшнихъ раввиновъ. Онъ день и ночь сидитъ въ нашей молельнѣ надъ гемарами и приготовляется къ экзамену. Учился онъ въ воложинскомъ ешиботѣ и имѣетъ отъ тамошняго раввина отличныя рекомендаціи, Словомъ, бахуръ, которому Богъ и люди должны радоваться. И какой пѣвецъ! Онъ два раза въ нашей молельнѣ субботнія вечерни справлялъ, такъ могу тебѣ сказать, что нашъ городовой хазанъ долженъ печуру у него подтапливать. Вотъ я и хочу попробовать, не удастся-ли намъ завербовать его въ женихи для нашей доченьки,—да здравствуетъ она! Я пригласилъ его на субботу, и онъ мнѣ не отказалъ, хотя онъ по субботамъ имѣетъ столъ у одного изъ здѣшнихъ гвировъ. А потому постарайся, чтобы все было, какъ слѣдуетъ.

— Будетъ, какъ слѣдуетъ, ужъ это мое дѣло.

— А кстати постараешься, чтобы Мэрка была одѣта поприличнѣе. Хотя *онъ* на женщинъ, вѣроятно, и не смотритъ,— не то, что этотъ паскудный перчаточникъ... какъ бишь его?

— Хононъ.

— Однакожъ, все-таки не мѣшаетъ, чтобы наша Мэрка смотрѣла обывательской дочкой. Красоты ей не заимствовать.

— Что и говорить,—слава Богу! По красотѣ ей прилично быть первой богачихой въ городѣ.

Л. Леванда.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ *.

XX.

Разъясненіе правъ евреевъ по питейной торговлѣ.— Порядокъ пользованія больныхъ въ городскихъ больницахъ.—Устройство молитвенныхъ домовъ.—Расширеніе права отлучекъ на заработки, вслѣдствіе примѣненія отмѣненнаго закона. — Отчетность. — Разъяснительныя свѣдѣнія о недоимкахъ и причинахъ ихъ накопленія.—Права земледѣльцевъ на пастьбу скота на общественныхъ земляхъ.— Настоянія о необходимости коренного преобразованія колоній.—Разъясненіе какіе именно долги надлежитъ сложить со счетовъ по манифесту.

Остановленный въ дальнѣйшемъ направленіи проектъ прекращенія пріема евреевъ въ земледѣльцы и измѣненія положенія тамошнихъ колоній составлялъ отдѣльный эпизодъ. Между тѣмъ обыденная жизнь еврейскихъ колоній продолжала создавать различные вопросы.

Изданное въ 1861 г. положеніе о питейномъ сборѣ почти повсемѣстно возбуждало недоумѣнія и споры касательно правъ евреевъ по торговлѣ питіями. М-ство финансовъ тщетно старалось разъяснить казеннымъ палатамъ и акцизнымъ управленіямъ истинный смыслъ положенія, а потому и представило государственному совѣту о «распространеніи правъ евреевъ по продажѣ питій и арендованію винокуренныхъ заводовъ въ мѣстахъ ихъ осѣдлости». Согласно этому представленію, послѣдовало измѣненіе 242 ст. положенія, въ томъ смыслѣ, что евреямъ «въ мѣстахъ постоянной ихъ осѣдлости, дозволяется питейная торговля, на общемъ основаніи», а 108 ст. положенія дополнена словами, что «евреямъ, имѣющимъ право на заводскую и фабричную промышленность, дозволяется арендовать винокурен-

* См. «Восходъ», 1886 г., кн. 4.

ные заводы повсемѣстно въ губерніяхъ: Кіевской, Херсонской, Таврической, Могилевской, Витебской, Черниговской и Полтавской» (13 марта 1863 г.).

Вслѣдъ за обнародованіемъ этого закона, попечительный комитетъ, въ свою очередь, усомнился въ томъ, могутъ-ли евреи купцы и мѣщане содержать оброчныя статьи и питейную торговлю въ колоніяхъ, такъ какъ взявшіе на торгахъ эти операціи не располагали въ колоніяхъ постоянною осѣдлостью? М-ство финансовъ лаконически отвѣтило: евреи вольны торговать питіями тамъ, гдѣ имѣютъ постоянную осѣдлость. Тогда м-ство госуд. имущ., по соображенію всѣхъ относящихся къ этому предмету постановленій, разъяснило комитету, что евреи-купцы и мѣщане могутъ содержать въ колоніяхъ питейные дома, съ правомъ торговли питіями, наравнѣ съ христіанами.

Екатеринославскія колоніи не имѣли больницы и заболѣвавшихъ отправляли въ города. М-ство поручило комитету сообразить, нельзя-ли въ этомъ отношеніи держаться правилъ, существовавшихъ для селеній государственныхъ крестьянъ? Это оказалось невозможнымъ, такъ какъ въ казенныхъ селеніяхъ были казенныя лечебницы, а при нихъ—врачи, въ колоніяхъ же лечебницъ не существовало, а на всѣ колоніи двухъ губерній полагался только одинъ врачъ; въ Нагартавской же лечебницѣ лечились ежегодно до 2,000 чел., а въ екатеринославскихъ колоніяхъ пользовалъ больныхъ фельдшеръ, который имѣлъ, въ 1863 г., 351 больного, изъ коихъ умерло 36 человѣкъ.

Между тѣмъ, м-ству донесли, будто евреи-земледѣльцы, безъ согласія своихъ обществъ и безъ письменныхъ видовъ, нерѣдко удалялись изъ колоній въ города, гдѣ, подъ предлогомъ болѣзни, а въ дѣйствительности ради дневного пропитанія,—помѣщались въ городскія и казенныя больницы, причемъ установленная за ихъ содержаніе весьма значительная плата падала на общества, къ которымъ принадлежали и для которыхъ эти расходы оказывались рѣшительно непосильными.

Управляющій м-вомъ, т. с. Гернгросъ, нашелъ неосновательнымъ возлагать уплату больницамъ за бродяжествовавшихъ на ихъ общества, и полагалъ, что расходъ больницъ за евреевъ-бродягъ, точно также, какъ за безпаспортныхъ государственныхъ крестьянъ, помѣщавшихся въ больницы, безъ прямого на то согласія ихъ родственниковъ и обществъ, — долженъ падать лично на евреевъ, а при ихъ несостоятельности,—на виновныхъ въ ихъ пристанодержательствѣ; впредь же до привлеченія послѣднихъ къ отвѣтственности, — на полицейскія власти, помѣщавшія бродягъ

въ больницы. Далѣе Герягросъ полагалъ поручить комитету предоставить больницамъ обращаться съ требованіями удовлетворенія къ властямъ, направлявшимъ евреевъ въ больницы. Этимъ способомъ, по мнѣнію Герягроса, полиціи принуждались бы тщательнѣе наблюдать за бродяжничавшими земледѣльцами и исполнять требованія колоніальнаго начальства о высылкѣ ихъ на мѣста приписки.

Генералъ-губернаторъ Коцебу, на сдѣланный ему объ этомъ запросъ, отозвался, что всѣ недоумѣнія разрѣшались 585 ст. уст. общ. призр., по которой за пользованіе въ больницахъ неимущихъ больныхъ разныхъ вѣдомствъ,—плата взыскивается съ означенныхъ вѣдомствъ. Предоставлять же больницамъ требовать деньги съ полицейскихъ властей Коцебу считалъ невозможнымъ, такъ какъ это, во 1-хъ, вовлекло бы больницы въ огромную переписку, во 2-хъ, лишило бы ихъ вѣрнаго источника, безъ котораго они существовать не могли и, въ 3-хъ, обвинять полицію за отправленіе евреевъ въ больницу—казалось Коцебу несправедливымъ: еврей-земледѣлецъ заболѣвалъ на улицѣ или на базарѣ, полиція и отсылала *больного* человѣка въ больницу, вовсе не справляясь есть-ли у него паспортъ. Переходя къ вопросу о томъ, какими способами можно было бы прекратить бродяжничество евреевъ-земледѣльцевъ,—Коцебу находилъ, что «при извѣстномъ укрывательствѣ евреями своихъ единовѣрцевъ-бродягъ и при крайне ограниченномъ составѣ городскихъ полицій, онѣ не располагали никакими почти средствами искоренить существовавшее издавна бродяжничество евреевъ-земледѣльцевъ». Опытъ обращенія евреевъ въ земледѣльцы, по словамъ Коцебу, вовсе неудался: большая часть колонистовъ, ни сколько не заботясь объ улучшеніи своего сельскаго быта, проживала внѣ колоній и занималась свойственными еврейской національности торговлею, факторствомъ и т. д.», отчего Коцебу считалъ полезнымъ «совсѣмъ уничтожить еврейскія колоніи, или, по крайней мѣрѣ, прекратить дальнѣйшій пріемъ евреевъ въ земледѣльческое сословіе», потому, что «нельзя было полицейскими мѣрами заставить еврея исполнять принятыя имъ на себя при водвореніи условія и пріучить его къ сельскому труду; если еще можно было ожидать какой нибудь успѣхъ, то развѣ отъ карательныхъ мѣръ, какъ, напр., отдачи евреевъ-бродягъ въ рекруты безъ очереди, или исключеніе ихъ изъ земледѣльцевъ, съ отсылкою въ Сибирь на поселеніе». Коцебу разсчитывалъ, что объявленіе объ этомъ, съ означеніемъ срока, съ котораго начнется сдача въ солдаты и ссылка въ Сибирь «*заставило бы* бродяжествовавшихъ евреевъ возвратиться въ

колоніи и избавило бы общества отъ напрасной платы за нихъ податей, повинностей и больничныхъ». Въ заключеніе Коцебу присовокупилъ, что предложилъ губернаторамъ ввѣреннаго ему края — принять строгія мѣры къ высылкѣ безпаспортныхъ евреевъ-земледѣльцевъ въ мѣста ихъ приписки и воспретить отправлять ихъ въ больницы безъ крайней надобности.

Съ своей стороны, комитетъ сознавался, что установленіе какой либо правильной и постоянной, въ пособіе обществамъ, мѣры не принесло бы существенной пользы: земледѣльцы, узнавъ объ этомъ, «стали бы чаще и смѣлѣе поступать въ больницы, ибо разсчитывали бы на воспособленіе если не общества, то начальства». Къ тому же евреи, «по слабости тѣлосложенія и непривычкѣ къ тяжелому труду, до такой степени вѣрятъ въ необходимость леченія, что при всякихъ недугахъ весьма охотно спѣшатъ въ больницы, пренебрегая даже религіозными своими убѣжденіями». Комитетъ, такимъ образомъ, считалъ необходимымъ облегчить только общества въ попеченіи и врачеваніи увѣчныхъ, умалишенныхъ и трудно-больныхъ, дѣйствительно не располагавшихъ ни родственниками, ни собственными средствами къ существованію. Такихъ больныхъ было, правда, мало, но «общества, въ особенности въ неурожайные годы, не въ состояніи были содержать и ихъ подолгу въ больницахъ». Въ интересахъ этихъ больныхъ комитетъ домогался для попечителей колоній права испрашивать каждый разъ разрѣшенія на израсходованіе потребной суммы безвозвратно изъ процентовъ съ капитала мірскихъ кассъ,—гдѣ онѣ были, а гдѣ ихъ не было—съ % съ капитала, образовавшагося отъ отдачи въ оброкъ земель, предназначенныхъ подъ поселеніе евреевъ. Но и эту мѣру комитетъ предпочиталъ ввести «временно, до устройства въ колоніяхъ богадѣленъ и безъ оглашенія среди земледѣльцевъ», такъ какъ они, по убѣжденію комитета, «непремѣнно нашли бы возможность употреблять во зло воспособленіе», да и «самыя общества стали бы менѣе радѣть о своихъ бѣдныхъ больныхъ».

Между тѣмъ, по смыслу статей 584 и 6 п. ст. 586 устава общ. призрѣнія, евреи-земледѣльцы, какъ всякіе неимущіе, имѣли несомнѣнное право на *даровое* пользованіе въ больницахъ, при соблюденіи извѣстныхъ правилъ, причемъ плата за нихъ должна быть просто скидываема со счетовъ. И нельзя не удивляться, къ чему велась вся эта напрасная переписка, которая и прекратилась такъ же странно, лишь вслѣдствіе имѣвшагося состояться новаго вышеупомянутаго преобразованія колоній.

Въ то же время не оставалась безъ вниманія и Ногартовская лечебни-

ца. Главный медикъ м-ва госуд. имущ. полагалъ справедливымъ удовлетворить ходатайство о прибавкѣ врачу, получавшему 500 р., по 200 р. въ годъ, такъ какъ въ 1864 г. въ лечебницѣ лечились 476 чел., амбулаторныхъ было 1,836 чел. и врачъ еще ѣздилъ по колоніямъ. Комитетъ желалъ обратить этотъ расходъ на мірскія суммы, но департаментъ доказывалъ, что «постигшіе край, нѣсколько лѣтъ сряду, неурожаи, скотскіе падежи и другія бѣдствія поставили евреевъ въ крайне затруднительное положеніе, для нихъ тѣмъ болѣе тягостное, что при слабомъ ихъ хозяйственномъ бытѣ, на нихъ считалось въ недоимкѣ 42,242 р. 76½ к.». Оттого департаментъ предпочиталъ отнести прибавку на доходы со свободныхъ земель, отведенныхъ подъ поселеніе евреевъ (1427 ст. Зак. о сост. Т. IX, 1857 г.) и министръ Зеленый утвердилъ это.

Съ своей стороны, врачъ Ногартовской лечебницы добивался разрѣшенія поить утромъ и вечеромъ больныхъ чаемъ, который разныя лица жертвовали до 1862 г.; въ этомъ году открылось благотворительное общество, собиравшее деньги на чай по колоніямъ, но потомъ общество прекратило свое существованіе, по неимѣнію на то дозволенія начальства; послѣднее считало достаточнымъ на чай 150 р. въ годъ и думало разложить эту сумму по 8 к. въ годъ на 1,988 семействъ. Зеленый одобрилъ эту раскладку условно, «если всѣ колоніи на нее согласятся», а въ противномъ случаѣ, приказалъ довольствоваться благотворительностью.

Изъ колоніи Новоподольска поступило заявленіе, что, со времени учрежденія колоніи, богослуженіе отправлялось въ частномъ домѣ, но помѣщеніе это, при ежегодномъ увеличеніи населенія, оказывалось весьма неудобнымъ и тѣснымъ, почему просили на постройку молитвеннаго дома 1,000 р., изъ доходовъ отъ запасной земли. Комитетъ поддерживалъ эту просьбу, а департаментъ считалъ означенные доходы въ сущности собственностью поселенческаго общества, обладавшаго правомъ свободнаго ими распоряженія, ограниченнаго лишь въ видахъ попечительства, а потому департаментъ полагалъ удовлетворить просьбу колонистовъ, изъ накопившихся 3,300 р. съ запаснаго при колоніи участка съ тѣмъ, однако же, чтобы за непремѣннымъ употребленіемъ этого пособія по назначенію комитетъ строго наблюдалъ. Зеленый разрѣшилъ расходъ.

Изъ колоніи Затишье обратились съ такою же просьбою о 1,000 р., на окончаніе молитвеннаго дома, на который колонисты между собою собрали 2,000 р., но имъ не хватило на желѣзную крышу и внутреннюю отдѣлку. Министерство дало 1,000 р., но поручило комитету озаботиться

«безотлагательнымъ взысканіемъ числившейся на колонистахъ недоимки въ 608 р.», ибо складчина въ 2,000 р. «свидѣтельствовала о ихъ имущественномъ достаткѣ». Изъ колоній: Доброй, Пріютной, Роскошной, Богодаровки и Горькой тоже захлопотали о выдачѣ имъ изъ того же источника денегъ на устройство молитвенныхъ домовъ, но министерство всѣмъ отказало, дабы «не истощить ихъ запасныхъ средствъ, необходимыхъ на помощь при повторявшихся въ краѣ неурожаяхъ».

Комитетъ считалъ неудобнымъ примѣнять къ колонистамъ законъ, воспрещавшій увольнять ихъ на заработки далѣе предѣловъ Новороссійскаго края. Министерство удивилось, получивъ такое донесеніе. Эта статья *отмѣнена* была еще указомъ сената 10-го января 1846 г. за № 838, но только II отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи *забыло* своевременно исключить ее изъ закона. Комитетъ, такимъ образомъ, напрасно ею руководствовался ровно 19 лѣтъ! Министерство разъяснило это комитету, а II отдѣленію сообщило о его промахѣ.

Въ свою очередь, II отдѣленіе, разрабатывая проектъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, остановилось на 8 п. 1395 ст. улож., грозившемъ взысканіями за неисправное содержаніе домохозяйства, такъ какъ этотъ пунктъ противорѣчилъ «основнымъ началамъ» задуманнаго новаго законодательства, по которому «всякій хозяинъ самъ обязывался о себѣ заботиться, а не подчиняться надзору и карамъ сельскихъ властей». II-ое отдѣленіе спросило министерство—не отмѣнить-ли совсѣмъ, или не измѣнить-ли хоть этотъ пунктъ сообразно общему духу проектировавшагося законодательства? Министерство отозвалось, что «весь уставъ о колоніяхъ требовалъ пересмотра», отчего исключеніе изъ него лишь одного пункта находило «преждевременнымъ», такъ какъ еще «не выяснились главныя начала дальнѣйшаго существованія колоній», тогда какъ еще ранѣе само же одобрило эти основанія—проектъ коммисіи. Впрочемъ, противорѣчіе это вытекло изъ критики проекта, породившей сомнѣнія въ его цѣлесообразности, а потому онъ утратилъ значеніе, а министерство вернулось къ обычной заботливости о поддержкѣ колоній.

Изъ отчета о нихъ за 1865 г., картина ихъ состоянія въ главныхъ чертахъ представлялась вотъ въ какомъ видѣ: къ 1865 г. состояло наличныхъ душъ въ Херс. губ. 10,338 м. и 9,760 ж. и Екат.—5,941 м. и 5,230 ж., итого 16,279 м. и 14,900 ж., въ томъ числѣ родившихся и черезъ бракъ прибывшихъ—2,098 м. и 2,114 ж. Къ 1865 г. состояло семействъ въ Херс. губ. 1,874 и Екат. — 866 м. и 2,740 ж.,

противъ предшествовавшаго года болѣе на 10 семействъ, а на каждое изъ нихъ въ сложности приходилось болѣе 6 душъ мужскаго пола.

Общій итогъ всѣхъ поступившихъ въ 1865 г. сборовъ составлялъ по Херс. губ.—40,387 р. 23¾ к. и Екат.—7,048 р. 27 к., всего 47,435 р. 50¾ к., въ сложности съ каждой ревизской души, вышедшей изъ льготъ, по Херс. губ. по 5 р. 65¾ к., а Екат. около 1 р. 38 к., противъ предшествовавшаго года въ Херс. губ. болѣе — 593 р. 14¼ к., а въ Екат. менѣе—1,291 р. 11 к. Общій же итогъ недоимокъ по всѣмъ сборамъ составлялъ по Херс. губ.—15,110 р. 62¼ к. и Екат.—45,557 р. 64½ к., а всего 60,668 р. 26¾ к. «Совершенный неурожай хлѣба и травъ въ колоніяхъ послѣдніе три года—въ херсонскихъ и четыре года—въ екатеринославскихъ—говорится далѣе въ отчетѣ—былъ главнѣйшею причиною значительной недоимки, которая противъ предшествовавшаго года возросла на 18,293 р.15 к.».

Къ 1865 г. было въ Херс. губ. 6 синагогъ и 26 молитв. домовъ, а въ Екатер. 12 молитв. домовъ, а въ теченіе 1865 г. построены еще 1 мол. д. въ Херс. и 1 въ Екатер. губ.

При синагогахъ и молитвенныхъ домахъ состояло въ Херс. губ.: приходовъ—32, раввиновъ 13,—одинъ приходъ на 641 и одинъ раввинъ на 1,577 душъ обоего пола; въ Екат.—приходъ—1, раввиновъ—2, одинъ приходъ на 11,379 и одинъ раввинъ на 5,689 душъ обоего пола.

Обучали дѣтей: въ Херс. губ. меламеды (наставниковъ было 113, а учениковъ 1,005) за плату отъ родителей, по условію, а въ Екат.,—по неимѣнію экзаменованныхъ меламедовъ, сами родители, а нѣкоторые не экзаменованные меламеды (настави. было 2, а учениковъ 196) подъ руководствомъ мѣстнаго раввина.

Обученіе дѣтей въ херсонскихъ колоніяхъ обошлось родителямъ въ 10,614 р., а въ екатеринославскихъ — на этотъ предметъ почти никакихъ не было расходовъ.

По словамъ отчета, умственное развитіе евреевъ стояло «выше развитія окружавшаго ихъ населенія христіанъ», но направленіе его «не вполнѣ еще соотвѣтствовало цѣли—сдѣлать изъ нихъ хорошихъ земледѣльцевъ», ибо «вредное на нихъ вліяніе имѣли ихъ меламеды, не освободившіеся отъ фанатическихъ принциповъ, несогласныхъ съ правилами, требовавшимися отъ хорошихъ земледѣльцевъ».

Къ 1866 г. осталось подсудимыхъ подъ стражею въ Херс. губ. 5, а въ Екат.—16 муж., а на свободѣ въ Херс. губ. 71 муж. и 4 жен.

Въ 1865 г. состояло: подъ опеками нерадивыхъ евреевъ-земледѣльцевъ (Херс. губ.), причисленныхъ къ рабочимъ упряжамъ—25.

Въ 1865 г. питейныхъ заведеній было въ херс. кол. 78, а въ екат.—21, всего 99. Употребили евреи напитковъ: въ херс. на 11,260 руб. и екат. на 3,500 руб., всего на 14,760 р., противъ предшествовавшаго года менѣе на 5,662 руб.

Всѣхъ селеній, въ которыхъ жили евреи-земледѣльцы въ 1865 году, состояло въ Херс. губ. 22, а Екат.—18, итого 40.

Принадлежавшихъ евреямъ-земледѣльцамъ, нѣмецкимъ образцовымъ хозяевамъ и обществамъ домовъ въ 1865 г. считалось въ Херс. губ.—2,142 (изъ нихъ каменныхъ—980, и Екат.—835 большею частью изъ землянаго кирпича). Прежней постройки домовъ было: съ крышами, раскрытыхъ и полураскрытыхъ 112 и разрушенныхъ, въ которыхъ воспрещено было жительство—71.

Къ 1865 г. въ херс. кол. состояло 9 хлѣбныхъ магазиновъ и 5 амбаровъ, въ которыхъ могло помѣститься хлѣба 2,650 четв., а въ екат.—къ устройству общественныхъ магазиновъ и амбаровъ приступаемо не было, такъ какъ земледѣльцы, по недавнему водворенію, не могли на это пріобрѣсть достаточныхъ средствъ. Полное количество хлѣбнаго запаса, на ревизскую мужскаго пола душу по 1½ четверти, составляло 13,518 четвертей. Къ 1865 г. въ херс. магазинахъ было этого хлѣба на лицо около 1,291 четв. въ ссудѣ 4,232 четв., и продано было слишкомъ 176 четв. Въ 1865 г. поступило отъ общественной запашки 49 четв., 7 четверик.,—противъ предшествовавшаго года менѣе—799 четв., Въ 1865 г. употреблено на обсѣмененіе общественныхъ полей: 106 четв., 7 четверик. Сверхъ того въ 1865 году, вслѣдствіе «истребленія въ нѣкоторыхъ магазинахъ хлѣба *размножившимися крысами*, сложено со счетовъ, по приговорамъ обществъ» 325 четв.

Къ 1865 г. продовольственнаго капитала, принадлежавшаго херс. кол., состояло 5,825 р. 12 к., а въ екат.—сбора на составленіе такого капитала еще не производилось, по мнѣнію общественныхъ источниковъ, изъ которыхъ можно бы было отдѣлить по разсчету 6 коп. съ души, какъ это дѣлалось въ херс. кол.

На общественныхъ поляхъ херс. кол. было посѣяно озимаго на 1865 г. на 121 десятинѣ 75 четв., 2 четверика,—противъ 1864 г. менѣе на 12 десятинахъ 4 четверти, ярового на 15 дес. 96⅜ четв., противъ 1864 г. болѣе на 28 десятинахъ 30 четвертей и 1 четверика; отъ общественной

запашки собрано 49 четв., 7 четвериковъ, — противъ предшествовавшаго года менѣе 799 четв., 1 четверика и 4 гарнца. На 1866 г. посѣяно озимаго хлѣба на 129 десятинахъ 78 четв. и 1 гарн.; въ екат.—въ 1865 г. общественной запашки не было.

На поляхъ херсонскихъ земледѣльцевъ посѣяно было 10,414³/₄ четр., противъ предшествовавшаго года на 119¹/₄ дес. меньше. Изъ общаго количества посѣвовъ на каждую наличную мужскаго пола душу приходилось по 4 слишкомъ четверти. Отъ показанныхъ посѣвовъ собрано: 6,644 четв. 6 четверик.,—противъ предшествовавшаго года менѣе: озимаго — 8,608 четв. и 2 четверика; ярового—33,900 четв. и 2 четверика. Въ Екат. губ. посѣяно на 7,017 дес., 3,927 четв. Противъ предшествовавшаго года озимаго болѣе на 275¹/₄ дес. 204 четв., а ярового менѣе на 76 дес. 221 четв. Отъ посѣвовъ собрано 4,410 четв. 4 четверика.— Противъ предшествовавшаго года болѣе: озимаго—106 четв. и ярового 39 четв. Приведенные выводы свидѣтельствовали, что урожай въ колоніяхъ обѣихъ губерній былъ до того «*плохъ*, что въ нѣкоторыхъ колоніяхъ не собрано даже посѣяннаго зерна, а въ другихъ, особенно екатеринославскихъ, урожай хотя и былъ и самъ одинъ и два, но и онъ съѣденъ *овражками*». Такимъ образомъ земледѣльцы этихъ колоній, «подвергшіеся уже четвертый годъ неурожаю, доведены были до крайней нищеты и огромнаго долга, который и въ 1865 г. увеличился».

Въ 1865 г. посѣяно было картофеля: 923 четв. 4 четверика; собрано картофеля: въ Херс. губ. 625 четв. 4 четверика, въ Екатер. — 1,121 четв.

Отлучившимся для заработковъ земледѣльцамъ въ 1865 г. выдано въ херс. кол. 1,091 паспортъ на 1,064 р. 15 к., а въ екатер. — 1,309 билетовъ на 1,053 р. 60 к.

Къ 1865 г. состояло капитала мірскихъ кассъ, принадлежавшихъ селеніямъ Херс. губ. 25,233 р. 86¹/₂ к., Екатер.—19,515 р. 21³/₄ к.

Въ 1865 г. водворенныхъ семействъ считалось въ Херс. губ. 570 и Екатер.—632, итого 1,202, не водворенныхъ въ Херс. г. 61 и Екатер.— 42, итого 103 семейства; изъ нихъ прибыло 49.

Къ 1865 г. переселенческаго капитала состояло: въ комитетѣ — 5,229 р. 94¹/₄ к., въ долгу по разнымъ предметамъ—21,598 р. 82¹/₂ к., въ 1865 г. поступило на водвореніе евреевъ 288 р. 95¹/₂ к., % на суммы, находившіяся въ одесской государственнаго банка конторѣ 527 р. 62 к,, израсходовано въ 1865 г. 581 р. 49¹/₂ к.

На содержаніе 10 чиновъ отдѣленія въ комитетѣ отчислено было 6,475 р. Въ 1865 г. употреблено на содержаніе попечительства: херсонскаго—2,314 р. 82½ к., екатеринославскаго—2,338 р. На 4-хъ еврейскихъ мальчиковъ при херсонскомъ и 2-хъ при екатеринославскомъ попечительствѣ, обучавшихся письмоводству, для занятія впослѣдствіи писарскихъ должностей—328 р. 35 к. Сельскихъ приказовъ было: въ Херс. г. 18, одинъ на 1,139 душъ, а въ Екатер.—8, одинъ на 1,422 д. Къ 1865 г. состояло сельскихъ начальниковъ: въ Херс. губ. 14 и въ Екатер.— 5; на содержаніе ихъ употреблено 3,108 р. 62 к. Всѣхъ должностныхъ лицъ по сельскимъ приказамъ къ 1865 г. состояло 57 (писарей изъ евреевъ-земледѣльцевъ 20); на ихъ содержаніе израсходовано 8,352 р. 60 коп.

Свободной казенной земли, предназначенной подъ поселеніе евреевъ къ 1865 г. считалось: въ Херс. губ. 38,162 дес. 702 саж. и въ Екатер.— 39,100 дес. 927 саж, изъ нихъ 250 десятинъ въ Екатер. губ. было въ хозяйственномъ управленіи, а остальное количество земли находилось въ оброчномъ содержаніи у разныхъ лицъ, по контрактамъ. Земель, данныхъ въ надѣлъ евреямъ-земледѣльцамъ къ 1865 г., состояло въ Херс. губ. 91,976 дес. 348 саж. и въ Екатер. — 36,904 дес. 2,039 саж. Съ казенныхъ оброчныхъ участковъ, отданныхъ по контрактамъ и находившихся въ хозяйственномъ управленіи поступило въ 1865 г. 58,122 р. 48 к., противъ предшествовавшаго года болѣе на 4,366 р. 39 к. Съ мірскихъ статей, состоявшихъ въ оброкѣ по контрактамъ въ 1865 г. поступило 20,979 р. 54 к.

По распоряженію коммисіи сельскаго хозяйства, въ 1865 г. передѣлано на домахъ крышъ, съ устройствомъ фронтоновъ 219, устроено: конюшенъ и сараевъ 24, палисадниковъ при домахъ 24; пріобрѣтено плуговъ малороссійскихъ 19, боронъ и сохъ 140, а возовъ малороссійскихъ 29. Занимались хлѣбопашествомъ въ 1865 г. въ обѣихъ губерніяхъ 10,105 мужского пола душъ. Къ 1865 г. было:

	въ херсонскихъ.			въ екатеринославскихъ.		
	Число.	Противъ предшествовавшаго года.				
		Болѣе.	Менѣе.	Число.	Болѣе.	Менѣе.
Лошадей	2857	49	—	2292	56	—
Рогатаго скота	4596	228	—	4607	144	—
Овецъ	4259	407	—	2644	76	—
Общественныхъ жеребцовъ	4	—	1	3	—	2

	въ херсонскихъ.			въ екатеринославскихъ.		
	Число.	Противъ предшествовавшаго года.				
		Болѣе.	Менѣе.	Число.	Болѣе.	Менѣе.
Бугаевъ	34	—	2	19	1	—
Гулеваго скота отъ 1 до 3 л.	2349	—	—	—	—	—
Продано лошадей	113	—	—	101	—	—
» рогатаго скота	11918	—	—	278	—	—
» овецъ	1274	—	—	179	—	—

Стоимостію въ кол. херс.—на 15,234 р. 80 к., а въ екатер. — на 2,579 р.

Въ 1865 г. въ херс. колоніяхъ выручено отъ продажи масла и сыру 4,905 р. Въ 16 общественныхъ плантаціяхъ Херс. губ. въ 1865 г. состояло: лѣсныхъ деревьевъ 21,583, тутовыхъ—29,145, виноградный садъ, а въ немъ 900 кустовъ; въ школахъ и питомникахъ деревьевъ лѣсныхъ 19,945, тутовыхъ—15,244. Въ садахъ при домахъ сельскихъ начальниковъ и при домахъ земледѣльцевъ: лѣсныхъ 8,026, тутовыхъ — 22,463. Въ 1865 г. въ плантаціяхъ уменьшилось деревьевъ: лѣсныхъ 300 и тутовыхъ—660; въ школахъ и питомникахъ увеличилось: лѣсныхъ 7,986 и тутовыхъ—11,466 деревьями, а въ садахъ при домахъ сельскихъ начальниковъ и земледѣльцевъ увеличилось: лѣсныхъ 2,133 и уменьшилось тутовыхъ 5,075 деревьями. Посадка деревьевъ постоянно производилась въ палисадникахъ при домахъ евреевъ-земледѣльцевъ, причемъ въ 1865 г. посажено 800 шт., но отъ сильной засухи въ продолженіи всей весны весьма мало принялось; затѣмъ оставалось до 32,000 деревьевъ. Въ общественной плантаціи разсажено молодыхъ деревьевъ и кустарниковъ до 2,000 и отпущено въ колоніи, для посадки около домовъ, масличныхъ кустарниковъ 15,000, акацій и молодыхъ деревьевъ 1,400, фруктовыхъ—900 и тутовыхъ 2,700 штукъ. Огородныхъ овощей: гороху, фасоли, чечевицы и проч. посѣяно было въ 1865 г. въ херс. кол. 20 четв. 6 четверик. 3 гарнц., въ екатер.—89 четв. 5 четверик. 1 гарнцъ; собрано овощей: въ Херс. губ. 27 четв. 2 четверика 4 гарнца, въ Екатер.— 115 четв. 4 четверика 3 гарнца. Въ 1865 г. посѣяно: льну въ Херс. губ. 528 четв. 6 четверик. 2 гарнца, въ Екатер.—57 четв. 7 четверик. 4 гарнца. Противъ предшествовавшаго года болѣе на 278 четв. 4 четверика 6 гарнц. Собрано льну въ Херс. г. 465 четв. 5 четверик. 7 гарнц., въ Екатер. менѣе прежняго на 3,094 четв.

Домостроительство въ колоніяхъ обѣихъ губерній «улучшалось и евреи-

земледѣльцы стремились къ болѣе прочной и удобной постройкѣ домовъ; многіе изъ нихъ перестраивали себѣ дома на мѣсто прежнихъ плетневыхъ и изъ земляного кирпича каменные дома на свой счетъ и съ большими, противъ прежняго, удобствами». Премій изъ капитала, пожертвованнаго г. Гинцбургомъ, получили въ отчетномъ году *восемь* земледѣльцевъ Херс. г. Сборъ на богоугодныя заведенія, при выдачѣ билетовъ на отлучки для заработковъ составилъ въ 1865 г. 690 р. 60 к., а со времени его учрежденія — 9,762 р. ½ к. Капиталъ этотъ предназначался для устройства пріютовъ увѣчнымъ и неимущимъ евреямъ, находившимся на попеченіи обществъ. Оспопрививаніе, не смотря на недостаточность въ оспопрививателяхъ, въ особенности въ екатер. кол., шло «весьма удовлетворительно». Обороты вспомогательныхъ кассъ свидѣтельствовали о приносимой ими пользѣ евреямъ-земледѣльцамъ. Наконецъ, «небольшое число совершенныхъ евреями преступленій и проступковъ и воздержаніе отъ употребленія горячихъ напитковъ—удостовѣряли о доброй ихъ нравственности».

Въ заключеніи отчета говорится, что причина неудовлетворительнаго поступленія съ евреевъ-земледѣльцевъ, преимущественно Екатер. губ., податей и другихъ казенныхъ сборовъ, была та же, что и въ предшествовавшемъ году—«*совершенный неурожай* хлѣба, а какъ бѣдствіе это постигло ихъ уже четвертый годъ сряду, то не только не возможно было взыскать съ нихъ этихъ сборовъ, но колоніальное начальство еще вынуждено было, какъ и въ прежніе годы, исходатайствовать имъ денежное пособіе на покупку хлѣба для продовольствія и посѣва», въ Херс. же г. значительный, въ 1864 г., урожай хлѣба предоставилъ имъ возможность не только внести полностію всѣ сборы 1864 г. и почти полностью за 1864 г., но и уплатить въ эти два года значительную часть недоимки, накопившейся на нихъ въ прежнее время».

Министерство, тщательно провѣривъ отчетъ за 1865 г., нашло въ немъ пробѣлы, а потому потребовало разъясненія о степени успѣшности взысканія съ евреевъ-земледѣльцевъ собственно недоимочныхъ и окладочныхъ взносовъ.

Комитетъ по этому поводу снова отозвался, что накопленіе значительныхъ недоимокъ, въ особенности на екатеринославскихъ колонистахъ, должно считать «прямымъ послѣдствіемъ бѣдственнаго положенія, происшедшаго отъ постигавшихъ ихъ нѣсколько лѣтъ сряду совершенныхъ неурожаевъ, лишившихъ ихъ всякой возможности, не смотря и на всѣ понудительныя мѣры, уплатить не только прежнія недоимки, но даже и оклады

податей 1865 г.». Комитетъ указалъ, что «для избавленія евреевъ отъ грозившаго имъ голода и для обсѣмененія ихъ полей, само же министерство оказывало имъ пособія».

Министерство разсчитало, что на евреяхъ числилось недобора 60,716 р. 4³/₄ к., въ томъ числѣ оклада 1865 г. болѣе 18,000 р. Хотя попечители колоній и комитетъ заслуживали, по мнѣнію м-ва, «взысканія за слабое поступленіе сборовъ», но оно не сочло возможнымъ налагать его потому, что «продолжавшіеся, нѣсколько лѣтъ, неурожаи хлѣбовъ и травъ оправдывали какъ колонистовъ, такъ и его начальство». Поэтому, м-во ограничилось предложеніемъ комитету «настаивать на взысканіи съ евреевъ текущихъ платежей и недоимокъ, о чемъ поручило комитету представлять 2-хъ-недѣльныя вѣдомости».

Отданные къ тому времени подрядчикамъ для постройки хлѣбные магазины въ колоніяхъ не были окончены къ сроку, и м-во разрѣшило подрядчикамъ окончить ихъ къ іюню 1867 г.

По вопросу о правѣ евреевъ-земледѣльцевъ пасти скотъ комитетъ полагалъ правильнымъ постановить: во всѣхъ колоніяхъ безплатно допустить содержаніе того количества скота и овецъ, за которое правительство опредѣлило награждать хозяевъ серебряными медалями (крупнаго скота и лошадей—20 шт. и овецъ плодныхъ—100), съ тѣмъ, однакожъ, ограниченіемъ, чтобы право это распространялось только на хозяевъ, которые будутъ заниматься вполнѣ земледѣліемъ, состоять въ первомъ разрядѣ и которымъ будутъ принадлежать скотъ и овцы; а за излишній скотъ взимать за каждую скотину—половину той цѣны, какую взимали съ постороннихъ т. е. не менѣе 50 коп. съ крупнаго скота, а за овцу по 15 коп., приплодъ же того года выпасать безплатно.

Что же касается евреевъ-земледѣльцевъ, вовсе не располагавшихъ собственнымъ скотомъ для полевыхъ занятій, а покупавшихъ таковой лишь для промысла, то ихъ комитетъ полагалъ обложить платежомъ за выпасъ скота въ пользу сберегательныхъ кассъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи употреблять деньги на обзаведеніе рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями для уклоняющихся отъ земледѣлія. Самую, наконецъ, норму платы комитетъ находилъ правильнымъ предоставить опредѣлять самимъ обществамъ колоній, сообразно мѣстнымъ условіямъ, каждый разъ особыми приговорами.

Съ своей стороны, комитетъ представилъ проектъ условій, по которымъ

надлежало допускать приселеніе нѣмецкихъ колонистовъ къ еврейскимъ колоніямъ. Вотъ его главные пункты:

1) Колонисты, желающіе переселиться къ еврейскимъ колоніямъ, обязаны представить свидѣтельство начальства о добропорядочномъ поведеніи, достаточномъ знакомствѣ съ сельскимъ хозяйствомъ и о состоятельности, т. е. о возможности собственными средствами обзавестись хозяйственными принадлежностями. 4) Они надѣляются въ ней усадебнымъ мѣстомъ и участкомъ земли, въ томъ размѣрѣ, который существовать будетъ для евреевъ-земледѣльцевъ. Землею этою они пользуются въ первыя 10 лѣтъ безплатно, а потомъ въ теченіи 10 лѣтъ съ платою половиннаго оброка противъ оцѣнки; затѣмъ, если пожелаютъ остаться на своихъ участкахъ далѣе сего срока, то должны платить полный оброкъ по оцѣнкѣ, въ противномъ случаѣ возвращаются въ свои колоніи, а дома и прочія строенія должно снести или продать, но не иначе, какъ кому либо изъ евреевъ-земледѣльцевъ. 7) Приселяющіеся къ еврейскимъ колоніямъ колонисты служатъ для евреевъ-земледѣльцевъ образцами, а неблагонадежными признаются всѣ тѣ, которые не исполнятъ сопряженныхъ съ этимъ назначеніемъ обязанностей, состоящихъ въ томъ, чтобы вести себя честно и добропорядочно, дабы евреи-земледѣльцы видѣли въ нихъ не только руководителей въ хозяйствѣ, но и примѣръ доброй нравственности.

По вопросамъ о порядкѣ пастьбы скота и приселеніи нѣмецкихъ хозяевъ, министерство не приняло никакого рѣшенія, полагая, что эти предметы сами собою разрѣшатся съ предполагаемымъ въ близкомъ будущемъ введеніемъ исправлявшагося проекта коммисіи о коренномъ общемъ преобразованіи самыхъ колоній. Коммисія продолжала настаивать на вѣрности своей точки зрѣнія, что евреи вовсе несклонны къ земледѣльческой жизни, а лишь желаніе воспользоваться разными льготами и преимущественно освобожденіемъ отъ рекрутской повинности—побуждало ихъ переселяться въ земледѣльцы. Все это обусловливалось, по словамъ коммисіи, «основными чертами еврейскаго характера», почему коммисіи представлялось сомнительнымъ, чтобы и въ будущемъ это положеніе существенно измѣнилось къ лучшему. Напротивъ, «съ переходомъ евреевъ-земледѣльцевъ въ завѣдываніе общихъ губернскихъ учрежденій и со снятіемъ съ нихъ опеки,—большинство, по всему вѣроятію, вовсе оставитъ земледѣліе».

Опытъ поселенія евреевъ, — по словамъ коммисіи — на казенныхъ земляхъ въ западныхъ губерніяхъ, подъ вѣдѣніемъ мѣстныхъ палатъ государственныхъ имуществъ, сопровождался наименьшимъ успѣхомъ, отчего поселеніе вовсе прекращено. Колонизація евреевъ въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ хотя и дала «нѣсколько болѣе утѣшительные результаты, но благодаря только подчиненію ихъ комитету, строгому мѣстному надзору и ближайшему руководству опытныхъ хозяевъ изъ нѣмо-

[illegible] и [illegible]». Тѣмъ не менѣе [illegible] [illegible] и такъ переселенія евреевъ были тѣмъ велики, что начиная съ 1846 по 1856 г. ими построено не болѣе 900 [illegible] домовъ и водворено 1,296 семействъ, т. е. среднимъ по 75 семействъ, а изъ выпущенныхъ въ Новороссійскій край въ прежніе годы до 1856 г. около 300 семействъ остались не водворенными. Даже поселенія изъ переселенныхъ колоній, основанныхъ съ 1807—1809 гг. близь Одессы и Херсона, представляются столь мало упрочившимися, что всякое мѣстное бѣдствіе, какъ неурожай, падежъ скота и т. д., лишали поселенцевъ не только возможности вести хозяйство, но и вызывали необходимость поддержки ихъ значительными правительственными ссудами».

Если,—разсуждала комиссія,—правительство «не устранитъ вредное вліяніе большинства земледѣльцевъ, бродяжество, нерадѣніе, податную неисправность, то на измѣненіе этого положенія къ лучшему не было надежды». Если «исправное земледѣльческое сословіе съ экономической точки зрѣнія безнадежно и убыточно, то правительство еще менѣе достигло облегченія западныхъ и прибалтійскихъ губерній отъ избытка въ нихъ еврейскаго племени и постепеннаго слитія его съ природными обывателями». Оттого въ 1865 г. и разрѣшено было евреямъ, «при опредѣленныхъ облегчительныхъ условіяхъ, оставлять земледѣльческое состояніе, а винокурамъ, механикамъ, пивоварамъ и вообще ремесленникамъ—жительство во внутреннихъ губерніяхъ». По тѣмъ же соображеніямъ министръ государственныхъ имуществъ, въ томъ же 1865 г., «согласился прекратить отчисленіе изъ коробочныхъ сборовъ суммъ на колонизацію евреями казенныхъ земель». Все это убѣждало комиссію въ томъ, что «1) поселеніе евреевъ на казенныхъ земляхъ на прежнихъ условіяхъ,—продолжаться не могло, и 2) въ необходимости пересмотра дѣйствовавшихъ въ этомъ отношеніи законоположеній и въ видахъ прочнаго устройства тѣхъ еврейскихъ обществъ, къ которымъ привилась земледѣльческая осѣдлая жизнь, такъ какъ «введеніе повсемѣстно земскихъ учрежденій обусловливалось прежде всего способностью сельскихъ общинъ къ самостоятельной жизни, къ которой еврейскія земледѣльческія общества были совершенно неспособны».

Согласившись съ комиссіею, что колоніи неспособны къ самостоятельной жизни, министерство уже совсѣмъ перестало заботиться объ усовершенствованіяхъ и всякіе вопросы по этому предмету оставило безъ разрѣшенія.

Манифестомъ 28 октября 1866 г., по случаю бракосочетанія благополучно царствующаго Государя Императора, между прочимъ, повелѣва-

лось: «простить и со счетовъ сложить ссуды, выданныя евреямъ-земледѣльцамъ Херсонской и Екатеринославской губерній изъ назначеннаго на устройство евреевъ капитала». Такъ какъ ссуды выдавались изъ капитала, выручавшагося отъ отдачи въ аренду свободныхъ казенныхъ земель, предназначенныхъ подъ поселеніе евреевъ, и изъ коробочнаго сбора, то комитетъ и не зналъ—сложить-ли со счета обѣ ссуды, или одну изъ нихъ. Дѣло пошло въ сенатъ, который, въ виду того, что, по общему духу манифеста, дарованныя имъ льготы распространялись только на тѣ ссуды, которыя подлежали поступленію въ казну, но не относились до взысканія суммъ, принадлежавшихъ къ доходамъ сословнымъ, нашелъ, что изъ выданныхъ евреямъ-земледѣльцамъ ссудъ на основаніи 4 п. XV ст. манифеста, слѣдовало сложить со счетовъ ссуды, выданныя изъ переселенческаго капитала, а также *могли быть сложены* и тѣ ссуды, которыя выданы на этотъ же предметъ изъ денегъ, вырученныхъ отъ отдачи въ оброчное содержаніе излишнихъ земель при еврейскихъ колоніяхъ; ссуды же, выданныя изъ остатковъ коробочнаго сбора, предназначались спеціально на общественныя же надобности, слѣдовательно, принадлежали къ числу сословныхъ капиталовъ, а потому не должны бы быть сложены со счетовъ *.

В. Никитинъ.

(Продолженіе будетъ).

* По документамъ отъ 26 апрѣля, 14 мая, 5 іюня, 2 августа и 31 декабря 1863 г.; отъ 6 и 13 февраля, 9 апрѣля, 1 и 6 мая, 3 іюня, 15 іюля, 8, 27 и 31 августа, 19 и 23 сентября, 15 октября 1864 г.; 4 февраля, 18 апрѣля, 14 и 31 августа, 3, 5, 7, 23, 27 и 29 сентября, 15, 23, 25 и 31 октября 1865 г.; 17 февраля, 4 и 16 марта, 9, 12, 14, 15 и 28 апрѣля, 3, 8, 10, 12 и 31 мая, 8. 17 и 18 іюня, 14, 21 и 25 іюля, 2, 11 и 19 августа, 9, 10 и 20 сентября, 23, 25 и 31 октября, 8, 24, 28 и 31 ноября и 2, 5, 9, 12, 14, 16 и 19 декабря 1866 г.; 14 августа 1867 г. и 9 апрѣля и 17 сентября 1868 г.

ЯКОВЪ ТИРАДО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ 2-й ПОЛОВИНЫ XVI СТОЛѢТІЯ.

Соч. Людвига Филипсона.

VIII *.

Слѣдующіе дни Тирадо употребилъ на тщательное ознакомленіе съ долиной, въ которой жило семейство Гомемъ, для прінсканія дорогъ, по которымъ бѣгство представлялось бы наименѣе затруднительнымъ и опаснымъ. Его яхта стояла въ скрытой бухтѣ у подошвы лѣсистаго мыса Эспихеля. Она вышла изъ Сетувальской гавани, снаряженная для большого морского плаванія, въ которое, повидимому, должна была пуститься немедленно; но какъ только наступила ночная темнота, ее поспѣшили направить въ ту уединенную пристань, гдѣ она находилась въ настоящую минуту. Благодаря смутамъ и безпорядкамъ этого времени, судоходство въ португальскихъ гаваняхъ почти совсѣмъ прекратилось, такъ что нечего было опасаться даже случайнаго открытія судна въ этомъ мѣстѣ. Сюда же собрались мало по малу друзья Тирадо, человѣкъ двѣнадцать марановъ, съ которыми онъ намѣревался основать колонію въ Нидерландахъ, и сюда же приходилось ему бѣжать съ тѣми, которыхъ онъ хотѣлъ спасти бѣгствомъ изъ этой долины. Охотно помѣстилъ бы онъ свою яхту гдѣ нибудь посѣвернѣе, что̀ было бы

* См. Восходъ. кн. 4.

поближе къ долинѣ, но отчасти на этомъ берегу не было пригоднаго пункта для стоянки, такъ какъ онъ состоялъ то изъ крутыхъ утесовъ, о которые разбивались бурныя волны, то изъ песчаныхъ насыпей, за которыми шли большія отмели; частью же его удерживала боязнь нарушить тайну долины и ея обитателей въ томъ случаѣ, если бы онъ заставилъ своихъ друзей ѣхать къ мѣсту, гдѣ стояла яхта, этимъ путемъ. Но затрудненіе, созданное этимъ положеніемъ, было не менѣе значительно, потому что уже двадцать четыре часа спустя ни одинъ мало-мальски подозрительный человѣкъ не могъ бы безъ большой опасности для себя переправиться черезъ Таго и проѣхать равнину между Лиссабономъ и Сетувалемъ. Испанскій флотъ, начинавшій уже входить въ устье Таго, высылалъ впереди себя лодки, чтобы воспрепятствовать всѣмъ попыткамъ бѣгства изъ Лиссабона рѣчнымъ путемъ, а приближавшееся къ столицѣ испанское войско разсылало патрули по вышеупомянутой равнинѣ, точно также какъ и вокругъ горъ по направленію къ сѣверу, чтобы и съ этой стороны ловить всѣхъ бѣглецовъ. Поэтому бѣгство было возможно только однимъ путемъ: приходилось перебраться черезъ высоты, замыкавшія со всѣхъ сторонъ долину, оттуда достигнуть сѣверную подошву Capo Rocca, куда Тирадо направилъ одну лодку своей яхты съ восемью здоровыми гребцами, и въ ней доплыть до Сетувальской бухты, держась въ тылу испанскаго флота. Эту послѣднюю часть своего плана Тирадо надѣялся осуществить тѣмъ легче, что онъ хотѣлъ выждать, пока весь флотъ войдетъ въ Таго.

Изслѣдуя теперь ближайшія окрестности долины, онъ наткнулся на мѣстность, до тѣхъ поръ ему незнакомую, хотя она находилась въ непосредственномъ сообщеніи съ долиной. Читатель не забылъ, что домъ Гомемъ помѣщался у подошвы если не высокихъ, то крутыхъ утесовъ. Для человѣка чужого эти скалы замыкали долину со всѣхъ сторонъ и допускали только одинъ входъ въ нее, которымъ обыкновенно и пользовались всѣ—съ рѣки вокругъ выдающейся полосы земли. Обойдя же сзади дома вдоль утесовъ, приходилось встрѣтить выступъ, который, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, оказывался скрываю-

щимъ огромную трещину въ скалѣ, которая хотя спереди оставалась незамѣченною, была, однако, достаточно широка для того, чтобы одинъ человѣкъ могъ удобно пройти сквозь нее. Дѣлая поворотъ, она приводила къ небольшому земляному возвышенію, которое не представляло затрудненій для перехода черезъ него, послѣ чего начиналась очень узкая долина, или, вѣрнѣе—довольно широкое ущелье. Какъ ни незначительно было это пространство, но оно не осталось безъ употребленія. Въ одномъ углу помѣщался маленькій домъ, и каждая пядь земли была обработана трудолюбивою рукою, которой въ очень значительной степени благопріятствовали богатое плодородіе почвы и чудесный климатъ этой мѣстности, защищенной отъ сѣверныхъ и южныхъ вѣтровъ и орошаемой ниспадавшимъ съ утесовъ источникомъ. Тутъ жила престарѣлая кормилица сеньоры Майоръ со своимъ сыномъ. Оба они, неизмѣнно преданные семьѣ Гомемъ и пользовавшіеся такою же любовью со стороны этой послѣдней, послѣдовали за нею сюда, не смотря на то, что были ревностными католиками. Сынъ, молочный братъ Майоръ, въ юности сильно пострадалъ отъ несчастной любви, что побудило его остаться холостякомъ и обречь себя на одинокую, совершенно удаленную отъ свѣта жизнь. Такъ какъ пребываніе Тирадо въ семьѣ Гомемъ всегда длилось только короткое время и посвящалось обсужденію важныхъ дѣлъ, то ему ничего не говорили ни объ этихъ людяхъ, ни о ихъ мѣстопребываніи, и поэтому онъ въ высшей степени обрадовался, узнавъ это обстоятельство теперь, въ послѣднюю минуту, и увидѣлъ въ немъ особенную милость Божью. Планъ его составился очень быстро.

Когда извѣстіе о пораженіи малочисленнаго португальскаго войска и паденіи Кастелло-Бранко пришло въ Лиссабонъ, небольшое количество людей, окружавшихъ дона Антоніо, поспѣшили оставить его. Каждый считалъ его дѣло проиграннымъ и старался поскорѣе удалиться. Только маленькая группа вѣрныхъ приверженцевъ, ужъ слишкомъ сильно скомпрометировавшихъ себя въ глазахъ испанцевъ, оставалась при немъ еще нѣкоторое время, но при этомъ высискивала всякіе удобные случаи для того, чтобы спастись такъ или иначе. Донъ Антоніо,

однако, при незначительности энергіи и личной храбрости, былъ слишкомъ прелатъ для того, чтобы не обладать всею выносливостью и всѣмъ упорствомъ этого сословія. Онъ рѣшился не навлекать на себя обвиненія ни въ какомъ недостойномъ поступкѣ, выдерживать до послѣдней возможности и не пренебрегать самыми крайними средствами для того, чтобы не быть сбитымъ съ позиціи. Вслѣдствіе этого онъ еще разъ обратился съ прокламаціею къ жителямъ Лиссабона, призывая ихъ защищать столицу отъ приближавшихся къ ней испанцевъ. Все, что могло быть внушено патріотизмомъ, любовью къ независимости и боязнью испанскаго ига, онъ выразилъ въ краснорѣчивыхъ словахъ, и при этомъ указалъ на тѣ, все еще обильныя вспомогательныя средства, которыми могли пользоваться португальцы на сушѣ и на морѣ для защиты своего большого, населеннаго города въ томъ случаѣ, если бы для этого оказалось у нихъ достаточно патріотизма и храбрости. Но уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ обнародованія этихъ прокламацій въ залахъ королевскаго дворца Репессидада собрались депутаты отъ значительнѣйшихъ корпорацій и цеховъ съ цѣлью—настоятельнѣйшимъ образомъ убѣждать короля отказаться отъ всякой воинственной защиты столицы, въ томъ соображеніи, что испанцы, конечно, станутъ бомбардировать ее и подвергнутъ несчастный городъ убійству, пожару и грабежу. Не менѣе опасались депутаты, что чернь, какъ только въ ея рукахъ очутится оружіе, кинется на всѣхъ зажиточныхъ гражданъ и не остановится передъ самыми крайними безчинствами и неистовствами. Антоніо увидѣлъ, что тутъ онъ ничего не подѣлаетъ, и удалился во внутренніе покои. Поздно вечеромъ, согласно предварительному условію, явился къ нему Тирадо. Король составилъ еще одну прокламацію, въ которой протестовалъ противъ незаконнаго вторженія испанцевъ и объявлялъ, что только насильственная необходимость вынуждаетъ его оставить государство и что этотъ отъѣздъ отнюдь на равносиленъ отреченію его отъ своихъ правъ; послѣ этого онъ тщательно переодѣлся и вмѣстѣ съ Тирадо оставилъ дворецъ и городъ, куда ему уже не суждено было возвратиться. Одному вѣрному слугѣ была дана инструкція

дѣйствовать такъ, чтобы бѣгство короля могло быть открыто только на слѣдующій день. Исполнить это порученіе было не трудно, такъ какъ никто не заботился больше о несчастномъ государѣ, и испанскіе шпіоны, окружавшіе дворецъ, были обмануты. Тирадо кинулся съ Антоніо въ горы къ сѣверу отъ города и черезъ нихъ дальними обходами достигнулъ вышеупомянутаго ущелья, гдѣ помѣстилъ царственнаго бѣглеца въ маленькомъ домикѣ кормилицы.

Въ теченіе того дня, когда произошелъ описанный нами разговоръ Тирадо съ синьорою Майоръ, оставившій почтенную женщину въ непоколебимой рѣшимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубокомъ горѣ, сынъ ея Мануэль съ вѣрнымъ своимъ Карлосомъ вернулся въ родительскій домъ. Рана его оказалась неопасною и въ это время уже почти закрылась. Но волненія послѣднихъ дней, трудности и опасности путешествія, которое приходилось дѣлать ночью и непроходимыми дорогами, сильно ослабили молодого человѣка, и къ вечеру появились даже признаки лихорадки. Это обстоятельство, равно какъ и предстоявшая разлука съ дѣтьми, очень уменьшили въ Майоръ радость свиданія съ сыномъ, а такъ какъ каждая минута была теперь дорога, то она рѣшилась въ этотъ же вечеръ сказать Мануэлю и Маріи Нуньесъ о судьбѣ, которая ихъ ожидала и которой они должны были покориться. Она объяснила это въ немногихъ, но рѣшительныхъ словахъ, и кратко и ясно изложила причины, вынуждавшія такой образъ дѣйствій. Но понятно, что дѣти съ такою же рѣшительностью воспротивились выполненію этого плана и принялись горячо увѣрять, что не оставятъ отца и мать и желаютъ раздѣлить ихъ участь, какова бы она ни была. Майоръ дала имъ высказаться и терпѣливо выждала, пока этотъ порывъ улегся въ нихъ. Но послѣ этого она кротко и со всею теплотою материнской нѣжности начала уговаривать ихъ:

— Какъ, Мануэль! Неужели—предположивъ даже, что съ нами не случится ничего дурного, что мы останемся здѣсь скрытыми и забытыми—неужели ты рѣшишься навсегда запереться въ этой маленькой, уединенной долинѣ? Неужели хочешь ты похоронить здѣсь всю

твою жизнь, безплодно растратить свои молодыя силы? Нѣтъ. Вѣдь все равно — рано или поздно прійдется тебѣ разстаться съ нами. Отчего же позже, а не сейчасъ?.. И не то же ли самое приходится мнѣ сказать тебѣ, Марія Нуньесъ? Ты еще недавно открыла намъ тревогу и скорбь, живущія въ твоей душѣ, сказала, какъ невыносимо для тебя постоянно укутываться въ лицемѣріе, постоянно обманывать и обращать свою жизнь, священнѣйшую жизнь своего внутренняго міра, въ цѣлую сѣть лжи и притворства... Отчего же теперь не хочешь ты воспользоваться случаемъ, какой, быть можетъ, никогда больше не представится тебѣ, чтобы навѣки освободиться отъ этого ужаснаго существованія?.. Но не будемъ обманывать себя, дорогія дѣти; очень возможно, что о насъ, старикахъ, такъ давно уже покинувшихъ свѣтъ, забудутъ, — но ты, Мануэль, конечно, не ускользнешь отъ ихъ вниманія; храбрый офицеръ изъ войска дона Антоніо останется очень памятенъ, и испанцы очень хорошо умѣютъ постепенно стягивать сѣти, въ которую попадаетъ бѣглецъ. А ты, Марія Нуньесъ, неужели думаешь, что и о тебѣ не вспомнятъ? Священники Санъ-Яго уже давно имѣютъ виды на тебя и твое наслѣдство, безъ сомнѣнія не забудутъ о тебѣ, и какъ только въ ихъ рукахъ снова очутится неограниченная власть, они станутъ преслѣдовать тебя, найдутъ тебя, хотя бы ты укрылась въ самую глубь земли. Нѣтъ, повторяю, не будемъ обманывать себя: ваше присутствіе удесятеритъ опасность даже для вашихъ родителей и во всякомъ случаю будетъ держать насъ въ смертельномъ страхѣ. Я и вашъ отецъ вздохнемъ свободно, когда будемъ знать, что вы въ безопасности; но жизнь наша будетъ совершенно отравлена, когда въ каждомъ шелестѣ листа, каждомъ шагѣ новаго посѣтителя мы будемъ слышать появленіе испанскихъ палачей.

И тутъ она сообщила имъ подробности предложенія, сдѣланнаго ей Яковомъ Тирадо и состоявшаго въ слѣдующемъ. Какъ только бѣглецы уѣдутъ, Майоръ съ мужемъ переселятся въ избушку ущелья, домъ же, гдѣ они живутъ, и долина будутъ предоставлены кормилицѣ и ея сыну. Послѣ этого трещину въ скалѣ задѣлаютъ камнями и сверху закроютъ

быстро-разростающимися кустарниками; такимъ образомъ, въ случаѣ появленія здѣсь преслѣдователей, они повѣрятъ, что и родители бѣжали съ дѣтьми, и присутствіе первыхъ не трудно будетъ скрыть, а въ противномъ случаѣ—трещину снова можно будетъ открыть для прохода. Этотъ планъ, повидимому, не могъ не принести вполнѣ успѣшныхъ результатовъ. Въ ту пору въ правительственные списки не вносилась еще каждая пядь земли, да и по настоящее время на Пиренейскомъ полуостровѣ это не дѣлается. Несчастныя дѣти съ матерью благодарили Бога за это обстоятельство и видѣли въ немъ залогъ болѣе счастливаго будущаго.

— Быть можетъ,—воскликнула Майоръ,—быть можетъ, по милости Божіей здоровье вашего отца снова поправится, его тѣло и духъ выйдутъ изъ этого тяжкаго усыпленія, онъ найдетъ въ себѣ достаточно силы и бодрости принять и выполнить какое нибудь рѣшеніе — и тогда, дорогія дѣти, мы снова свидимся; куда бы ни повела васъ рука Провидѣнія—мы послѣдуемъ за вами! Теперь же вы должны уѣхать—ради насъ и васъ. Прочь всѣ фальшивыя чувства, вся безсмысленная слабость! Тутъ потребны сильныя души, докажемъ же, дѣти мои, что онѣ живутъ и въ насъ!...

Теперь не оставалось уже мѣста никакому сопротивленію. Красноречіе Майоръ и ея доводы заставили замолчать молодыхъ людей; порывисто кинулись они въ объятія дорогой матери и облегчили свое горе потокомъ горячихъ слезъ.

Вопреки ожиданіямъ, удалось получить согласіе и Гаспара Лопеца. На слѣдующее утро выдался часъ, въ который старику сдѣлалось легче и когда мысли его достаточно прояснились. Майоръ воспользовалась этимъ улучшеніемъ и познакомила мужа съ положеніемъ дѣлъ и планомъ Тирадо. Онъ охотно согласился, какъ отпустить дѣтей, такъ и переселиться въ домикъ кормилицы. Правда, прискорбно было для Майоръ видѣть, какія собственно причины руководили въ этомъ рѣшеніи ея мужемъ, какъ ни старалась она скрыть это чувство. При боязни быть открытымъ испанцами, онъ желалъ удалить всѣ предметы, кото-

рые могли бы еще легче привлечь сюда непріятеля, а самому укрыться въ еще болѣе уединенномъ, недоступномъ мѣстѣ. Онъ предпочиталъ обречь себя на всякія лишенія, лишь бы это давало ему возможность тѣмъ спокойнѣе отдаваться сознанію своей безопасности. Поэтому онъ приказалъ сыну изготовить довѣренности и полномочія, обезпечивавшія за его дѣтьми значительное состояніе, и охотно подписалъ эти документы.

Часъ разлуки приближался. Испанцы вступили въ Лиссабонъ и были приняты городскимъ совѣтомъ съ привѣтственными рѣчами, а народомъ—безъ выраженій неудовольствія. Въ то же время испанскій флотъ подвинулся вверхъ по Таго и кинулъ якорь передъ португальскими судами. Принесеніе присяги городскими властями и занятіе общественныхъ площадей и зданій и кораблей испанскими солдатами совершились спокойно и безпрепятственно. Ночь наступила послѣ жаркаго, душнаго дня. Гаспаръ Лопецъ дремалъ, и дѣтямъ пришлось ограничиться безмолвнымъ произнесеніемъ молитвы у его постели и такимъ же безмолвнымъ прощаніемъ. Тѣмъ больше простора дали они своей скорби въ комнатѣ матери. Но она съ геройскимъ самообладаніемъ подавила эти горестныя изліянія молодыхъ людей, утѣшала и ободряла ихъ. Правою рукою она обнимала сына, лѣвою—дочь, и губы ея нѣжно переходили съ одного лба на другой. Но надо было торопиться. Когда оба склонили передъ нею колѣни, чтобы получить ея благословеніе, она нагнулась къ нимъ, посмотрѣла глубоко-глубоко въ ихъ глаза, точно хотѣла увидѣть сокровеннѣйшую глубину ихъ души, и сказала:

— О, дѣти мои, когда мы снова свидимся, я опять посмотрю въ эти милые глаза, и ничего не желаю я такъ, какъ найти въ нихъ и тогда то, чѣмъ полны они теперь... Это доставитъ мнѣ высокое блаженство!

Съ этими словами она благословила ихъ, подняла, и сквозь трещину прошла въ ущелье.

Въ домикѣ ждали ее Тирадо и Антоніо. Встрѣча короля съ Май-

нее была грустна, но полна твердости и достоинства. Майоръ хотѣлъ было отвѣтить въ тонъ съ почтеніемъ, подобающимъ его сану, но онъ не уступилъ ничего и сказалъ:

— Нѣтъ, любезная хозяйка, ничто не ненавистно для меня такъ, какъ казаться тѣмъ, чѣмъ человѣкъ не есть на самомъ дѣлѣ. Если Провидѣнію угодно будетъ возвратить меня сюда и возстановить въ моихъ правахъ, тогда буду я снова королемъ; но въ этой хижинѣ я только бѣглецъ, въ распоряженіе котораго вы предоставили вашего сына и вашу дочь. Этого я никогда не забуду.

Тирадо поторопилъ отправляться и пошелъ впереди: Антоніо пожалъ руку старухѣ Майоръ и послѣдовалъ за нимъ. Еще нѣсколько минутъ, еще одно объятіе, одинъ поцѣлуй — и молодые люди присоединились къ шедшей впереди парѣ... Чу! Не крикъ ли это раздался?.. То былъ звукъ, въ которомъ удрученное, оставшееся одинокимъ сердце матери выразило всю скорбь, всѣ муки, до тѣхъ поръ державшія его въ своихъ желѣзныхъ, теперь расторгнувшихся, оковахъ. Но онъ замеръ за стѣнами избушки. Ломай же теперь руки, ты, бѣдная, бѣдная мать, у которой въ теченіе одного часа отняли обоихъ дѣтей! Они не слышатъ и не видятъ тебя, и голосъ долга, призывающаго тебя къ постели больного мужа, будетъ звучать среди печальнаго, мрачнаго настроенія твоей души, ободрять тебя и успокоивать...

Ночь была очень темна. Ущелье прошли скоро, и теперь предстояло только благополучно взобраться на высоты, замыкавшія его со всѣхъ сторонъ. Но оказалось, что затруднительность сообщенія была здѣсь менѣе значительна, чѣмъ въ долинѣ; подъемъ на утесъ былъ не такъ крутъ, и отъ времени до времени встрѣчались удобныя площадки. Мануэль поддерживалъ, какъ могъ, не прибѣгая къ помощи своей раненой лѣвой руки, пожилого Антоніо, Тирадо помогалъ молодой дѣвушкѣ и шелъ съ нею впередъ по крутой тропинкѣ; столько же сильный, сколько и ловкій, онъ исполнялъ это такъ, что она почти не чувствовала его содѣйствія. Шелестъ ея платья служилъ для шедшихъ позади указателемъ. Черезъ полчаса труднаго восхожденія они наконецъ достигли

вершины. Темнота была непроглядная, небо покрыто тучами, ни одна звѣздочка не блестѣла на немъ; на сѣверо-востокѣ часто появлялись молніи, но воздухъ былъ спокоенъ, ничто не шевелилось, ни одинъ листъ на деревѣ не шелестѣлъ. Но вотъ сверкнула яркая молнія, и въ теченіе минуты путники видѣли влѣво зеркальную равнину моря въ ея серебряномъ блескѣ, вправо — освѣщенныя горы и долины и даже, въ слабомъ мерцаніи, бѣлыя стѣны дома въ одинокой долинѣ. Такимъ образомъ у ихъ ногъ лежало прошедшее и будущее. Но все это мгновенно промелькнуло, и имъ нельзя было медлить. Осторожно спустились они, и часъ спустя были уже въ маленькой уединенной бухтѣ, гдѣ ожидала ихъ лодка. Когда они сѣли въ нее, Тирадо попросилъ Марію Нуньесъ сойти въ маленькую каюту и переодѣться въ приготовленное тамъ платье; то же самое должны были сдѣлать Мануэль и Антоніо, и такимъ образомъ всѣ они скоро появились одѣтые также, какъ Тирадо и всѣ остальные, находившіеся въ лодкѣ, именно португальскими рыбаками, выѣхавшими на свой промыселъ въ море. Въ лодкѣ находились сѣти, удочки, крючки и т. п. Тирадо сѣлъ на руль, мужчины взялись за весла, и лодка легко и быстро вылетѣла изъ пристани въ открытое море.

Все благопріятствовало успѣху бѣгства, ибо темнотѣ ночи соотвѣтствовала зеркальная неподвижность моря. Даже весла, погружаясь въ воду, не выбивали изъ нея тѣхъ огоньковъ, которые такъ чудесно оживляютъ море въ ночную пору. Поднялся свѣжій сѣверо-восточный вѣтерокъ, Тирадо велѣлъ поднять парусъ, и лодка неслась впередъ, какъ легкая игрушка. Они отошли довольно далеко отъ берега, и черезъ нѣсколько времени усилившійся съ лѣваго борта лодки прибой волнъ показалъ, что они вошли въ то мѣсто, гдѣ начиналось совсѣмъ открытое море. Теперь приходилось усилить осторожность. Марія Нуньесъ сошла въ каюту, четверо гребцовъ оставили весла, и всѣ находившіеся въ лодкѣ мужчины занялись сѣтями и удочками, чтобы, въ случаѣ встрѣчи съ непріятельскимъ судномъ, сохранить тотъ наружный видъ, благодаря которому они надѣялись благополучно достигнуть своей цѣли;

но при этомъ у каждаго подъ платьемъ было скрыто достаточно оружія для того, чтобы имѣть возможность храбро защищать судно и жизнь. Осторожность Тирадо оказалась не напрасною; пускаться дальше въ открытое море онъ не могъ бы безъ того, чтобы не рискнуть подвергнуться тысячѣ несчастныхъ случайностей, ожидающихъ пловца въ морѣ и разстраивающихъ планы и соображенія даже самаго опытнаго мореходца. Лодка только что очутилась въ вышеупомянутомъ мѣстѣ, какъ Тирадо, по своеобразному шуму и плеску воды, замѣтилъ, что вблизи долженъ былъ находиться на якорѣ или по крайней мѣрѣ медленно двигаться какой-то корабль. Тирадо направилъ лодку больше въ сторону; но вахтенный на кораблѣ уже замѣтилъ ее, на мачтѣ тотчасъ же зажгли фонарь, и нашимъ бѣглецамъ крикнули въ рупоръ: „Эй, лодка, сюда, или пулею разнесутъ тебя въ щепки. Кто вы?“ Не оставалось сомнѣнія—это былъ испанскій сторожевой корабль, поставленный здѣсь для того, чтобы и въ этомъ мѣстѣ преграждать путь всякому подозрительному человѣку. Тирадо не посмѣлъ ослушаться и подплылъ къ кораблю, держась, однако, отъ него на разстояніи пистолетнаго выстрѣла; рыбачьимъ жаргономъ этой мѣстности и съ полнымъ сохраненіемъ тона и манеры этихъ людей, онъ объяснилъ, что они рыбаки изъ Пениче, плывущіе къ мысу Эспихель на ловлю, и указалъ на сѣти и остальные инструменты, наполнявшіе лодку; подойти же къ кораблю ближе, по его словамъ, онъ не могъ потому, что въ этомъ случаѣ подвергалъ свою лодку опасности быть опрокинутою волнами, поднимавшимися вокругъ корабельной кормы. Повѣрилъ ли этому испанскій часовой, или по лѣности не нашелъ нужнымъ тревожить себя и спящихъ товарищей и начальство изъ-за такой яичной скорлупы, — но послѣ нѣкотораго колебанія онъ крикнулъ: „Ну, проваливайте“. Тирадо не ждалъ, конечно, повторенія этихъ словъ. Лодка быстро полетѣла впередъ и повернула къ юго-востоку.

Первые лучи утренней зари только что начинали золотить лѣсистую вершину Эспихеля, когда лодка благополучно вошла въ Сетувальскій заливъ. Тутъ своротила она влѣво къ самому берегу, поплыла

вдоль его, обогнула затѣмъ далеко выдающуюся впередъ скалу и вошла въ зеркально-гладкую бухту. Еще нѣсколько минутъ — и наши бѣглецы увидѣли яхту Тирадо, на бортѣ которой золотыми буквами красовалось названіе ея „Марія Нуньесъ“. Молодая дѣвушка давно уже была снова на палубѣ лодки и впивала полной грудью и очарованными глазами великолѣпіе начинавшагося утра. Новизна и красота быстро смѣнявшихся картинъ пейзажа привели ее въ сладостное волненіе, и вся скорбь, пережитая въ темную ночь, всѣ перенесенныя опасности исчезли передъ пурпурнымъ блескомъ загоравшагося дня. Лицо Маріи покрылось румянцемъ, и сверкнувшіе глаза устремились на спокойно стоявшаго у руля Тирадо, когда она увидѣла свое имя на бортѣ красивой и величественной яхты и когда оттуда донесся громкій и радостный кликъ привѣтствія приближавшейся лодкѣ. Скоро всѣ пріѣзжіе были уже на яхтѣ, и тутъ все имѣло уже совсѣмъ иной видъ, даже болѣе блестящій, чѣмъ можно было ожидать, судя по обстановкѣ лодки. На палубѣ стояли друзья Тирадо, по большей части и знакомые Мануэля, которые выразили бы свою радость еще шумнѣе и громче, если бы не узнали Антоніо, на лицѣ котораго глубоко запечатлѣлись печаль и заботы. Они почтительно сдержали себя и провели короля и молодую синьору въ приготовленныя для нихъ каюты; каюта Маріи Нуньесъ была убрана очень роскошно, и молодая дѣвушка могла устроиться здѣсь очень уютно и комфортно. Между тѣмъ Тирадо не медлилъ. Онъ приказалъ поднять якорь и отчалить отъ берега; скоро судно вышло въ море, и когда, при поднявшемся попутномъ вѣтрѣ, оно распустило всѣ свои паруса, репутація его быстроты и легкости вполнѣ оправдалась на дѣлѣ. Тирадо направилъ путь къ юго-западу, чтобы избѣжать всякой встрѣчи съ испанскимъ флотомъ. Впрочемъ, тутъ находилось шесть заряженныхъ орудій, внутри яхты было спрятано достаточное количество огнестрѣльныхъ припасовъ, а на палубѣ стоялъ ящикъ съ разнообразнымъ оружіемъ. Число молодыхъ и способныхъ драться людей было относительно велико, и надѣясь на нихъ, на бы-

строту своей яхты и защиту Провидѣнія, до сихъ поръ не оставлявшаго бѣглецовъ, Тирадо бодро и смѣло пустился въ разстилавшійся передъ нимъ океанъ.

Добраго пути тебѣ, быстрая красавица „Марія Нуньесъ!“

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Путешествіе.

IX.

Великолѣпная ночь лежала надъ моремъ.

На безоблачномъ, слегка потемнѣвшемъ небѣ все ярче и ярче выступали блестящія звѣзды южнаго полушарія; луна только что взошла и далеко кидала на поверхность океана широкую серебряную полосу, которая бѣжала вслѣдъ за яхтой, достигая до ея бортовъ. Море было спокойно и обнаруживало движеніе только маленькими прыгающими волнами, которыя какъ будто стремились на дружескую встрѣчу къ кормѣ, извивались вокругъ нея въ легкой пляскѣ и потомъ на минуту соединились позади для того, чтобы проститься другъ съ другомъ. И въ тѣ минуты, когда корма прорѣзывала ихъ, они подпрыгивали и разсыпали вокругъ себя яркія искры, такъ что судно казалось плывущимъ по морю свѣта и блеска. Свѣжій ночной вѣтерокъ раздувалъ паруса и освѣжалъ сладостной прохладой еще теплый послѣ дневного зноя воздухъ. И такимъ образомъ стройная яхта, благопріятствуемая вѣтромъ и моремъ, безпрепятственно неслась впередъ; рулевой могъ свободно отдыхать у своего руля, матросамъ ничто не мѣшало праздно оставаться на своихъ различныхъ постахъ или покоиться на койкахъ.

Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ ночей, когда человѣкъ чувствуетъ себя въ объятіяхъ природы такъ, какъ на груди нѣжной матери, которая желаетъ наполнять сердца своихъ дѣтей только веселостью, спокойствіемъ, наслажденіемъ, такъ что когда ему приходится

отрываться отъ такого состоянія, то онъ исполняетъ это неохотно, нерѣшительно и побуждаемый необходимостью.

Вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ бѣглеца-претендента, Тирадо направилъ свою яхту къ берегамъ Бразиліи, потому что донъ Антоніо хотѣлъ сдѣлать еще тамъ попытку сопротивленія испанцамъ; онъ думалъ, что, быть можетъ, ему удастся удержать за собою, по крайней мѣрѣ, это обширное португальское владѣніе, и когда настанетъ удобное время—сдѣлать его исходнымъ пунктомъ отнятія Португаліи у теперешнихъ ея властителей. Какъ ни желалъ Тирадо сократить морское плаванье, но онъ уступилъ желанію короля, уступилъ тѣмъ охотнѣе, что ему казалось нужнымъ и полезнымъ дать побольше развиться и опредѣлиться положенію дѣлъ въ Европѣ. Осторожно приблизился онъ ко входу въ большой заливъ, гдѣ находится гавань Ріо Жанейро и на нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленнаго острова Ильгео досъ Кобрасъ остановилъ свою яхту и послалъ одного изъ своихъ близкихъ къ тогдашнему бразильскому вице-королю, чтобы вывѣдать его образъ мыслей. Нѣсколько часовъ спустя посланный уже вернулся. Вице-король, не смотря на то, что онъ былъ другомъ дона Антоніо и главнымъ образомъ ему былъ обязанъ своимъ высокимъ и доходнымъ положеніемъ, не желалъ, однако, затѣвать войну съ Испаніей, далеко превосходившею его могуществомъ, или, быть можетъ, не считалъ себя достаточно готовымъ для этого, причемъ, конечно, могъ сослаться въ свое оправданіе на ту полнѣйшую небрежность, съ которою предшествовавшія правительства привели въ совершенный упадокъ всѣ оборонительныя средства колоніи. По этой ли или иной причинѣ, но такъ какъ именно наканунѣ прибытія яхты Тирадо, въ Бразилію пришелъ испанскій корабль съ вѣстью о побѣдѣ испанцевъ надъ португальскимъ войскомъ и приказаніи Филиппа принести ему присягу, то вице-король отвергнулъ предложеніе дона Антоніо, причемъ, однако, обѣщалъ ему хранить въ глубочайшей тайнѣ его пребываніе здѣсь и снабдить пріѣзжихъ значительною денежною субсидіею и свѣжими припасами для корабля, сдавъ эти послѣдніе въ условленномъ пунктѣ на берегу. Но Тирадо не впол-

нѣ довѣрился этому обѣщанію, тотчасъ же измѣнилъ мѣсто стоянки своей яхты и въ слѣдующую ночь послалъ въ условленный пунктъ только двѣ лодки. Осторожность эта оказалась, однако, излишнею: вице-король честно сдержалъ слово, лодки вернулись благополучно и съ богатымъ грузомъ, и Тирадо, не связанный уже никакими соображеніями, снова пустился въ плаваніе, направивъ теперь путь къ сѣверо-востоку. Вѣтеръ и теченіе благопріятствовали ему, и скоро бѣглецы опять были въ открытомъ морѣ, почти въ срединѣ между обоими полушаріями.

Великолѣпная ночь разстилалась надъ моремъ. На палубѣ впереди сидѣли и коротали время веселыми разговорами товарищи Тирадо. На задней части ея, предоставленной въ распоряженіе высокихъ гостей хозяина яхты, находились донъ Антоніо, Марія Нуньесъ и Тирадо. Когда же сдѣлалось довольно поздно, претендентъ удалился на покой въ свою каюту, потому что треволненія послѣдняго времени сильно расшатали его здоровье. Тирадо сидѣлъ противъ дѣвушки, отданной его попеченію. Какъ хороша была она! Въ тѣни, которою ночь покрыла ея лицо и фигуру, и при лунномъ свѣтѣ, разливавшемся по ея прелестной головкѣ, пропорціональныя черты и формы ея, блескъ кожи, огонь голубыхъ глазъ выдѣлялись еще больше, а меланхолическое настроеніе, привѣтливость и умъ, соединившись вмѣстѣ, давали всему ея существу выраженіе, дѣйствовавшее по-истинѣ обаятельно.

Черная испанская мантилья легко прикрывала ея кудри и оттуда граціозно спускалась по плечамъ и всему тѣлу. Немногими словами обмѣнивались молодые люди, потому что души обоихъ были полны воспоминаніями и сладостною мечтательностью этой ночи. Только отъ времени до времени глаза Тирадо подымались на чудесное созданіе, сидѣвшее противъ него и присутствіе котораго доставляло ему такое высокое наслажденіе, и этотъ взглядъ не могъ онъ отвести отъ нея до тѣхъ поръ, пока не чувствовалъ, что она замѣтила его, и не видѣлъ, какъ лицо ея покрывалось легкимъ румянцемъ.

Голоса на палубѣ стихли. Но скоро звучный голосъ запѣлъ пѣсню

подъ аккомпаниментъ гитары, по которой пробѣжали искусные пальцы Бельмонте, и гармоническаго шума волнъ... Не успѣлъ пѣвецъ кончить, какъ раздались громкіе крики одобренія въ знакъ благодарности за доставленное удовольствіе. Нѣсколько минутъ спустя, одинъ изъ кружка сказалъ:

— Ну, словами этой пѣсни мы выразили наше восторженное сочувствіе чудесной ночи и зеркальной глади моря. Теперь подумаемъ и о себѣ. Развѣ Іезурунъ не съ нами—онъ, котораго муза надѣлила своими дарами уже въ колыбели? Я знаю,—продолжалъ онъ, обратившись къ стоявшему тутъ же юношѣ,—ты сочинилъ пѣсню въ честь великаго человѣка, принадлежащаго намъ и который будетъ служить для насъ вѣчнымъ образцомъ. Поэты всегда имѣютъ свои тайны, но и постоянно измѣняютъ себѣ. И такъ, выдай и ты свою тайну чтобы вступить въ состязаніе съ Бельмонте изъ-за лавроваго вѣнка. Мы склонны увѣнчать и тебя, и его. Спой намъ пѣсню о братѣ Діего!

При этихъ словахъ всѣхъ охватилъ священный трепетъ. Всѣ молчали, но взорами и движеніями звали юношу въ свой кружокъ. Онъ исполнилъ ихъ желаніе, ему подали инструментъ, рука его пробѣжала по струнамъ и взяла героическій аккордъ:

„Братъ Діего, братъ Діего! Дай намъ спѣть пѣсню о тебѣ, потому что твоя жизнь и твоя смерть должны были принести намъ свободу!

„О, палачи кроваваго судилища, въ темныхъ подземельяхъ вашихъ темницъ вы зарыли блестящее золото, чтобъ скрыть его отъ міра, но негодующій міръ пожелалъ снова имѣть его у себя.

„Тогда палачи зажгли свои костры и, увы! язвительно издѣваясь, бросили въ огонь золото, чтобы тамъ оно расплавилось и превратилось въ пепелъ—и на вѣки потерялъ бы его міръ!

„Но огонь могъ уничтожить только шлакъ, а блестящее золото полилось обильною рѣкою... Нѣтъ, не въ вашихъ силахъ было подавить, погасить свѣтъ, который загорается нынѣ и будетъ загораться вѣчно!

„Въ темныхъ пропастяхъ вашихъ темницъ вы, холопы кроваваго

судилища, держали отважную птицу изъ племени орловъ—вы боял
ея свободнаго полета!

„Высоко поднимается пламя костра, черный столбъ дыма летитъ
облакамъ—чтобы положить конецъ полетамъ орла, чтобы навѣки з
творилась дверь къ свободѣ!

„Но орелъ извлекаетъ изъ пепла свои крылья обновленными
укрѣпленными, и описываетъ круги около солнца... И міръ види
это, и пѣсни ликованія вырываются изъ груди его, полныя упоенья св
бодой!

„Братъ Діего, братъ Діего! Мы споемъ пѣсню о тебѣ! Изъ черн
рясы монаха соткалъ ты себѣ крылья, вознесшія тебя къ небу!“...

Съ каждою строфой увеличивалось воодушевленіе пѣвца и слуш
телей; припѣвъ не только былъ спѣтъ всѣми, но и повторенъ нѣскол
ко разъ. При этомъ взгляды нѣсколькихъ человѣкъ обращались к
мѣсту, на которомъ высокая фигура Тирадо выдѣлялась при лунно
свѣтѣ изъ окружавшей его темноты—потому что только немногіе был
посвящены въ его тайну.

Наконецъ возбужденіе улеглось и уступило мѣсто оживленному ра
говору, который имѣлъ отношеніе къ этому же предмету и мало по ма
перешелъ въ болѣе спокойное, серьезное обсужденіе.

Когда юноша Іезурунъ началъ свою пѣсню о братѣ Діего, Тирад
также ощутилъ сильное волненіе. Онъ вздрогнулъ, и яркій румянец
разлился по его обыкновенно блѣдному лицу; но черезъ нѣсколько ми
нутъ онъ уже снова овладѣлъ собою, сидѣлъ спокойно, скрестивъ рук
на груди, и пристально смотрѣлъ въ ночную темноту. Голосъ Марі
Нуньесъ вывелъ его изъ задумчивости.

— Тирадо,—сказала она своимъ гармоническимъ голосомъ, глу
боко проникавшимъ въ сердце слушателя,—эта пѣсня пробуждаетъ в
мнѣ много мыслей и воспоминаній, особенно же одно. Вы когда-то дал
мнѣ обѣщаніе... ночь такая чудесная, не хочется разставаться съ нею..
исполните его теперь...

— Обѣщаніе? Я не помню, Марія... но если вы говорите, т

это, конечно, правда... Я готовъ исполнить всякое слово, данное мною.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ... Вы обѣщали разсказать мнѣ исторію вашей молодости... Тирадо, не пустое любопытство побуждаетъ меня проникнуть въ ваше прошедшее: я вѣдь подъ вашимъ покровительствомъ, какъ же мнѣ не знать своего покровителя? Мои родители отдали меня подъ вашу опеку, какъ же мнѣ не знать, кто мой добрый опекунъ?.. Но нѣтъ, нѣтъ, какъ могу я шутить, когда во мнѣ такія серьезныя мысли?.. Тирàдо, вы оказали великія услуги моимъ близкимъ и хотите сдѣлать для насъ еще такъ безконечно много... Съ тѣхъ поръ, какъ я на вашемъ кораблѣ, мнѣ приходилось видѣть васъ уже въ столькихъ положеніяхъ... и... позвольте высказать вамъ это... постоянно удивляться вамъ—вашей добротѣ и преданности, вашей проницательности и твердой волѣ, вашему... я вѣдь не имѣю намѣренія обременять васъ моими похвалами... Только, видите ли, постоянно занималъ меня вопросъ: кто этотъ человѣкъ, и какъ онъ сдѣлался такимъ, и что̀ я узнаю отъ него?.. И вотъ теперь, Тирадо, ночная тишина, и шопотъ вѣтра, и плескъ воды, и это блистанье звѣздъ и мѣсяца — все зоветъ душу погрузиться въ тайны прошедшего, вернуться къ днямъ, промчавшимся мимо насъ... Скажите же, могу я просить васъ теперь исполнить ваше обѣщаніе?

Тирадо охотно слушалъ слова красавицы. Когда она кончила, онъ помолчалъ нѣсколько минутъ, какъ будто припоминая то, что̀ ему предстояло сообщить, и соображая, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ разсказъ на его слушательницу. Потомъ отвѣчалъ:

— Я готовъ. Между людьми, которымъ суждено провести довольно продолжительное время вмѣстѣ, не должно быть ничего скрытаго, чтобы они знали, какъ имъ относиться другъ къ другу и какого образа дѣйствій держаться. Я не люблю окружать себя таинственностью, и весьма скорблю, что необходимость заставляетъ меня поступать такъ. Ахъ, Марія, ваши дорогіе родители знаютъ все; въ труд-

нѣйшихъ положеніяхъ моей жизни меня защищала и спасала ваша чудесная матушка... какъ же могу я не довѣриться дочери?

Марія кинула на молодого человѣка взглядъ, полный горячей благодарности, потомъ подняла глаза къ звѣздному небу и сказала съ мечтательною пылкостью:

— Да, моя матушка!.. Гдѣ-то она теперь? Что съ нею и съ дорогимъ отцомъ?.. Она ангелъ въ человѣческомъ образѣ... нѣтъ такой добродѣтели, которой я не нашла бы въ ней, никогда не оставила она неисполненною какой либо обязанности своей—исключая развѣ обязанности подумать хоть немного и о самой себѣ!.. Но, нѣтъ... Вернемся къ нашему разговору. Какъ я благодарна вамъ, Тирадо, что вы ставите меня рядомъ съ моею матерью и дарите мнѣ часть того довѣрія, котораго она, конечно, достойнѣе, чѣмъ всякій другой человѣкъ.

— Марія, я долженъ начать съ открытія, которое касается знаменательнѣйшей части моей жизни—открытія, которое я могу дѣлать только весьма немногимъ. Моя фамилія Тирадо. Но это названіе долго было предано для меня забвенію, оставалось почти неизвѣстнымъ мнѣ самому... Я получилъ имя брата Діего де-ла-Асцензіонъ...

Эти слова поразили Марію Нуньесъ ужасомъ.

— Какъ!—вскричала она,—вы... да развѣ этотъ Діего не былъ возведенъ на костеръ?

Тирадо рѣзкимъ жестомъ заставилъ ее замолчать и затѣмъ спокойно сказалъ:

— Тише, Марія! Не произносите громко этого имени; оно теперь существуетъ уже, какъ видите, только въ пѣснѣ и въ воспоминаніи моемъ и моихъ вѣрнѣйшихъ друзей. То, что я вамъ говорю—дѣйствительная правда, и загадка скоро разрѣшится для васъ. Слушайте.

Марія оправилась, но въ ея взглядѣ и на лицѣ выражались серьезность и безпокойство, и глаза были съ напряженнымъ ожиданіемъ устремлены на Тирадо. Онъ прислонился къ спинкѣ своего кресла и началъ спокойнымъ тономъ разсказывать:

— Насколько я могу помнить себя, первый и единственный пред-

метъ, встающій въ моемъ воспоминаніи—келья, мрачная келья монастыря, съ окномъ на одинокій дворъ, съ дверью въ темный корридоръ монастыря. Я никогда не зналъ колыбели ребенка, улыбки отца, ласкъ матери. Ребенкомъ я ни съ кѣмъ не игралъ, юношей не предавался никакимъ развлеченіямъ. Холодныя, ледяныя руки вырвали меня изъ родительскаго дома, заточили въ монастырскую келью, держали тамъ взаперти, кормили и обучали. Только медленные шаги монаховъ во дворахъ и корридорахъ слышалъ я, только ихъ строгія и однообразныя лица встрѣчалъ; единственнымъ развлеченіемъ моимъ было молиться и пѣть въ церкви и проводить свободные часы въ монастырскомъ саду, гдѣ рядомъ съ цвѣтами, травами и овощами бѣлѣли, точно выростая изъ земли, надгробные памятники похороненныхъ тамъ монаховъ. Правда, я не испытывалъ почти никакихъ лишеній, потому что не зналъ ничего другого, и только пустота сердца, часто ощущавшаяся мною, могла бы давать мнѣ понять, что мое дѣтство проходитъ печально, жалко, пусто. Да, Марія, нерѣдко въ тѣ минуты, когда благотворный огонь охватываетъ все мое сердце, когда воодушевленіе быстро рождается во мнѣ и быстро ведетъ меня къ осуществленію задуманнаго плана— я спрашиваю себя, откуда же во мнѣ эти свойства? Чѣмъ зажжено это тайное пламя въ моей душѣ? Не есть-ли оно тоже самое, что подземныя воды, которыя капля за каплей собираются въ щеляхъ горъ и, не имѣя себѣ оттуда свободнаго выхода, внезапно и насильственно прокладываютъ себѣ путь, разрывая и опрокидывая могущественные утесы?

„Наконецъ пришло ко мнѣ избавленіе. Но и оно въ образѣ только стараго, почтеннаго монаха. Срокъ моего послушничества уже окончился, я уже ходилъ въ монашеской власяницѣ, когда однажды въ нашъ монастырь прибылъ одинъ старый инокъ, съ тѣхъ поръ и оставшійся тамъ на жительство. Это былъ братъ Іеронимо. Какъ я впослѣдствіи узналъ, оно такъ и было условлено, чтобы онъ не пріѣзжалъ туда, пока не окончится мой искусъ. Іеронимо скоро сблизился со мною; его привѣтливость, печально-серьезный, но дружескій взглядъ, манера, съ которою онъ держалъ меня около себя, предоставляя мнѣ, однако, при

этомъ полную свободу—все это приковывало меня къ нему неразрывными узами. Онъ началъ давать мнѣ уроки, и ни одинъ, я думаю, старикъ на свѣтѣ не способенъ до такой степени переселяться въ душу ребенка и юноши и доставлять ей надлежащую пищу. Но онъ сдѣлалъ для меня еще больше. Онъ зналъ, что у меня нѣтъ товарища — нѣтъ того, что такъ необходимо для молодого сердца, и поэтому привезъ въ нашъ монастырь чудеснѣйшаго мальчика, съ драгоцѣннымъ умомъ и сердцемъ, Алонзо де Геррера, такъ что скоро я наслаждался счастіемъ имѣть такого друга и находиться подъ руководствомъ такого учителя.

Марія Нуньесъ слушала разсказъ съ все болѣе и болѣе возраставшимъ участіемъ; ея руки были сложены на груди, полные огня глаза устремлены на губы друга. Онъ продолжалъ:

— Вы сами пожелали выслушать меня; но для того, чтобы сдѣлать для васъ понятными позднѣйшія происшествія моей жизни, я вынужденъ, рискуя показаться вамъ педантичнымъ, познакомить васъ хотя въ главныхъ чертахъ со способомъ обученія брата Іеронимо. Но насколько я знаю васъ, мнѣ нельзя сомнѣваться, что вы меня поймете. Нашъ учитель старался исключительно о томъ, чтобы знакомить насъ съ средствами познавать и понимать. Онъ не устанавливалъ никакихъ положеній и не приводилъ никакихъ доказательствъ имъ, но только указывалъ намъ пути въ области знанія и пониманія, и предохранялъ отъ заблужденій и утомленія. Находить и достигать цѣли должны были мы сами; ибо, по его мнѣнію, незначительное количество познаннаго и обдуманнаго самимъ собою гораздо важнѣе и цѣннѣе самой обширной учености, нагроможденной въ памяти. Этимъ онъ возбуждалъ въ насъ неутомимую умственную дѣятельность и обращалъ наши занятія въ неистощимый источникъ наслажденія. Когда мы стали старше и ближе ознакомились съ иностранными языками, онъ далъ намъ въ руки сочиненія греческихъ мудрецовъ и св. писаніе стараго и новаго завѣта, руководилъ нашими занятіями и давалъ необходимыя объясненія. Насъ двоихъ совершенно предоставили руководству и надзору брата Іерони-

мо; притомъ же остальные монахи были слишкомъ лѣнивы и невѣжественны, чтобы давать себѣ трудъ заниматься нами. И такъ какъ мы строго соблюдали дисциплину и прилежно исполняли церковныя предписанія, то не только надъ нами не было никакого надзора, но всѣ думали, что такіе ученики нѣкогда принесутъ монастырю большую честь, и притомъ въ той области, въ которой святые отцы,по собственному сознанію,могли произвести весьма мало... Дѣло приняло,къ удивленію,такой оборотъ, что метода нашего учителя, развивъ нашу пытливость и сообразительность, въ то же время поддерживала въ насъ большую осторожность въ приниманія того, что нашими любимыми книгами выдавалось намъ за неопровержимую истину. Мы начали сравнивать, обсуждать, дѣлать выводы. И такимъ путемъ пришли мы мало по малу къ неожиданному результату. Что представлялось намъ въ сочиненіяхъ греческихъ мудрецовъ? Ничего, кромѣ исканія и ощупыванія—серьезныхъ, величественныхъ, творческихъ, привлекательныхъ по формѣ и содержанію, но безцѣльныхъ и безрезультатныхъ. Одинъ развивалъ то, чему училъ другой, одинъ устанавливалъ то, что противорѣчило взглядамъ другого, а третій разрушалъ дѣло обоихъ и на этихъ развалинахъ воздвигалъ собственное зданіе—тоже на очень короткое время. И всюду мы встрѣчали только борьбу между матеріею и духомъ, цѣпляніе за необходимость, или отважное стремленіе вырваться изъ нея. Мы тутъ многому научились, но не выносили никакого убѣжденія. Но какая разница съ этими книгами — писаніе стараго завѣта! Сколько здѣсь простоты и естественности понятій, какое величіе мыслей, какое опредѣлительное высказываніе того, что лежало скрытымъ въ нашемъ умѣ и въ нашемъ сердцѣ! Тутъ передъ нами былъ безконечный, всесовершенный Богъ, создавшій этотъ міръ, наполненный преходящими, смертными существами, Богъ, который въ безпредѣльной любви Своей сотворилъ человѣка по образу и подобію своему, вдохнулъ въ него духъ Своего духа, открылъ ему простые, вѣчные законы любви и справедливости, отечески руководитъ его судьбой, праведно судитъ его дѣла и милосердно прощаетъ ему за грѣхи. И все это — въ пестромъ

водоворотѣ жизни, которая была незнакома намъ и куда жадно стремились мы, среди треволненій и борьбы народовъ на пути къ великой цѣли мира и правды... Ни Алонзо, ни я еще не подозрѣвали даже, отъ кого мы происходимъ, съ кѣмъ сроднила насъ природа—а ученіе Израиля уже привлекло къ себѣ наши умы, сдѣлало насъ его приверженцами... мы чувствовали, что перестали быть католиками...

— А что же сказалъ вашъ учитель, увидѣвъ эту перемѣну въ вашихъ убѣжденіяхъ?—спросила Марія.

— Мы въ первое время не говорили съ нимъ о ней, и онъ тоже молчалъ. Каждое слово наше въ часы уроковъ должно было выдавать нашу тайну. Онъ понялъ это и давалъ отвѣты въ томъ же духѣ. Но неодолимый страхъ препятствовалъ намъ высказаться открыто. Вы слишкомъ хорошо знаете, дорогая Марія, что молодое сердце можетъ цѣлые годы хранить въ себѣ и вскармливать тайну, робко скрывая ее даже отъ самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ людей; но разъ что она высказана, это сердце не можетъ уже выносить противорѣчіе между своимъ убѣжденіемъ и дѣйствительностью, не можетъ выносить ложь, обманъ, лицемѣріе. И притомъ же, какъ ни расширился въ ту пору нашъ умственный кругозоръ—но сила привычки, оковы механическаго исполненія, не разстававшіяся съ нами отъ самой колыбели, держали насъ покамѣсть въ предѣлахъ той сферы, въ которой намъ волею-неволею приходилось жить. Но вотъ случилось такъ, что мой другъ Алонзо былъ позванъ къ смертному одру моего дяди, а я, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, сидѣлъ у постели умиравшаго брата Іеронимо.

„Вамъ уже извѣстно, что̀ за тѣмъ послѣдовало; тутъ я узналъ тайну моего рожденія, снова обрѣлъ отца, мать, сестру — но всѣ они были уже мертвы, убиты одною и тою же злодѣйскою рукой инквизиціи. Я былъ совершенно подавленъ страшнымъ бременемъ внезапно на меня обрушившейся судьбы. Гдѣ,—думалъ я,—гробница моего отца, могила матери, мѣсто вѣчнаго успокоенія моей сестры? Гдѣ мнѣ найти ихъ, чтобы склонить колѣни, оросить ихъ слезами, помолиться около нихъ?.. Кости ихъ истребилъ огонь, пепелъ развѣялся вѣтромъ... Трупъ моей

сестры совлекли съ постели, на которой ему дали сгнить, и кинули на костеръ... И за что? За то, что всѣхъ этихъ набожныхъ, праведныхъ, чудесныхъ людей заподозрили въ грѣховномъ образѣ мыслей, за то, что они на пыткѣ сознались, что имѣли между своими книгами еврейскій молитвенникъ и нѣсколько разъ читали его!...

„Марія, цѣлые годы прошли съ того времени, но и теперь еще, каждый разъ, какъ я вспомню объ этомъ, негодованіе и отчаяніе первыхъ дней пробуждаются во мнѣ, стягиваютъ мое сердце, спираютъ мое дыханіе, заставляютъ сжиматься мои кулаки.

„Но время ни на одно мгновеніе не останавливаетъ своего хода, и если оно не уничтожаетъ совершенно нашего горя, то мало по малу все-таки умѣряетъ его, притупляетъ его остріе. И во мнѣ возникли вопросы: что же дѣлать? какой планъ составить для будущей жизни моей? Никто не зналъ меня, никому я не былъ нуженъ и интересенъ, никого не было, съ кѣмъ я могъ бы посовѣтоваться, кого могъ бы спросить... Но рѣшеніе мое было скоро принято. Я хотѣлъ выйти въ жизнь и сбросить съ себя мало по малу мои оковы. Но какъ исполнить это? Отвѣтъ долженствовало дать мнѣ будущее. Сперва я желалъ окончить курсъ въ какомъ нибудь университетѣ, и мнѣ удалось получить на то разрѣшеніе моего начальства. Я отправился въ Саррагосу, ибо собралъ точныя свѣдѣнія, что Аррагонія оставалась въ то время единственною провинціею Испаніи, гдѣ въ народѣ продолжалъ еще жить свободный духъ и гдѣ всѣ сословія твердо держались по прежнему своихъ старыхъ правъ и привиллегій, противопоставляя ихъ притязаніямъ правительства на неограниченное господство. Я имѣлъ намѣреніе здѣсь выработать въ себѣ проповѣдника, потому что горѣвшая во мнѣ искра говорила мнѣ, что только сила слова въ состояніи будетъ доставить исходъ пламени, которое иначе сожгло бы меня,—что только вдохновенною рѣчью можно оказывать вліяніе на народъ. Я не ошибся на счетъ моихъ проповѣдническихъ дарованій и, появляясь на каѳедрѣ въ различныхъ мѣстностяхъ, привлекалъ къ себѣ сердца слушателей и скоро пріобрѣлъ громкую репутацію. Орденская раса защищала меня

отъ всякихъ подозрѣній. Когда я съ каѳедры громилъ человѣческія слабости и пороки, пламенно провозглашалъ священные законы нравственности, требовалъ со стороны всѣхъ кротости и утѣшенія, помощи и сочувствія всѣмъ страждущимъ и нуждающимся братьямъ—тогда народъ жадно внималъ моимъ рѣчамъ, воспламенялся ими, и никому и въ голову не приходило подозрѣвать меня въ отреченіи... Такимъ путемъ подготовлялъ я себя къ тому, чтобы постепенно пойти дальше и, пріобрѣтя полный доступъ въ сердца народа, начать уже совершенно открыто и безъ обиняковъ провозглашать горѣвшую во мнѣ истину и храбро ополчиться на суевѣріе и фанатизмъ, хотя бы мнѣ пришлось пасть жертвою этой борьбы. Но то не было бы для меня жертвою—ибо смерть теперь уже утратила для меня свой ужасъ, такъ какъ она могла только соединить меня съ тѣми, которымъ принадлежало мое сердце, хотя я никогда не видѣлъ ихъ. Я былъ одинокъ на этой землѣ, и зналъ, что никто не прольетъ ради меня ни одной слезы...

„Нѣсколько времени спустя, въ Аррагоніи произошли событія, оживившія мои надежды, повидимому, прокладывавшія мнѣ дорогу къ моей цѣли. Донъ Жуанъ Австрійскій, знаменитый побѣдитель въ Лепантской битвѣ, возбудилъ подозрительность своего кузена, короля Филиппа, предполагавшаго въ немъ тайные замыслы то на тунисскій, то на нидерландскій престолъ. Виновникомъ, участникомъ и орудіемъ всѣхъ этихъ предпріятій Филиппъ считалъ секретаря принца Эскобедо и потому рѣшился уничтожить этого человѣка. Но какъ онъ не могъ захватить Эскобедо въ свои руки, то обратился къ своему секретарю Антоніо Перецу и потребовалъ, чтобы тотъ нашелъ средство отдѣлаться отъ ненавистнаго врага. Для Переца благосклонность государя была главнѣйшей цѣлью его честолюбивыхъ стремленій, и потому онъ ревностно принялся за исполненіе возложеннаго на него порученія, надѣясь этимъ не только вызвать въ Филиппѣ благодарность, но и нѣкоторымъ образомъ получить возможность держать его въ своихъ рукахъ. Онъ нѣсколько разъ пытался отравить секретаря принца, но Эскобедо каждый разъ избѣгалъ разставленныхъ ему сѣтей. Тогда Перецъ со-

всѣмъ потерялъ голову и оказался на столько безсовѣстнымъ и неловкимъ, что нанялъ убійцъ для того, чтобы они умертвили Эскобедо гдѣ нибудь на улицѣ. Но убійцъ поймали, и они не затруднились назвать по имени того, кто подкупилъ ихъ для совершенія гнуснаго поступка. Вслѣдствіе этого Антоніо Переца арестовали, вдова убитаго привлекла его къ суду, и Филиппъ, хорошо понимавшій, что подозрѣніе въ инициіативѣ этого преступленія падетъ на него, долженъ былъ предоставить процессу безпрепятственный ходъ. Перецъ былъ человѣкъ предусмотрительный и припряталъ у себя бумаги, которыя могли сильно компрометировать короля. Филиппъ зналъ это, и когда Переца приговорили къ изгнанію и уплатѣ большого денежнаго штрафа, государь заплатилъ штрафъ и обѣщалъ своему бывшему секретарю скорое помилованіе на условіи возвращенія вышеупомянутыхъ бумагъ. Перецъ видѣлъ себя погибшимъ во всякомъ случаѣ, ибо онъ слишкомъ хорошо зналъ короля для того, чтобы не быть увѣреннымъ, что послѣ возвращенія бумагъ Филиппъ не только не помилуетъ его, но собственно тогда только обрушитъ на него настоящее преслѣдованіе. Поэтому онъ выдалъ только часть бумагъ, а остальную спряталъ въ надежномъ мѣстѣ. Король разсердился, но вѣдь онъ умѣетъ выжидать. И дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ спустя, когда сынъ несчастнаго Эскобедо выросъ, и Перецъ началъ пользоваться своимъ тайнымъ сокровищемъ для осуществленія своихъ замысловъ, молодого Эскобедо заставили выступить новымъ обвинителемъ, Переца заточили въ тюрьму и подвергнули жесточайшимъ пыткамъ. Онъ, однако, успѣлъ освободиться изъ тюрьмы и бѣжалъ въ Аррагонію, свое отечество. Здѣсь онъ отдалъ себя въ руки аррагонскаго верховнаго судьи, который по законамъ этого государства имѣетъ власть надъ всѣми королевскими чиновниками и судьями и на котораго дозволяется аппелировать только въ государственный совѣтъ. Но именно это обстоятельство пришлось по сердцу королю, который уже давно замышлялъ нанести ударъ правамъ и привилегіямъ Аррагоніи. Инквизиція схватила Переца, ибо она утверждала, что обладаетъ священными полномочіями относительно всѣхъ земныхъ судей

и всѣхъ государственныхъ властей. Это арестованіе вызвало страшное волненіе въ Аррагоніи, и особенно между гражданами Сарагоссы. Теперь наступило и мое время. Я сталъ на сторону народа. Въ краснорѣчивыхъ рѣчахъ выставилъ я передъ массой опасность, грозившую ея свободѣ, разрушеніе послѣдняго оплота права и справедливости, предоставленіе всего на произволъ короля и мрачной власти инквизиціи. Сарагосскіе граждане возстали, схватились за оружіе, взяли штурмомъ дворецъ инквизиціи и освободили Переца, который послѣ этого счастливо перебрался за границу. Я переѣзжалъ съ одного мѣста на другое и проповѣдывалъ освобожденіе отъ деспотизма и суевѣрія въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ. Всюду привѣтствовали меня съ восторгомъ, и въ Сарагоссу стали приходить со всѣхъ сторонъ вооруженныя подкрѣпленія. Но этого-то и желалъ Филиппъ, это-то и соотвѣтствовало его планамъ. Онъ въ это время уже собралъ отборное кастильское войско, и по его знаку оно вторгнулось въ Аррагонію. Верховный судъ протестовалъ противъ этого, потому что по привиллегіямъ Аррагоніи ни одинъ иноземный солдатъ не имѣлъ права переступить ея границы. Но тутъ надо было бороться не словами — слова не имѣли никакой силы. Аррагонцы не оказались достойными своихъ предковъ. Толпы, выступившія противъ королевскаго войска, были недостаточно многочисленны и разсѣялись при первомъ нападеніи ветерановъ Филиппа. Испанцы двинулись къ Сарагоссѣ. Но и тутъ встрѣтили они слабое и безпорядочное сопротивленіе. Нѣсколько дней спустя, ворота города отворились передъ кастильскими солдатами. Верховный судья былъ публично казненъ на площади, за нимъ послѣдовали на эшафотъ четыреста гражданъ, и много еще погибло въ темницахъ. Такимъ образомъ и Аррагонія пала къ стопамъ Филиппа: всѣ ея привиллегіи были объявлены уничтоженными, всемогущество инквизиціи прочно установлено, государственный совѣтъ обращенъ въ чисто номинальное учрежденіе. Это былъ послѣдній подвигъ испанскихъ королей въ дѣлѣ подавленія и уничтоженія національнаго духа нашего прекраснаго отечества. Шагъ за шагомъ перерѣзывали его жилы, притупляли нервы,

умерщвляли душу. Теперь оно лежало въ прахѣ на своей землѣ, обреченной на опустошеніе. О, вы не знаете, что надѣлали здѣсь наши враги, не знаете тоже, какъ они сами подпилили подпорки своего трона, расшатали его столбы! Онъ рушится, и гнилыя доски его докажутъ, что государь, убивающій духъ своего народа, умерщвляетъ собственною рукою жизнь своихъ потомковъ!..

Голосъ Тирадо дрожалъ отъ волненія, звукъ его сдѣлался глухой и зловѣщій, и онъ замолчалъ, потому что умъ его, повидимому, погрузился въ будущее. Марія чтила его молчаніе, и глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди. Она живо чувствовала это великое горе — то было вѣдь горе и ея родины, и ея близкихъ, дорогихъ людей. Наконецъ она тихо проговорила:

— Что же выпало на долю вамъ, Тирадо, въ этой несчастной борьбѣ?

Этотъ вопросъ вывелъ Тирадо изъ задумчивости; онъ быстро оправился и продолжалъ разсказывать:

— Получивъ извѣстіе, что войско Филиппа двинулось на Сарагоссу, я поспѣшилъ туда. Но войти въ городъ не было уже возможности: городъ былъ окруженъ непріятелемъ со всѣхъ сторонъ. Все то, что мнѣ пришлось увидѣть до тѣхъ поръ и что не могло оставить во мнѣ никакого сомнѣнія на счетъ исхода борьбы, повергло меня въ такое уныніе, такое отчаяніе, что я даже не давалъ себѣ труда избѣгать преслѣдованія тѣхъ испанскихъ агентовъ, которые ѣздили по всей странѣ для того, чтобы арестовать всѣхъ, подозрѣвавшихся въ участіи въ возстаніи. Меня схватили въ одной деревнѣ, и я былъ выданъ испанцамъ именно тѣми людьми, которые наиболѣе увлекались моими рѣчами и проповѣдями. Въ качествѣ священника я былъ переданъ инквизиціи и скоро послѣ того находился уже въ одной изъ келій ея подземной тюрьмы. Меня повели на допросъ къ замаскированнымъ судьямъ, но я на всѣ ихъ вопросы отвѣчалъ прямо, нисколько не скрывая моихъ убѣжденій. Я смѣло кинулъ имъ въ лицо мои обвиненія, далъ полный просторъ моей оппозиціи ихъ дѣйствіямъ и правиламъ и не утаилъ ни-

податей 1865 г.». Комитетъ указалъ, что «для избавленія евреевъ отъ грозившаго имъ голода и для обсѣмененія ихъ полей, само же министерство оказывало имъ пособія».

Министерство разсчитало, что на евреяхъ числилось недобора 60,716 р. 4¾ к., въ томъ числѣ оклада 1865 г. болѣе 18,000 р. Хотя попечители колоній и комитетъ заслуживали, по мнѣнію м-ва, «взысканія за слабое поступленіе сборовъ», но оно не сочло возможнымъ налагать его потому, что «продолжавшіеся, нѣсколько лѣтъ, неурожаи хлѣбовъ и травъ оправдывали какъ колонистовъ, такъ и его начальство». Поэтому, м-во ограничилось предложеніемъ комитету «настаивать на взысканіи съ евреевъ текущихъ платежей и недоимокъ, о чемъ поручило комитету представлять 2-хъ-недѣльныя вѣдомости».

Отданные къ тому времени подрядчикамъ для постройки хлѣбные магазины въ колоніяхъ не были окончены къ сроку, и м-во разрѣшило подрядчикамъ окончить ихъ къ іюню 1867 г.

По вопросу о правѣ евреевъ-земледѣльцевъ пасти скотъ комитетъ полагалъ правильнымъ постановить: во всѣхъ колоніяхъ безплатно допустить содержаніе того количества скота и овецъ, за которое правительство опредѣлило награждать хозяевъ серебряными медалями (крупнаго скота и лошадей—20 шт. и овецъ плодныхъ—100), съ тѣмъ, однакожъ, ограниченіемъ, чтобы право это распространялось только на хозяевъ, которые будутъ заниматься вполнѣ земледѣліемъ, состоять въ первомъ разрядѣ и которымъ будутъ принадлежать скотъ и овцы; а за излишній скотъ взимать за каждую скотину—половину той цѣны, какую взимали съ постороннихъ т. е. не менѣе 50 коп. съ крупнаго скота, а за овцу по 15 коп., приплодъ же того года выпасать безплатно.

Что же касается евреевъ-земледѣльцевъ, вовсе не располагавшихъ собственнымъ скотомъ для полевыхъ занятій, а покупавшихъ таковой лишь для промысла, то ихъ комитетъ полагалъ обложить платежомъ за выпасъ скота въ пользу сберегательныхъ кассъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи употреблять деньги на обзаведеніе рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями для уклоняющихся отъ земледѣлія. Самую, наконецъ, норму платы комитетъ находилъ правильнымъ предоставить опредѣлять самимъ обществамъ колоній, сообразно мѣстнымъ условіямъ, каждый разъ особыми приговорами.

Съ своей стороны, комитетъ представилъ проектъ условій, по которымъ

биться моего отреченія, которое если не спасло бы меня отъ смерти, то по крайней мѣрѣ избавило бы отъ мукъ костра предварительнымъ удушеніемъ. Я спокойно ожидалъ этого конца. Я говорилъ себѣ: „ты похожъ на растеніе, которое, правда, цвѣло недолго, но, умирая, выронило еще на землю нѣсколько сѣмянъ, которыя современемъ созрѣютъ и пустятъ ростки подъ лучами божьяго солнца“.

„Но какъ ни толсты стѣны инквизиціоннаго зданія и какъ ни плотно замкнуты его двери, но и оттуда проникаетъ на свѣтъ многое изъ того, чтó обладатели этихъ чертоговъ считаютъ погребеннымъ въ вѣчной ночи забвенія. Правда, инквизиція въ извѣстные сроки сама объявляетъ число и имена приговоренныхъ ею къ смерти, равно какъ и приписываемыя имъ преступленія, желая этимъ увеличивать въ вѣрующихъ уваженіе къ ней, а въ невѣрующихъ—ужасъ, и привлекая народъ на ея пышныя и гнусныя празднества, называемыя ауто-да-фе; и дѣйствительно, въ этихъ случаяхъ огромное количество кандидатовъ въ мертвецы, чудовищность уготованныхъ имъ мукъ и великость ихъ преступленій очень сильно вліяютъ на страсть народа по всякаго рода зрѣлищамъ. Но уже задолго до исполненія приговора надъ нами, вѣсть, что одинъ францисканскій монахъ открыто перешелъ въ еврейство и за то будетъ сожженъ на кострѣ, распространилась по всему полуострову, и мои враги сами заботились, чтобы мое имя не осталось неизвѣстнымъ. Этому обстоятельству обязанъ я моимъ спасеніемъ. Вечеромъ наканунѣ ужаснаго торжества, приготовлявшагося церковью для міра, меня съ моими будущими товарищами по костру отвели въ назначенную для того часовню. Двери ея затворились, и передъ нею стояло на часахъ множество слугъ инквизиціи. Невидимый хоръ запѣлъ съ верхней галлереи печальное de profundis. На алтарѣ горѣло много свѣчей, но все остальное пространство обширной часовни оставалось неосвѣщеннымъ. Всѣ стали на колѣни, и душа каждаго, каковы ни были религіозныя убѣжденія его—вознеслась въ горячей молитвѣ къ великому духу вселенной, предъ которымъ ей предстояло явиться на слѣдующій день, но пройдя предварительно сквозь столь тяжкое

испытаніе. Мнѣ досталось мѣсто въ послѣднемъ ряду скамеекъ. Тутъ я молился, какъ вдругъ почувствовалъ, что опустившаяся рядомъ со мной на колѣни замаскированная фигура протянула руку изъ-подъ своего одѣянія, отыскала мою и что-то вложила въ нее. Нѣсколько минутъ спустя, она снова поднялась и исчезла въ темнотѣ, окружавшей насъ. Я ощупалъ вещи въ моей рукѣ: то были кошелекъ съ деньгами, пилка и клочокъ бумаги. Двѣ первыя я быстро спряталъ въ моей рясѣ, а написанное на бумагѣ мнѣ скоро удалось прочесть: тутъ въ нѣсколькихъ словахъ сообщалось, куда и къ кому мнѣ слѣдуетъ обратиться. Прочтя, я проглотилъ бумагу, чтобы уничтожить всякіе слѣды. Острая пилка сослужила свою службу въ полночь, распиливъ желѣзные прутья, заграждавшіе отверстіе въ стѣнѣ моей кельи. Я былъ свободенъ, но только благодаря стеченію многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ и среди тысячи опасностей мнѣ удалось найти дорогу въ назначенное мнѣ мѣсто, къ моей спасительницѣ, къ вашей матери, Марія... Изъ своего убѣжища въ уединенной долинѣ она, при посредничествѣ одного вѣрнаго агента вашего отца, съумѣла найти доступъ въ мою тюрьму и дорогою цѣной купить мое освобожденіе. Она никогда не знала меня, какъ и я—ее, но вѣсть объ ожидавшей меня участи дошла до нея и была достаточна для того, чтобы вызвать въ ней быстрое рѣшеніе и заставить добыть всѣ необходимыя для его исполненія средства. Мои товарищи погибли на слѣдующій день, но мое исчезновеніе не уменьшило числа возведенныхъ на костеръ. У инквизиціи всегда достаточный запасъ готовыхъ жертвъ: одна изъ нихъ фигурировала въ этомъ случаѣ подъ моимъ именемъ. Отъ этого и составилось общее мнѣніе, что братъ Діего умеръ на кострѣ.

„Но у вашей матери я нашелъ не только спасеніе отъ смерти. Все, что еще оставалось во мнѣ колеблющагося, скоро было уничтожено свѣтлымъ указаніемъ ея разума, безошибочнымъ тактомъ ея чувства. Она обладаетъ въ высокой степени прекрасною способностью ея пола—въ самыхъ смутныхъ и запутанныхъ обстоятельствахъ отыскивать то, что правильно и что слѣдуетъ дѣлать, тогда какъ мы,

мужчины, движимые великими идеями, упускаемъ изъ виду легко достижимое и наиболѣе близко насъ касающееся изъ-за высокихъ и отдаленныхъ цѣлей. Между тѣмъ какъ я не зналъ, куда мнѣ двинуться, какую мѣстность избрать поприщемъ своей дѣятельности, ваша матушка обратила мое вниманіе на Нидерланды, которыя деспотизмъ Филиппа долженъ былъ скоро обратить въ главную арену борьбы. Указаніе этой цѣли сдѣлало меня счастливымъ. Душа моя стремилась туда всѣми своими фибрами—не только для того, чтобы доставить убѣжище моимъ гонимымъ единовѣрцамъ, но и съ тѣмъ, чтобы служить всему человѣчеству, создать пріютъ для всѣхъ желающихъ сбросить съ себя оковы. Я говорилъ себѣ, что страна, гдѣ *насъ* терпятъ, гдѣ *намъ* позволяютъ отречься отъ насильно навязанной намъ религіи, должна быть страною свободы, страною, гдѣ среди свободнаго народа водрузила свое знамя свобода всѣхъ религіозныхъ убѣжденій, полная свобода совѣсти. Этой землѣ долженъ ты посвятить всю свою дѣятельность, всѣ свои желанія и способности!..

„Остальное извѣстно вамъ, донна Марія. Я отправился съ дономъ Самуиломъ Паллаче въ Нидерланды, и мы теперь снова плывемъ туда. Темнота, еще покрывающая наше небо, начинаетъ уже однако проясняться, и твердое обѣщаніе принца Оранскаго есть та утренняя заря, которая возвѣщаетъ намъ наступленіе новаго дня и ручается за него... Пусть это будетъ еще долго мрачный, облачный, бурный день—но все-таки день, а не ночь!

Тирадо кончилъ. Марія молчала еще нѣсколько минутъ, потомъ подняла свои большіе, блестящіе, увлаженные слезами глаза и, невольно схвативъ руку Тирадо, пожала ее и сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Ахъ, Тирадо, сколько вы вытерпѣли, и какъ могли вы все это вынести!

Это выраженіе глубокаго сочувствія охватило Тирадо пылкимъ восторгомъ и, не имѣя силъ отвѣчать, онъ наклонился къ рукѣ Маріи и нѣсколько разъ пламенно поцѣловалъ ее. Рука молодой дѣвушки

ЯКОВЪ ТИРАДО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ 2-й ПОЛОВИНЫ XVI СТОЛѢТІЯ.

Соч. Людвига Филиппсона.

VIII *.

Слѣдующіе дни Тирадо употребилъ на тщательное ознакомленіе съ долиной, въ которой жило семейство Гомемъ, для пріисканія дорогъ, по которымъ бѣгство представлялось бы наименѣе затруднительнымъ и опаснымъ. Его яхта стояла въ скрытой бухтѣ у подошвы лѣсистаго мыса Эспихеля. Она вышла изъ Сетувальской гавани, снаряженная для большого морского плаванія, въ которое, повидимому, должна была пуститься немедленно; но какъ только наступила ночная темнота, ее поспѣшили направить въ ту уединенную пристань, гдѣ она находилась въ настоящую минуту. Благодаря смутамъ и безпорядкамъ этого времени, судоходство въ португальскихъ гаваняхъ почти совсѣмъ прекратилось, такъ что нечего было опасаться даже случайнаго открытія судна въ этомъ мѣстѣ. Сюда же собрались мало по малу друзья Тирадо, человѣкъ двѣнадцать марановъ, съ которыми онъ намѣревался основать колонію въ Нидерландахъ, и сюда же приходилось ему бѣжать съ тѣми, которыхъ онъ хотѣлъ спасти бѣгствомъ изъ этой долины. Охотно помѣстилъ бы онъ свою яхту гдѣ нибудь посѣвернѣе, что̀ было бы

* См. Восходъ, кн. 4.

ЭСКИЗЫ.

(Изъ воспоминаній еврея-земледѣльца).

(Посвящ. Ж. М. Д.).

IV.

Лея-магидъ.

— Гдѣ-же, однако, вырабатываются подобные типы?—спроситъ иной читатель, всю жизнь свою вращавшійся въ затхлыхъ и душныхъ палестинахъ нашей заколдованной «черты».

— Въ мирномъ, глухомъ уголку Новороссіи,—отвѣчу я на это:—въ маленькихъ селеніяхъ евреевъ-хлѣбопашцевъ, подъ благотворнымъ дѣйствіемъ степного вѣтра и зеленой травы, лицомъ къ лицу съ неприкрашенной и неисковерканной природой.

Тамъ, гдѣ люди ложатся съ первой вечерней звѣздой, просыпаются на копнѣ свѣжаго, душистаго сѣна или у края желтѣющей нивы; тамъ, гдѣ кусокъ чернаго хлѣба съѣдается съ крѣпкимъ, здоровымъ аппетитомъ, потъ съ лица стирается пучкомъ степной травы, покрытой холодною росой,—въ этой сферѣ жизни возможны и такіе мускулы, какъ у Шлоймы Чаусъ, и такой свѣтлый, жизнерадостный взглядъ на все и на всѣхъ, какъ у Гершонъ-Меламедъ...

Я давно уже не видалъ ни этой степи, ни этихъ лицъ и, вспоминая о нихъ здѣсь, въ шумной, блестящей столицѣ, самъ невольно спрашивалъ себя: неужели все это правда?

---

* См. Восходъ, кн. 4.

Да, это правда. И я стараюсь начертать эти лица такими, какъ сохранила ихъ моя память.

— Васинька, Васинька!.. Ну? Скажи ужъ самъ — хорошо это? Имѣешь ты Бога въ .сердцѣ? а? Развѣ я не накормила тебя какъ слѣдуетъ?.. Когда я вынимала изъ-подъ пресса творогъ, я дала тебѣ полную миску съ размоченнымъ хлѣбомъ; за обѣдомъ тебѣ тоже перепадалъ не одинъ лишній кусокъ; а затѣмъ, когда я потрошила рыбу, то развѣ не дала тебѣ что можно было?.. А ты что̀ дѣлаешь! Фэ, фэ, стыдись, Васька, стыдись!..

Такъ говорила старушка Лея, остановившись въ дверяхъ полутемной каморки, загроможденной боченками, кадками, старыми беззубыми граблями, остатками обветшалой сбруи, мѣшками, наполненными пшеномъ, чечевицей, картофелемъ и разными принадлежностями колоніальнаго инвентаря.

Тотъ, къ кому обращалась ея укорительная рѣчь, былъ большой черный котъ съ зелеными плутовскими глазками, и въ описываемый моментъ онъ помѣщался на полкѣ съ разложенными для просушки творожными сырами, одинъ изъ которыхъ представлялъ уже собою самую печальную картину разрушенія.

Васька оказался, однако, на столько безсовѣстнымъ, что рѣчь хозяйки не произвела на него никакого впечатлѣнія. Даже болѣе того: едва ушей его коснулось первое слово, онъ сталъ еще съ бо̀льшимъ азартомъ глотать кусокъ за кускомъ, давясь и мурлыча нѣчто совершенно безсодержательное и, во всякомъ случаѣ, вовсе не похожее на извиненіе, котораго, повидимому, ждала отъ него хозяйка.

И Лея, съ выраженіемъ глубокаго разочарованія, приблизилась къ полкѣ и, снявъ кота, унесла его изъ каморки.

— Фэ, Васька, фэ!—продолжала она морализировать, входя въ комнату черезъ сѣни:—не хорошо... порядочные коты такъ не поступаютъ... Если ты голоденъ, я тебѣ, пожалуй, дамъ что нибудь... На,—прибавила она ставя на полъ тарелку съ молокомъ:—на, кушай себѣ на здоровье, а самъ, Васинька, не бери, не хорошо...

Васька облизалъ губы, меланхолически глянулъ по направленію къ каморкѣ и, поджавъ заднія ноги, принялся за молоко.

Лея не состояла членомъ «Общества покровительства животнымъ» и даже не знала о существованіи такого общества. Не вѣдала она также тѣхъ высокихъ формулъ гуманности и альтруизма вообще, вокругъ которыхъ вертится морализирующее человѣчество въ своемъ вѣчномъ стремленіи къ «идеалу». Но врядъ-ли для Леи была въ этомъ какая нибудь потребность. «Общество покровительства животнымъ»! Почему-же это именно «общество»? Развѣ и каждый отдѣльный еврей не знаетъ, что такое «цааръ-баалэ-хаимъ»? Шлоймэ Мойшэ-балагулэ—и тотъ знаетъ, какой это великій грѣхъ — бить и вообще мучить лошадь... Каждый знаетъ это. А идея «гуманности», «альтруизма»? Боже мой, кто-же не знаетъ, что сказано: «люби ближняго своего какъ самого себя»? Вѣдь мы, слава тебѣ Господи, евреи не со вчерашняго дня, и было-бы неестественно намъ этого не знать!..

Ну, и то сказать: кому-же сравниться съ Леей въ знаніи всего того, что «сказано» и у рабейну-Бехая, и въ «Менорасъ Гамооръ», и еще тамъ-то, и тамъ-то. Ее не даромъ прозвали «магидъ». Въ этой маленькой, круглой женщинѣ, съ добрыми, слегка воспаленными глазками, кромѣ мягкаго «золотого» сердца, хранился цѣлый архивъ всевозможныхъ изреченій, афоризмовъ, цѣлая коллекція самыхъ дорогихъ перловъ раввинской казуистики, среди которыхъ нерѣдко проглядывалъ и самоцвѣтный камушекъ ея собственной шлифовки. Никто лучше ея не могъ бы объяснить, что такое значитъ, напр., «ner neschoma-licht», или почему въ ту субботу, когда читается «schira», принято бросать птичкамъ зерно и т. п. И дастъ она вамъ объ этомъ самыя точныя и обстоятельныя свѣдѣнія, какъ и о томъ, сколько «чудесъ» натворилъ извѣстный эксцентрикъ чудодѣй ребъ-Лейбеле Соресъ, гдѣ именно у раби такого-то сказано то-то и проч. и проч. Естественно поэтому, что когда скончалась бабушка Ланэ, двадцать лѣтъ сряду исполнявшая роль «чтицы» въ Старой Синагогѣ, на ея мѣсто единогласно была избрана Лея-магидъ. Бабушка Ланэ была безусловно набожная и вообще самыхъ строгихъ правилъ женщина, но рѣшительно не способная ни на какую инициативу, ни на какое самостоятельное дѣло. Она добросовѣстно исполняла свою

[illegible]

— [illegible] —[illegible] она въ другой разъ [illegible] —[illegible] твердое рѣшеніе об[illegible]

— [illegible]

— [illegible] извѣстно. Вовсе этого не желаю.

— [illegible]

— Выслушайте, ребъ-Лейбъ,—энергично заговорила Лея:— я вѣдь не дѣвочка... знаю, сколько отпускается ежегодно на ремонтъ синагоги... И вы отъ меня однимъ «ну» не отдѣлаетесь.

Лея настояла на своемъ. И потолокъ былъ заново выштукатуренъ, и двери были поправлены, и новыя стекла вставлены, и проч. и проч.

Добрая и мягкая до слабости Лея, въ дѣлахъ «общественныхъ» становилась неузнаваема по своей энергіи, дѣловитости и даже упорству, когда этого требовали обстоятельства. И прихожанки цѣнили въ ней эти заслуги и оказывали ей почетъ и уваженіе.

Помимо уваженія, какъ общественный дѣятель, Лея пользовалась искренней признательностью своихъ землячекъ—какъ добрый до самоотверженія человѣкъ, всегда и всѣмъ готовый на помощь своему ближнему.

— Сварили что нибудь сегодня?—спроситъ она, какъ нибудь мимоходомъ, сосѣдку, у которой, какъ Леѣ было извѣстно, очень часто не хватало самаго необходимаго. И, не дожидаясь отвѣта, прибавитъ:—Какая погода чудная стоитъ... Слава Богу, мой огородикъ цвѣтетъ, какъ басъ-малко (царевна); и картофель, и бобы прекрасно уродились... Зайдемте, Хася, посмотрите...

За небольшимъ, гладко утрамбованнымъ токомъ со скирдами прошлагодняго сѣна и ржаной соломы, тянутся длинныя, правильныя гряды капусты, свекловицы, батлажановъ, картофеля и проч. Разноцвѣтныя головки мака, темнозеленая мята съ ея морщинистой и шереховатой листвой, большіе, раскидистые листья хрѣна—все это вмѣстѣ составляетъ красивый узоръ и свидѣтельствуетъ о неустанныхъ заботахъ и трудолюбіи хозяйки. Въ этомъ маленькомъ зеленомъ царствѣ, какъ и во всемъ ея скромномъ хозяйствѣ, Леѣ знакома каждая мелочь, каждая рытвинка и ухабинка. Разбудите ее отъ самаго сладкаго сна, и она вамъ скажетъ, не затрудняясь, сколько на каждой грядкѣ кочановъ, сколько гусеницъ она истребила сегодня, сколько дней прошло, какъ расцвѣлъ макъ, сколько времени ея рыжей телкѣ и пѣгому жеребенку и проч. И дастъ

она вамъ объ этомъ самыя обстоятельныя и точныя свѣдѣнія, ибо развѣ не она сама, собственными руками, раскопала эти грядки, пóлетъ и поливаетъ ихъ, возится съ каждымъ отдѣльнымъ овощемъ, какъ заботливая мать со своимъ дитятей? Развѣ мало труда стоило ей выходить заболѣвшую нарывомъ на вымени корову, приготовляя собственноручно различныя припарки и мази? Развѣ каждый уголокъ, каждая крупинка въ этомъ маленькомъ хозяйствѣ не носятъ слѣдовъ ея заботъ и труда?.. За то съ какой радостью и гордостью смотритъ она на эти пестрѣющія и цвѣтущія грядки...

— Сюда, сюда, ступайте, Хасинька,—весело зоветъ она сосѣдку;—вотъ тутъ долженъ быть крупный, очень крупный картофель... Вотъ,—радостно восклицаетъ она, вытащивъ изъ рыхлой земли кустъ, на развѣтвленныхъ корешкахъ котораго вздрагиваютъ десятки посыпанныхъ землей картофелинъ:—а вотъ еще... Знаете что, Хася, поработаемъ-ка мы съ вами, покуда еще не жарко, наберемъ картофельку и бобочковъ, да и сваримъ горяченькаго... У меня и маслице свѣженькое сегодня... Немного соли прибавить для «вкуса» и... повѣрьте, Хасинька, самъ царь, навѣрное, не скушаетъ сегодня такого лакомаго блюда...

Хася—очень робкая и крайне стыдливая женщина. Но развѣ можно стыдиться принять предложенные Леей картофель и бобы, и масло, и десяточекъ красныхъ и пухлыхъ батлажановъ, и пучочекъ душистой петрушки, и т. п.? Нѣтъ, у Леи брать не стыдно, ибо она даетъ отъ всего сердца и была бы искренно огорчена, если-бы отказались взять предложенное.

— А завтра, Хасинька,—остановила Лея уже уходившую сосѣдку:—завтра, если у васъ будетъ время, приходите помочь мнѣ выполоть двѣ грядочки свекловицы... Придете? хорошо. Повѣрите-ли, силъ моихъ не хватаетъ съ этой проклятой лебедой и бурьяномъ, такъ и лѣзутъ изъ земли, словно на зло... Сегодня очистишь, а завтра, глядь—опять торчатъ... Такъ придете?...

И читала Лея каждую субботу молитвы собиравшимся въ синагогу прихожанкамъ, и полола, и поливала она свой огородикъ, и за коровкой ходила, и съ птицей возилась, покуда не за-

крыла своихъ добрыхъ глазъ и не уснула тихимъ и мирнымъ сномъ подъ маленькимъ курганчикомъ, поросшимъ зеленой травкой и пестрыми полевыми цвѣтками.

Что-то подѣлываетъ теперь ребъ-Зуся, прожившій съ нею 40 лѣтъ труда и скромнаго, мирнаго счастья?..

Сѣроватыя сумерки разстилались по зеленой степи. Маленькія, блѣдныя звѣздочки загорались на безоблачномъ вечернемъ небѣ, когда я собирался оставить темнѣвшее вокругъ кладбище; но вдругъ взоръ мой упалъ на одинъ сѣрый надгробный камень, я прочелъ одно имя,—и сотни воспоминаній изъ первыхъ дней моего дѣтства вдругъ возникли въ моей памяти...

С. Фругъ.

(Продолженіе будетъ).

ЮСУФЪ ДУ-НОВАСЪ *.

(Еврейско-арабская легенда).

I.

Юсуфъ ду-Новасъ собираетъ народъ
И тяжкую вѣсть возвѣщаетъ:
Полки эѳіоповъ Элесба ведетъ,
Гимьярѣ святой угрожаетъ.
Арабы клянутся царю побѣдить
И недруга дерзость мечомъ усмирить.

II.

Ужъ пала Сафара подъ звукомъ мечей,
Враги подъ стѣнами Гимьяры...
И рыщутъ, какъ львы африканскихъ степей,
Имъ путь освѣщаютъ пожары...
Ручьи протекаютъ печальной струей,
И пальмы приникли къ землѣ головой.

---

* Юсуфъ ду-Новасъ (кудреносецъ) былъ послѣднимъ іудейско-арабским царемъ. Его приверженность къ іудейству поставила его въ неловкое положен среди другихъ арабскихъ племенъ. Желая принудить Византію обращаться лучш съ евреями, жившими тамъ, онъ приказалъ казнить нѣсколько византійскихъ купцовъ изъ каравана. Юстинъ I уговорилъ Элесбу, царя эѳіоповъ, объявить ем войну. Юсуфъ былъ побѣжденъ и умеръ, бросившись со скалы въ море. Ист Греца, т. II.

III.

Юсуфъ ду-Новасъ ожидаетъ врага.
Врагъ прибылъ и въ битву вступаетъ,
И врагъ побѣдилъ!.. съ быстротою орла
Коня ду-Новасъ направляетъ
Къ утесамъ высокимъ пустыни морской,
Гдѣ волны, вздымаясь, текутъ съ быстротой.

IV.

Одинъ онъ примчался къ пустынной скалѣ:
Погибли и войско, и слава...
Тамъ смерть въ глубинѣ, но позоръ на землѣ,
И мести лишенъ онъ кровавой!..
Со взоромъ героя, на бѣломъ конѣ,
Онъ бѣгъ свой направилъ къ морской глубинѣ...

V.

Расторгнулась бездна и снова слилась,
Сильнѣе лишь волны бушуютъ...
Бѣлѣется пѣна, гдѣ бездна сошлась,
И скалы съ волнами враждуютъ.
Лишь вѣкъ отдаленный ихъ споръ разрѣшитъ
И тайну ихъ спора Предвѣчный хранитъ...

Дим. Л—скій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРІИ.

Я хочу поговорить объ одномъ вопросѣ, который мы почему-то до сихъ поръ почти совершенно игнорируемъ, а если иногда и вспоминаемъ о немъ, то лишь вскользь, мимоходомъ. Я говорю объ обработкѣ, изученіи и распространеніи нашей еврейской исторіи. А между тѣмъ предметъ — далеко не маловажный, на мой же взглядъ—онъ въ настоящее время именно чуть-ли не одинъ изъ самыхъ серьезныхъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ.

Вся наша исторія, въ общихъ чертахъ, представляетъ собою книгу четырехъ тысячъ лѣтъ—книгу, написанную въ самой бо́льшей ея части кровавыми буквами; это—скорбная лѣтопись безконечныхъ страданій и терзаній матеріальныхъ и нравственныхъ, печальная повѣсть о невинныхъ жертвахъ человѣческаго невѣжества, религіознаго и другихъ заблужденій, словомъ—дѣяній злого духа человѣка. Съ другой стороны—она единственная исторія, показывающая какъ живетъ народъ, устроенный на мудрыхъ, разумныхъ этическихъ началахъ, сколько трудностей и искушеній можетъ онъ выдержать и выносить, твердо держась этихъ началъ.

Замѣчательна еще наша исторія тѣмъ, что она, что касается самыхъ отдаленныхъ эпохъ—болѣе всѣхъ остальныхъ древнихъ исторій отличается характеромъ достовѣрности, что источники ея гораздо болѣе положительные и основательные, чѣмъ источники исторіи другихъ древнихъ народовъ. Она не представляетъ собою лепета младенческаго народа, не создана изъ гипотезъ, миѳовъ и безсвязныхъ сказаній. Напротивъ, — она представляетъ собою почти послѣдовательную хронику историческихъ событій, истинность и достовѣрность которыхъ не подлежитъ сом-

нѣнію; написана людьми, которыхъ считаютъ между величайшими свѣтилами древняго міра, а изложена въ такой возвышенной, поэтической формѣ, что ей присвоено названіе «Книга книгъ». Не даромъ говоритъ одно еврейское преданіе, что библія продиктована самимъ Богомъ, а писана слезами Моисея...

Страницы нашей средней исторіи мы не запятнали пролитіемъ невинной человѣческой крови, грабежами, ярко-пылающими кострами, попираніемъ человѣческихъ правъ, истребленіемъ драгоцѣннѣйшихъ рѣдкостей и величайшихъ произведеній человѣческаго генія. Наша новая и новѣйшая исторія, правда, не изобилуетъ дипломатическими и военными подвигами и доблестью. Но въ исторію развитія человѣческаго духа и она можетъ внести не мало страницъ.

Если народы боролись, страдали, воевали, приносили великія жертвы, то они пріобрѣли новыя земли, страны, покорили себѣ новыхъ народовъ, въ крайнемъ случаѣ—отстояли свою территорію, гдѣ тысячи памятниковъ свидѣтельствуютъ объ ихъ геройствѣ и подвигахъ. Евреи же боролись и страдали больше всѣхъ остальныхъ народовъ, отстояли себя, свою религію и національность гораздо болѣе чудеснымъ образомъ,—и что же досталось имъ въ удѣлъ? Какіе памятники напоминаютъ имъ обо всемъ этомъ? Одна лишь исторія евреевъ—вотъ единственный ихъ памятникъ. И хоть не отрадна, не радостна она, все же она наше лучшее достояніе, уже потому лучшее и драгоцѣннѣйшее, что куплено столь дорогою цѣною и что никто не можетъ отнять у насъ его. Насъ лишали и лишаютъ отечества, добраго имени, средствъ къ честной жизни, подчасъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, но никакіе враги на свѣтѣ не въ состояніи лишить насъ этого нашего достоянія!

Что, наконецъ, связывало и связываетъ всѣхъ евреевъ, разсѣянныхъ,—по утратѣ своей самостоятельности и родины,—по всей землѣ, если не общій языкъ, общая религія, но больше всего—общая исторія? Языкъ и религія въ извѣстной степени, и въ особенности въ извѣстныхъ слояхъ, могли значительно потерять въ своемъ значеніи, но исторія — ее не вычеркнешь и потому-то она и должна считаться самою прочною связью, соединяющею разсѣянное еврейство.

Если вообще исторія служитъ для каждаго народа лучшимъ учителемъ, то тѣмъ болѣе это относится къ нашей исторіи, которая состоитъ изъ безконечнаго ряда всевозможныхъ испытаній, всегда обогащающихъ опытомъ и уроками на будущее время.

Исторія наша можетъ произвести самый радикальный переворотъ въ строѣ нашей внутренней духовной жизни. При помощи исторіи, можетъ быть, будетъ положенъ конецъ всѣмъ безурядицамъ, всему хаотическому, вкоренившемуся съ теченіемъ времени въ религіозной и общественной нашей жизни и мѣшающему евреямъ и еврейству правильно функціонировать. При ея помощи, мы бы могли выкинуть за бортъ многое такое, что было установлено лишь на время, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ историческихъ событій, что было вызвано требованіями минуты, но что уже давно отжило свой вѣкъ и теперь только мѣшаетъ новымъ, здоровымъ элементамъ, какъ, напр., многіе лишніе, устарѣвшіе и потерявшіе всякій смыслъ обычаи и обряды. Исторія наша можетъ показать, кому слѣдуетъ, сколько несчастій и бѣдствій надѣлали намъ во всѣ времена наше кастовое подраздѣленіе на аристократовъ и «простыхъ», наше тщеславіе и погоня за мишурными почестями, мишурнымъ блескомъ, наше обезьяничанье, наше непониманіе своего положенія, наше дерзкое подчасъ галопированье, когда мы взбираемся на коня, наши вѣчные внутренніе споры, междоусобицы, дрязги и даже кляузничество и доносы. Я знаю, что одна исторія, т. е. знаніе ея, еще не измѣнитъ и не уничтожитъ всего этого, и что къ тому же нѣкоторые изъ этихъ разъѣдающихъ насъ недуговъ—вовсе не старые, историческіе, а новомодные, современные, зародившіеся, благодаря новымъ вѣяніямъ. Но исторія по крайней мѣрѣ разъяснитъ генезисъ этихъ недуговъ, причины, ихъ порождающія, а когда опредѣленъ будетъ діагнозъ болѣзни, тогда возможно будетъ приступить и къ соотвѣтственному ея леченію. Въ свѣтлыхъ же моментахъ нашей исторіи мы можемъ черпать для себя надежду и утѣшеніе. Впрочемъ, и самыя трагическія страницы ея могутъ служить намъ утѣшеніемъ, надеждой и облегченіемъ нашего горя. Общее горе—половина утѣшенія,—гласитъ еврейская поговорка,—а потому какъ-то легче переносишь, когда знаешь, что твои дѣды, прадѣды тоже такъ страдали и едва-ли еще не больше тебя. Но намъ еще утѣшеніемъ и свѣтящимъ факеломъ можетъ служить и то сознаніе, что

нѣ довѣрился этому обѣщанію, тотчасъ же измѣнилъ мѣсто стоянки своей яхты и въ слѣдующую ночь послалъ въ условленный пунктъ только двѣ лодки. Осторожность эта оказалась, однако, излишнею: вице-король честно сдержалъ слово, лодки вернулись благополучно и съ богатымъ грузомъ, и Тирадо, не связанный уже никакими соображеніями, снова пустился въ плаваніе, направивъ теперь путь къ сѣверо-востоку. Вѣтеръ и теченіе благопріятствовали ему, и скоро бѣглецы опять были въ открытомъ морѣ, почти въ срединѣ между обоими полушаріями.

Великолѣпная ночь разстилалась надъ моремъ. На палубѣ впереди сидѣли и коротали время веселыми разговорами товарищи Тирадо. На задней части ея, предоставленной въ распоряженіе высокихъ гостей хозяина яхты, находились донъ Антоніо, Марія Нуньесъ и Тирадо. Когда же сдѣлалось довольно поздно, претендентъ удалился на покой въ свою каюту, потому что треволненія послѣдняго времени сильно расшатали его здоровье. Тирадо сидѣлъ противъ дѣвушки, отданной его попеченію. Какъ хороша была она! Въ тѣни, которою ночь покрыла ея лицо и фигуру, и при лунномъ свѣтѣ, разливавшемся по ея прелестной головкѣ, пропорціональныя черты и формы ея, блескъ кожи, огонь голубыхъ глазъ выдѣлялись еще больше, а меланхолическое настроеніе, привѣтливость и умъ, соединившись вмѣстѣ, давали всему ея существу выраженіе, дѣйствовавшее по-истинѣ обаятельно.

Черная испанская мантилья легко прикрывала ея кудри и оттуда граціозно спускалась по плечамъ и всему тѣлу. Немногими словами обмѣнивались молодые люди, потому что души обоихъ были полны воспоминаніями и сладостною мечтательностью этой ночи. Только отъ времени до времени глаза Тирадо подымались на чудесное созданіе, сидѣвшее противъ него и присутствіе котораго доставляло ему такое высокое наслажденіе, и этотъ взглядъ не могъ онъ отвести отъ нея до тѣхъ поръ, пока не чувствовалъ, что она замѣтила его, и не видѣлъ, какъ лицо ея покрывалось легкимъ румянцемъ.

Голоса на палубѣ стихли. Но скоро звучный голосъ запѣлъ пѣсню

Посмотримъ же теперь, какъ мы изучаемъ и знаемъ нашу исторію.

II.

Мы, русскіе евреи, до сихъ поръ почти совершенно не разрабатываемъ еврейской исторіи, т. е. почти ни разу не заявили себя какимъ нибудь серьезнымъ, оригинальнымъ изслѣдованіемъ ея, капитальнымъ трудомъ по этой отрасли. Обращая вообще мало вниманія на этотъ предметъ, мы не только не имѣемъ еще своихъ Гретцовъ, Іостовъ, Цунцовъ,—мы даже не пользуемся тѣмъ, что̀ выработали по этому предмету иностранные историки, евреи и не-евреи, словомъ — не пользуемся готовымъ. Всѣ ли, напр., труды Цунца, Гретца, Іоста и др. переведены на русскій или древне еврейскій языкъ? Но посмотримъ теперь, какъ обстоитъ у насъ дѣло, такъ сказать, съ той исторіею, которая у насъ такъ или иначе имѣется и можетъ быть извѣстна намъ,— лучше и проще сказать, насколько мы знакомы съ общими, элементарными, классными свѣдѣніями изъ нашей исторіи.

Начну съ нашихъ прогрессистовъ, нашей такъ называемой интеллигенціи, этой соли нашего народа, коимъ больше, чѣмъ кому либо другому, подобаетъ служить въ знаніи исторіи нашей примѣромъ для всѣхъ другихъ. Но они, какъ извѣстно, интересуются и занимаются многими другими «важными дѣлами» и «вопросами»—соціальными, экономическими, политическими и проч., а до исторіи своихъ предковъ имъ меньше всего дѣла. Мало того—они какъ бы преднамѣренно избѣгаютъ ее. Что же касается нашей учащейся молодежи, то о ней можно сказать, что она изучаетъ исторію, но... Китая, Египта и вообще древняго міра, знаетъ эпохи возрожденія, реформаціи, республики и пр. но не имѣетъ понятія ни объ одной исторической эпохѣ еврейскаго, т. е. своего народа, не знаетъ твердо ни одной страницы его исторіи. Съ мальчиками тутъ еще полъ-бѣды. Бо̀льшая часть изъ нихъ до поступленія въ школу учится хоть въ этихъ «вредныхъ, грязныхъ» хедерахъ, гдѣ ихъ обучаютъ библіи и тому подобному и, слѣдовательно, они кое-какъ знакомятся съ нашей древней исторіею. Совсѣмъ иное съ другою, женскою половиною нашей

учащейся молодежи? Если у насъ вообще женщины незнакомы съ исторіей и традиціями своего народа, то безспорно, что апогея этого незнанія и отчужденія отъ всего еврейскаго достигло нынѣ подрастающее женское поколѣніе наше, наши нынѣшнія барыни и барышни. Наши бабушки и матери, напр., знали, что онѣ «простыя, необразованныя женщины», а потому не пренебрегали и своимъ испорченнымъ жаргономъ и читали на немъ свои завѣтныя книги: «Цеэно-уреэно», «Кавъгаіошеръ», «Мнеретъ-гамоэръ» и т. п.,—и что ни говорите—кое-что и знали изъ нашей исторіи (древней) и вообще о еврействѣ. Вниманія же нашихъ «образованныхъ и цивилизованныхъ» сестеръ эти книги и все, что говорится въ нихъ, куда не достойны. И, повторяю, Боже мой, какими круглыми невѣжами онѣ за то являются во всемъ, касающемся евреевъ и еврейства!.. Но не ихъ слѣдуетъ винить въ томъ, а наше безобразное воспитаніе, находящееся въ крайнемъ пренебреженіи, особенно относительно женскаго пола.

Обратимся теперь къ противоположному лагерю—къ ортодоксамъ, и въ особенности къ нашимъ богословамъ, раввинамъ, отъ которыхъ мы тоже въ правѣ ожидать и даже требовать знанія нашей исторіи. И что же? Замѣчательно, что эти два діаметрально-противоположныхъ нашихъ лагеря—прогрессисты и ортодоксы—вѣчно во всемъ расходящіеся и противорѣчащіе другъ другу, въ этомъ отношеніи совершенно между собою сходятся. Наши богословы и раввины, изучая тщательно талмудъ, раввинскую письменность и вообще наше богословіе, явившееся съ началомъ нашей діаспорической исторіи и осложнявшееся особенно въ средніе вѣка,—не имѣютъ понятія объ эпохахъ, въ которыя являлись эти сочиненія, объ ихъ авторахъ, объ обстоятельствахъ и причинахъ, побудившихъ этихъ авторовъ установлять тѣ или другіе законы, то или другое запрещеніе и т. д. Мало того, зная пророковъ, они имѣютъ самое туманное понятіе объ историческихъ событіяхъ тѣхъ временъ, о положеніяхъ и состояніи дѣлъ, по поводу которыхъ пророкъ говоритъ то или другое пророчество, произноситъ тотъ или другой божественный приговоръ.

Больше же ихъ всѣхъ меня удивляютъ въ этомъ отношеніи наши такъ называемые «маскилимъ», т. е. типъ нашихъ еврей-

скихъ образованныхъ, просвѣщенныхъ и чуть-ли не ученыхъ, знающихъ все исключительно только на еврейскомъ языкѣ. Они вамъ будутъ толковать о наукахъ точныхъ и отвлеченныхъ, о математикѣ, естествовѣдѣніи, философіи, литературѣ — нѣмецкой, русской, о поэзіи, объ астрономіи и пр., а о политикѣ, особенно о Бисмаркѣ, Гладстонѣ, покойныхъ Гамбеттѣ, Биконсфильдѣ и друг. уже и говорить нечего, это ихъ конекъ; они даже толкуютъ и о исторіи, Александрѣ Македонскомъ и т. д. до Суворова, Наполеона и Скобелева 2-го включительно. Но попробуйте, пожалуйста, спросить ихъ о чемъ нибудь изъ *нашей* исторіи, ну, положимъ, о нашихъ свѣтилахъ арабской и испанской культуры, о дальнѣйшей судьбѣ нашего народа по изгнаніи изъ Испаніи или о лжемессіяхъ и т. п.—и вы увидите ихъ самое слабое знаніе или полное незнаніе во всемъ этомъ. Можно вообще считать за счастье, что у насъ введено обязательное обученіе, и мы изучаемъ (хоть съ грѣхомъ пополамъ и по допотопному методу) библейскую исторію, а то, безъ сомнѣнія, не знали бы и ея, какъ не знаемъ нашей дальнѣйшей исторіи, съ тѣхъ поръ какъ она пересѣкается въ библіи, или сжато и неясно выражена въ ней. Впрочемъ, и изучая библію, т. е. исторію нашего государства, мы отчасти знакомимся только съ *событіями* этихъ эпохъ, но не съ общественнымъ, экономическимъ, культурнымъ, правовымъ и т. п. состояніемъ и положеніемъ евреевъ въ эти эпохи.

Нужно-ли еще говорить о простой народной массѣ? Она, прозябая и во многихъ другихъ отношеніяхъ, исторію лишь, такъ сказать, *испытываетъ* на себѣ, не имѣя, конечно, о ней самой ни малѣйшаго понятія. Быть можетъ, найдутся такіе, которые скажутъ, что массѣ не до исторіи, что для нея—это вещь, если не совсѣмъ лишняя, то во всякомъ случаѣ, не необходимая. Но, по моему, даже лавочница-«жидувка», такъ низко пресмыкающаяся въ «чертѣ», читая исторію, тоже найдетъ въ ней что нибудь интересное для себя, она, по крайней мѣрѣ, узнаетъ, какія историческія причины довели до того, что ея мужъ, ученый лѣнтяй, долженъ изучать талмудъ, быть «батленомъ», «банкъ-квецеромъ», или просто праздношатающимся, а она, и безъ того заваленная заботами матери, хозяйки и служанки, должна еще метаться и биться, какъ рыба объ ледъ, унижаться изъ-за мѣдной копѣйки передъ «ясновель-

нѣйшихъ положеніяхъ моей жизни меня защищала и спасала ваша чудесная матушка... какъ же могу я не довѣриться дочери?

Марія кинула на молодого человѣка взглядъ, полный горячей благодарности, потомъ подняла глаза къ звѣздному небу и сказала съ мечтательною пылкостью:

— Да, моя матушка!.. Гдѣ-то она теперь? Что съ нею и съ дорогимъ отцомъ?.. Она ангелъ въ человѣческомъ образѣ... нѣтъ такой добродѣтели, которой я не нашла бы въ ней, никогда не оставила она неисполненною какой либо обязанности своей—исключая развѣ обязанности подумать хоть немного и о самой себѣ!.. Но, нѣтъ... Вернемся къ нашему разговору. Какъ я благодарна вами, Тирадо, что вы ставите меня рядомъ съ моею матерью и дарите мнѣ часть того довѣрія, котораго она, конечно, достойнѣе, чѣмъ всякій другой человѣкъ.

— Марія, я долженъ начать съ открытія, которое касается знаменательнѣйшей части моей жизни—открытія, которое я могу дѣлать только весьма немногимъ. Моя фамилія Тирадо. Но это названіе долго было предано для меня забвенію, оставалось почти неизвѣстнымъ мнѣ самому... Я получилъ имя брата Діего де-ла-Асцензіонъ...

Эти слова поразили Марію Нуньесъ ужасомъ.

— Какъ!—вскричала она,—вы... да развѣ этотъ Діего не былъ возведенъ на костеръ?

Тирадо рѣзкимъ жестомъ заставилъ ее замолчать и затѣмъ спокойно сказалъ:

— Тише, Марія! Не произносите громко этого имени; оно теперь существуетъ уже, какъ видите, только въ пѣснѣ и въ воспоминаніи моемъ и моихъ вѣрнѣйшихъ друзей. То, что я вамъ говорю—дѣйствительная правда, и загадка скоро разрѣшится для васъ. Слушайте.

Марія оправилась, но въ ея взглядѣ и на лицѣ выражались серьезность и безпокойство, и глаза были съ напряженнымъ ожиданіемъ устремлены на Тирадо. Онъ прислонился къ спинкѣ своего кресла и началъ спокойнымъ тономъ разсказывать:

— Насколько я могу помнить себя, первый и единственный пред-

Теперь возвратимся къ тому положенію, что у насъ никто почти не изучаетъ и не знаетъ своей исторіи. Спрашивается, отчего это? Какія тому причины? Что или кто виноватъ въ этомъ? Постараюсь нѣсколько разъяснить это.

Наши прогрессисты, напр., не знаютъ своей исторіи потому, что они сами, какъ я уже говорилъ, не хотятъ ея знать. Ортодоксы тоже не знаютъ ея, потому что относятся къ этому предмету слишкомъ легко и не даютъ себѣ никакого, рѣшительно никакого труда, чтобы изучать его. Относительно же нашего юношества виновато исключительно наше исковерканное воспитаніе вообще, а въ этомъ отношеніи—въ особенности. Не скажу, что на этотъ предметъ обращаютъ у насъ мало вниманія при *домашнемъ* воспитаніи, потому что послѣдняго у насъ совсѣмъ нѣтъ, или оно обстоитъ у насъ такъ плохо, что еще хуже, вреднѣе, чѣмъ отсутствіе всякаго воспитанія. Въ какомъ же положеніи находится у насъ этотъ предметъ въ нашемъ школьномъ или «хедерномъ» воспитаніи? Въ этихъ хедерахъ обязательно обучать библіи, но развѣ мальчики изучаютъ ее такъ, чтобы что нибудь знать изъ нея о нашей древней исторіи? Они изучаютъ ее только машинально, безотчетно, переводя безсвязно и отрывочно отдѣльныя слова и фразы и никогда не передавая прочитаннаго собственными словами—устно или письменно, словомъ,—никогда не работая при этомъ самостоятельно. Учатъ они ее потому, что это вещь священная, что учить ее—«законъ», заповѣдь Господня. Но и это лишь относительно одной древней исторіи, а о дальнѣйшей нашей исторіи рѣшительно и помину нѣтъ. А въ гимназіяхъ? Тутъ не-евреи, въ виду того, что обученіе закона божія для нихъ обязательно, изучаютъ еврейскую исторію больше, чѣмъ сами евреи.

Въ большемъ еще пренебреженіи находится этотъ предметъ, какъ я уже говорилъ, въ воспитаніи нашего женскаго пола. Учить дѣвушекъ чему либо еврейскому—исторіи, языку, догматамъ, религіи и т. п.—считается вещью не только не необходимою, но даже прямо лишнею, и это какъ у ортодоксовъ, такъ и у прогрессистовъ. Первые, помимо привычки — «поступать такъ, какъ предки поступали», разсуждаютъ еще слѣдующимъ разсчетливымъ образомъ: «Къ чему вообще учить дѣвушекъ чему либо еврейскому? Вѣдь не быть имъ раввинами или даже вообще учеными, и

этомъ полную свободу—все это приковывало меня къ нему неразрывными узами. Онъ началъ давать мнѣ уроки, и ни одинъ, я думаю, старикъ на свѣтѣ не способенъ до такой степени переселяться въ душу ребенка и юноши и доставлять ей надлежащую пищу. Но онъ сдѣлалъ для меня еще больше. Онъ зналъ, что у меня нѣтъ товарища — нѣтъ того, что такъ необходимо для молодого сердца, и поэтому привезъ въ нашъ монастырь чудеснѣйшаго мальчика, съ драгоцѣннымъ умомъ и сердцемъ, Алонзо де Геррера, такъ что скоро я наслаждался счастіемъ имѣть такого друга и находиться подъ руководствомъ такого учителя.

Марія Нуньесъ слушала разсказъ съ все болѣе и болѣе возраставшимъ участіемъ; ея руки были сложены на груди, полные огня глаза устремлены на губы друга. Онъ продолжалъ:

— Вы сами пожелали выслушать меня; но для того, чтобы сдѣлать для васъ понятными позднѣйшія происшествія моей жизни, я вынужденъ, рискуя показаться вамъ педантичнымъ, познакомить васъ хотя въ главныхъ чертахъ со способомъ обученія брата Іеронимо. Но насколько я знаю васъ, мнѣ нельзя сомнѣваться, что вы меня поймете. Нашъ учитель старался исключительно о томъ, чтобы знакомить насъ съ средствами познавать и понимать. Онъ не устанавливалъ никакихъ положеній и не приводилъ никакихъ доказательствъ имъ, но только указывалъ намъ пути въ области знанія и пониманія, и предохранялъ отъ заблужденій и утомленія. Находить и достигать цѣли должны были мы сами; ибо, по его мнѣнію, незначительное количество познаннаго и обдуманнаго самимъ собою гораздо важнѣе и цѣннѣе самой обширной учености, нагроможденной въ памяти. Этимъ онъ возбуждалъ въ насъ неутомимую умственную дѣятельность и обращалъ наши занятія въ неистощимый источникъ наслажденія. Когда мы стали старше и ближе ознакомились съ иностранными языками, онъ далъ намъ въ руки сочиненія греческихъ мудрецовъ и св. писаніе стараго и новаго завѣта, руководилъ нашими занятіями и давалъ необходимыя объясненія. Насъ двоихъ совершенно предоставили руководству и надзору брата Іерони-

наша національность, но которые, не смотря на это, ничего, однако, не предпринимаютъ для сохраненія ея. Словомъ—въ этомъ, какъ бы общемъ незнаніи нашей исторіи, виноваты всѣ мы, дорожащіе свою національностью, но тѣмъ не менѣе ничего не предпринимающіе для разработки, распространенія нашей исторіи, не стремящіеся и не старающіеся облегчать или способствовать ея изученію, ничего не дѣлающіе, чтобы сдѣлать это знаніе для всѣхъ доступнымъ. Въ то время, какъ всѣ другіе народы разрабатываютъ, изучаютъ свою исторію и распространяютъ ее даже среди простого народа; въ то время, какъ у нихъ имѣются многочисленныя сочиненія и книги по исторіи—историческіе романы, повѣсти, очерки, изслѣдованія и т. п.,—книги, которыя изложены часто на самомъ легкомъ, простомъ, доступномъ всякому языкѣ и въ которыхъ каждое историческое событіе, каждый историческій фактъ разработанъ на сотню ладовъ, чтобы каждому все это было доступно по его умственному кругозору; въ то время, какъ даже для крестьянскаго, напр., мальчика или дѣвочки, лишь только они поступаютъ въ народное училище, отецъ, побывавъ въ городѣ, вмѣстѣ съ букваремъ покупаетъ за нѣсколько копѣекъ и нѣсколько сказокъ—о Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ, богатырѣ Муромцѣ, Петрѣ Великомъ, Ломоносовѣ, Отечественной войнѣ, и пр., и пр., чтобы сынокъ въ длинные зимніе вечера читалъ ихъ, — хоть по складамъ,—предъ всѣмъ семействомъ; въ то время, какъ у другихъ для простого народа вообще устраиваются на простомъ, легко-понятномъ языкѣ чтенія по исторіи, издаются дешевыя картины, изображающія историческіе событія и моменты и расходящіяся среди народной массы въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, словомъ—въ то время, какъ всѣ народы для изученія и распространенія своей исторіи прибѣгаютъ ко всѣмъ этимъ и многимъ другимъ раціональнымъ и цѣлесообразнымъ средствамъ,—въ это время—что̀ у насъ, евреевъ, сдѣлано и дѣлается для этой цѣли? Ничего!—ровно ничего! Много-ли, напр., есть у насъ капитальныхъ, порядочныхъ или просто удовлетворительныхъ книгъ и сочиненій по исторіи? Сколько, напр., есть у насъ оригинальныхъ или переводныхъ хоть историческихъ романовъ, повѣстей и т. д.? Мало того—у насъ нѣтъ, ни на еврейскомъ, ни на русскомъ языкѣ, рѣшительно ни одного историческаго журнала, сборника, ежегодника. Мы,

какъ я уже упомянулъ, даже не перевели еще всѣхъ такихъ капитальныхъ и важныхъ трудовъ по исторіи евреевъ, какъ Гретца, Іоста и др., а едва, какъ говорится, пятое-на-десятое. Нужно-ли еще говорить, что у насъ такъ-таки ничего и не сдѣлано для распространенія этой исторіи среди нашей народной массы? Что нами не издано почти ни одной популярной книги для этого? * Удивительно ли теперь, что мы не знаемъ нашей исторіи? Да и можно ли при такомъ порядкѣ вещей ожидать другого?

Я констатировалъ самый фактъ неизученія и незнанія нами нашей исторіи, указалъ на нѣкоторыя причины этого, а теперь остается сказать—какимъ образомъ, какими средствами устранять, исправлять это, могу сказать, печальное и подавно не похвальное для насъ, явленіе.

Прежде всего, конечно, слѣдуетъ исправить эту вѣковую ошибку и наверстать этотъ ущербъ, пополнить этотъ пропускъ. Необходимо прежде всего обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе при нашемъ школьномъ воспитаніи и добиться, чтобы исторія въ хедерахъ, какъ въ другихъ училищахъ, считалась однимъ изъ главныхъ предметовъ обученія. Всего лучше было бы, если бы ввели въ эти хедеры *обязательное обученіе нашей общей исторіи*. Я знаю, что тутъ могутъ мнѣ многое возразить: «вѣдь сами меламеды ничего не знаютъ изъ нашей исторіи, чтобы они могли преподавать ее; они даже настолько не педагоги и не компетентны, что нельзя имъ предоставить и выборъ учебника по этому предмету», и т. п. На это скажу, что вѣдь предполагается вообще преобразовать хедеръ — его обстановку, методъ преподаванія и т. д., слѣдовательно, и составъ меламедовъ. Что же касается учебниковъ и ихъ выбора, то я думаю, что можно выработать, на древне-еврейскомъ языкѣ, подходящіе для этого учебники — младшихъ и старшихъ курсовъ, — которые

* Единственная, на сколько извѣстно мнѣ, исторія евреевъ, переведенная *на жаргонъ* съ Гретца г. Линецкимъ и назначенная, какъ видно, для народной массы, какъ мнѣ кажется, меньше всего можетъ претендовать на названіе *популярной народной* книги: во первыхъ, она по своей цѣнѣ (кажется—15 р.!) никакъ не можетъ быть доступна этой бѣдной массѣ; во вторыхъ, она почему-то переполнена такими нѣмецкими и другими иностранными словами, терминами, выраженіями, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть понимаемы массой.

были бы *обязательны для всѣхъ хедеровъ*, какъ, напр., теперь библія. Этимъ устранялись бы многія затрудненія: во первыхъ, меламеды не будутъ уже сами, — каждый по своему желанію, или по какому либо случаю, — выбирать учебники, и во вторыхъ, не будетъ никакихъ затрудненій или задержекъ при переходѣ мальчика отъ одного меламеда къ другому. Считаю не лишнимъ замѣтить, что и древняя наша исторія должна быть изучаема (особенно въ хедерахъ младшаго курса) не по библіи, а по какому нибудь хорошо выработанному для этого учебнику. Для мальчиковъ библія не можетъ служить учебникомъ по исторіи: кромѣ того, что въ ней излагается не исключительно одна исторія, а вмѣстѣ съ послѣднею чередуется или перемѣшивается еще и другое—наша поэзія, законы, ритуальная сторона религіи и проч.,—кромѣ этого, о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ говорится въ ней въ разныхъ мѣстахъ и въ различномъ стилѣ и притомъ, когда событіе излагается во второй разъ, то о немъ говорится часто очень сжато, неясно, намекомъ, и т. п. Согласитесь же, что мальчикамъ все это затрудняетъ и даже дѣлаетъ невозможнымъ составленіе себѣ изъ библіи яснаго, послѣдовательнаго понятія о нашей древней исторіи. — Что же касается гимназій, то,—не говоря уже о томъ, что преподаваніе нашей исторіи всѣмъ еврейскимъ ученикамъ должно быть сдѣлано обязательнымъ, надобно еще добиться, чтобы этотъ предметъ не находился въ небреженіи и чтобы онъ, при переходѣ изъ одного класса въ другой, считался равнозначущимъ съ другими главными предметами, и чтобы не смотрѣли на него, какъ теперь, что называется,—сквозь пальцы, какъ на самую послѣднюю спицу въ колесницѣ классныхъ предметовъ.

Въ общемъ же, слѣдуетъ издавать побольше книгъ по исторіи еврейскаго народа и вообще, тоже по возможности, прибѣгать ко всѣмъ раціональнымъ и цѣлесообразнымъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаютъ для этой цѣли всѣ другіе. Главное—слѣдуетъ издавать историческіе журналы—одинъ на русскомъ языкѣ, другой на древне-еврейскомъ. Но если изданіе новыхъ журналовъ будетъ, по нѣкоторымъ весьма важнымъ причинамъ, вещью не легкоисполнимою или не долговѣчною, что можно заключить по опыту прежде или даже недавно существовавшихъ журналовъ, то

наши предки все-таки вышли побѣдителями въ этой неравной и, повидимому, совершенно непосильной борьбѣ, что они все-таки отстояли свое духовное достояніе и сохранили въ неприкосновенности свою національность, словомъ — что они все-таки остались *евреями!*.. Примѣръ этой геройской устойчивости предковъ невольно долженъ воздѣйствовать на потомковъ, внушить имъ бодрость и твердость духа на борьбу съ неблагопріятными обстоятельствами и удерживать отъ отчаянія и ложныхъ шаговъ.

Кстати, нашимъ извѣстнаго сорта джентльменамъ, чуть-ли не гнушающимся своей принадлежностью къ еврейскому народу, исторія наша покажетъ, что этотъ народъ не бѣденъ мужами великаго ума и великихъ дѣяній, которыми могутъ гордиться не только одни евреи, но и тѣ страны, въ которыхъ они родились, жили и дѣйствовали.

Всякій народъ, который только достоинъ этого названія, отводитъ своей исторіи чуть-ли не первое мѣсто среди своихъ національныхъ вопросовъ; этотъ предметъ занимаетъ умы лучшихъ его людей. Эти послѣдніе не только основательно знаютъ свою исторію и обрабатываютъ ее до мельчайшихъ подробностей, но они не оставляютъ безъ вниманія и исторіи другихъ народовъ. Въ историческихъ литературахъ многихъ народовъ не только лежатъ втунѣ данныя, добытыя археологами, лингвистами и естествоиспытателями относительно быта племенъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ насъ временемъ, но даже судьба первобытнаго, доисторическаго, ископаемаго человѣка подвергается тщательному изслѣдованію, служитъ предметомъ самой дѣятельной, кропотливой обработки, не говоря уже, что исторіею болѣе близкихъ временемъ къ намъ народовъ древняго міра, какъ грековъ, римлянъ и др., наполняются цѣлыя литературы и что это служитъ чуть-ли не вопросомъ дня. Евреямъ, какъ народу, давшему человѣчеству истинное понятіе о Богѣ, и ихъ исторіи, какъ самой достовѣрной, отводится историками среди другихъ древнихъ народовъ чуть-ли не первое мѣсто.

Спрашивается: можно ли намъ самимъ игнорировать этотъ предметъ, считать его маловажнымъ, нестоящимъ нашего вниманія и труда? Можно ли и простительно ли намъ не знать, не изучать нашей собственной исторіи?

Посмотримъ же теперь, какъ мы изучаемъ и знаемъ нашу исторію.

II.

Мы, русскіе евреи, до сихъ поръ почти совершенно не разрабатываемъ еврейской исторіи, т. е. почти ни разу не заявили себя какимъ нибудь серьезнымъ, оригинальнымъ изслѣдованіемъ ея, капитальнымъ трудомъ по этой отрасли. Обращая вообще мало вниманія на этотъ предметъ, мы не только не имѣемъ еще своихъ Гретцовъ, Іостовъ, Цунцовъ,—мы даже не пользуемся тѣмъ, что̀ выработали по этому предмету иностранные историки, евреи и не-евреи, словомъ — не пользуемся готовымъ. Всѣ ли, напр., труды Цунца, Гретца, Іоста и др. переведены на русскій или древне-еврейскій языкъ? Но посмотримъ теперь, какъ обстоитъ у насъ дѣло, такъ сказать, съ той исторіею, которая у насъ такъ или иначе имѣется и можетъ быть извѣстна намъ,— лучше и проще сказать, насколько мы знакомы съ общими, элементарными, классными свѣдѣніями изъ нашей исторіи.

Начну съ нашихъ прогрессистовъ, нашей такъ называемой интеллигенціи, этой соли нашего народа, коимъ больше, чѣмъ кому либо другому, подобаетъ служить въ знаніи исторіи нашей примѣромъ для всѣхъ другихъ. Но они, какъ извѣстно, интересуются и занимаются многими другими «важными дѣлами» и «вопросами»—соціальными, экономическими, политическими и проч., а до исторіи своихъ предковъ имъ меньше всего дѣла. Мало того—они какъ бы преднамѣренно избѣгаютъ ее. Что же касается нашей учащейся молодежи, то о ней можно сказать, что она изучаетъ исторію, но... Китая, Египта и вообще древняго міра, знаетъ эпохи возрожденія, реформаціи, республики и пр. но не имѣетъ понятія ни объ одной исторической эпохѣ еврейскаго, т. е. своего народа, не знаетъ твердо ни одной страницы его исторіи. Съ мальчиками тутъ еще полъ-бѣды. Бо̀льшая часть изъ нихъ до поступленія въ школу учится хоть въ этихъ «вредныхъ, грязныхъ» хедерахъ, гдѣ ихъ обучаютъ библіи и тому подобному и, слѣдовательно, они кое-какъ знакомятся съ нашей древней исторіею. Совсѣмъ иное съ другою, женскою половиною нашей

учащейся молодежи? Если у насъ вообще женщины незнакомы съ исторіей и традиціями своего народа, то безспорно, что апогея этого незнанія и отчужденія отъ всего еврейскаго достигло нынѣ подрастающее женское поколѣніе наше, наши нынѣшнія барыни и барышни. Наши бабушки и матери, напр., знали, что онѣ «простыя, необразованныя женщины», а потому не пренебрегали и своимъ испорченнымъ жаргономъ и читали на немъ свои завѣтныя книги: «Цеэно-урено», «Кавъ-гаіошеръ», «Мнеретъ-гамоэръ» и т. п.,—и что ни говорите—кое-что и знали изъ нашей исторіи (древней) и вообще о еврействѣ. Вниманія же нашихъ «образованныхъ и цивилизованныхъ» сестеръ эти книги и все, что говорится въ нихъ, куда не достойны. И, повторяю, Боже мой, какими круглыми невѣжами онѣ за то являются во всемъ, касающемся евреевъ и еврейства!.. Но не ихъ слѣдуетъ винить въ томъ, а наше безобразное воспитаніе, находящееся въ крайнемъ пренебреженіи, особенно относительно женскаго пола.

Обратимся теперь къ противоположному лагерю—къ ортодоксамъ, и въ особенности къ нашимъ богословамъ, раввинамъ, отъ которыхъ мы тоже въ правѣ ожидать и даже требовать знанія нашей исторіи. И что же? Замѣчательно, что эти два діаметрально-противоположныхъ нашихъ лагеря—прогрессисты и ортодоксы—вѣчно во всемъ расходящіеся и противорѣчащіе другъ другу, въ этомъ отношеніи совершенно между собою сходятся. Наши богословы и раввины, изучая тщательно талмудъ, раввинскую письменность и вообще наше богословіе, явившееся съ началомъ нашей діаспорической исторіи и осложнявшееся особенно въ средніе вѣка,—не имѣютъ понятія объ эпохахъ, въ которыя являлись эти сочиненія, объ ихъ авторахъ, объ обстоятельствахъ и причинахъ, побудившихъ этихъ авторовъ установлять тѣ или другіе законы, то или другое запрещеніе и т. д. Мало того, зная пророковъ, они имѣютъ самое туманное понятіе объ историческихъ событіяхъ тѣхъ временъ, о положеніяхъ и состояніи дѣлъ, по поводу которыхъ пророкъ говоритъ то или другое пророчество, произноситъ тотъ или другой божественный приговоръ.

Больше же ихъ всѣхъ меня удивляютъ въ этомъ отношеніи наши такъ называемые «маскилимъ», т. е. типъ нашихъ еврей-

скихъ образованныхъ, просвѣщенныхъ и чуть-ли не ученыхъ, знающихъ все исключительно только на еврейскомъ языкѣ. Они вамъ будутъ толковать о наукахъ точныхъ и отвлеченныхъ, о математикѣ, естествовѣдѣніи, философіи, литературѣ — нѣмецкой, русской, о поэзіи, объ астрономіи и пр., а о политикѣ, особенно о Бисмаркѣ, Гладстонѣ, покойныхъ Гамбеттѣ, Биконсфильдѣ и друг. уже и говорить нечего, это ихъ конекъ; они даже толкуютъ и о исторіи, Александрѣ Македонскомъ и т. д. до Суворова, Наполеона и Скобелева 2-го включительно. Но попробуйте, пожалуйста, спросить ихъ о чемъ нибудь изъ *нашей* исторіи, ну, положимъ, о нашихъ свѣтилахъ арабской и испанской культуры, о дальнѣйшей судьбѣ нашего народа по изгнаніи изъ Испаніи или о лжемессіяхъ и т. п.—и вы увидите ихъ самое слабое знаніе или полное незнаніе во всемъ этомъ. Можно вообще считать за счастье, что у насъ введено обязательное обученіе, и мы изучаемъ (хоть съ грѣхомъ пополамъ и по допотопному методу) библейскую исторію, а то, безъ сомнѣнія, не знали бы и ея, какъ не знаемъ нашей дальнѣйшей исторіи, съ тѣхъ поръ какъ она пересѣкается въ библіи, или сжато и неясно выражена въ ней. Впрочемъ, и изучая библію, т. е. исторію нашего государства, мы отчасти знакомимся только съ *событіями* этихъ эпохъ, но не съ общественнымъ, экономическимъ, культурнымъ, правовымъ и т. п. состояніемъ и положеніемъ евреевъ въ эти эпохи.

Нужно-ли еще говорить о простой народной массѣ? Она, прозябая и во многихъ другихъ отношеніяхъ, исторію лишь, такъ сказать, *испытываетъ* на себѣ, не имѣя, конечно, о ней самой ни малѣйшаго понятія. Быть можетъ, найдутся такіе, которые скажутъ, что массѣ не до исторіи, что для нея—это вещь, если не совсѣмъ лишняя, то во всякомъ случаѣ, не необходимая. Но, по моему, даже лавочница-«жидувка», такъ низко пресмыкающаяся въ «чертѣ», читая исторію, тоже найдетъ въ ней что нибудь интересное для себя, она, по крайней мѣрѣ, узнаетъ, какія историческія причины довели до того, что ея мужъ, ученый лѣнтяй, долженъ изучать талмудъ, быть «батленомъ», «банкъ-квецеромъ», или просто праздношатающимся, а она, и безъ того заваленная заботами матери, хозяйки и служанки, должна еще метаться и биться, какъ рыба объ ледъ, унижаться изъ-за мѣдной копѣйки передъ «ясновель-

ЮСУФЪ ДУ-НОВАСЪ *.

(Еврейско-арабская легенда).

I.

Юсуфъ ду-Новасъ собираетъ народъ
И тяжкую вѣсть возвѣщаетъ:
Полки ѳеіоповъ Элесба ведетъ,
Гимьярѣ святой угрожаетъ.
Арабы клянутся царю побѣдить
И недруга дерзость мечомъ усмирить.

II.

Ужъ пала Сафара подъ звукомъ мечей,
Враги подъ стѣнами Гимьяры...
И рыщутъ, какъ львы африканскихъ степей,
Имъ путь освѣщаютъ пожары...
Ручьи протекаютъ печальной струей,
И пальмы приникли къ землѣ головой.

---

* Юсуфъ ду-Новасъ (кудреносецъ) былъ послѣднимъ іудейско-арабскимъ царемъ. Его приверженность къ іудейству поставила его въ неловкое положеніе среди другихъ арабскихъ племенъ. Желая принудить Византію обращаться лучше съ евреями, жившими тамъ, онъ приказалъ казнить нѣсколько византійскихъ купцовъ изъ каравана. Юстинъ I уговорилъ Элесбу, царя ѳеіоповъ, объявить ему войну. Юсуфъ былъ побѣжденъ и умеръ, бросившись со скалы въ море. Ист. Греца, т. II.

III.

Юсуфъ ду-Новасъ ожидаетъ врага.
Врагъ прибылъ и въ битву вступаетъ,
И врагъ побѣдилъ!.. съ быстротою орла
Коня ду-Новасъ направляетъ
Къ утесамъ высокимъ пустыни морской,
Гдѣ волны, вздымаясь, текутъ съ быстротой.

IV.

Одинъ онъ примчался къ пустынной скалѣ:
Погибли и войско, и слава...
Тамъ смерть въ глубинѣ, но позоръ на землѣ,
И мести лишенъ онъ кровавой!..
Со взоромъ героя, на бѣломъ конѣ,
Онъ бѣгъ свой направилъ къ морской глубинѣ...

V.

Расторгнулась бездна и снова слилась,
Сильнѣе лишь волны бушуютъ...
Бѣлѣется пѣна, гдѣ бездна сошлась,
И скалы съ волнами враждуютъ.
Лишь вѣкъ отдаленный ихъ споръ разрѣшитъ
И тайну ихъ спора Предвѣчный хранитъ...

Дим. Л—скій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРІИ.

Я хочу поговорить объ одномъ вопросѣ, который мы почему-то до сихъ поръ почти совершенно игнорируемъ, а если иногда и вспоминаемъ о немъ, то лишь вскользь, мимоходомъ. Я говорю объ обработкѣ, изученіи и распространеніи нашей еврейской исторіи. А между тѣмъ предметъ — далеко не маловажный, на мой же взглядъ—онъ въ настоящее время именно чуть-ли не одинъ изъ самыхъ серьезныхъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ.

Вся наша исторія, въ общихъ чертахъ, представляетъ собою книгу четырехъ тысячъ лѣтъ—книгу, написанную въ самой бóльшей ея части кровавыми буквами; это—скорбная лѣтопись безконечныхъ страданій и терзаній матеріальныхъ и нравственныхъ, печальная повѣсть о невинныхъ жертвахъ человѣческаго невѣжества, религіознаго и другихъ заблужденій, словомъ—дѣяній злого духа человѣка. Съ другой стороны—она единственная исторія, показывающая какъ живетъ народъ, устроенный на мудрыхъ, разумныхъ этическихъ началахъ, сколько трудностей и искушеній можетъ онъ выдержать и выносить, твердо держась этихъ началъ.

Замѣчательна еще наша исторія тѣмъ, что она, что касается самыхъ отдаленныхъ эпохъ—болѣе всѣхъ остальныхъ древнихъ исторій отличается характеромъ достовѣрности, что источники ея гораздо болѣе положительные и основательные, чѣмъ источники исторіи другихъ древнихъ народовъ. Она не представляетъ собою лепета младенческаго народа, не создана изъ гипотезъ, миѳовъ и безсвязныхъ сказаній. Напротивъ, — она представляетъ собою почти послѣдовательную хронику историческихъ событій, истинность и достовѣрность которыхъ не подлежитъ сом-

нѣнію; написана людьми, которыхъ считаютъ между величайшими свѣтилами древняго міра, а изложена въ такой возвышенной, поэтической формѣ, что ей присвоено названіе «Книга книгъ». Не даромъ говоритъ одно еврейское преданіе, что библія продиктована самимъ Богомъ, а писана слезами Моисея...

Страницы нашей средней исторіи мы не запятнали пролитіемъ невинной человѣческой крови, грабежами, ярко-пылающими кострами, попираніемъ человѣческихъ правъ, истребленіемъ драгоцѣннѣйшихъ рѣдкостей и величайшихъ произведеній человѣческаго генія. Наша новая и новѣйшая исторія, правда, не изобилуетъ дипломатическими и военными подвигами и доблестью. Но въ исторію развитія человѣческаго духа и она можетъ внести не мало страницъ.

Если народы боролись, страдали, воевали, приносили великія жертвы, то они пріобрѣли новыя земли, страны, покорили себѣ новыхъ народовъ, въ крайнемъ случаѣ—отстояли свою территорію, гдѣ тысячи памятниковъ свидѣтельствуютъ объ ихъ геройствѣ и подвигахъ. Евреи же боролись и страдали больше всѣхъ остальныхъ народовъ, отстояли себя, свою религію и національность гораздо болѣе чудеснымъ образомъ,—и что же досталось имъ въ удѣлъ? Какіе памятники напоминаютъ имъ обо всемъ этомъ? Одна лишь исторія евреевъ—вотъ единственный ихъ памятникъ. И хоть не отрадна, не радостна она, все же она наше лучшее достояніе, уже потому лучшее и драгоцѣннѣйшее, что куплено столь дорогою цѣною и что никто не можетъ отнять у насъ его. Насъ лишали и лишаютъ отечества, добраго имени, средствъ къ честной жизни, подчасъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, но никакіе враги на свѣтѣ не въ состояніи лишить насъ этого нашего достоянія!

Что, наконецъ, связывало и связываетъ всѣхъ евреевъ, разсѣянныхъ,—по утратѣ своей самостоятельности и родины,—по всей землѣ, если не общій языкъ, общая религія, но больше всего—общая исторія? Языкъ и религія въ извѣстной степени, и въ особенности въ извѣстныхъ слояхъ, могли значительно потерять въ своемъ значеніи, но исторія — ее не вычеркнешь и потому-то она и должна считаться самою прочною связью, соединяющею разсѣянное еврейство.

Если вообще исторія служитъ для каждаго народа лучшимъ учителемъ, то тѣмъ болѣе это относится къ нашей исторіи, которая состоитъ изъ безконечнаго ряда всевозможныхъ испытаній, всегда обогащающихъ опытомъ и уроками на будущее время.

Исторія наша можетъ произвести самый радикальный переворотъ въ строѣ нашей внутренней духовной жизни. При помощи исторіи, можетъ быть, будетъ положенъ конецъ всѣмъ безурядицамъ, всему хаотическому, вкоренившемуся съ теченіемъ времени въ религіозной и общественной нашей жизни и мѣшающему евреямъ и еврейству правильно функціонировать. При ея помощи, мы бы могли выкинуть за бортъ многое такое, что было установлено лишь на время, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ историческихъ событій, что было вызвано требованіями минуты, но что уже давно отжило свой вѣкъ и теперь только мѣшаетъ новымъ, здоровымъ элементамъ, какъ, напр., многіе лишніе, устарѣвшіе и потерявшіе всякій смыслъ обычаи и обряды. Исторія наша можетъ показать, кому слѣдуетъ, сколько несчастій и бѣдствій надѣлали намъ во всѣ времена наше кастовое подраздѣленіе на аристократовъ и «простыхъ», наше тщеславіе и погоня за мишурными почестями, мишурнымъ блескомъ, наше обезьяничанье, наше непониманіе своего положенія, наше дерзкое подчасъ галопированье, когда мы взбираемся на коня, наши вѣчные внутренніе споры, междоусобицы, дрязги и даже кляузничество и доносы. Я знаю, что одна исторія, т. е. знаніе ея, еще не измѣнитъ и не уничтожитъ всего этого, и что къ тому же нѣкоторые изъ этихъ разъѣдающихъ насъ недуговъ—вовсе не старые, историческіе, а новомодные, современные, зародившіеся, благодаря новымъ вѣяніямъ. Но исторія по крайней мѣрѣ разъяснитъ генезисъ этихъ недуговъ, причины, ихъ порождающія, а когда опредѣленъ будетъ діагнозъ болѣзни, тогда возможно будетъ приступить и къ соотвѣтственному ея леченію. Въ свѣтлыхъ же моментахъ нашей исторіи мы можемъ черпать для себя надежду и утѣшеніе. Впрочемъ, и самыя трагическія страницы ея могутъ служить намъ утѣшеніемъ, надеждой и облегченіемъ нашего горя. Общее горе—половина утѣшенія,—гласитъ еврейская поговорка,—а потому какъ-то легче переносишь, когда знаешь, что твои дѣды, прадѣды тоже такъ страдали и едва-ли еще не больше тебя. Но намъ еще утѣшеніемъ и свѣтящимъ факеломъ можетъ служить и то сознаніе, что

наши предки все-таки вышли побѣдителями въ этой неравной и, повидимому, совершенно непосильной борьбѣ, что они все-таки отстояли свое духовное достояніе и сохранили въ неприкосновенности свою національность, словомъ — что они все-таки остались *евреями!..* Примѣръ этой геройской устойчивости предковъ невольно долженъ воздѣйствовать на потомковъ, внушить имъ бодрость и твердость духа на борьбу съ неблагопріятными обстоятельствами и удерживать отъ отчаянія и ложныхъ шаговъ.

Кстати, нашимъ извѣстнаго сорта джентльменамъ, чуть-ли не гнушающимся своей принадлежностью къ еврейскому народу, исторія наша покажетъ, что этотъ народъ не бѣденъ мужами великаго ума и великихъ дѣяній, которыми могутъ гордиться не только одни евреи, но и тѣ страны, въ которыхъ они родились, жили и дѣйствовали.

Всякій народъ, который только достоинъ этого названія, отводитъ своей исторіи чуть-ли не первое мѣсто среди своихъ національныхъ вопросовъ; этотъ предметъ занимаетъ умы лучшихъ его людей. Эти послѣдніе не только основательно знаютъ свою исторію и обрабатываютъ ее до мельчайшихъ подробностей, но они не оставляютъ безъ вниманія и исторіи другихъ народовъ. Въ историческихъ литературахъ многихъ народовъ не только лежатъ втунѣ данныя, добытыя археологами, лингвистами и естествоиспытателями относительно быта племенъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ насъ временемъ, но даже судьба первобытнаго, доисторическаго, ископаемаго человѣка подвергается тщательному изслѣдованію, служитъ предметомъ самой дѣятельной, кропотливой обработки, не говоря уже, что исторіею болѣе близкихъ временемъ къ намъ народовъ древняго міра, какъ грековъ, римлянъ и др., наполняются цѣлыя литературы и что это служитъ чуть-ли не вопросомъ дня. Евреямъ, какъ народу, давшему человѣчеству истинное понятіе о Богѣ, и ихъ исторіи, какъ самой достовѣрной, отводится историками среди другихъ древнихъ народовъ чуть-ли не первое мѣсто.

Спрашивается: можно ли намъ самимъ игнорировать этотъ предметъ, считать его маловажнымъ, нестоящимъ нашего вниманія и труда? Можно ли и простительно ли намъ не знать, не изучать нашей собственной исторіи?

Посмотримъ же теперь, какъ мы изучаемъ и знаемъ нашу исторію.

II.

Мы, русскіе евреи, до сихъ поръ почти совершенно не разрабатываемъ еврейской исторіи, т. е. почти ни разу не заявили себя какимъ нибудь серьезнымъ, оригинальнымъ изслѣдованіемъ ея, капитальнымъ трудомъ по этой отрасли. Обращая вообще мало вниманія на этотъ предметъ, мы не только не имѣемъ еще своихъ Гретцовъ, Іостовъ, Цунцовъ,—мы даже не пользуемся тѣмъ, что̀ выработали по этому предмету иностранные историки, евреи и не-евреи, словомъ — не пользуемся готовымъ. Всѣ ли, напр., труды Цунца, Гретца, Іоста и др. переведены на русскій или древне еврейскій языкъ? Но посмотримъ теперь, какъ обстоитъ у насъ дѣло, такъ сказать, съ той исторіею, которая у насъ такъ или иначе имѣется и можетъ быть извѣстна намъ,— лучше и проще сказать, насколько мы знакомы съ общими, элементарными, классными свѣдѣніями изъ нашей исторіи.

Начну съ нашихъ прогрессистовъ, нашей такъ называемой интеллигенціи, этой соли нашего народа, коимъ больше, чѣмъ кому либо другому, подобаетъ служить въ знаніи исторіи нашей примѣромъ для всѣхъ другихъ. Но они, какъ извѣстно, интересуются и занимаются многими другими «важными дѣлами» и «вопросами»—соціальными, экономическими, политическими и проч., а до исторіи своихъ предковъ имъ меньше всего дѣла. Мало того—они какъ бы преднамѣренно избѣгаютъ ее. Что же касается нашей учащейся молодежи, то о ней можно сказать, что она изучаетъ исторію, но... Китая, Египта и вообще древняго міра, знаетъ эпохи возрожденія, реформаціи, республики и пр. но не имѣетъ понятія ни объ одной исторической эпохѣ еврейскаго, т. е. своего народа, не знаетъ твердо ни одной страницы его исторіи. Съ мальчиками тутъ еще полъ-бѣды. Бо̀льшая часть изъ нихъ до поступленія въ школу учится хоть въ этихъ «вредныхъ, грязныхъ» хедерахъ, гдѣ ихъ обучаютъ библіи и тому подобному и, слѣдовательно, они кое-какъ знакомятся съ нашей древней исторіею. Совсѣмъ иное съ другою, женскою половиною нашей

учащейся молодежи? Если у насъ вообще женщины незнакомы съ исторіей и традиціями своего народа, то безспорно, что апогея этого незнанія и отчужденія отъ всего еврейскаго достигло нынѣ подрастающее женское поколѣніе наше, наши нынѣшнія барыни и барышни. Наши бабушки и матери, напр., знали, что онѣ «простыя, необразованныя женщины», а потому не пренебрегали и своимъ испорченнымъ жаргономъ и читали на немъ свои завѣтныя книги: «Цеэно-урено», «Кавъ-гаіошеръ», «Мнеретъ-гамоэръ» и т. п.,—и что ни говорите—кое-что и знали изъ нашей исторіи (древней) и вообще о еврействѣ. Вниманія же нашихъ «образованныхъ и цивилизованныхъ» сестеръ эти книги и все, что говорится въ нихъ, куда не достойны. И, повторяю, Боже мой, какими круглыми невѣжами онѣ за то являются во всемъ, касающемся евреевъ и еврейства!.. Но не ихъ слѣдуетъ винить въ томъ, а наше безобразное воспитаніе, находящееся въ крайнемъ пренебреженіи, особенно относительно женскаго пола.

Обратимся теперь къ противоположному лагерю—къ ортодоксамъ, и въ особенности къ нашимъ богословамъ, раввинамъ, отъ которыхъ мы тоже въ правѣ ожидать и даже требовать знанія нашей исторіи. И что же? Замѣчательно, что эти два діаметрально-противоположныхъ нашихъ лагеря—прогрессисты и ортодоксы—вѣчно во всемъ расходящіеся и противорѣчащіе другъ другу, въ этомъ отношеніи совершенно между собою сходятся. Наши богословы и раввины, изучая тщательно талмудъ, раввинскую письменность и вообще наше богословіе, явившееся съ началомъ нашей діаспорической исторіи и осложнявшееся особенно въ средніе вѣка,—не имѣютъ понятія объ эпохахъ, въ которыя являлись эти сочиненія, объ ихъ авторахъ, объ обстоятельствахъ и причинахъ, побудившихъ этихъ авторовъ установлять тѣ или другіе законы, то или другое запрещеніе и т. д. Мало того, зная пророковъ, они имѣютъ самое туманное понятіе объ историческихъ событіяхъ тѣхъ временъ, о положеніяхъ и состояніи дѣлъ, по поводу которыхъ пророкъ говоритъ то или другое пророчество, произноситъ тотъ или другой божественный приговоръ.

Больше же ихъ всѣхъ меня удивляютъ въ этомъ отношеніи наши такъ называемые «маскилимъ», т. е. типъ нашихъ еврей-

скихъ образованныхъ, просвѣщенныхъ и чуть-ли не ученыхъ, знающихъ все исключительно только на еврейскомъ языкѣ. Они вамъ будутъ толковать о наукахъ точныхъ и отвлеченныхъ, о математикѣ, естествовѣдѣніи, философіи, литературѣ — нѣмецкой, русской, о поэзіи, объ астрономіи и пр., а о политикѣ, особенно о Бисмаркѣ, Гладстонѣ, покойныхъ Гамбеттѣ, Биконсфильдѣ и друг. уже и говорить нечего, это ихъ конекъ; они даже толкуютъ и о исторіи, Александрѣ Македонскомъ и т. д. до Суворова, Наполеона и Скобелева 2-го включительно. Но попробуйте, пожалуйста, спросить ихъ о чемъ нибудь изъ *нашей* исторіи, ну, положимъ, о нашихъ свѣтилахъ арабской и испанской культуры, о дальнѣйшей судьбѣ нашего народа по изгнаніи изъ Испаніи или о лжемессіяхъ и т. п.—и вы увидите ихъ самое слабое знаніе или полное незнаніе во всемъ этомъ. Можно вообще считать за счастье, что у насъ введено обязательное обученіе, и мы изучаемъ (хоть съ грѣхомъ пополамъ и по допотопному методу) библейскую исторію, а то, безъ сомнѣнія, не знали бы и ея, какъ не знаемъ нашей дальнѣйшей исторіи, съ тѣхъ поръ какъ она пересѣкается въ библіи, или сжато и неясно выражена въ ней. Впрочемъ, и изучая библію, т. е. исторію нашего государства, мы отчасти знакомимся только съ *событіями* этихъ эпохъ, но не съ общественнымъ, экономическимъ, культурнымъ, правовымъ и т. п. состояніемъ и положеніемъ евреевъ въ эти эпохи.

Нужно-ли еще говорить о простой народной массѣ? Она, прозябая и во многихъ другихъ отношеніяхъ, исторію лишь, такъ сказать, *испытываетъ* на себѣ, не имѣя, конечно, о ней самой ни малѣйшаго понятія. Быть можетъ, найдутся такіе, которые скажутъ, что массѣ не до исторіи, что для нея—это вещь, если не совсѣмъ лишняя, то во всякомъ случаѣ, не необходимая. Но, по моему, даже лавочница-«жидувка», такъ низко пресмыкающаяся въ «чертѣ», читая исторію, тоже найдетъ въ ней что нибудь интересное для себя, она, по крайней мѣрѣ, узнаетъ, какія историческія причины довели до того, что ея мужъ, ученый лѣнтяй, долженъ изучать талмудъ, быть «батленомъ», «банкъ-квецеромъ», или просто празднoшатающимся, а она, и безъ того заваленная заботами матери, хозяйки и служанки, должна еще метаться и биться, какъ рыба объ ледъ, унижаться изъ-за мѣдной копѣйки передъ «ясновель-

можнымъ» и капризнымъ паномъ и служить *кормилицей* для своего мужа-тунеядца и для многочисленной семьи. Съ исторіею должны быть знакомы и еврей-торгашъ, еврей-шинкарь, еврей-факторъ и пр., чтобы они знали, какими историческими судьбами мы дошли, или, правильнѣе сказать, дошли до насъ — безъ сомнѣнія, противъ воли—такого рода занятія, которыя предкамъ нашимъ были не только не знакомы и чужды, но и противны. Словомъ—весь народъ нашъ долженъ знать свою исторію, чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, понятіе, чѣмъ мы были прежде и чѣмъ стали теперь, т. е. чтобы опредѣлить ту неизмѣримо-глубокую пропасть, которая лежитъ во всѣхъ отношеніяхъ между прежними израильтянами, народомъ, избраннымъ чтобы служить идеѣ чистой нравственности, служить примѣромъ всѣмъ народамъ своимъ общественнымъ строемъ, и который дѣйствительно былъ предметомъ зависти, благоговѣнія,—и теперешними ихъ потомками, этими «погрязшими, падшими жидами». Исторія покажетъ народу, что не онъ виноватъ въ этомъ «колоссальномъ паденіи», а это дастъ ему возможность не терять сознанія своего собственнаго достоинства, ибо онъ будетъ знать, что все это насильно привито ему, что онъ во всемъ этомъ игралъ всегда лишь пассивную роль.

Исторія объяснитъ народу происхожденіе нашихъ обрядовъ, нашихъ праздниковъ, и тогда радостно-настроенныя праздничныя чувства въ эти дни будутъ болѣе полны, болѣе осмысленны.

Не мало значенія можетъ имѣть исторія и въ слѣдующемъ отношеніи. Какъ извѣстно, многія наши молитвы — особенно такъ назыв. «селихотъ», «паетъ» и пѣсни плача—сочинены по поводу историческихъ событій,—позднѣе, большею частью, по поводу такъ называемыхъ «гзеретъ», во время инквизиціи и гоненій. Я увѣренъ, что никто изъ массы (да и не одной только массы), читая ихъ съ такимъ, душу раздирающимъ воплемъ и плачемъ, не знаетъ, почему, кто и когда установилъ ихъ. Спрашивается, можно-ли понимать смыслъ этихъ молитвъ, когда не знаешь событій, по поводу которыхъ онѣ сложены, въ особенности, когда въ этихъ молитвахъ о нихъ говорится лишь намеками, какъ о вещахъ, уже извѣстныхъ? А что открыла и обнаружила бы исторія нашимъ фанатикамъ и обскурантамъ, нашимъ хассидамъ? Поистинѣ—узрѣли бы они свѣтъ иной...

Теперь возвратимся къ тому положенію, что у насъ никто почти не изучаетъ и не знаетъ своей исторіи. Спрашивается, отчего это? Какія тому причины? Что или кто виноватъ въ этомъ? Постараюсь нѣсколько разъяснить это.

Наши прогрессисты, напр., не знаютъ своей исторіи потому, что они сами, какъ я уже говорилъ, не хотятъ ея знать. Ортодоксы тоже не знаютъ ея, потому что относятся къ этому предмету слишкомъ легко и не даютъ себѣ никакого, рѣшительно никакого труда, чтобы изучать его. Относительно же нашего юношества виновато исключительно наше исковерканное воспитаніе вообще, а въ этомъ отношеніи—въ особенности. Не скажу, что на этотъ предметъ обращаютъ у насъ мало вниманія при *домашнемъ* воспитаніи, потому что послѣдняго у насъ совсѣмъ нѣтъ, или оно обстоитъ у насъ такъ плохо, что еще хуже, вреднѣе, чѣмъ отсутствіе всякаго воспитанія. Въ какомъ же положеніи находится у насъ этотъ предметъ въ нашемъ школьномъ или «хедерномъ» воспитаніи? Въ этихъ хедерахъ обязательно обучать библіи, но развѣ мальчики изучаютъ ее такъ, чтобы что нибудь знать изъ нея о нашей древней исторіи? Они изучаютъ ее только машинально, безотчетно, переводя безсвязно и отрывочно отдѣльныя слова и фразы и никогда не передавая прочитаннаго собственными словами—устно или письменно, словомъ,—никогда не работая при этомъ самостоятельно. Учатъ они ее потому, что это вещь священная, что учить ее—«законъ», заповѣдь Господня. Но и это лишь относительно одной древней исторіи, а о дальнѣйшей нашей исторіи рѣшительно и помину нѣтъ. А въ гимназіяхъ? Тутъ не-евреи, въ виду того, что обученіе закона божія для нихъ обязательно, изучаютъ еврейскую исторію больше, чѣмъ сами евреи.

Въ большемъ еще пренебреженіи находится этотъ предметъ, какъ я уже говорилъ, въ воспитаніи нашего женскаго пола. Учить дѣвушекъ чему либо еврейскому—исторіи, языку, догматамъ, религіи и т. п.—считается вещью не только не необходимою, но даже прямо лишнею, и это какъ у ортодоксовъ, такъ и у прогрессистовъ. Первые, помимо привычки — «поступать такъ, какъ предки поступали», разсуждаютъ еще слѣдующимъ разсчетливымъ образомъ: «Къ чему вообще учить дѣвушекъ чему либо еврейскому? Вѣдь не быть имъ раввинами или даже вообще учеными, и

не разрѣшать имъ религіозныхъ вопросовъ («шалетъ пасксненъ»)! А тѣмъ паче къ чему имъ еще исторія? Онѣ и безъ этого съумѣютъ быть матерями, хозяйками и т. п. Моя дочь пусть лучше «такъ годится къ дѣлу»; она и безъ этого будетъ благочестивой, правовѣрной еврейкой», и т. д.

Вторые же, т. е. наши лорды и леди съ береговъ Гнилопятки, желаютъ дать своимъ дочерямъ, будущимъ леди, модное, великосвѣтское воспитаніе,—и дѣйствительно даютъ имъ таковое... Ну, такъ и не лучше-ли въ такомъ случаѣ платить гувернерамъ и гувернанткамъ за «модный» французскій языкъ, нежели за «мертвый» еврейскій? Не выгоднѣе-ли, просто разсчетливѣе, заниматься музыкой, рисованіемъ и проч., нежели знакомиться съ догматами нашей религіи, интересоваться происхожденіемъ нашихъ праздниковъ, обычаевъ и имѣть понятіе о нашей исторіи и литературѣ? Да если дѣло ужъ доходитъ до исторіи и литературы, то опять не лучше ли и даже не необходимѣе ли для нихъ знать какой нибудь анекдотикъ изъ жизни Карла В., Фридриха, Наполеона или о Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гете, нежели имѣть какія бы то ни было свѣдѣнія о нашихъ царяхъ, пророкахъ, о нашихъ поэтахъ, ученыхъ, или о состояніи и судьбѣ евреевъ въ Испаніи, Франціи, Голландіи и пр.? Съ первыми «свѣдѣніями» нашимъ леди можно достигнуть своей главной цѣли, завѣтнаго желанія — блистать въ обществѣ, производить въ немъ эффектъ, прослыть великосвѣтской, цивилизованной, многосторонне-образованной!.. А со вторыми свѣдѣніями — что? Положимъ, выполнишь тогда свой долгъ относительно своего народа... Но можно ли имъ ради какихъ-то долговъ, обязанностей,—вещей внутреннихъ, душевныхъ, главное—скрытыхъ отъ чужихъ взоровъ,—жертвовать внѣшнимъ лоскомъ, блескомъ—вещами открытыми и видимыми для всѣхъ?..

Да, повторяю: въ незнаніи нами нашей исторіи много виновато безобразное воспитаніе нашего юношества обоего пола однимъ тѣмъ, что оно далеко отъ всего національно-еврейскаго. Въ общемъ же, относительно всего народа, виноваты наши такъ называемые «передовые», наши «попечители», у которыхъ мы въ правѣ требовать, чтобы они больше пеклись и заботились о нашемъ духовномъ преуспѣяніи; виноваты всѣ тѣ, которымъ дорога

наша національность, но которые, не смотря на это, ничего, однако, не предпринимаютъ для сохраненія ея. Словомъ—въ этомъ, какъ бы общемъ незнаніи нашей исторіи, виноваты всѣ мы, дорожащіе свою національностью, но тѣмъ не менѣе ничего не предпринимающіе для разработки, распространенія нашей исторіи, не стремящіеся и не старающіеся облегчать или способствовать ея изученію, ничего не дѣлающіе, чтобы сдѣлать это знаніе для всѣхъ доступнымъ. Въ то время, какъ всѣ другіе народы разрабатываютъ, изучаютъ свою исторію и распространяютъ ее даже среди простого народа; въ то время, какъ у нихъ имѣются многочисленныя сочиненія и книги по исторіи—историческіе романы, повѣсти, очерки, изслѣдованія и т. п.,—книги, которыя изложены часто на самомъ легкомъ, простомъ, доступномъ всякому языкѣ и въ которыхъ каждое историческое событіе, каждый историческій фактъ разработанъ на сотню ладовъ, чтобы каждому все это было доступно по его умственному кругозору; въ то время, какъ даже для крестьянскаго, напр., мальчика или дѣвочки, лишь только они поступаютъ въ народное училище, отецъ, побывавъ въ городѣ, вмѣстѣ съ букваремъ покупаетъ за нѣсколько копѣекъ и нѣсколько сказокъ—о Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ, богатырѣ Муромцѣ, Петрѣ Великомъ, Ломоносовѣ, Отечественной войнѣ, и пр., и пр., чтобы сынокъ въ длинные зимніе вечера читалъ ихъ, — хоть по складамъ,—предъ всѣмъ семействомъ; въ то время, какъ у другихъ для простого народа вообще устраиваются на простомъ, легко-понятномъ языкѣ чтенія по исторіи, издаются дешевыя картины, изображающія историческіе событія и моменты и расходящіяся среди народной массы въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, словомъ—въ то время, какъ всѣ народы для изученія и распространенія своей исторіи прибѣгаютъ ко всѣмъ этимъ и многимъ другимъ раціональнымъ и цѣлесообразнымъ средствамъ,—въ это время—что̀ у насъ, евреевъ, сдѣлано и дѣлается для этой цѣли? Ничего!—ровно ничего! Много-ли, напр., есть у насъ капитальныхъ, порядочныхъ или просто удовлетворительныхъ книгъ и сочиненій по исторіи? Сколько, напр., есть у насъ оригинальныхъ или переводныхъ хоть историческихъ романовъ, повѣстей и т. д.? Мало того—у насъ нѣтъ, ни на еврейскомъ, ни на русскомъ языкѣ, рѣшительно ни одного историческаго журнала, сборника, ежегодника. Мы,

были бы *обязательны для всѣхъ хедеровъ*, какъ, напр., теперь библія. Этимъ устранялись бы многія затрудненія: во первыхъ, меламеды не будутъ уже сами, — каждый по своему желанію, или по какому либо случаю, — выбирать учебники, и во вторыхъ, не будетъ никакихъ затрудненій или задержекъ при переходѣ мальчика отъ одного меламеда къ другому. Считаю не лишнимъ замѣтить, что и древняя наша исторія должна быть изучаема (особенно въ хедерахъ младшаго курса) не по библіи, а по какому нибудь хорошо выработанному для этого учебнику. Для мальчиковъ библія не можетъ служить учебникомъ по исторіи: кромѣ того, что въ ней излагается не исключительно одна исторія, а вмѣстѣ съ послѣднею чередуется или перемѣшивается еще и другое—наша поэзія, законы, ритуальная сторона религіи и проч.,—кромѣ этого, о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ говорится въ ней въ разныхъ мѣстахъ и въ различномъ стилѣ и притомъ, когда событіе излагается во второй разъ, то о немъ говорится часто очень сжато, неясно, намекомъ, и т. п. Согласитесь же, что мальчикамъ все это затрудняетъ и даже дѣлаетъ невозможнымъ составленіе себѣ изъ библіи яснаго, послѣдовательнаго понятія о нашей древней исторіи. — Что же касается гимназій, то,—не говоря уже о томъ, что преподаваніе нашей исторіи всѣмъ еврейскимъ ученикамъ должно быть сдѣлано обязательнымъ, надобно еще добиться, чтобы этотъ предметъ не находился въ небреженіи и чтобы онъ, при переходѣ изъ одного класса въ другой, считался равнозначущимъ съ другими главными предметами, и чтобы не смотрѣли на него, какъ теперь, что называется,—сквозь пальцы, какъ на самую послѣднюю спицу въ колесницѣ классныхъ предметовъ.

Въ общемъ же, слѣдуетъ издавать побольше книгъ по исторіи еврейскаго народа и вообще, тоже по возможности, прибѣгать ко всѣмъ раціональнымъ и цѣлесообразнымъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаютъ для этой цѣли всѣ другіе. Главное—слѣдуетъ издавать историческіе журналы—одинъ на русскомъ языкѣ, другой на древне-еврейскомъ. Но если изданіе новыхъ журналовъ будетъ, по нѣкоторымъ весьма важнымъ причинамъ, вещью не легкоисполнимою или не долговѣчною, что можно заключить по опыту прежде или даже недавно существовавшихъ журналовъ, то

по крайней мѣрѣ слѣдуетъ ввести историческій отдѣлъ въ существующіе у насъ теперь журналы. Для народной же массы должны быть издаваемы *народно-популярныя* книги историческаго содержанія, и понятно, что эти книги должны быть издаваемы не на русскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ, на которыхъ онѣ будутъ имѣть ограниченное число читателей, а на простомъ жаргонѣ, доступномъ всѣмъ и каждому изъ этой массы. Также весьма понятно, что книги эти, во первыхъ, должны быть, по возможности, дешевыя; во вторыхъ, онѣ должны составлять интересное и легкое чтеніе. Массу не удовлетворишь изложеніемъ однихъ голыхъ событій, съ исчисленіемъ безконечнаго множества именъ, названій, лѣтъ и проч., — ей нужно интересное, увлекательное, живое чтеніе, на которомъ можно было бы, какъ говорится, «душу отвести», что̀ и достигается вообще произведеніями историко-беллетристическими.

Тутъ открывается широкое и полезное поприще для нашихъ жаргонныхъ писателей. Довольно имъ кормить нашу массу разными пустяками и нелѣпостями, различными оригинальными и переводными романами во вкусѣ Понсонъ-дю-Террайля; пусть они лучше по мѣрѣ своихъ силъ пишутъ для народа оригинальные или переводные историческіе романы, повѣсти и проч. Этимъ они окажутъ двоякую услугу: во первыхъ, сами романы дадутъ народу понятіе о данной исторической эпохѣ; во вторыхъ, они заставятъ его заинтересоваться и самою исторіею.

Понятно, что я тутъ обращаюсь не ко всѣмъ нашимъ жаргоннымъ писателямъ, а къ тѣмъ лишь единичнымъ, которые достойны своего назначенія, которые, будучи людьми образованными, желаютъ принести истинную пользу своему народу, передавъ ему все чужое хорошее и полезное; которые, къ тому же, желаютъ быть истинно-народными писателями, а потому пишутъ и передаютъ ему все только на его языкѣ, на народномъ жаргонѣ. Вотъ на нихъ-то и падаетъ обязанность послужить своему народу въ этомъ отношеніи.

III.

До сихъ поръ я говорилъ о нашемъ отношеніи къ нашей общей исторіи, не касаясь русско-еврейской, т. е. исторіи евреевъ

въ Польшѣ. Литвѣ, Россіи и вообще во всемъ нашемъ теперешнемъ отечествѣ. Это особый, частный вопросъ, находящійся у насъ въ совершенно иныхъ условіяхъ. Тутъ не поставишь вопроса—почему мы не изучаемъ и не знаемъ исторіи евреевъ въ Россіи? Ея у насъ нѣтъ, т. е. мы еще не выработали ея, и нельзя же знать, изучать того, чего нѣтъ. А что русскіе евреи до сихъ поръ, къ своему стыду, не только еще не выработали болѣе или менѣе своей индивидуальной исторіи, но даже почти совсѣмъ не работали надъ нею, такъ это общеизвѣстный фактъ. Мы, русскіе евреи, превосходящіе своею численностью всѣхъ другихъ евреевъ Европы, вмѣстѣ взятыхъ, живущіе столько столѣтій—сначала въ Польшѣ и Литвѣ, а потомъ и въ самой Россіи (а какъ доказываютъ теперь евреи жили въ Россіи небольшими колоніями еще въ самыя древнія времена, еще при Владимірѣ Мономахѣ, и даже еще раньше евреи встрѣчаются уже въ кіевской Руси), мы, желая узнать кое-что изъ нашей индивидуальной исторіи, можемъ до сихъ поръ пользоваться только монографіями, газетными, журнальными и другими статьями, разбросанными притомъ по разнымъ мѣстамъ, то тамъ, то сямъ, а часто должны и это заимствовать у иностранныхъ историковъ и ученыхъ, которые, къ тому еще, намъ и нашей исторіи удѣляютъ самую малую часть своего вниманія,—мы вынуждены являться ихъ компиляторами въ отношеніи своей спеціальной исторіи, узнавать что нибудь о себѣ изъ чужихъ рукъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, во всей нашей исторической литературѣ—если этимъ именемъ позволено будетъ назвать нѣкоторыя изслѣдованія, замѣтки, акты, документы и пр., обнародованные въ разныхъ журналахъ, газетахъ,—вы встрѣчаете о русскихъ евреяхъ одни лишь замѣтки или отрывки, характеризующіе, и то односторонне и далеко неполно, много-много одинъ періодъ времени. Но нѣтъ у насъ почти ни одной книги, въ которой были бы изложены послѣдовательно всѣ, относящіяся къ евреямъ событія, происшествія въ Польшѣ, Литвѣ, Россіи, было бы разсмотрѣно и изслѣдовано наше правовое, политическо-гражданское, соціально-экономическое и культурное состояніе въ этихъ мѣстахъ въ различныя эпохи, — книги, которая дала бы каждому возможность составить себѣ понятіе обо всемъ этомъ, приводила бы къ пониманію судьбы нашихъ предковъ въ нашемъ отечествѣ. Конечно, тутъ нельзя брать въ

разсчетъ изданные въ послѣднее время труды Бершадскаго, Левина, Гаркави и нѣкоторыхъ другихъ: они составляютъ одинъ лишь матеріалъ по русско-еврейской исторіи для будущихъ ея историковъ, но не могутъ сколько нибудь удовлетворять вообще обыкновеннаго человѣка, не-историка, желающаго имѣть какое либо понятіе объ этой исторіи. Нѣтъ у насъ даже извѣстнаго кружка, общества людей, которые старались бы выработать что либо подобное, работали бы сообща для изслѣдованія исторіи евреевъ въ Россіи. Мало того — у насъ нѣтъ ни одного отдѣльнаго элементарнаго, классного дѣтскаго учебника по этой исторіи.

Чѣмъ же это оправдать, объяснить? Или—въ чемъ искать причины того, что до сихъ поръ еще не издана у насъ исторія русскихъ евреевъ? Въ томъ, что не достаетъ для этого матеріаловъ? Но это далеко не такъ. Много историческихъ источниковъ, въ видѣ документовъ, актовъ и т. п. разбросано по разнымъ архивамъ, гдѣ они покрыты толстымъ слоемъ пыли, снѣдаются ею, приводятся въ тлѣніе, и только ожидаютъ искусныхъ рукъ, которыя очистили бы ихъ, привели въ порядокъ и извлекли бы на свѣтъ Божій. Немалую услугу въ изслѣдованіи исторіи русскихъ евреевъ можетъ оказать существовавшій у насъ искони обычай, по которому каждая община каждаго города и даже мѣстечка вела свою лѣтопись, т. е. записывала для потомства всѣ свои событія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія,—въ особыхъ книгахъ, такъ называемыхъ «пинкесахъ». Обычай этотъ въ настоящее время, съ уничтоженіемъ кагала, кажется, уже болѣе не практикуется, но сотни и тысячи этихъ «пинкесовъ», разбросаны по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, валяются въ небрежности въ разномъ хламѣ кагальныхъ остатковъ, гдѣ они, оставленные безъ всякаго вниманія, гніютъ, съѣдаются молью, мышами и т. п.,эти сотни и тысячи книгъ могли бы намъ много пригодиться при разработкѣ нашей исторіи въ нынѣшней Россіи—для характеристики нашего внѣшняго и внутренняго положенія, умственнаго состоянія и т. д. Значитъ, причина лежитъ въ томъ, что нѣтъ у насъ собирателей этихъ историческихъ матеріаловъ, что этихъ послѣднихъ мало собрано, издано? На этотъ вопросъ тоже нельзя отвѣтить утвердительно. Нельзя сказать, чтобы у насъ чувствовался существенный недостатокъ въ собирателяхъ историческихъ матеріаловъ, и немало собрано по-

слѣднихъ, открыто, изслѣдовано, просто переписано, а затѣмъ и издано, обнародовано. Только эти матеріалы, какъ я говорилъ, разбросаны по разнымъ мѣстамъ—газетамъ и журналамъ, которые, какъ извѣстно, по истеченіи своего кратковременнаго срока, одного года, отживаютъ, предаются забвенію, и рѣдко у кого имѣются тогда подъ руками; а кромѣ того, эти даже изданные матеріалы—большею частью еще сырые, недостаточно обработанные. Слѣдовательно, чтобы вывести изъ всего этого что нибудь путное, требуется собрать ихъ, привести въ порядокъ, связать въ одно цѣлое, послѣдовательное, что̀ составляетъ задачу историковъ. Такъ, значитъ, причина — въ недостаткѣ историковъ? Положимъ, истыхъ историковъ дѣйствительно у насъ почти нѣтъ: ихъ такъ мало, что если станешь пересчитывать ихъ по пальцамъ одной руки, то и тогда двухъ-трехъ пальцевъ не досчитаешь. Поэтому трудно ожидать, чтобы по исторіи евреевъ въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи, появился теперь же полный, цѣльный, законченный трудъ, освѣщающій всѣ эпохи, выясняющій значеніе каждой изъ нихъ въ цѣпи предшествующаго и послѣдующаго. Но у насъ до сихъ поръ даже не сдѣлано и попытки изложить въ одной книгѣ (послѣдовательно и связно, конечно) хоть одни лишь событія этой исторіи. Я знаю, что одно это очень недостаточно, что для того, чтобы писать исторію какого нибудь народа, отъ всякаго историка требуется именно освѣщать со всѣхъ сторонъ факты, событія, разъяснять ихъ причины, слѣдствія, отношенія и т. п. Но мнѣ кажется, что по исторіи русскихъ евреевъ это не представляетъ особенной трудности и не требуетъ вовсе такой обширной научности. Вѣдь для того, чтобы писать исторію русскихъ евреевъ, вовсе не необходимо, какъ это бываетъ при составленіи исторіи другихъ народовъ, выискивать внутреннюю причину, связь внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ событій, войнъ, откапывать поводы разныхъ движеній, явленій, а потому прибѣгать къ помощи политики, дипломатіи, стратегіи, этнографіи, географіи и тому подобныхъ наукъ. Тѣмъ не менѣе, никто не рѣшается взяться написать послѣдовательную исторію русскихъ евреевъ или исторію евреевъ въ Россіи. Это не только прискорбно, но даже прямо стыдно. Быть можетъ, если бы появился какой нибудь иниціаторъ въ этомъ

дѣлѣ, то оно пошло бы благополучно. И если это не по силамъ одного человѣка, то почему бы въ такомъ случаѣ и не составиться у насъ для этой цѣли какому нибудь кружку, какъ это бываетъ заграницею, въ Германіи, Франціи? Пусть въ самомъ дѣлѣ соединятся для этого вмѣстѣ тѣ избранники, коихъ Богъ вразумилъ въ этой наукѣ; пусть они сообща изслѣдуютъ, обработаютъ и издадутъ исторію евреевъ въ Россіи; пусть хоть только начнутъ это, и дѣло непремѣнно доведется до конца. Если даже допустить, что трудъ ихъ на первыхъ порахъ будетъ не совсѣмъ полный, законченный, то все же исторія евреевъ въ Россіи уже не будетъ покрыта такимъ непроницаемымъ мракомъ, и русскій еврей будетъ знать, откуда онъ взялся въ Польшу, Литву, Россію, какъ жилось здѣсь его предкамъ и пр., и не долженъ онъ будетъ заимствовать свѣдѣнія объ этомъ изъ чужихъ рукъ.

Я чувствую, что все, мною здѣсь высказаное, далеко еще не выясняетъ предмета, о которомъ я хотѣлъ говорить; я знаю, что въ моей статьѣ еще очень много пробѣловъ, очень много такъ называемыхъ «слабыхъ мѣстъ». Но не для литературной славы писалъ я вышеприведенныя строки. Я хотѣлъ лишь дать хоть какой нибудь толчекъ затронутому мною вопросу и буду безконечно счастливъ, если другіе, болѣе искусные и компетентные въ этомъ дѣлѣ люди, возьмутся за разработку этого предмета и поставятъ его на надлежащую почву.

Я. Гершовскій.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗРАИЛЬ ВЪ ЭПОХУ СУДЕЙ.

(Религіозное, общественное и государственное состояніе евреевъ во время судей. Ивана Троицкаго. Спб. 1885).

Изслѣдованіе г. Троицкаго интересно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, оно представляетъ собою добросовѣстно и умѣло составленный сводъ взглядовъ и мнѣній о древнѣйшей исторіи евреевъ, съ другой — довольно характерную попытку изученія историческихъ преданій и фактовъ на почвѣ *вѣры* и религіозныхъ принциповъ. Всѣ выводы, всѣ обобщенія почтеннаго автора окрашены въ религіозный цвѣтъ, вопросы факта и религіи, вопросы быта и вѣрованій—группируются имъ исключительно въ виду опредѣленной религіозной доктрины. Не смотря, однако, на это явное господство религіознаго принципа, сочиненіе г. Троицкаго не можетъ быть названо богословскимъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Мы понимаемъ вполнѣ, что теологическіе пріемы въ изученіи вопросовъ *вѣры* имѣютъ свой raison d'être, но трудно согласиться, чтобы къ изученію вопросовъ чисто *историческаго* свойства, вопросовъ факта и преданій, они могли быть примѣнены безъ опасенія впасть въ произвольныя и мало вѣроятныя умозаключенія. Сочиненіе г. Троицкаго,—говоримъ мы,—не богословское, и вотъ почему. Съ одной стороны, слѣдуя авторитетнымъ пріемамъ европейскихъ ученыхъ, авторъ распространяется объ естественныхъ вліяніяхъ, подъ которыми складывался характеръ еврейскаго народа, о положеніи и природѣ страны, о жизни и нравахъ сосѣднихъ племенъ; съ другой стороны, какъ бы чувствуя свое безсиліе одними этими слагаемыми объяснить духовную и политическую физіономію древнѣйшей Іудеи, онъ прибѣгаетъ къ помощи высшихъ таинственныхъ силъ, слѣды воздѣйствія которыхъ внимательный и добро-

совѣстный историкъ не можетъ не замѣтить въ исторіи народовъ». Это, безъ сомнѣнія, смѣшеніе двухъ методовъ, имѣющихъ каждый свою особую сферу примѣненія и господства. Въ сочиненіяхъ богословскихъ, въ области чисто религіозныхъ вѣрованій съ успѣхомъ практикуется догматическій пріемъ; въ области общественныхъ и политическихъ изысканій богатые плоды способна дать только историческая, или если хотите, соціологическая критика. Авторъ разбираемаго труда задался цѣлью изслѣдовать *религіозное, общественное* и *государственное состояніе евреевъ*, т. е. разрѣшить *три* задачи,—для чего ему, конечно, надо было обыкновенными орудіями историческаго анализа пользоваться въ два раза болѣе, чѣмъ средствами религіозной и догматической критики, и уже, во всякомъ случаѣ, не смѣшивать тѣхъ и другихъ. Не смотря, однако, на шаткость тѣхъ теоретическихъ устоевъ, на которыхъ г. Троицкій воздвигаетъ свои историческія обобщенія, книга его читается съ большимъ интересомъ и не лишена научнаго значенія. Авторъ внимательно изучилъ всю литературу вопроса и превосходно освоился съ библейскими данными. Какъ только г. Троицкій оставляетъ почву произвольныхъ «интуицій» и обращается къ простому изложенію данныхъ исторіи, его разсказъ становится плавнымъ и яснымъ, его догадки или, вѣрнѣе, разгадки болѣе или менѣе вѣроятными. Ознакомимся поближе съ изслѣдованіемъ почтеннаго автора.

Прежде всего, что говоритъ намъ простая исторія, не задающаяся никакими лукавыми цѣлями, о времени судей? Страна, въ которой по исходѣ изъ Египта поселились іудеи, именуется Ханааномъ или Палестиною. Въ ней уже съ давнихъ временъ жили народы и племена, далеко превосходившіе іудеевъ своею культурою, благоустройствомъ, военными силами и политическими идеалами. Евреи разсѣялись по всему пространству Ханаана и, такимъ образомъ, подпали подъ вліяніе этихъ народовъ. Это разселеніе евреевъ по всѣмъ частямъ завоеванной страны имѣло еще и другое послѣдствіе: образъ жизни ихъ въ разныхъ частяхъ Палестины, вслѣдствіе различія естественныхъ условій, долженъ былъ быть неодинаковымъ, не однороднымъ. За Іорданомъ преобладаетъ кочевой образъ жизни, на сѣверѣ развивается торговая и городская жизнь, а въ горныхъ частяхъ тоже не вездѣ удобно было заниматься земледѣліемъ. Что̀ явилось результатомъ такого разнообразія занятій и образовъ жизни отдѣльныхъ частей еврейскаго народа? Полное уничтоженіе національнаго единства и взаимная вражда всѣхъ частей другъ противъ друга, раздѣленіе единаго народа на нѣсколько независимыхъ племенъ, собою только занятыхъ и о себѣ толь-

ко помышляющихъ. Колѣна дѣлились на роды, роды на дома, а дома — на отдѣльныя семейства. Первоначально колѣна связывались въ одно цѣлое общностью религіозныхъ вѣрованій и происхожденіемъ отъ одного родоначальника, Авраама. Но эта религіозная связь колѣнъ мало по малу стала утрачивать свою прочность. Инстинктъ идолопоклонничества, мутные подонки языческой чувственности исподволь отравляли чистое вино Моисеева закона,—чѣмъ дальше отъ великаго законодателя, тѣмъ больше и больше, говоря словами Эвальда, ясный свѣтъ времени Моисея терялся въ далекомъ туманѣ исторіи. Культъ Молоха и Астарты вытѣснялъ собою медленно, но вѣрно, служеніе истинному Богу, открывшемуся іудеямъ въ огнѣ и дыму на высотахъ Синая. «При родовомъ устройствѣ,—говоритъ г. Троицкій,—различныхъ условіяхъ быта каждаго изъ колѣнъ и географическихъ особенностяхъ Палестины, способствовавшихъ раздѣленію обитателей на нѣсколько группъ, у евреевъ въ описываемую эпоху не было общаго политическаго центра и политическаго единства» (стр. 181). Погружаясь въ служеніе чувственности, евреи вмѣстѣ съ тѣмъ отрекались отъ Іеговы, Бога жизни, и прилѣплялись къ богамъ распущенности и смерти. «На ряду съ этого рода идолопоклонствомъ,—замѣчаетъ авторъ,—идолопоклонствомъ въ собственномъ смыслѣ, существовало идолопоклонство въ смыслѣ несобственномъ (?): поклоненіе Іеговѣ подъ видомъ идоловъ, сопровождавшееся прорицаніями и гаданіями на манеръ хананскихъ народовъ». Это идолопоклонство въ «несобственномъ» смыслѣ есть стремленіе евреевъ матеріализировать свою вѣру, прививать ей дѣйствительную, такъ сказать, видимую жизнь, дабы она—эта вѣра—ополченная всѣми аттрибутами матеріи, могла прокладывать себѣ путь въ мірѣ грубыхъ, житейскихъ интересовъ. Эта мысль о свойствѣ еврейскаго матеріализма была уже высказана съ большою рельефностью и убѣдительностью проф. Соловьевымъ. Оба согласны въ томъ, что *этотъ* матеріализмъ есть собственно истинная любовь къ идеальному и духовному,—это тотъ матеріализмъ, который провозгласилъ, что вѣра безъ дѣла мертва, который даже мужа кротости и смиренія побудилъ вложить свои персты въ ребра воскресшаго Бога... «Въ нравственной области этого рода матеріализмъ является, съ одной стороны, въ благородномъ самопожертвованіи, а съ другой—въ такого рода дѣятельности, отъ которой можно ожидать больше пользы. Въ области религіозной онъ создаетъ теургію и символику божества» (стр. 188). Этотъ матеріализмъ евреи обнаруживали уже и въ эпоху судей. Мыслить Бога безъ помощи видимаго Его воплощенія—это для нихъ сверхъ силъ.

Уже при жизни Моисея и Іисуса Навина они вылили себѣ золотаго тельца, а послѣ ихъ смерти естественное стремленіе іудеевъ овеществлять свои религіозныя представленія обнаружились со всею силою. Подъ вліяніемъ примѣровъ сосѣднихъ народовъ этотъ врожденный и, можно сказать, благородный матеріализмъ мало по малу сталъ вырождаться въ идолопоклонство въ подлинномъ смыслѣ слова, имѣвшее весьма пагубное вліяніе на политическую и общественную жизнь іудеевъ. «Правда,—замѣчаетъ г. Троицкій,—и въ это время израильскія колѣна были по прежнему родственны между собою, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ и имѣли нѣкоторые общіе обычаи. Но одно общее происхожденіе, общій языкъ еще не могутъ образовать большихъ, крѣпко связанныхъ обществъ: только одна общая идея, какая бы она ни была (?), создаетъ прочное и свободное единство. Таковой именно была у евреевъ религіозная идея. При измѣнѣ ей, при родовомъ устройствѣ евреевъ и отдѣльныхъ интересахъ каждаго изъ колѣнъ, ничто не соединяло евреевъ въ одно общее цѣлое, и они представляли изъ себя раздробленный организмъ» (стр. 198). Въ это печальное время безначалія и безпорядка сосѣдніе народы, конечно, не дремали. Обложенная со всѣхъ сторонъ сильной блокадой враждебныхъ язычниковъ, Іудея находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Только особый подъемъ духовныхъ силъ, только особые взрывы патріотическаго воодушевленія могли спасти народъ іудейскій отъ угрожавшаго ему порабощенія. И такіе «взрывы» бывали,—въ эти минуты разбивались идолы, отвергались языческіе обряды и обычаи, въ народной памяти воскресало божественное синайское откровеніе, «росло народное воодушевленіе, народъ обновлялся нравственно и сплачивался около какой либо личности, воплощавшей въ себѣ народное сознаніе» (стр. 203). Эта личность становилась во главѣ народа, одолѣвала враговъ Іудеи и спасала чистую вѣру потомковъ Авраама отъ деспотизма чувственнаго языческаго культа. «Судья» не занимаетъ какого нибудь прочнаго, оффиціальнаго положенія въ средѣ еврейскаго общества. Во времена смуты и опасностей его выдвигаетъ сила личной энергіи, святая мощь неисчерпаемой вѣры, а во времена замиренія—мудрость, старость и богатство. «Для того, чтобы быть судьею, требовались личныя достоинства: это учрежденіе, такимъ образомъ, соотвѣтствовало чисто республиканскому устройству еврейскаго государства въ данную эпоху» (стр. 205). Всѣ свои соображенія о политическомъ, общественномъ и религіозномъ бытѣ евреевъ временъ судей г. Троицкій формулируетъ такъ: «Политическая жизнь евреевъ въ это время не представляетъ ничего

утѣшительнаго».«Евреевъ, находившихся въ самомъ пеклѣ историческаго востока, отовсюду тѣснили сосѣднія племена, ихъ окраины всегда были въ опасности» (стр. 214). «Израиль сѣялъ, а другія дикія племена пожинали; на его прекрасныхъ лугахъ паслись стада, но они не принадлежали ему. Бедуины, съ многочисленными стадами и верблюдами, подобно саранчѣ, нападали на страну, и жители ея должны были скрываться отъ этихъ страшныхъ враговъ въ ущелья и пещеры» (ibid.). А *внутренняя* жизнь іудеевъ представляла картину не болѣе отрадную. Ее можно обрисовать однимъ словомъ: безначаліе. Безначаліе—духовное и нравственное, безначаліе и безпорядокъ во всемъ, что требуетъ строгой организаціи и дисциплины. Торжествующее ханаанское язычество во храмѣ Іеговы! Духъ разъединенія, вражды и сладострастія на престолѣ вѣчной славы и любви... «Единственно прочная нить, связывавшая весь народъ, религія Іеговы, съ оскудѣніемъ вѣры въ Него, разрывалась, законъ, регулировавшій общественную и гражданскую жизнь, пренебрегался: явилось беззаконіе, освящалось своеволіе и насиліе, преступленія оставались не наказанными. Все это очень замѣтно отражалось на политическомъ состояніи народа, ослабляя его, какъ политическій организмъ, и порабощая сосѣднимъ племенамъ: отсутствіе внутренней нравственной силы проявилось и во внѣшнемъ безсиліи» (стр. 245). Г. Троицкій напрасно подчеркиваетъ преимущественно отрицательныя стороны общественной жизни Іудеи временъ судей. Все-таки евреи въ этотъ періодъ времени вошли, такъ сказать, во вкусъ осѣдлой жизни, во вкусъ земледѣльческаго труда—разведеніе виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ стало любимѣйшимъ ихъ занятіемъ. Просыпается и нѣкоторое влеченіе, а можетъ быть и любовь къ духовной пищи. Въ пространно разсказанной г. Троицкимъ исторіи Самсона не маловажную роль играютъ остроуміе и загадки (Веберъ, т. I, стр. 120). «Поэзія израильтянъ оставалась, правда, все еще только лирическою,—говоритъ Эвальдъ:—но великая побѣдная пѣснь Деворы показываетъ, до какой художественности стремилась возвыситься ихъ лирика и какое тонкое чувство прекраснаго ума проявлялось въ ней, хоть формы ея еще были тяжелы» (ibid.). Жизнь народа не подчиняется готовымъ формуламъ, готовымъ, напередъ сочиненнымъ программамъ. На ряду съ беззаконіемъ, безначаліемъ и поклоненіемъ культу Молоха и Астарты въ той же еврейской средѣ внимательный и проницательный исторіографъ безъ труда усмотритъ и нѣжные побѣги молодого народнаго генія: пѣсня Деворы и поклоненіе языческимъ кумирамъ—это два непримиримыхъ полю-

са—да, но такова уже логика народнаго или, правильнѣе, массоваго ума, то высоко парящаго къ синимъ и далекимъ небесамъ, то жалко пресмыкающагося во прахѣ передъ позолоченными и безсмысленными тельцами. Плохъ и несчастенъ народъ, не вѣдающій и временныхъ, минутныхъ «пареній», *никогда* не осѣняемый поэтическою мечтою и божественнымъ откровеніемъ смысла человѣческой жизни,—но такимъ народомъ іудеи никогда не были и не будутъ.

«Еврейское государство эпохи судей,—говоритъ г. Троицкій, — расшатанное невѣріемъ и раздѣленіемъ, для своего исправленія требовало подъема нравственныхъ силъ народа и объединенія его въ лицѣ одного народнаго представителя. Подъему нравственныхъ силъ народа способствовали пророческія школы и пророки. Объединенію народнаго самосознанія способствовала явившаяся царская власть» (стр. 246). Это объединеніе посредствомъ учрежденія царской власти,—основательно замѣчаетъ г. Троицкій,—дало возможность израильтянамъ стать болѣе или менѣе значительной политической единицей, располагающей надежными средствами борьбы за свое существованіе. «Въ учрежденіи царской власти проявилось благодѣтельное значеніе внѣшняго механическаго принципа для жизни еврейскаго народа». Это безспорно. Но невозможно согласиться съ тѣмъ, чтобы фактъ призванія царя,—какъ это нѣсколько ниже г. Троицкій,—свидѣтельствовалъ о неспособности еврейскаго народа къ управленію *одними нравственными* средствами и *путемъ нравственнаго самоопредѣленія. Одними нравственными средствами*—точно исторія знаетъ хоть одинъ примѣръ народа, *такъ* самоуправлявшагося или самоуправляющагося. Нельзя, думается, также доказывать серьезно, что появленіе въ жизни какого нибудь народа, слѣдовательно, и еврейскаго, «механическаго принципа» должно повлечь за собою отставку нравственнаго самоопредѣленія,—призваніе царя іудеями свидѣтельствуетъ только объ одномъ: о томъ, что свободное народоправство, подъ вліяніемъ весьма важныхъ политическихъ обстоятельствъ, должно было смѣниться неограниченнымъ монархическимъ началомъ, и только. Но такая смѣна одной *формы политической* жизни другою вовсе не знаменуетъ собою смѣны *нравственныхъ* началъ, ибо одно и то же нравственное начало легко уживается съ разными формами политическаго или общественнаго управленія. Во всякомъ случаѣ, говорить объ управленіи или самоуправленіи одними нравственными средствами — намъ кажется—значитъ говорить о такихъ, въ сущности, отвлеченностяхъ, для

которыхъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ человѣчества не отыскать ни одной иллюстраціи, ни одного образца.

Этими критическими замѣчаніями мы ограничимся. Узкія рамки журнальной замѣтки не позволяютъ намъ провѣрить нѣкоторыя другія заключительныя обобщенія почтеннаго автора разбираемой книги. Замѣтимъ только, что, не смотря на указанную выше методическую ошибку, сочиненіе г. Троицкаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія любознательнаго читателя. Всѣ свои мысли и взгляды авторъ облекаетъ въ самыя простыя и общедоступныя литературныя выраженія, что, конечно, не можетъ не возвышать цѣнности его труда.

А. Волынскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Haboker Or. Ежемѣсячный литературный журналъ на древне-еврейскомъ языкѣ, издаваемый *А. Б. Готлоберомъ*. Годъ седьмой, 1885—86. Книжки 1, 2, 3. Варшава.

Нашъ извѣстный маститый писатель А. Б. Готлоберъ недавно возобновилъ, прекращенное имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изданіе своего маленькаго журнала «Габокеръ Оръ». Три книжечки этой новой серіи лежатъ теперь передъ нами. Нельзя сказать, чтобы онѣ отличались особенною живостью, разнообразіемъ и строгостью въ выборѣ матеріаловъ: печать старчества лежитъ и на нихъ, какъ и на почтенномъ ихъ издателѣ, и во многихъ отношеніяхъ онѣ значительно уступаютъ своимъ предшественницамъ, появившимся въ первые годы изданія этого журнала. При всемъ томъ, однако, читатель можетъ и въ нихъ найти не мало интереснаго. Лучшимъ и интереснѣйшимъ изъ помѣщенныхъ въ вышедшихъ трехъ выпускахъ произведеній является вторая часть «Воспоминанія юности» самого издателя, первая часть которыхъ появилась въ предыдущихъ годахъ «Габокеръ Ора». Авторъ, много видѣвшій и много испытавшій, изображаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одну изъ наиболѣе темныхъ и малоизвѣстныхъ эпохъ въ жизни русскихъ евреевъ, эпоху 20-хъ и 30-хъ годовъ. «Воспоминанія» читаются съ живѣйшимъ интересомъ, и часто, дойдя до конца того или другого продолженія, жалѣешь, что авторъ такъ мало помѣщаетъ ихъ въ каждомъ выпускѣ. Желательно было бы, чтобы авторъ когда нибудь издалъ свои интересныя «Воспоминанія» отдѣльной книгой: мы не сомнѣваемся, что это произведеніе найдетъ много читателей и увеличитъ весьма заслуженную литературную славу своего автора.

Кромѣ «Воспоминаній» и стихотвореній самого издателя, мы находимъ въ вышедшихъ книжкахъ нѣсколько научныхъ статей, нѣсколько повѣстей и разсказовъ и двѣ-три критическія статьи. Изъ первыхъ обращаютъ на

себя вниманіе экзегетико-критическія замѣчанія къ Библіи г. В. Ябеца, въ которыхъ разбираются взгляды Л. Цунца (въ его «Gottesdienstliche Vorträge») на происхожденіе и время составленія трехъ библейскихъ книгъ: Эзры, Нехеміи и Паралипоменъ. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ слѣдуетъ отмѣтить большую повѣсть г. Трахтмана, въ которой, судя по первымъ главамъ, имѣетъ быть изображенъ бытъ хасидовъ, безспорно крайне интересный. Публицистику представляетъ собою статья г. Кагановскаго о состояніи и преобразованіи хедеровъ. Авторъ подвергаетъ критикѣ нѣкоторые проекты реформы еврейскаго школьнаго воспитанія и предлагаетъ свой проектъ, состоящій въ томъ, чтобы вмѣсто маленькихъ хедеровъ, въ которыхъ обучаются отъ 5 до 6 мальчиковъ, устроить по частной инціативѣ, но съ разрѣшенія правительства, большіе хедеры или еврейскія школы, въ которыхъ дѣти ежедневно до обѣда обучались бы еврейскимъ предметамъ, а послѣ обѣда—общимъ предметамъ. Проектъ этотъ, однако, страдаетъ существенными недостатками: во первыхъ, онъ не устраняетъ главнаго недостатка хедернаго воспитанія—чрезмѣрнаго въ количественномъ отношеніи умственнаго труда, и, во вторыхъ, онъ оставляетъ языкомъ преподаванія, по крайней мѣрѣ относительно еврейскихъ предметовъ, прежній жаргонъ.—Въ критическомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе статья д-ра Шапира (2—3 книжки) о произведеніяхъ Л. О. Гордона.

Въ общемъ, появившіяся книги «Габокеръ Ора» представляютъ достаточный для своего объема и подчасъ интересный литературный матеріалъ, и намъ остается только пожелать успѣха возобновленному журналу.

Rodkinssohn, *M. L. Barkai* (Полемика съ противниками). Heft I. Wien, 1886.

Во всѣхъ градахъ и весяхъ «черты еврейской осѣдлости» существуетъ весьма характерный типъ кагальнаго или городского «шейгеца» (сорви-головы, головорѣза). Подобно тому какъ необходимымъ аттрибутомъ каждой благоустроенной еврейской общины является «городской сумасшедшій», такъ же точно необходимъ и «городской сорви-голова» (a'stodt-scheigez). Признаки этого послѣдняго типа весьма ярки и бросаются въ глаза. Если вы зайдете въ субботній или праздничный день на «школьный дворъ» любого еврейскаго городка и увидите безпокойнаго, загорѣлаго субъекта, окруженнаго цѣлымъ легіономъ босой команды, лихорадочно мечущагося изъ сто-

роны въ сторону, кричащаго и шумящаго, сыплющаго толчки и удары направо и налѣво, задѣвающаго всякаго прохожаго, затѣвающаго драку то съ тѣмъ, то съ другимъ, вѣчно бьющаго и вѣчно избиваемаго, постоянно вопіющаго: «лови его, лови грабителя!» и постоянно за кѣмъ нибудь гоняющагося,—то знайте, что передъ вами—городской шейгецъ, головорѣзъ ex officio. Толпа потѣшается въ досужіе часы штуками, выкидываемыми подобными «спеціалистами», происходящими большею частью изъ низшаго класса—сапожниковъ или портныхъ, но благомыслящіе люди при видѣ такого субъекта качаютъ головою, и приговариваютъ, примѣняя къ нему мѣткій библейскій стихъ: «настоящій дикарь! Онъ на всѣхъ и всѣ на него!» (Pere adam! jodo bakol we'jad kol bo)...

Точно такую же роль всееврейскаго сорви-головы исполняетъ въ нашей литературѣ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, г. Родкинсонъ, авторъ лежащаго передъ нами памфлета и множества другихъ памфлетовъ и пасквилей. Происходитъ-ли гдѣ нибудь крупный литературный скандалъ, идетъ-ли гдѣ ожесточенная, бранная полемика—будьте увѣрены, что субъектомъ или объектомъ въ этой полемикѣ, или же просто какъ нибудь къ ней прикосновеннымъ, окажется г. Родкинсонъ. «Онъ на всѣхъ и всѣ на него». О немъ именно распускаютъ слухи, будто онъ перешелъ отъ службы галиційскимъ цадикамъ на службу христіанскимъ миссіонерамъ; о немъ разсказываютъ, что онъ доставилъ матеріалъ для сочиненій извѣстныхъ юдофобовъ Юстуса и Роллинга; о немъ распускаютъ десятки другихъ подобныхъ нелестныхъ слуховъ; а онъ все обороняется и наступаетъ, обороняется и наступаетъ, сыплетъ памфлетами направо и налѣво, ругается то съ однимъ, то съ другимъ, и вѣчно вопіетъ, что его обижаютъ, преслѣдуютъ, травятъ. Вся литературная дѣятельность г. Родкинсона въ послѣдніе годы (за исключеніемъ двухъ-трехъ книжекъ), начиная съ его газеты «Гаколъ», въ которой не проходилъ ни одинъ нумеръ безъ скандала, и кончая его теперешней брошюркою—вся его дѣятельность есть сплошная «полемика съ противниками». То онъ полемизируетъ съ обидѣвшимъ его редакторомъ «Гамелица» г. Цедербаумомъ, то со Смоленскимъ, то занимается опроверженіемъ вѣчно распускаемыхъ про него (почему же это именно про него?) его «безчисленными врагами» ложныхъ слуховъ, и о подобныхъ дрязгахъ, ни для кого кромѣ самого г. Родкинсона неинтересныхъ, печатаетъ брошюру за брошюрою. Въ послѣдней брошюркѣ, обѣщающей быть *первой* въ цѣломъ рядѣ ей подобныхъ (на заглавномъ листѣ значится: выпускъ I, за январь 1886), авторъ ведетъ ожесточенную полемику съ депутатомъ ав-

стрійскаго рейхсрата д-ромъ Блохомъ, въ газетѣ котораго «Oester. Wochenschrift» напечатаны нелестные о немъ, Родкинсонѣ, слухи, будто онъ имѣлъ сношенія съ Юстусомъ и Роллингомъ. Чего-чего нѣтъ въ этой брошюрѣ! Какъ онъ, Родкинсонъ, встрѣчался съ такими-то и такими-то лицами, какъ ѣздилъ по такимъ-то дѣламъ туда-то и туда-то, какъ проектировалъ то-то и то-то, какъ успѣвалъ или терпѣлъ неудачу въ томъ-то и томъ-то, какъ наживалъ себѣ враговъ въ такихъ-то лицахъ, а друзей— въ такихъ-то и т. п.—вотъ содержаніе всей брошюры, какъ и всѣхъ предшествовавшихъ ей и, вѣроятно, всѣхъ послѣдующихъ. Спрашивается: для чего все это печатаетъ г. Родкинсонъ? Кого всѣ эти личныя его дрязги и столкновенія могутъ интересовать? Зачѣмъ этотъ вѣчный аларнизмъ, эти вѣчные вопли и вѣчная брань, эти вѣчныя «лови его! бьютъ, грабятъ!?»...

Смѣемъ увѣрить г. Родкинсона, что мы не принадлежимъ къ числу его «безчисленныхъ враговъ» и не изъ вражды къ нему говоримъ все это. Въ нашемъ безпристрастіи онъ могъ убѣдиться по сдѣланному нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ на страницахъ «Восхода» разбору его единственныхъ двухъ серьезныхъ книжекъ (о филактеріяхъ и объ опрѣснокахъ). Не изъ вражды (да и съ какой стати намъ враждовать съ нимъ?), а именно изъ жалости къ г. Родкинсону мы ему говоримъ все это. Мы не отрицаемъ въ немъ несомнѣннаго литературнаго таланта, несомнѣнно хорошаго знакомства съ раввинскою и каббалистическою литературою. Съ такимъ талантомъ и съ такими спеціальными познаніями онъ могъ бы сдѣлать весьма много полезнаго для еврейской литературы. Но, къ сожалѣнію, онъ сталъ на ложную почву. Темный, хотя и даровитый, галиційскій хассидъ вдругъ очутившійся въ бурномъ водоворотѣ европейской жизни, неподготовленный, безъ достаточнаго общаго развитія, безъ духовной дисциплины (о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ его сочиненія; мы касаемся личныхъ сторонъ его характера, такъ какъ онъ самъ свою личность только и выставляетъ въ своихъ произведеніяхъ),—онъ, повидимому, совершенно потерялъ голову... Онъ мечется изъ стороны въ сторону, пристаетъ то къ однимъ, то къ другимъ, и вѣчно бьетъ въ набатъ!.. Нѣтъ, г. Родкинсонъ, это—безусловно ложная почва, на которой вы стоите. Оставьте ее: кромѣ безславія вы ничего не пріобрѣтете. Оставьте въ покоѣ вашихъ «безчисленныхъ враговъ» и, будьте увѣрены, они васъ также оставятъ въ покоѣ и не будутъ васъ преслѣдовать «ложными слухами» и клеветою. Возьмитесь за какой нибудь добросовѣстный, серьезный трудъ по вашей спеціальности, по части еврейской исторіи и науки; занимайте читающую публику не своими

личными дрязгами, до которыхъ никому дѣла нѣтъ, а чѣмъ нибудь полезнымъ и серьезнымъ. Вотъ, кстати, вы заявляете о приближеніи 50-тилѣтняго юбилея вашей жизни: пора опомниться! Ради этого юбилея вамъ простятъ ваши прежніе литературные грѣхи, если только вы обнаружите стремленіе къ покаянію. И тогда, повѣрьте, вы не будете «безъ вины гонимымъ», какъ вы подписываетесь подъ вашею книжкою, и не придется вамъ «умолять» публику, какъ вы это дѣлаете (стр. 53), покупать ваши книжки, такъ какъ серьезное содержаніе само по себѣ привлечетъ читателей. Таковъ нашъ искренній вамъ совѣтъ.

С. М.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

I.

Изъ прилагаемаго въ подлинникѣ письма моего стараго товарища Льва Моисеевича Бинштока, вы, Милостивый Государь, увидите причину, заставившую меня безпокоить васъ моимъ настоящимъ посланіемъ.

По полученіи этого сообщенія, я немедленно розыскалъ февральскую книжку уважаемаго вашего изданія и прочелъ съ большимъ интересомъ статью «Критикуса». Къ сожалѣнію, пародія «Die zwei Chassidim» приведена далеко не полностію, а книжку, которой посвящена рецензія, я здѣсь найти не могъ; но въ приведенномъ крошечномъ отрывкѣ, я, точно также какъ и г. Бинштокъ, сейчасъ же узналъ мою работу, хотя значительно искаженную. Пораженный храбростію г. Гордона, я позволю себѣ разсказать вамъ исторію этой пародіи.

Тридцать одинъ годъ тому назадъ, будучи молодымъ студентомъ въ Кіевѣ, въ минуту хорошаго расположенія духа, я вздумалъ сочинить пародію на Гейневскихъ «Гренадировъ». Это было весною 1856 года. Не умѣя писать еврейскими буквами, я для первой черновой пользовался латинскимъ алфавитомъ. Товарищамъ, жившимъ тогда на одной со мною квартирѣ, шутка эта очень понравилась, и одинъ изъ нихъ, уже теперь покойный, Вильгельмъ Бакстъ, сейчасъ же списалъ ее еврейскими буквами, подъ мою диктовку. Съ того же дня, пародія эта разошлась въ многочисленныхъ рукописныхъ экземплярахъ почти по всѣмъ городамъ, населеннымъ евреями, въ особенности по юго-западнымъ и польскимъ губерніямъ. Я, по просьбѣ разныхъ знакомыхъ, повторялъ ее съ тѣхъ поръ такъ часто, что и теперь помню ее наизусть отъ слова до слова. Тогда же я *сочинилъ* (не могу сказать *написалъ*, ибо, какъ уже упомянулъ, писать по еврейски не умѣлъ), диктуя тому же покойному В. Баксту, па-

родію на басню Крылова «Лжецъ», которая тоже пользовалась обширною извѣстностію въ свое время и блуждала въ «чертѣ осѣдлости» въ многочисленныхъ спискахъ. Обѣ эти (не могу иначе назвать) *шалости* понравились—не за ихъ литературныя достоинства, каковыхъ онѣ не имѣли, а потому, что въ описываемое мною время началась усиленная борьба молодого поколѣнія противъ могущества цадикизма, имѣвшаго всесильное тогда покровительство, въ лицѣ извѣстнаго бердичевскаго банкира Я. I. Гальперина, представлявшаго въ то время крупную силу. Обѣ эти пародіи никогда не предназначались для печати, хотя «Die zwei Chassidim», какъ мнѣ разсказывали, появились въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ въ какомъ-то заграничномъ еврейскомъ изданіи. Правда ли это—я не знаю, но знаю, что я за нихъ удостоился, въ 1857 или 1858 году, весьма нелестнаго отзыва на столбцахъ издававшейся тогда въ Lyck'ѣ газеты «Ha-Magid». Тамъ, кажется, было напечатано что-то въ родѣ анаѳемы. Повторяю, «Die zwei Chassidim» пользовались въ свое время обширною извѣстностію и я не сомнѣваюсь, что и теперь еще есть въ живыхъ много лицъ въ Россіи, которыя могутъ засвидѣтельствовать, что эта пародія *моя* и что она родилась именно въ указанное мною время. Въ самой Варшавѣ живетъ и по сіе время мой товарищъ по университету, типографъ I. Гольдманъ, которому эта шутка очень хорошо извѣстна съ минуты ея рожденія. Еще недавно, въ 1879 году, ее списалъ подъ мою диктовку, проживающій и теперь въ Петербургѣ присяжный повѣренный Осипъ Моисеевичъ Винштокъ. Около года тому назадъ, по просьбѣ одесскаго раввина, доктора Швабахера, я читалъ ему наизусть «Die zwei Chassidim». Я убѣжденъ, если бы я обратился съ печатнымъ воззваніемъ, что вы получили бы изъ разныхъ концовъ Россіи многочисленныя подтвержденія моихъ словъ.

Кромѣ отрывка, прочитаннаго мною въ вашемъ уважаемомъ журналѣ, я не знаю, что́ именно г. Гордонъ помѣстилъ изъ этой пародіи въ своей книжкѣ; но, судя по этому одному отрывку, я увѣренъ, что это мои «Chassidim». Для сравненія, позвольте представить вамъ это стихотвореніе, такъ какъ, повторяю, я помню его отъ слова до слова. Вотъ оно, латинскими буквами:

Zwei Chsidim senen a Mul gefuren zi Fiss
Vin Dibne glaich kein Zwehil;
In Ostre hot sech ungehob'n a Schmiess,
Me hot derzähld potschten sehr viel.

Du hoben sei die wüste Psiere derhert,
As s'is gur a nai Inglik gekimen:
Reb Ijsrulzie liegt wie a Barg in d'r Erd—
Me hot eim in Krepost genimen.
Die Chsidim hob'n arausgelost a Kol, a Geschrei
In hob'n of sech gerissen die Hoit;
Einer sugt: «Briderleb'n As och! in wei!
«Ot-o-du mis ech huben den Toit!
Der anderer wujet ojch wie a Hind:
—Brider! Der Toit is dir gringer;
«Ich hob ober nebech Waib in Kind,
Un mir weln sei ojsgein var Hinger!»
«Wus toig mis a Waib, wus toig mir a Kind
Ich hob far eppes bessers zi beiten:
Losen sei peigeren far Hinger, wie die Hind—
Der Zadik liegt nebech in Keiten!!
Nor ein Bekusche well ech zi dir hub'n,
As es weln kimen maine letzte Meniten,
Sollst di mech heissen in Ryżen begrub'n
In mit ryżener Erd farschiten.
Den Tales-Sack mit dem waissen Kant,
Die Tfilim mit die breite Rezïes,
A flasch Bromfen gib mir in die Hand
In a Schoifer of zi blusen Tekïes...
Rihig well ech mir liegen asoi,
Wie es liegen die groisse Negidim;
Bis ich well a Mul hören *Burech Adenoi*
Welln singen dem Zadiks Talmidim
Reb Iisrulzie wet treiten of main Keiwer dus Grus;
Die Schu wet dech sain gur a wojle:
Ich well ifstein, trinken Bromfen a Glus
In blusen a Tekïe gedoile!»

Я помню даже, что многіе знакомые дѣлали мнѣ замѣчаніе, что это *Burech Adenoi*—безсмыслица, ибо подобныя слова вовсе не *поются*, но я не хотѣлъ измѣнять этого стиха, ибо не придавалъ этому стихотворенію никакого значенія и никогда не предназначалъ его для печати.

На этомъ же самомъ основаніи мнѣ и въ голову не приходило бы ратовать за авторскія права, но меня сильно шокируетъ самый фактъ изумительной безцеремонности со стороны г. Гордона.

Кстати, если я не ошибаюсь, въ Петербургѣ долженъ находиться еще одинъ человѣкъ, которому вся эта исторія очень хорошо извѣстна; это—

Моисей Севастьяновичъ Шефтельзонъ. Его я тоже не разъ безпокоилъ просьбами писать эту пародію подъ мою диктовку для разныхъ знакомыхъ.

Извините меня за tant de bruit pour une omelette!

Прошу принять увѣреніе и проч.

Н. Гольденбергъ.

Одесса, 22-го марта 1886 г.

II.

М. Г.

Я вамъ очень благодаренъ за то, что вы сообщили мнѣ содержаніе письма г. Н. Гольденберга для надлежащаго съ моей стороны разъясненія. Но, признаться, точнаго разъясненія этого загадочнаго казуза я самъ дать не могу. Г. Гольденбергъ, можетъ быть, и совершенно правъ. У меня не такая счастливая память, чтобъ я могъ припомнить въ точности genesis всѣхъ моихъ литературныхъ произведеній. Стихи на жаргонѣ составлялись мною не для печати, а такъ себѣ, шутки ради, и составлялись въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ. Я ихъ никогда не собиралъ, они расходились по рукамъ и я объ нихъ позабывалъ. Когда прошлымъ лѣтомъ, по настоянію И. Л. Шапиры изъ Варшавы, я согласился передать ихъ ему для напечатанія, мнѣ пришлось рыться въ старыхъ бумагахъ, чтобы составить напечатанный сборникъ изъ отрывочныхъ черновыхъ. Между этими черновыми оказалась писанною моею рукою въ томъ видѣ, какъ она появилась въ печати, и—пародія «Zwei Chassidim». Составилъ ли я ее самъ, или же, она была передана мнѣ кѣмъ нибудь устно, и я ее исправилъ,— не могу теперь съ точностію сказать. Знаю только, что черновую эту я нашелъ въ пачкѣ старыхъ бумагъ, писанныхъ лѣтъ 20 слишкомъ назадъ. Легко возможенъ и второй случай, что, услышавъ ее когда-то и записавъ себѣ на память, какъ бродячую пѣснь, я по истеченію многихъ лѣтъ принялъ ее за свою собственную. Случилось же со мною нѣчто похожее въ обратномъ видѣ. Г. В. Лунцъ изъ Риги напоминаетъ мнѣ о двухъ моихъ стихотвореніяхъ, ходящихъ въ народѣ и не вошедшихъ въ сборникъ, потому что я о нихъ совершенно забылъ. Изъ Житомира напомнили мнѣ о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ на древне-еврейскомъ языкѣ, которыя я также забылъ помѣстить въ «Собраніе моихъ стихотвореній». Допускаю поэтому возможность, что пѣсенку, записанную мною лѣтъ 20—25 тому, я принялъ за собственное произведеніе, а какъ

оказывается нынѣ, по сличеніи съ текстомъ пѣсни г. Гольденберга, нѣкоторые куплеты дѣйствительно принадлежатъ мнѣ. Вѣрю г. Гольденбергу, и безъ спроса выставленныхъ имъ свидѣтелей, и уступаю ему авторское право на «Zwei Chassidim», и въ приготовляемомъ издателемъ новомъ изданіи исключу ихъ изъ сборника. Если бы г. Гольденбергъ самъ не заявилъ, что онъ не умѣетъ читать по еврейски, я бы ему выслалъ экземпляръ «Сихасъ-Хулинъ» для провѣрки—не находится ли тамъ еще что либо, принадлежащее невольно обиженной мною музѣ его. Надѣюсь, г. Гольденбергъ повѣритъ и мнѣ, что здѣсь не было умышленнаго плагіата, въ которомъ, слава Богу, я не нуждаюсь, а вышло какое-то печальное недоразумѣніе, для объясненія котораго не требуется указанія ни на храбрость, ни на безцеремонность.

Л. Гордонъ.

СПб. 18-го апрѣля.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

которыхъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ человѣчества не отыскать ни одной иллюстраціи, ни одного образца.

Этими критическими замѣчаніями мы ограничимся. Узкія рамки журнальной замѣтки не позволяютъ намъ провѣрить нѣкоторыя другія заключительныя обобщенія почтеннаго автора разбираемой книги. Замѣтимъ только, что, не смотря на указанную выше методическую ошибку, сочиненіе г. Троицкаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія любознательнаго читателя. Всѣ свои мысли и взгляды авторъ облекаетъ въ самыя простыя и общедоступныя литературныя выраженія, что, конечно, не можетъ не возвышать цѣнности его труда.

А. Волынскій.

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ"

С.-Петербургъ, Офицерская, 7.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ" съ „Недѣльной Хроникой Восхода"

	въ Россіи:	за границею.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 „ — „	7 „ — „
На три мѣсяца.	3 „ — „	3 „ 50 „

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ" или на „Недѣльную Хронику" не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльные №№ „Недѣльной Хроники" стоятъ по 10 к., для иногороднихъ—15 к.

Желающіе пользоватся разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ" принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за 1/2 страницы 8 руб., за 1/4 страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ"—15 коп. за строчку петита, или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адресса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель **А. Е. Ландау.**

ГОДЪ 1886 VI.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

VI

Іюнь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1886.

КНИГА 6-я.—ІЮНЬ, 1886.

(См. на 3-й стр. обертки).

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Іюнь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1886

ДВѢ СЕМЕЙНЫХЪ ИДИЛЛІИ.

ПАРАЛЛЕЛЬ СЪ НАТУРЫ *.

X.

Была-ли Михалова хорошей учительницей или Марилька еще лучшей ученицей, — довольно того, что наставленія матери пошли въ прокъ дочери. Марилька развивалась не по днямъ, а по часамъ. Отъ ея прежней нелюдимости, застѣнчивости и дикости не осталось и слѣда; мѣсто этихъ качествъ заступила необыкновенная развязность, быстро приближавшаяся къ безстыдству. Очень можетъ быть, что этой радикальной перемѣнѣ въ существѣ дѣвушки содѣйствовали не столько теоретическія наставленія матери, сколько практическіе уроки «почитателей ея таланта»; но фактъ тотъ, что она съ каждымъ днемъ становилась все популярнѣе за кулисами. Ни одна изъ ея сверстницъ не шалила такъ свободно, не хохотала такъ громко, какъ она, и это пріобрѣтало ей все больше покровителей, все больше «почитателей ея таланта». Этихъ «почитателей» было у нея уже не мало, и они почти всѣ выражали ей свое почитаніе вещественными знаками, которые она принимала, какъ нѣчто ей принадлежащее, должное, и съ беззастѣнчивой грубостью простолюдинки, постоянно притомъ поощряемой матерью словами:

— Ты подарки принимай и благодари—и проси еще.

---

* См. Восходъ кн. 5.

Она такъ и дѣлала и принимала, благо и провинція не безъ шелопаевъ, считающихъ шикомъ тратить свои благо- и неблагопріобрѣтенныя средства на какихъ нибудь полудикихъ Марилекъ, почему либо вошедшихъ въ моду.

А талантъ Марильки былъ и оставался многими ступенями ниже посредственнаго. Дальше полунѣмыхъ ролей горничныхъ она не шла, какъ ни трудился режиссеръ по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ ея покровителей, въ томъ числѣ и самого директора театра, который тоже благоволилъ къ ней, какъ къ fille très gentille. Танцмейстеру съ большимъ трудомъ удалось научить ее двумъ-тремъ салоннымъ танцамъ, безъ которыхъ она во многихъ пьесахъ не могла бы фигурировать даже въ качествѣ статистки. Тѣмъ не менѣе, однако же, она понемножку подвигивалась и уже стала получать по тридцати пяти рублей въ мѣсяцъ, чего не получали ея сверстницы, которыя были способнѣе и трудолюбивѣе ея. Это жалованье было, разумѣется, бездѣлицей въ сравненіи съ ея побочными доходами, которые увеличивались по мѣрѣ того, какъ она, по наставленіямъ матери, становилась недоступнѣе и требовательнѣе. Жадная дворничиха, перемѣнившая, безъ зазрѣнія совѣсти, роль матери на роль сводницы, умѣла ловко эксплоатировать слабость непрекраснаго пола къ прекрасному и она была на столько кощунственна, что, подобно въ высшей степени набожной католичкѣ, не пропускала ни одной ранней мессы, чтобы возблагодарить Господа за успѣхи ея дочери на ея почтенномъ поприщѣ. Исповѣди она, однако же, избѣгала и на напоминанія парафіальнаго ксендза объ исповѣди — опускаясь на колѣни и цѣлуя ксендзовскую сутану, отвѣчала:

— Прости, преподобный отче, я теперь не могу.

— А что, если смерть застигнетъ тебя врасплохъ?

— Тогда преподобный отецъ помолится за мою грѣшную душу.

— И ты не боишься сгинуть въ пеклѣ?

— Преподобный отецъ три раза помолится за свое духовное чадо.

Само собою разумѣется, что Марилька, какъ уже значительно оперившаяся, радикально измѣнила свою житейскую об-

становку. Родительскій домъ, т. е. дворницкую, она окончательно оставила и водворилась въ нумерѣ одной изъ мѣстныхъ второстепенныхъ гостинницъ, гдѣ началась жизнь, полная приключеній. Мать оставалась при дочери въ качествѣ совѣтницы, фактотума и защитницы отъ нападенія буяновъ, съ которыми она умѣла справляться, какъ бойкая дворничиха.

— Съ лѣстницы спущу! Городового позову! Протоколъ составлю!—угрожала она слишкомъ назойливымъ, и угрозы ея почти всегда производили желаемое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что для подкрѣпленія своихъ словъ она нерѣдко прибѣгала къ кочергѣ, которая всегда стояла на-готовѣ въ углу прихожей. Въ виду этого убѣдительнѣйшаго аргумента, самые неустрашимые забіяки-скандалисты очищали поле, предпочитая тихую ретираду уже слишкомъ публичному скандалу.

Дома Михалова бывала теперь очень рѣдко. Она приходила только чтобы стирать свое и мужнино бѣлье и убирать дворницкую хоть разъ въ недѣлю. Въ остальное время она находилась на «службѣ» у своей дочери. Сначала этотъ порядокъ вещей весьма не нравился Михалу, и онъ сильно протестовалъ противъ него.

— Ты мнѣ жена, али нѣтъ?—спрашивалъ онъ.

— А коли жена, такъ что?—возражала она.

— Ну, коли жена, такъ я полиціей тебя вытребую.

— Ахъ, дурень, дурень! Нашелъ, чѣмъ стращать меня! Развѣ я не знаю, гдѣ полиція? А кто ходитъ просить, когда приставъ тебя въ кутузку запаковываетъ?

Кромѣ словъ, она усмиряла протестующаго мужа недопитыми бутылками вина и ликеровъ, а также остатками разной снѣди, которые она приносила отъ дочери. Это усмиряло его скорѣе и лучше всего, и онъ молчалъ впредь... до новыхъ приношеній, а когда этихъ приношеній не оказывалось, то она бросала ему двугривенный на натуральную выпивку — и все было ладно. Но дабы не было упущеній по дворницкимъ обязанностямъ мужа, она нанимала подручнаго, какого-то бездомнаго парня, который за хлѣбъ и мелочь деньгами работалъ за двоихъ. Этотъ-то парень и сдѣлался единственнымъ товарищемъ Михала по дворницкой, съ которымъ Михалъ сталъ

дѣлить свой досугъ, радость, горе, а также чарку. Лежа ночью, подъ-хмѣлькомъ, на своихъ осиротѣлыхъ палатяхъ и скучая по своей второй половинѣ, онъ нерѣдко пускался въ трансцендентальную философію, въ которой парень тоже долженъ былъ принимать участіе.

— Павлюкъ! — окликалъ онъ парня, лежавшаго гдѣ-то на полу около печки.

— Чаво?—откликался парень, навостривъ уши.

— Ты спишь?

— Нѣтъ.

— Ты женатъ?

— Нѣтъ.

— И не женись, никогда, братъ, не женись, потому баба или самъ чертъ, или его дядя. А не знаешь, зачѣмъ Богъ сотворилъ бабу и пустилъ ее гулять по міру?

— Нѣтъ.

— А я знаю. Богъ сотворилъ бабу для того, чтобы мы, грѣшные люди, попривыкли къ чортову дядѣ въ семъ мірѣ, а когда мы придемъ въ тотъ міръ, то чтобы мы не слишкомъ испужались, когда увидимъ самого чорта. Понимаешь?

Парень ничего не отвѣчаетъ, потому что онъ начиналъ засыпать.

— Павлюкъ!—будитъ Михалъ послѣдняго.

— Чаво?

— Ты въ костелъ ходишь?

— Хожу.

— Ксендзъ-пробощъ ничего про то не говоритъ?

— Про что?

— А про чорта-діавола и бабу?

— Ничаво.

— Странно,—удивляется Михалъ и, смачно зѣвнувъ и переворачиваясь на другой бокъ, засыпаетъ.

Рѣдко бывая дома, Михалова рѣдко, по цѣлымъ недѣлямъ, не встрѣчалась со своей сосѣдкой, женой переплетчика. Разъ встрѣтившись съ нею у воротъ, она ее остановила и стала хвастать передъ нею и разсказывать про великое счастье своей

дочери, въ какомъ довольствѣ та живетъ, какія платья себѣ шьетъ и сколько денегъ зарабатываетъ.

— А вы все еще ничего про черный день не откладываете?— спросила переплетчица, уже знавшая про большіе заработки Марильки, но не знавшая въ точности, откуда они.

— Зачѣмъ откладывать?—возразила Михалова гордо и побѣдоносно.—Развѣ у богатыхъ пановъ мало денегъ? На нашъ вѣкъ хватитъ.

— Ничего нельзя знать, пани Михалова,—замѣтила переплетчица скептически.—Все отъ Бога. А вотъ моя Мэрка имѣетъ уже въ сберегательной кассѣ около ста пятидесяти рублей, и проценты на нихъ ростутъ.

— Но мы не евреи, мы денегъ отдавать на проценты не умѣемъ, да и нельзя: грѣхъ. У насъ, коли завелся рубль, такъ давай жить, и на что деньги, если не расходовать ихъ, а держать въ скринѣ? Пожалуй, украдутъ или разбойники нападутъ и отнимутъ. А потому, день мой—вѣкъ мой. Повѣрьте, пани Шмулева, что такъ лучше.

— Какъ для кого.

Марилька шла въ гору, она сдѣлалась городской знаменитостью. Правда, ея скандалезная слава немножко повредила ей въ томъ отношеніи, что ей отказали отъ театра, такъ какъ выпускать ее на сцену стало уже довольно опасно; но она въ театрѣ уже не нуждалась. Къ ней повалили всѣ подонки общества, вся эта позолоченная сусальнымъ золотомъ молодежь, все то, что чувствовало какое-то необузданно-дикое влеченіе, какое-то фатальное призваніе—транжирить деньги, все равно— свои, или взятыя у ростовщиковъ на баснословные проценты, или же заимствованныя изъ ввѣренныхъ ихъ храненію сундуковъ, общественныхъ или казенныхъ—съ перспективой отдавать въ нихъ отчетъ публично, всенародно, на скамьѣ подсудимыхъ. Замѣчательная снисходительность такъ называемаго общественнаго мнѣнія, основанная на грандіозно-ироническомъ приглашеніи: «кто чувствуетъ себя чистымъ, пусть первый броситъ камень», эта снисходительность, въ соединеніи съ органической, родовой, наслѣдственной испорченностью нравовъ, дѣлаетъ изъ каждаго, кто имѣетъ къ тому малѣйшую возмож-

ность, какого-то изступленно-фанатическаго жреца культа «умѣнья жить», т. е. умѣнья безобразничать. Всѣ жрецы этого культа въ губернскомъ городѣ, въ которомъ происходитъ разсказъ нашъ, соорудили на квартирѣ Марильки алтарь своего культа, на которомъ они приносили всяческія жертвы. На этой квартирѣ почти безпрерывно шли азартныя игры, гомеровскіе кутежи и другія дебоширства, достигавшія апогея разнузданности.

Само собою разумѣется, что при такомъ многосложномъ богослуженіи, Марилька не могла быть единственной жрицей въ этомъ храмѣ: съ нею вмѣстѣ священнодѣйствовали подобныя ей весталки, набранныя съ сосенки и бора. Но, какъ хозяйка и болѣе всѣхъ красивая, она первенствовала, vej wodziła, какъ выражаются поляки. И надобно было удивляться, какъ она это умѣла дѣлать, тонировать, шику задавать—точно камелія не совсѣмъ послѣдняго разбора. Гдѣ и у кого она этому научилась? Никто изъ ея поклонниковъ не повѣрилъ бы, если бы ему сказали, что она «простюха» самой чистой крови, дочь дворничихи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сама подметала дворъ, нерѣдко и сортиры; а торчащая здѣсь матрона съ ужасно хитрымъ и жаднымъ лицомъ, ея мать, дворничихой и теперь. Всѣ были увѣрены, что мать и дочь—обѣднѣвшія дворяночки, видавшія когда-то лучшіе дни, вращавшіяся въ большомъ свѣтѣ и оставившія его вслѣдствіе какихъ-то семейныхъ катастрофъ, о которыхъ имъ тяжело говорить. Всѣ были увѣрены въ этомъ тѣмъ болѣе, что хитрая Михалова умѣла ловко пускать пыль въ глаза; впрочемъ, рѣдкая изъ польскихъ простолюдинокъ не умѣетъ этого при болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Природная грація, распространенность грамотности, обусловливаемая обязательностью знанія многихъ и длинныхъ *пацiержи* (молитвословій), умѣнье поэтому членовъ даже самыхъ низшихъ сословій выражаться изящно, литературно и съ текстами изъ богословскихъ книгъ, отсутствіе малѣйшаго признака затворничества женщинъ, дѣятельное участіе, принимаемое ими во всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ и процессіяхъ, и, наконецъ, почти всегда рыцарское отношеніе мужского пола къ женскому: уступка послѣднему вездѣ перваго мѣста, почти-

тельное цѣлованіе ручекъ и ухаживаніе за нимъ съ обязательной галантерейностью—дѣлаютъ изъ польской женщины, даже простолюдинки то, что она, при малѣйшемъ случаѣ, при малѣйшей возможности и послѣ весьма недолгаго приготовленія можетъ разыгрывать grande dame довольно близко къ подлиннику.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что наша добрая знакомая, дворничиха Михалова, разыгрывала по временамъ въ *салонѣ* своей дочери роль разорившейся помѣщицы и свѣтской женщины. Пользуясь тѣмъ, что она когда-то вращалась въ большомъ свѣтѣ, побывала за-границей, прожила цѣлый годъ въ Парижѣ, откуда вынесла нѣкоторый запасъ французскихъ фразъ, она тряхнула стариной, вспомнила эти фразы и стала пускать ихъ въ оборотъ очень кстати, чѣмъ внушала къ себѣ невольное уваженіе. Единственный же человѣкъ, который могъ бы дать поучительныя показанія объ этой grande dame, театральный парикмахеръ Людвикъ Карловичъ, былъ задобренъ и въ нѣкоторомъ отношеніи прямо заинтересованъ въ этой комедіи, а потому онъ не только молчалъ, но даже муссировалъ по мѣрѣ возможности, какъ родичъ и тайный партнеръ всей этой игры. Какъ умный, дѣловой человѣкъ, Михалова не отказывала ему въ паѣ, тѣмъ болѣе, что роль загонщика въ ея вертепъ онъ игралъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Онъ тоже оперился, но держалъ себя тихо, скромно, осторожно и виду не показывая, что у него деньги водятся—и совсѣмъ не маленькія, которыя онъ отдаетъ на проценты совсѣмъ большіе.

— Ахъ, Людвикъ Карловичъ,—бывало обращается къ нему кто нибудь изъ завсегдатаевъ *салона*, проигравшійся въ пухъ юнецъ, кандидатъ въ интересные подсудимые,—мнѣ деньги до зарѣзу нужны, долженъ заплатить долгъ чести. Не знаете ли, у кого можно достать. Вы—здѣшній.

— У кого?—переспрашивалъ парикмахеръ.—Разумѣется, у жидовъ. У кого и деньги, если не у жидовъ?

— То познакомьте меня, пожалуйста, съ кѣмъ нибудь изъ нихъ. Я здѣсь рѣшительно никого изъ жидовъ не знаю.

— Но у жидовъ—жидовскіе проценты. Вамъ это извѣстно?

— Да чтò тутъ проценты! Мнѣ только перехватить недѣльки на двѣ или на три, пока дядя пришлетъ. А тамъ я брошу ему, сколько потребуетъ,—на, давись, жидъ.

И парикмахеръ давалъ свои деньги подъ предлогомъ, что это какой-то жидъ даетъ, и бралъ не только жидовскіе, но даже такіе проценты, о которыхъ никакому жиду и не приснится. Парикмахеръ такъ оперился, что бросилъ театръ, женился на гризеткѣ и открылъ на самой бойкой улицѣ города шикозную парикмахерскую и «Магазинъ патентованныхъ косметическихъ принадлежностей». Съ *салономъ* же Марильки онъ прекратилъ всякое сношеніе, находя, что ему, какъ начинающему коммерсанту, пора остепениться. Кромѣ того, его жена, бойкая бабенка, успѣвшая подчинить его себѣ въ самые первые дни своего замужества, объявила ему прямо и категорически:

— Послушай, Людвикъ, если я узнаю, что ты бываешь у *этой*.. мало того, если я узнаю, что ты ходишь мимо ея квартиры, то я тебѣ устрою такой скандалъ, что ты жизни не будешь радъ. Я убѣгу къ... ты знаешь—къ кому, и ты не увидишь меня, какъ своихъ ушей. Клянусь тебѣ моей святой патронкой.

Но ей не надо было клясться: онъ ей вѣрилъ на слово, онъ былъ слишкомъ увѣренъ, чтобы сомнѣваться, что она свою угрозу исполнитъ при малѣйшемъ къ тому поводѣ, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что она вышла за него совсѣмъ не по любви; а онъ былъ влюбленъ въ нее страстно и далъ *тому* за нее не малый выкупъ. Есть люди, которые совершенно спокойно женятся при такихъ великолѣпныхъ условіяхъ и обстоятельстахъ. Заговорилъ темпераментъ или моментальная прихоть, такъ сгинь-пропадай все прочее. Отъ того-то жизнь и изобилуетъ въ извѣстныхъ сферахъ счастливыми браками, образцовой семейственностью, такъ что на скамьѣ подсудимыхъ нерѣдко фигурируетъ мужъ, убившій жену, или жена, отравившая мужа при смягчающихъ вину обстоятельствахъ.

А въ *салонѣ* игра шла crescendo, приближаясь къ своему апогею, и Михалова была увѣрена, что игра будетъ продолжаться до безконечности; по крайней мѣрѣ на ея вѣкъ хватитъ, а дальше... какъ Богъ дастъ: Марилька уже сама о себѣ по-

заботится; она, Михалова, прежде всего, живетъ для себя, а не для дочери; довольно того, что она ее выкормила, выростила и на путь поставила. Она была такъ увѣрена, что этой игры на вѣкъ ея хватитъ, что когда какой-то немолодой вдовецъ и довольно зажиточный помѣщикъ средней руки, плѣнившись красотой Марильки, хотѣлъ, ни на что не глядя, на ней жениться, она ему наотрѣзъ отказала.

— Богъ знаетъ, что онъ за человѣкъ, — оправдывала она свой грубый эгоизмъ предъ своей немножко всполошенной совѣстью.—Можетъ быть, какой нибудь скряга, скопидомъ, будетъ считать каждый кусокъ во рту, тиранить Марильку, а меня совсѣмъ прогонитъ, хотя онъ божится, что будетъ держать меня по гробъ жизни. Да и что за пріятность для Марильки замуровать себя въ деревнѣ, закабалить себя на всю жизнь со старымъ хрѣномъ и умирать со скуки? Она еще молода, выйти за старика успѣетъ, подождавши еще нѣсколько лѣтъ, а желѣзо нужно ковать, пока оно горячо...

Но желѣзо перестало коваться очень рано и совершенно неожиданно.

Въ одинъ пасмурный вечеръ, послѣ прекраснаго и очень весело проведеннаго дня, когда Михалова, схвативщая за обѣдомъ лишнюю рюмку, а можетъ быть, и лишнюю бутылку, спала, какъ убитая. Марилька, забравъ свой гардеробъ, свои поддѣльныя драгоцѣнности и свои наличныя деньги до мѣднаго пятака включительно, исчезла изъ *салона* и изъ города безслѣдно, точно въ воду канула. Извѣстно было только, что вмѣстѣ съ нею исчезъ учащавшій къ ней въ послѣднее время какой-то отставной корнетъ, Богъ знаетъ откуда взявшійся, необыкновенный кутила и сорви-голова, которому можно было пророчить, не будучи пророкомъ, экскурсію на казенный счетъ въ мѣста очень отдаленныя.

Проснувшаяся на слѣдующее утро Михалова, хватившись пропажи, чуть съ ума не сошла отъ испуга и отчаянія.

— Такъ вотъ тебѣ благодарность и отплата отъ родной дочери!—восклицала она ежеминутно, плача, ломая руки и теребя на себѣ волосы.—Бѣжать и забрать съ собою даже послѣднюю

чайную ложечку! Это безбожно, подло, мерзко, чистый разбой! А смотрѣла такой тихоней! Впрочемъ, отъ *бенкарта* (незаконнорожденной) лучшаго ожидать было нечего. О, зачѣмъ я не задушила ее при самомъ ея рожденіи!

Она подняла было на ноги полицію. Полиція пришла и, узнавъ, что исчезнувшая ничѐго особеннаго не сотворила, долговъ не надѣлала, въ гостинницѣ по счету заплатила и уѣхала,— нашла, что все въ порядкѣ, и ей тутъ дѣлать нечего.

Но куда Марилька уѣхала со своимъ корнетомъ, этого никто не зналъ, а потому Михаловой ничего больше не оставалось, какъ, упаковавъ свои вещи, вернуться въ дворницкую на постоянное жительство.

Не будемъ описывать почетнаго пріема, оказаннаго дворникомъ своей дражайшей половинѣ по ея возвращеніи домой при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, прочувствованной рѣчи, которую онъ сталъ было держать къ ней, но которую она прервала на самомъ патетическомъ мѣстѣ отвѣтомъ, даннымъ сперва устно, а потомъ руками со сжатыми кулаками. Точное описаніе этой семейной идилліи—выше силъ нашихъ, а потому мы отъ него отказываемся. Скажемъ коротко: идиллія эта, начатая келейно, въ дворницкой, очень скоро превратилась въ публичное зрѣлище, на которомъ присутствовали почти всѣ наличные жильцы двора, поучаясь ея глубоко-нравственнымъ содержаніемъ. Но какъ она ни была поучительна, однакоже, жильцы общими усиліями положили ей конецъ, такъ какъ она каждую минуту угрожала превратиться въ высокую драму или даже трагедію,—а время этихъ родовъ поэзіи прошло. Зачѣмъ Шекспиръ—когда есть Оффенбахъ и Зуппе?

Прошло мѣсяцевъ семь-восемь. О Марилькѣ всѣ забыли, стала забывать даже Михалова. Какъ вдругъ, въ одно утро, разсыльный изъ какого-то губернскаго вѣдомства потребовалъ Михала и Михалову къ начальству. Оказалось, что Марилька была доставлена по этапу изъ какого-то южнаго города, гдѣ власти заарестовали ее, какъ бродягу, за неимѣніемъ при себѣ никакихъ документовъ, и препроводили на указанную ею родину. Она была изнурена, голодна и оборвана, какъ нищая.

Тѣмъ не менѣе, однакоже, Михалъ и Михалова приняли ее съ распростертыми руками и—исколотили до полусмерти.

Она заболѣла горячкой, ее свезли въ больницу, гдѣ она пролежала около мѣсяца и поправилась. Но, оправившись отъ горячки, она заболѣла оспой, которая совершенно обезобразила ея когда-то красивое лицо. Ее не узнавали. Отъ ея прежней миловидности, приводившей въ восторгъ всѣхъ знатоковъ женской красоты, не осталось и слѣда: даже ея великолѣпные бѣлокурые волосы побурѣли и повылѣзли.

И она возвратилась въ свое первобытное состояніе, въ помощницу своихъ воспитателей, дворника Михала и дворничихи Михаловой. Метла и лопата опять сдѣлались ея неразлучными спутниками. Sic transit gloria mundi.

XI.

Въ ожиданіи возвѣщеннаго ребъ Шмулемъ Стоклишкеромъ на субботу гостя, на котораго имѣлись серьезные виды, Бася, жена р. Шмуля, постаралась. Нанявъ себѣ въ помощь какую-то бѣдную женщину, она вмѣстѣ съ нею вымыла полы и привела всю квартиру въ надлежащую чистоту, опрятность и порядокъ, точно это было подъ праздникъ Пасхи, когда абсолютная чистота въ еврейскихъ жилищахъ обязательна по закону, и когда самая неряшливая хозяйка становится по необходимости заботливой и рачительной. Бася превзошла на этотъ разъ самое себя и была этому очень рада.

— Пусть не подумаетъ,—думала она всю пятницу, чистя и скребя,—пусть не подумаетъ, что мы голыши какіе нибудь, а обыватели, Божьею помощью, не хуже людей.

И когда вечеромъ, по окончаніи въ синагогахъ субботнихъ вечерень, р. Шмуль Стоклишкеръ, въ сопровожденіи гостя, вернулся домой и увидѣлъ, какъ его скромное жилище чисто убрано, хорошо освѣщено, столъ накрытъ, а жена и дочь опрятно одѣты, онъ съ необыкновенной живостью и радостью провозгласилъ привѣтствіе семейству: «гутъ шаббесъ!» и съ умиленіемъ, доходившимъ до восторга, запѣлъ: «Шоломъ алейхемъ, ангелы служебные, ангелы Всевышняго!» Его глубоко-

вѣрующая душа нисколько не сомнѣвалась въ эту минуту, что ангелы Всевышняго спустились съ горней обители, чтобы благословить его домашній очагъ во имя «царицы саббатъ», которой правовѣрные сыны Израиля такъ беззавѣтно преданы. Почти со слезами на глазахъ и со сложенными и поднятыми вверхъ руками произнесъ онъ дальнѣйшій стихъ привѣтствія ангеламъ:—Благословите меня миромъ, о, ангелы мира! ангелы Всевышняго отъ Царя царей царствующихъ, Всесвятаго,—прославленъ Онъ!»

Когда-же онъ сталъ цитировать изъ послѣдней главы Притчей Соломоновыхъ: «Жену доблестную кто найдетъ,» то съ умиленіемъ, глубокимъ уваженіемъ, нѣжнымъ состраданіемъ, невыразимой благодарностью и чистой отъ земныхъ помысловъ любовью взглянулъ на свою доблестную жену, свою вѣрную спутницу жизни, свою добрую, тихую, скромную и богобоязненную Басю, которая такъ глубоко ему предана, такъ прилежно тянетъ съ нимъ лямку, не ропща, не жалуясь. Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ, потому что очень часто испытывалъ, что съ такой «помощницей на лицо» (эзеръ кенегдо)—не страшны никакія бури и невзгоды въ жизни, потому что есть о кого опереться, у кого найти совѣтъ, помощь, утѣшеніе, или самое искренное соболѣзнованіе. Это чувствуетъ и сознаетъ всякій старосвѣтскій еврей, имѣющій женой не воспитанницу того или другого моднаго пансіона съ гадательными педагогическими пріемами, а воспитанную и воспитывающуюся вмѣстѣ съ нимъ въ самой высшей школѣ, школѣ жизни; потому-то онъ такъ твердъ, стоекъ и послѣдователенъ въ борьбѣ съ судьбой,—не чета большинству нынѣшнихъ евреевъ, дряблость которыхъ и жалка и смѣшна. И если бы это было принято, то р. Шмуль Стоклишкеръ обнялъ бы и поцѣловалъ бы свою вѣрную старуху,—но онъ только умилился и прослезился, скрывъ, впрочемъ, отъ семейства свои слезы.

Мэрка подошла къ нему, чтобы принять его благословеніе и поцѣлуй въ лобъ, послѣ чего она поцѣловала его руку и только тогда позволила себѣ украдкой взглянуть на приведеннаго отцомъ гостя.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ около двадцати шести,

средняго роста, тщедушный, съ блѣднымъ, свидѣтельствующимъ объ изнуренности или болѣзненности лицомъ, судить о настоящемъ выраженіи котораго много мѣшала пара большихъ очковъ съ темно-синими стеклами, совершенно скрывавшими очертаніе, форму и цвѣтъ глазъ, а также рѣсницъ и бровей. Цвѣтъ волосъ тоже не могъ быть съ точностью установленъ, потому что молодой человѣкъ имѣлъ на головѣ какой-то темный или, точнѣе, грязный парикъ, а щеки и подборокъ были покрыты едва пробивающейся, а можетъ быть, ощипанной, жидкой растительностью неопредѣленнаго цвѣта. Онъ былъ одѣтъ, какъ одѣты всѣ бѣдные бахуры-ешиботники: въ черный сюртукъ нѣмецкаго покроя, но длиннополый. Мягкая же поярковая шляпа еще не совсѣмъ глубокой старости придавала ему видъ нѣкоторой порядочности, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ себя не совсѣмъ по ешиботски, а довольно развязно, какъ человѣкъ, болѣе или менѣе самостоятельный и бывалый. Эта развязность внушала переплетчику какое-то спеціальное уваженіе къ гостю, независимо отъ того уваженія, которое онъ къ нему питалъ, какъ къ будущему раввину или море-героэ во Израилѣ.

Когда гость, по приглашенію хозяина, сталъ совершать благословеніе надъ чашей (кидушъ), то онъ обнаружилъ такой баритонный голосъ, который казался неестественнымъ у субъекта съ такимъ тщедушнымъ тѣломъ. — Это, разумѣется, никого не удивило, а только переплетчикъ сталъ многозначительно подмигивать своей женѣ, какъ-бы говоря: а что, не говорилъ-ли я тебѣ, что нашъ городовой хазанъ долженъ печуру у него подтапливать?

По омовеніи рукъ, сѣли за столъ, и хозяинъ и хозяйка наперерывъ одинъ передъ другимъ стали угощать гостя съ самой патріархальной предупредительностью, доходившей до назойливости. Гость, впрочемъ, не заставлялъ себя долго просить, а ѣлъ все, что ему подносили, съ большимъ аппетитомъ и безъ тѣхъ преувеличенныхъ приличія, скромности и робости, которыя такъ свойственны бѣднымъ бахурамъ, трапезующимъ за чужимъ столомъ. Отъ времени до времени онъ, подъ предлогомъ черпанія соли изъ стоявшей посрединѣ стола солонки, вперялъ въ сидѣвшую насупротивъ его Мэрку плотоядный

взглядъ, чего, впрочемъ, никто не замѣчалъ. Мэрка же не замѣчала этого тѣмъ болѣе, что она не поднимала глазъ съ тарелки, такъ какъ съ перваго взгляда, брошеннаго ею на гостя, почувствовала къ нему какой-то необъяснимый, инстинктивный страхъ, почти отвращеніе, и больше на него не смотрѣла.

Между вторымъ и третьимъ блюдомъ, ребъ Шмуль Стоклишкеръ обратился къ гостю:

— А что, ребъ... какъ бишь васъ?

— Яковъ-Лейзеръ,—отвѣтилъ гость.

— А что, ребъ Яковъ-Лейзеръ, не затянуть ли намъ «Кто святитъ день седьмый?»

— Извините, ребъ Шмуэлъ, — возразилъ гость съ почти саркастической улыбкой на губахъ, — я «змиротъ» не пою.

— Почему? Съ такимъ голосомъ, какъ у васъ, только и пѣть «змиротъ».

— Великіе раввины говорятъ, что «змиротъ» не обязательны, а это только обычай простолюдиновъ.

Переплетчикъ немножко сконфузился. И, чтобы доказать гостю, что онъ не совсѣмъ простолюдинъ, сказалъ:

— Но вѣдь въ Пирке-Аботъ сказано, что «если трое ѣли за однимъ столомъ и не говорили при томъ словъ ученія, то они все равно, что ѣли изъ жертвоприношеній мертвымъ».

— Это такъ,—возразилъ гость съ апломбомъ,—но, во первыхъ, раби Акиба изъ Бартинора замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что затрапезная молитва заступаетъ мѣсто словъ ученія, а, во вторыхъ, если вамъ желательны слова ученія, то и скажемъ слова ученія.

— Извольте, извольте, — проговорилъ переплетчикъ, любовно поглаживая руку своего гостя и весьма довольный, что услышитъ пробу его учености.

Гость крякнулъ, поправилъ очки и шляпу и экспромтомъ началъ проповѣдь по всѣмъ правиламъ искусства синагогальныхъ проповѣдей. Онъ говорилъ гладко, плавно, не запинаясь, не останавливаясь ни на одну минуту, чтобы подумать, сыпалъ цитатами изъ талмуда, мидрашимъ, комментаторовъ,

глоссаторовъ и другихъ богословскихъ книгъ, точно все это заранѣе было имъ приготовлено и заучено наизусть. И это дѣйствительно было имъ заранѣе приготовлено: проповѣдь была прямо взята изъ книги «Вино-Лавтимъ», стараго сборника талмудическихъ проповѣдей, котораго, какъ онъ вѣрно разсчиталъ, переплетчикъ никогда въ глаза не видалъ, даромъ что онъ претендовалъ на ученость. Этотъ маневръ вполнѣ удался хитрому ешиботнику: переплетчикъ пришелъ въ такой восторгъ, такой экстазъ, что бросился обнимать и цѣловать своего гостя.

— Я увѣренъ,—провозгласилъ онъ тономъ глубоко-убѣжденнаго,—я увѣренъ, что вы будете море-героэ во Израилѣ и получите званіе морейну. Вася,—обратился онъ къ женѣ,—дай намъ еще по рюмочкѣ вина, будемъ пить здоровье будущаго раввина, да здравствуетъ онъ сто двадцать лѣтъ!

Такъ умилялся, восхищался и благодушествовалъ ребъ Шмуль Стоклишкеръ, отчасти и жена его, во время второй и третьей субботней трапезы, за которыми дорогой гость, исправно уплетая за обѣ щеки все, что подавалось къ столу, исподоволь развертывалъ предъ благоговѣющимъ предъ еврейской наукой переплетчикомъ весь запасъ своихъ талмудическихъ познаній. Одна только Мэрка оставалась хладнокровной и равнодушной ко всему происходившему, не восхищаясь ни гостемъ, ни его премудростью. Когда же она случайно кидала взглядъ на гостя, то проникалась какимъ-то безотчетнымъ къ нему отвращеніемъ, и ей немало труда стоило не давать этому чувству слишкомъ явно выступать наружу.

На слѣдующій день, въ воскресенье, когда Мэрки не было дома, переплетчикъ сказалъ своей женѣ:

— Прошу теперь Бога объ одномъ: чтобы Онъ мнѣ помогъ завербовать это «сокровище» въ нашъ домъ, тогда и умру спокойно, ибо я буду знать, что наше дорогое дитя — за великимъ во Израилѣ. А что онъ будетъ великъ, такъ въ этомъ и сомнѣваться нечего, потому—онъ еще такъ молодъ, а уже такая голова на немъ сидитъ! Кстати, сколько денегъ у Мэрки въ сберегательной кассѣ?

— Около двухъ сотъ рублей.

— Это очень мало. Но надобно будетъ сдѣлать усиліе и достать, хоть на большіе проценты, по крайней мѣрѣ рублей триста или четыреста, тогда и можно будетъ взяться за дѣло. Хорошо то, что *онъ* никуда не ходитъ, ни съ кѣмъ не знакомится, избѣгаетъ людей, а все сидитъ въ нашей молельнѣ и учится. Не то,—его подхватили бы сваты и закрутили бы. Но я до этого не допущу. Этотъ кусокъ долженъ достаться намъ. А по субботамъ онъ всегда долженъ быть нашимъ гостемъ. Да, Бася?

— Это можно,—отвѣтила Бася.—Однимъ человѣкомъ за субботнимъ столомъ больше неразсчетъ. Богъ поможетъ, не разоримся.

Прошло около мѣсяца, во время котораго будущее величіе Израиля было уже четыре раза субботнимъ гостемъ въ семействѣ ребъ Шмуля Стоклишкера. Хотя родители ничего еще не говорили Мэркѣ объ ожидающемъ ее счастіи, для заполученія котораго они уже стали дѣлать первые шаги, но дѣвушка сама уже догадалась объ этомъ и сообщила Хонону.

Въ первую минуту бѣдный бахуръ чуть не обезумѣлъ отъ ошеломляющаго сообщенія, но тотчасъ успокоился немного на основаніи того соображенія, что если она сказала ему объ угрожающей опасности и притомъ тономъ глубокой грусти, значитъ она за него, Хонона, а не за того, незнакомца. И на самомъ дѣлѣ, хотя Мэрка была вообще равнодушна къ подмастерью, была ему другомъ, но никакой нѣжности къ нему не чувствовала, — но, когда ей, повидимому, предстоялъ выборъ между Хинономъ и незнакомцемъ, сердце ея вдругъ заговорило за Хонона, и только за него. За него заговорили ихъ давнишнее знакомство и оказанныя имъ ей услуги, и его пламенная къ ней любовь, и всѣми признаваемая за нимъ честность, да онъ вообще показался ей теперь гораздо пріятнѣе и красивѣе незнакомца, черты лица котораго были какъ-то неуловимы, неопредѣленны.

— Женихъ!—воскликнулъ Хононъ, когда выслушалъ сообщеніе Мэрки.—Кто онъ такой? Откуда онъ?

— Откуда—не знаю; знаю только, что онъ ешиботникъ.

— Ешиботникъ! О, нынѣшніе ешиботники — опасный на-

родъ. Много теперь между ними бродягъ и негодяевъ, женящихся въ одномъ городѣ и удирающихъ въ другой, гдѣ они женятся на второй, не разведшись съ первой женой. Всѣ еврейскія газеты наполнены объявленіями покинутыхъ женъ, отыскивающихъ по всему міру своихъ сбѣжавшихъ мужей, которые въ каждомъ городѣ принимаютъ новую фамилію, выставляютъ новые документы и дѣлаютъ разныя пакости. И все это—ешиботники или вообще бѣдные бахуры, которые только терлись около ешиботовъ, ничему не учились, ни къ чему не способны, а потому имъ ничего больше не остается, какъ бродяжничать и обманывать еврейскихъ дочерей и ихъ родителей.

— Но *тотъ*, какъ говоритъ отецъ, большой ламданъ.

— Это ничего не значитъ: можно быть большимъ ламданомъ и большимъ подлецомъ. Между нынѣшними ламданами честный человѣкъ и честный еврей — большая рѣдкость. Теперь не то, что было когда-то. Почти всѣ нынѣшніе перекресты—изъ ламдановъ и большими врагами евреямъ дѣлаются.

— Такъ *тотъ*, можетъ быть, тоже такой?—пренаивно спросила дѣвушка.

— Я этого не говорю,—отвѣтилъ прямой Хононъ,—я его не знаю. Можетъ быть, онъ даже очень честный человѣкъ. Но я хотѣлъ только спросить тебя, позволяешь ты ли мнѣ подослать свата къ твоимъ родителямъ, дабы узнать, что они думаютъ?

— Да, позволяю,—отвѣтила дѣвушка рѣшительно.—Хотя *онъ*, можетъ быть, и честный человѣкъ, и большой ламданъ, но онъ мнѣ противенъ, я его не хочу, ни за что не хочу.

— А что, если родители, не смотря на твое нежеланіе, заставятъ тебя за него выйти?

— Заставятъ?—переспросила дѣвушка, поблѣднѣвъ.—Тогда... тогда я ей-богу не знаю, какъ будетъ. Но ты посылай свата, и поскорѣе, потому замѣчаю, что родители торопятся моимъ замужествомъ. Они отъ меня таятся, но я замѣчаю.

Нѣсколько дней спустя, къ ребъ Шмулю Стоклишкеру явился сватъ.

— Вы, ребъ Шмуль, кажется, должны знать меня не-

множко,—началъ гость въ видѣ вступленія.—Я одно время молился въ вашей молельнѣ.

— Можетъ быть, я этого не помню, — отвѣтилъ ребъ Шмуль.—Мало ли людей у насъ молятся? Помнить всѣхъ нѣтъ возможности.

— Нѣтъ ли у васъ понюшки табаку?

— Извольте,—сказалъ р. Шмуль, вынимая и поднося гостю свою табакерку.

— А вы все еще состоите старостой въ вашей молельнѣ?

— Да; братчики пристаютъ, просятъ, не могу отказать.

Пауза, во время которой гость медленно нюхалъ табакъ и собирался съ мыслями.

— Вы третьяго дня были въ большой синагогѣ на «Іонъ-кипуръ-котонъ?»—опять началъ гость все въ видѣ вступленія.

— Нѣтъ, а что?

— Жаль: нашъ р. Лейбеле—да здравствуетъ онъ! — произнесъ отличную проповѣдь, всѣ плакали навзрыдъ. Что бы ни говорили его недоброжелатели, а онъ великій проповѣдникъ.

— И я это говорю. Жаль только, что онъ шепелявитъ и аикается немножко.

— Это ничего; всѣ, однакоже, понимаютъ его, пойметъ и дитя.

Опять пауза, во время которой гость опять взялъ у р. Шмуля онюшку табаку.

— А я къ вамъ, р. Шмуль, по дѣлу,—опять началъ гость, чихнувъ.

— Извольте, послушаемъ,—проговорилъ переплетчикъ, собираясь слушать.

— У васъ, я слышалъ, есть товаръ, а у меня есть купецъ?

Переплетчикъ взглянулъ съ недоумѣніемъ на гостя.

— Я сватъ, — разрѣшилъ тотъ недоумѣніе переплетчика.—Пришелъ предложить вамъ партію для вашей дочери, да здравствуетъ она. Отличная партія, лучшей и не надо: Говорю вамъ сущую правду; преувеличиватъ, подобно другимъ сватамъ, я не люблю. Да я по профессіи совсѣмъ не сватъ, а даю на прокатъ, для пиршествъ, столовую посуду. Сватовствомъ занимаюсь только при случаѣ, когда знакомые попросятъ, а то—храни Богъ, да и жена заѣла бы.

— Послушаемъ, однакоже, кто вашъ купецъ,—полюбопытствовалъ переплетчикъ, хотя онъ напередъ зналъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, такъ какъ онъ уже намѣтилъ себѣ купца для своего товара.

— Это, я долженъ вамъ сказать, такой бахуръ, которому было бы прилично быть зятемъ очень большаго гвира. Честный, набожный, умный, знакомый съ книгой, изъ хорошаго семейства, одѣтый и обутый какъ графъ, пятьсотъ рублей чистогана, какъ одинъ грошъ, и.... талантъ въ рукѣ.

— То есть, ремесленникъ?

— Да, но очень чистое ремесло: перчатки умѣетъ дѣлать.

— Не называется ли онъ Хонономъ?

— Да, и еще вамъ скажу, что его тетка съ отцовской стороны была за роднымъ племянникомъ внука стараго Радошковическаго раввина, блаженной памяти. Словомъ, прекрасное семейство, прекрасная родня. Что вы на это скажете, р. Шмуль?

— А то скажу, что я этого бахура немножко знаю и ничего противъ него не имѣю: онъ, какъ я слышалъ, честный, хорошій бахуръ. Но дѣло въ томъ, что я имѣю для своей дочери другіе виды. И откровенно вамъ скажу, я свою дочь вообще за ремесленника не выдамъ.

— Ремесленника?—переспросилъ сватъ.—Такъ онъ не будетъ ремесленникомъ. Развѣ ремесло на лбу написано? Пятьсотъ рублей есть у него, двѣсти—триста дадите вы, такъ они откроютъ себѣ торговлю и, Божьею помощью, будутъ имѣть чѣмъ жить, и ему не нужно будетъ шить перчатки.

— Это, пожалуй, такъ. Но коротко вамъ скажу: у моей дочери уже есть женихъ, а потому я о другой партіи и говорить не долженъ.

— Ну, это уже дѣло другого рода,—сказалъ сватъ, поднимаясь со своего мѣста.—Дай Богъ вамъ счастья, какъ вы сами себѣ желаете. Однакожъ, какъ говорятъ, пока не стояли подъ балдахиномъ, женихъ и невѣста чужды другъ другу и все можетъ случиться: женихъ можетъ сдѣлаться женихомъ другой невѣсты, а невѣста—невѣстой другого жениха.

— Зачѣмъ это гаданье?—замѣтилъ переплетчикъ съ неудовольствіемъ.

— Я, сохрани Богъ, не гадаю, а только хотѣлъ вамъ сказать, что если вамъ встрѣтится во мнѣ надобность, то вы между ранней вечерней и поздней всегда можете найти меня въ мясницкой молельнѣ. Затѣмъ, прощайте и извините, что напрасно обезпокоилъ васъ. Купишь не купишь, а поторговаться не мѣшаетъ. Кстати возьму у васъ на дорогу еще одну понюшку табаку.

— Даже двѣ.

По уходѣ свата, р. Шмуль Стоклишкеръ крѣпко задумался.

— Когда уже до того дошло,—разсуждалъ онъ про себя,— когда этотъ письмописецъ, этотъ перчаточникъ уже сватовъ подсылаетъ, то зѣвать нельзя, а надо дѣйствовать, а то онъ мнѣ дѣвку совсѣмъ съ пути собьетъ, и потомъ возись съ нею.

Прежде всего настроилъ онъ шамеса управляемой имъ молельни, чтобы тотъ осторожно позондировалъ Яковъ-Лейзера, это будущее величіе Израиля, дабы узнать, что онъ вообще думаетъ о женитьбѣ, можно ли предложить ему партію, а если можно, то какого онъ мнѣнія о партіи съ дочерью р. Шмуля Стоклишкера, котораго онъ уже достаточно знаетъ. Оказалось, что Яковъ-Лейзеръ отъ женитьбы вообще не прочь, а породниться съ р. Шмулемъ Стоклишкеромъ ему было бы пріятно, потому семейство хорошее, а противъ дѣвушки онъ ничего не имѣетъ. Но до сватьбы ему необходимы нѣкоторыя средства, эдакъ рублей пятьдесятъ-шестьдесятъ, дабы онъ могъ съѣздить къ одному знаменитому раввину для полученія отъ него рукоположенія (смиха).

— Не хочу идти подъ балдахинъ, не имѣя за пазухой диплома на званіе раввина,—сказалъ онъ въ заключеніе своей интимной бесѣды съ шамесомъ.—Если р. Шмуль дастъ мнѣ требуемыя средства, то я съ удовольствіемъ готовъ быть его зятемъ. Вы такъ ему и скажите: только пятьдесятъ-шестьдесятъ рублей, я даже согласенъ, чтобы это было за счетъ приданаго.

Переплетчикъ нашелъ это условіе резоннымъ и въ порядкѣ вещей и готовъ былъ дать Яковъ-Лейзеру требуемыя средства; но счелъ, однакоже, нужнымъ посовѣтоваться съ женой. Бася,

какъ болѣе разсудительная и осторожная, была противъ этого условія.

— Нѣтъ, Шмуль,—сказала она,—такъ не дѣлаютъ. Кто бы онъ ни былъ, а давать ему денегъ впередъ не слѣдуетъ. Мало ли что можетъ случиться? Пока онъ не стоялъ съ нашей дочерью подъ балдахиномъ, онъ намъ совершенно чужой. По нынѣшнему времени, осторожность совсѣмъ, совсѣмъ не мѣшаетъ. Притомъ пятьдесятъ рублей для насъ—деньги, не богачи-же мы.

Р. Шмуль, подумавъ, нашелъ, что жена дѣло говоритъ.

— Ты права, Бася,—сказалъ онъ,—но что мы будемъ дѣлать, когда онъ заупрямится, будетъ настаивать на своемъ условіи?

— Такъ нужно растолковать ему, что онъ требуетъ невозможнаго. Не глупъ же онъ, вѣроятно, пойметъ.

Яковъ-Лейзеръ дѣйствительно понялъ, тѣмъ болѣе, когда увидѣлъ, что переплетчикъ твердо стоитъ на своемъ. Поломавшись, поторговавшись немного, онъ отъ своего условія отсталъ.

Тогда вторымъ дѣломъ ребъ Шмуля было взять Мэрку изъ мастерской, дабы положить конецъ ея знакомству и ежедневнымъ свиданіямъ съ Хонономъ.

— Ну, ужъ будетъ тебѣ учиться,—сказалъ онъ ей,—ты перчаточницей во всякомъ случаѣ не будешь. Зачѣмъ-же понапрасну портить себѣ глаза?

Мэрка вспылила и стала артачиться.

— Что же я буду дѣлать дома?—воскликнула она со слезами на глазахъ.—Я-же съ ума сойду отъ скуки.

— Ничего, доченька,—утѣшалъ ее отецъ,—тебѣ некогда и скучать будетъ: мы, Божьею помощью, вскорѣ замужъ тебя выдадимъ въ добрый часъ, а замужней и скучать некогда.

— Замужъ?—еще громче воскликнула дѣвушка.— Не хочу я замужъ! мнѣ еще рано замужъ! могу посидѣть еще нѣсколько лѣтъ.

— Вотъ это-то и доказываетъ, что тебѣ, доченька, уже пора замужъ, хе, хе, хе,—добродушно шутилъ переплетчикъ.

— Не за косы-же вы потащите меня подъ балдахинъ.

— Зачѣмъ за косы, мы тебя въ добрый и счастливый часъ поведемъ подъ ручку, какъ Богъ велѣлъ. Хазанъ будетъ пѣть, музыканты играть, а друзья радоваться.

— Ужъ мы это увидимъ.

— Само собою разумѣется.

Л. Леванда.

(Окончаніе слѣдуетъ).

***

Зачѣмъ отравили вы пѣсню мою?..
На свѣтломъ просторѣ полей
Я вышелъ на встрѣчу весеннему дню
Со скромною лирой своей,
Чтобъ у вѣтровъ степныхъ,
У потоковъ лѣсныхъ
Взять созвучья живыя для пѣсенъ моихъ.

Я видѣлъ, какъ гасла звѣзда за звѣздой
На пологѣ темныхъ небесъ,
Туманы клубились надъ свѣтлой водой,
Задумчиво хмурился лѣсъ,
И по нивамъ порой,
Подъ румянной зарей
Пробѣгалъ и сверкалъ переливъ золотой.

Я слышалъ, какъ вѣтры летятъ по волнамъ,
Какъ вешнія грозы гремятъ,
Орлы, подымаясь со скалъ къ облакамъ,
Крылами въ пространствѣ шумятъ,—
И лились, и текли
По широкой степи,
Полны жизни и радости, пѣсни мои...

Теперь... Предо мною раздольная степь
Все также свѣтла, широка
И горъ изумрудныхъ зубчатая цѣпь
И лентой сребристой рѣка,
И шумя, и блестя,
Золотыя поля
Вѣютъ жизнью и волей былой на меня.

Но тщетно ищу я душою больной
Отрады исчезнувшихъ дней...
И стонетъ, и рвется струна за струной
Подъ слабой рукою моей...
Чьи-то слезы блестятъ,
Чьи-то стоны звучатъ:
„Братъ нашъ! Бѣдный, измученный братъ!

Намъ душно... намъ страшно... Ты видишь-ли, братъ,
Какъ врагъ нашъ ликуетъ кругомъ...
Ты слышишь, какъ наши оковы гремятъ...
Мы гибнемъ во мракѣ глухомъ...
Ни зари, ни пути,
Ни луча впереди..."
О, зачѣмъ отравили вы пѣсни мои!...

С. Фругъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

ПЛАНЪ ОСНОВАНІЯ ЕВРЕЙСКАГО ШТАТА ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ ВЪ 1825 ГОДУ.

Въ настоящее время на территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ находится около полумилліона евреевъ. Въ 1878 году, согласно точнымъ статистическимъ даннымъ, ихъ числилось тамъ всего 330,000. Усиленное эмиграціонное движеніе русскихъ евреевъ, вызванное печальными событіями послѣднихъ лѣтъ, увеличило еврейское населеніе Соединенныхъ Штатовъ почти на двѣсти тысячъ человѣкъ. Движеніе это хотя и утратило въ послѣднее время ту напряженность, ту лихорадочность, которою оно отличалось года четыре тому назадъ, тѣмъ не менѣе еще лишилось своей энергіи, своего внутренняго мотива. Наоборотъ, мы замѣчаемъ, что оно изъ года въ годъ все болѣе регулируется, принимаетъ опредѣленные размѣры и стремится стать такимъ же постояннымъ, правильно повторяющимся явленіемъ, какимъ сдѣлалась, напримѣръ, эмиграція нѣмцевъ и ирландцевъ. Газеты недавно оповѣстили, со словъ оффиціальнаго «Варшавскаго Дневника», что въ минувшемъ 1885 году *изъ Привислянскаго края и западныхъ губерній* эмигрировало заграницу и, главнымъ образомъ, въ Сѣверо-Американскіе Штаты 20,150 евреевъ *. Эту цифру придется значительно увеличить, если принять во вниманіе, что южныя и юго-западныя губерніи (подъ «западными губерніями» оффиціальный источникъ, повидимому, подразумѣваетъ только сѣверо-западный край — Литву и Бѣлоруссію) также даютъ еже-

* Ср. „Нед. Хрон. Восхода“ с. г. № 10.

годно большой контингентъ переселенцевъ-евреевъ. Если эмиграція и впредь будетъ продолжаться въ такихъ же размѣрахъ, то не далеко, пожалуй, то время, когда весьма замѣтная часть свободныхъ американскихъ гражданъ будетъ состоять изъ евреевъ—пасынковъ стараго свѣта. При такомъ ходѣ дѣлъ весьма возможно, что въ одномъ изъ 38 штатовъ, составляющихъ великую заатлантическую республику, получитъ численное преобладаніе еврейскій элементъ, который въ такомъ случаѣ будетъ пользоваться, помимо общеполитическихъ правъ, неограниченнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ, предоставляемымъ американскою конституціею всякому штату. И такимъ образомъ на берегахъ Миссисипи измученный Израиль (или, точнѣе, нѣкоторая его часть) могъ бы естественнымъ путемъ обрѣсти тотъ покой, котораго вотъ уже два тысячелѣтія тщетно ждетъ онъ на берегахъ Іордана...

Но если намъ въ настоящее время, при быстромъ развитіи путей сообщенія и средствъ колонизаціи, такое явленіе представляется совершенно естественнымъ и постепенно осуществимымъ, то лѣтъ 60 тому его считали чѣмъ-то необыкновеннымъ и обусловливали его осуществленіе только чрезвычайными, экстраординарными мѣрами. Къ такого рода мѣрамъ прибѣгнулъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія одинъ богатый американецъ-еврей, задавшійся смѣлою для того времени идеею—образовать въ Сѣверной Америкѣ такой штатъ, населеніе котораго состояло бы исключительно изъ евреевъ и который, будучи членомъ сѣверо-американскаго союза, пользовался бы вмѣстѣ съ тѣмъ полною внутреннею автономіею. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, но въ свое время она надѣлала очень много шуму, и вѣсть о ней, сообщенная газетами, облетѣла весь міръ. Предъ нами лежитъ теперь современный документъ, обстоятельно излагающій исторію этого событія. Онъ помѣщенъ въ еврейскомъ ежегодникѣ «Bikure ha-itim» 1826 года * и озаглавленъ: «Событіе дня: по-

---

* *Bikure ha-itim*: Erste Früchte der Zeiten; Neujahrsgeschenk zur Belehrung und Unterhaltung für gebildete Israeliten. Wien. 1826. Сборникъ этотъ издавался ежегодно въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ тогдашними піонерами новаго еврейскаго просвѣщенія («Мендельсоновскою школою») и имѣетъ важное историческое значеніе, такъ какъ онъ положилъ основаніе новоеврейской просвѣтительной литературѣ.

сланіе сэра Мардохая Эмануила Ноаха ко всѣмъ евреямъ, живущимъ въ четырехъ частяхъ свѣта;» въ примѣчаніи къ этому заглавію значится: «Приведено изъ новѣйшихъ газетъ». Исторія этого оригинальнаго событія чрезвычайно интересна, и мы считаемъ нелишнимъ изложить ее здѣсь вкратцѣ *.

Чтобы понять, при какихъ условіяхъ задумано было вышеупомянутое предпріятіе, необходимо знать, что въ первой четверти настоящаго вѣка въ Америкѣ находилось самое ничтожное количество евреевъ, не смотря на то, что начало ихъ колонизаціи въ Новомъ Свѣтѣ восходитъ къ сравнительно раннему времени — къ XVII вѣку. Еще въ 1642 году колонія изъ 600 голландскихъ и португальскихъ евреевъ утвердилась въ Бразиліи. Спустя нѣсколько лѣтъ (около 1651 г.), бóльшая часть этой колоніи покидаетъ Бразилію, перешедшую тогда изъ рукъ голландцевъ въ руки фанатическихъ португальцевъ, и поселяется въ Сѣверной Америкѣ, въ Новомъ Амстердамѣ, нынѣшнемъ Нью-Іоркѣ. Съ этого времени Южная Америка перестаетъ быть пунктомъ колонизаціи для прибывающихъ изъ Европы евреевъ, и послѣдніе поселяются исключительно въ разныхъ городахъ Сѣверной Америки. Въ концѣ XVII вѣка мы находимъ значительную еврейскую общину въ Нью-Портѣ, главномъ городѣ штата Грандъ-Айленда. Въ XVIII вѣкѣ еврейскіе эмигранты поселяются въ различныхъ англійскихъ владѣніяхъ. Въ Нью-Іоркѣ и Нью-Портѣ число ихъ въ это время становится уже довольно значительнымъ, судя по тому, что въ обоихъ этихъ городахъ воздвигаются большія синагоги (въ 1730 и 1763 г.). Конституція Соединенныхъ Штатовъ 1776 года предоставила евреямъ полную гражданскую равноправность — и это обстоятельство привлекло туда немало еврейскихъ колонистовъ изъ Германіи. Не смотря, однако, на все это, число евреевъ въ С. Америкѣ было въ началѣ настоящаго столѣтія очень ничтожно. Въ большей части штатовъ еврей встрѣчался въ видѣ исключенія. Какъ мало было въ то время евреевъ даже въ самыхъ

* Кромѣ упомянутаго современнаго источника, мы нигдѣ не нашли разсказа объ этомъ событіи. О немъ ничего не упоминается даже въ XI томѣ великаго труда Греца, содержащемъ новѣйшую исторію евреевъ.

крупныхъ штатахъ Сѣверной Америки, свидѣтельствуетъ между прочимъ слѣдующій, весьма правдоподобный анекдотъ. Въ городѣ Цинцинати первымъ—и долгое время единственнымъ—еврейскимъ поселенцемъ былъ англійскій еврей-часовщикъ Іосифъ Іонасъ, поселившійся тамъ въ 1816 году. Однажды какой-то подгородный фермеръ привезъ къ этому Іонасу часы для починки. Спустя нѣсколько дней, фермеръ опять заѣзжаетъ въ городъ, чтобы получить свои часы, но находитъ лавку часовщика запертою. Удивленный фермеръ, опасаясь, что его надулъ какой нибудь ловкій мошенникъ, бѣжитъ въ сосѣдній домъ и спрашиваетъ, почему это у часовщика лавка заперта. Тутъ ему разъяснили, что часовщикъ—еврей и по субботамъ (тотъ день былъ субботній) запираетъ свою лавку. Фермеръ возвращается домой и сообщаетъ о случившемся своей престарѣлой матери. Старуха была поражена открытіемъ, что существуютъ еще на свѣтѣ потомки тѣхъ евреевъ, о которыхъ она читала въ библіи, и пристала къ сыну съ просьбою, чтобы онъ ее въ слѣдующій разъ взялъ съ собою въ городъ, такъ какъ ей ужасно хочется посмотрѣть на еврея. Сынъ исполнилъ ея просьбу и спустя нѣсколько дней, привезъ ее въ домъ часовщика-еврея. «Неужели вы взаправду еврей и потомокъ ветхозавѣтнаго Авраама?»—спрашиваетъ его старуха, пристально глядя на него и не вѣря своимъ глазамъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ на свой вопросъ, она сложила свои руки, и благоговѣйно воздѣвъ очи къ небу, произнесла: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты хоть передъ смертью удостоилъ меня узрѣть одного изъ потомковъ Авраама!» *.

При такихъ-то именно обстоятельствахъ, въ головѣ одного выдающагося американскаго еврея созрѣлъ грандіозный планъ основанія еврейскаго штата въ Америкѣ. Мордохай Эмануилъ Ноахъ—такъ звали автора этого плана—былъ весьма вліятельное лицо въ Соединенныхъ Штатахъ. Одно время онъ занималъ постъ посланника Штатовъ при тунисскомъ деѣ и но-

* Подробно объ исторіи поселенія евреевъ въ Америкѣ смотри въ «Frankel's Monatsschrift für Wissenschaft und Geschichte des Judenthums» за 1863 г., а также статью «Истор. очеркъ поселенія евреевъ въ Америкѣ» въ «Разсвѣтѣ» 1882 г. №№ 20—21.

силъ также титулъ нью-іоркскаго шерифа. Въ 1825 году сэръ Эмануилъ задумалъ смѣлое предпріятіе. Онъ разослалъ къ крупнѣйшимъ еврейскимъ общинамъ Европы, Азіи и Африки длинное и велерѣчивое воззваніе, въ которомъ возвѣщаетъ о намѣреніи своемъ основать большой городъ въ штатѣ Грандъ-Айлендѣ, на берегахъ Ніагары, и приглашаетъ «всѣхъ евреевъ, разсѣянныхъ по земному шару», переселиться въ Америку и поселиться въ основываемомъ имъ городѣ. Въ началѣ воззванія Эмануилъ титулуетъ себя «Божіею милостію, правитель страны (штата?) и судья во Израилѣ». Извлеченіе изъ этого воззванія, помѣщенное въ вышеуказанномъ источникѣ, можетъ быть, не совсѣмъ точно передаетъ выраженія подлинника, но общій смыслъ послѣдняго въ немъ, конечно, сохранился; оно гласитъ такъ:

«Предлагаю, чтобы въ каждой общинѣ составлялся списокъ евреевъ (желающихъ переселиться въ Америку), съ опредѣленіемъ ихъ званія, возраста и рода занятій. Списки должны составляться раввинами, стоящими во главѣ каждой общины. Евреи, конечно, вольны оставаться въ тѣхъ странахъ, въ коихъ они живутъ, если они преданы народамъ и правительствамъ этихъ странъ, но по крайней мѣрѣ они не должны препятствовать переселенію въ Америку тѣхъ изъ своей среды, которые пожелаютъ туда переселиться, а, наоборотъ, всячески должны помогать такимъ переселенцамъ и поддерживать ихъ денежными средствами. Причемъ объявляется, что сумма, ежегодно жертвуемая евреями всѣхъ странъ въ пользу іерусалимскихъ евреевъ, и впредь будетъ выдаваться послѣднимъ. Каждому еврею, поселяющемуся въ Америкѣ, запрещается имѣть больше одной жены. Евреи чернокожіе (?), караимы и самаритяне, живущіе въ Остъ-Индіи и Африкѣ, а также тѣ, которые прибудутъ изъ Кохинхины и изъ Малабарскихъ острововъ,— всѣ они подлежатъ общимъ для всѣхъ евреевъ, поселяющихся въ новомъ штатѣ, законамъ. Что же касается тѣхъ отраслей еврейскаго племени, которыя живутъ на границахъ Америки и ведутъ свой родъ отъ десяти колѣнъ Израилевыхъ, изгнанныхъ изъ Ассиріи и разсѣянныхъ по различнымъ странамъ Азіи, то, представивъ свидѣтельства о своемъ происхожденіи, обрядахъ, молитвахъ

единому Богу, брачныхъ законахъ и всѣхъ прочихъ обычаяхъ, они могутъ возсоединиться со своими братьями-израильтянами, дабы сдѣлаться единымъ народомъ, возлюбленнымъ и избраннымъ Іеговою».

Далѣе, сэръ Эмануилъ предлагаетъ взимать въ пользу переселенцевъ съ каждаго еврея по три піастра, или по одному доллару. Дѣломъ эмиграціи завѣдываетъ главнымъ образомъ еврейская консисторія въ Парижѣ. Она же назначаетъ человѣка, управляющаго внутренними дѣлами новаго штата, для чего должна войти въ совѣщаніе съ представителями другихъ крупныхъ еврейскихъ общинъ. Далѣе перечисляются въ воззваніи имена тѣхъ лицъ, которыя взяли на себя завѣдываніе дѣломъ переселенія въ большихъ европейскихъ городахъ и въ важнѣйшихъ портахъ. Эти лица суть: раввинъ Авраамъ Деколоніо—въ Парижѣ, банкиры Андрада и Веніаминъ Градисъ—въ Бордо, раввинъ Гершель и банкиръ Мендецца—въ Лондонѣ, Ааронъ Нунецъ-Кордоццо — въ Гибралтарѣ, Авраамъ Бусакъ—въ Ливорно, докторъ правъ Эдуардъ Гансъ (очевидно, знаменитый юристъ и другъ Гейне) и профессоръ Цунцъ—въ Берлинѣ и Левъ Вольфъ—въ Гамбургѣ. Парижская консисторія имѣетъ право отрядить въ Сѣверную Америку трехъ агентовъ для разслѣдованія всего дѣла на мѣстѣ. Сэръ Эмануилъ заканчиваетъ свое посланіе призывомъ къ евреямъ, чтобы они взялись за честный производительный трудъ и жили скромно и честно, не стремясь къ наживѣ и къ роскоши. Причемъ онъ ихъ извѣщаетъ, что 7-го февраля 1826 года будетъ производиться (въ новомъ городѣ?) торжественное молебствіе, «въ ознаменованіе дня избавленія Израиля отъ всѣхъ его бѣдствій, какъ было предречено пророками».

Это воззваніе, какъ мы уже говорили, было разослано къ представителямъ всѣхъ крупнѣйшихъ еврейскихъ общинъ Стараго Свѣта, приблизительно въ концѣ 1825 года. Въ то же время нью-іоркскія газеты въ слѣдующихъ широковѣщательныхъ выраженіяхъ описывали дѣятельность сэра Эмануила: «Дщерь Израиля воскресаетъ! Еврейская нація подъемлется изъ праха! Духъ Божій воодушевилъ славныхъ мужей израильскаго вѣроисповѣданія на дѣло возрожденія Израиля. Они

уже пріобрѣли для этой цѣли обширныя земли въ штатѣ Грандъ-Айлендѣ; эти земли будутъ вѣчнымъ мѣстопребываніемъ сыновъ израилевыхъ. Стоящіе во главѣ этого предпріятія намѣрены построить въ означенномъ штатѣ большой городъ, подъ именемъ Араратъ, который будетъ столицею еврейскаго штата. Послѣдній не будетъ подчиненъ никакому другому правительству, кромѣ правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Настали, такимъ образомъ, дни обѣтованія: евреями управляютъ ихъ собственные судьи. Сэръ Мордохай Эмануилъ Ноахъ будетъ правителемъ новаго штата. Съ цѣлью увѣковѣчить это великое событіе, сэръ Эмануилъ Ноахъ и его почтенные коллеги пригласили всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, а также командующихъ войсками Сѣверо-Американскаго Союза на торжественный молебенъ въ синагогѣ (вновь выстроенной?). Тутъ лежалъ на столѣ огромный камень, и на немъ были вырѣзаны на библейскомъ языкѣ слѣдующія слова:

Слушай, Израиль, Богъ нашъ—Богъ единъ!
Араратъ, мѣсто убѣжища евреевъ, построенъ
Мордохаемъ Эмануиломъ Ноахомъ въ мѣсяцѣ Тишри
5585 года (30 сентября 1825 г.).
Въ пятидесятый годъ со времени освобожденія Сѣверной Америки.

«На столѣ стояла еще серебряная чаша, въ которой находились три вещи: мука, вино и масло. Когда молебствіе со всѣми его церемоніями было окончено, сэръ Мордохай Эмануилъ Ноахъ громко провозгласилъ съ амвона, обращаясь къ присутствующему народу: «Радуйся и ликуй, дщерь Израиля! Сегодня ты опять стала націею!»

Спустя нѣкоторое время, въ газетахъ появились сообщенія объ освященіи вновь основанной колоніи—Араратъ. Торжество освященія происходило также въ синагогѣ. На это торжество стекался народъ не только изъ ближайшихъ, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ, такъ что весь берегъ рѣки (Ніагары) былъ покрытъ массою людей, прибывшихъ для того, чтобы посмотрѣть церемонію освященія. «Судья» колоніи, Мордохай Эмануилъ Ноахъ, былъ одѣтъ въ вышитое шелковое платье, на шеѣ у него красовалась золотая цѣпь, на груди—золотая медаль. По обѣимъ сто-

ронамъ синагоги выстроились два ряда солдатъ (что-то въ родѣ почетнаго караула), и посреди нихъ торжественно шествовали въ синагогу участники церемоніи. Во время этого шествія хоръ музыкантовъ игралъ новый маршъ, названный маршемъ Іегуды Маккавея. Затѣмъ началось въ синагогѣ богослуженіе; оно состояло изъ чтенія славословій, псалмовъ и отрывковъ изъ книги Маккавеевъ (библейскаго апокрифа); читались также разныя соотвѣтствующія случаю главы изъ пророковъ; все это сопровождалось хоровымъ пѣніемъ. По окончаніи церемоніи, народъ оставилъ синагогу въ томъ же стройномъ порядкѣ, въ какомъ пришелъ. «Такъ,—заключаетъ газетный отчетъ,—завершилось это рѣдкое и оригинальное торжество освященія».

Что было дальше — намъ ничего неизвѣстно. Но если мы не имѣемъ о дальнѣйшей судьбѣ предпріятія Эмануила никакихъ положительныхъ данныхъ, то у насъ есть весьма достаточно отрицательныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что оно потерпѣло полное фіаско. Дальше широковѣщательныхъ воззваній и торжественныхъ церемоній это предпріятіе не пошло. На воззваніе Эмануила никто, повидимому, не откликнулся, или откликнулось всего нѣсколько лицъ. Организація переселенія, повидимому, весьма скоро распалась. Въ цитированномъ нами источникѣ говорится, что парижскій раввинъ Авраамъ Деколоніо (участвовавшій въ завѣдываніи дѣломъ эмиграціи, какъ сказано выше) впослѣдствіи объявилъ въ газетахъ отъ своего имени и отъ имени своего коллеги, лондонскаго раввина, что оба они отказываются отъ всякой солидарности съ предпріятіемъ Эмануила, которое они считаютъ и неосуществимымъ, и антирелигіознымъ (такъ, вѣроятно, думала вся ортодоксальная масса, которая видѣла въ предпріятіи американскаго еврея мессіаническія поползновенія). Въ настоящее время и самое названіе колоніи Араратъ не существуетъ, и память о ней совершенно исчезла; предано забвенію и имя смѣлаго инціатора... Исторія, однако, не должна забыть о грандіозной попыткѣ Мордохая Эмануила: она была несбыточна и утопична, кажется, гораздо болѣе по своей формѣ, нежели по своей идеѣ... С.

ЯКОВЪ ТИРАДО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ 2-й ПОЛОВИНЫ XVI СТОЛѢТІЯ.

Соч. Людвига Филиппсона *.

X.

Яхта быстро неслась впередъ среди ночного безмолвія; мѣсяцъ закатился; первые лучи утренней зари показались на небѣ, и ближайшія къ нимъ звѣзды начали блѣднѣть. Только рулевой со своими помощниками и вахтенными матросами оставались на палубѣ и бодрствовали; всѣ остальные обитатели судна заснули тѣмъ крѣпче, чѣмъ позже отправились они на покой. Вдругъ юнга, помѣщавшійся на вершинѣ мачты, крикнулъ изо всѣхъ силъ внизъ: „Эй, смотри, корабль! Совсѣмъ близко отъ насъ!“ Матросы обратили глаза къ указанному мѣсту, усмотрѣли приближавшійся корабль въ его смутныхъ очертаніяхъ, и одинъ изъ нихъ поспѣшилъ въ каюту разбудить капитана. Нѣсколько времени спустя, Тирадо появился на палубѣ и устремилъ проницательный взоръ въ нежданнаго гостя. Для нашихъ путешественниковъ очень благопріятно было то обстоятельство, что чужой корабль находился именно къ востоку отъ нашей яхты. Благодаря этому, его освѣщали первые утренніе лучи, и онъ явственно обрисовывался на свѣтломъ заднемъ фонѣ, между тѣмъ какъ „Марія-Нуньесъ“ была еще одѣта сумерками и оставалась такимъ образомъ невидимою для сосѣда. У Тирадо скоро не осталось никакого сомнѣнія на счетъ того, кто этотъ со-

---

* См. Восходъ кн. 5.

сѣдъ; конструкція, фигура, всѣ подробности свидѣтельствовали, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ яхты находился испанскій военный корветъ, появившійся здѣсь такъ не кстати. Еще нѣсколько наблюденій— и Тирадо убѣдился, что корветъ направился именно по линіи плаванія яхты и спустя немного времени долженъ былъ начать ее крейсировать. Скоро онъ сосчиталъ также по двѣнадцати орудій съ каждой стороны корабля и уже представлялъ себѣ ту печальную, зловѣщую рѣчь, которую они собирались повести съ нимъ.

Сердце Тирадо сильно забилось. Не боязнь, а тяжелое безпокойство овладѣло имъ. Ни на одну минуту не усумнился онъ въ крайней опасности, грозившей драгоцѣнному грузу его корабля. И это именно черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, когда передъ нимъ, подобно занимавшейся теперь утренней зарѣ, лучезарно взошла надежда на чудное блаженство! Но воспоминаніе объ этомъ, быстро и отрадно пробѣжавшее въ его сердцѣ, тотчасъ же воскресило его мужество и возбудило въ немъ истинно геройскую силу. Онъ жестомъ подозвалъ къ себѣ своего главнаго штурмана, чтобы обсудить съ нимъ положеніе дѣла. Тотъ, послѣ внимательнаго осмотра корабля, потвердилъ всѣ предположенія Тирадо. Послѣ недолгаго совѣщанія было рѣшено подвигаться впередъ, на встрѣчу непріятельскому кораблю.

— Я не думаю,—сказалъ Тирадо,—чтобъ намъ удалось обойтись безъ битвы, какой бы путь мы ни избрали. Вслѣдствіе ночной темноты мы, къ сожалѣнію, придвинулись слишкомъ близко къ непріятелю. Но, по моему мнѣнію, лучше ужъ сражаться лицомъ къ лицу, чѣмъ убѣгая. Поэтому надо скорѣй готовиться. Съ Божьею помощью, впередъ, товарищъ! Я и вы можемъ твердо положиться на себя!

Тирадо понималъ всю громадность своей отвѣтственности и нисколько не уменьшалъ передъ собою той опасности, въ которой очутились теперь донъ Антоніо, Марія Нуньесъ, Мануэль и всѣ, ввѣрившіе свою судьбу его энергіи и счастью. Но мысль, что не онъ вызвалъ эту опасность и что ему предстоитъ сражаться за самое дорогое для него, наполняла его душу пламенною самоувѣренностью. Нѣсколькими сло-

вами молитвы попросилъ онъ у Руководителя всѣхъ судебъ человѣческихъ благопріятствовать предстоящему дѣлу и охранять ихъ всѣхъ среди ужасовъ битвы—и принялся за работу.

Онъ велѣлъ распустить всѣ паруса, такъ что стройная яхта наклонилась подъ этимъ бременемъ и волны шумно забѣгали вокругъ кормы, точно сердясь, что незванный гость осмѣлился нарушить ихъ веселое, безмятежное спокойствіе. Нѣсколько минутъ спустя, яхта пріобрѣла необычайную легкость и полетѣла впередъ, какъ окрыленная вѣтромъ. Ящики съ оружіемъ, стоявшіе на палубѣ, раскрыли, оружіе оттуда вынули и разставили въ надлежащемъ порядкѣ, пушки зарядили. Между тѣмъ, главный штурманъ вызвалъ на палубу и собралъ весь экипажъ. Тирадо произнесъ къ нимъ горячую рѣчь, и такъ какъ и между матросами и между пассажирами не было ни одного человѣка, который не пожертвовалъ бы свободою и жизнью, чтобы не допустить испанцевъ до побѣды, то одушевленіе овладѣло всѣми, выразившись въ энергическихъ и воинственныхъ восклицаніяхъ. Тирадо давно уже предвидѣлъ возможность такого случая и потому раздѣлилъ своихъ людей на отряды, указалъ каждому его мѣсто и назначеніе и пріучилъ ко всему, что могло отъ нихъ потребоваться. Не было между ними ни одного, на котораго онъ не могъ бы вполнѣ разсчитывать. Когда все было устроено, онъ поручилъ Мануэлю отвести дона Антоніо и Марію Нуньесъ въ помѣщеніе подъ палубой, гдѣ они могли находиться въ наибольшей безопасности.

Четверть часа прошло въ робкомъ ожиданіи; теперь не трудно было видѣть, что разстояніе между обоими кораблями уменьшилось. На востокѣ становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе; вотъ на краю горизонта показался огненный шаръ и кинулъ золотые лучи на пѣнящіяся верхушки волнъ; атмосфера дѣлалась съ каждою минутой прозрачнѣе. Глаза всѣхъ на яхтѣ были устремлены на испанскій корабль. Вдругъ на немъ сверкнулъ огонекъ, показался маленькій клубъ дыма, пуля вылетѣла и шипя упала въ воду въ нѣсколькихъ шагахъ отъ яхты. Значитъ, яхту наконецъ замѣтили; этотъ выстрѣлъ былъ ей приказаніемъ остановить-

Теперь... Предо мною раздольная степь
Все также свѣтла, широка
И горъ изумрудныхъ зубчатая цѣпь
И лентой сребристой рѣка,
И шумя, и блестя,
Золотыя поля
Вѣютъ жизнью и волей былой на меня.

Но тщетно ищу я душою больной
Отрады исчезнувшихъ дней...
И стонетъ, и рвется струна за струной
Подъ слабой рукою моей...
Чьи-то слезы блестятъ,
Чьи-то стоны звучатъ:
„Братъ нашъ! Бѣдный, измученный братъ!

Намъ душно... намъ страшно... Ты видишь-ли, братъ,
Какъ врагъ нашъ ликуетъ кругомъ...
Ты слышишь, какъ наши оковы гремятъ...
Мы гибнемъ во мракѣ глухомъ...
Ни зари, ни пути,
Ни луча впереди...“
О, зачѣмъ отравили вы пѣсни мои!...

С. Фругъ.

сомъ въ море, вслѣдствіе чего такелажу предстояло скоро быть изрубленнымъ; отъ боковой обшивки корабля отлетѣли большіе куски, и слѣдовало каждую минуту ожидать, что будутъ нанесены еще болѣе опасныя раны. Но мужество Тирадо и его товарищей оставалось непоколебимымъ. Работа на яхтѣ продолжалась съ величайшею обдуманностью, причинявшіяся поврежденія исправлялись, насколько это было возможно сдѣлать въ нѣсколько минутъ и совершенно необходимо, раненыхъ относили въ сторону и перевязывали. По распоряженію Тирадо одно изъ трехъ остальныхъ орудій было съ невыразимыми трудностями перенесено на палубу, и онъ самъ направлялъ его. Безостановочно стрѣляли съ яхты изъ четырехъ орудій въ непріятеля и причиняли ему огромныя потери. Но вотъ одинъ залпъ попалъ въ руль корвета и сдѣлалъ его почти негоднымъ къ употребленію, и въ ту же минуту испанская канонада прекратилась. Люди Тирадо съ изумленіемъ побѣжали къ борту, и скоро загадка разъяснилась для нихъ. Испанцы спустили на воду двѣ большія лодки, и въ нихъ сошло много вооруженныхъ людей: они намѣревались взять приступомъ яхту, экипажъ которой, по ихъ соображеніямъ, не могъ быть значителенъ. Тирадо понялъ всю опасность этого нападенія. Онъ приказалъ главному штурману не упускать изъ виду по крайней мѣрѣ одну изъ этихъ лодокъ, и какъ только она подойдетъ на разстояніе выстрѣла, направить туда залпы всѣхъ орудій, чтобы пустить ее ко дну. Послѣ этого онъ собралъ вокругъ себя товарищей, чтобы мужественно ждать появленія экипажа другой лодки. И онъ стоялъ впереди всѣхъ, съ мечомъ въ правой рукѣ, пистолетомъ въ лѣвой, съ выпачканнымъ въ порохѣ лицомъ, съ воспламененными взглядами, когда легкая рука коснулась его плеча, и кроткій, взволнованный голосъ произнесъ:

— Тирадо, вы не ранены, здоровы?

Онъ страшно испугался, повернулся и увидѣлъ Марію Нуньесъ.

— Бога ради,—воскликнулъ онъ, увидѣвъ блѣдное, разстроенное лицо дѣвушки,—что привело васъ сюда, Марія Нуньесъ? Вѣдь вы здѣсь въ величайшей опасности, и ваше присутствіе пугаетъ меня, мѣ-

годно большой контингентъ переселенцевъ-евреевъ. Если эмиграція и впредь будетъ продолжаться въ такихъ же размѣрахъ, то не далеко, пожалуй, то время, когда весьма замѣтная часть свободныхъ американскихъ гражданъ будетъ состоять изъ евреевъ—пасынковъ стараго свѣта. При такомъ ходѣ дѣлъ весьма возможно, что въ одномъ изъ 38 штатовъ, составляющихъ великую заатлантическую республику, получитъ численное преобладаніе еврейскій элементъ, который въ такомъ случаѣ будетъ пользоваться, помимо общеполитическихъ правъ, неограниченнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ, предоставляемымъ американскою конституціею всякому штату. И такимъ образомъ на берегахъ Миссисипи измученный Израиль (или, точнѣе, нѣкоторая его часть) могъ бы естественнымъ путемъ обрѣсти тотъ покой, котораго вотъ уже два тысячелѣтія тщетно ждетъ онъ на берегахъ Іордана...

Но если намъ въ настоящее время, при быстромъ развитіи путей сообщенія и средствъ колонизаціи, такое явленіе представляется совершенно естественнымъ и постепенно осуществимымъ, то лѣтъ 60 тому его считали чѣмъ-то необыкновеннымъ и обусловливали его осуществленіе только чрезвычайными, экстраординарными мѣрами. Къ такого рода мѣрамъ прибѣгнулъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія одинъ богатый американецъ-еврей, задавшійся смѣлою для того времени идеею—образовать въ Сѣверной Америкѣ такой штатъ, населеніе котораго состояло бы исключительно изъ евреевъ и который, будучи членомъ сѣверо-американскаго союза, пользовался бы вмѣстѣ съ тѣмъ полною внутреннею автономіею. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, но въ свое время она надѣлала очень много шуму, и вѣсть о ней, сообщенная газетами, облетѣла весь міръ. Предъ нами лежитъ теперь современный документъ, обстоятельно излагающій исторію этого событія. Онъ помѣщенъ въ еврейскомъ ежегодникѣ «Bikure ha-itim» 1826 года * и озаглавленъ: «Событіе дня: по-

---

* *Bikure ha-itim*: Erste Früchte der Zeiten; Neujahrsgeschenk zur Belehrung und Unterhaltung für gebildete Israeliten. Wien. 1826. Сборникъ этотъ издавался ежегодно въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ тогдашними піонерами новаго еврейскаго просвѣщенія («Мендельсоновскою школою») и имѣетъ важное историческое значеніе, такъ какъ онъ положилъ основаніе новоеврейской просвѣтительной литературѣ.

Іисусе! Святая Дѣва не пускаетъ насъ сюда!“... Это Марія Нуньесъ, сама не сознавая, что̀ она дѣлаетъ, вышла изъ-за мачты и стояла посреди палубы, облитая лучезарнымъ свѣтомъ утренняго солнца, въ бѣлой одеждѣ, съ длиннымъ вуалемъ на головѣ, съ протянутыми впередъ руками, пылающимъ лицомъ, ярко сверкающими глазами. Суевѣрнымъ испанцамъ почудилось, что передъ ними сама небесная царица, сошедшая сюда, чтобы удержать ихъ отъ этой убійственной борьбы и взять подъ свою защиту это непріятельское судно, которое, не смотря на свою незначительную величину, почти чудомъ причинило уже имъ столько вреда. Нѣсколько минутъ они оставались точно прикованными на своихъ мѣстахъ: одни уже на бортѣ яхты, другіе—уцѣпившись за край, третьи—подъ ними, намѣреваясь тоже подняться. Но вотъ одинъ изъ нихъ крикнулъ: „Да что вы за вздоръ толкуете! Какая это Дѣва Марія! Дѣва Марія защищаетъ насъ, а не нашихъ непріятелей! Это или исчадіе ада, или обыкновенная женщина. Вотъ я вамъ сейчасъ покажу!“ И онъ прицѣлился изъ ружья въ Марію Нуньесъ. Въ это мгновеніе Тирадо кинулся на него и страшнымъ ударомъ меча отрубилъ у него руку. Въ ту же самую минуту товарищи Тирадо, успѣвшіе во время этой сцены собраться и приготовиться, напали на испанцевъ; началась страшная рѣзня. Тѣ, которые уже взобрались на яхту, были изрублены въ первой же схваткѣ, слѣдовавшіе за ними—сброшены внизъ. Но испанцы все продолжали подыматься, и часть ихъ воспользовалась общимъ смятеніемъ, чтобы влѣзть на заднюю часть судна и утвердиться тамъ. Одинъ юноша изъ людей Тирадо замѣтилъ это обстоятельство, и съ крикомъ: „непріятель здѣсь, за мною, братья!“ устремился на эту кучку. Пуля пронзила его грудь. Это былъ Іезурунъ, пѣвецъ. Видѣвшіе его паденіе воскликнули: „братъ Діего, братъ Діего!“ и ринулись на врага. И этотъ кликъ разносился теперь по всей яхтѣ и еще болѣе воспламенялъ сражавшихся. „Донъ Діего!“ повторяли всѣ, и подъ ударами мечей и палицъ испанцы падали одинъ за другимъ. Держаться противъ такого геройскаго мужества для нихъ оказалось наконецъ невозможнымъ; они увидѣли, что пришла ихъ погибель, и оставшіеся

еще въ живыхъ стали прыгать черезъ бортъ, чтобы опять попасть въ лодку... Напрасно: многіе падали прямо въ море, болѣе счастливые и оставшіеся въ лодкѣ тщетно старались разъединить ее съ яхтою, такъ какъ тому препятствовали абордажные крючки и канаты; а Тирадо, пользуясь этимъ, обстрѣливалъ испанцевъ въ лодкѣ такъ сильно и беспощадно, что они должны были наконецъ сдаться и запросить пардону. Ихъ заставили сложить оружіе и взлѣзть на яхту поодиночкѣ; тутъ ихъ связали и заперли въ люкъ. Сраженіе окончилось.

Потеря обѣихъ лодокъ и ихъ экипажа, множество поврежденій корвета и особенно руля — заставили испанскаго капитана отказаться отъ продолженія борьбы съ этою легкою и такъ героически защищаемою орѣховою скорлупой. Вѣдь онъ не зналъ, какое сокровище для короля Филиппа таила она въ себѣ и какую награду получилъ бы онъ, если бы доставилъ драгоцѣннаго плѣнника своему государю! Тирадо же и въ мысль не пришло рискнуть теперь самому напасть на корветъ и завладѣть имъ. Онъ напротивъ того приказалъ добавить у себя какъ можно больше парусовъ, чтобъ какъ можно скорѣе удалиться отъ непріятеля внѣ пушечнаго выстрѣла. Послѣ этого онъ поспѣшилъ позаботиться о мертвыхъ, распорядившись убрать ихъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи торжественно опустить на дно моря, и о раненыхъ, перевязывать которыхъ онъ самъ помогалъ врачу. Какъ обливалось кровью его сердце, когда ему приходилось при этомъ оплакивать столь многихъ не только изъ его храбрыхъ матросовъ, но и изъ друзей, которые, въ полномъ цвѣтѣ силъ и въ надеждѣ начать новую жизнь поплыли вмѣстѣ съ нимъ и теперь неожиданно нашли могилу въ волнахъ моря! Тирадо приказалъ также очистить палубу отъ всѣхъ слѣдовъ сраженія и вмѣстѣ со своимъ главнымъ штурманомъ тщательно осмотрѣлъ на яхтѣ всѣ потерпѣвшія поврежденія мѣста, чтобы немедленно приступить къ исправленію. Исполнивъ все это, онъ спустился въ каюту, гдѣ думалъ найти Марію Нуньесъ.

Какъ-то особенно сжималось его сердце на пути къ ней. Еще далеко не улеглось въ немъ страшное возбужденіе, вызванное недавнею

битвой, онъ еще вздрагивалъ отъ ужаса при воспоминаніи объ опасности, которая еще за нѣсколько минутъ до того грозила ему и всѣмъ его близкимъ, и изъ души его неслась благодарственная молитва за спасеніе, которое такъ очевидно послалъ имъ всеблагой Промыслъ. При этомъ онъ охотно сознавался также, что появленіе красавицы-дѣвы въ самую критическую минуту не осталось безъ благопріятнаго результата... Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что общность только что пережитыхъ тяжелыхъ минутъ образовала новую связь между нимъ и Маріею Нуньесъ, и то участіе, сопряженное съ презрѣніемъ къ смерти, которое она высказала относительно его, свидѣтельствовало ему о присутствіи въ ней чувства болѣе глубокаго, чѣмъ дружба и уваженіе. Но онъ не могъ и не имѣлъ права теперь медлить и колебаться—и вошелъ.

Когда Марія Нуньесъ увидѣла начало страшной рѣзни, она закрыла лицо руками и съ крикомъ ужаса устремилась въ свое убѣжище. Тутъ упала она на колѣни подлѣ дона Антонію и, ломая руки, молила небо о защитѣ и состраданіи. Мануэль, какъ только окончилась битва, въ которой онъ принималъ мужественное участіе, поспѣшилъ къ сестрѣ, чтобы сообщить ей о счастливомъ исходѣ, и отвелъ ее и глубоко встревоженнаго и испуганнаго священника въ ея каюту. Тутъ она опустилась въ кресло и впала въ совершенное изнеможеніе. Въ эту минуту вошелъ Тирадо. Донъ Антоніо поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и много и горячо благодарилъ за битву, проведенную такъ храбро и такъ счастливо, воздалъ полную справедливость отвагѣ и искуству, съ которыми Тирадо преодолѣлъ всѣ опасности, изобразилъ испытанныя имъ самимъ тревоги и упомянулъ о горячихъ молитвахъ, которыя онъ возсылалъ во время сраженія и которымъ внияло небо. Тирадо слушалъ его съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ, но не прерывалъ, какъ того требовало почтеніе къ высокому собесѣднику, и давалъ бѣглые отвѣты. Затѣмъ онъ повернулся къ креслу, въ которомъ лежала Марія Нуньесъ; но при первомъ же движеніи его она поднялась и пошла къ нему. Яркій румянецъ разлился по ея щекамъ, улыбка заиграла на розовыхъ губахъ, и взглядъ, полный нѣжнаго огня, остановился на человѣкѣ, стоявшемъ

передъ нею въ глубокомъ смущеніи и безъ словъ. Она протянула ему руку, которую онъ порывисто схватилъ, и сказала:

— Какъ счастлива я, что вижу васъ снова здѣсь, совершенно невредимымъ и полнымъ радости побѣдителя! Благодарю васъ, дорогой другъ, за все, сдѣланное вами для насъ!..

Тирадо поднесъ ея руку къ губамъ и отвѣчалъ:

— Вы сами, Марія Нуньесъ, служили намъ защитой, ваше присутствіе воодушевляло насъ и укрѣпляло наши руки. Дай Богъ, чтобъ это была не послѣдняя битва моя за васъ, но пусть это будетъ послѣдняя опасность, которой я васъ подвергаю!..

Но не успѣли они обмѣняться еще нѣсколькими словами, какъ новый сигналъ опять позвалъ Тирадо на палубу, возвѣстивъ ему, что снова случилось происшествіе, требовавшее его вниманія и дѣятельности.

Поднявшись вверхъ, Тирадо тотчасъ же увидѣлъ, что появился новый участникъ въ сценѣ, происходившей въ этомъ пунктѣ океана. Большой фрегатъ быстро приближался къ нимъ, имѣя на своей средней мачтѣ англійскій флагъ. Испанскій корветъ немедленно сталъ дѣлать всевозможныя усилія, чтобы уйти отъ опаснаго сосѣда, но скоро увидѣлъ, что они совершенно напрасны, и далъ знать сигналомъ, что сдается.

Но въ то же время англійскій фрегатъ послалъ и къ португальской яхтѣ требованіе остановиться и приглашеніе къ себѣ ея капитана. Тирадо, благодаря быстротѣ своего судна, безъ особеннаго труда могъ бы уйти отъ англичанъ. Но онъ сообразилъ, что ни ему, ни его спутникамъ нечего бояться этого фрегата и что, напротивъ того, дальнѣйшее плаваніе въ его компаніи окажется только выгоднымъ для нихъ, такъ какъ весьма возможно, что они встрѣтятся еще съ другими испанскими судами, борьба съ которыми была бы для Тирадо теперь уже совершенно немыслима. А такъ какъ при этомъ въ его планъ входило—до пріѣзда въ Нидерланды посѣтить Англію, то онъ рѣшилъ отправиться на англійскій фрегатъ. Съ этой цѣлью онъ надѣлъ мундиръ португальскаго

капитана, получивъ на то разрѣшеніе короля Антоніо, снарядилъ лодку и поплылъ къ фрегату. Англичане въ это время уже завладѣли испанскимъ кораблемъ и оставшимися въ живыхъ людьми и принялись за возможныя исправленія его, чтобы затѣмъ отвести въ какую нибудь англійскую гавань, какъ очень цѣнную добычу.

Тирадо привели къ капитану фрегата, командору Невиллю, герцогу Девонширскому. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ около тридцати, по внѣшнему виду лица истый англичанинъ. Стройная и костлявая фигура, продолговатое лицо, большіе голубые глаза, густые бѣлокурые волосы и густая борода ясно свидѣтельствовали о его національности. Аристократически величавый, отчасти даже надменно вытянутый и неповоротливый, онъ, однако, привѣтливо улыбнулся нашему герою и даже протянулъ ему руку.

— Вы, сэръ,—сказалъ онъ,—избавили насъ отъ значительной заботы и сдѣлали этотъ неуклюжій корветъ неспособнымъ какъ для сраженія, такъ и для бѣгства. Мы обязаны, поэтому, вамъ хорошимъ призомъ и постараемся по возможности доказать нашу благодарность. При незначительности вашего судна и малочисленности вслѣдствіе этого ея экипажа, эта побѣда приноситъ вамъ много чести. Будьте такъ добры, скажите мнѣ, кто вы, и сообщите коротко обо всемъ, происшедшемъ здѣсь.

Тирадо былъ въ высшей степени обрадованъ этимъ пріемомъ и этой похвалой и охотно исполнилъ желаніе герцога. Выслушавъ разсказъ, герцогъ сказалъ:

— Я радуюсь, что могу принять каждое слово ваше за вполнѣ согласное съ истиной; но тѣмъ болѣе должны вы позволить мнѣ спросить васъ: что̀ побудило васъ допустить вашу маленькую яхту до этой неравной, повидимому безнадежной для васъ битвы съ гордымъ испанскимъ кораблемъ? Португалія вѣдь подчинена въ настоящее время испанскому королю, и слѣдовательно вамъ не грозила бы никакая опасность, если бы вы сдались спокойно и безпрепятственно.

Тирадо, подумавъ нѣсколько минутъ, не нашелъ никакого основа-

нія скрыть истину отъ англичанина; онъ даже надѣялся этимъ способомъ получить возможность наиболѣе удобно и прилично ввезти царственнаго бѣглеца въ Англію. И онъ отвѣчалъ:

— Свѣтлѣйшій герцогъ, вы не сдѣлали бы мнѣ этого вопроса, если бы знали, кому имѣла честь дать пріютъ моя маленькая яхта. Путь мой лежалъ къ берегамъ Великобританіи, ибо въ одной изъ каютъ моего судна находится законный король Португаліи, донъ Антоніо. Послѣ того, какъ его войско было разбито, страна занята войсками Филиппа, а столица очутилась въ неминуемой опасности, онъ бѣжалъ изъ нея и, окруженный шпіонами, тѣснимый преслѣдователями, благополучно достигъ моей скромной яхты, чтобы на ней отправиться въ Англію и тамъ искать себѣ пріюта и, быть можетъ, помощи вашей великодушной королевы Елисаветы. Теперь вамъ извѣстно, почему мы не могли сдаться слугамъ испанскаго короля, почему мы были обязаны сражаться на жизнь и смерть. Какая участь ожидала бы плѣннаго короля, если бы онъ попалъ въ руки Филиппа—это я не имѣю надобности объяснять вамъ.

Командоръ былъ въ высшей степени изумленъ этимъ сообщеніемъ и тотчасъ же сообразилъ, какую важность должно было имѣть это событіе для британской политики. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ сказалъ:

— Знай я, какую тайну услышу отъ васъ, я, можетъ быть, не сталъ бы васъ разспрашивать, такъ какъ мнѣ неизвѣстно, какъ взглянетъ на это дѣло моя государыня, какое положеніе приметъ она относительно теперешнихъ отношеній между Испаніей и Португаліей, даже въ настоящую минуту, когда бѣглецъ-король ищетъ у нея пріюта и защиты. Но такъ какъ это уже сдѣлалось само собою, то я не имѣю права оставить дѣло безъ послѣдствій. Вы понимаете, однако, капитанъ, что я не могу оставить вашего высокаго гостя въ вашей яхтѣ; уже ради этикета обязанъ я перевезти его на свой фрегатъ. Обычай требуетъ также, чтобъ я лично представился дону Антоніо и просилъ его принять почетное мѣсто на моемъ суднѣ. Ему должны быть оказаны при этомъ всѣ требуемыя почести. Потрудитесь пожалуйста предварить о томъ

короля; но вы должны вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему понять, что я не имѣю права титуловать его величествомъ, такъ какъ не знаю, признала ли моя всемилостивѣйшая государыня его королевскій санъ.

— На этотъ счетъ, герцогъ, вы можете быть совершенно спокойны. Донъ Антоніо, бывшій до этихъ поръ такимъ же истиннымъ священникомъ, какимъ истиннымъ королемъ видимъ мы его теперь, положительно запретилъ оказывать ему какія бы то ни было монаршія почести во все время его изгнанія.

— Еще одинъ вопросъ, капитанъ: кто сопровождалъ его въ бѣгствѣ? кто находится вмѣстѣ съ нимъ на вашей яхтѣ?

Тирадо оставался нѣсколько минутъ въ нерѣшительности; потомъ отвѣчалъ менѣе спокойно и пристально глядя на герцога:

— Кромѣ экипажа тамъ находится нѣсколько молодыхъ людей, моихъ друзей, которые не захотѣли сносить испанское господство въ своемъ отечествѣ и ищутъ себѣ убѣжища въ другой европейской странѣ. Вы понимаете, что такое поспѣшное и тайное бѣгство могло состояться только въ самой скромной обстановкѣ. Лично короля сопровождаетъ только его племянница донья Марія Нуньесъ Родригецъ Гомецъ.

— Ну, это пустяки! — пренебрежительно замѣтилъ англичанинъ. — Ровно въ двѣнадцать часовъ я явлюсь, чтобы взять съ собой дона Антоніо. Что касается васъ, капитанъ Тирадо, и вашей яхты, то ее я, къ сожалѣнію, тоже принужденъ арестовать. Но я до такой степени довѣряю вамъ и чувствую потребность доказать вамъ это совершенно особеннымъ образомъ, что довольствуюсь вашимъ честнымъ словомъ — поплыть къ Лондону. Поэтому въ вашей волѣ — сопровождать мой фрегатъ, или ѣхать отдѣльно.

Тирадо поклонился.

— Благодарю васъ, господинъ командоръ, — сказалъ онъ; — даю слово и оправдаю ваше довѣріе. Но позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ. Насколько мнѣ извѣстно, ея британское величество не находится въ настоящее время въ войнѣ съ испанскимъ королемъ и еще не-

сѣдъ; конструкція, фигура, всѣ подробности свидѣтельствовали, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ яхты находился испанскій военный корветъ, появившійся здѣсь такъ не кстати. Еще нѣсколько наблюденій— и Тирадо убѣдился, что корветъ направился именно по линіи плаванія яхты и спустя немного времени долженъ былъ начать ее крейсировать. Скоро онъ сосчиталъ также по двѣнадцати орудій съ каждой стороны корабля и уже представлялъ себѣ ту печальную, зловѣщую рѣчь, которую они собирались повести съ нимъ.

Сердце Тирадо сильно забилось. Не боязнь, а тяжелое безпокойство овладѣло имъ. Ни на одну минуту не усумнился онъ въ крайней опасности, грозившей драгоцѣнному грузу его корабля. И это именно черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, когда передъ нимъ, подобно занимавшейся теперь утренней зарѣ, лучезарно взошла надежда на чудное блаженство! Но воспоминаніе объ этомъ, быстро и отрадно пробѣжавшее въ его сердцѣ, тотчасъ же воскресило его мужество и возбудило въ немъ истинно геройскую силу. Онъ жестомъ подозвалъ къ себѣ своего главнаго штурмана, чтобы обсудить съ нимъ положеніе дѣла. Тотъ, послѣ внимательнаго осмотра корабля, потвердилъ всѣ предположенія Тирадо. Послѣ недолгаго совѣщанія было рѣшено подвигаться впередъ, на встрѣчу непріятельскому кораблю.

— Я не думаю,—сказалъ Тирадо,—чтобъ намъ удалось обойтись безъ битвы, какой бы путь мы ни избрали. Вслѣдствіе ночной темноты мы, къ сожалѣнію, придвинулись слишкомъ близко къ непріятелю. Но, по моему мнѣнію, лучше ужъ сражаться лицомъ къ лицу, чѣмъ убѣгая. Поэтому надо скорѣй готовиться. Съ Божьею помощью, впередъ, товарищъ! Я и вы можемъ твердо положиться на себя!

Тирадо понималъ всю громадность своей отвѣтственности и нисколько не уменьшалъ передъ собою той опасности, въ которой очутились теперь донъ Антоніо, Марія Нуньесъ, Мануэль и всѣ, ввѣрившіе свою судьбу его энергіи и счастью. Но мысль, что не онъ вызвалъ эту опасность и что ему предстоитъ сражаться за самое дорогое для него, наполняла его душу пламенною самоувѣренностью. Нѣсколькими сло-

XI.

Командоръ Невиль, герцогъ Девонширскій, былъ старшій сынъ одного изъ старѣйшихъ домовъ крупной англійской знати. Англійская аристократія всегда умѣла соединять съ гордымъ сознаніемъ своихъ правъ и своего достоинства чувство долга и, сообразно высокому положенію своему въ обществѣ, являться первыми и дѣятельнѣйшими людьми на сушѣ и морѣ, въ государственномъ совѣтѣ и въ парламентѣ, въ церкви и наукѣ, во всѣхъ дѣлахъ, касающихся народа — и не отступать ни предъ какими жертвами и ни предъ какими усиліями для того, чтобы всюду удерживать за собой первенство. Отецъ герцога былъ любимцемъ дѣвственницы-королевы въ ея молодые годы, и это главнымъ образомъ потому, что онъ при большихъ заслугахъ своихъ обладалъ самою милою скромностью и никогда не обременялъ государыню различными притязаніями—добродѣтель, которая любимцамъ Елисаветы была наименѣе свойственна. По тогдашнему обыкновенію, онъ далъ своему сыну наилучшее воспитаніе, и молодой пэръ, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, пользовался въ Этонѣ и Оксфордѣ большими успѣхами, которые, впрочемъ, въ послѣднемъ городѣ омрачались иногда весьма безпутною жизнью. Онъ былъ еще очень молодъ, когда окончилъ университетскій курсъ и поступилъ въ придворный штатъ Елисаветы въ качествѣ пажа. Елисавета была очень расположена къ нему какъ ради его отца, такъ и благодаря привлекательнымъ достоинствамъ семнадцатилѣтняго юноши, съ которымъ она умѣла такъ хорошо бесѣдовать по латыни и предъ которымъ могла блистать своими солидными познаніями въ греческой литературѣ. Много труда поэтому нужно было приложить ему для того, чтобы хотя отчасти утратить эту благосклонность. Но чѣмъ старше становилась Елисавета, тѣмъ строже дѣлалась она въ отношеніи нравственности и приличій, и тѣмъ тщеславнѣе. Она любила окружать себя молодыми красавицами, но горе тому, кто видѣлъ не въ ней самое блестящее свѣтило этой плеяды, не къ ней одной относился съ поклоненіемъ, подобающимъ прелести и граціи; горе тому, кого уличали

въ волокитствѣ за какою нибудь изъ ея придворныхъ дамъ, или въ любовныхъ связяхъ съ нею. Правда, она имѣла — и соединеніе противорѣчій въ этой великой женщинѣ было не рѣдкостью — извѣстную склонность къ устройству браковъ, когда любезничанье молодыхъ людей заходило довольно далеко и они оказывались подходящими другъ къ другу, но тѣмъ сильнѣе ненавидѣла она пустое волокитство, а болѣе серьезные въ этомъ отношеніи шаги — и подавно. Тутъ она поступала круто, даже жестоко. Но при легкой нравственности молодого Невиля и его пылкомъ темпераментѣ, въ такихъ „шагахъ" не могло быть недостатка, да и осторожность отнюдь не принадлежала къ добродѣтелямъ молодого принца. При дворѣ Елисаветы шпіонство было достаточно развито, и этимъ путемъ до ея слуха скоро дошло, что впечатлительное сердце молодого Невиля, независимо отъ другихъ вѣтренностей его, обратилось къ одной изъ придворныхъ дамъ и попало въ оковы ея красоты и что она со своей стороны относилась къ нему не слишкомъ сурово. Елисавета потребовала къ себѣ своего пажа и пожурила его съ материнской нѣжностью. Но это мало помогло, и опасная игра продолжалась на глазахъ королевы. Приведенная этимъ въ крайнее негодованіе, Елисавета исключила влюбленную чету изъ своего придворнаго штата. Невиль скоро утѣшился, перешелъ въ морскую службу, и благодаря своей ловкости, познаніямъ и мужеству, быстро прошелъ первые чины. По смерти отца онъ незахотѣлъ оставить эту службу, съ которою совершенно сжился, и королева, примирившаяся съ нимъ по старой памяти и видя его успѣхи, поручила ему командованіе нѣсколькими изъ лучшихъ военныхъ судовъ. И герцогъ оправдалъ это довѣріе блестящимъ образомъ...

Знакомый со всѣми тонкостями и хитросплетеніями политики, онъ рѣшилъ оказать прежнему пріору монастыря, бѣжавшему королю португальскому, всевозможныя почести, нисколько не компрометируя при этомъ свою государыню и оставляя ей открытыми всѣ пути, какіе она пожелала бы избрать въ этомъ дѣлѣ. Было ясно, что этотъ донъ Антоніо со своими притязаніями могъ послужить англійской королевѣ хорошимъ орудіемъ противъ короля Филиппа, съ которымъ она находилась

если не въ открытой враждѣ, то въ полу-войнѣ. Но возможно было также, что она не найдетъ еще своевременнымъ произвести рѣшительный разрывъ съ Испаніей и поэтому не признаетъ, по крайней мѣрѣ покамѣсть, правъ дона Антоніо. Во всякомъ случаѣ, герцогъ зналъ, что не было ничего опаснѣе, какъ предупреждать рѣшеніе королевы, уничтожать для нея возможность выбора между тѣмъ или другимъ шагомъ.

Въ назначенный часъ командоръ приказалъ снарядить самымъ блестящимъ образомъ великолѣпную шлюбку. Дюжина матросовъ въ шелковыхъ красныхъ камзолахъ и бѣлыхъ панталонахъ, опоясанные шарфами цвѣтовъ королевскаго дома, были посажены въ нее вмѣстѣ съ маленькимъ оркестромъ; на полу разостланы драгоцѣнные ковры, посерединѣ сооруженъ великолѣпный балдахинъ, подъ которымъ помѣщены вышитыя шелками кресла. Герцогъ сошелъ въ шлюбку въ парадномъ мундирѣ, сопровождаемый своими старшими офицерами, раздались пушечные выстрѣлы и трубные звуки, и лодка отплыла отъ богато-изукрашеннаго флагами фрегата.

Тирадо сдѣлалъ и со своей стороны разныя приготовленія. Слѣды сраженія были, насколько это возможно, уничтожены, и яхта приведена въ нарядный видъ. Друзья и люди капитана выстроились въ два ряда, на мачтѣ подняты англійскій и португальскій флаги, и когда шлюбка приблизилась, ее привѣтствовали пушечными салютами и криками „ура". Тирадо почтительно привѣтствовалъ командора и его свиту и провелъ ихъ въ каюту, гдѣ Антоніо пошелъ къ нимъ на встрѣчу, между тѣмъ какъ Марія Нуньесъ и ея братъ оставались позади.

Простъ и величавъ былъ костюмъ дона Антоніо, простъ и исполненъ достоинства пріемъ, оказанный имъ герцогу. Въ немногихъ словахъ выразилъ онъ радость, которую доставила ему возможность принять у себя такого заслуженнаго офицера великой королевы англійской и главу такой знаменитой аристократической фамиліи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ засвидѣтельствовалъ свою готовность отдаться подъ защиту и покровительство первой и поручить себя руководству и указаніямъ второго. Ни тщеславная гордость саномъ, составлявшимъ предметъ его при-

тязаній, ни ложное смиреніе передъ постигшею его судьбой—не выражались въ его словахъ и жестахъ, и герцогъ, пораженный и обрадованный такимъ достоинствомъ и спокойствіемъ, въ соединеніи съ очаровательною привѣтливостью, отвѣчалъ, что онъ счастливъ представившимся ему случаемъ принять его королевское величество на фрегатъ англійской королевы и отвезти его на гостепріимный берегъ Англіи, и точно также умѣетъ цѣнить честь, незаслуженно доставленную ему этимъ счастливымъ событіемъ.

Послѣ этого донъ Антоніо повернулся и со свойственною южанамъ утонченною любезностью подвелъ герцога къ находившейся тутъ же дамѣ и представилъ его своей племянницѣ доньѣ Маріи Нуньесъ. Она все это время слѣдила за движеніями короля и какъ только замѣтила, что онъ повернулся къ ней, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. При этомъ весь свѣтъ, проникавшій въ каюту сквозь маленькія окошечки, упалъ на ея лицо и фигуру, и прелесть этого явленія такъ поразила не приготовленнаго къ тому молодого человѣка, что онъ въ первыя минуты находился въ полномъ смущеніи, механически отвѣсилъ предписанный этикетомъ поклонъ и былъ въ состояніи произнести только нѣсколько несвязныхъ словъ. Марія не могла не замѣтить этого, и яркій румянецъ разлился по ея лицу, сдѣлавшемуся отъ того еще прекраснѣе, если это было возможно. Нѣсколько минутъ спустя, герцогъ уже совершенно оправился и краснорѣчиво говорилъ о чести и счастіи, которыя доставитъ ему возможность принять и родственницу его августѣйшаго гостя на своемъ кораблѣ и предложить ей тамъ болѣе надежное и комфортное для дальнѣйшаго плаванія помѣщеніе.

Вмѣсто отвѣта, смущенная этими словами Марія Нуньесъ обратила взоръ къ Тирадо, который до этихъ поръ присутствовалъ при сценѣ пріема въ одномъ изъ угловъ каюты. Тревожное предчувствіе его на этотъ счетъ теперь осуществлялось. Онъ заранѣе зналъ, что пренебреженіе, высказанное командоромъ при сообщеніи о присутствіи на яхтѣ племянницы короля, превратится въ немъ въ восторгъ при видѣ чудной красавицы и уступитъ мѣсто рѣшенію перевезти на англійскій фре-

гатъ и Марію Нуньесъ. Поэтому такой оборотъ дѣла не столько удивилъ, сколько огорчилъ его, и вызвалъ въ его сердцѣ ту страсть, которая такъ родственна съ любовью, даже почти неразлучна съ нею. Но это сердце прошло такую хорошую школу, благодаря стольким испытаннымъ имъ превратностямъ судьбы, что Тирадо и въ эту критическую минуту не утратилъ самообладанія. Онъ выступилъ впередъ и сказалъ почти спокойнымъ тономъ:

— Герцогъ, это едва-ли возможно. Родители доньи Маріи Нуньесъ поручили ее и ея брата, дона Мануэля Перейру Гомемъ, — онъ указалъ на юношу,—моему особенному попеченію и личному надзору, и я отвѣчаю передъ этими родителями не только за благополучное плаваніе обоихъ, но и за все, чтб могло бы случиться съ ними въ пути. Поэтому, какъ ни высоко цѣню я благосклонное вниманіе вашей свѣтлости къ доньѣ Маріи Нуньесъ, но могу дать свое согласіе только въ томъ случаѣ, когда она и ея братъ положительно того потребуютъ.

Эти слова, произнесенныя столько же твердо, сколько и скромно, собственно не должны были бы обезпокоить герцога, такъ какъ они вполнѣ согласовались съ требованіями долга и при этомъ передавали рѣшеніе дѣла на усмотрѣніе другихъ. Но не такъ оно вышло въ дѣйствительности. Лицо англійскаго вельможи вспыхнуло, и въ его глазахъ появились признаки гнѣва.

— Я долженъ вамъ замѣтить, капитанъ, — возразилъ онъ строгимъ тономъ,—что при настоящемъ положеніи дѣла вы не имѣете права оказывать ни малѣйшаго противодѣйствія моимъ распоряженіямъ. Мѣсто, занимаемое здѣсь фрегатомъ ея величества королевы, не позволяетъ ему предоставить кому бы то ни было власть дѣйствовать иначе, какъ согласно исходящимъ исключительно отъ него предписаніямъ.

Тирадо спокойно скрестилъ руки на груди, и на губахъ его заиграла почти насмѣшливая улыбка.

— У меня нѣтъ притязаній лично желать и требовать того или другого, но я имѣлъ при этомъ въ виду донью Марію Нуньесъ, на

усмотрѣніе которой я и передалъ ваше желаніе, герцогъ, и которую едва-ли вы рѣшитесь тоже считать плѣнной. Я, впрочемъ, не позволю себѣ въ присутствіи столь высокопоставленныхъ лицъ касаться вопроса о правѣ и власти, хотя не могу воздержаться отъ замѣчанія, что относительно этой послѣдней положеніе представляется спорнымъ. Стоитъ мнѣ дать приказаніе—и моя яхта тронется со *всѣми* находящимися на ней въ настоящую минуту лицами и, вѣроятно, очутится внѣ всякихъ выстрѣловъ прежде, чѣмъ заступающій мѣсто командора фрегата объяснитъ себѣ движенія нашего судна.

Герцогъ закусилъ губу и наморщилъ лобъ. Онъ не могъ не сознаться въ правильности этого замѣчанія и возразилъ довольно неспокойнымъ тономъ:

— На этотъ счетъ вы сильно ошибаетесь. Англійскій военный корабль никогда не выпускаетъ изъ виду непріятеля, и первое подозрительное движеніе непріятельскаго судна, кто бы ни находился на немъ въ то время, имѣетъ немедленнымъ послѣдствіемъ посылку на него нѣсколькихъ ядеръ. Вы можете быть увѣрены, что я не оставилъ моего фрегата, не давъ на этотъ счетъ самыхъ строгихъ приказаній. Вы до сихъ поръ сталкивались только съ вялыми испанцами и судите по нимъ о вашихъ противникахъ. Это послужитъ вамъ не въ пользу.

Во время этого разговора Марія Нуньесъ испытывала разнообразныя ощущенія. Ее радовало безстрашное отношеніе Тирадо къ надменному, какъ ей казалось, англичанину, но въ то же время пугалъ будущій исходъ ихъ столкновенія. Вслѣдствіе этого она не знала, что́ ей отвѣчать, такъ какъ одинаково боялась и оскорбить Тирадо и раздражить герцога. Но тутъ вмѣшался въ дѣло донъ Антоніо. Онъ съ подкупающею привѣтливостью обратился къ обоимъ молодымъ людямъ:

— Господа, этотъ вопросъ не трудно рѣшить. Я слишкомъ хорошо знаю мою любезную племянницу, чтобы не быть увѣреннымъ, что хотя ей, точно также какъ и мнѣ, тяжело было бы разстаться съ этимъ кораблемъ, отважный и храбрый предводитель котораго сдѣлалъ такъ много для нашего спасенія и снискалъ себѣ нашу глубокую любовь и

битвой, онъ еще вздрагивалъ отъ ужаса при воспоминаніи объ опасности, которая еще за нѣсколько минутъ до того грозила ему и всѣмъ его близкимъ, и изъ души его неслась благодарственная молитва за спасеніе, которое такъ очевидно послалъ имъ всеблагой Промыслъ. При этомъ онъ охотно сознавался также, что появленіе красавицы-дѣвы въ самую критическую минуту не осталось безъ благопріятнаго результата... Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что общность только что пережитыхъ тяжелыхъ минутъ образовала новую связь между имъ и Маріею Нуньесъ, и то участіе, сопряженное съ презрѣніемъ къ смерти, которое она высказала относительно его, свидѣтельствовало ему о присутствіи въ ней чувства болѣе глубокаго, чѣмъ дружба и уваженіе. Но онъ не могъ и не имѣлъ права теперь медлить и колебаться—и вошелъ.

Когда Марія Нуньесъ увидѣла начало страшной рѣзни, она закрыла лицо руками и съ крикомъ ужаса устремилась въ свое убѣжище. Тутъ упала она на колѣни подлѣ дона Антоніо и, ломая руки, молила небо о защитѣ и состраданіи. Мануэль, какъ только окончилась битва, въ которой онъ принималъ мужественное участіе, поспѣшилъ къ сестрѣ, чтобы сообщить ей о счастливомъ исходѣ, и отвелъ ее и глубоко встревоженнаго и испуганнаго священника въ ея каюту. Тутъ она опустилась въ кресло и впала въ совершенное изнеможеніе. Въ эту минуту вошелъ Тирадо. Донъ Антоніо поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и много и горячо благодарилъ за битву, проведенную такъ храбро и такъ счастливо, воздалъ полную справедливость отвагѣ и искусству, съ которыми Тирадо преодолѣлъ всѣ опасности, изобразилъ испытанныя имъ самимъ тревоги и упомянулъ о горячихъ молитвахъ, которыя онъ возсылалъ во время сраженія и которымъ вняло небо. Тирадо слушалъ его съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ, но не прерывалъ, какъ того требовало почтеніе къ высокому собесѣднику, и давалъ бѣглые отвѣты. Затѣмъ онъ повернулся къ креслу, въ которомъ лежала Марія Нуньесъ; но при первомъ же движеніи его она поднялась и пошла къ нему. Яркій румянецъ разлился по ея щекамъ, улыбка заиграла на розовыхъ губахъ, и взглядъ, полный нѣжнаго огня, остановился на человѣкѣ, стоявшемъ

ность свѣтятъ намъ прекраснымъ образцомъ, и мы уже теперь благословляемъ минуту, когда снова увидимъ тебя, снова послѣдуемъ за тобою! Да, первый нашъ шагъ на сушѣ будетъ къ тебѣ!

Донъ Антоніо не отсталъ отъ брата и сестры; онъ подошелъ къ взволнованной группѣ и съ привѣтливою кротостью произнесъ нѣсколько словъ успокоенія и любви.

— Дѣти, — сказалъ онъ, — вы почти единственное достояніе, оставленное мнѣ судьбою; поэтому будемъ тверды и бодры, будемъ надѣяться на милость Господа, который снова соединитъ насъ. Ужъ ради меня вооружитесь терпѣніемъ!

Командоръ, вернувшійся въ это время въ каюту, тоже освободился уже отъ волненія, вызваннаго въ немъ предшествовавшей сценой, и его изящная и милая манера скоро разогнала общее смущеніе. Тирадо пригласилъ всѣхъ къ завтраку, и если серьезное настроеніе не давало мѣста шумной веселости, то друзья распростились между собою съ наружнымъ спокойствіемъ и безъ всякаго неудовольствія.

Король, Марія Нуньесъ и Мануэль спустились съ офицерами фрегата въ шлюпку, герцогъ и Тирадо раскланялись другъ съ другомъ холодно, но вѣжливо. Раздались веселые звуки оркестра, матросы мѣрно ударили по водѣ веслами, пушки послали прощальный салютъ, и шлюпка понесла свой драгоцѣнный грузъ къ гордому фрегату. Тирадо облокотился на бортъ своей яхты и печально смотрѣлъ на удалявшихся. Въ его душѣ боролись надежда и сомнѣніе. Правда, онъ чувствовалъ, что Марія къ нему неравнодушна. Но не дѣйствуютъ ли въ ней только дружба и благодарность? Открылась ли ей тайна его любви и отвѣчаетъ ли она ему тѣмъ же чувствомъ? И не ослабѣетъ ли, не померкнетъ ли ея привязанность къ нему въ великолѣпіи ея теперешней обстановки? Эти вопросы осаждали его сердце и наполнили его грустью. Человѣкъ, котораго оставили одинокимъ, всегда думаетъ, что о немъ скоро забудутъ тѣ, въ которыхъ прежнія пріязненныя чувства къ нему не поддерживаются больше его присутствіемъ и услугами... Въ эту минуту чья-то

рука опустилась на его плечо, и когда онъ обернулся, то увидѣлъ передъ собою красивое и мечтательное лицо Бельмонте.

— Что же теперь будетъ, Тирадо,—сказалъ онъ,—за что намъ приняться? Не послѣдовать ли за этимъ морскимъ чудовищемъ, поглотившимъ нашихъ милыхъ гостей, чтобы по крайней мѣрѣ видѣть доски, заключающія ихъ въ себѣ, и паруса, подъ которыми они мчатся впередъ? Это дало бы матеріалъ для прекраснаго романса, который я сталъ бы пѣть подъ аккомпаниментъ моей гитары.

— Ты правъ, Бельмонте. Я не дамъ тебѣ матеріала для романса, какъ бы отлично ни удался онъ тебѣ. Серьезные люди, выдержавшіе такое сраженіе, какое выпало сегодня намъ на долю, не имѣютъ права мечтать. Я сейчасъ же распоряжусь распустить паруса, и мы покажемъ владыкамъ сѣвера, что не нуждаемся ни въ ихъ лицезрѣніи, ни въ ихъ защитѣ.

Полчаса спустя яхта была уже въ полномъ ходу, направивъ путь къ сѣверо-востоку, и между тѣмъ какъ фрегатъ еще возился со своимъ испанскимъ призомъ, она стрѣлою пролетѣла мимо и скоро совсѣмъ скрылась изъ виду.

Перев. **Петръ Вейнбергъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ *.

XXI.

Дозволеніе хассидамъ имѣть отдѣльный молитвенный домъ.—Недочетъ колоніальныхъ суммъ и виновность въ этомъ попечителей колоній.—Награжденіе сельскаго начальника усадьбою.—Отмѣна налога на содержаніе отставныхъ солдатъ.—Ассигновка денегъ на колодцы.—Отказъ въ отводѣ мѣста подъ кладбища.—Измѣненіе системы отдачи въ аренду запасныхъ земель.- Раздѣлъ скопившагося капитала на водвореніе евреевъ и отказъ въ пріемѣ въ землевладѣльцы.—Выдача денегъ на достройку синагогъ.—Отказъ въ измѣненіи порядка страхованія строеній.—Разрѣшеніе перечисленія колонистовъ въ купцы.—Исключеніе изъ земледѣльцевъ несчитавшихся таковыми.—Неурожаи, ссуды и разсрочки ихъ.—Пополненіе недоимокъ изъ мірскихъ кассъ.—Отказъ въ пріобрѣтеніи домовъ для екатеринославскаго попечительства.—Открытіе въ колоніи Львовой ярмарокъ и базаровъ.—Состояніе капиталовъ колоній.

По закону въ еврейскихъ колоніяхъ на 30 домовъ полагалась молитвенная школа, а при бо̀льшемъ числѣ домовъ, до 80, еще и синагога. Въ колоніи Межирѣчь числилось до 50 семействъ — изъ нихъ 20 находились въ отлучкѣ—которыя сначала довольствовались одною молитвенною школою. Но съ теченіемъ времени хассиды отдѣлились отъ миснагдовъ, совершали молитвы въ частномъ домѣ и, съ дозволенія попечителя, собирали пожертвованія и возвели фундаментъ другого молитвеннаго зданія.

Между тѣмъ сельское начальство многократно жаловалось на постоянное нарушеніе порядка враждовавшими, по религіознымъ причинамъ, партіями. Всѣ увѣщанія раввина оставались также безуспѣшными. Комитетъ обратился въ министерство съ вопросомъ—не слѣдуетъ ли разрѣшить хас-

* См. „Восходъ“, кн. 5.

сидамъ достроить на ихъ счетъ молитвенную школу и тѣмъ прекратить распри.

Дѣло это поступило въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое нашло, что въ Межирѣчѣ постоянно проживало только 30 сем., почему двухъ школъ для нихъ не полагалось. Но такъ какъ колонисты принадлежали къ разнымъ религіознымъ сектамъ, то оно, относясь одинаково къ хассидамъ и миснагидамъ—не препятствовало первымъ открыть собственную молитвенную школу. Такимъ образомъ хассидамъ разрѣшили достроить домъ и совершать въ немъ богослуженіе.

Вопросъ о передержкахъ по постройкѣ колонистскихъ домовъ тянулся много лѣтъ. Точно также были, какъ извѣстно, упущенія по части покупки и обзаведенія инвентаремъ.

И вотъ при производствѣ этихъ разсчетовъ въ 1866 г. обнаружились разныя упущенія по денежной части. Виновникомъ оказался попечитель екат. колоній Битнеръ, который *внезапно умеръ*, а послѣ него, по разслѣдованіи, недочетъ образовался въ 11,230 р. 87 к. Почти одновременно съ этимъ казусомъ, послѣ увольненія въ отставку попечителя херсонскихъ колоній маіора Алеамбарова, не досчитались 18,700 р., которые Алеамбаровъ, какъ самъ заявилъ своему преемнику Ковалевскому, *прожилъ*, въ продолженіе своего 19-ти-лѣтняго попечительства.

Министерство командировало д. с. сов. Флесьера для подробнаго разслѣдованія дѣла на мѣстѣ.

Флесьеръ, между прочимъ, донесъ, что 1) хотя книги попечительства по наружности находились въ удовлетворительномъ состояніи, но, по собственному сознанію Алеамбарова, онъ не велъ кладовой книги деньгамъ, хранившимся въ сундукѣ въ казначействѣ; 2) въ книгахъ, при сведеніи мѣсячныхъ итоговъ о наличности суммъ въ попечительствѣ и въ казначействѣ, отмѣтки дѣлалъ писецъ съ его словъ, а не по письменнымъ документамъ; 3) въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ, посылавшихся въ комитетъ, показывалъ онъ не наличную сумму, а ту, какая согласовалась съ книгами; 4) ревизовалъ ежемѣсячно книги одинъ онъ же и по истеченіи года представлялъ ихъ въ комитетъ за одною лишь своею подписью, ибо въ колоніи, гдѣ находилось попечительство, жили только его помощники и медикъ, а имъ повѣрять его, своего начальника,—казалось неудобнымъ въ іерархическомъ отношеніи; 5) Алеамбаровъ пользовался всегда полнымъ довѣріемъ всѣхъ колонистовъ и комитета, который ввѣрялъ ему по постройкѣ домовъ и снабженію поселенцевъ принадлежностями по 80,000 р.; 6) *ни-*

кто изъ предсѣдательствовавшихъ въ комитетѣ и изъ его членовъ ни мѣсячныхъ, ни третныхъ, ни иныхъ срочныхъ ревизій *никогда* не производили, такъ какъ колоніальнымъ уставомъ ревизіи не были узаконены, а установить ихъ было трудно, по отдаленности попечительствъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ комитета; 7) по колоніальному уставу, комитетъ обязывался руководствоваться порядкомъ, существовавшимъ въ палатахъ государственныхъ имуществъ, а управлявшимъ палатами вмѣнялось ревизовать подвѣдомственные имъ округа по крайней мѣрѣ разъ въ годъ; предсѣдательствовавшіе же въ комитетѣ и этого *не дѣлали:* подчиненныя имъ учрежденія были разбросаны въ четырехъ обширныхъ губерніяхъ, и если бы предсѣдательствовавшіе ѣздили ревизовать, то слишкомъ продолжительное время не занимались бы по комитету; 8) до 1848 г. всѣ деньги хранились въ херсонскомъ попечительствѣ, а съ конца этого года, вѣроятно, примѣняясь къ правиламъ палатъ и окружныхъ управленій, комитетъ распорядился хранить въ казначействѣ сундукъ съ суммами, въ которыхъ не было надобности на текущіе расходы; 9) распоряженіе это было, однако, не практично: для вклада денегъ въ сундукъ или вынутія ихъ изъ него, а также для ихъ повѣрки, попечители и ревизоры должны были ѣздить за 80 верстъ, отчего ревизія и ограничивалась одними книгами, и для сокрытія растратъ былъ *полный просторъ;* 10) на возмѣщеніе растраченныхъ Алеамбаровымъ денегъ секвестровано было незначительное имущество самого Алеамбарова и двухъ его зятей—Степанова и Меркульева (его помощника); но изъ нихъ первый продалъ, въ свою пользу, принадлежавшихъ Алеамбарову 400 овецъ, а второй—присвоилъ себѣ собственный хуторъ тестя, съ хозяйственнымъ обзаведеніемъ; кромѣ того, было наложено запрещеніе на стадо овецъ (въ 1,500 головъ), составлявшихъ, по показаніямъ нѣсколькихъ лицъ, общую собственность медика нагартавской лечебницы Фальскаго и Алеамбарова, такъ, что все секвестрованное имущество оцѣнивалось въ 4,000 р.; 11) растратилъ Алеамбаровъ деньги разновременно, по его показанію, отъ передержекъ при различныхъ постройкахъ для евреевъ; при выдачѣ имъ пособій, по случаю свирѣпствовавшихъ неурожаевъ, холеры, цынготной болѣзни и падежа скота, а на что именно передерживалъ—не могъ указать по многочисленности расходовъ и долговременности ихъ производства, и 12) Флесьеръ, напротивъ, полагалъ, что Алеамбаровъ растратилъ суммы на улучшеніе собственнаго и своихъ родныхъ состоянія: у него было два сына и двѣ дочери; воспитаніе всѣхъ, содержаніе сыновей по окончаніи ими курса и особенно расходы по вы-

дачѣ дочерей въ замужество—легко могли вовлечь его въ расходы свыше его средствъ. Слѣдствіе казалось Флесьеру произведеннымъ безъ успѣха, потому что всѣ относились къ Алеамбарову «съ состраданіемъ», замѣчавшимся какъ въ явномъ нежеланіи большей части спрошенныхъ свидѣтелей давать противъ него показанія, такъ и въ пріемахъ слѣдователей, избѣгавшихъ производства цѣлесообразныхъ розысканій. «Чѣмъ именно возбуждалось сочувствіе къ Алеамбарову, расхитившему казенныя деньги и обманывавшему 19 лѣтъ довѣріе начальниковъ»,—этого Флесьеръ «доискаться также никакъ не могъ».

Алеамбаровъ былъ преданъ суду херсонской уголовной палаты и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ въ Сибирь, а растраченную имъ сумму опредѣлено взыскать съ его имущества. Покуда дѣло шло въ сенатъ, Алеамбаровъ въ 1867 г. *умеръ*, а потому сенатъ рѣшилъ: растраченную сумму взыскать съ имущества покойнаго, а если это окажется невозможнымъ—съ лицъ, имѣвшихъ за Алеамбаровымъ надзоръ; арестованное же имущество привлеченныхъ къ дѣлу Алеамбарова его зятей, Меркульева и Степанова, и врача Фальскаго—возвратить по принадлежности, такъ какъ слѣдствіемъ не подтвердилось, что оно принадлежало Алеамбарову, или было куплено на присвоенныя послѣднимъ казенныя деньги.

Колонисты Камянки, Излучистой, Новожитоміра, Новоковно и Новоподольска, цѣня службу завѣдывавшаго этими колоніями сельскаго начальника Эппа,—ходатайствовали о предоставленіи ему въ потомственное владѣніе дома, въ которомъ онъ жилъ, въ Новоподольскѣ, съ усадьбою, на устройство которыхъ онъ понесъ значительныя издержки. Комитетъ, съ своей стороны, тоже признавалъ, что Эппъ болѣе 16 лѣтъ всегда оказывалъ полное попеченіе о ввѣренныхъ ему колоніяхъ, развелъ на плантаціи при своемъ домѣ отличный садъ, съ большою древесною школою и питомниками, изъ которыхъ пересадилъ въ палисадники земледѣльческихъ домовъ нѣсколько тысячъ деревьевъ.

Министерство уважило это ходатайство и уступило Эппу усадьбу съ жилыми и хозяйственными строеніями и лѣсными насажденіями.

По закону, перечислявшіеся изъ сельскаго состоянія въ городскія сословія обязывались внести, въ пользу вспомогательнаго капитала для отставныхъ нижнихъ чиновъ, при переходѣ въ купечество—40 р., а въ мѣщане — 15 р. Мѣра эта распространялась и на евреевъ-земледѣльцевъ, исключавшихся въ другія состоянія по прошествіи 25 лѣтъ со дня ихъ водворенія. Этотъ налогъ былъ отмѣненъ въ 1867 г. Комитетъ возбудилъ

въ волокитствѣ за какою нибудь изъ ея придворныхъ дамъ, или въ любовныхъ связяхъ съ нею. Правда, она имѣла — и соединеніе противорѣчій въ этой великой женщинѣ было не рѣдкостью—извѣстную склонность къ устройству браковъ, когда любезничанье молодыхъ людей заходило довольно далеко и они оказывались подходящими другъ къ другу, но тѣмъ сильнѣе ненавидѣла она пустое волокитство, а болѣе серьезные въ этомъ отношеніи шаги—и подавно. Тутъ она поступала круто, даже жестоко. Но при легкой нравственности молодого Невиля и его пылкомъ темпераментѣ, въ такихъ „шагахъ" не могло быть недостатка, да и осторожность отнюдь не принадлежала къ добродѣтелямъ молодого принца. При дворѣ Елисаветы шпіонство было достаточно развито, и этимъ путемъ до ея слуха скоро дошло, что впечатлительное сердце молодого Невиля, независимо отъ другихъ вѣтренностей его, обратилось къ одной изъ придворныхъ дамъ и попало въ оковы ея красоты и что она со своей стороны относилась къ нему не слишкомъ сурово. Елисавета потребовала къ себѣ своего пажа и пожурила его съ материнской нѣжностью. Но это мало помогло, и опасная игра продолжалась на глазахъ королевы. Приведенная этимъ въ крайнее негодованіе, Елисавета исключила влюбленную чету изъ своего придворнаго штата. Невиль скоро утѣшился, перешелъ въ морскую службу, и благодаря своей ловкости, познаніямъ и мужеству, быстро прошелъ первые чины. По смерти отца онъ незахотѣлъ оставить эту службу, съ которою совершенно сжился, и королева, примирившаяся съ нимъ по старой памяти и видя его успѣхи, поручила ему командованіе нѣсколькими изъ лучшихъ военныхъ судовъ. И герцогъ оправдалъ это довѣріе блестящимъ образомъ...

Знакомый со всѣми тонкостями и хитросплетеніями политики, онъ рѣшилъ оказать прежнему пріору монастыря, бѣжавшему королю португальскому, всевозможныя почести, нисколько не компрометируя при этомъ свою государыню и оставляя ей открытыми всѣ пути, какіе она пожелала бы избрать въ этомъ дѣлѣ. Было ясно, что этотъ донъ Антоніо со своими притязаніями могъ послужить англійской королевѣ хорошимъ орудіемъ противъ короля Филиппа, съ которымъ она находилась

сдѣланы еще нѣкоторыя облегченія при арендованіи ими упомянутыхъ земель, и результатъ измѣненной системы отдачи свободной земли въ аренду вскорѣ же превзошелъ всякія ожиданія: казенный доходъ съ 15,145 р.— сразу увеличился на 37,673 р. въ годъ, т. е. за одинъ разъ на 51 участокъ аренды прибавилось 22,528 р.

Закономъ 30 мая 1866 г. было прекращено отчисленіе суммъ изъ коробочнаго сбора на переселеніе евреевъ въ земледѣльцы, причемъ имѣвшіяся суммы предписывалось обратить на устройство уже выпущенныхъ, но еще не водворенныхъ, а остатки—обратить на пополненіе недоимокъ еврейскихъ обществъ. Прошло почти 2 года. Вдругъ разные губернаторы, вслѣдствіе просьбъ евр. обществъ, обратились за дозволеніемъ употребить эти капиталы на общественныя надобности, такъ какъ на переселенцевъ никакихъ денегъ никто уже не требовалъ. Спрошенный по сему предмету комитетъ подтвердилъ это, но оговорился, что 16 семействъ курляндскихъ евреевъ снова пожелали въ земледѣльцы, а ихъ примѣру могутъ послѣдовать и другіе, а на нихъ понадобятся и деньги. Не смотря, однако, на эту оговорку, мин. гос. имущ. уважило ходатайство еврейскихъ обществъ, которымъ вернули деньги, а 16 курляндскимъ семействамъ въ 117 душъ въ переселеніи въ земледѣльцы отказали.

Колоніи Новоподольскъ выдано было въ 1864 г. 1,000 р., въ пособіе на постройку молитвеннаго дома. Чрезъ 3 года комитетъ донесъ, что не смотря на всевозможную экономію, разрѣшенныхъ 1,000 р. не хватило, что постройка остановилась и что для ея окончанія требовалось, по крайней мѣрѣ, еще 500 р., но этихъ денегъ общество, по «совершенной бѣдности» его жителей, собрать не могло,—потому проситъ еще 500 р. Министерство разрѣшило эти 500 р. Но когда комитетъ домогался такихъ же выдачъ и на тотъ же предметъ обществамъ колоній: Пріютной, Роскошной, Богодаровки и Горькой, по 1,000 р. каждой, ему было отказано. Спустя годъ, комитетъ ходатайствовалъ о пособіяхъ на возведеніе же молитвенныхъ домовъ въ Новоковнѣ и Новожитомірѣ, по 1,000 р. каждой, пояснивъ, что мірского капитала считалось по Новоковно—4,700 р., а по Новожитоміру болѣе 5,000 р. Предварительно разрѣшенія этихъ суммъ м-ство потребовало свѣдѣнія: 1) окончена-ли постройка молитв. домовъ въ Пріютной, Роскошной, Богодаровкѣ и Горькой на средства самихъ обществъ; 2) въ тѣхъ изъ колоній, въ которыхъ постройка домовъ окончена, настояла-ли дѣйствительная надобность въ пособіи и въ какомъ именно размѣрѣ, и 3) не слѣдовало-ли объемъ домовъ и расходы на нихъ

соразмѣрять съ численностью каждой колоніи, и нельзя-ли было ограничиться, при недальнихъ разстояніяхъ между ними, устройствомъ одного общаго молитв. дома на двѣ и болѣе колоніи?

Комитетъ донесъ, что молитв. дома въ кол. Пріютной и др. уже выстроены, но *въ долгъ*. Мысль же объ устройствѣ одного молитв. дома на двѣ и болѣе колоніи комитетъ отвергъ, ибо евреямъ ни подъ субботу, ни въ субботу ѣздить нельзя и они должны бы были отправляться въ синагогу на дальнее разстояніе пѣшкомъ, безъ палки и огня.

Министерство разрѣшило по 1,000 р. каждой колоніи, кромѣ Новожитоміра, которой отказало потому, что она раньше уже получила 1,000 р. на новый молитв. домъ.

При взысканіи съ общества колоніи Затишье ссуднаго по водворенію долга 1868 г., въ 350 р., общество объяснило, что, по случаю «скуднаго въ 1868 г. урожая и крайней бѣдности большинства семействъ», оно положительно не въ состояніи уплатить этого долга, а ходатайствовало о возмѣщеніи его изъ доходовъ отъ запаснаго при колоніи участка земли. Комитетъ поддерживалъ ходатайство, ибо доходы за запасные участки, образовавшіеся отъ надѣленія евреевъ-земледѣльцевъ, поступали на составленіе мірскихъ, по каждой колоніи, кассъ, на устройство колоній. Въ мірской кассѣ Затишья было до 5,000 р., и расходъ въ 350 р. конечно могъ быть отнесенъ на указанный источникъ (сельскимъ обществамъ не возбранялось уплачивать подати изъ мірскихъ суммъ), но министерство отклонило ходатайство, какъ *безпримѣрное*, и такъ какъ удовлетвореніе его способно было побудить и другія общества домогаться того же, а это повело бы къ непроизводительной тратѣ колоніальныхъ мірскихъ суммъ.

Для доставленія евреямъ-земледѣльцамъ возможности получать пособія въ случаѣ пожаровъ, попечитель херсонскихъ колоній настаивалъ на введеніи и въ этихъ колоніяхъ того же взаимнаго страхованія, какое существовало въ нѣмецкихъ колоніяхъ, дабы «отучить евреевъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, заставить ихъ наблюдать другъ за другомъ и не разсчитывать на щедрое вознагражденіе за пожарные убытки». Однако министерство отклонило это представленіе, потому что «хозяйство евреевъ не было устроено, средства ихъ были скудныя, а сами они уклонялись отъ платежа слѣдовавшихъ съ нихъ платежей», слѣдовательно введеніе у нихъ колонистскаго страхованія было бы «почти равносильно совершенному уничтоженію страхованія: при неимѣніи страхового капитала, евреи въ случаѣ пожара «нашли бы предлогъ отказаться отъ платежей», которые

оказались бы значительнѣе ежегодно установленныхъ земскихъ страховыхъ платежей, и такимъ образомъ «погорѣльцы оставались бы безъ вознагражденія». Къ тому же евреи,—разсудило министерство,—подлежали, наравнѣ съ крестьянами, вѣдѣнію общихъ учрежденій, отчего и не было основанія къ изъятію ихъ изъ общаго земскаго страхованія.

Евреи-колонисты Беньяминъ Розовъ и Берка Друянъ просили дозволенія на перечисленіе ихъ въ купцы не въ полномъ составѣ ихъ семействъ, а раздробительно. Комитетъ высказался противъ такого перечисленія, такъ какъ оно неминуемо «повело бы къ ослабленію въ евреяхъ привычки къ осѣдлой жизни, къ повсемѣстному дробленію семействъ и даже къ совершенному уничтоженію колоній».

Не смотря на то, что такое раздробительное перечисленіе уже раньше было допущено екатеринославскою казенною палатою и департаментомъ окладныхъ сборовъ относительно колонистовъ Лисовскаго и Ингерова, и не смотря на представленіе въ разрѣшительномъ смыслѣ со стороны м-ва финансовъ, м-во госуд. им. все-таки присоединилось къ мнѣнію комитета, ибо «точный смыслъ законоположеній не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ правѣ евреевъ-земледѣльцевъ перечисляться въ купцы иначе, какъ въ полномъ составѣ ихъ семействъ». Тѣмъ не менѣе министерство согласилось *административнымъ порядкомъ* дозволять евреямъ перечисляться въ купцы и не въ полномъ составѣ ихъ семействъ. Уступку эту министерство мотивировало тѣмъ, что 1) въ 1866 г. министрамъ внутр. дѣлъ и госуд. имущ. поручено было представить государственному совѣту соображенія о распространеніи на евреевъ-земледѣльцевъ *общихъ* постановленій о сельскихъ обывателяхъ, а соображенія эти только еще разрабатывались; 2) прежняя система колонизаціи евреевъ мѣрами правительства отмѣнена и не подлежала возобновленію; 3) въ еврейскихъ земледѣльческихъ водвореніяхъ при подворноучастковой системѣ землевладѣнія семейный раздѣлъ не допускался, отчего въ одномъ дворѣ, разсчитанномъ на 6 ревизскихъ душъ,—накопилось, во многихъ случаяхъ, столь большое число душъ, что земельныхъ угодій двора едва хватало для прокормленія семьи; 4) средствъ же на уплату всѣхъ повинностей не имѣли. Оттого обращеніе части семьи къ торговлѣ и промысламъ составляло единственный исходъ изъ крайнихъ затрудненій и вполнѣ совпадало съ 17 ст. уст. о пошлинахъ.

Перечисленія въ мѣщане и со льготами добивались 115 еврейскихъ семействъ колоніи Гайдамацкой, Херс. губ., которыя даже *не считались*

усмотрѣніе которой я и передалъ ваше желаніе, герцогъ, и которую едва-ли вы рѣшитесь тоже считать плѣнной. Я, впрочемъ, не позволю себѣ въ присутствіи столь высокопоставленныхъ лицъ касаться вопроса о правѣ и власти, хотя не могу воздержаться отъ замѣчанія, что относительно этой послѣдней положеніе представляется спорнымъ. Стоитъ мнѣ дать приказаніе—и моя яхта тронется со *всѣми* находящимися на ней въ настоящую минуту лицами и, вѣроятно, очутится внѣ всякихъ выстрѣловъ прежде, чѣмъ заступающій мѣсто командора фрегата объяснитъ себѣ движенія нашего судна.

Герцогъ закусилъ губу и наморщилъ лобъ. Онъ не могъ не сознаться въ правильности этого замѣчанія и возразилъ довольно неспокойнымъ тономъ:

— На этотъ счетъ вы сильно ошибаетесь. Англійскій военный корабль никогда не выпускаетъ изъ виду непріятеля, и первое подозрительное движеніе непріятельскаго судна, кто бы ни находился на немъ въ то время, имѣетъ немедленнымъ послѣдствіемъ посылку на него нѣсколькихъ ядеръ. Вы можете быть увѣрены, что я не оставилъ моего фрегата, не давъ на этотъ счетъ самыхъ строгихъ приказаній. Вы до сихъ поръ сталкивались только съ вялыми испанцами и судите по нимъ о вашихъ противникахъ. Это послужитъ вамъ не въ пользу.

Во время этого разговора Марія Нуньесъ испытывала разнообразныя ощущенія. Ее радовало безстрашное отношеніе Тирадо къ надменному, какъ ей казалось, англичанину, но въ то же время пугалъ будущій исходъ ихъ столкновенія. Вслѣдствіе этого она не знала, что ей отвѣчать, такъ какъ одинаково боялась и оскорбить Тирадо и раздражить герцога. Но тутъ вмѣшался въ дѣло донъ Антоніо. Онъ съ подкупающею привѣтливостью обратился къ обоимъ молодымъ людямъ:

— Господа, этотъ вопросъ не трудно рѣшить. Я слишкомъ хорошо знаю мою любезную племянницу, чтобы не быть увѣреннымъ, что хотя ей, точно также какъ и мнѣ, тяжело было бы разстаться съ этимъ кораблемъ, отважный и храбрый предводитель котораго сдѣлалъ такъ много для нашего спасенія и снискалъ себѣ нашу глубокую любовь и

они по круговой порукѣ обязывались нести всѣ подати и повинности, а изъ этого явленія вытекалъ «и малый успѣхъ въ хозяйствѣ даже и тѣхъ изъ евреевъ, которые прилежно занимались земледѣліемъ».

Сочувствуя бѣдственному состоянію колоній и признавая, что ссуда числилась на умершихъ, отсутствовавшихъ и нищенствовавшихъ, съ которыхъ возвратъ ея представлялся весьма затруднительнымъ или даже совсѣмъ невозможнымъ, министерство сложило со счета недоимочный хлѣбъ, числившійся на умершихъ безъ наслѣдниковъ и на бродяжествовавшихъ; остальныя же недоимки приказало взыскать съ обществъ, по уравнительнымъ раскладкамъ.

Ссыпка хлѣба въ запасные магазины по закону должна была производиться по 1 четверику ржи и по 4 гарнца ярового съ каждой ревизской души въ годъ; при скудности же урожая, не превышавшаго самъ-другъ, сборъ хлѣба пріостанавливался. Сильнѣйшій неурожай 1868 г. лишилъ колонистовъ всѣхъ херсонскихъ колоній всякой возможности выполнить требованія закона, а многихъ оставилъ еще и безъ пропитанія. Такъ, въ колоніяхъ въ 1868 г. было:

	Посѣяно.		Собрано.	
	Ржи четв.	Пшен. четв.	Ржи четв.	Пшен. четв.
Большой Сейдеминухѣ . .	120	140	20	15
Малой » . .	85	135	8	9
Бобровомъ Кутѣ	90	216	$37\frac{3}{8}$	61
Большомъ Нагартавѣ . .	40	372	$32\frac{1}{4}$	282
Маломъ » . .	$17\frac{7}{8}$	$219\frac{1}{4}$	13	$91\frac{1}{8}$
Эфенгарѣ	67	78	$28\frac{1}{4}$	$49\frac{1}{8}$
Ингульцѣ	$129\frac{7}{8}$	$412\frac{1}{2}$	$15\frac{1}{8}$	$445\frac{1}{4}$
Каменкѣ	$48\frac{7}{8}$	$59\frac{1}{2}$	15	40
Новомъ Бериславѣ	60	188	60	316
Львовой	80	$143\frac{1}{2}$	50	65
Новополтавкѣ	$127\frac{1}{2}$	$298\frac{5}{8}$	$80\frac{7}{8}$	$356\frac{5}{8}$
Романовкѣ.	$83\frac{5}{8}$	227	—	224
Нововитебскѣ	69	$221\frac{7}{8}$	—	$113\frac{1}{4}$
Новоковнѣ	40	$148\frac{1}{8}$	—	215
Новожитомірѣ	—	$104\frac{1}{8}$	—	157
Доброй	$129\frac{3}{8}$	$381\frac{3}{8}$	17	572

Въ виду этого общественнаго бѣдствія, министерство разсрочило всѣмъ колонистамъ доставку причитавшагося съ нихъ запаснаго хлѣба на 3 послѣдующіе года; но комитетъ этимъ не удовольствовался, а просилъ еще денегъ для самобѣднѣйшихъ, а именно: на 2,835 душъ 4,585 р. изъ доходовъ съ земель, предназначенныхъ подъ поселеніе евреевъ, съ возмѣще-

ніемъ этой ссуды съ перваго же урожая или изъ общественныхъ суммъ въ нѣсколько лѣтъ.

Министерство утвердило безъ процентовъ эту ссуду «для спасенія евреевъ отъ голода» изъ другого источника—частнаго продовольственнаго ихъ капитала, но съ условіемъ, чтобы «подъ особымъ наблюденіемъ попечителя деньги уплачивались именно за хлѣбъ и тѣмъ, у кого его купятъ»; чтобы самую ссуду зачислить за каждымъ изъ колонистовъ, пропорціонально стоимости хлѣба, какой получитъ, и чтобы погасили они ссуду въ теченіи послѣдующихъ 2-хъ урожаевъ, подъ ручательствомъ цѣлыхъ обществъ, къ которымъ принадлежали. Такую же ссуду, въ томъ же году и на тѣхъ же условіяхъ, министерство дало колонистамъ Львовой—472 р. 50 к. и Ново-полтавки—800 р.

Общества херсонскихъ колоній Ново-Витебскъ, Ново-Подольскъ и Ново-Ковно, будучи въ такомъ же крайне бѣдственномъ положеніи отъ продолжавшихся нѣсколько лѣтъ сряду неурожаевъ, оказались несостоятельными къ уплатѣ недоимки ссуднаго по водворенію долга; недоимки этой числилось на колоніяхъ: Ново-Витебскъ 2,530 р. 37 к., Ново-Подольскъ 1,675 р. 99½ к. и Ново-Ковно 484 р. 50 к. Общества и ходатайствовали о взносѣ недоимокъ изъ доходовъ, поступавшихъ съ запасныхъ участковъ въ мірскія ихъ кассы, которыхъ значилось: Ново-Витебска 5,462 р. 52 к., Ново-Подольска 4,562 р. 83 к. и Ново-Ковно 3,394 р. 74 к.

Примѣняясь къ правиламъ, существующимъ относительно мірскихъ кассъ крестьянскихъ обществъ, и въ виду того, что, по предполагавшейся передачѣ евр. колоній въ общія учрежденія, кассы эти долженствовали перейти въ распоряженіе самихъ обществъ, министерство дозволило покрыть приведенную недоимку 3-хъ колоній изъ причитавшихся обществамъ частей мірского капитала.

Къ екат. колоніямъ причислялись, съ платежомъ податей, 23 еврейскихъ семейства, не надѣленныхъ землею и поэтому уклонявшихся отъ платежа за нее налоговъ. Общества и просили объ освобожденіи ихъ отъ этихъ податей, которыя неправильно относились на общества, безъ того обремененныя податями, а на означенныхъ 23 семействахъ накопилась недоимка въ 3,366 р. Попечитель колоній полагалъ справедливымъ надѣлить 23 семейства по 30 дес. на каждое,—690 дес., изъ свободнаго участка, а изъ дохода, полученнаго за эту землю за 1865—1867 гг., по 75½ к. съ десятины—1,565 р. 85 к.—пополнить часть помянутой

недоимки Комитетъ одобрилъ доводы попечителя. Министерство утвердило предположеніе, а остальные 1,800 р. 15 к. велѣно взыскать съ самихъ водворяемыхъ въ теченіи 5 лѣтъ.

Происшедшею 22 февраля 1869 г. въ кол. Графской сильною бурею сорвало съ общественнаго магазина половину желѣзной крыши и повредило всю ее до такой степени, что понадобилась новая. Министерство, раздѣляя мнѣніе комитета о крайней бѣдности колонистовъ, отпустило на устройство крыши 200 р., изъ доходовъ отъ запаснаго при колоніи участка.

Канцелярія и чиновники попечительства екат. колоній помѣщались въ нанимавшихся обществомъ квартирахъ. Попечитель и ходатайствовалъ о постройкѣ для него дома и о покупкѣ для канцеляріи и письмоводителя нанимавшагося дома за 1,300 р., съ уплатою по 150 р. въ годъ, но министерство во всемъ отказало, въ виду прекращенія водворенія евреевъ на казенныхъ земляхъ, предполагавшагося подчиненія колоній общему губернскому управленію и предстоявшаго упраздненія должностей попечителей колоній. Комитетъ перевелъ поэтому попечительство въ колонію Грунау, въ домъ смотрителя маріупольскихъ и бердянскихъ колоній, вслѣдствіе порученія попечителю еврейскихъ колоній завѣдывать и названными колоніями. Затѣмъ, послѣ назначенія для маріупольско-бердянскихъ колоній отдѣльнаго смотрителя, пребываніе въ Грунау еврейскаго попечительства оказалось вообще невозможнымъ, а для евреевъ-земледѣльцевъ и неудобнымъ.

Колонія Львова принадлежала къ числу *лучшихъ* въ Херс. губ., по своему положенію при Днѣпрѣ и по значительности колонистовъ, которые додумались до необходимости открытія тамъ ярмарокъ. Мысль эту одобрялъ и попечитель, находя, что учрежденіе въ колоніи по воскресеньямъ еженедѣльныхъ базаровъ, а 24 апрѣля и 26 августа—ярмарокъ принесло бы обществу пользу въ сбытѣ и пріобрѣтеніи разныхъ продуктовъ и скота, да «возбудило бы въ домохозяевахъ охоту къ расширенію занятій земледѣліемъ и скотоводствомъ».

По закону, евреямъ дозволялись, какъ и крестьянамъ, безъ свидѣтельствъ торговля и ремесла на земляхъ своего селенія, т. е. они могли заводить при своихъ домахъ лавки, лабазы, мелкія фабрики и всякія домашнія заведенія, на которыхъ вырабатывались сукно, холстъ, пестрядь и проч.; тѣ же изъ нихъ, которые вполнѣ устроили свое хозяйство и имѣли достаточное число рукъ для занятія хлѣбопашествомъ, могли до истеченія опредѣленныхъ сроковъ записываться на общемъ основаніи въ гильдіи и торговать по установленнымъ свидѣтельствамъ, но безъ исключенія ихъ изъ

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ *.

XXI.

Дозволеніе хассидамъ имѣть отдѣльный молитвенный домъ.—Недочетъ колоніальныхъ суммъ и виновность въ этомъ попечителей колоній.—Награжденіе сельскаго начальника усадьбою.—Отмѣна налога на содержаніе отставныхъ солдатъ.—Ассигновка денегъ на колодцы.—Отказъ въ отводѣ мѣста подъ кладбища.—Измѣненіе системы отдачи въ аренду запасныхъ земель.- Раздѣлъ скопившагося капитала на водвореніе евреевъ и отказъ въ пріемѣ въ землевладѣльцы.—Выдача денегъ на достройку синагогъ.—Отказъ въ измѣненіи порядка страхованія строеній.—Разрѣшеніе перечисленія колонистовъ въ купцы.—Исключеніе изъ земледѣльцевъ несчитавшихся таковыми.—Неурожаи, ссуды и разсрочки ихъ.—Пополненіе недоимокъ изъ мірскихъ кассъ.—Отказъ въ пріобрѣтеніи домовъ для екатеринославскаго попечительства.—Открытіе въ колоніи Львовой ярмарокъ и базаровъ.—Состояніе капиталовъ колоній.

По закону въ еврейскихъ колоніяхъ на 30 домовъ полагалась молитвенная школа, а при бо́льшемъ числѣ домовъ, до 80, еще и синагога. Въ колоніи Межирѣчь числилось до 50 семействъ — изъ нихъ 20 находились въ отлучкѣ—которыя сначала довольствовались одною молитвенною школою. Но съ теченіемъ времени хассиды отдѣлились отъ миснагдовъ, совершали молитвы въ частномъ домѣ и, съ дозволенія попечителя, собирали пожертвованія и возвели фундаментъ другого молитвеннаго зданія.

Между тѣмъ сельское начальство многократно жаловалось на постоянное нарушеніе порядка враждовавшими, по религіознымъ причинамъ, партіями. Всѣ увѣщанія раввина оставались также безуспѣшными. Комитетъ обратился въ министерство съ вопросомъ—не слѣдуетъ ли разрѣшить хас-

---

* См. „Восходъ“, кн. 5.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ ЭДУАРДА РЕЙСА.

КНИГА ІОВА.

Книга Іова разсказываетъ событіе, но не въ разсказѣ истинная цѣль произведенія. Оно было написано совсѣмъ съ другимъ намѣреніемъ. Оно имѣло цѣлью разсмотрѣть вопросъ религіозной философіи, выдвинуть идею мало оцѣненную или дурно понятую. Поэтому намъ важно прежде всего познакомиться съ этою идеею, чтобы быть въ состояніи дать себѣ отчетъ о духѣ и характерѣ самаго произведенія.

Религіозная вѣра евреевъ, въ той формѣ, въ какой ее провозглашали духовные предводители націи, основывалась на понятіи о правосудіи Божьемъ, какъ на верховномъ принципѣ. Основной и неоспоримый законъ управленія міромъ гласилъ, что счастье есть награда за честную и добродѣтельную жизнь и что порокъ и преступленіе не избѣгаютъ наказанія. Это убѣжденіе, глубоко укоренившееся у тѣхъ, кто обладалъ чистымъ сердцемъ и не имѣлъ личнаго интереса отвергать его, есть явленіе тѣмъ болѣе удивительное, что состояніе общества и политическое положеніе страны далеко не соотвѣтствовали этому теоретическому понятію и что дѣйствительность противорѣчила идеалу. Мы не можемъ поэтому въ достаточной мѣрѣ выразить наше удивленіе передъ этой великою силой вѣры, не дающей себя поколебать созерцаніемъ такого положенія вещей, которое, казалось, представляло ей самое блестящее опроверженіе. Не надо будетъ, однако, терять изъ виду одно обстоятельство, которое до извѣстной

вопросъ—освобождались ли отъ помянутаго сбора евреи-земледѣльцы? Министерство отвѣтило, что евреи подчинялись общимъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ о нихъ не дѣлалось исключенія, а потому земледѣльцамъ, по прошествіи 25 лѣтъ со дня водворенія, дозволялось переходить въ городское сословіе на томъ же основаніи, какъ государственнымъ крестьянамъ.

Колонія Добрая терпѣла значительный недостатокъ въ водѣ, такъ какъ имѣла одинъ только колодезь съ настоящею ключевою водою. Колонисты просили на устройство другого колодца 1,000 р., изъ дохода отъ оброка съ запаснаго участка колоніи. Комитетъ поддерживалъ просьбу и министерство не только удовлетворило ходатайство, но чрезъ годъ прибавило еще 400 руб. на тотъ же предметъ.

Раввинъ общества евреевъ, проживавшихъ въ нѣмецкой колоніи Тарутино (Бессарабской области), купецъ Крисманъ, объяснилъ комитету, что его единовѣрцы проживали постоянно въ Тарутинѣ въ большомъ числѣ, и что нѣтъ тамъ еврейскаго кладбища и негдѣ хоронить умершихъ евреевъ. Комитетъ спросилъ окружный приказъ, почему въ Тарутинѣ не отводится мѣсто для еврейскаго кладбища, и получилъ отвѣтъ, что въ Тарутинѣ евреи не имѣютъ права жить, и что производится дѣло объ удаленіи ихъ оттуда. Вопросъ о кладбищѣ поступилъ въ министерство. По наведеннымъ имъ справкамъ оказалось, что въ Тарутинѣ временно проживало 636 душъ евреевъ обоего пола и, со времени ихъ тамъ водворенія, они увозили покойниковъ въ колонію Романенку. Но министерство все-таки отказало въ просьбѣ Крисмана потому, что хотя вообще въ Бессарабской области евреямъ дозволялось постоянное мѣстопребываніе; но въ селеніяхъ крестьянъ и колонистовъ, слѣд. и въ Тарутинѣ, постороннія лица, въ томъ числѣ и евреи, не имѣли права постоянной осѣдлости.

Стремясь къ возвышенію оброчныхъ цѣнъ незаселенной земли при евр. колоніяхъ Екат. и Херс. губ., которую до тѣхъ поръ брали въ аренду преимущественно крупные овцеводы участками въ 1,000 и 2,000 десятинъ, становившіеся монополистами, комитетъ предположилъ разбить участки по 400 десятинъ и допустить торговаться безъ залоговъ колонистскія общества, лишь подъ круговою порукою.

Министерство одобрило представленіе комитета и предписало ему руководствоваться впередъ этими правилами, съ тѣмъ, что если понадобится отступить и отъ нихъ,—то представить вновь министерству.

Вслѣдъ затѣмъ для колонистскихъ и крестьянскихъ обществъ были

сдѣланы еще нѣкоторыя облегченія при арендованіи ими упомянутыхъ земель, и результатъ измѣненной системы отдачи свободной земли въ аренду вскорѣ же превзошелъ всякія ожиданія: казенный доходъ съ 15,145 р.— сразу увеличился на 37,673 р. въ годъ, т. е. за одинъ разъ на 51 участокъ аренды прибавилось 22,528 р.

Закономъ 30 мая 1866 г. было прекращено отчисленіе суммъ изъ коробочнаго сбора на переселеніе евреевъ въ земледѣльцы, причемъ имѣвшіяся суммы предписывалось обратить на устройство уже выпущенныхъ, но еще не водворенныхъ, а остатки—обратить на пополненіе недоимокъ еврейскихъ обществъ. Прошло почти 2 года. Вдругъ разные губернаторы, вслѣдствіе просьбъ евр. обществъ, обратились за дозволеніемъ употребить эти капиталы на общественныя надобности, такъ какъ на переселенцевъ никакихъ денегъ никто уже не требовалъ. Спрошенный по сему предмету комитетъ подтвердилъ это, но оговорился, что 16 семействъ курляндскихъ евреевъ снова пожелали въ земледѣльцы, а ихъ примѣру могутъ послѣдовать и другіе, а на нихъ понадобятся и деньги. Не смотря, однако, на эту оговорку, мин. гос. имущ. уважило ходатайство еврейскихъ обществъ, которымъ вернули деньги, а 16 курляндскимъ семействамъ въ 117 душъ въ переселеніи въ земледѣльцы отказали.

Колоніи Новоподольскъ выдано было въ 1864 г. 1,000 р., въ пособіе на постройку молитвеннаго дома. Чрезъ 3 года комитетъ донесъ, что не смотря на всевозможную экономію, разрѣшенныхъ 1,000 р. не хватило, что постройка остановилась и что для ея окончанія требовалось, по крайней мѣрѣ, еще 500 р., но этихъ денегъ общество, по «совершенной бѣдности» его жителей, собрать не могло,—потому проситъ еще 500 р. Министерство разрѣшило эти 500 р. Но когда комитетъ домогался такихъ же выдачъ и на тотъ же предметъ обществамъ колоній: Пріютной, Роскошной, Богодаровки и Горькой, по 1,000 р. каждой, ему было отказано. Спустя годъ, комитетъ ходатайствовалъ о пособіяхъ на возведеніе же молитвенныхъ домовъ въ Новоковнѣ и Новожитомірѣ, по 1,000 р. каждой, пояснивъ, что мірского капитала считалось по Новоковно—4,700 р., а по Новожитоміру болѣе 5,000 р. Предварительно разрѣшенія этихъ суммъ м-ство потребовало свѣдѣнія: 1) окончена-ли постройка молитв. домовъ въ Пріютной, Роскошной, Богодаровкѣ и Горькой на средства самихъ обществъ; 2) въ тѣхъ изъ колоній, въ которыхъ постройка домовъ окончена, настояла-ли дѣйствительная надобность въ пособіи и въ какомъ именно размѣрѣ, и 3) не слѣдовало-ли объемъ домовъ и расходы на нихъ

соразмѣрять съ численностью каждой колоніи, и нельзя-ли было ограничиться, при недальнихъ разстояніяхъ между ними, устройствомъ одного общаго молитв. дома на двѣ и болѣе колоніи?

Комитетъ донесъ, что молитв. дома въ кол. Пріютной и др. уже выстроены, но *въ долгъ*. Мысль же объ устройствѣ одного молитв. дома на двѣ и болѣе колоніи комитетъ отвергъ, ибо евреямъ ни подъ субботу, ни въ субботу ѣздить нельзя и они должны бы были отправляться въ синагогу на дальнее разстояніе пѣшкомъ, безъ палки и огня.

Министерство разрѣшило по 1,000 р. каждой колоніи, кромѣ Новожитоміра, которой отказало потому, что она раньше уже получила 1,000 р. на новый молитв. домъ.

При взысканіи съ общества колоніи Затишье ссуднаго по водворенію долга 1868 г., въ 350 р., общество объяснило, что, по случаю «скуднаго въ 1868 г. урожая и крайней бѣдности большинства семействъ», оно положительно не въ состояніи уплатить этого долга, а ходатайствовало о возмѣщеніи его изъ доходовъ отъ запаснаго при колоніи участка земли. Комитетъ поддерживалъ ходатайство, ибо доходы за запасные участки, образовавшіеся отъ надѣленія евреевъ-земледѣльцевъ, поступали на составленіе мірскихъ, по каждой колоніи, кассъ, на устройство колоній. Въ мірской кассѣ Затишья было до 5,000 р., и расходъ въ 350 р. конечно могъ быть отнесенъ на указанный источникъ (сельскимъ обществамъ не возбранялось уплачивать подати изъ мірскихъ суммъ), но министерство отклонило ходатайство, какъ *безпримѣрное*, и такъ какъ удовлетвореніе его способно было побудить и другія общества домогаться того же, а это повело бы къ непроизводительной тратѣ колоніальныхъ мірскихъ суммъ.

Для доставленія евреямъ-земледѣльцамъ возможности получать пособія въ случаѣ пожаровъ, попечитель херсонскихъ колоній настаивалъ на введеніи и въ этихъ колоніяхъ того же взаимнаго страхованія, какое существовало въ нѣмецкихъ колоніяхъ, дабы «отучить евреевъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, заставить ихъ наблюдать другъ за другомъ и не разсчитывать на щедрое вознагражденіе за пожарные убытки». Однако министерство отклонило это представленіе, потому что «хозяйство евреевъ не было устроено, средства ихъ были скудныя, а сами они уклонялись отъ платежа слѣдовавшихъ съ нихъ платежей», слѣдовательно введеніе у нихъ колонистскаго страхованія было бы «почти равносильно совершенному уничтоженію страхованія: при неимѣніи страхового капитала, евреи въ случаѣ пожара «нашли бы предлогъ отказаться отъ платежей», которые

оказались бы значительнѣе ежегодно установленныхъ земскихъ страховыхъ платежей, и такимъ образомъ «погорѣльцы оставались бы безъ вознагражденія». Къ тому же евреи,—разсудило министерство,—подлежали, наравнѣ съ крестьянами, вѣдѣнію общихъ учрежденій, отчего и не было основанія къ изъятію ихъ изъ общаго земскаго страхованія.

Евреи-колонисты Беньяминъ Розовъ и Берка Друянъ просили дозволенія на перечисленіе ихъ въ купцы не въ полномъ составѣ ихъ семействъ, а раздробительно. Комитетъ высказался противъ такого перечисленія, такъ какъ оно неминуемо «повело бы къ ослабленію въ евреяхъ привычки къ осѣдлой жизни, къ повсемѣстному дробленію семействъ и даже къ совершенному уничтоженію колоній».

Не смотря на то, что такое раздробительное перечисленіе уже раньше было допущено екатеринославскою казенною палатою и департаментомъ окладныхъ сборовъ относительно колонистовъ Лисовскаго и Ингерова, и не смотря на представленіе въ разрѣшительномъ смыслѣ со стороны м-ва финансовъ, м-во госуд. им. все-таки присоединилось къ мнѣнію комитета, ибо «точный смыслъ законоположеній не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ правѣ евреевъ-земледѣльцевъ перечисляться въ купцы иначе, какъ въ полномъ составѣ ихъ семействъ». Тѣмъ не менѣе министерство согласилось *административнымъ порядкомъ* дозволить евреямъ перечисляться въ купцы и не въ полномъ составѣ ихъ семействъ. Уступку эту министерство мотивировало тѣмъ, что 1) въ 1866 г. министрамъ внутр. дѣлъ и госуд. имущ. поручено было представить государственному совѣту соображенія о распространеніи на евреевъ-земледѣльцевъ *общихъ* постановленій о сельскихъ обывателяхъ, а соображенія эти только еще разрабатывались; 2) прежняя система колонизаціи евреевъ мѣрами правительства отмѣнена и не подлежала возобновленію; 3) въ еврейскихъ земледѣльческихъ водвореніяхъ при подворноучастковой системѣ землевладѣнія семейный раздѣлъ не допускался, отчего въ одномъ дворѣ, разсчитанномъ на 6 ревизскихъ душъ,—накопилось, во многихъ случаяхъ, столь большое число душъ, что земельныхъ угодій двора едва хватало для прокормленія семьи; 4) средствъ же на уплату всѣхъ повинностей не имѣли. Оттого обращеніе части семьи къ торговлѣ и промысламъ составляло единственный исходъ изъ крайнихъ затрудненій и вполнѣ совпадало съ 17 ст. уст. о пошлинахъ.

Перечисленія въ мѣщане и со льготами добивались 115 еврейскихъ семействъ колоніи Гайдамацкой, Херс. губ., которыя даже *не считались*

земледѣльцами. Въ 1852 г. измаильскій мѣщанинъ Н. Чернецкій вознамѣрился водворить на свой счетъ до 200 еврейскихъ семействъ на Гайдамацкихъ казенныхъ участкахъ. Комитетъ согласился водворить ихъ на означенныхъ участкахъ лишь при условіи, что губ. начальство разрѣшитъ и доставитъ ихъ семейные списки. Въ 1854 г. херс. губ. правленіе — прислало комитету списки 115 семействъ, а казенная палата—пригласила ихъ въ земледѣльцы. Комитетъ однакожъ не принялъ ихъ въ свое вѣденіе, такъ какъ Чернецкій неизвѣстно куда скрылся, а изъ коробочнаго сбора денегъ на нихъ не поступало. Тѣмъ временемъ они, распродавъ въ Кіевской губ. свои дома и имущество, прибыли въ Херс. губ. и, въ ожиданіи водворенія,—совершенно раззорились. Настоянія комитета о высылкѣ для нихъ суммъ—никѣмъ не исполнялись. Въ 1863 г. херс. губ. правленіе воспретило выдавать имъ паспорты, а это препятствовало имъ отыскать заработки, даже на пропитаніе. Въ 1866 г. прекращена была колонизація евреевъ мѣрами правительства. Въ 1868 г. комитетъ отправилъ кіевскому губернатору списки евреевъ, для зачисленія ихъ въ прежнее ихъ званіе, ибо хотя казенная палата и считала ихъ водворенными на Гайдамацкихъ участкахъ, но въ дѣйствительности ничего этого не было.

И такъ, 115 семействъ, оставаясь неводворенными, вовлечены были въ конечное раззореніе, по причинамъ, отъ нихъ вовсе независѣвшимъ. Кромѣ того, они не воспользовались ни пособіями отъ казны, ни выгодами отъ земледѣльческаго состоянія. Во вниманіе ко всему сказанному, министерство сочло вполнѣ справедливымъ дозволить имъ возвратиться въ городское сословіе и предоставить всѣ льготы, дарованныя закономъ 12 февраля 1865 г., т. е. освободить ихъ отъ исполненія повинностей за прежнее время и разсрочить имъ числившіяся на нихъ недоимки.

Съ давняго времени за самобѣднѣйшими и уже умершими земледѣльцами считался розданный имъ въ ссуду въ неурожайные годы на продовольствіе и посѣвы общественный хлѣбъ, а именно: Большой и Малой Сейдеминухи около 700, Боброваго Кута 600, Романовки 100, Излучистой 300, Израилевки 115, Эфенгара 1,050 четвертей.

Общества этихъ колоній, вслѣдствіе бывшихъ нѣсколько лѣтъ неурожаевъ, дѣйствительно находились въ крайней бѣдности и не въ состояніи были выплатить означенныя ссуды, а потому комитетъ желалъ освободить ихъ отъ этого долга. Исключительное положеніе обществъ выражалось главнымъ образомъ въ томъ что за бродяжествовавшихъ ихъ односельчанъ, равно какъ и за умершихъ, больныхъ и къ земледѣлію неспособныхъ,—

они по круговой порукѣ обязывались нести всѣ подати и повинности, а изъ этого явленія вытекалъ «и малый успѣхъ въ хозяйствѣ даже и тѣхъ изъ евреевъ, которые прилежно занимались земледѣліемъ».

Сочувствуя бѣдственному состоянію колоній и признавая, что ссуда числилась на умершихъ, отсутствовавшихъ и нищенствовавшихъ, съ которыхъ возвратъ ея представлялся весьма затруднительнымъ или даже совсѣмъ невозможнымъ, министерство сложило со счета недоимочный хлѣбъ, числившійся на умершихъ безъ наслѣдниковъ и на бродяжествовавшихъ; остальныя же недоимки приказало взыскать съ обществъ, по уравнительнымъ раскладкамъ.

Ссыпка хлѣба въ запасные магазины по закону должна была производиться по 1 четверику ржи и по 4 гарнца ярового съ каждой ревизской души въ годъ; при скудности же урожая, не превышавшаго самъ-другъ, сборъ хлѣба пріостанавливался. Сильнѣйшій неурожай 1868 г. лишилъ колонистовъ всѣхъ херсонскихъ колоній всякой возможности выполнить требованія закона, а многихъ оставилъ еще и безъ пропитанія. Такъ, въ колоніяхъ въ 1868 г. было:

	Посѣяно.		Собрано.	
	Ржи четв.	Пшен. четв.	Ржи четв.	Пшен. четв.
Большой Сейдеминухѣ . .	120	140	20	15
Малой » . .	35	135	8	9
Бобровомъ Кутѣ	90	216	37 3/8	61
Большомъ Нагартавѣ . .	40	372	32 1/4	282
Маломъ » . .	17 7/8	219 1/4	13	91 1/8
Эфенгарѣ	67	78	28 1/4	49 1/8
Ингульцѣ	129 7/8	412 1/2	15 1/8	445 1/4
Каменкѣ	48 7/8	59 1/2	15	40
Новомъ Бериславѣ	60	188	60	316
Львовой	80	143 1/2	50	65
Новополтавкѣ	127 1/2	298 5/8	30 7/8	356 5/8
Романовкѣ.	83 5/8	227	—	224
Нововитебскѣ	69	221 7/8	—	113 1/4
Новоковнѣ	40	143 1/8	—	215
Новожитомірѣ	—	104 1/8	—	157
Доброй	129 3/8	381 3/8	17	572

Въ виду этого общественнаго бѣдствія, министерство разсрочило всѣмъ колонистамъ доставку причитавшагося съ нихъ запаснаго хлѣба на 3 послѣдующіе года; но комитетъ этимъ не удовольствовался, а просилъ еще денегъ для самобѣднѣйшихъ, а именно: на 2,835 душъ 4,585 р. изъ доходовъ съ земель, предназначенныхъ подъ поселеніе евреевъ, съ возмѣще-

ніемъ этой ссуды съ перваго же урожая или изъ общественныхъ суммъ въ нѣсколько лѣтъ.

Министерство утвердило безъ процентовъ эту ссуду «для спасенія евреевъ отъ голода» изъ другого источника—частнаго продовольственнаго ихъ капитала, но съ условіемъ, чтобы «подъ особымъ наблюденіемъ попечителя деньги уплачивались именно за хлѣбъ и тѣмъ, у кого его купятъ»; чтобы самую ссуду зачислить за каждымъ изъ колонистовъ, пропорціонально стоимости хлѣба, какой получитъ, и чтобы погасили они ссуду въ теченіи послѣдующихъ 2-хъ урожаевъ, подъ ручательствомъ цѣлыхъ обществъ, къ которымъ принадлежали. Такую же ссуду, въ томъ же году и на тѣхъ же условіяхъ, министерство дало колонистамъ Львовой—472 р. 50 к. и Новополтавки—800 р.

Общества херсонскихъ колоній Ново-Витебскъ, Ново-Подольскъ и Ново-Ковно, будучи въ такомъ же крайне бѣдственномъ положеніи отъ продолжавшихся нѣсколько лѣтъ сряду неурожаевъ, оказались несостоятельными къ уплатѣ недоимки ссуднаго по водворенію долга; недоимки этой числилось на колоніяхъ: Ново-Витебскъ 2,530 р. 37 к., Ново-Подольскъ 1,675 р. 99½ к. и Ново-Ковно 484 р. 50 к. Общества и ходатайствовали о взносѣ недоимокъ изъ доходовъ, поступавшихъ съ запасныхъ участковъ въ мірскія ихъ кассы, которыхъ значилось: Ново-Витебска 5,462 р. 52 к., Ново-Подольска 4,562 р. 83 к. и Ново-Ковно 3,394 р. 74 к.

Примѣняясь къ правиламъ, существующимъ относительно мірскихъ кассъ крестьянскихъ обществъ, и въ виду того, что, по предполагавшейся передачѣ евр. колоній въ общія учрежденія, кассы эти долженствовали перейти въ распоряженіе самихъ обществъ, министерство дозволило покрыть приведенную недоимку 3-хъ колоній изъ причитавшихся обществамъ частей мірского капитала.

Къ екат. колоніямъ причислялись, съ платежомъ податей, 23 еврейскихъ семейства, не надѣленныхъ землею и поэтому уклонявшихся отъ платежа за нее налоговъ. Общества и просили объ освобожденіи ихъ отъ этихъ податей, которыя неправильно относились на общества, безъ того обремененныя податями, а на означенныхъ 23 семействахъ накопилась недоимка въ 3,366 р. Попечитель колоній полагалъ справедливымъ надѣлить 23 семейства по 30 дес. на каждое,—690 дес., изъ свободнаго участка, а изъ дохода, полученнаго за эту землю за 1865—1867 гг., по 75½ к. съ десятины—1,565 р. 85 к.—пополнить часть помянутой

недоимки Комитетъ одобрилъ доводы попечителя. Министерство утвердило предположеніе, а остальные 1,800 р. 15 к. велѣно взыскать съ самихъ водворяемыхъ въ теченіи 5 лѣтъ.

Происшедшею 22 февраля 1869 г. въ кол. Графской сильною бурею сорвало съ общественнаго магазина половину желѣзной крыши и повредило всю ее до такой степени, что понадобилась новая. Министерство, раздѣляя мнѣніе комитета о крайней бѣдности колонистовъ, отпустило на устройство крыши 200 р., изъ доходовъ отъ запаснаго при колоніи участка.

Канцелярія и чиновники попечительства ёкат. колоній помѣщались въ нанимавшихся обществомъ квартирахъ. Попечитель и ходатайствовалъ о постройкѣ для него дома и о покупкѣ для канцеляріи и письмоводителя нанимавшагося дома за 1,300 р., съ уплатою по 150 р. въ годъ, но министерство во всемъ отказало, въ виду прекращенія водворенія евреевъ на казенныхъ земляхъ, предполагавшагося подчиненія колоній общему губернскому управленію и предстоявшаго упраздненія должностей попечителей колоній. Комитетъ перевелъ поэтому попечительство въ колонію Грунау, въ домъ смотрителя маріупольскихъ и бердянскихъ колоній, вслѣдствіе порученія попечителю еврейскихъ колоній завѣдывать и названными колоніями. Затѣмъ, послѣ назначенія для маріупольско-бердянскихъ колоній отдѣльнаго смотрителя, пребываніе въ Грунау еврейскаго попечительства оказалось вообще невозможнымъ, а для евреевъ-земледѣльцевъ и неудобнымъ.

Колонія Львова принадлежала къ числу *лучшихъ* въ Херс. губ., по своему положенію при Днѣпрѣ и по значительности колонистовъ, которые додумались до необходимости открытія тамъ ярмарокъ. Мысль эту одобрялъ и попечитель, находя, что учрежденіе въ колоніи по воскресеньямъ еженедѣльныхъ базаровъ, а 24 апрѣля и 26 августа—ярмарокъ принесло бы обществу пользу въ сбытѣ и пріобрѣтеніи разныхъ продуктовъ и скота, да «возбудило бы въ домохозяевахъ охоту къ расширенію занятій земледѣліемъ и скотоводствомъ».

По закону, евреямъ дозволялись, какъ и крестьянамъ, безъ свидѣтельствъ торговля и ремесла на земляхъ своего селенія, т. е. они могли заводить при своихъ домахъ лавки, лабазы, мелкія фабрики и всякія домашнія заведенія, на которыхъ вырабатывались сукно, холстъ, пестрядь и проч.; тѣ же изъ нихъ, которые вполнѣ устроили свое хозяйство и имѣли достаточное число рукъ для занятія хлѣбопашествомъ, могли до истеченія опредѣленныхъ сроковъ записываться на общемъ основаніи въ гильдіи и торговать по установленнымъ свидѣтельствамъ, но безъ исключенія ихъ изъ

земледѣльческаго званія. Министерство снеслось съ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ и мин. внутр. дѣлъ, а, получивъ отъ нихъ утвердительные отвѣты, разрѣшило устраивать базары и ярмарки «для увеличенія благосостоянія колоній».

Капиталовъ колоній насчитывалось: 1) на устройство еврейскихъ поселеній 371,302 р. 54³/₄ к. (образовался изъ доходовъ отъ отдачи въ оброчное содержаніе свободныхъ земель, предназначавшихся подъ поселеніе евреевъ, и изъ возвращавшихся евреями-земледѣльцами ссудъ, полученныхъ ими при водвореніи на казенныхъ земляхъ); 2) на водвореніе евреевъ-земледѣльцевъ 7,221 р. 70¹/₂ к., остатокъ отъ казенныхъ ассигновокъ на водвореніе евреевъ на казенныхъ земляхъ Херс. и Екат. губ.; 3) отъ сбора съ евреевъ-земледѣльцевъ за выдачу имъ паспортовъ 10,834 р. 63 к.; 4) продовольственнаго херсонскихъ поселеній 6,311 р. 42¹/₂ к., составившійся изъ ежегодныхъ отчисленій изъ доходовъ съ мірскихъ оброчныхъ статей; 5) мірскихъ кассъ херс. и екат. селеній 111,923 р. 7 к., изъ доходовъ съ запасныхъ при селеніяхъ участковъ, выдѣленныхъ изъ 40 десятиннаго на семейство надѣла по 10 дес.; 6) отчисленные изъ екат. мірскихъ кассъ на пополненіе долга въ продовольственный капиталъ государственныхъ крестьянъ 20,500 р.; 7) сберегательныхъ кассъ при херсонскомъ попечительствѣ 1,474 р. 50 к., и 8) вспомогательной кассы екатеринославскаго попечительства 6,500 р., а всего 536,067 р. 87³/₄ к. *.

В. Никитинъ.

* По документамъ отъ 8 августа, 5 сентября и 5 декабря 1866 г., отъ 31 января, 14 февраля, 9 и 28 марта, 16, 17, 18 и 31 мая, 30 сентября, 2, 4, 6, 16 и 19 октября, 6, 17 и 22 ноября, 2, 14 и 16 декабря 1867 г.; 13, 15 и 20 февраля, 5, 11 и 14 марта, 9, 10, 12, 15, 18, 19 и 24 апрѣля, 17, 19, 21, 22 и 31 мая, 8 и 15 іюня, 13, 16 и 17 іюля, 16 и 19 сентября, 17 и 28 октября, 28 и 29 ноября, 14 и 31 декабря 1868 г.; 3, 9, 10, 12, 16, 19, 25 и 28 января, 13, 15, 18, 19 и 28 февраля; 9 и 18 марта, 15 апрѣля, 5, 19 и 26 мая, 5, 6, 9, 17 и 24 іюня, 8, 12, 25 и 26 іюля, 11 и 14 августа 1869 г., 21 января, 22, 23, 24 и 29 іюля и 21 сентября 1870 и 21 января 1871 г.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ ЭДУАРДА РЕЙСА.

КНИГА ІОВА.

Книга Іова разсказываетъ событіе, но не въ разсказѣ истинная цѣль произведенія. Оно было написано совсѣмъ съ другимъ намѣреніемъ. Оно имѣло цѣлью разсмотрѣть вопросъ религіозной философіи, выдвинуть идею мало оцѣненную или дурно понятую. Поэтому намъ важно прежде всего познакомиться съ этою идеею, чтобы быть въ состояніи дать себѣ отчетъ о духѣ и характерѣ самаго произведенія.

Религіозная вѣра евреевъ, въ той формѣ, въ какой ее провозглашали духовные предводители націи, основывалась на понятіи о правосудіи Божьемъ, какъ на верховномъ принципѣ. Основной и неоспоримый законъ управленія міромъ гласилъ, что счастье есть награда за честную и добродѣтельную жизнь и что порокъ и преступленіе не избѣгаютъ наказанія. Это убѣжденіе, глубоко укоренившееся у тѣхъ, кто обладалъ чистымъ сердцемъ и не имѣлъ личнаго интереса отвергать его, есть явленіе тѣмъ болѣе удивительное, что состояніе общества и политическое положеніе страны далеко не соотвѣтствовали этому теоретическому понятію и что дѣйствительность противорѣчила идеалу. Мы не можемъ потому въ достаточной мѣрѣ выразить наше удивленіе передъ этой великою силой вѣры, не дающей себя поколебать созерцаніемъ такого положенія вещей, которое, казалось, представляло ей самое блестящее опроверженіе. Не надо будетъ, однако, терять изъ виду одно обстоятельство, которое до извѣстной

степени можетъ послужить для объясненія этого необычайнаго явленія. Законъ и пророки всегда имѣютъ въ виду народъ, взятый въ своемъ цѣломъ. Отдѣльныя личности настолько входятъ въ разсчетъ, насколько онѣ составляютъ часть этого цѣлаго, или, лучше сказать, онѣ вовсе въ разсчетъ не принимаются. Когда законъ говоритъ: «Почитай отца и мать, да будешь ты долго жить на землѣ», то очевидно, что это обѣщаніе не обращается лично къ каждому покорному и послушному сыну, ибо опытъ опровергалъ бы его на каждомъ шагу. Это народъ получаетъ увѣреніе, что поддерживаніе порядка въ домашнихъ отношеніяхъ и исполненіе сыновней обязанности, сдѣлавшись основою подобныхъ же отношеній въ государственномъ строѣ, послужатъ залогомъ спокойнаго обладанія Ханааномъ. Когда пророки провозглашаютъ, что несчастья, наполняющія страну, суть небесныя наказанія, они не заботятся о томъ, чтобы опредѣлять, какую именно долю каждый въ отдѣльности имѣетъ въ преступленіяхъ, навлекшихъ эти наказанія. Даже будущее заранѣе рисовалось согласно этому принципу солидарности. Развращенному и упорствующему поколѣнію угрожали несчастіями и катастрофами; возстановленіе и счастье обѣщались раскаявшимся и возвратившимся къ Богу; но повсюду и всегда предупрежденіе объ этихъ воздаяніяхъ обращается къ народу въ его цѣломъ.

Если этотъ законъ солидарности неоспоримо управляетъ дѣлами сего міра, и въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно это думаютъ, то тѣмъ не менѣе вѣрно, что и индивидуумъ имѣетъ также свои права и что каждый прежде всего отвѣчаетъ за себя самого, что, впрочемъ, признаютъ и пророки. Каждый такимъ образомъ пойметъ, что отвлеченная теорія, въ той формѣ, въ какой мы ее изложили выше, не удовлетворяла того, кто объ ней размышлялъ, во всѣхъ конкретныхъ случаяхъ, къ которымъ ее прилагали. Общія несчастія всегда падали на большое число такихъ людей, которые ни въ чемъ не были повинны въ причинахъ, ихъ навлекавшихъ. Добродѣтельный человѣкъ страдалъ также, когда наказаніе злыхъ совершалось путемъ общихъ несчастій, или когда тщеславіе и жадность ввергали страну въ ужасы войны. Но онъ также

страдалъ подъ гнетомъ дурного управленія, установленію котораго онъ нисколько не содѣйствовалъ; болѣзнь его постигала, какъ и другихъ; смерть похищала его дѣтей, и онъ ничего не могъ сдѣлать; молнія могла разрушить его домъ и пощадить домъ его преступнаго сосѣда. Вотъ факты, которые совершались ежедневно и которые не могли быть объяснены помощью чисто механической теоріи о воздаяніи.

Эту-то трудную задачу о несогласіи между заслугою и судьбою личности авторъ книги Іова и берется обсудить и разрѣшить. Онъ хочетъ объяснить—какъ и почему человѣкъ праведный можетъ быть несчастенъ. Но, чтобы исполнить свою задачу, онъ не пишетъ разсужденія, какъ сдѣлалъ бы это философъ новѣйшаго времени, а создаетъ поэму. Онъ не сочиняетъ трактата, онъ разсказываетъ исторію, и идеи, которыя онъ представляетъ на размышленіе своимъ читателямъ, производятъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на ихъ умъ, что онѣ въ одно и то же время трогаютъ ихъ сердце и занимаютъ ихъ воображеніе. Автору такимъ образомъ удалось создать произведеніе—единственное въ своемъ родѣ во всей исторіи древней литературы.

Историческая рамка, въ которую онъ вставилъ свое поученіе. очень проста и достаточно извѣстна. Мы поэтому съумѣемъ ограничиться короткимъ резюме, который былъ бы даже излишнимъ, если бы не было необходимо имѣть его въ виду для оцѣнки книги съ двоякой точки зрѣнія—съ точки зрѣнія ея литературнаго достоинства и ея философской важности.

Въ странѣ Уцъ, далеко по ту сторону границъ Ханаана, въ обширныхъ равнинахъ Аравіи, жилъ человѣкъ правдивый и благочестивый, по имени Іовъ, самый богатый въ своемъ племени, владѣлецъ безчисленныхъ стадъ и окруженный многочисленной семьей. Однажды ангелы собрались вокругъ престола Господа, и тотъ изъ нихъ, который имѣлъ своимъ назначеніемъ обвинять людей, спрошенный относительно того, что онъ думаетъ о Іовѣ, объ этомъ образцѣ добродѣтели и благочестія, отвѣтилъ, что его слѣдуетъ подвергнуть иску-

шенію, прежде чѣмъ осыпать похвалами: нѣтъ ничего удивительнаго, если, будучи такъ богатъ и благословенъ, онъ непоколебимо привязался къ Тому, Кому обязанъ всѣми этими благами. А вотъ пускай ихъ у него отнимутъ, и тогда увидятъ, что станется съ его благочестіемъ. Господь даетъ позволеніе этому ангелу отнять у Іова все, чѣмъ онъ обладаетъ. Въ одинъ день Іовъ лишается своихъ стадъ, своихъ рабовъ и даже своихъ дѣтей, похищенныхъ у него разбойниками или же страшными переворотами въ природѣ. Онъ доведенъ до нищеты; но, оплакивая свою судьбу, онъ тѣмъ не менѣе покорно смиряется: Богъ мнѣ далъ, и Богъ у меня отнялъ, да будетъ имя Его благословенно. Снова ангелы собираются передъ Господомъ, который выражаетъ свое довольство тѣмъ, какъ Іовъ выдержалъ искушеніе. Но обвинитель снова выступаетъ, говоря, что искушеніе не было полное: пока человѣкъ сохраняетъ цѣлою свою жизнь, онъ все еще считаетъ себя счастливымъ; но пускай покусятся на нее, и тогда можно будетъ увидѣть какова сила его вѣрности. Господь даетъ позволеніе обвинителю распоряжаться и самимъ Іовомъ. И вотъ этотъ послѣдній пораженъ страшною болѣзнью; все тѣло его покрывается язвами, весь міръ его оставляетъ, даже его жена, видя его въ такомъ состояніи, доходитъ до отчаянія и наконецъ до богохульства. Но Іовъ отвѣчаетъ: Мы приняли изъ рукъ Господа все хорошее; почему же мы не примемъ теперь и горькое и печальное? И Іовъ оставался непоколебимымъ и безъ грѣха. У него было три друга, жившихъ въ различныхъ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ другъ отъ друга. Узнавъ о его несчастіяхъ, они приходятъ его навѣстить и утѣшать, и тутъ встрѣчаются всѣ. Но, при видѣ его, боль ихъ охватываетъ до того, что они остаются нѣмыми и не въ состояніи произнести ни одного слова, чтобы дать ему хоть нравственное утѣшеніе.

До сихъ поръ авторъ намъ представляетъ прозаическій разсказъ, но трогательный по своей простотѣ, и веденный такимъ образомъ, что онъ сильно возбуждаетъ интересъ читателя къ личности Іова, котораго сторону онъ готовъ принять въ предстоящемъ спорѣ. Ибо, начиная съ этого момента, форма и тонъ мѣняются; проза замѣняется поэзіею, и поэзіею самою

блестящею, какую только создалъ геній еврейскаго народа. Между Іовомъ и его тремя друзьями завязывается діалогъ. Іовъ первый прерываетъ молчаніе, и изъ его груди вырываются стоны отчаянія. То, чего не могли сдѣлать страшные удары судьбы, было сдѣлано неумѣстнымъ присутствіемъ этихъ людей, которые хотѣли принести ему утѣшеніе, и не знали что̀ сказать. Слабость человѣческой натуры беретъ верхъ, благочестивое смиреніе исчезаетъ, и Іовъ разливается въ горькихъ жалобахъ, проклинаетъ день, въ который онъ родился. Этотъ внезапный взрывъ открываетъ наконецъ уста его друзей. Они заговариваютъ одинъ за другимъ, чтобы высказать свое мнѣніе о судьбѣ Іова. Онъ говорилъ только о своемъ несчастьи, но не о причинахъ этого несчастья. Онъ, правда, не обвинялъ Бога, но онъ и себя самого тоже не обвинялъ. Это обстоятельство дѣлается предметомъ діалога, или, если угодно, завязкою драмы. Друзья даютъ замѣтить, сначала легкими намеками, затѣмъ и болѣе прямымъ и болѣе положительнымъ образомъ, что подобное несчастье должно быть было заслужено. Изъ дѣйствія они выводятъ заключеніе о причинѣ. Чѣмъ больше Іовъ оспариваетъ вѣрность этого заключенія, тѣмъ больше они настаиваютъ и наконецъ кончаютъ упреками, которые мало согласуются съ чувствами, ихъ приведшими. Но и Іовъ также, съ своей стороны, все больше и больше воспламеняется споромъ; онъ энергично настаиваетъ на своей невинности, и такъ какъ люди отказываются ему вѣрить, то онъ призываетъ Бога въ свидѣтели, онъ настойчиво молитъ Его вступиться за него, свидѣтельствовать въ его пользу, и объяснить ему самому эту страшную загадку его судьбы. Діалогъ продолжается; Іовъ отвѣчаетъ лично каждому изъ участвующихъ въ діалогѣ, которые по очереди три раза возобновляютъ свое обвиненіе. Только въ третій разъ второй говоритъ всего нѣсколько словъ, а третій совсѣмъ молчитъ. Безъ сомнѣнія, поэтъ хотѣлъ этимъ показать, что Іовъ не былъ побѣжденъ, что ему еще предстоитъ сказать свое послѣднее слово, такъ какъ его виновность не была доказана, а аргументы его противниковъ были истощены. Такъ какъ горячность спора была немного охлаждена со стороны

этихъ послѣднихъ, то и Іовъ также начинаетъ немного успокоиваться, и споръ оканчивается новымъ монологомъ, совершенно отличнымъ отъ перваго. Іовъ оглядывается назадъ, на прекрасные дни своего прошлаго; но это воспоминаніе, какъ бы оно ни было горько, вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ, которое ему доставляетъ безсиліе его противниковъ, оказываютъ благотворное вліяніе на его взволнованный духъ и даютъ ему наконецъ возможность найти извѣстное спокойствіе. Онъ такимъ образомъ лучше настроенъ выслушать серьезныя указанія, которыя его ждутъ, лучше чѣмъ раньше, когда онъ былъ отягченъ однимъ нравственнымъ и физическимъ горемъ.

Три друга, такимъ образомъ, отказываются продолжать споръ. Но это не доказываетъ, что Іовъ говорилъ разумно и справедливо во всѣхъ отношеніяхъ, по волѣ автора. Теперь на сцену выступаетъ самъ Іегова, невидимый глазамъ смертнаго; но его величественный голосъ можетъ быть ясно разслышанъ тѣмъ, къ кому онъ обращается. Онъ не говоритъ Іову о дѣлахъ, о дѣйствіяхъ и страданіяхъ личности; онъ говоритъ о чудесахъ творенія, о тайнахъ управленія міромъ. Въ длинномъ рядѣ вопросовъ, гдѣ поэтическая красота формы соперничаетъ съ величіемъ сюжета, и на которые безсильный смертный можетъ только отвѣтить молчаніемъ и замѣшательствомъ, Онъ предлагаетъ Іову сравнить мудрость человѣческую съ разумомъ, который управляетъ установленнымъ въ природѣ порядкомъ, и показываетъ ему, сколько безумнаго въ этомъ желаніи—обсуждать и оспаривать пути Провидѣнія. Іовъ, только за минуту передъ тѣмъ имѣвшій на душѣ столько сомнѣній, за разрѣшеніемъ которыхъ онъ желалъ обратиться къ Богу, если Ему было бы угодно проявиться, теперь остается нѣмымъ и не знаетъ, что́ отвѣчать на одинъ изъ этихъ безчисленныхъ вопросовъ. Онъ стоитъ въ молчаніи и только можетъ обнаружить свое искреннее раскаяніе въ томъ, что онъ осмѣлился роптать на Всевышняго и выйти изъ границъ, начертанныхъ человѣку.

Въ этомъ мѣстѣ прозаическій разсказъ снова замѣняетъ мѣсто поэтическаго творенія, и въ нѣсколькихъ строкахъ пере-

даетъ намъ конецъ. Исторія кончается счастливо для всѣхъ, и особенно для читателя. Iегова упрекаетъ трехъ друзей за то, что они дурно судили Iова; этотъ же послѣдній щедро вознагражденъ за всѣ перенесенныя несчастія. Онъ снова дѣлается богатымъ и счастливымъ; его стада еще многочисленнѣе, чѣмъ прежде; у него рождаются новые дочери и сыновья, и онъ доживаетъ до такихъ лѣтъ, какихъ рѣдко достигаютъ обыкновенные смертные.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему разсмотрѣнію произведенія, надо признать, что мы имѣемъ передъ собою памятникъ искусства, твореніе, котораго одна уже форма заслуживаетъ особеннаго изученія. По этому поводу мы должны сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя будутъ касаться всего произведенія въ его цѣломъ.

Скажемъ прежде всего, что многіе пытались подвести книгу Iова подъ одну какую нибудь категорію европейской поэзіи. Ее разсматривали то какъ эпопею, то какъ драму, то какъ поэму дидактическую. Она дѣйствительно представляетъ нѣсколько аналогій со всѣми этими родами литературы, но она еще больше отличается отъ каждаго изъ нихъ присущими ей качествами. Повѣствовательный элементъ въ ней занимаетъ слишкомъ ничтожное мѣсто для того, чтобы ее причислить къ эпическому роду. Отъ драмы она имѣетъ только діалогъ; дѣйствія же тамъ нѣтъ совершенно, хотя и слѣдуетъ признать, что борьба человѣка съ его судьбою и съ самимъ собою—сюжетъ трагическій по преимуществу. Наконецъ, по своей цѣли, она могла бы съ нѣкоторыми усиліями быть помѣщена въ разрядъ дидактической поэзіи; но она ни въ чемъ не походитъ на то, что мы теперь называемъ образцами этого рода литературы. Ибо она распредѣляетъ различныя мнѣнія, изъ борьбы между которыми должна выйти истина, между нѣсколькими личностями, и далеко отъ того, чтобы принять величественный тонъ поученія, который у многихъ самыхъ лучшихъ писателей этого рода переходитъ въ педантизмъ,—нашъ авторъ повсюду возвышается до самаго высокаго, самаго обаятельнаго лиризма. Откажемся же отъ желанія опредѣлить по нашимъ теоріямъ столь ориги-

нальную поэму и будемъ наслаждаться ея красотами, мало заботясь о правилахъ школы.

Вопросъ болѣе интересный и болѣе, быть можетъ, новый для большинства нашихъ читателей относится къ самому характеру разсказа, который служитъ рамкою для дидактическаго элемента. Намъ всѣмъ представляли его въ нашей юности какъ вѣрную, дѣйствительно случившуюся исторію, такъ, что другой элементъ, самый главный въ этой книгѣ, былъ почти въ совершенномъ пренебреженіи, или же очень ложно резюмированъ въ аксіомѣ, что праведный, временно обиженный вслѣдствіе интригъ дьявола, въ концѣ концовъ побѣждаетъ помощью Бога, если онъ остается твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Такимъ образомъ, Іовъ постоянно слылъ какъ образецъ терпѣнія (см. Посланіе Іакова, гл. V, ст. 11), и въ нашихъ старыхъ библіяхъ съ гравюрами его можно видѣть сидящимъ на своей кучѣ сору, со священнымъ ореоломъ на головѣ *. Между тѣмъ уже Лютеръ подозрѣвалъ истину. Онъ также вѣрилъ въ историческую дѣйствительность разсказа, но онъ полагалъ, что какой нибудь глубокомысленный и благочестивый авторъ, какой нибудь поэтъ-теологъ, самъ испытанный несчастіемъ, сдѣлалъ изъ него книгу для поученія, немного похожую по формѣ на комедію, на драматическую пьесу съ раздѣленіемъ ролей. Это мнѣніе, формулированное немного болѣе научно, есть теперь самое распространенное. Славы поэта никто не оспариваетъ; оспариваютъ у него только его героя. Этотъ послѣдній, по мнѣнію большинства, точно такъ же какъ и личности его друзей, испытанныя несчастья, и другіе элементы поэмы, были ему доставлены преданіемъ.

Намъ кажется, что это мнѣніе невозможно принять. Мы полагаемъ, что все въ этомъ произведеніи обязано своимъ происхожденіемъ свободному творчеству поэтическаго генія. Чтобы оправдать нашъ взглядъ, мы не станемъ опираться на сцены,

---

* Само собою разумѣется, что авторъ говоритъ о христіанскихъ толкованіяхъ Іова. Еврейскія толкованія, въ свою очередь, содержатъ въ себѣ массу нелѣпостей; однако, уже въ среднихъ вѣкахъ еврейскіе ученые допускали, что вся исторія Іова выдумана и что такой личности никогда не существовало.

Перев.

происходящія на небѣ, ни на личное вмѣшательство Іеговы. Тѣ, которые увидѣли бы во всемъ этомъ нечистую поэзію, а нѣчто иное, доказали бы только, что они сами нисколько не поэты. Мы настаиваемъ, что вся исторія, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, носитъ печать произведенія воображенія. Всѣ эти разнообразныя несчастья, втѣсненныя въ пространство одного только часа, внезапная потеря стольких стадъ, которыя однако не могли всѣ находиться на одномъ мѣстѣ, гроза, убивающая однимъ ударомъ семь тысячъ овецъ, семь дней и семь ночей, въ теченіе которыхъ три друга сидятъ на землѣ противъ Іова, не сказавъ ни одного слова, внезапное возстановленіе огромнаго и всецѣло погибшаго имущества, рожденіе второго ряда дѣтей, послѣ того какъ первыя погибли уже въ зрѣломъ возрастѣ, всѣ эти подробности, говоримъ мы, не имѣютъ въ себѣ никакой вѣроятности. Поэтъ даже всѣмъ этимъ до того мало занимается, что нѣсколько разъ онъ какъ будто забываетъ подробности или же даже противорѣчитъ имъ, такъ что иногда могла бы прійти въ голову странная мысль, что историческій прологъ написанъ не тою самою рукою, которая написала все произведеніе. Затѣмъ, трудно дать себѣ хорошенько отчетъ о мѣстѣ дѣйствія этой исторіи; также трудно понять, живетъ ли Іовъ и его семья въ городѣ и въ домахъ, или же живутъ они въ палаткахъ, въ степи, подобно арабамъ пустыни; ибо встрѣчаются мѣста въ потвержденіе того и другого мнѣнія. Но все это сущіе пустяки въ сравненіи съ однимъ капитальнымъ фактомъ, который одинъ доказываетъ достаточно, что мы имѣемъ передъ собою только фиктивныхъ лицъ. Передъ нами четыре арабскихъ шейха, живущихъ далеко отъ Ханаана, внѣ всякаго соприкосновенія съ полученнымъ помощью откровенія ученіемъ, и которые, не смотря на это, всѣ четыре говорятъ о Богѣ, о Его величіи, о Его святости и объ Его управленіи міромъ, такъ что мы вполнѣ вправѣ утверждать, что ни одинъ пророкъ не сказалъ ничего лучшаго, не говорилъ болѣе краснорѣчиво. Поэтъ свободно располагаетъ своими лицами, которыя только служатъ ему декораціею при изложеніи его идеи, и только эта идея имѣетъ привилегію на дѣйствительность.

Да, исторія Іова—прекрасная и грандіозная парабола. Истина заключается не въ поэтическихъ формахъ, имѣющихъ цѣлью возбудить воображеніе, но въ религіозныхъ и нравственныхъ принципахъ, которые тамъ выдвинуты. Возражаютъ, что присутствіе собственныхъ именъ говоритъ въ пользу исторической дѣйствительности лицъ. Но съ какого это времени имена собственныя сдѣлались несовмѣстимыми съ фикціею? Парабола о зломъ богачѣ и бѣдномъ Лазарѣ не служитъ ли доказательствомъ противнаго? И здѣсь имя героя приспособлено нарочно къ тому, чтобы оріентировать читателя. Іовъ есть имя, которое никогда въ другомъ мѣстѣ не встрѣчается, но которое, по своей этимологіи, совершенно соотвѣтствуетъ судьбѣ, выпавшей на его долю и описанной въ этомъ произведеніи. Это слово есть страдательное причастіе, которое въ своей дѣйствительной формѣ, очень употребительной, обозначаетъ *врагъ*. Іовъ, такимъ образомъ значитъ *тотъ, который переноситъ вражду*, будетъ ли то отъ судьбы, или же отъ людей. И мы прибавимъ вмѣстѣ съ Лютеромъ, что тотъ, который начертилъ портретъ этого несчастнаго, долженъ былъ говорить по опыту.

Теперь мы сдѣлаемъ рядъ другихъ замѣчаній, относительно того, какимъ образомъ авторъ расположилъ свой разсказъ, чтобы онъ могъ ему лучше служить для выраженія идей, какія онъ хотѣлъ выдвинуть.

Прежде всего мы замѣтимъ, что главныя событія, составляющія его основу, носятъ печать преувеличенія. Богатства Іова огромны, его несчастья смѣняютъ другъ друга съ какою-то поражающею быстротою, его страданія превосходятъ всякую мѣру. Все это сдѣлано съ намѣреніемъ. Если судьба Іова представлена какъ самая чрезвычайная во всѣхъ отношеніяхъ, то это для того, чтобы нравоученіе, отсюда выступающее, легко могло быть приложимо ко всѣмъ другимъ случаямъ.

Друзья представляютъ собою традиціонное понятіе о воздающемъ Божьемъ правосудіи, скажемъ охотно,—въ его самой вульгарной, самой механической формѣ. Іовъ страдаетъ; они изъ этого выводятъ, что онъ виноватъ. Онъ много страдаетъ, слѣдовательно, онъ большой грѣшникъ. Надо во что бы то ни стало довести его до признанія его грѣховъ. То, что должно

было вызвать ихъ состраданіе, въ концѣ охлаждаетъ ихъ сочувствіе. Схоластическая теорія заглушаетъ чувства дружбы. Ихъ трое, но они не представляютъ трехъ различныхъ системъ или трехъ различныхъ рѣшеній; они даже не становятся на три различныя точки зрѣнія, какъ это обыкновенно бываетъ въ драмахъ, гдѣ каждое лицо имѣетъ свою особенную роль. Можно въ крайности сказать, что одинъ говоритъ съ большею умѣренностью, а другой съ большею страстностью и горячностью; въ основѣ же они всѣ говорятъ одно и то же. Число ихъ показываетъ просто, что благомыслящій человѣкъ, пораженный несчастіемъ, имѣетъ противъ себя большинство, что люди вообще склонны судить его неблагопріятно, что толпа спѣшитъ присоединить свое одобреніе къ приговору общаго мнѣнія, какъ только зарождается какое нибудь подозрѣніе, или же когда предстоитъ повторять или примѣнять, безъ всякаго обсужденія, ходячія правила.

Полагаемъ, что теперь будетъ умѣстно заговорить объ одномъ фактѣ, который часто былъ отмѣчаемъ, какъ слабая сторона поэмы, если не даже какъ крупный ея недостатокъ. Рѣчи трехъ друзей изобилуютъ повтореніями. Все тянутъ они одну и ту же пѣсню: Богъ наказываетъ нечестивцевъ; несчастье есть наказаніе за совершенный грѣхъ; люди не могутъ быть мудрѣе Господа. То, что есть истиннаго въ этихъ положеніяхъ, безпрестанно затуманивается насильственно выведенными изъ нихъ заключеніями. Съ своей стороны, и Іовъ безпрерывно повторяетъ тѣ же самыя увѣренія въ своей невинности; онъ все утверждаетъ, что не заслужилъ своей участи, и если является склонность принять его сторону, то онъ часто портитъ свое дѣло своими менѣе справедливыми сужденіями о судьбахъ людей вообще. Короче говоря, споръ впередъ не подвигается, и читатель рискуетъ вынести о немъ впечатлѣніе, способное ослабить испытанный имъ въ началѣ интересъ. Вотъ что, однако, можно отвѣтить на эту критику. Авторъ не пишетъ, какъ бы это сдѣлалъ философъ, выдвигая свои положенія одно за другимъ и доказывая ихъ затѣмъ логическою и сжатою аргументаціею, чтобы такимъ образомъ незамѣтно приблизиться къ своей цѣли, и въ концѣ заставить читателей принять свои за-

ключенія. Онъ выставляетъ на сцену живыхъ личностей; всякій изъ нихъ приноситъ свои собственныя убѣжденія и предразсудки. Имъ не удается прійти къ какому либо соглашенію между собою; то, что одинъ утверждаетъ, другой отрицаетъ, и окончательное рѣшеніе не устанавливается ни фактами, ни доводами. Въ подобныхъ обстоятельствахъ человѣческая мудрость не могла бы дойти до яснаго, опредѣленнаго рѣшенія спора. Чѣмъ больше спорятъ, тѣмъ меньше понимаютъ другъ друга; чѣмъ больше выдвигаютъ аргументовъ, чѣмъ съ бо́льшимъ жаромъ ихъ поддерживаютъ, тѣмъ менѣе противникъ даетъ себя убѣждать. Споръ только обостряется, и не приводитъ ни къ чему. Это-то обстоятельство авторъ и хотѣлъ показать. Онъ хотѣлъ доказать, что для разрѣшенія подобныхъ проблемъ разумъ безсиленъ и что при средствахъ, какими онъ обладаетъ, онъ можетъ только сбиться съ пути и впасть въ заблужденіе, выходя между тѣмъ изъ вѣрныхъ и неоспоримыхъ принциповъ.

Если, въ концѣ концовъ, этотъ длинный риторическій поединокъ и имѣетъ въ себѣ кое-что утомительное, то этотъ недостатокъ щедро искупается красотою многочисленныхъ поэтическихъ отступленій или эпизодовъ, вставляемыхъ туда авторомъ. Въ рѣчахъ друзей, особенно же въ рѣчахъ Іова часто встрѣчаются картины, то ослѣпляющія блескомъ цвѣтовъ, то потрясающія описаніемъ фактовъ, и которыя тутъ—обнаруживаютъ поражающую свѣжесть чувства, тамъ—необычайную возвышенность религіозныхъ идей, и ко всему этому присоединяются богатство образовъ, энергія выраженія и свободное распоряженіе всѣми рессурсами языка, совершенно несправедливо называемаго бѣднымъ. Авторъ книги Іова есть рѣшительно величайшій поэтъ евреевъ.

Чѣмъ больше мы будемъ склонны принять это сужденіе, тѣмъ больше также насъ будетъ интересовать вопросъ, гдѣ и когда эта поэма была задумана и написана, кому и какой эпохѣ мы ею обязаны. Трудный вопросъ, на который наукѣ еще не удалось дать рѣшительный, всѣми принятый отвѣтъ. Когда-то полагали, что въ Іовѣ мы обладаемъ древнѣйшею книгою міра; предполагали безъ особыхъ затрудненій, что она

относится къ эпохѣ раньше Моисея, потому что она описываетъ нравы столь примитивно патріархальные и потому что она не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на исторію Израиля, на чудеса, для него сотворенныя, на его религію, его культъ. Это мнѣніе давно оставлено разумною критикою, не руководящейся внѣшностями и предразсудками. Эта критика поняла, что книга не представляетъ выраженія наивной еще неразвитой религіозной вѣры, какою должна была бы быть религія глубокой древности, но, напротивъ того, она является плодомъ зрѣлаго и серьезнаго размышленія. Мы тутъ имѣемъ дѣло не съ инстинктивною поэзіею примитивнаго періода, а съ произведеніемъ искусства, систематически обработаннаго. Оно, такимъ образомъ, принадлежитъ къ гораздо болѣе новой эпохѣ. Но какой же именно? Во всей исторіи евреевъ, отъ Давида и Соломона до эпохи, послѣдовавшей за возстановленіемъ храма, нѣтъ эпохи, въ которой не воздавали бы дани удивленія этому удивительному литературному произведенію. Это великое различіе высказанныхъ въ различныя эпохи мнѣній уже одно доказываетъ, что въ текстахъ не было возможности найти рѣшительные аргументы въ пользу того или другого изъ нихъ. Мы поэтому также принуждены будемъ ограничиться одними только предположеніями, о достоинствѣ которыхъ мы предоставляемъ судить читателю.

Въ нашемъ сужденіи мы будемъ руководствоваться двумя фактами. Прежде всего для насъ кажется очевиднымъ, что авторъ былъ побужденъ написать свою книгу лично имъ пережитыми испытаніями, и что въ этихъ то испытаніяхъ онъ нашелъ могучую силу, чтобы дать своему произведенію столь поражающую правдивостью форму. Авторъ самъ былъ этотъ Іовъ, этотъ человѣкъ, котораго судьба лишила богатства, семьи, родины. Онъ описываетъ въ одномъ мѣстѣ (гл. XII, 17 и слѣд.) большой и страшный политическій переворотъ, и трудно отказаться отъ возникающей мысли, что представленная имъ картина принадлежитъ къ исторической эпохѣ, которой онъ былъ современникомъ. Но этотъ политическій переворотъ не можетъ быть послѣднимъ изъ тѣхъ, что испыталъ еврейскій народъ, такъ какъ Іезеккіэль, современ-

никъ разрушенія Іерусалима, повидимому, уже знаетъ книгу Іова (Іезек. XIV, 14), которая, слѣдовательно, относится къ эпохѣ, предшествовавшей этому пророку. Затѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ видѣлъ чужестранныя земли. Онъ, должно полагать, бывалъ въ Египтѣ, котораго географія и промышленность то доставляютъ ему нѣкоторые образы, то даютъ ему цѣлыя сцены, срисованныя имъ съ натуры. Но болѣе всего близко онъ знакомъ съ Аравіею. Ея нравы образуютъ рамку его картинъ, ея астрономическія понятія обнаруживаются тутъ и въ именахъ созвѣздій и въ народныхъ миѳахъ, и жизнь животнаго пустыни у него нарисована кистью непосредственнаго наблюдателя. На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, мы приходимъ къ заключенію, что авторъ, изгнанный изъ своего отечества событіями, положившими конецъ царству Эфраима, и побывавъ предварительно на берегахъ Нила, нашелъ наконецъ отдыхъ и спокойствіе, временно, по крайней мѣрѣ, подъ палатками бедуиновъ, близость съ которыми оставила столь глубокіе слѣды въ его поэзіи, или, говоря правильнѣе, опредѣлила даже формы этого грандіознаго произведенія.

Какое бы мнѣніе мы ни желали принять относительно древности книги Іова, но безспорно то, что двадцать пять столѣтій по крайней мѣрѣ насъ отдѣляютъ отъ эпохи ея составленія; также можемъ мы смѣло утверждать, что авторъ не имѣлъ передъ собою болѣе древнихъ образцовъ, которые могли бы его вдохновить, или же облегчить ему его трудъ. Это обстоятельство можетъ только увеличить въ глазахъ современнаго читателя достоинство произведенія, которое уже само по себѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди поэтической литературы всѣхъ временъ.

Теперь намъ остается еще разсмотрѣть одинъ вопросъ, гораздо болѣе важный, чѣмъ всѣ тѣ, которые насъ занимали до сихъ поръ. Какова цѣль автора? Каково, по его мнѣнію, рѣшеніе задачи, которую онъ берется разсматривать и которую, безъ сомнѣнія, въ его время разсматривалъ не онъ одинъ. Можно было бы ожидать, что отвѣтъ будетъ очень легко

найти, такъ какъ книга для этой цѣли и была написана. А между тѣмъ оно, очевидно, далеко не такъ. Различіе мнѣній относительно этого отвѣта въ наше время еще гораздо болѣе велико чѣмъ относительно многихъ только что нами разсмотрѣнныхъ чисто внѣшнихъ пунктовъ. Мы это легко поймемъ, если примемъ во вниманіе то обстоятельство, что когда дѣло доходитъ до вопросовъ религіозной философіи, то руководствуются уже не только вкусомъ или литературною критикой, а догматическими предразсудками, которые иногда оказываютъ на читателей давленіе совершенно несознательнымъ образомъ, а еще чаще обнаруживаютъ на ихъ умы очень сильное вліяніе, весьма охотно допускаемое. Такимъ образомъ только что отмѣченная нами неизвѣстность не происходитъ только отъ того, что можно было бы назвать неловкостью автора, не съумѣвшаго ясно выразить свои намѣренія.

Чтобы открыть истину относительно цѣли разсматриваемаго нами произведенія, необходимо такимъ образомъ, прежде всего, устранить нѣкоторыя мнѣнія, одни—традиціонныя, другія—новѣйшія, такъ какъ всѣ эти мнѣнія могутъ только запутать наше сужденіе. Такъ, нѣкоторымъ угодно было представлять Іова, какъ образецъ терпѣнія и смиренія. Это мнѣніе тѣмъ легче распространилось, что многіе полагали, будто, согласно тексту, онъ представленъ какъ человѣкъ, подвергающійся искушеніямъ дьявола, противъ соблазновъ котораго онъ храбро устоялъ, и за это свое постоянство въ концѣ былъ богато вознагражденъ. Но въ книгѣ Іова нѣтъ рѣчи о дьяволѣ іудеохристіанской миѳологіи, ни о борьбѣ противъ его искушеній; еще менѣе Іовъ тутъ представленъ какъ образецъ терпѣнія, такъ какъ въ концѣ онъ обнаруживаетъ нѣчто совсѣмъ противоположное.

Другіе думали, будто авторъ хотѣлъ показать, что Іовъ былъ неправъ, считая себя безгрѣшнымъ, и что этотъ самообманъ долженъ былъ быть ему раскрытъ. Но идея о всеобщности грѣха ничуть не занимаетъ нашего поэта. Іовъ открыто признаетъ, что ни одинъ смертный не бываетъ вполнѣ чистъ передъ Богомъ, но онъ до конца настаиваетъ, что его несчастья и его страданія далеко превосходятъ грѣхи, какіе онъ

могъ бы совершить. Его собесѣдникамъ не удается доказать ему противное, но, что гораздо важнѣе, Іегова самъ, съ самаго начала, хвалитъ его за его благочестіе и за его добродѣтели, а въ концѣ порицаетъ другихъ за то, что они дурно его судили. Точка зрѣнія автора есть такимъ образомъ точка зрѣнія ветхаго завѣта, и онъ нисколько не думалъ представить рѣшеніемъ для выступающей въ его разсказѣ загадки христіанское чувство, отказывающееся признать силу какой бы то ни было личной заслуги. Еще менѣе тутъ идетъ рѣчь о разрѣшеніи этой загадки надеждой на будущую жизнь, долженствующую предоставлять страждующимъ въ мірѣ семъ истинную награду за всѣ перенесенныя ими несчастья. Между тѣмъ существуетъ очень распространенное мнѣніе, будто Іовъ утѣшаетъ себя этой перспективой. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводятъ одно единственное мѣсто (гл. XIX, 21 и слѣд.), гдѣ, по одному искаженному переводу, герой книги будто говоритъ не только о своемъ воскресеніи, но и о Мессіи, имъ ожидаемомъ. Мы отсылаемъ читателя къ нашему переводу, гдѣ онъ можетъ увидѣть истинный смыслъ этого мѣста, которому мы можемъ противопоставить тутъ же цѣлый рядъ другихъ, очень ясныхъ и очень точныхъ (гл. VII, 6 и слѣд.; X, 20 и слѣд.; XVII, 18 и слѣд.; XII, 28—XIV), выражающихъ съ душу потрясающею болью, которой нѣтъ возможности не сочувствовать непредупрежденному читателю, отсутствіе всякой надежды, позволяющей взору смертнаго идти дальше могилы. Если было бы иначе, если бы уже въ серединѣ книги рѣшеніе было не только найдено, но и провозглашено съ тою энергіею, тою внутреннею радостью, которыя нѣкоторые хотятъ видѣть въ указанномъ выше мѣстѣ, то какъ бы это могло произойти, что споръ все продолжается, что ни Іовъ, ни его друзья, ни Іегова не останавливаются на этой идеѣ, не выдвигаютъ ее, не подтверждаютъ? И почему эта книга оканчивается замѣчаніемъ, что Іовъ, послѣ всего случившагося, жилъ еще сто сорокъ лѣтъ? Не значитъ ли это, что долгая жизнь на землѣ есть высшее счастье, послѣдняя надежда человѣка?

Устранивъ эти толкованія, противорѣчащія тексту книги и чуждыя духу автора, мы будемъ вопрошать его самого отно-

сительно его намѣреній, относительно его основной мысли. Его часто упрекали въ томъ, что онъ недостаточно ясно высказался относительно этого пункта, что онъ заставляетъ читателя помощью изученія и предположеній найти то, что онъ могъ бы и долженъ бы ему самъ сказать въ прямыхъ и точныхъ выраженіяхъ. Этотъ упрекъ намъ кажется несправедливымъ. Мы находимъ, что способъ, помощью котораго поэтъ высказываетъ свои идеи, цѣликомъ говоритъ въ его пользу. Онъ не хочетъ наставлять тономъ авторитета; онъ хочетъ, чтобъ истина выступала сама въ ходѣ разсказа, въ развитіи діалога, совершенно какъ это дѣлаетъ драматическій авторъ въ хорошо написанной пьесѣ, какъ это дѣлаетъ живописецъ въ своей картинѣ, которая даже должна говорить ясно, не произнося ни одного слова. Безъ сомнѣнія, во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо имѣть слушателя, зрителя, читателя, умѣющихъ понимать.

То же самое и здѣсь. Всѣ эти различныя лица представляютъ извѣстныя идеи, становятся на извѣстныя точки зрѣнія. Но абсолютная истина не исключительно на сторонѣ Іова, а въ устахъ его друзей одни только заблужденія. Только слова Іеговы, по мысли автора, должны намъ служить нормой и руководствомъ въ нашихъ сужденіяхъ. Но тутъ-то именно мы и не находимъ никакого рѣшительнаго заявленія. Мы такимъ образомъ должны отыскать мысль поэта-философа или въ элементахъ разсказа, или же въ силѣ выставленныхъ аргументовъ. Поступая такимъ образомъ, мы убѣдимся, что онъ не думалъ ее скрывать.

Всякій замѣтитъ, что исторія Іова кончается какъ обыкновенный романъ. Мы уже сказали, что она кончается счастливо для всѣхъ, прежде всего для героя, и затѣмъ особенно для читателя, въ которомъ этотъ послѣдній возбуждаетъ большой интересъ. Стада ему возвращены въ двойномъ количествѣ, дѣтей онъ нарождаетъ новыхъ, его болѣзнь мгновенно проходитъ. Если бы таково было бы общее правило, то человѣку оставалось бы только терпѣливо выжидать. Но часто-ли обстоятельства совершаются такимъ образомъ въ жизни людей? И если бы на тысячу случаевъ попадалось одно исключеніе, то задача

въ концѣ осталась бы въ томъ же положеніи, что и въ началѣ, т. е. неразрѣшимою загадкою. Если авторъ, пожелавшій поучать помощью разсказа, а не философскимъ трактатомъ, закончилъ такъ, а не иначе, то это исключительно зависитъ отъ избранной имъ формы. Такъ какъ философскій вопросъ былъ воплощенъ въ личности, то необходимо было, чтобы требованія нравственнаго чувства были удовлетворены исторіею этой личности. Точно также поступаютъ авторы во всѣхъ моральныхъ разсказахъ, имѣющихъ цѣлью выдвинуть какую нибудь истину, обратить вниманіе на какую нибудь добродѣтель. Это называется поэтическою справедливостью. Она ничего не доказываетъ, она не можетъ и не должна ничего доказать; но она должна укрѣпить принципъ и давать вѣру въ него. Если бы Іовъ умеръ несчастнымъ, то всѣ прекрасныя вещи, высказанныя въ книгѣ, произвели бы дѣйствіе какъ разъ противуположное тому, какое желалъ авторъ. И такъ какъ, въ концѣ концовъ Богъ всегда можетъ вмѣшаться въ судьбы людей, то чудо, сотворенное по отношенію къ судьбѣ Іова, дѣлаетъ конкретнымъ утѣшеніе, способное по крайней мѣрѣ поддержать бодрость въ тѣхъ, которые страдаютъ при подобныхъ же условіяхъ. Но, повторяемъ, все это относится только къ формѣ книги, къ ея поэтической сторонѣ; и если бы это было все, что авторъ хотѣлъ намъ сказать, то его книга могла бы быть полезнымъ и пріятнымъ чтеніемъ, но религіозная философія не нашла бы въ ней удовлетворенія.

Удивительное дѣло! Рѣшеніе, котораго ищутъ при столькихъ условіяхъ то тамъ, то тутъ, выставлено яснѣйшимъ образомъ на первой уже страницѣ. Всеобщій предразсудокъ, котораго ложность, или, по крайней мѣрѣ, неудовлетворительность и несправедливость авторъ хочетъ показать, состоитъ въ томъ, что всякое несчастіе есть небесное наказаніе. Для этого онъ заставляетъ ангела-обвинителя сказать: «Легко Іову быть благочестивымъ! А вотъ пускай у него отнимутъ все, чѣмъ онъ обладаетъ, и мы увидимъ, что станется съ его благочестіемъ». Эта игра повторяется два раза. Не значитъ ли это, что Іовъ, человѣкъ благочестивый и праведный, подвергается испытанію? И исторія намъ говоритъ, что онъ выдержалъ это испытаніе до

конца. Онъ падаетъ подъ бременемъ страданія—это правда; на то онъ человѣкъ. Но онъ остается твердымъ и вѣрнымъ не только въ виду своихъ личныхъ несчастій, но еще и въ виду подозрѣній его старыхъ друзей, обвиняющихъ его въ лицемѣріи и вообще поступающихъ съ нимъ далеко не милосердно, что̀ вѣдь гораздо тяжелѣе. Противъ нихъ и ихъ несправедливаго сужденія онъ все время апеллируетъ къ Богу; онъ не перестаетъ обращаться къ Тому, отъ Котораго одного онъ могъ ожидать—оправданія и утѣшенія. Когда его охватываетъ сомнѣніе, онъ вооружается противъ этого чувства и въ концѣ побѣждаетъ его, и если минутами иногда кажется, что онъ хочетъ предаться отчаянію, то это происходитъ единственно потому, что онъ полагаетъ, будто призываемый имъ Господь не хочетъ его услышать. Во всемъ этомъ, справедливо говоря, нѣтъ и тѣни безвѣрія или нечестиваго отрицанія. Напротивъ того, въ тотъ самый моментъ, когда сознаніе своего несчастья охватываетъ его самымъ живымъ образомъ, когда онъ въ самыхъ горькихъ выраженіяхъ жалуется на то, что оставленъ, забытъ, презрѣнъ всѣми самыми близкими, въ этотъ именно моментъ онъ блестяще обнаруживаетъ самую непоколебимую вѣру, и выражаетъ убѣжденіе, что Богъ возстановитъ его имя хотя бы уже послѣ его смерти (гл. XIX, 21 и слѣд.). Человѣкъ истинно-благочестивый, такимъ образомъ, выходитъ побѣдителемъ изъ испытанія, если онъ имѣетъ дѣло только съ Богомъ и если внушенныя предразсудкомъ проповѣди не являются, чтобы его смущать и сбивать съ пути. Онъ признаетъ, что Богъ не желаетъ его несчастія, но не останавливаетъ этого несчастія съ извѣстнымъ намѣреніемъ. Все это ясно указано читателю личностью ангела-обвинителя, являющагося только въ прологѣ * и не имѣющаго непосредственнаго соприкосновенія съ самимъ Іовомъ. Эта личность воплощаетъ въ себѣ испытаніе въ томъ, что̀ она имѣетъ горькаго; дьявольская же злоба совершенно чужда еврейскому міросозерцанію. Такимъ образомъ, Іовъ въ концѣ снова находитъ моральное равновѣсіе и спокойствіе духа, какъ только его

* Замѣтимъ кстати, что грандіозная форма этого пролога на небѣ цѣликомъ заимствована Гете въ его безсмертномъ Фаустѣ. *Перев.*

друзья видятъ себя принужденными молчать, и хотя онъ все еще продолжаетъ жаловаться на свою судьбу и говорить о своей невинности, но все это дѣлаетъ въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, что читатель, который раньше могъ быть немного смущенъ нѣкоторыми его слишкомъ страстными взрывами, опять возвращается къ своимъ первымъ чувствамъ симпатіи къ нему.

Мы, такимъ образомъ, устанавливаемъ, что въ основѣ книги находится весьма важная истина. Тѣмъ, которые, подобно друзьямъ Іова, видя человѣка отягченнаго страданіями, спѣшатъ объявить его преступнымъ, она показываетъ, что ихъ мнѣніе ложно и уже во всякомъ случаѣ преждевременно. Тому же, который страдаетъ и можетъ себя считать такъ же невиннымъ передъ Богомъ, какъ и Іовъ, она указываетъ на средство сохранять миръ души и подавлять сомнѣніе. Все это, однако, есть только чисто-субъективное рѣшеніе вопроса, мы хотимъ сказать—такое рѣшеніе, которое единственно зависитъ отъ индивидуальнаго чувства, но которое только въ такомъ случаѣ могло бы удовлетворить серьезное размышленіе и теоретическій умъ, если бы во всѣхъ случаяхъ судьба человѣка въ концѣ приняла такой же оборотъ, какъ судьба Іова. Но что произойдетъ, если обстоятельства примутъ совсѣмъ другой оборотъ: если праведникъ погибнетъ? если его несчастья неисправимы? На этотъ другой вопросъ книга также указываетъ отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ выраженъ не непосредственно, какъ истина, но достаточно яснымъ образомъ въ рѣчи Іеговы, Который, согласно плану автора, долженъ несомнѣнно сказать послѣднее слово относительно разсматриваемаго имъ вопроса. Іегова не пускается въ объясненія относительно того, что̀ хотѣлъ бы знать Іовъ. Онъ не спускается до того, чтобы оправдать свои дѣйствія. Онъ только ограничивается тѣмъ, что взывающему къ нему человѣку представляетъ рядъ вопросовъ, на которые тотъ не знаетъ, что отвѣчать. Уже одно это молчаніе громко говоритъ о мудрости Всемогущаго, пути Котораго остаются тайнами для смертнаго, и этотъ послѣдній долженъ смиренно преклониться передъ нимъ. Вотъ все. Но на взглядъ поэта-философа этого достаточно.

Мы не знаемъ, удовлетворитъ ли это послѣднее слово еврейской теодицеи всѣхъ философовъ. Но мы можемъ констатировать, что оно не удовлетворило всѣхъ еврейскихъ мыслителей. Мы имѣемъ тому доказательство въ самомъ текстѣ разсматриваемой книги — текстѣ, какимъ онъ дошелъ до насъ.

Излагая выше планъ книги, мы говорили, что Іовъ, заставивъ наконецъ молчать своихъ трехъ собесѣдниковъ, энергично защищаетъ свое дѣло до появленія Іеговы, переносящаго споръ на другую почву. Дѣло, однако, не такъ происходитъ согласно настоящей формѣ текста. Между послѣднимъ монологомъ Іова и рѣчью Іеговы находится шесть длинныхъ главъ (XXXII—XXXVII), о которыхъ мы еще не говорили. Новое лицо, нѣкто Элигу, выступаетъ на сцену, чтобы высказать неодобреніе какъ Іову, такъ и его друзьямъ. Съ перваго взгляда это появленіе кажется какъ нельзя больше естественнымъ, ибо мы и сами сознали, что ни одна изъ спорящихъ сторонъ не вполнѣ права, и что надо было бы найти точку зрѣнія болѣе возвышенную и болѣе независимую, ставши на которую можно было бы примирить противорѣчія и болѣе справедливо обсудить положеніе Іова. Не состоитъ ли именно въ томъ роль Элигу, чтобы привести къ этому примиренію, а также, слѣдовательно, чтобы точно выразить основную мысль автора? Но присмотрѣвшись ближе, мы убѣждаемся, что это предположеніе встрѣчаетъ большія затрудненія. Элигу начинаетъ утвержденіемъ, что онъ все слышалъ, что онъ внимательно слѣдилъ за словомъ. Между тѣмъ, объ его присутствіи раньше и не упоминается. Послѣ его рѣчи, Іегова отвѣчаетъ Іову, не дѣлая ни малѣйшаго намека на то, что сказалъ Элигу. Въ концѣ Іовъ и его три друга получаютъ постановленіе Іеговы, при чемъ они всѣ названы по именамъ, и опять объ Элигу нѣтъ уже больше рѣчи. Онъ исчезаетъ таинственно, какъ и явился. Мало того: то, что онъ говоритъ, было отчасти уже высказано раньше, и кажется здѣсь излишнимъ. Большая часть комментаторовъ даже приходитъ въ большое затрудненіе, когда приходится точно опредѣлить, какую собственно роль долженъ играть Элигу въ драмѣ. Между тѣмъ какъ одни видятъ въ немъ истиннаго мудреца, другіе смотрятъ на него какъ на юнаго выскочку, который да-

же не умѣетъ въ точности опредѣлить свою мысль. Но въ такомъ случаѣ къ чему онъ тутъ является? Какъ бы то ни было, но мы не можемъ допустить, чтобъ устами этого Элигу говорилъ авторъ книги Іова. Ибо, въ противуположность основному положенію произведенія, строго выдержанному до конца безъ малѣйшаго противорѣчія, котораго нѣтъ даже и въ послѣднихъ словахъ Іеговы (гл. XLII, 7), онъ допускаетъ виновность Іова; и вотъ этого-то обстоятельства, въ соединеніи съ другими аргументами, выставленными уже нами выше, достаточно, чтобы насъ убѣдить, что этотъ эпизодъ совершенно чуждъ первоначальному плану книги, или, другими словами, онъ есть произведеніе другой руки, является вставкою.

Но для чего же именно она понадобилась? Отвѣтъ намъ кажется не очень труднымъ. Какой нибудь читатель глубокаго ума, для котораго необычайная красота формы не могла скрыть неудовлетворительность философскаго взгляда, могъ остаться неудовлетвореннымъ тѣмъ результатомъ, къ которому приводитъ произведеніе перваго автора. Ему могло не понравиться, что Іовъ, отстаивающій свою абсолютную невинность до конца, выходитъ побѣдителемъ изъ спора, и что даже самъ Іегова не оспариваетъ этого утвержденія. Вмѣсто этого отстаиванія своей чистоты, которое онъ считаетъ несправедливымъ, онъ хочетъ выставить нѣчто, болѣе согласное съ нравственнымъ чувствомъ. Іовъ долженъ быть доведенъ до сознанія несовершенства своей праведности и до того, чтобы смотрѣть на страданія не вполнѣ какъ на наказаніе, но какъ на воспитательное средство въ рукахъ Божьихъ, помощью котораго человѣкъ могъ бы дойти до познанія себя и вмѣстѣ съ тѣмъ до исправленія своихъ ошибокъ. И вотъ онъ дѣлаетъ попытку, и не безъ успѣха, ввести этотъ новый элементъ въ произведеніе прежняго автора, подражая, на сколько только возможно, стилю оригинала. И надо ему отдать справедливость, что если по отношенію поэтической силы онъ въ общемъ остался ниже оригинала, за то идеи, вложенныя имъ въ уста своего героя, обнаруживаютъ значительный прогрессъ религіознаго развитія, для котораго Іовъ стараго поэта не является больше идеаломъ благочестія. Такимъ образомъ, мы не только далеки отъ мысли — отвергнуть

Мы не знаемъ, удовлетворитъ ли это послѣднее слово еврейской теодицеи всѣхъ философовъ. Но мы можемъ констатировать, что оно не удовлетворило всѣхъ еврейскихъ мыслителей. Мы имѣемъ тому доказательство въ самомъ текстѣ разсматриваемой книги — текстѣ, какимъ онъ дошелъ до насъ.

Излагая выше планъ книги, мы говорили, что Іовъ, заставивъ наконецъ молчать своихъ трехъ собесѣдниковъ, энергично защищаетъ свое дѣло до появленія Іеговы, переносящаго споръ на другую почву. Дѣло, однако, не такъ происходитъ согласно настоящей формѣ текста. Между послѣднимъ монологомъ Іова и рѣчью Іеговы находится шесть длинныхъ главъ (XXXII—XXXVII), о которыхъ мы еще не говорили. Новое лицо, нѣкто Элигу, выступаетъ на сцену, чтобы высказать неодобреніе какъ Іову, такъ и его друзьямъ. Съ перваго взгляда это появленіе кажется какъ нельзя больше естественнымъ, ибо мы и сами сознали, что ни одна изъ спорящихъ сторонъ не вполнѣ права, и что надо было бы найти точку зрѣнія болѣе возвышенную и болѣе независимую, ставши на которую можно было бы примирить противорѣчія и болѣе справедливо обсудить положеніе Іова. Не состоитъ ли именно въ томъ роль Элигу, чтобы привести къ этому примиренію, а также, слѣдовательно, чтобы точно выразить основную мысль автора? Но присмотрѣвшись ближе, мы убѣждаемся, что это предположеніе встрѣчаетъ большія затрудненія. Элигу начинаетъ утвержденіемъ, что онъ все слышалъ, что онъ внимательно слѣдилъ за словомъ. Между тѣмъ, объ его присутствіи раньше и не упоминается. Послѣ его рѣчи, Іегова отвѣчаетъ Іову, не дѣлая ни малѣйшаго намека на то, что сказалъ Элигу. Въ концѣ Іовъ и его три друга получаютъ постановленіе Іеговы, при чемъ они всѣ названы по именамъ, и опять объ Элигу нѣтъ уже больше рѣчи. Онъ исчезаетъ таинственно, какъ и явился. Мало того: то, что онъ говоритъ, было отчасти уже высказано раньше, и кажется здѣсь излишнимъ. Большая часть комментаторовъ даже приходитъ въ большое затрудненіе, когда приходится точно опредѣлить, какую собственно роль долженъ играть Элигу въ драмѣ. Между тѣмъ какъ одни видятъ въ немъ истиннаго мудреца, другіе смотрятъ на него какъ на юнаго выскочку, который да-

высказали выше о чисто-фиктивномъ и исключительно-дидактическомъ и *параболическомъ* характерѣ разсказа. Повсюду поэма, т. е. существенная часть произведенія, та, гдѣ авторъ выставляетъ различныя мнѣнія, достоинство которыхъ онъ хочетъ оцѣнить самъ или предоставить это другимъ—находится на высотѣ своего главнаго предмета—теоретическаго спора, и не обращаетъ вниманія на подробности разсказа по той простой причинѣ, что дѣло идетъ объ абсолютныхъ принципахъ и высокихъ истинахъ, а не о перипетіяхъ существованія отдѣльнаго лица.

Другое мѣсто, попавшее въ немилость у весьма многихъ изъ нашихъ ученыхъ современниковъ, есть описаніе гиппопотама и крокодила. Находятъ, что оно значительно отличается по стилю и по формѣ отъ прелестныхъ маленькихъ картинъ изъ животной жизни въ пустыняхъ Аравіи, представляемыхъ намъ въ предъидущей главѣ. Но настаиваютъ особенно на томъ, что оно является совершенно излишнимъ прибавленіемъ. Дѣйствительно, послѣ длинной рѣчи Іеговы (гл. XXXVIII и XXXIX), составляющей самыя блестящія страницы произведенія, Іовъ признаетъ, что онъ былъ неправъ въ своемъ нетерпѣніи и въ своемъ порицаніи Провидѣнія. Онъ преклоняется со смиреніемъ предъ непроницаемымъ величіемъ Всевышняго. Къ чему же послѣ этого Іегова возвращается къ прежнему, употребляя тотъ же способъ вопрошанія, что и въ первый разъ, и еще усиливая строгость своихъ рѣчей? Имѣетъ ли Онъ новые аргументы? Хочетъ ли Онъ обратить вниманіе смертнаго на рядъ другихъ обстоятельствъ? Открываетъ ли Онъ передъ нимъ новый горизонтъ? Нѣтъ. Онъ описываетъ еще двухъ животныхъ, и съ такимъ обиліемъ подробностей, которое представляетъ совершенный контрастъ съ краткою точностью другихъ картинъ, мимоходомъ сказать, полныхъ жизни. Это можетъ только быть, говорятъ намъ, произведеніе подражателя, видѣвшаго этихъ страшныхъ обитателей Нила, и которому лавры стараго поэта не давали спать.

На все это мы отвѣтимъ прежде всего, что вся эта критика есть вопросъ вкуса, не больше. Она только намъ говоритъ, что слѣдовало было сдѣлать иначе. Но развѣ это серьез-

ный аргументъ? Если даже нужно было признать, что вторая рѣчь Іеговы излишня, то развѣ это могло бы служить доказательствомъ, что авторъ не могъ ея написать? Развѣ въ поэмѣ нѣтъ другихъ повтореній? Но мы скажемъ больше: мы вовсе не признаемъ, чтобы эта вторая рѣчь была совершенно излишнею. Ея цѣль совершенно другая, чѣмъ цѣль первой рѣчи. Въ этой послѣдней Іегова хочетъ прежде дать понять Іову, насколько его умственныя средства недостаточны для того, чтобы объяснить факты и явленія мірозданія, которые онъ имѣетъ каждый день передъ глазами, и затѣмъ—показать ему бдительность Творца, заботящагося о сохраненіи правильности и порядка въ природѣ и о существованіи всѣхъ твореній, которыхъ инстинкты онъ направляетъ. Вторая же рѣчь ставитъ его лицомъ къ лицу съ двумя чудовищами, внушающими смертному одинъ только неодолимый страхъ. Осмѣлится ли онъ имъ дѣлать указанія? А между тѣмъ онъ осмѣлился дѣлать ихъ Тому, Кто сотворилъ эти чудовища. Признаніе въ безсиліи (да еще передъ животнымъ) еще унизительнѣе чѣмъ невѣжество, обнаруживаемое передъ непроницаемою мудростью божества. Послѣ этого, какъ хотятъ доказать, что это мѣсто не подлинно, потому что оно говоритъ о животныхъ, находящихся въ Египтѣ, а не въ Аравіи? Въ этой книгѣ есть не одно мѣсто, доказывающее, что авторъ зналъ Египетъ (напр., гл. VIII, 11; IX, 26; XXIX, 18 и т. д., и еще, быть можетъ, всѣ мѣста, заключающія намеки на астрономическія и миѳическія знанія). И съ точки зрѣнія эстетической, описаніе крокодила никоимъ образомъ не портитъ произведенія великаго поэта.

Наконецъ, сомнѣнія могли еще зародиться относительно XXVIII главы. Въ этой послѣдней, Іовъ произноситъ похвальное слово мудрости и оканчиваетъ такимъ образомъ, что опережаетъ заключеніе, вытекающее на практикѣ изъ рѣчи Іеговы, и послѣ этого онъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ говорить о своихъ личныхъ чувствахъ въ цѣлой главѣ тономъ, соотвѣтствующимъ его настоящему положенію. Надо согласиться, что это мѣсто много затрудняетъ изслѣдователя. Мы попробовали опредѣлить этому отрывку подобающее мѣсто въ поэмѣ въ особенномъ примѣчаніи. Но мы тѣмъ не менѣе должны признаться, что со-

мнѣнія остаются и у насъ. Можно бы рискнуть предположеніемъ, что въ древнѣйшія рукописи прокрался какой нибудь безпорядокъ въ томъ смыслѣ, что имена говорящихъ лицъ не были точно отмѣчены въ главахъ XXV—XXVIII, гдѣ и безъ того симетрія уже нарушена молчаніемъ третьяго лица. Но намъ кажется, что по поводу этого спорнаго отрывка трудно прійти къ какому нибудь ясному, неопровержимому рѣшенію. Мы поэтому считали нужнымъ отличить его отъ остальной поэмы, какъ выдѣляющійся своимъ характеромъ, но тѣмъ не менѣе оставили его на томъ же мѣстѣ, какое онъ занимаетъ въ книгѣ *.

Бенъ-Ами.

* Что касается рѣчи Элигу, то она у Рейсса напечатана отдѣльно, въ видѣ прибавленія къ книгѣ Іова. *Перев.*

АУЭРБАХЪ ПО ЕГО ПИСЬМАМЪ.

АУЭРБАХЪ КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, ПИСАТЕЛЬ, ЕВРЕЙ И ГРАЖДАНИНЪ.

VI *.

Изъ писемъ становится до очевидности яснымъ, что его народъ — народъ нѣмецкій, его отечество — Германія, не смотря на то, что евреемъ онъ родился, евреемъ и умеръ.

Не даромъ Спиноза былъ его великимъ учителемъ. Какимъ образомъ и въ какой степени отразилось вліяніе этики и философіи Спинозы на отношеніе Ауэрбаха къ еврейской народности—видно будетъ изъ слѣдующаго.

О первоначальномъ воспитаніи и образованіи мальчика-Ауэрбаха мы изъ писемъ не узнаемъ ничего. Не вхожу въ разборъ этого вопроса, такъ какъ статья трактуетъ *только* о характерѣ писемъ, но касаюсь его, на сколько это необходимо для пониманія всѣхъ писемъ, выражающихъ его чувства къ еврейству.

Еще юношей — ему восемнадцать лѣтъ — онъ спрашиваетъ своего молодого друга Якова, зачѣмъ тотъ зарывается въ свой талмудъ. Въ письмѣ онъ не имѣетъ ни времени, ни мѣста распространяться о недостаткахъ и достоинствахъ талмуда, но одно для него несомнѣнно, въ XIX столѣтіи нѣтъ болѣе возможности отдаваться такъ всецѣло изученію его вообще, а въ частности ему, человѣку съ такими дарованіями. Ему жаль труда надъ книгою, въ которой рядомъ съ возвышенной моралью —такая масса грубѣйшихъ софизмовъ. Но, судя по многимъ пись-

---

* См. „Восходъ“, 1886 г. кн. 2.

мамъ, онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ всю обстановку, въ которой ему приходилось жить въ дѣтствѣ. Такъ, въ хорошій для него день, онъ сообщаетъ Якову, что онъ тронутъ былъ до слезъ, когда, послѣ долгихъ годовъ, онъ очутился на родинѣ и тамъ въ синагогѣ, и благоговѣйно выслушалъ бирхатъ-гешемъ (молитву о дождѣ). При этомъ случаѣ онъ замѣчаетъ, что нѣтъ воды лучшей во всемъ мірѣ, и нѣтъ ѣды болѣе вкусной, какъ въ Нордштеттенѣ, его родинѣ. Въ старости онъ не прочь былъ принимать участіе въ еврейскихъ ритуалахъ. Онъ какъ-то очутился послѣ многолѣтней разлуки въ кругу своихъ старыхъ знакомыхъ, въ еврейскомъ семействѣ. Его приглашаютъ на канунъ Пасхи, и онъ засѣдаетъ за сейдеромъ; самъ читаетъ Ма-Ништана*, и юные годы проносятся передъ нимъ, какъ тихій сонъ. И много еще другихъ воспоминаній отрадно и живительно дѣйствуютъ на него, и когда онъ далеко отъ своихъ, и еще болѣе когда онъ встрѣтится съ давними прежними друзьями и знакомыми.

Нельзя сказать, чтобы ему не льстило сознаніе, что изъ хейдеръ-бохера (школьника еврейской школы) онъ поднялся на такую высоту, что живетъ въ качествѣ близкаго и милаго гостя въ дворцѣ своего герцога. Такъ, нѣсколько разъ мы встрѣчаемъ письма (ему тогда 47 лѣтъ), въ которыхъ онъ съ особенно пріятнымъ чувствомъ разсказываетъ о пребываніи своемъ въ замкѣ, о пріемѣ, какой ему былъ сдѣланъ, о ласковомъ съ нимъ обращеніи герцога, о предупредительности всего антуража. «Жизнь загадка, подумаешь,—говоритъ онъ въ одномъ изъ такихъ писемъ,—если вспомнишь, что я былъ когда-то забитымъ мальчишкой въ училищѣ»—и видно, какъ улыбка довольства пробѣгаетъ по лицу, когда онъ пишетъ эти строки, и какъ легко ему было на душѣ, когда онъ думалъ объ этомъ, сидя у открытаго окна, ведущаго въ садъ замка. Въ другой разъ, напримѣръ, онъ съ умиленіемъ передаетъ своему Якову, какъ онъ сидѣлъ подъ дубомъ, названнымъ его именемъ, и какъ при этомъ случаѣ вспоминалось ему пребываніе среди родныхъ въ синагогѣ,—контрастъ силенъ: полное прене-

* Вопросы, направленные на выясненіе значенія пасхальнаго праздника.

бреженіе забитымъ мальчикомъ въ прошломъ—и громкая, славная извѣстность въ настоящемъ.

Иногда встрѣтите письмо, въ которомъ видите, что онъ какъ будто и гордится тѣмъ, что онъ, потомокъ евреевъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ; ему дѣлаютъ лестныя предложенія, ему хотятъ дать весьма видный постъ, — и онъ снова радуется за евреевъ, хотя мѣста онъ не принимаетъ; для него важно, что онъ имѣетъ возможность быть на такой высотѣ. Мы читаемъ еще письмо и видимъ, какъ ему пріятно, что земляки, съ нелюбовью относящіеся къ евреямъ, должны были уступить необходимости и вынуждены были избрать его представителемъ Швабіи, хотя нежеланіе избранія было сильно. Вообще изъ писемъ выносится такое впечатлѣніе, что воспоминанія о сферѣ, въ которой онъ вращался, отрадно дѣйствуютъ на его душу, и благодаря отчасти имъ онъ всю жизнь оставался вѣрнымъ сыномъ Израиля. Говорю *отчасти*, потому что, какъ увидимъ, причины были иныя, болѣе глубокія.

Еврейскій вопросъ онъ понималъ очень широко и близко принималъ къ сердцу судьбу не только евреевъ германскихъ, но евреевъ всѣхъ странъ. Велико было его горе, когда онъ узналъ о положеніи, въ которомъ находились евреи въ Россіи. Тогда много говорили о переселеніи ихъ въ Америку. Спѣшно и радостно онъ сообщаетъ, что генералъ Бревернъ передавалъ ему о возможности этого переселенія, о согласіи на то русскаго правительства при необходимыхъ гарантіяхъ. Съ живымъ интересомъ онъ сообщаетъ также о своемъ свиданіи съ великою княгинею Еленою Павловною, о томъ, что великая княгиня убѣждала его отправиться въ Петербургъ въ число депутатовъ, о томъ, что она обѣщаетъ съ своей стороны содѣйствовать улучшенію быта и положенія евреевъ; онъ передаетъ также, что великая княгиня обѣщала ему пригласить по этому поводу Кремье, что съ ея стороны будутъ употреблены всѣ усилія для скорѣйшаго хода дѣла и т. д. Изъ письма мы видимъ, что онъ—въ переговорахъ объ этомъ съ Кремье, какъ онъ радъ, что живо интересуется всѣмъ еврейскимъ вопросомъ послѣдній; мы узнаемъ, что все это не мимолетныя бесѣды;—

онѣ повторяются и продолжаются до глубокой ночи, до зари,— и они рѣшили поѣздку Кремье въ Петербургъ. Затѣмъ опять письмо. Онъ снова былъ у великой княгини; она рекомендуетъ ему лучшихъ людей въ Россіи, сочувственно и близко заинтересована вопросомъ; совѣтуетъ ему дѣйствовать посредствомъ слова, путемъ печати, черезъ «Вѣстникъ Европы»—«уважаемый въ Россіи журналъ». Онъ удержалъ въ памяти все, что сказала ему великая княгиня; онъ помнитъ, она ему говорила, что въ тепломъ участіи въ этомъ дѣлѣ со стороны русскихъ людей недостатка не будетъ, нужно только умѣть возбудить надлежащее чувство.

Затѣмъ, мы снова встрѣчаемъ письма, имѣющія содержаніемъ выраженіе своего несчастія, «великаго горя», когда начались сильныя преслѣдованія евреевъ въ Румыніи. Онъ весь, весь отдается отчаянію въ другихъ письмахъ, когда онъ слышитъ, что преслѣдованія не унимаются. И наоборотъ, извѣстіе о полученныхъ правахъ приводитъ его въ восторгъ, и онъ изливаетъ его въ новомъ письмѣ.

И не однимъ только сочувствіемъ ограничивается его горячее участвіе въ судьбѣ евреевъ. Онъ, по мѣрѣ силъ, участвуетъ и дѣломъ. «Du weisst,—пишетъ онъ Якову,—wie schon im vorigen Sommer mich die rumänischen Judenverfolgungen nicht ruhen liessen, und wie ich mein ganzes Sein dransetzen wollte» *, и вотъ, когда возобновившіяся преслѣдованія принимаютъ ужасающіе размѣры, онъ пишетъ письмо князю Гогенцоллерну, и онъ счастливъ, когда получилъ отвѣтъ съ содержаніемъ, давшимъ возможность напечатать его въ «Neue Freie Presse»—такъ сочувственно было письмо. Въ другой разъ мы видимъ, что онъ сказалъ энергичную, прочувствованную рѣчь большому собранію евреевъ; въ ней онъ рѣзко высказываетъ порицаніе богатымъ евреямъ, которые очень мало заботятся о своихъ единовѣрцахъ и мало содѣйствуютъ улучшенію быта бѣдняковъ; онъ сравниваетъ ихъ участіе въ судьбѣ несчастныхъ съ учас-

* Ты знаешь, что еще въ прошедшемъ году преслѣдованія евреевъ въ Румыніи не давали мнѣ покоя, и что я всѣмъ существомъ своимъ стремился помочь.

тіемъ, принимаемымъ учеными евреями и приходитъ къ выводу, что послѣдніе приносятъ несравненно болѣе жертвъ. Онъ радъ, что рѣчь подѣйствовала на присутствовавшихъ. Въ третій разъ онъ ободряющимъ образомъ дѣйствуетъ на подъемъ духа, указывая въ горячей рѣчи на миссію евреевъ. Онъ выставляетъ способность ихъ ассимилироваться вполнѣ съ тою народностью, среди которой они живутъ; онъ еврейскій народъ сравниваетъ съ библіею, которая постоянно переводится на всѣ языки, и, какъ она, имѣетъ также непроходящее значеніе; онъ старается поддержать въ евреяхъ вѣру, что государственность и національность не должны основываться на происхожденіи людей, а на развитіи ихъ духа *.

Можно было бы привести еще нѣсколько моментовъ въ доказательство сказаннаго. Но я возьму письма изъ другой, хотя очень родственной сферы.

Настало время преклонныхъ лѣтъ. Казалось бы, сфера, въ которой онъ вращался, самый характеръ дѣятельности въ теченіе 40 лѣтъ, убѣжденія, которыя выработалъ онъ въ себѣ, симпатіи, которыя онъ воспиталъ въ себѣ, идеальныя его стремленія, любовь къ Германіи, рѣчь о которой впереди,—все это должно бы было если не отшатнуть, то, по крайней мѣрѣ, отдалить его отъ еврейства, какъ это часто бываетъ, однако и теперь, на склонѣ жизни, онъ мечтаетъ о томъ, чтобы купить себѣ домикъ, гдѣ будетъ дышать воздухомъ родины, и гдѣ есть еврейская община. Мало того. До послѣдняго года жизни онъ еще думалъ все привести въ исполненіе давнымъ давно запавшее желаніе написать книгу о еврейскомъ народѣ. И этого мало; незадолго до смерти онъ пишетъ другу, что одна повѣсть съ содержаніемъ изъ еврейскаго быта почти готова, и онъ мысленно переносится въ ту отдаленную пору своей жизни, когда онъ очень часто изо-

---

* Въ иныхъ письмахъ онъ передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ разговоровъ съ авторитетами о еврейскомъ вопросѣ. Изъ ряда другихъ мнѣній онъ выдвигаетъ мнѣніе Бунзена. Бунзенъ противопоставляетъ евреямъ цыганъ, не имѣющихъ также государственности. Тогда какъ послѣдніе противятся всякой культурѣ и являются рѣшительными врагами прогресса, евреи вносятъ много цивилизующаго.

бражалъ быть евреевъ; когда онъ изучалъ основательно ихъ характеръ; когда онъ былъ заинтересованъ великими умами еврейскаго народа, когда онъ былъ счастливъ, что могъ отдаваться работѣ надъ изданіемъ сочиненій Мендельсона, надъ изслѣдованіемъ жизни поэта Ку (Kuh), послужившемъ основаніемъ для романа «Поэтъ и Купецъ». Еще изъ одного письма мы узнаемъ, что онъ собирался написать романъ, въ основаніе котораго легла бы національность евреевъ различныхъ народностей. Не мало писемъ найдется въ ряду всей массы, которыя говорятъ намъ о его заботливомъ, добромъ, человѣчномъ отношеніи къ евреямъ. Человѣкъ онъ былъ *.

VII.

Но національной исключительности онъ былъ чуждъ. Постоянно, по поводу каждаго удобнаго случая, онъ доказываетъ необходимость слiянія евреевъ съ германскимъ народомъ; къ слiянію стремится вся душа его, къ нему направлены всѣ мысли.

Такое направленіе сказывается съ ранняго возраста. Еще будучи студентомъ, даже въ періодъ времени приготовленія къ университету, онъ испытываетъ чувство полнаго торжества отъ совмѣстнаго обученія и воспитанія христіанскихъ и еврейскихъ мальчиковъ; розни между нимъ и его христіанскими товарищами не только нѣтъ, но онъ любитъ съ ними сходиться близко.—Ему неловко,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ изъ ранняго періода,—что онъ носитъ имя Мозесъ-Барухъ-Бертольдъ-Бенедиктъ Ауэрбахъ,—и мы замѣчаемъ, что его стѣсняетъ этотъ «значокъ», отдѣляющій его отъ другихъ товарищей. Онъ, правда, какъ будто бы шутитъ, говоря, что трудно сохранить даже (*одно*) *честное* имя, а у него ихъ столько (man hat doch wahrlich genug zu thun, wenn man *einen* ehrlichen

---

* Мы, впослѣдствіи, въ особой статьѣ, познакомимъ читателя болѣе подробно съ содержаніемъ тѣхъ писемъ Ауэрбаха, въ которыхъ трактуется о евреяхъ и еврействѣ. Тогда горячая преданность Ауэрбаха своимъ соплеменникамъ выяснится гораздо рельефнѣе. *Ред.*

Namen erhalten will, und ich soll so viele erhalten?); но тонъ, съ которымъ онъ говоритъ объ этомъ, самое выраженіе ich weiss nicht, was ich anfangen soll — доказываетъ совершенно другое. Это другое обнаруживается рѣзче и отчетливѣе позже, когда онъ сталъ вообще менѣе чувствительнымъ къ еврейству.

Вы встрѣчаете письмо слѣдующаго содержанія, весьма важнаго для характеристики воззрѣній Ауэрбаха на еврейскій вопросъ; привожу это письмо почти цѣликомъ: «Wir finden es folgerecht und schön und muthig, dass die christgeborenen Freigewordenen keine Christen mehr sind und das geradezu bekennen», пишетъ онъ по поводу сочиненія Давида Штрауса «Der alte und der neue Glaube», присланнаго ему авторомъ; *wir Juden wollen uns aber immer noch als Juden accentuiren.* Ich weiss wohl, man sagt, der Christ hat eine Dogmatik, er muss etwas bekennen; wir sind Juden durch die Geschichte und durch die Geburt. Das ist aber doch nur eine Ausflucht! Wäre ich jünger, kampfbefähigter und musste ich nicht fürchten durch Hinzutreten die grosse einfache That von David Strauss zu verwirren und zu stören—denn die Christen würden rufen: «Seht her der Jude stimmt ihm bei»—ich würde öffentlich heraustreten» и т. д. *. Это пишетъ Ауэрбахъ, когда ему было 50 лѣтъ, и судя по тому, что въ началѣ этого же письма онъ говоритъ: «ein alter, schon oft in mir gehegter Gedanke wurde mir immer fester» **, нужно думать, что не мимолетную мысль онъ высказалъ, но что онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что говорилъ; а факты показываютъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, что онъ и поступалъ сообразно съ убѣжденіемъ, что не слѣдуетъ евреямъ *выдѣляться*, «не слѣдуетъ дѣлать ударенія на *«еврей»*».

Мы встрѣчаемъ письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ друга,

* Мы находимъ вполнѣ послѣдовательнымъ и прекраснымъ, что христіане, не признающіе христіанской религіи, прямо и открыто заявляютъ, что они не христіане. Мы же, евреи, хотимъ всегда значиться евреями и хвалиться еврействомъ. Знаю, скажутъ, что у христіанъ догматика, христіанинъ долженъ признавать что либо; мы же—евреи по рожденію и по исторіи—; но это только уловка! Будь я помоложе, и не опасайся я разрушить и запутать своимъ прикосновеніемъ простое и великое дѣло Штрауса,—потому что христіане сказали бы: смотрите, евреи съ нимъ согласны--я бы выступилъ открыто...

** Давнишняя, часто лелѣемая мысль все больше укрѣплялась во мнѣ.

что въ засѣданіи комитета общества вспомоществованія бѣднымъ онъ сдѣлалъ предложенія о необходимости стереть «специфически-еврейскій характеръ» благотворительности (dass in Brüssel die Sache zunächst ihres specifisch judischen Charakters entledigt werde) и чтобы общество вспомоществованія имѣло въ равной мѣрѣ въ виду всѣхъ несчастныхъ, безъ различія вѣроисповѣданія (dass man dort einen interconfessionellen Verein gründe zur Beihülfe für alle Unterdrükten), что евреи должны непремѣнно позаботиться объ этомъ, отъ нихъ должна исходить инціатива.

Тактъ общественный, который былъ въ Ауэрбахѣ развитъ значительно, подсказывалъ ему каждый разъ необходимость подавлять въ себѣ нелюбовь къ тѣмъ, кто недружелюбно относился къ евреямъ; это зависѣло отчасти отъ незлобиваго характера его, но, конечно, и отъ того, что онъ считалъ не цѣлесообразнымъ выставлять евреевъ какъ «государство въ государствѣ». На враговъ евреевъ, какъ это видно изъ множества писемъ, онъ смотритъ какъ на враговъ всей страны, всей Германіи,—и вотъ почему мы между строками читаемъ не одинъ разъ, что онъ интересы еврейства ставитъ далеко ниже интересовъ общегерманскихъ. Привожу письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ своей рѣчи (очень замѣчательной), сказанной по поводу столѣтняго юбилея Фихтэ, онъ и не упомянулъ о томъ, что этотъ философъ не только не принадлежалъ къ друзьямъ еврейства, но питалъ даже ненависть къ нему. Не могъ онъ говорить объ этой ненависти, пишетъ онъ, въ присутствіи 4,000 человѣкъ, въ такой торжественный для Германіи день, когда германцы вспоминаютъ о заслугахъ великаго человѣка. Онъ считаетъ неприличнымъ разсматривать такихъ людей съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ евреямъ, и смѣшивать интересы частные съ интересами общими.

Собственно говоря, вчитываясь внимательно въ письма, мы выносимъ убѣжденіе, что вообще еврейство, какъ таковое, очень мало занимало Ауэрбаха; все, что сказано было выше о сочувствіи къ нему, можно скорѣе назвать любовью къ евреямъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ, любовью, имѣющею источ-

никомъ вообще гуманное сердце *. Онъ становится на сторону еврейства только тогда, когда рождается къ тому потребность, вызванная обстоятельствами, и въ большинствѣ случаевъ, когда обнаруживаются преслѣдованія евреевъ, когда испытывается гнетъ со стороны невѣжества, когда нужна непосредственная помощь *добраго* человѣка. Въ сущности Ауэрбахъ, свободный совершенно отъ конфессіональныхъ предразсудковъ, былъ болѣе раціоналистъ, чѣмъ еврей; онъ былъ убѣжденъ вообще, что «die Naturrvissenschaft ist die Auflösung alles Confessionalismus», и еще очень рано онъ пишетъ Якову, что, изучая Гегеля, онъ пришелъ къ мысли о необходимости связать философію съ мозаизмомъ, какъ связана она съ христіанствомъ, и что онъ стремится ее связать въ этомъ духѣ (es ist mein höchster Wunsch und mein höchstes Streben). Въ такой мѣрѣ, въ какой ученіе Моисея создано не для евреевъ только, въ такой же мѣрѣ обязательны для евреевъ ученія Платона, Лейбница, Бэкона, Канта и Гегеля. Вѣчныя истины, проповѣдуемыя ими,—ist die Weltseele,—міровая душа, der Geist der Menschheit, — духъ человѣчества, проявившійся еще въ Моисеѣ и вѣчно остающійся также и въ ученіи Гегеля (der sich schon in Moses manifestirte und ewig derselbe auch in Hegel bleibt) **. И вслѣдствіе такихъ воззрѣній

* Объ отношеніи Ауэрбаха къ религіямъ можно судить, между прочимъ, по слѣдующему мѣсту:

.... Wenn eine Universalmonarchie ein Unglück für die Welt wäre, so wäre es, wie ich glaube, eine Universalvelligion noch weit mehr. Die Verschiedenheit der Confessionen und ihre Verträglichkeit constituirt die Freiheit. Jeder Baum erwächst in seiner eigenen Natur, und jeder Voge singt seine eigene Weise... (Если для человѣчества была бы несчастіемъ всемірная монархія, то тѣмъ болѣе, полагаю я, была бы несчастіемъ всемірная религія. Разнообразіе вѣроисповѣданій, миролюбивое сосуществованіе ихъ создаетъ свободу. Каждое дерево ростетъ по своему; по своему поетъ каждая птица).

** Какимъ образомъ представляетъ себѣ мозаизмъ Ауэрбахъ, можно судить по слѣдующему мѣсту одного письма: ...Что то новое открылось мнѣ, когда я снова смотрѣлъ Натана. Это не ученіе о вѣротерпимости; вѣротерпимость не заключаетъ въ себѣ ничего положительнаго. То, чему учитъ это произведеніе, и вообще чему учитъ Лессингъ, — это вѣра въ человѣка, въ его добрыя и чистыя начала. Объ этомъ свидѣтельствуетъ каждое слово. Натанъ въ качествѣ еврея—лучшій представитель самой чистой вѣры въ человѣкѣ. Въ каждомъ человѣкѣ могутъ воскреснуть начала вѣчнаго и безконечно-великаго, и они проявятся, если воззвать къ нимъ.

его понятно, что онъ признаетъ право существованія еврейской религіи, какъ каждой другой, по значенію равносильной ей, и равносильной только по психологическимъ основаніямъ. Онъ эту мысль выражаетъ въ словахъ «Ein Gemüthsklang bleibt im Individuum, vom ersten Tonanschlag der höheren Empfindung her», и поясняетъ свою мысль сравненіемъ: нѣтъ всемірной религіи, какъ нѣтъ всемірнаго языка.

То, что относится къ воззрѣніямъ Ауэрбаха на еврейскую религію, относится въ равной степени къ евреямъ, какъ къ народности. Выше я замѣтилъ, что сочувствіе его къ евреямъ вызывается случайно, такъ сказать спорадически, по мѣрѣ предстоящей надобности,—и это справедливо, если принять въ соображеніе, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ одного письма: Ein neuer Judenhass ist in flagranti und wird von allen Seiten geschürt. Da liest man Dinge, die man nicht mehr für möglich gehalten hätte.... vor mir liegt eine Broschure: «Der zerstörende Einfluss des Judenthums im deutschen Reich». Die Verfasser wissen, dass sie lügen und thun's doch! *Da muss man sich wieder zu seinen Stammesgenossen stellen»* *, и онъ дѣйствительно становится на сторону евреевъ. Но прошла гроза, сердце его улеглось, онъ забылъ про бѣдствія, потому что, какъ увидимъ ниже, заботы иныя ожидаютъ его, болѣе ему близкія, и онъ не только становится объективнымъ, но и самъ непрочь побранить евреевъ, когда онъ замѣчаетъ ихъ темныя стороны. Такъ, по поводу видѣннаго имъ въ Амстердамѣ, на нѣкоторыхъ улицахъ этого города, онъ пишетъ, что ему вполнѣ понятнымъ становится то чувство отвращенія и горечи, какое питалъ къ евреямъ во многихъ случаяхъ Спиноза (und eine mit Abscheu gemischte Erbitterung Spinozas gegen solche Genossenschaft ist mir nun neu erklärlich), и считаетъ нужнымъ для образованныхъ евреевъ отдѣлиться (und die Absonderung der gebildeten Juden ist eine innere

* Новая ненависть къ евреямъ разразилась и поддерживается со всѣхъ сторонъ. Читаешь вещи, которые, казалось бы немыслимы болѣе... Предо мною брошюра: «Гибельное вліяніе еврейства на нѣмецкое государство». Автора знаютъ, что лгутъ, и лгутъ все же. Нужно снова пристать къ единоплеменникамъ.

никомъ вообще гуманное сердце *. Онъ становится на сторону еврейства только тогда, когда рождается къ тому потребность, вызванная обстоятельствами, и въ большинствѣ случаевъ, когда обнаруживаются преслѣдованія евреевъ, когда испытывается гнетъ со стороны невѣжества, когда нужна непосредственная помощь *добраго* человѣка. Въ сущности Ауэрбахъ, свободный совершенно отъ конфессіональныхъ предразсудковъ, былъ болѣе раціоналистъ, чѣмъ еврей; онъ былъ убѣжденъ вообще, что «die Naturrvissenschaft ist die Auflösung alles Confessionalismus», и еще очень рано онъ пишетъ Якову, что, изучая Гегеля, онъ пришелъ къ мысли о необходимости связать философію съ мозаизмомъ, какъ связана она съ христіанствомъ, и что онъ стремится ее связать въ этомъ духѣ (es ist mein höchster Wunsch und mein höchstes Streben). Въ такой мѣрѣ, въ какой ученіе Моисея создано не для евреевъ только, въ такой же мѣрѣ обязательны для евреевъ ученія Платона, Лейбница, Бэкона, Канта и Гегеля. Вѣчныя истины, проповѣдуемыя ими,—ist die Weltseele,—міровая душа, der Geist der Menschheit, — духъ человѣчества, проявившійся еще въ Моисеѣ и вѣчно остающійся также и въ ученіи Гегеля (der sich schon in Moses manifestirte und ewig derselbe auch in Hegel bleibt) **. И вслѣдствіе такихъ воззрѣній

---

* Объ отношеніи Ауэрбаха къ религіямъ можно судить, между прочимъ, по слѣдующему мѣсту:

.... Wenn eine Universalmonarchie ein Unglück für die Welt wäre, so wäre es, wie ich glaube, eine Universalvelligion noch weit mehr. Die Verschiedenheit der Confessionen und ihre Verträglichkeit constituirt die Freiheit. Jeder Baum erwächst in seiner eigenen Natur, und jeder Voge singt seine eigene Weise... (Если для человѣчества была бы несчастіемъ всемірная монархія, то тѣмъ болѣе, полагаю я, была бы несчастіемъ всемірная религія. Разнообразіе вѣроисповѣданій, миролюбивое сосуществованіе ихъ создаетъ свободу. Каждое дерево ростетъ по своему; по своему поетъ каждая птица).

** Какимъ образомъ представляетъ себѣ мозаизмъ Ауэрбахъ, можно судить по слѣдующему мѣсту одного письма: ...Что то новое открылось мнѣ, когда я снова смотрѣлъ Натана. Это не ученіе о вѣротерпимости; вѣротерпимость не заключаетъ въ себѣ ничего положительнаго. То, чему учитъ это произведеніе, и вообще чему учитъ Лессингъ, — это вѣра въ человѣка, въ его добрыя и чистыя начала. Объ этомъ свидѣтельствуетъ каждое слово. Натанъ въ качествѣ еврея—лучшій представитель самой чистой вѣры въ человѣкѣ. Въ каждомъ человѣкѣ могутъ воскреснуть начала вѣчнаго и безконечно-великаго, и они проявятся, если воззвать къ нимъ.

ваютъ тѣхъ евреевъ, которые въ національной исключительности своей враждебно относятся ко всему, что выходитъ за предѣлы узкаго міровоззрѣнія обособившейся націи, и не допускаютъ вмѣшательства постороннихъ, хотя бы высоко-нравственныхъ элементовъ.

Конечно, къ Ауэрбаху названіе Jude могло относиться только въ послѣднемъ смыслѣ. Въ такомъ случаѣ, ему незачѣмъ бы было огорчаться имъ, еслибы на самомъ дѣлѣ онъ понималъ интересы евреевъ, какъ свое собственное дѣло, въ качествѣ сопринадлежащаго къ нимъ; но въ сѣтованіи своемъ онъ говоритъ опредѣленно, что ему больно, когда 46 лѣтъ трудишься во имя блага нѣмецкаго народа (и это на самомъ дѣлѣ такъ и было), а тебя называютъ der Jude; *чувствуешь и сознаешь, что стоишь не ниже другихъ, чисто нѣмецкихъ патріотовъ, а тутъ тебя величаютъ der Hofjude*. Этого чувства онъ не скрывалъ и передъ не-евреями, и передъ высшими, и въ одномъ письмѣ мы читаемъ, что въ бесѣдѣ съ германской императрицей онъ высказалъ ей душевную боль по этому поводу. Правда, онъ сообщаетъ въ одномъ письмѣ по поводу своей бесѣды съ герцогомъ, что «ich sagte, dass die Art, wie die Judenhetze fort und fort inscenirt wird auch ein Werfen von Dynamitbomben ist» * — но это онъ сказалъ герцогу между прочимъ, а главное, что его въ этомъ письмѣ интересуетъ не то: герцогъ рекомендуетъ его народныя книги для библіотекъ въ народныхъ училищахъ, и это для него несравненно важнѣе — сопринадлежность и тяготѣніе болѣе къ нѣмецкому народу, котораго евреи составляютъ только часть.

Изъ другого письма мы видимъ, что онъ иронически относится къ тому, что его называютъ жидомъ. Какъ-то разъ прусскій маіоръ поспорилъ изъ-за него съ однимъ знакомымъ — и обругалъ Ауэрбаха. «Хорошъ этотъ прусскій маіоръ,—пишетъ онъ Якову;—я пропагандирую идеи для блага Пруссіи, для правильнаго пониманія ея,—толкую и мечтаю объ объединеніи Германіи,—и... ich werde dafür bejüdelt». Несомнѣнно, слѣдова-

* ...Я сказалъ, что способъ, какимъ проявляется возбужденіе противъ евреевъ, есть своего рода бросаніе динамитныхъ бомбъ.

Nothwendigkeit). Онъ прибавляетъ, что радъ былъ, когда вышелъ изъ этого шума и гама. Вотъ отрывокъ изъ этого письма.

....Wir gingen baldfort (изъ синагоги) und jetzt kamen wir in ein Gevirre u. Gelärme von Menschengruppen hinein, dass man glauben musste man sei am hellem Tag oder in der Dämmerung auf den Bloksberg versetzt. Das wimmelte noch alles in der Iodenbreetstaat durcheinander, das kreischte Obst, Fische, Gebäcke ausrufend, noch nach dem Anfang des Sabbath, und jüdische Bettelweiber, Mädchen und Kinder, grässlich anzuschauen, verwahrlost, Alles wie ein Höllenbreughel, und ich muss sagen: hätte ich diese Form gekannt, wie die Juden sich hier in ihrem Freiheitsbewustsein auf der Strasse bewegen, ich hätte sie noch ganz anders in meinem Spinoza geschildert; затѣмъ слѣдуютъ строки, оправдывающія озлобленіе Спинозы, приведенныя выше, и письмо кончается словами: «Wir waren froh aus diesem Getriebe heraus zukommen». Правда, подобнаго письма, исполненнаго недовольства, почти негодованія, больше не встрѣчается; но и всѣхъ-то писемъ, говорящихъ о евреяхъ, относительно очень не много. Спеціально касающагося евреевъ—*ни одного*; а такихъ, въ которыхъ выражаются воззрѣнія, мысли, чувства Ауэрбаха, только между прочимъ, наберется около 35,—изъ 730 очень незначительный процентъ, если бы еврейскій вопросъ занималъ его глубже, чѣмъ сколько нами выставлено *. Но, не вдаваясь въ догадки, посмотримъ дальше, что говорятъ письма объ интересующемъ насъ вопросѣ.

Мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ письмахъ жалобы, сѣтованія. выраженія огорченія, что его называютъ жидомъ. Причины, вызывающія чувство недовольства въ евреѣ вообще, когда его называютъ этимъ именемъ, понятны каждому. Во первыхъ это составляетъ бранное слово, обнимающее понятіе о низости, пошлости и пр. доблестяхъ; во вторыхъ, этимъ именемъ назы-

* Намъ кажется, что авторъ сильно ошибается и что количество писемъ тутъ никакого значенія не имѣетъ. Напротивъ, изъ этихъ писемъ ясно видно, что онъ при всякомъ малѣйшемъ поводѣ выступалъ въ качествѣ защитника евреевъ и еврейства, какъ въ качествѣ писателя, такъ и въ качествѣ частнаго человѣка и общественнаго дѣятеля. Впрочемъ, это все выяснится при болѣе подробной передачѣ той части его писемъ, которая трактуетъ о евреяхъ. *Ред.*

этимъ мѣстомъ поставить то письмо, въ которомъ выражается крикъ отчаянія, въ которомъ слышится голосъ старика, сильно озлобленнаго и рѣзкость тона не менѣе сильная, чѣмъ въ приведенномъ письмѣ, но въ которомъ и тѣни нѣтъ еврейской исключительности, то выводъ напрашивается совершенно иной. Вотъ письмо цѣликомъ:

Напрасно я жилъ, напрасно работалъ! Вотъ сокрушающее впечатлѣніе которое оставили на меня двухдневныя пренія въ палатѣ. И если подумаешь, что не такъ оно скверно на самомъ дѣлѣ, то все же остается ужасающій фактъ, что еще возможно существованіе такой дикости, лживости и такой ненависти. А тамъ снова день и ночь думать о томъ, чтобы создать что либо прекраснаго, что либо чистаго, и отдаваться труду всею душою, когда душа исполнена отвращенія! Какъ уничтожить это чувство, какъ одолѣть его! Нужно вынести позоръ отечества, нужно выжидать! Конечно, раздавались чистые, честные голоса храбрыхъ мужей и чувство благодарности и удивленія наполняетъ душу при видѣ ихъ вѣрнаго служенія; но вѣдь въ массѣ господствуетъ духъ вражды. Еще вчера я былъ въ палатѣ депутатовъ, послѣ обѣда; засѣданіе продолжалось съ 11 часовъ до 6. Я прибылъ въ моментъ самаго страстнаго разгара умовъ. То была борьба со скрежетомъ зубовнымъ. И чего-чего не услышишь тамъ?..

Какъ я обрадовался, что наконецъ готовы народныя книги, посредствомъ ихъ мнѣ удастся внушить въ души собратьевъ хорошія мысли. Но что же эта радость сравнительно съ душевными муками моими? Утѣшаюсь, правда, тѣмъ, что все это залѣчится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но сознаніе, что подобныя вещи возможны среди нѣмецкихъ людей—этого не уничтожишь.

Письмо проникнутое однимъ духомъ, отличающимъ всю дѣятельность Ауэрбаха; и начинается письмо и оканчивается однимъ и тѣмъ же. Онъ трудится во имя развитія въ нѣмецкомъ народѣ гуманныхъ началъ,—а въ результатѣ—безотрадное сознаіе, существованія, или возможность существованія такой безнравственности. А поводъ къ письму подали выходки противъ евреевъ. Die Schande des Vaterlandes позоръ отечества—вотъ что глубоко омрачаетъ душу поэта, а потому я думаю, что вовсе не старость и болѣзненность—причины тому, что изъ груди вырываются такія сильныя рѣчи. Онъ въ такомъ духѣ говорилъ, когда ему было 68 лѣтъ (только что приведенное письмо помѣчено 23 ноября 1880), въ такомъ же духѣ онъ говорилъ, когда онъ былъ молодъ—потому что любовь къ родной землѣ, любовь къ нѣмецкому народу — основа его жизни и существованія, и красною нитью она проходитъ черезъ всѣ письма.

тельно, что его, патріота прежде всего, могло огорчить оскорбительное выраженіе, на сколько онъ въ этомъ видѣлъ непониманіе его стремленій, его дѣятельности, его идеаловъ, а не какъ еврея, который дорожитъ будто своею народностью. Только въ этомъ смыслѣ можно объяснить нѣкоторыя рѣзкости въ немногихъ его письмахъ, трактующихъ противъ журнала, напр., «Revue». Направленіе этого журнала онъ называетъ наѣздническимъ юнкерствомъ (reitpeitschelnde Junkerthum), въ наѣздничествѣ и безстыдствѣ превосходящимъ всякаго рода юнкерства, и ему больно,—пишетъ онъ,—что придворнымъ жидомъ называютъ именно его, который изо всѣхъ силъ работаетъ на народное благо (Nur weh thut's, während man mit ganzer Seele für das Volkswohl arbeitet).

Полагаю, Шпильгагенъ не вполнѣ понялъ Ауэрбаха въ этомъ пунктѣ, утверждая въ своей прекрасной статьѣ о его письмахъ (Westermann's Monathshefte, за январь и май прошлаго года, подъ заглавіемъ Berthold Auerbach), что не могъ, конечно, Ауэрбахъ относиться къ врагамъ евреевъ въ такой степени объективно, какъ нѣмецкій ученый. Я полагаю, что множество писемъ говоритъ именно въ пользу болѣе объективнаго, чѣмъ субъективнаго отношенія, хотя послѣдняго отрицать вполнѣ нельзя, какъ нельзя отрицать присутствія въ Ауэрбахѣ того, что называютъ врожденною любовью къ евреямъ. Правда, рѣзкости Ауэрбаха противъ враговъ еврейства Шпильгагенъ объясняетъ тѣмъ, что время проявленія ихъ совпадаетъ съ періодомъ его старости и болѣзненнаго состоянія, и онъ считаетъ поэтому невозможнымъ принять ихъ въ разсчетъ при характеристикѣ личности, но мнѣ кажется, это не совсѣмъ такъ. Очень рѣзкое мѣсто одного письма, въ которомъ онъ говоритъ, что христіанство въ преслѣдованіяхъ евреевъ печатнымъ словомъ превосходило всякую религію (ослабляемое, впрочемъ, нѣсколько тутъ же словомъ христіане, умѣющіе писать) *, относится, правда, къ 1875 году, когда ему было 63 года, и такой рѣзкости не встрѣтить ни въ одномъ письмѣ; но если рядомъ съ

* Wenn rohe Völker Fanatismus haben, so ist das eben Naturwildheit, aber ich glaube, (dass) das Christenthum alle Religionen an geschriebener Verfolgungs sucht übertritft, oder doch die Christen die da schreiben können.

и образованія прикрывается страшное варварство, которое пробивается наружу вдругъ. Вся наша гордость народа, этого носителя культуры, сгнила. И хотятъ помочь нравственными фразами? Просто позоръ, что нѣтъ человѣка, который сказалъ бы всю правду. Хорошо, что меня поглощаетъ моя работа; иначе я не зналъ бы покоя отъ этихъ размышленій надъ окружающимъ. Но я долженъ былъ высказать тебѣ, что гнететъ меня. Къ сожалѣнію, не имѣю права, не имѣя и власти выступить въ качествѣ карателя людей; но Iесаія новаго времени долженъ явиться, онъ гнѣвнымъ словомъ долженъ протрубить и пробудить людей и показать имъ собственный позоръ—наша культура, наша гуманность—одни звучныя слова; а тутъ собираются комитеты и говорятъ благочестивыя рѣчи для поддержанія свѣтской власти папы; а тутъ во всемъ ужасѣ свирѣпствуютъ грабежи феніевъ. Да, это служитъ главнымъ доказательствомъ тому, до чего доходитъ безнравственность.

Но довольно; иначе не знаю, до чего договорюсь. Подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ вотъ что: носиться съ этическими задачами, желать разрѣшать ихъ путемъ художественныхъ произведеній, создавать образы, углубляться въ душевныя движенія и воспроизводить идеалы, строить основанія къ познанію, заботиться о прекрасномъ—и рядомъ свирѣпствуетъ варварство и голодный тифъ похищаетъ сотни людей.

Это пишется по поводу бѣдствія; очевидно, оно имѣетъ значеніе для Ауэрбаха едва-ли не несравненно бо́льшее, чѣмъ еврейскій вопросъ.

Не имѣю въ виду насиловать фактовъ; но вотъ что бросается въ глаза и служитъ, кажется, подтвержденіемъ мысли, что онъ чаще принималъ участіе въ судьбѣ евреевъ, когда бѣдствія доходили до него въ видѣ вопля и стона народнаго отъ неистовствъ преслѣдованій, т. е. въ такихъ случаяхъ, когда всякій сколько нибудь мыслящій человѣкъ не отказывался и не въ правѣ былъ бы отказаться отъ участія. Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ А. написалъ романы изъ еврейскаго быта, онъ не написалъ ни одного произведенія, имѣющаго отношеніе къ еврейской жизни. Я раньше отмѣтилъ письма, въ которыхъ онъ извѣщаетъ, что думаетъ о большомъ романѣ, долженствующемъ обнять исторію евреевъ; въ другихъ письмахъ говорится о томъ, что готовъ даже планъ романа; еще въ другихъ—что одна повѣсть почти готова; и часто, говоря о несчастіяхъ, претерпѣваемыхъ евреями, онъ упоминаетъ о необходимости написать о нихъ. Но, какъ видимъ, онъ при одномъ желаніи только и остался, и не привелъ его въ исполненіе. Какъ объяснить себѣ этотъ фактъ, когда вся переписка носитъ исключительно

Ауэрбахъ ближе принималъ къ сердцу еврейскій вопросъ, чѣмъ другой не-еврей, но онъ былъ убѣжденъ и это убѣжденіе много разъ высказывается въ письмахъ, что дѣло евреевъ въ Германіи— дѣло обще-народное, дѣло нѣмецкаго народа; принимать участіе въ немъ должны всѣ интеллигентные умы Германіи; и его нисколько не удивляетъ, хотя, конечно, радуетъ, что честномыслящіе нѣмцы сами становятся иниціаторами въ изобличеніи позорнаго антисемитскаго дѣла, разгорѣвшагося было въ 1880 году. «Die Jnfamie der Antisemiten wurde gebrandmarkt,— пишетъ онъ другу,—und zwar durch einstimmigen Beschluss». Форкенбекъ и Момсенъ,—сообщаетъ онъ,—иниціаторы. Вопросъ еврейскій,—продолжаетъ онъ,—есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ свободы и вопросъ человѣчности, антисемитство—это ein Treubruch und Ehrenbruch. Онъ успокаивается, когда видитъ, что христіане-соотчичи становятся во главѣ защиты евреевъ, и пишетъ другу, что «можно дальше работать и дальше жить: знаешь, что живешь среди *вѣрныхъ соотечественниковъ*, и *для нихъ работаешь* (Man weiss, man lebt unter treuen Volksgenossen *und arbeitet für sie*). Здѣсь, очевидно, все то же отечество, а жизнь и работа для него. И вотъ еще что. Какъ бы ни были рѣзки его выраженія, какъ бы ни было сильно чувство негодованія противъ враговъ еврейства, — ни одно письмо не сравнится съ тѣми, довольно многочисленными, въ которыхъ онъ съ необыкновенною энергіею, съ горячностью и пыломъ клеймитъ позоромъ не враговъ евреевъ, а тѣхъ, кто представляется ему врагами отечества. Для безпристрастной оцѣнки Ауэрбаха необходимо имѣть въ виду эти письма. Привожу одно изъ нихъ. Съ другомъ своимъ онъ былъ, какъ мы отмѣтили уже въ началѣ статьи, рѣшительно откровененъ, и задушевныя мысли высказывались, какъ ложились. Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ, что я помѣщаю его цѣликомъ; для сравненія это необходимо; да вообще, сколько мнѣ извѣстно, письма Аузрбаха въ полности читаются не часто; самая книга большая у насъ рѣдкость. Вотъ это письмо:

Это ужасное бѣдствіе восточной Пруссіи переворачиваетъ мнѣ всю душу, и такъ какъ я ничѣмъ помочь не могу, я долженъ оставить всякія заботы, чтобы исполнить ближайшій долгъ. Личною религіозности и государственнаго блага

Его поразила одна картина; на ней изображена жизнь евреевъ въ Испаніи, свободныхъ отъ инквизиціи. Онъ останавливается на этихъ гордыхъ, сильныхъ еврейскихъ мужахъ, на этой величественной женщинѣ, какъ мощной царицѣ, какъ матери Маккавеевъ. Они глядятъ на него. И по этому поводу онъ припоминаетъ изреченіе Спинозы «все понять значитъ все простить». Съ такой точки зрѣнія онъ относится къ этимъ лицамъ, осудившимъ Спинозу. «Эти мужи, говоритъ онъ, всѣмъ жертвовавшіе во имя религіи, эти мужи, работавшіе днемъ и бодрствовавшіе ночи на страхъ врагамъ для охраненія религіи, во имя исповѣдывавшихъ ее,—они не могли равнодушно смотрѣть на того, кто не признаетъ ихъ труда,—они должны были преслѣдовать еретика». Если мы не имѣемъ систематическаго изложенія воззрѣній Ауэрбаха на еврейство,—что должны мы сказать объ этомъ письмѣ, конечно, не взятомъ въ отдѣльности (что не объяснило бы ничего), а въ связи съ указанными? Мнѣ кажется только одно: оно показываетъ способность его автора относиться *объективно* къ еврейству въ высшей степени; въ человѣкѣ, болѣе субъективно настроенномъ, вырвалось бы неминуемо и невольно чувство отвращенія, озлобленія къ тѣмъ «гордымъ мужамъ», которые попирали его «святыню», его Спинозу, которому онъ поклонялся какъ божеству. Но его поражаетъ сила, мощь, вѣра во что либо, а главное—убѣжденіе. Что не религіозность въ смыслѣ вѣроисповѣданія ему дорога, это видно изъ письма, въ которомъ онъ говоритъ, что «наука уничтожаетъ вѣроисповѣданіе», это видно и изъ другого письма, въ которомъ выражается мысль, что дѣйствія человѣка вытекаютъ не изъ религіозныхъ убѣжденій (Niemand wird mehr nach seinem Religionsbekentnisse erkannt, und die Handlungen der Menschen fliessen nicht aus derselben). Это видно изъ третьяго письма, въ которомъ онъ восклицаетъ: «что такое античная любовь къ родинѣ сравнительно съ привязанностью къ вѣрѣ! то великій героизмъ, въ тиши, гдѣ нѣтъ ни лавровыхъ вѣнковъ, ни торжественныхъ въѣздовъ, ни славы; гдѣ безъ блеска и безъ шума совершались подвиги въ сознаніи правоты и преданности дѣлу».

Но что, спрашивается, можетъ быть лучшимъ мѣриломъ

почти характеръ сообщеній о работахъ, когда мы видимъ этого трудящагося писателя безустанно за работою, когда мы знаемъ (объ этомъ рѣчь была выше), что онъ творилъ необыкновенно быстро, и что онъ создалъ громадное количество произведеній, но только не относящихся къ евреямъ? Отвѣтъ, кажется, одинъ. При необыкновенной чувствительности, нервности, возбудительности этой натуры, она возбуждалась легко и очень сильно, когда внѣшнее событіе затрогивало его душу, — и тогда онъ все былъ готовъ сдѣлать для евреевъ; но интересы еврейства, очевидно, не проникали исключительно все его существо Иное было по отношенію къ всей «единой Германіи». Образы носились передъ нимъ иные; въ его умѣ созрѣвали идеи другого рода, и онѣ-то преслѣдовали его въ болѣе сильной степени, вытѣсняя собою мимолетные образы изъ жизни его единовѣрцевъ и отвлекали отъ исполненія въ другую сторону. «Я долженъ покончить свою повѣсть, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—не какъ нибудь, и не только такъ какъ могу, но какъ обязанъ» (wie ich nicht nur kann, sondern auch muss, d. h. verpfilchtet bin). Это было въ 1868 г., а затѣмъ все слабѣетъ его желаніе, все рѣже о немъ упоминается, и уже далеко не такъ энергично, и романъ, который долженъ былъ носить заглавіе «Мы Евреи», такъ и не вышелъ.

Я не безъ намѣренія останавливаюсь на письмахъ, знакомящихъ насъ съ воззрѣніями Ауэрбаха на еврейство. Знакомство съ ними даетъ возможность оцѣнить всю несправедливость нападокъ на Ауэрбаха со стороны нѣкоторыхъ критиковъ писемъ, усматривающихъ въ нихъ свидѣтельство того, что Ауэрбахъ, при всемъ своемъ умѣ, образованіи, талантѣ, не свободенъ былъ отъ слабости большинства необразованныхъ евреевъ, и что ему, какъ и всѣмъ, было свойственно и самовосхваленіе, самомнѣніе и превознесеніе своей національности и крайняя обидчивость, мѣшающія трезво и безпристрастно относиться къ евреямъ. Для кого приведенныя выше письма и выписки изъ многихъ писемъ неубѣдительны, тотъ, быть можетъ, приметъ въ соображеніе еще слѣдующее:

Въ одномъ письмѣ Ауэрбахъ передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ художественной галлереи въ Амстердамѣ.

сотѣ» и множество другихъ произведеній не подтверждаютъ мнѣнія; менѣе всего Dorfgeschichten, сдѣлавшіе славу Ауэрбаха). И весь характеръ рѣчи не даетъ права думать, чтобы онъ юношество еврейское выдѣлялъ когда либо изъ юношества нѣмецкаго; это видно будетъ изъ его писемъ, говорящихъ о дѣятельности его на пользу германской страны; припомнимъ только, что и обществу вспомоществованія бѣднымъ онъ внушалъ мысль о необходимости проявить благотворительность безъ различія вѣроисповѣданій.

Во вторыхъ, письма, въ которыхъ онъ выражаетъ мимоходомъ чувство негодованія противъ крайне пристрастнаго отношенія къ евреямъ со стороны тѣхъ людей, величіе и геній которыхъ не должны были поддаться господствующему духу вражды, въ особенности къ евреямъ, оказавшимъ Германіи услуги въ области творчества. Такъ, въ «Перепискѣ Гете съ Цельтеромъ» его непріятно поражаетъ, что Гете совершенно спокойно читаетъ письма, въ которыхъ высказывается ненависть къ евреямъ, ненависть, выражаемая грубою и площадною бранью; его оскорбляетъ что Гете равнодушно видитъ, какъ извиняется передъ нимъ человѣкъ въ томъ, что онъ (Цельтеръ) знакомъ съ домомъ Мендельсоновыхъ; ему досадно, что этотъ же Цельтеръ обнаруживаетъ свой заносчивый и покровительственный тонъ передъ молодымъ Мендельсономъ, своимъ ученикомъ, въ виду Гете. Не вдаваясь въ толкованіе этого письма, замѣчу только, что Гете былъ для Ауэрбаха, какъ мы видѣли въ одной изъ предшествующихъ главъ, идеаломъ homo liber—свободнаго человѣка, и, конечно, ему больно разочарованіе, которое онъ долженъ испытывать, хотя бы по поводу незначительнаго случая. Но вспомнимъ, что человѣческая природа склонна всегда къ преувеличеніямъ въ поклоненіи своимъ идеаламъ,—и ужъ если винить въ чемъ Ауэрбаха, такъ именно въ слишкомъ большой идеализаціи Гете; вѣдь пишетъ онъ въ одномъ письмѣ: «глупцы, Гете называютъ аристократомъ!..» Въ силу этого, вѣроятно, ему было досадно, что Гете такъ равнодушно относится къ пошлости. Другое письмо, однородное съ приведеннымъ, имѣетъ также содержаніемъ изображенія впечатлѣнія, произведеннаго на него отзывомъ одной критики о ев-

объективнаго отношенія къ еврейству, какъ не слѣдующее характерное мѣсто одного письма: «Ich hatte auch die Absicht durch neue Betrachtung dieses Dramas (Орлеанской Дѣвы) aus der ausschliesslichen Versenkung in meine jüdische Jugend herauszukommen, um dadurch etwas frischer und freier zu werden—und es ist gelungen» *. Это признаніе не требуетъ поясненія и, полагаю достаточно подтверждаетъ сказанное.

Изъ писемъ, характеризующихъ отношеніе Ауэрбаха къ еврейскому народу, отмѣчу еще нѣсколько, и ими, въ связи съ приведенными, исчерпаю всѣ, затрагивающіе этотъ вопросъ.

Во первыхъ, письма, въ которыхъ выражается участіе къ еврейской учащейся молодежи.

Съ большою любовью относился онъ къ еврейскому учащемуся міру, но здѣсь, опять-таки, съ точки зрѣнія человѣка, прежде всего преданнаго интересамъ общечеловѣческаго развитія; нѣтъ и тѣни другого, спеціально еврейскаго. Въ наукѣ онъ усматриваетъ цивилизующую силу, и во имя науки проситъ о пожертвованіяхъ бѣднымъ студентамъ. Привожу отрывокъ изъ превосходной, поэтической рѣчи, сказанной имъ въ собраніи членовъ общества вспомоществованія: «Als Moses nicht mehr die Hände erheben konnte um zu beten, da stützten ihn hüben und drüben zwei Männer und hielten die Arme hoch.—Auch die Wissenschaft ist Gebet; wie jene Stützenden durch ihre Stützen beteten, so die den Jünger der Wissenschaft stützen, selbst die Wissenschaft pflegen.—Auf, erhebt euere Hände, stützet» **. (Не могу не замѣтить мимоходомъ, что, по замѣчанію Тургенева, высоко цѣнившаго Ауэрбаха, поэтичность образовъ обусловливается еврейскимъ происхожденіемъ Ауэрбаха и знакомствомъ его съ библіею. Думаю, что такія вещи, какъ «Дача на Рейнѣ», «На вы-

* Новымъ анализомъ этой драмы я старался отдѣлаться отъ исключительныхъ воспоминаній моей (еврейской) юности, въ которыя я погрузился было,— я хотѣлъ освѣжиться и стать свободнѣе,—и это мнѣ удалось.

** Когда Моисей не въ силахъ былъ болѣе поднять рукъ, чтобы творить молитву, двое мужей стали поддерживать его. Наука—таже молитва. Какъ тѣ двое, поддерживая Моисея, сами возносили мольбу, такъ и тѣ, которые поддерживаютъ учащихся, поддерживаютъ этимъ самымъ науку. Поднимите же руки — поддержите!

достовѣрности, а потому они ядовитѣе и опаснѣе. Насколько преднамѣренно Вагнеръ лжетъ, выставляя Мендельсона представителемъ еврейской музыки, доказываетъ, по мнѣнію Ауэрбаха, между прочимъ то обстоятельство, что Мендельсонъ положительно отворачивался отъ всего, что имѣло отношеніе къ еврейству. Это было въ 1845—46 годахъ, когда Ауэрбахъ часто видался съ нимъ, правда, въ періодѣ мрачнаго его настроенія, но Мендельсонъ былъ въ сущности «ein gläubiger Christ», и пасторъ Говардъ былъ его лучшимъ другомъ.

Съ другой стороны, Ауэрбахъ вполнѣ согласенъ съ тѣми мѣстами брошюры Вагнера, въ которыхъ онъ говоритъ объ отсутствіи въ музыкѣ Мендельсона непосредственности мелодіи, равнымъ образомъ и непосредственности и въ чувствахъ (Was Wagner über Mendelsohns Musik sagt, habe ich theilweise immer selbst empfunden; er ist zu gebildet und zu wohlerzogen, es fehlt der Naturmuth, der Naturlaut; nur in der Walpurgisnacht und dem Sommernachtstraum ist für meinen Geschmack ein Eigenthümliches und Frisches). Такъ же точно согласенъ Ауэрбахъ и съ воззрѣніями Вагнера на Мейербера. Такъ что въ общемъ письмо носитъ характеръ безпристрастной оцѣнки въ пользу евреевъ.

Нельзя упускать изъ виду еще письма, въ которомъ Ауэрбахъ съ свойственною ему простотою указываетъ другу на то, что въ рѣчахъ Кремье, направленныхъ на защиту евреевъ, ему не нравятся преувеличенія, аффектаціи, что «Mon coeur israelite» и пр. произносятся такъ, какъ будто въ этихъ словахъ ни вѣсть что содержится.

Все существенное изъ переписки Ауэрбаха о еврейскомъ вопросѣ изложено мною. Въ заключеніе привожу письмо, которое свидѣтельствуетъ, что Ауэрбахъ былъ преданъ идеѣ о благѣ нѣмецкой земли, не смотря на свою любовь къ евреямъ, или правильнѣе: что онъ любилъ евреевъ именно потому, что онъ любилъ и былъ преданъ «своей нѣмецкой землѣ». Вотъ это письмо:

«Ich habe *schon lange im Sinn* zu zeigen, wie drei Werke so absolut deutsch, dass sie aus keiner andern Nation hervorgebracht werden konnten: Lessing's Nathan, Goethe's Faust, Mozart's Zauber-

реяхъ. Критика, о которой идетъ рѣчь въ данномъ письмѣ, написана была по поводу брошюры Вагнера «Das Judenthum in der Musik», въ которой авторъ ея отрицаетъ въ евреяхъ присутствіе творческой силы, творческаго генія. Ауэрбахъ возмущенъ этимъ заявленіемъ Вагнера.—«Jst das nicht empörend», спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ, что этого невозможно утверждать о народѣ, создавшемъ библію, на которой воспитывается все человѣчество. И вотъ подлинникъ остальной части письма: «Ach ich wollte, ich könnte dreinschlagen und die ganze Empörung loslassen, dass immer und immer wieder eine Grundsuppe von Gemeinheit und Hochmuth sich ausleert. Man muss sich zusammenhalten, um nicht an der Welt zu verzweifeln, wenn man sieht, dass ein Giftbaum, den man endlich umgehauen glaubt doch immer wieder neuen Wurzelausschlag treibt. Und das nennt sich christliche Liebe und freie Bildung und schönes Menschenthum» *. Мѣсто, очень сильное, и самое сильное изо всѣхъ во всей перепискѣ. Но и здѣсь мы видимъ, что не оскорбленное личное чувство говоритъ въ немъ; его возмущаетъ несправедливость, пошлость и высокомѣріе личности. Не національное чувство говоритъ въ немъ, когда онъ подобнаго рода отношенія относитъ не къ *проявленію христіанской любви*, смотритъ на него не какъ на признаки свободнаго образованія и развитія человѣчности. Что не личное чувство и не оскорбленное въ немъ чувство національности говорятъ въ немъ — ясно видно изъ другого письма, рядомъ стоящаго съ приведеннымъ только что. Онъ бесѣдуетъ въ немъ съ другомъ о самой брошюрѣ Вагнера, въ которой Вагнеръ весьма сочувственно относится лично къ Ауэрбаху; но именно этимъ-то отношеніемъ и возмущается онъ; онъ убѣжденъ, что Вагнеръ лжетъ, и лжетъ сознательно, хваля его, и потому онъ ему такъ противенъ. При необыкновенномъ искусствѣ Вагнера,—продолжаетъ онъ,—смѣшивать ложь съ истиной, люди, подобные Вагнеру, дѣйствуютъ на массу; ихъ слова принимаютъ характеръ

* Всю злобу, все негодованіе я хотѣлъ бы излить—потому что снова и снова выступаетъ вся грязь площадности и высокомѣрія. Нужно собраться силами, чтобы не предаться отчаянію, когда вотъ кажется, что срублено ядовитое дерево, а оно снова пускаетъ ростки. И это называется христіанскою любовью, и свободное образованіе и прекрасное человѣчество.

ЭСКИЗЫ.

(Изъ воспоминаній еврея-земледѣльца).

(Посвящ. Ж. М. Д.).

V.

Соперницы.

Я помню эту свѣтлорусую головку, нѣжный овалъ милаго, добраго личика съ большими свѣтло-голубыми глазами, тонкимъ, правильнымъ носикомъ и свѣжими губками, съ которыхъ не сходила тихая, свѣтлая улыбка. И рядомъ съ этимъ кроткимъ образомъ вырисовывается другой образъ, другіе глаза, другая головка... Эти два образа могли бы служить лучшей моделью для художника, который задался бы цѣлью написать или изваять Полдень и Полночь. Тихой, задумчивой красотой и обаяніемъ южной майской ночи вѣяло отъ кроткой, задумчивой, милой Симы, и прямой противоположностью ей являлась красавица Шейндлъ съ ея глубокими черными глазами, высокой, упругой грудью, черными, вьющимися волосами и всей своей крѣпкой фигурой красавицы-степнячки.

Стоя предъ могилой бѣдной Симы, я не могъ не улыбнуться, вспомнивъ невольно англійскіе и нѣмецкіе романы добраго стараго времени, въ которыхъ, въ той или другой формѣ, происходитъ борьба между добродѣтелью и порокомъ, съ финаломъ, гдѣ обязательно порокъ бываетъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ. Благочестивые романисты смотрѣли

---

* См. Восходъ, кн. 5.

flöte. Aber man schämt sich jetzt, und man hat sich zu schämen, von absolut Deutschem zu sprechen, denn die Möglichkeit und die Thatsächlichkeit der Judenhetze ist ein Abfall und eine Verunreinigung des deutschen Geistes. Ist das noch das Volk der Humanität?» *.

I. М.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

* Уже съ давнихъ поръ *я* ношусь съ мыслью показать, что три произведенія до того исключительно проникнуты нѣмецкимъ духомъ, что никакая другая нація не могла бы произвести подобныхъ: Натанъ—Лессинга, Фаустъ—Гете и Волшебный стрѣлокъ—Моцарта. Но теперь позорно говорить объ абсолютно нѣмецкомъ, потому что проявленіе или даже возможность проявленія возбужденія противъ евреевъ—это отпаденіе или оскверненіе нѣмецкаго духа. Можно-ли этотъ народъ называть и теперь еще носителемъ гуманности?

тическое, упорное, злое, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто такое, что притягивало, пугало и все-таки притягивало къ ней молодыя, неопытныя сердца юныхъ степняковъ. «Вздыхали» по ней многіе, и она знала это, и въ душѣ радовалась своимъ побѣдамъ, но по наружности оставалась неизмѣнною въ своей холодной, самонадѣянной неприступности. Послѣдняя черта, свойственная вообще женской добродѣтели, вынужденной, въ силу естественнаго положенія вещей, находиться постоянно, такъ сказать, въ оборонительномъ положеніи, у Шейндлъ принимала характеръ не оборонительный, а скорѣе наступательный. Дочь б—скаго земледѣльца обнаруживала по временамъ разсчитанную, утилитарную неприступность дѣвицы, воспитанной въ той средѣ, гдѣ слова «блестящая карьера» и «прекрасная партія» носятъ чисто спекулятивный, такъ сказать, финансовый характеръ. Шейндлъ являлась неприступной для многихъ искателей ея руки и сердца, именно благодаря этой ея чертѣ, какъ ни страннымъ оно покажется, если принять во вниманіе, въ какой средѣ выросла и воспитывалась эта дѣвушка. Шейндлъ было 17 лѣтъ, когда къ ней посватался сынъ шульца сосѣдней колоніи, Эле Хойсенъ, молодой вдовецъ, съ нѣсколько грубоватыми манерами но безусловно порядочный молодой человѣкъ и прекрасный, выгодный женихъ, за котораго пошла бы охотно любая изъ б—скихъ дѣвицъ.

— Такъ я вамъ говорю—домъ, говорю я вамъ,—ораторствовалъ Абэ-шадхонъ, закусывая выпитый стаканчикъ черствымъ медовымъ пряникомъ:—просто царскій. Миреле, чтобъ здорова была, вы знаете, золотая хозяйка, истинная эйшесъ-хаилъ, а самъ Эле... дай Богъ всякому еврею имѣть такого сына... и т. д., и т. д.

Шейндлъ выслушала шадхона и сказала:

— Хорошо. Пусть пріѣдетъ... Посмотримъ.

Отецъ и мать дѣвушки были, какъ говорится, «на седьмомъ небѣ», готовясь встрѣтить дорогого жениха. Но Шейндлъ въ скорости заставила их разочароваться, разбивъ разомъ всѣ ихъ мечты и надежды.

— Ну, Шейндлъ,—робко заговорилъ молодой вдовецъ, остав-

на романъ, какъ на произведеніе, которое должно имѣть строго-моральное значеніе, но они слишкомъ узко и односторонне понимали свою задачу. Жизнь пишетъ романы, повѣсти, комедіи и трагедіи, не справляясь при этомъ ни съ какими моралистическими доктринами и не руководствуясь ни чьимъ вкусомъ. И написала жизнь маленькую повѣсть про двухъ молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одна представляла лучшее воплощеніе добродѣтели, другая—въ извѣстномъ смыслѣ—порока.

Кто изъ насъ, юныхъ обывателей колоніи Б., не любовался, глядя на этихъ двухъ красавицъ, столь различныхъ и по внѣшности, и по своимъ внутреннимъ качествамъ. Любовались всѣ, но не всѣ одинаково рѣшали вопросъ, которой изъ нихъ отдать преимущество. Да и трудно было рѣшить этотъ вопросъ. Пишущій эти строки, какъ и всякій изъ его сверстниковъ, положительно благоговѣлъ передъ кроткой, привѣтливой и ласкающей красотой бѣлокурой Симы. Выйдетъ ли она въ лѣтній вечеръ «къ мельницамъ», гдѣ собирались дѣвочки и мальчики въ ожиданіи возвращающагося съ поля стада; спускается ли она, съ переброшеннымъ черезъ плечо коромысломъ и ведрами, съ возвышенности, на которой расположена ихъ дача, направляясь къ рѣчкѣ; гуляетъ ли въ субботній вечеръ по улицѣ въ своемъ простенькомъ ситцевомъ платьицѣ, съ пестрымъ персидскимъ платочкомъ на головѣ,—всегда и вездѣ она мила и плѣнительна своей простотой, привѣтливостью и спокойствіемъ. Это сознаетъ и чувствуетъ всякій, кто на нее ни посмотритъ, и, глядя на нее, каждый изъ насъ чувствовалъ, какъ въ душѣ его поднимается что-то теплое и ясное, какая-то тихая, свѣтлая, задумчивая грусть, какая зарождается въ душѣ человѣка, когда онъ долго смотритъ на первую вечернюю звѣзду, тихо мерцающую на темнѣющемъ, безоблачномъ небѣ. Но стоило въ эту минуту перевести взоръ на цвѣтущее, пышущее могучей красотой и молодостью, лицо Шейндлъ, и каждый вдругъ ощущалъ, какъ у него что-то вздрогнуло и боязливо сжалось въ глубинѣ души. Эти большіе, жгучіе, дерзкіе глаза, эта загадочная, презрительная усмѣшка на слегка раскрытыхъ розовыхъ губахъ—имѣли въ себѣ что-то деспо-

такой домъ... два такихъ дома, хочу быть богачкой, чтобъ показать всѣмъ моимъ землячкамъ, этимъ глупымъ телушкамъ.... и въ особенности, одной изъ нихъ, чего я-то стою... пусть лопнетъ съ досады....

Съ тѣмъ Эле и уѣхалъ.

— Шейндлъ,—робко заговорила мать послѣ ухода Эле:— Шейнделэ, можетъ быть.... одумаешься.... партія прекрасная...

— Еще что!—оборвала Шейндлъ старуху:—прошу тебя не вмѣшиваться. Это не твое дѣло...

— Какъ не мое дѣло?—заговорила старушка, и слезы задрожали въ ея голосѣ:—Богъ съ тобою, Шейндлъ! Вѣдь я-же мать.... вѣдь я....

— А, будетъ, надоѣло,—круто продолжала Шейндлъ, и лицо ея приняло жесткое и злое выраженіе:—«мать», «мать», только и слышишь отъ васъ. А вотъ постаралась бы быть матерью, какъ слѣдуетъ. Дочь твоя одѣта хуже всякой нищенки, порядочнаго платья не сошьютъ, а тоже, поди, толкуетъ: мать.... невидаль какая!...

— Шейндлъ,—воскликнула старушка, обливаясь слезами:— опомнись... что ты говоришь!...

Но Шейндлъ ее уже не слышала. Она бросила работу, хлопнула дверью и, завернувъ въ палисадникъ, стала нервно ходить взадъ и впередъ, безжалостно топча ногами стебли расцвѣтавшаго мака и выщипывая цѣлые куски изъ головокъ еще зеленаго подсолнечника.

Сима, проходившая въ это время мимо палисадника, возвращаясь съ луга съ пучкомъ молодого щавеля, собраннаго въ передникъ, остановилась и привѣтливо проговорила:

— Добрый вечеръ, Шейндлъ, что подѣлываешь?

Шейндлъ взрогнула, посмотрѣла на нее сверкающими глазами и, не говоря ни слова, повернулась и вышла изъ палисадника.

Сима постояла съ минуту, глядя вслѣдъ удалившейся Шейндлъ, тихо покачала своей прекрасной головкой и, вздохнувъ, медленно пошла по направленію къ своему дому.

Отецъ Симы былъ выходцемъ изъ Курляндіи и прибылъ въ колонію въ 1841 году. Онъ зналъ грамоту, говорилъ по нѣмецки и, потерявъ жену, умершую въ то время, когда ихъ

шись съ глазу на глазъ съ дѣвушкой; — какъ же будетъ, Шейндлъ?

— Это вы о чемъ?—послышалось въ отвѣтъ.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ и растерялся. А Шейндлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ окну, на которомъ помѣщалось нѣсколько горшковъ съ цвѣтами и, тихо что-то напѣвая, стала обирать засохшіе листки. Молодой человѣкъ сидѣлъ въ сильнѣйшемъ смущеніи, не смѣя поднять глазъ на дѣвушку. Прошло нѣсколько минутъ.

— Послушайте,—заговорила, наконецъ, Шейндлъ, преспокойно садясь у противоположнаго конца стола и принимаясь за какое-то вязанье.—Послушайте. Вы хотите, чтобъ я вышла за васъ, и чуть ли-не считаете за честь для меня ваше предложеніе. Допустимъ. Но скажите мнѣ, прошу васъ, что найду я у васъ такого, на что дѣйствительно стоило бы польститься?

Эле даже вспыхнулъ, услыхавъ послѣднія слова, но пересилилъ себя и заговорилъ:

— Вы знаете, Шейндлъ, наше положеніе... Дай намъ Богъ вовѣки не хуже... у насъ прекрасное хозяйство, 6 паръ лошадей, 8 дойныхъ коровъ, собственная вѣялка и три.....

— А вы бывали въ Бериславѣ? — вдругъ перебила его Шейндлъ.

— Бывалъ,—отвѣтилъ, недоумѣвая, Эле.

— Знаете купца Липкина?

— Знаю.

— А видѣли вы, какой домъ онъ выстроилъ для своей дочери?

— Видѣлъ.

— И аптекаршу видѣли?

— Аптекаршу?—переспросилъ недоумѣвающій Эле.

— Ну да, аптекаршу, эту самую дочь Липкина.

— Н-нѣтъ.... не знаю.

— Ну, такъ вотъ что. Эта зеленая, хворая лягушка... я видала ее нѣсколько разъ на улицѣ, когда была въ Бериславѣ,— эта уродливая и смѣшная дѣвица получила въ приданое двухъэтажный домъ, крытый желѣзомъ, 10 тысячъ рублей и множество шелковыхъ платьевъ. Такъ вотъ что: я хочу имѣть

ли, Хася, обратится она къ своей подругѣ, рыжей 13-лѣтней дѣвочкѣ съ маленькими, злыми глазками и короткимъ, вздернутымъ носикомъ: не правда-ли, Хася, и тебѣ показалось, будто въ классъ вошла не Сима, а какая-то помѣщица?

— Хи-хи,—льстиво засмѣется Хася и скажетъ:—А ты знаешь, Шейндлъ, новость... очень интересную новость, про одну изъ нашихъ ученицъ?

— Какую новость?

— А вотъ, поди сюда, я тебѣ на ухо скажу... это очень смѣшно.

И подруги начнутъ шептаться, ехидно поглядывая въ сторону бѣдной Симы, которая, едва-едва удерживаясь, чтобы не разрыдаться, сидитъ согнувшись надъ своей тетрадкой и тщательно выводитъ своей маленькой ручкой:

«За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ,
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ»...

Злая Шейндлъ, раздражаемая успѣхами своей соперницы, рѣшалась и на болѣе жестокія выходки по отношенію къ ней. Сима, напримѣръ, выйдетъ за чѣмъ нибудь изъ классной комнаты и, ничего не подозрѣвая, оставитъ свои тетрадки на столѣ. Въ это время Шейндлъ или Хася будто нечаянно задѣнетъ за чернильницу, перевернетъ ее и обольетъ чернилами тетрадки. Сима заплачетъ, пригрозитъ, что пожалуется учителю, но вскорости ея возмущенное чувство успокоится, и она лишь вздохнетъ и примется собирать въ чернильницу пролитую жидкость.

Окончательно возненавидѣла Шейндлъ свою соперницу съ тѣхъ поръ, какъ та имѣла полный успѣхъ на одномъ экзаменѣ, произведенномъ уѣзднымъ раввиномъ. Раввинъ Х-скаго уѣзда время отъ времени объѣзжаетъ колоніи, производя ревизію метрическимъ записямъ, меламедскимъ документамъ, а также экзаменуя воспитанниковъ училища.

Экзаменаторъ, низенькій, полный старичокъ, съ умнымъ и

единственной дочери, Симѣ, было около 10 лѣтъ отъ роду, весь посвятилъ себя дочери. Имѣя одну пару лошадей, онъ обыкновенно «сопрягался» со своимъ сосѣдомъ Ойзеромъ Халиперомъ, у котораго были лошадь, плугъ и борона, и такимъ образомъ обрабатывалъ свой небольшой участокъ. Сима чуть-ли не съ 13 лѣтъ вела все маленькое хозяйство, стирала, чинила и штопала бѣлье, по пятницамъ бѣлила стѣны единственной комнатки съ большой печью въ одномъ углу и большимъ некрашеннымъ столомъ и такими-же скамьями въ другомъ, при чемъ «расписывала» стѣнки печи и карнизы разными завиточками и зубчиками изъ синьки и вохры, и при всемъ томъ успѣвала посѣщать колоніальную школу, готовя уроки съ поразительной энергіей и точностью.

Не любила Шейндлъ Симу. Еще посѣщая училище, Шейндлъ увидѣла въ ней свою единственную и, какъ ей подсказывалъ женскій инстинктъ, опасную соперницу. Ни одна изъ 12 учениць одного съ Шейндлъ класса не получала такихъ отмѣтокъ, какъ она; одна только Сима стала ее нагонять и наконецъ опередила. Злые языки утверждали, будто успѣхи Шейндлъ слѣдуетъ приписать не прилежанію и способностямъ ея, а чернымъ глазамъ и не по лѣтамъ развитому торсу, на которые часто засматривался учитель, высокій, блѣдный юноша съ темными очками и дипломомъ уѣзднаго училища. Какъ бы то ни было, но учитель, быть можетъ, и плѣненный рослой и румяной Шейндлъ, не могъ не оцѣнить по достоинству прилежанія и способностей маленькой, бѣлокурой Симы и ставилъ ей также высокія отмѣтки. Это обстоятельство мучило гордую и злую Шейндлъ, и ея жестокія насмѣшки не разъ заставляли краснѣть ея незлобивую и безотвѣтную соперницу.

— На тебѣ, никакъ, новое платье, Сима?—скажетъ Шейндлъ при входѣ Симы въ классную комнату и, прищурясь, укажетъ на ея старенькое и мѣстами заплатанное, ситцевое платьице.

— Нѣтъ, Шейндлъ,—отвѣтитъ Сима, краснѣя и усаживаясь на свое мѣсто:—у меня нѣтъ новаго платья. Папа сказалъ, къ празднику, можетъ быть, если Богъ дастъ....

— А мнѣ показалось, что на тебѣ новенькое шерстяное платье съ оборками,—продолжаетъ колоть Шейндлъ:—не правда-

Сима сидѣла все время, молча и внимательно вглядываясь въ доброе, ласковое лицо раввина, и когда тотъ обратился къ ней съ тѣмъ же вопросомъ, встала и спокойнымъ, внятнымъ голосомъ отвѣтила:

— Вѣтка Палестины—это вѣтка, которая растетъ въ странѣ Палестинѣ.

— Хорошо, прекрасно, дитя мое, прекрасно! — добродушно обрадовался старичокъ:— вѣтка съ дерева, которое растетъ въ Палестинѣ. Прекрасно, милая, чудесно!—И поцѣловавъ дѣвочку въ лобъ, раввинъ подарилъ ей книгу «Родное Слово», сдѣлавъ на первой страницѣ слѣдующую надпись: «Прилежной и внимательной ученицѣ Б-скаго колоніальнаго училища, Симѣ Якубсонъ, за благонравное поведеніе и отличные успѣхи».

Шейндлъ была внѣ себя отъ злости. Она закусила нижнюю губку и, нервно перебирая складки своего чернаго люстриноваго передника, готова была броситься на маленькаго, круглаго старичка и положительно выцарапать у него глаза.

— Гадкая, скверная подлиза!—шептала она, глядя на сіявшее радостью и счастьемъ личико Симы въ то время, когда раввинъ отдавалъ ей книгу. И съ тѣхъ поръ Шейндлъ дѣлала все, что возможно было, чтобъ навредить своей соперницѣ.

Минуло нѣсколько лѣтъ. Шейндлъ и Сима росли, дыша однимъ и тѣмъ же свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ; одна и та же среда, одни и тѣ же люди окружали ихъ; но въ этихъ двухъ дѣвушкахъ развивались крайне различные характеры. Шейндлъ побывала нѣсколько разъ въ Бериславѣ, гдѣ проживала ея тетка, повитуха, дарившая ей каждый разъ либо шерстяную матерію на платье, либо купленныя по случаю принадлежности чайнаго и столоваго сервизовъ. Шейндлъ наряжалась въ свои шерстяныя, сшитыя по модѣ, платья, подражала въ манерахъ бериславскимъ дамамъ и, встрѣчаясь на гуляньи по субботамъ и праздникамъ съ Симой, всячески наровила колоть ей глаза своими нарядами, а также побѣдами, которыя она одерживала надъ юными колонистами. Сима по прежнему трудолюбиво вела свое хозяйство, ухаживала за отцомъ, который въ послѣднее время сталъ часто прихварывать, а при встрѣчахъ съ Шейндлъ обращалась съ нею незлобиво и добродуш-

добрымъ лицомъ, ласково потрепалъ пухлую, румяную щечку Шейндлъ и сказалъ:

— Прочтите, дитя мое, какое нибудь стихотвореніе.

Шейндлъ вышла на средину комнаты и бойко стала декламировать:

«Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ...»

— Хорошо, милая, — ласково остановилъ ее старичокъ: — а скажите мнѣ, пожалуйста, что такое «вѣтка Палестины»?

— Вѣтка Палестины... это... это...—И Шейндлъ запнулась и покраснѣла.

— Вы читали:

«Скажи мнѣ, вѣтка *Палестины*,
Гдѣ ты *росла*, гдѣ ты *цвѣла?*»

повторилъ подчеркивая экзаменаторъ: — что же это за вѣтка, которую поэтъ назвалъ «вѣткой Палестины?»

— Что же вы не отвѣтите?—вмѣшался учитель, поправляя двумя пальцами очки на своемъ носу:—вѣдь вы же знаете, что значитъ «вѣтка Палестины»?

— Знаю!—дерзко отвѣтила Шейндлъ и, взглянувъ на него злыми, сердитыми глазами, прибавила:—знаю, но теперь... теперь у меня голова болитъ... я не вспомню.

— Жаль, жаль, — замѣтилъ, покачавъ головою старичокъ и, обратившись къ сидѣвшей по близости, маленькой, тоненькой дѣвочкѣ, Ципкѣ Гулькинъ, смотрѣвшей на него своими большими, испуганными глазами, спросилъ:

— А васъ, милая, какъ зовутъ?

— Ци... Ципкэ,—чуть внятно выговорила малютка, закусивъ кончикъ своего передничка.

— Хорошо, дитя мое. А знаете ли, милая Ципка, что значитъ «вѣтка Палестины?»

— Я... я...—зашептала малютка и вдругъ разразилась громкимъ рыданіемъ, выговаривая какія-то непонятныя слова и захлебываясь слезами. Ее съ трудомъ удалось успокоить.

ко спокойно. Не пейте воды и не чешите ни лица ни тѣла, и ничего не будетъ... выздоровѣете.

— Хорошо,—проговорила, сжавъ кулаки и сверкая своими черными глазами, Шейндлъ:—Хорошо, я буду лежать спокойно...

Черезъ недѣлю Шейндлъ встала съ постели, и первымъ ея движеніемъ было подойти къ зеркалу и внимательно осмотрѣть свое лицо и грудь. На правомъ вискѣ у нея оказались двѣ маленькія ямочки, и еще двѣ или три на плечѣ.

— Это ничего, проговорила она, осматривая свою красивую грудь, и самодовольная, торжествующая улыбка появилась на ея нѣсколько поблѣднѣвшихъ, но по прежнему прекрасныхъ губахъ....

Маленькая, бѣлокурая Сима соскочила, въ бреду, на холодный земляной полъ, схватила съ лежанки кружку съ водою и осушила ее до капли. Вернувшійся въ комнату отецъ нашелъ ее на полу въ одной сорочкѣ, босикомъ и страшно посинѣвшую. Она скончалась на рукахъ отца, рыдавшаго надъ нею въ безумномъ отчаяньи, обливая слезами ея посинѣлое и изрытое до неузнаваемости личико....

С. Фругъ.

ИЗРАИЛЬ ЗАМОСЦЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Was glänzt ist für den Augenblik geboren,
Das Aechte bleibt der Nachwelt unverloren.
Goethe.

Много интереснаго и характернаго въ культурно-историческомъ отношеніи представляютъ собой тѣ немногіе еврейскіе выходцы изъ западной полосы Россіи и бывшей Рѣчи Посполитой, которые ознаменовали собой эпоху въ исторіи умственнаго роста польско-русскаго еврейства. Подвергаясь нареканіямъ и частымъ преслѣдованіямъ со стороны своихъ единовѣрцевъ за малѣйшее отступленіе отъ всего шаблоннаго и завѣщанныхъ вѣками традицій, эти адепты новаго направленія съ сокрушеннымъ сердцемъ и душевной тревогой вынуждены были искать свѣта науки и утоленія жажды знанія въ сторонѣ отъ родной страны, въ разныхъ странахъ Европы. Мѣстныя условія жизни далеко не благопріятствовали ихъ дальнѣйшему умственному развитію. Строго-ортодоксальныя талмудическія школы и произведенія средневѣковыхъ еврейскихъ философовъ могли только дать толчокъ мысли и возбуждать пытливость ума, но точныхъ, реальныхъ знаній, въ томъ обыденномъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ въ настоящее время, нельзя было черпать даже въ многотомныхъ библіотекахъ, находившихся обыкновенно при синагогахъ и молитвенныхъ домахъ. Правильно организованныхъ еврейскихъ школъ тогда еще не было; общія учебныя заведенія для евреевъ были закрыты, да и наврядъ-ли послѣдніе воспользовались бы ими, еслибъ таковыя для нихъ были доступны. Отсутствіе спеціально-еврейскихъ типографій, въ которыхъ эти новаторы могли предать тисненію про-

изведенія своего пера, отличавшіяся нѣсколько по тенденціи и трактуемымъ въ нихъ предметамъ отъ общаго типа тѣхъ религіозно-схоластическихъ сочиненій, которыми обыкновенно пробавлялись невзыскательные еврейскіе читатели,—нерѣдко тоже заставляло послѣднихъ эмигрировать въ разные европейскіе города, гдѣ тогда было уже вдоволь еврейскихъ типографій, содержателями которыхъ были евреи-меценаты и христіане ex professio *. Подвергаясь нуждѣ и матеріальнымъ лишеніямъ, еврейскіе выходцы эти, однако, мирились со своимъ положеніемъ; они довольны были тѣмъ, что могли свободнѣе предаваться своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ и, стряхнувъ съ себя пыль вѣковъ, нѣсколько воспрянули духомъ и ожили подъ вліяніемъ европейской культуры. Въ особенности привлекалъ послѣднихъ славившійся тогда «интеллигентный», а нынѣ «всемірный» городъ Берлинъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ для блага своихъ единовѣрцевъ еврейскій философъ Моисей Мендельсонъ. У этого еврейскаго Сократа литовскіе и польскіе выходцы-талмудисты всегда встрѣчали нравственную поддержку и радушный пріемъ. Домъ его всегда былъ открытъ для этихъ пришельцевъ, являвшихся обыкновенно въ рубищахъ, съ тощими и исхудалыми отъ нужды лицами; скудная трапеза всегда дѣлилась пополамъ; разговоры по спеціальнымъ предметамъ еврейской науки длились до поздней ночи, и нерѣдко случалось, что маститый философъ и литовскій рабби уносились въ тотъ міръ отвлеченностей и апріорныхъ обобщеній, который не былъ чуждъ имъ обоимъ, подражая другъ друга своей эрудиціей. Мендельсонъ всегда принималъ живѣйшее участіе въ участи этихъ несчастныхъ тружениковъ, отъ которыхъ онъ кое-что заимствовалъ и которымъ онъ очень много давалъ. Снабжая ихъ духовной пищей, онъ, за неимѣніемъ личныхъ средствъ, по мѣрѣ силъ и возможности заботился также о томъ, чтобъ они не особенно страдали отъ матеріальныхъ лишеній, пристраивая ихъ у мѣстныхъ богачей-филантроповъ, у которыхъ они часто функціонировали въ качествѣ домашнихъ учителей, обучая ихъ дѣтей еврейской грамотѣ въ обширномъ смыслѣ слова. Не говоря уже

* См. Кирья Неемана (Исторія виленскаго еврейскаго общества). С. І. Фина, стр. 198—199. Вильно. 1860.

о томъ, что Польша была тогда единственная страна, снабжавшая Германію хорошими еврейскими учителями, которые съумѣли внушать своимъ ученикамъ любовь къ іудаизму и еврейскому народу, многіе изъ германскихъ евреевъ считали за особенную честь имѣть за столомъ ученаго талмудиста, хотя талмудистамъ этимъ нерѣдко приходилось маскировать свой либеральный образъ мыслей, боясь подвергнуться опалѣ со стороны общинныхъ заправилъ, не всегда отличавшихся особенной вѣротерпимостью. Но еще гораздо раньше того времени, когда Мендельсонъ сдѣлался извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ какъ мыслитель и философъ, въ Берлинѣ жилъ скромный выходецъ изъ Польши, который былъ также однимъ изъ первыхъ учителей Мендельсона, преподавая ему основныя начала математики по еврейскому переводу Евклида. Мы говоримъ объ Израилѣ Замосцѣ, который также былъ учителемъ другого преподавателя Мендельсона—доктора Аарона Гумперца изъ Эммериха, знакомившаго его, въ свою очередь, съ европейскими языками и развившаго въ немъ вкусъ къ изящной литературѣ. Многіе историки литературы, говоря объ эпохѣ Мендельсона и его сподвижниковъ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на этихъ двухъ его учителяхъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на весь ходъ его умственнаго развитія въ раннемъ періодѣ его изученія свѣтскихъ наукъ. Израиль Замосць, какъ бѣдный и пришлый польскій уроженецъ, гонимый за вольнодумство религіознымъ фанатизмомъ своихъ единовѣрцевъ, не смотря на свой колоссальный умъ и обширную эрудицію, за исключеніемъ двухъ-трехъ христіанскихъ ученыхъ, оцѣнившихъ его вполнѣ по заслугамъ, какъ великаго мыслителя и математика,—остался почти неизвѣстнымъ въ ученомъ мірѣ; о его жизни и дѣятельности мы обладаемъ чрезвычайно скудными свѣдѣніями, не имѣющими между собой строгой систематической связи. Далеко не такова была участь его ученика—доктора Аарона Гумперца, уступавшаго по глубинѣ мысли своему учителю. Занимаясь медицинской практикой въ столицѣ и обладая сравнительно большимъ состояніемъ, какъ сынъ богатыхъ родителей, онъ имѣлъ доступъ къ лицамъ высшихъ сферъ столицы и вращался среди мѣстныхъ ученыхъ и писателей, которые его очень уважали. Предоставляя себѣ возможность поговорить о Гумперцѣ въ другомъ мѣстѣ, сообщимъ кое-

что о Замосцѣ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ удалось собрать. Израиль Замосць родился въ 1700 году. О его воспитаніи и первоначальной жизни нѣтъ точныхъ и положительныхъ данныхъ. Извѣстно только то, что достигнувъ зрѣлаго возраста и начитавшись средневѣковыхъ еврейскихъ философовъ, открывшихъ ему совершенно новый міръ, онъ, не въ примѣръ своимъ польскимъ единовѣрцамъ, коснѣвшимъ во мракѣ невѣжества и фанатизма, началъ думать и мыслить на иной ладъ, что, конечно, не могло нравиться ярымъ фанатикамъ и рутинерамъ. По оставленіи родины, онъ велъ кочующій образъ жизни, переходя изъ одного мѣста въ другое. Слухъ о немъ проникъ въ Берлинъ только послѣ выхода въ свѣтъ его перваго сочиненія «Nezach Israel» (сила Израиля) напечатаннаго въ Франкфуртѣ-на-Одерѣ въ 1741 году. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ объясненіе трудныхъ мѣстъ въ талмудѣ по геометріи и астрономіи, равно какъ и объясненіе многихъ законовъ посредствомъ математическихъ формулъ, не могло не обратить на себя вниманія ортодоксовъ, усмотрѣвшихъ профанацію священной Торы въ объясненіи законовъ посредствомъ точныхъ наукъ. Соломонъ Маймонъ, упоминая въ своей автобіографіи о рабби Израилѣ, замѣчаетъ при этомъ, что онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду больше распространеніе науки между евреями, чѣмъ разъясненіе законовъ, которые тутъ служили ему лишь поводомъ *. Въ Берлинѣ его пріютилъ мѣстный банкиръ Даніель Итцигъ, въ домѣ котораго онъ жилъ почти на всемъ готовомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его родной племянникъ, издавшій, въ 1796 году, послѣ его смерти его сочиненіе «Ozar Nechmad»—комментарій къ лучшему произведенію рабби Іегуды Галеви—Kusari. Комментарій этотъ былъ написанъ по просьбѣ многихъ еврейскихъ ученыхъ, цѣнившихъ въ Замосцѣ рѣдкое въ то время сочетаніе глубокаго знанія талмуда и точныхъ наукъ исключительно по еврейскимъ источникамъ, такъ какъ Замосць не зналъ никакого другого языка, кромѣ древне-еврейскаго **.

---

* См. «Еврейская Библіотека». Т. II, стр. 310—311. С.-Петербургъ. 1872.

** См. предисловіе къ книгѣ „Kusari". Изданіе I. Шлезингера. Пресбургъ. 1860.

По отзывамъ спеціалистовъ и знатоковъ, комментарій этотъ отличается рѣдкимъ популярнымъ изложеніемъ, даетъ возможность усвоить себѣ философскія воззрѣнія Галеви и облегчаетъ пониманіе темныхъ мѣстъ въ переводѣ Ибнъ-Тибона. Какъ мы уже сказали выше, Замосць былъ школьнымъ учителемъ въ Берлинѣ и, познакомившись съ Мендельсономъ, преподавалъ ему математику и диспутировалъ съ нимъ по научнымъ вопросамъ. Знакомство съ Мендельсономъ дало ему возможность войти въ сношенія съ нѣкоторыми христіанскими учеными. Фридрихъ Николаи, въ своихъ примѣчаніяхъ къ перепискѣ Мендельсона съ Лессингомъ, отдаетъ должную дань уваженія его уму и энергіи. «Это былъ,—говоритъ онъ,—одинъ изъ первыхъ людей, который старался внушать евреямъ любовь къ изученію точныхъ наукъ. Живя въ крайней нуждѣ, онъ отличался выдающимся умомъ, какъ великій математикъ, достигнувшій совершенства въ наукѣ на столько, что былъ въ состояніи самъ дѣлать научныя открытія. Кромѣ этого, онъ былъ также склоненъ къ поэзіи *. Какъ всѣ еврейскіе реформаторы, Замосць былъ преслѣдуемъ евреями, такъ что вынужденъ былъ странствовать изъ Берлина въ Польшу и обратно. Принимая близко къ сердцу преслѣдованія со стороны своихъ единовѣрцевъ, которыя ему не въ моготу стали, Замосць на старости лѣтъ сдѣлался мрачнымъ и меланхоличнымъ». Съ такимъ же энтузіазмомъ и сердечной теплотой говоритъ о немъ Лессингъ въ своихъ письмахъ къ своему другу Мендельсону. Говоря о гоненіяхъ противъ Замосця, слѣдуетъ замѣтить, что онъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Одинаковой участи съ нимъ подверглись и другіе польскіе выходцы, какъ, напримѣръ, знаменитый философъ Соломонъ Маймонъ и еврейскій

* Постоянный берлинскій сотрудникъ еврейской газеты „Hamelitz", д-ръ С. Бернфельдъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ приводитъ фактъ со словъ «Vossische Zeitung» за 1885 годъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ найдены были среди другихъ рѣдкостей солнечные часы, сдѣланные по системѣ Замосця. Въ доказательство его поэтическихъ способностей Гретцъ приводитъ поэму נזר הדמע, изданную въ Диренфуртѣ въ 1773 году, написанную будто бы Замосцемъ для еврейскаго журнала, который Мендельсонъ думалъ издавать. Кстати замѣтимъ, что это поэтическое произведеніе Замосця не отмѣчено въ библіографическомъ лексиконѣ Бенъ-Якоба.

учитель поэта-купца Эфраима Ку, который, кажется, былъ родомъ изъ Вильны. Берлинскіе ортодоксы, замѣтивъ въ немъ склонность къ чтенію нѣмецкихъ книгъ и увлеченію свѣтскими науками, что въ ихъ глазахъ считалось не совсѣмъ богоугоднымъ дѣломъ, начали систематически преслѣдовать бѣднаго литовца и не успокоились до тѣхъ поръ, пока послѣдній не взялся за страннический посохъ и не переселился въ Бреславль, гдѣ онъ нашелъ пріютъ въ домѣ богатаго Мозеса Даніеля — отца Эфраима Ку *. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ еще болѣе курьезный случай, что дѣдъ нынѣшняго банкира Блейхредера подвергся религіозному отлученію и изгнанъ былъ изъ Берлина за то, что, помимо книгъ духовнаго содержанія, нерѣдко заглядывалъ въ другія сочиненія, не имѣвшія тѣснаго соприкосновенія съ библіей и талмудомъ. Это религіозное усердіе не въ мѣру берлинскихъ ортодоксовъ и общинныхъ заправилъ, какъ видно, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что они, находясь подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда религіознаго мистицизма, не знали тѣсной границы между ханжествомъ и истиннымъ благочестіемъ. За исключеніемъ перваго сочиненія Замосця «Nezach Israel», всѣ остальныя его сочиненія были изданы послѣ его смерти. Многія изъ его рукописей переходили изъ рукъ въ руки, такъ что много трудовъ стоило его племяннику пока онъ издалъ комментарій къ книгѣ «Kusari». Еще извѣстенъ его комментарій къ сочиненію רוח חן, приписываемому Іегудѣ Ибнъ-Тибону. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ объясненіе философской терминологіи въ сочиненіяхъ Маймонида и другихъ средневѣковыхъ философовъ. Впервые сочиненіе это съ комментаріемъ Замосця появилось въ Брюнѣ въ 1797 году. Къ числу затерянныхъ сочиненій принадлежитъ капитальный трудъ ארבות השמים, упоминаемый въ первой главѣ вышеупомянутаго комментарія, заключавшій въ себѣ популярное изложеніе древней и новой астрономіи съ чертежами въ текстѣ, равно какъ и объясненіе многихъ талмудическихъ легендъ на научныхъ началахъ. Еврейскій писатель И. Б. Левинзонъ, благоговѣя предъ памятью Замосця, говоритъ, что онъ видѣлъ авторскую руко-

---

* См. статью д-ра М. Кейзерлинга объ Эфраимѣ Ку въ «Jüdisches Volksblatt» Филипсона за 1863 годъ, стр. 122.

пись вышеупомянутаго сочиненія въ рукахъ своего друга Нахмана Крохмаля, которому она поручена была для пересмотра и изданія *. Послѣ долгихъ скитаній, Замосць очутился въ Бродахъ, гдѣ онъ и умеръ 20 апрѣля 1772 года. На надгробномъ его памятникѣ красуется подробная эпитафія, въ которой обстоятельно изложены всѣ его заслуги, какъ мыслителя и человѣка. Эпитафія эта, какъ видно, принадлежитъ перу одного изъ искреннихъ почитателей Замосця, такъ какъ въ Бродахъ, не въ примѣръ другимъ галиційскимъ городамъ, и въ то время уже былъ значительный контингентъ приверженцевъ такъ называемой мендельсоновской школы и, не смотря на господствовавшій кругомъ мракъ невѣжества и хассидизма, благомыслящему человѣку не совсѣмъ жутко приходилось жить среди довольно многочисленнаго класса себѣ подобныхъ новаторовъ. И. Б. Левинзонъ въ своемъ сочиненіи «Teuda be-Israel» приводитъ цѣликомъ эпитафію Замосця, ставя его на ряду съ корифеями науки.

Заканчивая свой скромный очеркъ, я вполнѣ сознаю, что онъ не даетъ полнаго понятія о личности Замосця и заключаетъ въ себѣ много пробѣловъ. Живя въ провинціи, вдали отъ центровъ еврейской науки, гдѣ чувствуется большой недостатокъ въ книгахъ спеціальнаго содержанія, не всегда можно быть точнымъ и полнымъ въ статьяхъ, имѣющихъ историко-біографическій характеръ. Причисляя Замосця къ числу первыхъ піонеровъ и сѣятелей культурныхъ сѣмянъ на почвѣ іудаизма, которымъ въ правѣ гордиться польско-русское еврейство, мы надѣемся, что найдутся такіе, которые постараются написать болѣе подробный очеркъ его жизни и дѣятельности, такъ какъ его біографія до сихъ поръ еще никѣмъ не была написана.

С. Станиславскій.

* См. Zerubawel. Сочиненія И. Б. Левинзона. Ч. I, стр. 68. Варшава. 1880.

ПѢСНИ ДНЯ.

РАЗДУМЬЕ.

Смѣшно становится храбриться,
А ныть давно постыло мнѣ;—
Все-жъ не могу освободиться
Отъ пѣсенъ о текущемъ днѣ.
Чего я жду? Къ кому взываю?
Кого уму я поучаю?
Вѣдь съ той поры, какъ созданъ свѣтъ,
Есть мудрость, только мудрыхъ нѣтъ...

Смѣшно!... Тебѣ-ль, ханжа, гонитель
Собратій гибнущихъ моихъ
Въ наукѣ правды былъ учитель
Мой безпокойный, желчный стихъ?—
Но лжи своей ты самъ не вѣришь,
Самъ знаешь ты, что лицемѣришь,
Когда кадишь рукой въ крови
Предъ Богомъ братства и любви...

Мой родичъ щедрый и богатый,
Въ часы величія души
Изъ пышной бросившій палаты
Несчастнымъ жалкіе гроши,
Тебя-ль смущаютъ звуки пѣсни?
Тебѣ-ль твердятъ они „воскресни!“
Порывовъ мертвыхъ гробъ живой?—
Не чудотворецъ я святой!

Или мольбы и укоризны
Я въ пѣсни сплелъ и бросилъ въ свѣтъ,
Чтобъ, потопая въ морѣ жизни,
Къ нимъ братъ прибѣгнулъ въ пору бѣдъ?—
Ахъ, стыдно тѣшиться мечтами!
Въ борьбѣ съ суровыми валами
Гдѣ знать тебѣ, бѣднякъ-пловецъ,
Что̀ о тебѣ мечталъ пѣвецъ?

Зачѣмъ-же въ день, какъ міръ мнѣ тѣсенъ
И сердце ноетъ и болитъ,
Могучій ангелъ звучныхъ пѣсенъ
Мнѣ струны сердца шевелитъ?—
И пѣсни—бурное дыханье
Моихъ надеждъ, моихъ страданій—
Взволнуютъ грудь и не спросясь
Наружу вырвутся толпясь?...

М. Абрамовичъ.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОФИЦІАЛЬНАГО ОТЧЕТА.

ПИСЬМО ИЗЪ ЖИТОМІРА.

Какъ жаль, что до сихъ поръ не имѣется настоящаго статистическаго матеріала объ экономической дѣятельности евреевъ. Причину этого нужно искать вообще въ дурномъ состояніи статистическаго дѣла въ чертѣ осѣдлости евреевъ, гдѣ за нѣкоторыми исключеніями еще нѣтъ земскихъ учрежденій, кромѣ того, въ томъ обстоятельствѣ, что собираніе статистическихъ матеріаловъ по религіознымъ группамъ затруднительно и почти не практикуется. Но будь у насъ точная статистика въ этомъ отношеніи, она, конечно, пролила бы совершенно иной свѣтъ на крики о такъ называемой еврейской эксплоатаціи.

Во всякомъ случаѣ, не безъинтересны будутъ приводимыя мною ниже нѣкоторыя статистическія данныя и оффиціальные отзывы объ экономическомъ положеніи евреевъ, добытые мною изъ случайно попавшихся мнѣ недавно оффиціальныхъ отчетовъ о Волынской губерніи.

Изъ общаго количества жителей Волынской губерніи 2.034,429 человѣкъ, считается евреевъ 282,505 человѣкъ, которые такимъ образомъ составляютъ болѣе $^1/_9$ части всего населенія, около 12%, — процентъ сравнительно большой. Самое большее количество ихъ сосредоточивается въ городахъ и мѣстечкахъ; въ селахъ и деревняхъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1881 г., проживало 58,427 евреевъ, значитъ только 4,8 всего еврейскаго населенія губерніи.

Чѣмъ же занимается эта громадная масса, замѣтьте, въ одной изъ

самыхъ отсталыхъ во всѣхъ отношеніяхъ губерній? Ужъ, конечно, прежде всего ремеслами. И оффиціальный отчетъ самымъ категорическимъ образомъ говоритъ: «Всѣ ремесла въ рукахъ евреевъ», и прибавляетъ, впрочемъ, «за исключеніемъ плотничьяго, кузнечнаго, кожевеннаго и гончарнаго». Это, впрочемъ, не значитъ, что послѣдними ремеслами евреи вовсе не занимаются, но это значитъ, что и христіане не отстаютъ въ данномъ случаѣ отъ евреевъ. Для развитія ремесленнаго труда среди евреевъ въ Волынской губ. съ 1863 г. въ Житомірѣ существовало (нынѣ закрытое) еврейское ремесленное училище. Насколько монополизація (не по ихъ винѣ) евреями ремеслъ непріятна и ощутительна въ извѣстныхъ сферахъ, видно изъ того, что когда министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣденіи котораго состояло мѣстное еврейское ремесленное училище, обратилось въ министерство народнаго просвѣщенія съ предложеніемъ о переводѣ этого училища въ вѣдомство послѣдняго, министерство народнаго просвѣщенія не только высказало категорически свое нежеланіе принять его въ свое вѣденіе, но и заявило о необходимости совершеннаго его закрытія, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что евреи уже и безъ того захватили въ юго-западномъ краѣ ремесла въ свои руки, не давая никакой возможности христіанамъ конкуррировать на этомъ поприщѣ, а потому распространеніе *раціональныхъ* ремесленныхъ знаній среди евреевъ прямо послужитъ въ ущербъ христіанамъ. Замѣчу мимоходомъ, что, благодаря этому отзыву, комитетъ министровъ еще въ 70-хъ годахъ высказался въ принципѣ за закрытіе училища, хотя оно, должно быть, по какому-то недоразумѣнію, существовало еще до недавнихъ поръ.

Оффиціальный отчетъ умалчиваетъ о точномъ количествѣ еврейскихъ ремесленниковъ, но число ихъ должно быть очень значительно, разъ ремесла исключительно въ ихъ рукахъ. Но именно въ виду значительнаго числа еврейскихъ ремесленниковъ, положеніе ихъ такъ же скверно, какъ и въ другихъ мѣстахъ черты осѣдлости,—не живутъ, а «колотятся другъ около дружки».

Болѣе точно указано отношеніе евреевъ къ фабричной и заводской дѣятельности. Изъ всего числа, около 850, фабрикъ и заводовъ въ губерніи евреи арендуютъ *379* (350 у помѣщиковъ, 29 у крестьянъ), слѣдовательно, около половины фабрикъ и заводовъ

находятся во владѣніи евреевъ. Мельницы находятся почти исключительно въ ихъ рукахъ: 1,491 мельница арендуется у помѣщиковъ, 280 крестьянскихъ.

На основаніи этихъ данныхъ, оффиціальный отчетъ приходитъ къ слѣдующему, нѣсколько высокопарному и не особенно ясному заключенію: «Экономизація евреями производительныхъ силъ страны такъ глубоко пустила корни въ народную жизнь, что, при *всемъ желаніи* измѣнить порядокъ вещей, не *поколебавъ экономическаго положенія населенія*, нѣтъ никакой возможности». И такъ, выходитъ, съ одной стороны, евреи поддерживаютъ «экономическое положеніе населенія, а съ другой—нужно «*желать*» покончить съ этимъ положеніемъ евреевъ. Надо, впрочемъ, сказать, что отчетъ этотъ составленъ въ то время, когда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ графъ Н. П. Игнатьевъ.

Перейдемъ теперь къ другой области экономической дѣятельности евреевъ, о которой такъ кричатъ юдофобы, именно къ землевладѣнію евреевъ.

Въ 1882 году находилось у евреевъ въ арендномъ содержаніи по контрактамъ:

Помѣщичьей земли:		
На срокъ отъ 1 до 12 лѣтъ	245,830 дес.	418 с.
„ 12 „ 16 „	50,946 „	1,771 „
„ 36 „ 99 „	867 „	
„ безсрочно	5,096 „	
Всего помѣщичьей земли	302,734 „	
Крестьянской:		
На срокъ отъ 1 до 12 лѣтъ	1,845 дес.	1,195 с.
„ 12 „ 99 „	192 „	321 „
„ безсрочно „	194 „	1,906 „
У мѣщанъ, колонистовъ и пр.	5,661 „	1,717 „
Всего земли во владѣніи у евреевъ находилось	310,676 „	2,262 „

Хотя и нѣтъ оффиціальныхъ данныхъ о количествѣ лицъ, между которыми распредѣляется владѣніе землей въ селахъ и деревняхъ, но, насколько извѣстно, земли по большей части арендуются въ крупномъ видѣ, такъ что общій характеръ еврейскаго землевладѣнія—помѣщичій, а не крестьянскій. Помимо общихъ причинъ, мелкое землевладѣніе среди евреевъ здѣсь не могло раз-

виться вслѣдствіе отсутствія въ нашей мѣстности обычая раздавать землю въ аренду по *мелкимъ участкамъ*, какъ это практикуется въ губерніяхъ, гдѣ арендная плата съ десятины сравнительно высока. Даже евреи-арендаторы обрабатываютъ свои земли наемными рабочими-крестьянами (замѣчательно, что евреевъ не нанимаютъ, хотя и въ охотникахъ нѣтъ недостатка, а между тѣмъ это послужило бы прекрасной школой для пріученія евреевъ къ земледѣльческому труду), а не раздаютъ въ аренду десятинами крестьянамъ. Обращаясь къ способу обработки земли и вообще веденія сельскаго хозяйства, нужно замѣтить, что въ имѣніяхъ безсрочнаго или, по крайней мѣрѣ, долгосрочнаго владѣнія хозяйство ведется не только не хищнически, какъ обыкновенно утверждаютъ въ извѣстномъ лагерѣ, но вполнѣ раціонально, со всѣми новѣйшими приспособленіями, какъ, напр., у Э—на, Г—мани, В—на и др. Но, къ сожалѣнію, *большинство* земель по необходимости арендуются maximum на 12 лѣтъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, а возобновленіе контрактовъ сопровождается неимовѣрными трудностями; при всемъ томъ, обвиненіе въ хищническомъ отношеніи евреевъ къ землѣ и при краткосрочной арендѣ—лишено всякаго основанія и у евреевъ культура земли ничуть не хуже, чѣмъ у христіанъ-помѣщиковъ. Если можно кого нибудь упрекать въ несерьезномъ отношеніи къ сельскому хозяйству, то это именно коренныхъ помѣщиковъ, которые задолжались, напримѣръ, такъ, что въ 9-ти *кредитныхъ учрежденіяхъ* заложено 680 имѣній—около *милліона* десятинъ, казенныхъ долговъ насчитывается до 9-ти милліоновъ и вдобавокъ большинство имѣній закладываются у частныхъ лицъ, такъ что нельзя себѣ точно и представить положенія помѣщичьяго хозяйства. Послѣднее обстоятельство можетъ послужить прекраснымъ доказательствомъ, насколько правы тѣ, которые кричатъ о *захватѣ* земель со стороны евреевъ.

Тѣмъ не менѣе, цифра 310 тыс. десятинъ, находящихся во владѣніи евреевъ, показываетъ, что евреи начинаютъ стремиться къ землевладѣнію, не смотря ни на какія ограниченія, и сколько мы ни искали въ оффиціальныхъ документахъ, не нашли ни одного довода относительно вреда еврейскаго землевладѣнія; арендованіе евреями крупныхъ земель въ послѣднее время тожде-

твенно съ переходомъ помѣщичьихъ земель изъ рукъ дворянства ъ руки другихъ сословій, только съ тѣмъ различіемъ, что у евеевъ нѣтъ того кулачества, какъ въ русскихъ губерніяхъ. Уже дна болѣе высокая степень развитія еврейскаго землевладѣльца арантируетъ его отъ тупого хищничества разныхъ Колупаевыхъ. Іе придавая лично *особаго* значенія развитію крупнаго еврейскаго емлевладѣнія для еврейскаго *народа*, мы обращаемъ вниманіе на о, что крупные еврейскіе землевладѣльцы могли бы оказать громадную услугу въ дѣлѣ распространенія земледѣлія среди еврейкой массы—путемъ ли поселенія желающихъ на своей землѣ, путемъ ли найма евреевъ въ рабочіе. Между тѣмъ мы видимъ обратое явленіе, именно, что крестьянъ предпочитаютъ еврейскимъ абочимъ, хотя контингентъ послѣднихъ значительный, только по акому-то глупому предразсудку; невозможно же приписать это еланію владѣльцевъ купить просто трудъ подешевле, такъ какъ вреи соглашаются работать и ниже рыночной цѣны.

Главное—инициативы нѣтъ въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ, овторяю, для распространенія земледѣлія между евреями польза ышла бы громадная, тѣмъ болѣе, что не только между городской олодежью, но и между стариками замѣчаемъ стремленіе къ земедѣльческому труду.

На основаніи цифръ, приведенныхъ мною выше, оффиціальый отчетъ дѣлаетъ слѣдующій, на этотъ разъ еще менѣе ясный ыводъ: «Вообще—говорится въ «Отчетѣ»—масса безземельнаго юда, христіанъ и *евреевъ*, водворившихся въ губерніи, составляетъ динъ изъ самыхъ *сложныхъ* экономическихъ вопросовъ. Вообще ти данныя какъ нельзя лучше доказываютъ, что евреи, увеличиваясь изъ году въ годъ въ массѣ своей путемъ естественнаго рирощенія, въ *борьбѣ за существованіе* стремятся *наравнѣ* съ ругимъ населеніемъ къ пріобрѣтенію запретныхъ земель; и евреи, бладая капиталами, успѣваютъ въ этомъ, что *неминуемо вредитъ равильному ходу дѣлъ*» (?).

Такимъ образомъ, признавая, въ первой части своего заклюенія, законность стремленія евреевъ къ землевладѣнію, вслѣдствіе борьбы за *существованіе*» и самовозрастанія, отчетъ въ концѣ находитъ неминуемый вредъ правильному (?) ходу дѣлъ. Вдобавокъ, черезъ

три строчки отчетъ гласитъ: «масса безземельнаго люда—крестьянъ и евреевъ—составляетъ сложнѣйшій экономическій вопросъ».

При всемъ желаніи—тутъ трудно понять, чего собственно добивается «Отчетъ».

Изъ того же отчета узнаемъ, что бывшій волынскій губернаторъ Подгоричани-Петровичъ просилъ о мелкомъ поземельномъ кредитѣ для «безземельнаго люда», но о евреяхъ даже при этомъ не упомянули, хотя, какъ мы видѣли выше, и ихъ причислили къ «массѣ безземельнаго люда», составляющую «одинъ изъ самыхъ сложныхъ экономическихъ вопросовъ».

I.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ІЕРУСАЛИМА ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ РЕНАНА.

(*Разореніе Іерусалима*. Сочиненіе *Эрнеста Ренана*. Переводъ съ французскаго П. Надеждина; изданіе В. Н. Маракуева. Москва, 1886 г.).

Эта книжка можетъ, съ перваго взгляда, возбудить нѣкоторое недоразумѣніе въ людяхъ, знакомыхъ съ произведеніями Ренана и которымъ, вѣроятно, хорошо извѣстно, что въ числѣ этихъ произведеній нѣтъ ни одного, которое было бы спеціально посвящено исторіи «разоренія Іерусалима» и носило бы подобное заглавіе. Недоумѣніе это можетъ, однако, легко разъясниться: стоитъ прочесть нѣсколько страницъ въ названной книжкѣ, чтобы убѣдиться, что она есть ничто иное, какъ отрывокъ изъ крупнѣйшаго произведенія Эрнеста Ренана «Происхожденіе христіанства» («Origines de Christianisme» въ семи томахъ, изъ коихъ первый — «Vie de Jésus» — появился въ 1863 г., а послѣдній — «Marc-Aurèle» — въ 1882 г.). Ни издатель, ни переводчикъ не сочли почему-то нужнымъ упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ, имѣющемъ, кажется, не одно только библіографическое значеніе...

Какъ извѣстно, все упомянутое сочиненіе Ренана не могло до сихъ поръ появиться въ русскомъ переводѣ. Исключеніе теперь сдѣлано для эпизода, составляющаго содержаніе настоящей книжки (послѣдняя напечатана съ разрѣшенія «Московскаго комитета для цензуры духовныхъ книгъ»). Эпизодъ этотъ всецѣло относится къ еврейской исторіи, — и мы считаемъ нужнымъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы сказать нѣсколько словъ объ историческихъ воззрѣніяхъ знаменитаго французскаго мыслителя на еврейство.

Въ данномъ случаѣ, эти воззрѣнія могли выразиться всего ярче и полнѣе. Эпизодъ, составляющій содержаніе разсматриваемой нами книжки, повѣствуетъ о величайшемъ и торжественнѣйшемъ моментѣ еврейской исто-

ріи: онъ повѣствуетъ о той великой трагедіи въ жизни еврейскаго народа, которая раздѣлила исторію его на двѣ, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, части. Высказать свой взглядъ на этотъ именно критическій моментъ еврейской исторіи — значитъ высказаться о всей сути и смыслѣ послѣдней, такъ какъ въ этомъ моментѣ кроются зародыши всѣхъ дальнѣйшихъ событій... И когда о такомъ моментѣ высказывается такой мыслитель, какъ Ренанъ, то его мнѣнія заслуживаютъ, конечно, самаго серьезнаго вниманія.

Недавно мы имѣли случай бесѣдовать съ нашими читателями о воззрѣніяхъ на тотъ же историческій періодъ другого выдающагося историка—Теодора Моммзена («Литер. Лѣтопись» январьской книжки «Восхода» текущаго года). Это обстоятельство даетъ намъ возможность сопоставить мнѣнія обоихъ историковъ объ одномъ и томъ же предметѣ, — что, несомнѣнно, крайне интересно. Впрочемъ, намъ придется сопоставлять не столько самыя мнѣнія двухъ историковъ—мнѣнія, по существу своему одинаковыя или, по крайней мѣрѣ, весьма сходныя,—сколько мотивы этихъ мнѣній, точки зрѣнія ихъ авторовъ; ибо именно эти точки зрѣнія, эти исходные пункты—рѣзко отличаются другъ отъ друга и, поэтому, допускаютъ сравненіе.

Точка зрѣнія Моммзена намъ извѣстна. Онъ смотритъ на героическую борьбу Іудеи за свою свободу какъ на «возмущеніе» или «бунтъ» противъ великаго Рима. Онъ разсматриваетъ событія исключительно съ чисто-государственной, юридической точки зрѣнія, совершенно пренебрегая индивидуальными, чисто-нравственными и религіозными соображеніями. Всѣ его симпатіи—на сторонѣ Рима; «civis romanus sum»—слышится намъ изъ каждой его строчки. Онъ—фанатикъ идеи *государственности*, но совершенно равнодушенъ къ *религіознымъ* идеямъ. Вотъ почему онъ питаетъ такое глубокое уваженіе къ Риму, воплотившему въ своей исторической жизни идею перваго рода, и выказываетъ такое крайнее пренебреженіе къ Іудеѣ, доведшей до высшаго совершенства идею второго рода. Іудея, Галлія, Британія, Египетъ, Малая Азія — всѣ одинаковы въ его глазахъ: все это—римскія «провинціи», которыя должны быть благодарны метрополіи, удостоившей присоединить ихъ къ себѣ и цивилизовать ихъ, и конечно отнюдь не должны стремиться къ политической самостоятельности, къ національной свободѣ, которая погрузитъ ихъ только въ прежнее варварство. Моммзенъ, конечно, при этомъ упустилъ изъ виду, что если послѣднее соображеніе приложимо къ полудикимъ провинціямъ,

въ родѣ Галліи, Британіи и Испаніи, то оно вовсе не приложимо къ Іудеѣ, цивилизація которой гораздо древнѣе римской и которая въ извѣстной области оказала гораздо больше услугъ человѣчеству, чѣмъ могущественный политическій колоссъ древности. Но эта односторонность римскаго историка объясняется, какъ мы уже замѣтили, его крайнимъ равнодушіемъ къ религіозной эволюціи человѣчества, лишающимъ его возможности оцѣнить религіозное вліяніе еврейства на міръ.

Совсѣмъ на другой точкѣ зрѣнія стоитъ Ренанъ. Относясь совершенно равнодушно къ идеѣ государственности, къ политическимъ формамъ, онъ выдвигаетъ на первый планъ идею религіозную. Согласно міровоззрѣнію Ренана, не идеальный государственный строй ведетъ человѣчество къ совершенству, а развитіе чистой идеи религіозности; не внѣшнія политическія формы, не соціально-экономическія условія жизни, а внутреннее религіозное сознаніе, индивидуальная нравственность—вотъ что ведетъ людей къ счастью и совершенству. Въ этомъ отношеніи воззрѣнія Ренана напоминаютъ воззрѣнія нашего великаго писателя Л. Н. Толстого, отличаясь отъ послѣднихъ только большею широтою, универсальностью, равно какъ отсутствіемъ рѣзкостей и узкихъ сектаторскихъ односторонностей. Французскій мыслитель, какъ извѣстно, не только равнодушно, но порою даже отрицательно относится къ тѣмъ великимъ и благотворнымъ успѣхамъ, которые сдѣлало его отечество на поприщѣ соціально-политическомъ и которые послужили образцами для другихъ народовъ *. Согласно съ этими своими убѣжденіями, Ренанъ совершенно игнорируетъ Іудею политическую: онъ разсматриваетъ ее исключительно какъ религіозную единицу. Іудея, конвульсивно бьющаяся въ когтяхъ римскаго коршуна, желающая отвоевать себѣ отнятую свободу, желающая жить *своею*, а не чужою политическою жизнью, самоотверженно борющаяся за свою самостоятельность и національную независимость—все это должно казаться Ренану сплошнымъ историческимъ недоразумѣніемъ. Съ его точки зрѣнія, не все-ли равно было Іудеѣ быть подъ римскимъ владычествомъ, или пользоваться политическою независимостью: вѣдь на религію евреевъ Римъ не посягалъ, въ сферу духовныхъ ихъ интересовъ (которая была, однако, тѣсно сопредѣльна со сферою политическою) не врывался, — ну, и сидѣли бы себѣ

* Свои консервативныя политическія убѣжденія Ренанъ высказалъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ, какъ, напр., въ «Questions contemporaines», «La Réforme intellectuelle et morale de la France» и др.

спокойно, и занимались бы своимъ религіознымъ усовершенствованіемъ, не заботясь о такихъ бездѣлицахъ, какъ политическая свобода, независимость и т. п. Весь этотъ потрясающій эпизодъ политической борьбы Іудеи съ Римомъ кажется историку религіи какъ бы лишнимъ въ исторіи: вѣдь въ то время народилось христіанство (на которое Ренанъ смотритъ, какъ на преобразованное и улучшенное іудейство), новой религіи предстояло развиваться, а тутъ какъ на грѣхъ политическая борьба Іудеи прервала ходъ этого развитія, отвлекши всеобщее вниманіе въ такую сторону, которая менѣе всего симпатична созерцательному историку.

Такимъ образомъ, отправляясь отъ двухъ различныхъ и даже противуположныхъ пунктовъ, и Момзенъ и Ренанъ приходятъ къ сходнымъ, почти одинаковымъ взглядамъ на историческую борьбу Іудеи съ Римомъ. Религіозный индифферентизмъ и политическій индифферентизмъ сходятся въ оцѣнкѣ величайшей трагедіи еврейской—можетъ быть, даже всемірной — исторіи. Одинъ считаетъ борьбу іудеевъ за независимость несправедливымъ и вреднымъ бунтомъ, который поддерживался «не отважными государственными людьми, а фанатическими крестьянами» (Момзенъ, «Рим. Ист.» т. V, стр. 518); другой же полагаетъ, что эта борьба была ненужна, излишня, такъ какъ и подъ верховенствомъ Рима «іудейская нація сохраняла то полунезависимое положеніе, котораго, казалось бы, достаточно для нея, ибо религія ея со стороны Рима пользовалась уваженіемъ» («Разореніе Іерусалима» Ренана, стр. 3). Ни тотъ, ни другой не рѣшаются думать, что возстаніе Іудеи противъ Рима было необходимо и неизбѣжно, что нація, имѣвшая свою тысячелѣтнюю культуру, *должна была* и имѣла нравственное право бороться противъ другой націи, обладавшей совершенно иной культурой и желавшей поглотить ее, хотя бы только политически. Правда, Ренанъ признаетъ эту именно противоположность культуръ двухъ народовъ первою причиною ихъ столкновенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находитъ въ ней достаточнаго *оправданія* этого столкновенія. Онъ говоритъ: «Идея общаго (формальнаго) права, которую римляне носили съ собою, была противна строгимъ блюстителямъ еврейскаго закона (Thora). У послѣднихъ были нравственныя потребности, несогласныя съ обществомъ чисто-человѣческимъ, не теократическимъ. Римъ основалъ государство; іудейство основало церковь. Римъ образовалъ управленіе свѣтское; іудеи— царство Божіе. Между этою узкою, но плодотворною теократіею и абсолютнымъ, громаднѣйшимъ языческимъ государствомъ борьба была неизбѣжна. Іудеи имѣли свой законъ, основанный совершенно на другихъ нача-

лахъ, чѣмъ римское право, и въ сущности непримиримый съ этимъ правомъ. Прежде своего жестокаго униженія они не могли удовольствоваться простымъ терпѣніемъ, они, вѣровавшіе въ то, что имѣютъ у себя глаголы Вѣчнаго и городъ святой» (стр. 4—5). Казалось бы, такіе мотивы возстанія евреевъ достаточны не только для *объясненія*, но и для *оправданія* послѣдняго, даже для того, чтобы возбудить искреннее сочувствіе къ возставшимъ. Дѣйствительно, что можетъ быть возвышеннѣе и справедливѣе борьбы за свои идеи, за свое культурное и національное существованіе?.. Но Ренанъ, вѣрный своей консервативной точкѣ зрѣнія, не хочетъ *оправдывать* возстаніе Іудеи такого рода мотивами—и поэтому, считая послѣдніе первоначальною, отдаленною причиною столкновенія двухъ народовъ, старается выставлять, какъ непосредственныя и ближайшія его причины, гораздо болѣе низкіе мотивы, въ родѣ того, что «внутренній раздоръ народа (еврейскаго) былъ слишкомъ силенъ, и его религіозный фанатизмъ переступилъ извѣстную границу» (стр. 3), или что «противная римской имперіи партія состояла изъ іудеевъ нерѣдко надменныхъ, сварливыхъ, придирчивыхъ» (стр. 4). Къ этимъ мотивамъ онъ совѣтуетъ прибавить еще «глубокое невѣжество, мѣшающее фанатическимъ сектамъ дать себѣ отчетъ въ силахъ цивилизованнаго міра и ослѣпляетъ ихъ относительно счастливаго исхода войны» (стр. 5). «Постоянно враждебному отношенію Іудеи къ имперіи,—присовокупляетъ онъ,—не мало способствовало еще то обстоятельство, что іудеи рѣшительно не принимали участія въ (римской) военной службѣ» (ibid.)...

И великіе мыслители не всегда свободны отъ односторонностей и противорѣчій. Въ данномъ случаѣ, кажется намъ, Ренанъ впалъ въ серьезное противорѣчіе. Дѣйствительно, разъ онъ признаетъ, что причиною борьбы Іудеи съ Римомъ была противоположность ихъ культуръ, онъ не можетъ допускать никакихъ другихъ причинъ рядомъ съ первою, ибо всякія другія причины или должны входить въ составъ названной всеобъемлющей причины, или же онѣ суть не причины борьбы, а лишь случайныя, сопровождающія ее обстоятельства. Допуская—какъ это дѣлаетъ Ренанъ и какъ было на самомъ дѣлѣ—что Іудея потому безпрерывно боролась съ Римомъ, что никоимъ образомъ не могла съ нимъ ужиться, что ея законы, обычаи и нравы противорѣчили таковымъ же римскимъ на каждомъ шагу, во всѣхъ сферахъ личной и общественной жизни,—допуская это, нельзя въ то же время считать *причинами* іудейско-римской войны «внутренній раздоръ партій», религіозный фанатизмъ,

невѣжество и «надменность, сварливость, придирчивость» іудейскихъ борцовъ. Если война между двумя народами поддерживалась присущимъ имъ внутреннимъ антагонизмомъ, вслѣдствіе чего они *не могли не враждовать* другъ съ другомъ, то появленіе въ роли борцовъ за Іудею зелотовъ (которыхъ Ренанъ, такъ же ошибочно какъ и Моммзенъ, считаетъ испорченными людьми) есть уже не причина войны, а лишь сопровождающее ее обстоятельство. На мѣстѣ зелотовъ могли быть—при иномъ стеченіи обстоятельствъ—борцы иного характера, и все-таки война состоялась бы въ силу внутренней своей необходимости.

Кстати—объ отношеніи Ренана къ различнымъ партіямъ тогдашней Іудеи. Можно было бы напередъ предсказать, что отношеніе это не отличается безпристрастіемъ: во первыхъ, потому, что Ренанъ по своимъ личнымъ убѣжденіямъ—консерваторъ и ненавистникъ всякихъ политическихъ движеній; во вторыхъ, потому, что онъ въ своей оцѣнкѣ партій всецѣло опирается на сужденіяхъ Іосифа Флавія, который уже потому не могъ быть безпристрастенъ, что самъ принадлежалъ къ одной изъ этихъ партій и ex officio долженъ былъ осуждать всѣ прочія. И дѣйствительно, Ренанъ и здѣсь остался вѣренъ своимъ личнымъ симпатіямъ. Къ партіямъ саддукеевъ и фарисеевъ онъ относится съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, такъ какъ обѣ эти партіи «были противъ всякой революціи» и «ясно видѣли, что возстаніе могло привести только къ разоренію націи и храма». «Историкъ Іосифъ,—прибавляетъ авторъ,—есть типъ этого класса людей (класса фарисеевъ), судьба которыхъ была такая же, какая всегда достается умѣреннымъ партіямъ во время революціи,—это безсиліе и тяжкое огорченіе считаться измѣнниками (*считаться?*—но вѣдь Іосифъ фактически *былъ* измѣнникомъ, такъ какъ предался Титу и находился въ его лагерѣ во все время войны, играя даже роль его агента въ глазахъ большинства, стр. 6)». За то безъ глубокаго презрѣнія Ренанъ не можетъ говорить о борцахъ за свободу Іудеи, которыхъ онъ почему-то дѣлитъ на двѣ партіи, но свойствамъ своимъ совершенно одинаковыхъ. Обѣ эти партіи состоятъ, по Ренану, изъ «экзальтированныхъ, изступленныхъ всякаго рода, зелотовъ, тайныхъ или наемныхъ убійцъ, изъ массы фанатиковъ-нищихъ, затѣмъ еще просто изъ грабителей, бродягъ, искателей приключеній». Самое горячее свое сочувствіе Ренанъ высказываетъ пятой партіи, которую онъ характеризуетъ такъ: «Благочестивые мечтатели, ессеніане, христіане, ожидающіе спокойно царства Божія, набожныя лица, толпившіяся около храма, молящіяся, плачущія... Напередъ можно видѣть, что въ день

опасности эти святые люди обратятся въ бѣгство. Духъ ученія Іисуса Христа, полнаго божественнаго воздѣйствія для того, чтобы отвлечь человѣка отъ міра и утѣшить его, не могъ внушить имъ *узкаго патріотизма, который дѣлаетъ убійцами и революціонерами*» (стр. 7). Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается весь смыслъ отношенія Ренана къ занимающему насъ историческому моменту: онъ, консерваторъ и созерцатель, не можетъ сочувствовать борьбѣ людей за свободу и независимость; патріотизмъ, если только онъ связанъ съ революціею, является въ его глазахъ «узкимъ» и предосудительнымъ, и бездѣятельнымъ аскетамъ онъ отдаетъ предпочтеніе передъ самоотверженными борцами, положившими жизнь за отечество...

Эта тенденція проходитъ красною нитью по всему дальнѣйшему описанію Ренана. Необходимо замѣтить, что̀ Ренанъ излагаетъ ходъ событій весьма кратко, нигдѣ не вдаваясь въ подробности, такъ какъ вся исторія «разоренія Іерусалима» составлена имъ не спеціально ad hoc, а входитъ лишь какъ эпизодъ въ его исторію развитія христіанства. Однако, и при краткомъ изложеніи (вообще чрезвычайно живомъ и яркомъ) ему удается тамъ и сямъ бросать вскользь замѣчанія, проливающія извѣстный свѣтъ на излагаемыя событія. Свое изложеніе онъ начинаетъ съ 65 г. по Р. X., т. е. со времени назначенія прокураторомъ Іудеи жестокаго Гессія Флора, предпосылая этому нѣсколько краткихъ замѣчаній о предшествовавшей агитаціи перваго зелота Іуды Галилеянина * и о мистическомъ, возбужденномъ настроеніи еврейской массы около этого же времени. Относительно Гессія Флора Ренанъ соглашается, что «это былъ, кажется, довольно злой человѣкъ: вражда между ними и іудеями дошла скоро до послѣдней степени раздраженія»; но тутъ же прибавляетъ, что и іудеи съ своей стороны «сдѣлались невыносимыми по своей щепетильности, по своей привычкѣ сѣтовать на бездѣлицы и малое къ нимъ вниманіе» (стр. 9). Далѣе описывается возстаніе евреевъ въ Кесаріи и въ Іерусалимѣ, борьба партій въ послѣднемъ, рѣзня въ Сиріи и Александріи, пораженіе Цестія Галла, посланнаго римскимъ правительствомъ для усмиренія возставшихъ. При описаніи александрійской рѣзни, которую Ренанъ объясняетъ антагонизмомъ эллиновъ и іудеевъ, онъ не можетъ удержаться,

---

* Русскій переводчикъ называетъ его Іудою *Голонитомъ*, списывая это слово прямо съ французскаго (стр. 8). Вообще, русскій переводъ во многихъ мѣстахъ отличается крайнею небрежностью и обнаруживаетъ недостаточное знакомство переводчика съ исторіею евреевъ.

чтобы не сдѣлать обобщенія относительно причинъ антагонизма между евреями и всѣми народами, съ которыми они сталкиваются. Эти причины, по его мнѣнію, заключаются въ томъ, что еврей всегда и вездѣ «хранилъ свой собственный статутъ», не подчиняясь обычаямъ и законамъ окружающей среды и всегда врываясь съ своимъ уставомъ въ чужой приходъ (стр. 17). Но послѣ такого категорическаго заявленія, Ренанъ самъ какъ бы опровергаетъ его, признаваясь, что еврейскій народъ представляетъ собою какую-то вѣчную загадку. Приводимъ цѣликомъ это послѣднее мѣсто, которое по существу противорѣчитъ предшествующему категорическому заявленію и въ которомъ, какъ намъ кажется, заключается вѣрное объясненіе вѣковыхъ противорѣчій относительно историческаго значенія еврейства.

«Іудей,—говоритъ Ренанъ,—оказалъ міру столько хорошихъ и столько дурныхъ услугъ, что никогда не будешь справедливымъ къ нему. Мы обязаны ему многимъ и въ то же время мы видимъ очень хорошо его недостатки, выводящіе насъ изъ терпѣнія. Это—вѣчный Іеремія, это—«человѣкъ скорбей», постоянно жалующійся, подставляющій спину подъ удары и переносящій ихъ съ терпѣніемъ, раздражающимъ наши нервы; это—созданіе, чуждое всѣмъ нашимъ стремленіямъ къ славѣ, чести, деликатности; это лицо не любитъ ни Греціи, ни Рима, ни Германіи,—и со всѣмъ тѣмъ мы обязаны ему нашею религіею; это существо—точно мишень противорѣчій и антипатій. Въ первый вѣкъ христіанства міръ, кажется, смутно сознавалъ, что около него происходило. Онъ видѣлъ въ этомъ иностранцѣ своего учителя, неловкаго, щекотливаго, боязливаго, безъ внѣшняго лоска, но честнаго, нравственнаго, прилежнаго, прямого въ дѣлахъ, скромнаго, не воинственнаго, но добраго купца и порядочнаго мастерового. Это іудейское семейство, озаренное надеждою, эта синагога, въ которой жизнь сообща была полна прелести, казались завидными. Такое смиреніе, такое спокойствіе при преслѣдованіи и обидѣ, такой безропотный видъ при сладкой мысли, что не принадлежишь къ великому міру, потому что имѣешь вознагражденіе въ своей семьѣ и своей церкви, тихая радость въ родѣ той, которая отличаетъ въ наши дни на Востокѣ раію * и заставляетъ его находить счастіе въ своемъ даже приниженномъ

* Раія (Rajha, Раджа)—восточный, преимущественно индійскій властелинъ, положеніе котораго становится очень жалкимъ, когда какая нибудь европейская завоевательная держава отнимаетъ у него его страну для обращенія ея въ свою колонію.

состоянiи, въ томъ маломъ мiрѣ, въ которомъ онъ тѣмъ счастливѣе, что терпитъ внѣшнее преслѣдованiе и безчестiе,—все это въ аристократической древности и вызывало (въ другихъ народахъ) приступы самаго дурного расположенiя духа, а иногда доводило до звѣрства» (стр. 17—18).

Но вернемся къ нашему историческому анализу. Въ слѣдующей главѣ описывается походъ Веспасiана (замѣстившаго Цестiя Галла) на Галилею, осада Iотапаты, гдѣ, какъ извѣстно, передался Веспасiану начальникъ галилейскаго отряда Iосифъ, впослѣдствiи знаменитый историкъ; затѣмъ изображается террoръ въ Iерусалимѣ и вражда между предводителями зелотскихъ партiй и, наконецъ, разсказывается о бѣгствѣ христiанъ изъ Iерусалима въ заiорданскiя земли. Въ четвертой главѣ описываются дѣйствiя Веспасiана въ Iудеѣ (осада Iерусалима и др.) отъ 68 г. до 70 г., т. е. до отозванiя его въ Римъ для занятiя престола императора. О послѣдующихъ дѣйствiяхъ Тита въ Iудеѣ и о самомъ разоренiи Iерусалима повѣтствуется съ большею подробностью въ слѣдующей главѣ. Здѣсь Ренанъ, даже вопреки своей волѣ, выставляетъ двусмысленную роль, которую пришлось играть въ это время Iосифу Флавiю, находившемуся въ римскомъ лагерѣ; онъ сомнѣвается также въ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя приписываетъ Iосифъ своему патрону Титу. Вопросъ о томъ, вѣрить ли Iосифу, утверждавшему, что храмъ былъ сожженъ и разрушенъ вопреки волѣ Тита, или Тациту, увѣряющему, что Титъ самъ воодушевилъ солдатъ на дѣло разрушенiя храма,—этотъ вопросъ не рѣшается Ренаномъ положительно: онъ допускаетъ пристрастiе въ томъ и въ другомъ утвержденiи. Описывая дальше звѣрства Тита послѣ разрушенiя Iерусалима («Титъ таскалъ съ собою толпы плѣнныхъ iудеевъ для того, чтобы отдавать ихъ на растерзанiе звѣрямъ, сожигать живыми и т. п. Въ Панеѣ, въ день рожденiя его брата Домицiана, болѣе двухъ тысячъ съ половиною iудеевъ погибло въ огнѣ и во время ужасныхъ игръ. Въ Бейрутѣ, въ день рожденiя Веспасiана, то же число плѣнныхъ принесено въ жертву etc.»),—Ренанъ замѣчаетъ: «самое, можетъ быть, ужасное, это то, что Iосифъ и Агриппа не оставляли въ это время Тита и были свидѣтелями этихъ чудовищныхъ сценъ» (стр. 69). Признавая, такимъ образомъ, нравственную неблаговидность, чтобы не сказать больше, Iосифа,—Ренанъ, однако, рѣшается руководиться его взглядами, когда рѣчь идетъ о зелотахъ, которыхъ Iосифъ, ихъ ожесточенный врагъ и политическiй противникъ, выставилъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ въ своей «Исторiи iудейской войны»...

чтобы не сдѣлать обобщенія относительно причинъ антагонизма между евреями и всѣми народами, съ которыми они сталкиваются. Эти причины, по его мнѣнію, заключаются въ томъ, что еврей всегда и вездѣ «хранилъ свой собственный статутъ», не подчиняясь обычаямъ и законамъ окружающей среды и всегда врываясь съ своимъ уставомъ въ чужой приходъ (стр. 17). Но послѣ такого категорическаго заявленія, Ренанъ самъ какъ бы опровергаетъ его, признаваясь, что еврейскій народъ представляетъ собою какую-то вѣчную загадку. Приводимъ цѣликомъ это послѣднее мѣсто, которое по существу противорѣчитъ предшествующему категорическому заявленію и въ которомъ, какъ намъ кажется, заключается вѣрное объясненіе вѣковыхъ противорѣчій относительно историческаго значенія еврейства.

«Іудей,—говоритъ Ренанъ,—оказалъ міру столько хорошихъ и столько дурныхъ услугъ, что никогда не будешь справедливымъ къ нему. Мы обязаны ему многимъ и въ то же время мы видимъ очень хорошо его недостатки, выводящіе насъ изъ терпѣнія. Это—вѣчный Іеремія, это—«человѣкъ скорбей», постоянно жалующійся, подставляющій спину подъ удары и переносящій ихъ съ терпѣніемъ, раздражающимъ наши нервы; это—созданіе, чуждое всѣмъ нашимъ стремленіямъ къ славѣ, чести, деликатности; это лицо не любитъ ни Греціи, ни Рима, ни Германіи,—и со всѣмъ тѣмъ мы обязаны ему нашею религіею; это существо—точно мишень противорѣчій и антипатій. Въ первый вѣкъ христіанства міръ, кажется, смутно сознавалъ, что около него происходило. Онъ видѣлъ въ этомъ иностранцѣ своего учителя, неловкаго, щекотливаго, боязливаго, безъ внѣшняго лоска, но честнаго, нравственнаго, прилежнаго, прямого въ дѣлахъ, скромнаго, не воинственнаго, но добраго купца и порядочнаго мастерового. Это іудейское семейство, озаренное надеждою, эта синагога, въ которой жизнь сообща была полна прелести, казались завидными. Такое смиреніе, такое спокойствіе при преслѣдованіи и обидѣ, такой безропотный видъ при сладкой мысли, что не принадлежишь къ великому міру, потому что имѣешь вознагражденіе въ своей семьѣ и своей церкви, тихая радость въ родѣ той, которая отличаетъ въ наши дни на Востокѣ раію * и заставляетъ его находить счастіе въ своемъ даже приниженномъ

* Раія (Rajha, Раджа)—восточный, преимущественно индійскій властелинъ, положеніе котораго становится очень жалкимъ, когда какая нибудь европейская завоевательныя держава отнимаетъ у него его страну для обращенія ея въ свою колонію.

состоянiи, въ томъ маломъ мiрѣ, въ которомъ онъ тѣмъ счастливѣе, что терпитъ внѣшнее преслѣдованiе и безчестiе,—все это въ аристократической древности и вызывало (въ другихъ народахъ) приступы самаго дурного расположенiя духа, а иногда доводило до звѣрства» (стр. 17—18).

Но вернемся къ нашему историческому анализу. Въ слѣдующей главѣ описывается походъ Веспасiана (замѣстившаго Цестiя Галла) на Галилею, осада Iотапаты, гдѣ, какъ извѣстно, передался Веспасiану начальникъ галилейскаго отряда Iосифъ, впослѣдствiи знаменитый историкъ; затѣмъ изображается терроръ въ Iерусалимѣ и вражда между предводителями зелотскихъ партiй и, наконецъ, разсказывается о бѣгствѣ христiанъ изъ Iерусалима въ заiорданскiя земли. Въ четвертой главѣ описываются дѣйствiя Веспасiана въ Iудеѣ (осада Iерусалима и др.) отъ 68 г. до 70 г., т. е. до отозванiя его въ Римъ для занятiя престола императора. О послѣдующихъ дѣйствiяхъ Тита въ Iудеѣ и о самомъ разоренiи Iерусалима повѣтствуется съ большею подробностью въ слѣдующей главѣ. Здѣсь Ренанъ, даже вопреки своей волѣ, выставляетъ двусмысленную роль, которую пришлось играть въ это время Iосифу Флавiю, находившемуся въ римскомъ лагерѣ; онъ сомнѣвается также въ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя приписываетъ Iосифъ своему патрону Титу. Вопросъ о томъ, вѣрить ли Iосифу, утверждавшему, что храмъ былъ сожженъ и разрушенъ вопреки волѣ Тита, или Тациту, увѣряющему, что Титъ самъ воодушевилъ солдатъ на дѣло разрушенiя храма,—этотъ вопросъ не рѣшается Ренаномъ положительно: онъ допускаетъ пристрастiе въ томъ и въ другомъ утвержденiи. Описывая дальше звѣрства Тита послѣ разрушенiя Iерусалима («Титъ таскалъ съ собою толпы плѣнныхъ iудеевъ для того, чтобы отдавать ихъ на растерзанiе звѣрямъ, сожигать живыми и т. п. Въ Панеѣ, въ день рожденiя его брата Домицiана, болѣе двухъ тысячъ съ половиною iудеевъ погибло въ огнѣ и во время ужасныхъ игръ. Въ Бейрутѣ, въ день рожденiя Веспасiана, то же число плѣнныхъ принесено въ жертву etc.»),—Ренанъ замѣчаетъ: «самое, можетъ быть, ужасное, это то, что Iосифъ и Агриппа не оставляли въ это время Тита и были свидѣтелями этихъ чудовищныхъ сценъ» (стр. 69). Признавая, такимъ образомъ, нравственную неблаговидность, чтобы не сказать больше, Iосифа,—Ренанъ, однако, рѣшается руководиться его взглядами, когда рѣчь идетъ о зелотахъ, которыхъ Iосифъ, ихъ ожесточенный врагъ и политическiй противникъ, выставилъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ въ своей «Исторiи iудейской войны»...

Предубѣжденіе Ренана противъ зелотовъ столь велико, что онъ не находитъ для нихъ ни одного слова сочувствія даже при изображеніи ихъ героической, самоотверженной борьбы и трагической смерти... Позорное клеймо, наложенное римскимъ царедворцемъ Іосифомъ Флавіемъ на великихъ борцовъ Іудеи, повидимому слишкомъ сильно оттиснулось въ сознаніи потомства. Но находятся въ новѣйшее время историки, которые стараются снять съ храбрыхъ борцовъ это позорное клеймо. Первую попытку въ этомъ родѣ сдѣлалъ Сальвадоръ, авторъ извѣстнаго сочиненія «Господство римлянъ въ Іудеѣ» (Paris, 1847); другую — извѣстный французскій археологъ и историкъ, бывшій военный, де-Соси (de-Saulcy) въ своемъ трудѣ «Les derniers jours de Jérusalem» (Paris, 1864). Сочиненіе это оканчивается нѣсколькими словами, которыя могутъ быть названы апоѳеозомъ славнымъ борцамъ Іудеи. Вотъ эти слова: «Никогда ни одинъ народъ не страдалъ столько, какъ народъ еврейскій; ни одинъ народъ не кидался такъ безстрашно въ объятія смерти для того только, чтобы избѣгнуть самаго ужаснаго изъ несчастій—плѣненія и порабощенія грубою силою иноземныхъ полчищъ... Такъ воздадимъ же славу великимъ мученикамъ еврейскаго патріотизма, ибо своею кровью заплатили они за право передать потомству воспоминаніе о томъ, какъ самоотверженно боролись слабые противъ ужасовъ завоевателей! Я провозглашаю изъ глубины моего сознанія: никогда народъ не погибалъ столь славнымъ и достойнымъ образомъ, какъ народъ еврейскій!» *

Въ концѣ книжки (или, точнѣе, отрывка изъ книги) Ренана, въ главѣ «Послѣдствія разоренія Іерусалима», есть одно мѣсто, читая которое какъ-то не хочется вѣрить, чтобы это могъ написать французскій мыслитель, столь извѣстный своими симпатіями къ іудаизму. Вотъ это странное мѣсто:

«Какъ же іудейство, лишенное святого града и храма, намѣрено преобразоваться? Какъ талмудизмъ выйдетъ изъ того положенія, въ которое событія поставили Израиля? *Послѣ появленія христіанства на свѣтъ, іудейство не имѣло болѣе основанія существовать*. Съ этого времени духъ жизни удалился изъ Іерусалима. Израиль отдалъ все сыну своей печали—и исчерпался въ этомъ рожденіи. Законъ великихъ созданій таковъ, что виновникъ жизни ихъ умираетъ, передавъ бытіе другому; послѣ полной передачи жизни тому, который долженъ ее продол-

* Цитировано по книгѣ Габріэля Сальвадора: „Joseph Salvador: sa vie, ses oeuvres et ses critiques“, стр. 207—208 (Paris, 1881).

жать, онъ (виновникъ жизни) есть не болѣе, какъ сухой стволъ, тощее существо. Впрочемъ, рѣдко бываетъ, чтобы этотъ приговоръ природы тотчасъ же исполнялся. Растеніе, принесшее свой цвѣтъ, не соглашается умереть ради этого. Міръ полонъ такихъ блуждающихъ скелетовъ, которые переживаютъ поразившій ихъ приговоръ. *Іудейство принадлежитъ къ числу ихъ*. Исторія не представляетъ страннѣе того зрѣлища, какъ зрѣлище этого сохраненія народа въ положеніи мертвеца, того народа, который, въ теченіе почти тысячи лѣтъ, потерялъ чувствительность къ совершившемуся, не написалъ страницы, достойной прочтенія (?!), не далъ намъ вѣрной о себѣ справки. Нужно-ли удивляться тому, что, проживши такимъ образомъ цѣлые вѣка внѣ вольной атмосферы человѣчества, въ подвалѣ, если позволительно сказать, въ состояніи особаго рода безумія, онъ выходитъ оттуда блѣднымъ, чахлымъ?» (стр. 79).

Много возраженій, историческаго и фактическаго свойства, можно было бы привести противъ этихъ странныхъ словъ. Но вмѣсто того, чтобы мы возражали Ренану, не лучше-ли заставить его самого возражать себѣ же, опровергать свои же собственныя, сейчасъ приведенныя мнѣнія? Это совсѣмъ нетрудно сдѣлать: стоитъ только порыться въ другихъ, преимущественно позднѣйшихъ, сочиненіяхъ Ренана, чтобы натолкнуться на мнѣнія, прямо противоположныя сейчасъ высказаннымъ. Тотъ томъ произведенія Ренана, изъ котораго взято вышеприведенное мѣсто, написанъ имъ въ 60-хъ годахъ, а вотъ что говорилъ тотъ же Ренанъ въ блестящей рѣчи, произнесеной имъ 26-го мая 1883 года въ засѣданіи «Общества еврейской науки» въ Парижѣ *:

«Я говорю вамъ: христіанство есть ничто иное, какъ продолженіе того, что проповѣдывали ваши пророки. Слава христіанства — это слава іудаизма. Да, міръ обратился въ іудейство съ той минуты, какъ онъ призналъ законы кротости и человѣколюбія, провозглашенные учениками Христа. *И теперь, когда эти великія событія совершились, мы можемъ сказать съ увѣренностью: іудаизмъ, столь много послужившій человѣчеству въ прошедшемъ, послужитъ ему еще и въ будущемъ*. Онъ послужитъ правому дѣлу, дѣлу свободолюбія и современнаго духа. Всякій еврей по существу своему свободолюбивъ. Враги же іудаизма, наоборотъ, всегда оказываются врагами современнаго духа. Твор-

* Эта рѣчь напечатана въ „Annuaire de la Société des études juives“ за 1884 годъ подъ заглавіемъ: „De l'identité originelle et de la séparation graduelle du judaïsme et du christianisme“.

цы либеральной догмы въ религіи—это, повторяю, ваши древніе пророки, Исаія, книги Сивиллы, еврейская школа въ Александріи, первые христіане, продолжатели пророковъ. Вотъ дѣйствительные творцы идеи справедливости въ мірѣ. Служа современному духу, еврей этимъ служитъ только тому дѣлу, ради котораго онъ болѣе чѣмъ кто либо поработалъ въ прошедшемъ и за которое онъ такъ много страдалъ. Словомъ, чистая религія, та религія, которая объединитъ подъ своимъ знаменемъ все человѣчество, будетъ только осуществленіемъ религіи Исаія; это будетъ еврейская идеальная религія, освобожденная отъ примѣшавшагося къ ней случайно шлака» *.

Сопоставьте это мѣсто съ приведеннымъ выше изъ разбираемой нами книжки отрывкомъ, сравните въ особенности тѣ выраженія, которыя въ томъ и другомъ отмѣчены курсивомъ,—и вы увидите, какъ рѣзко Ренанъ противорѣчитъ самому же себѣ. Дѣйствительно, какъ согласовать утвержденіе, что «съ появленіемъ христіанства іудаизмъ не имѣлъ болѣе основанія существовать», съ утвержденіемъ, что «и по совершеніи этихъ великихъ событій (т. е. насажденія христіанства) іудаизмъ еще можетъ много послужить человѣчеству въ будущемъ», такъ какъ въ немъ лежатъ основы раціонализма и истинной нравственности? Очевидно, одно утвержденіе исключаетъ другое... Такъ впадаютъ въ противорѣчія даже великіе и искренніе умы, когда по временамъ личная тенденція, личное настроеніе вмѣшивается въ ихъ разсужденія. Нѣтъ сомнѣнія, что одно изъ вышеприведенныхъ противорѣчивыхъ мнѣній есть результатъ случайнаго настроенія, между тѣмъ какъ другое есть дѣйствительное и постоянное убѣжденіе Ренана. Мы склонны думать, что такимъ постояннымъ убѣжденіемъ знаменитаго мыслителя является то мнѣніе, которое высказано имъ позднѣе, т. е. мнѣніе въ пользу іудаизма, такъ какъ противоположное мнѣніе высказано имъ въ связи съ изложеніемъ того эпизода еврейской исторіи, которому Ренанъ, по причинамъ выше разъясненнымъ, менѣе всего сочувствуетъ. Мы увѣрены, что если Ренанъ-историкъ и политикъ не сочувствуетъ великому политическому движенію Іудеи, совершившемуся 18 вѣковъ тому назадъ, то Ренанъ-человѣкъ и свободный мыслитель, питаетъ искреннюю симпатію къ чистой еврейской *религіи*, къ *іудаизму*, и считаетъ его роль далеко еще не сыгранною...

Критикусъ.

---

* Annuaire d. E. J. 1884, t. III, pp. 92—93.

БИБЛІОГРАФІЯ.

О физическомъ состояніи евреевъ въ связи съ условіями ихъ жизни. Санитарный очеркъ д-ра С. О. Грузенберга. Выпускъ I. Спб. 1886 г.

«Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью по возможности собрать разбросанныя въ русской и иностранной литературѣ отдѣльныя указанія врачей на особенности евреевъ при тѣхъ или другихъ заболѣваніяхъ, при тѣхъ или другихъ явленіяхъ жизненной статистики, и разсмотрѣть эти особенности въ связи съ условіями быта евреевъ» (стр. 1, предисловіе). Въ такихъ скромныхъ выраженіяхъ характеризуетъ г. Грузенбергъ задачу своего труда. Мы прочли вышедшій недавно «первый выпускъ» этого труда — и убѣдились, что авторъ выполнилъ свою задачу, по крайней мѣрѣ одну ея часть, далеко не въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какіе онъ себѣ наметилъ въ предисловіи. Мы нашли въ его книгѣ не только обширную эрудицію, но и цѣлую стройную систему, точную и ясную классификацію многочисленныхъ матеріаловъ; имѣвшихся въ его распоряженіи. Это — не простое «собраніе отдѣльныхъ указаній врачей на физическія особенности евреевъ», а связная и цѣльная теорія, стремящаяся установить причинную связь между фактами физическаго состоянія евреевъ и фактами ихъ быта, ихъ экономической, умственной и религіозной жизни, какъ современной, такъ и исторической. Такая систематичность, при исполненіи задачи столь сложной и почти совершенно новой въ нашей литературѣ, можетъ быть результатомъ только глубокаго изученія предмета и долговременнаго самостоятельнаго его обдумыванія.

Благодаря этимъ качествамъ разбираемаго нами труда, намъ не трудно будетъ вкратцѣ представить его схему, его логическую нить, па которую авторомъ нанизана масса фактическихъ данныхъ. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе еврейскаго физическаго типа ab ovo—съ момента рожденія

младенца. Первый его тезисъ, потверждаемый многими статистическими данными, состоитъ въ томъ, что смертность родильницъ и послѣродовыя заболѣванія случаются у евреевъ гораздо рѣже, чѣмъ у христіанъ, и что женскія болѣзни вообще встрѣчаются у первыхъ рѣже, чѣмъ у послѣднихъ. Это объясняется, по мнѣнію автора, съ одной стороны, «нѣкоторыми раціональными правилами еврейской религіи» по части половой гигіены, а съ другой — «всѣмъ извѣстною цѣломудренностью евреевъ». Второй тезисъ автора состоитъ въ томъ, что «смертность дѣтей въ первые годы жизни у евреевъ значительно слабѣе, чѣмъ у христіанъ» (стр. 8). Это явленіе, также потверждаемое статистическими данными, объясняется какъ вышеупомянутыми гигіеническими условіями еврейской брачной жизни, такъ и нѣкоторыми особенностями бытовыхъ условій, въ родѣ извѣстной трезвости евреевъ, ничтожнаго количества незаконнорожденныхъ дѣтей въ ихъ средѣ и прославленнаго еврейскаго чадолюбія.

Выставивъ эти два положенія, авторъ говоритъ: «Такимъ образомъ мы видимъ, что еврейскій ребенокъ начинаетъ свою жизнь съ лучшими физическими задатками, чѣмъ христіанскій. Если бы всѣ обстоятельства, которыя ожидаютъ еврея на его дальнѣйшемъ жизненномъ пути, съ дѣтства и до самой старости, были благопріятны или по крайней мѣрѣ не очень пагубны, то кто знаетъ,—можетъ быть, евреи представляли бы тогда образецъ здоровой физической организаціи. Но къ сожалѣнію, дальнѣйшая жизнь еврея подвержена многимъ крайне вреднымъ вліяніямъ, изъ которыхъ особенно гибельными оказываются чрезвычайно тяжелая экономическая обстановка—съ одной стороны, и слишкомъ усиленныя умственныя занятія—съ другой» (стр. 12). Непосредственное вліяніе печальныхъ экономическихъ условій выражается въ доказанномъ статистически положеніи, что евреи даютъ самый большой процентъ низкорослыхъ, слабогрудыхъ и вообще негодныхъ къ военной службѣ. Наряду съ матеріальными условіями на организмъ еврея оказываютъ гибельное вліяніе и условія духовныя: хедерное воспитаніе, съ его чрезмѣрнымъ умственнымъ напряженіемъ и гигіенически вредной внѣшней обстановкой, подтачиваетъ силы еврейскаго ребенка въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Послѣдствія такого порядка вещей даже непосредственно отзываются на еврейскихъ дѣтяхъ— и въ то время какъ смертность *до* 5 лѣтъ (т. е. до школьнаго возраста) у евреевъ меньше чѣмъ у христіанъ, въ первомъ школьномъ возрастѣ (отъ 5 до 10 лѣтъ) смертность у еврейскихъ дѣтей не только не меньше, но даже *почти въ два раза больше* чѣмъ у христіанскихъ,—

что авторъ и подтверждаетъ цифрами. Но большая часть питомцевъ хедера препровождается оттуда, конечно, не прямо на тотъ свѣтъ, «гдѣ нѣтъ ни горя, ни печали», а попадаетъ въ ту юдоль плача, гдѣ есть и горе, и печаль, и «черта осѣдлости», и нужда, и грязь, и бѣдность, и ожесточенная борьба за существованіе, т. е. за кусокъ черстваго хлѣба. Здѣсь-то и надламываются физическія силы еврея, здѣсь вырождается окончательно еврейскій физическій типъ... Послѣдствія же чрезмѣрнаго умственнаго напряженія въ юности даютъ себя потомъ чувствовать въ нервныхъ разстройствахъ и нерѣдко въ крайней ихъ формѣ—въ умопомѣшательствѣ, которое у евреевъ встрѣчается чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, причемъ преобладаетъ форма помѣшательства маніакальнаго, всегда тѣсно связаннаго съ чрезмѣрной мозговой дѣятельностью и часто—съ даровитостью и даже геніальностью.

Кромѣ упомянутыхъ факторовъ, на вырожденіе еврейскаго физическаго типа вліяютъ еще другого рода факторы, а именно: нѣкоторые народные обычаи, нравы и религіозные обряды. Въ числѣ такого рода обычаевъ первое мѣсто занимаютъ *браки между близкими родственниками*, весьма распространенные у евреевъ. Авторъ съ большой ясностью и логичностью доказываетъ, что кровные браки вредны не потому, что они составляютъ отдаленный видъ кровосмѣшенія и потому безнравственны: это—чисто религіозная точка зрѣнія, на которой медицина не можетъ стоять; браки эти не вредны также *сами по себѣ*, какъ объясняютъ метафизики медицины, ссылаясь на какую-то «сущность» въ образѣ «смѣшенія крови» etc., ибо «смѣшенія крови» на дѣлѣ не бываетъ, и выраженіе это—чисто-фигуральное. Единственная причина вредности кровныхъ браковъ заключается въ *законѣ наслѣдственности*, т. е. въ томъ научномъ фактѣ, что если оба родители обладаютъ какою нибудь физическою особенностью, то эта особенность проявляется въ ихъ потомствѣ въ сильнѣйшей еще степени. А такъ какъ евреи, согласно охарактеризованному выше народному физическому типу, обладаютъ преимущественно отрицательными физическими особенностями, то именно для нихъ кровные браки, предполагающіе сходственную организацію у брачущихся, имѣютъ особенно гибельныя послѣдствія.

Изъ числа прочихъ факторовъ, вліяющихъ на народное здоровье евреевъ, авторъ особенно внимательно останавливается на «одной крайне темной чертѣ еврейскаго быта»—на *неопрятности*. Авторъ посвящаетъ обширную главу—несоразмѣрную даже со всѣми прочими главами, по-

мѣщенными въ вышедшемъ выпускѣ—исторія развитія накожныхъ болѣзней у евреевъ. Мы не будемъ останавливаться на этой крайне интересной и отличающейся богатствомъ эрудиціи главѣ, къ которой и отсылаемъ любопытныхъ читателей, а перейдемъ прямо къ авторскому резюме, помѣщенному въ концѣ главы. Вотъ оно: «Накожныя болѣзни несомнѣнно распространены въ еврейскомъ народѣ въ сравнительно очень высокой степени... Но распространенность накожныхъ болѣзней среди евреевъ отнюдь пе зависитъ отъ какихъ либо *расовыхъ* особенностей евреевъ, но вызывается исключительно (внѣшними, *экономическими*) условіями еврейской жизни. Съ ухудшеніемъ матеріальнаго и умственнаго положенія евреевъ учащаются случаи заболѣванія накожными формами; съ улучшеніемъ жизненныхъ условій, народное здоровье евреевъ скоро значительно поправляется» (стр. 62). Итакъ, выводы добросовѣстнаго санитарнаго изслѣдованія совпадаютъ съ выводами добросовѣстной публицистики: и тѣ, и другіе приводятъ къ признанію необходимости самаго скораго и безотложнаго рѣшенія еврейскаго вопроса.

Искренно привѣтствуя полезный трудъ г. Грузенберга, мы позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы дальнѣйшіе его выпуски не замедлили выйти въ свѣтъ или—что было бы еще лучше—чтобъ авторъ выпустилъ въ свѣтъ весь свой трудъ за разъ и сдѣлалъ бы его въ большей степени, чѣмъ теперь *, достояніемъ читающей публики.

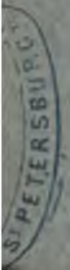
С. М.

* Если мы не ошибаемся, 1-й выпускъ труда г. Грузенберга появился въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не находится даже въ продажѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ST. PETERSBURG

Stanford University Libraries
3 6105 019 744 130